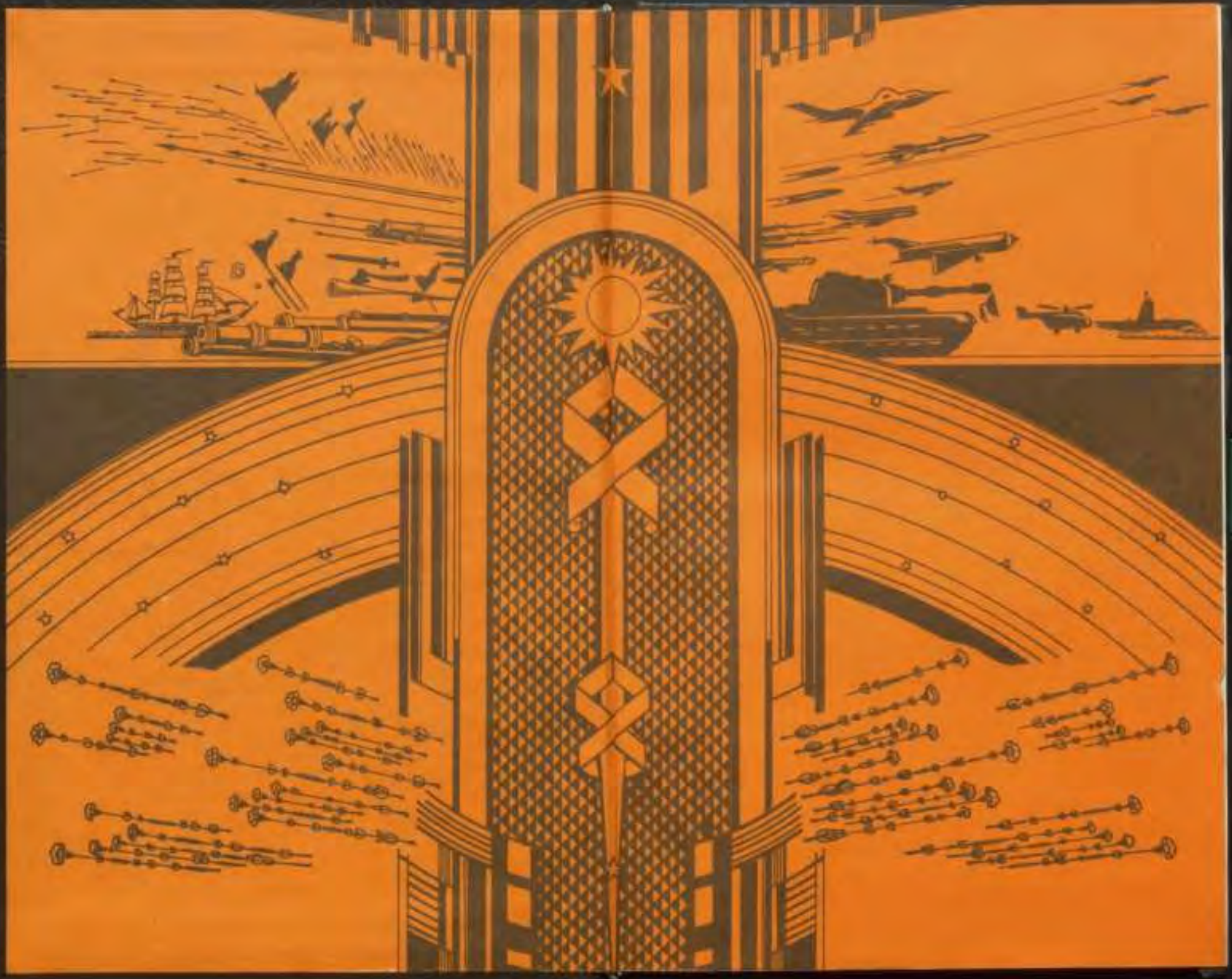
3B



В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Откуда мы родом?

кр

Ратные подвиги

ЭЗВ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ

КР 2008

том третий

ОБЛАСТНАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ОБЛАСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
ВЯТСКАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА

1995

м511366

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ:
А. М. МИХЕЕВ, В. А. НИКОНОВ, В. А. СИТНИКОВ,
Н. Г. ПРОТОПОПОВ, В. В. ВТЮРИН, А. А. ГОРЕВСКИЙ,
Н. В. ПОЛЯКОВ, А. Н. ЗОРИН, Ф. И. ЮШИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
В. А. СИТНИКОВ (председатель),
Н. И. ПЕРМИНОВА (заместитель),
О. М. ЛЮБОВИКОВ, А. В. РЕВА, В. А. БЕРДИНСКИХ,
А. Г. ТИНСКИЙ, С. П. КОКУРИНА, В. А. ПОЗДЕЕВ,
Г. Г. КИСЕЛЕВА, В. К. СЕМИБРАТОВ, А. Н. СОЛОВЬЕВ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ
Том 3. Ратные подвиги

Художник
А. М. КОЛЧАНОВ
Составитель и редактор
О. М. ЛЮБОВИКОВ

Архивные документы для тома, газетные и журнальные публикации подготовили: сотрудники областной научной библиотеки имени А. И. Герцена А. А. Марков, Е. В. Лобанова, Н. П. Гурьянова, научные сотрудники Государственного архива Кировской области Г. А. Земцова, А.В. Колотов, Е. Г. Комарова, М. С. Судовиков, Р. С. Шиляева; научные сотрудники Центра документации новейшей истории Кировской области А. П. Белобородова, Е. В. Мельников, Е. Н. Чудиновских.

Кировская
научная библиотека
им. А. И. Герцена

92+63.3 (2р-4КИ)
Э-68

ISBN 5-86645-008-9

РАТОБОРЦЫ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ

Русский народ во все периоды своей истории защищал родную землю, не жалея живота своего. Это в полной мере относится и к людям земли Вятской. В ратную летопись Родины они внесли достойный вклад.

Равно как история всех других событий народной жизни, военное прошлое пополняется новыми открытиями и изысканиями. Но уже то, что изучено и описано, свидетельствует об участии вятчан в войнах и военных конфликтах против иноземных захватчиков с давних времен.

Так, в 1471 году отряд ратоборцев с вятской земли совершил дерзкий поход. Он доплыл по рекам Вятке, Каме и Волге до столицы Золотой Орды — Сарая, нанес поражение татарам, овладел городом и, как утверждают историки, сорвал очередной поход на Москву. Отряд с богатыми трофеями удачно возвратился в свои края.

Известна решающая роль ополчения купца К. Минина и князя Д. Пожарского в разгроме и изгнании польских интервентов в 1612 году из Москвы. В рядах этого ополчения сражались и вятские ратники. Наши земляки были участниками русско-турецких войн XVIII—XIX веков, были среди тех, кто выступал в защиту братьев-украинцев, боролся за выход к Черному морю и освобождение Болгарии от османского ига.

В составе русской армии и ополчения воины вятской земли участвовали в Отечественной войне 1812 года против вторгшихся в Россию войск Наполеона. Разгром и изгнание с земли русской наполеоновской армии, лучшей в те годы армии, которая поработила Европу,

явились всенародным подвигом россиян. В этом подвиге есть отвага и мужество вятчан.

Именно в то время прославилась уроженка Вятской губернии Надежда Андреевна Дурова, прозванная «Кавалерист-девицей». Она служила офицером в кавалерии, некоторое время состояла ординарцем при Кутузове, была ранена, награждена Георгиевским крестом.

В строю бойцов Отечества всегда были наши земляки и в последующих войнах. В первой мировой войне их пали тысячи. Несмотря на то, что эта война по своим целям была чужда трудящимся России, их сыны, встав в строй, были верны воинскому долгу. Как позже рассказал вернувшийся с войны земляк, раненым попавший в плен к австрийцам, группа солдат, в которой был и мой отец, окруженная врагом в июле 1916 года в Карпатах, отказалась сдаться в плен; они сражались до последнего патрона и погибли.

Большой вклад вятчане внесли в защиту Родины — Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Более 600 тысяч кировчан приняли участие в ней, из них свыше 250 тысяч не вернулись с ее полей. Например, из двух соседних деревень Заречена и Малая Заречена Нагорского района, где я родился и рос, моих сверстников, а также на год-два старше и моложе, ушло на фронт 19 человек, а вернулось четверо.

О героизме наших земляков говорит тот факт, что около двухсот человек удостоились звания Героя Советского Союза. О воинском таланте вятчан свидетельствует то, что наша область — родина полководцев Маршалов Советского Союза И. С. Конева и Л. А. Говорова, Главного маршала авиации К. А. Вершинина и Маршала Советского Союза С. Л. Соколова, многих других военачальников, генералов.

Вот и я в далеком 1935 году, проработав после техникума в Вятке-Кирове два года на интересной работе, понял, что профессия офицера особо важна для страны и, твердо решив посвятить себя ей, добровольно поступил в Орловское бронетанковое училище. Календарных 56 лет 7 месяцев я прослужил в вооруженных силах, пройдя путь от курсанта до командующего

войсками округа, от рядового до генерала армии Участвовал в Великой Отечественной войне и двух локальных военных конфликтах, пять раз ранен, многократно награжден. Для меня боевые подвиги воинов, в том числе земляков, всегда служили примером. Нельзя не восхищаться и не брать в пример беззаветную службу и полководческое мастерство Ивана Степановича Конева, Маршала Советского Союза, с которым я впервые познакомился в 1956 году.

Надеюсь, что молодым читателям том «Ратные подвиги» поможет утвердиться в понимании важности и почетности нелегкой офицерской профессии и кто-то решит посвятить ей жизнь. Другие, кому по долгу гражданина придется пройти срочную службу, отнесутся к ратному делу ответственно и будут достойны воинской славы предков. И самое главное: во все времена высокое звание защитника Отечества наш народ уважал. Да будет так сегодня, завтра и всегда

Г. И. Обатуров,
генерал армии в отставке.

I. ПОХОД ВЯТЧАН НА САРАЙ 1471 ГОДА

Отряд вятских ратоборцев совершил успешный поход на столицу татаро-монгольской Золотой Орды — город Сарай

ВЗЯША ГРАД ЦАРЕВ САРАЙ

XV век, вторая половина. Н. М. Карамзин об этом времени в «Истории государства Российского» писал:

«Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие».

Год 1471. Вятская земля еще не присоединена к Московскому государству, это произойдет позднее, в 1489 году. Но уже крепнут исподволь связи, развивается согласие, прежде всего в борении с давним недругом — татаро-монголами. И в год означенный вятчане совершают дерзкий поход на столицу Золотой Орды — город Сарай. Древняя летопись свидетельствует:

«Идоша вятчане Камою на низ в Волгу в судех и шедше взяша град царев Сарай на Волзе, и множество татар изсекоша, жены их и дети в полон поимаша, и множество полону вземше возвратишася. Татарове же казанские перенявше их на Волзе; вятчане же бившеся с ними и проидоша здравы со всем полоном, и многие от обоих падоша ту».

И. ШИШКИН

ХЛЫНОВЦЫ

Иван Аникиевич присел на травку рядом с Юрьевым, сцепив колени большими, мосластыми руками. Оба молчали, глядели на розовые кружевные облака, нехотя ползущие по выцветшему, полуденному небу, на серебряную чешую реки, на рыбацкие лодки. Возле сапога воеводы не робея прыгала серенькая пичуга величиной чуть больше шмеля — сапог шевельнулся, но птаха и не подумала улететь. Из зеленой заросли, откуда тянуло сладимым духом гниющих трав, вдруг выпорхнула трепещущая стая мотыль-

ков-поденок. Наверху в кустах воробьи подняли из-за чего-то отчаянную драку. Юрьев сердито махнул на них рукой — непорядок кончился.

— Квас-то хорош у старика-то!.. — заговорил воевода. — Управитель мой берет у него. С какой-то травкой варит. С какой — не говорит.

— Он его варит на сорока травах.

— Сорок?.. Не много ли?.. На наших болотах столько ни одна ворожея не наберет.

— А он набирает!

Костя Юрьев жевал горькую былинку, сплевывал, сбоку посматривал на воеводу — не ловок хитрить Иван Аникиевич: подъехал будто ненароком, но — угадать не трудно — с умыслом, для ради большого, тяжкого, душа в душу уговора, при одном боге свидетеле...

— Сдавать я начал... Старость победу празднует. Аль печали-болезни на меня полезли! Не знаю... Вот бы, старик, мне такого кваску сварил, чтоб заиграло во мне... А?..

— Полно-ка, Аникеич! — усмехнулся Юрьев. — Ты еще такой старик — быка за хвост удержишь!

— Да нет... душа иссякла, ноет... Сны снятся. Раньше не снились, а ноне снятся. На той неделе привиделось, будто я от стаи разъяренных зайцев убегал. Право слово! Смеешься?.. Вот и моя Ильинишна смеется — в ужин, мол, жирного не ешь! А у меня на душе томно, дурно... И к чему эти зайцы? Ладно бы волки, а то... Тьфу! И голову по ночам будто обручем стягивает... И ничего мне не мило!..

Воевода помолчал, потом тяжко и горько пожаловался:

— Не любят воеводу у нас... Боярство, сам видишь, каждый сам себе умник, сам себе возлюбленный. Согласие дают тогда, когда им выгодно. Народ работный, посадчина, мужики волком глядят. Слыхал, что старик-то тут?

— Не... не прислушивался.

— Управлять народом нелегко. Всем не угодишь... Бывает и так — кому не помогает слово кротости, так и поленом по кости. Вот и обида! А ради себя ли это? Не ради ли Вятчины, самих людишек покоя я не знаю? Вот и ты, Юрьич, совсем откачнулся от градских дел...

— Откачнулся, — подтвердил Юрьич.

Помолчали. Поглядели на мир божий вокруг себя.

— А солнышко-то уж высоко! Мои окуни нагулялись, спать пошли под коряги. — Юрьич наклонился к воеводе, легонько потрепал по плечу. — Ты вот чего, Иван Аникеич... Ты не спроста подъехал ко мне и... давай-ка говори, что сердце гнетет?

— Есть! — твердо сказал воевода. — Есть! Так вот... Знаем мы, Костя, друг друга со младенчества. Одних вятских кровей, оба вятским хлебом вскормлены, водой этой вот вспоены... Знаю, отчину свою любишь преданно. И Хлынов чтит тебя, преклоняется...

— Погоди-ка! — остановил его Юрьев. — Эка, слов-то у тебя, Иван Аникеич. Преклоняется, чтит... Рядом с угодником меня ставишь. Не надо.

— На угодника ты не похож... — задушевно сказал Иван Аникиевич. — Однако воин! Вспомни-ка.. Не ты ли в Сарай ворота сам себе отворял?

Юрьев порозовел, со смущенной улыбкой отмахнулся рукой, отвел глаза от воеводы

— Было, да!. Молодое было времечко, горячее. Было, да быльем поросло!

..А было это годов тому десятка полтора назад. В ту пору, золотоордынский хан Ахмат, сговорившись с литовским крулем Казимиром, готовился к походу на Москву. Мудрая и страшная книга гаданий Фальнаме точно предрекала хану удачу в войне, хороший полон, обильную добычу И хан Ахмат был спокоен. Аллах велик, в победе не откажет

А на Вятке тем временем молодой воевода Константин Юрьев замыслил дерзкое, рискованное дело.

Орда была сильна, в военном деле искушена, и набегать на нее в одиночку никто из русских князей никогда не отваживался

А вот удальцы с Вятки решили отважиться

Воевода Юрьев, спокойный, сильный волей, в ратных делах прозорливый, хорошо продумал и рассудил тот необычный поход на столицу Орды

Дружина подобралась не робкая, не какие-нибудь отпетые сорви-головушки, что на нож голой грудью лезут, а бывалые, искушенные в боях вои.

Собрались скоро, без шума по городу. Проверили, осмолили ушкуи, отстояли положенное по бранному чину молебствие и на утренней зорьке отгребли от берега, напротив воротной кремлевской башни, и поплыли.

Плыли смирно. Стойбища малых народцев проходили не задевая и людей в них не видели. Предупрежденные своими охотниками жители стойбищ с семьями, с животами и богами уходили подальше в леса.

Вечерами, перед закатом солнца, подваливали где-либо к берегу и неводом в затонах ловили рыбу. В лесу били дичину.

Спустившись по Вятке, поплыли по Каме-реке, мимо улусов Казанского ханства шли без опаски. Казанцы хотя и недобро поглядывали с берегов на русские суда, но не тревожили — у Москвы с Казанью был мир.

Присмиревшая от большого тепла, несла на себе Волга-матушка ушкуйничков вяло, нехотя.

Столицу Орды увидели до рассвета. Сарай стоял темный, увядший в духоте горячей ночи. Ни дуновения ветерка, ни звука...

Тишина настораживала — то ли спят эти серые юрты, то ли притаились. Ордынец хитер как лис. Может, он уже выследил, угадал пришлецов, может, тут в узких, петляющих улочках, за углами, за оградами замер, изготовился ловкий, поворотливый, злой, вооруженный до зубов.

Воевода Юрьев долго вглядывался в неясные очертания незнакомого города, потом пустил туда двоих лазутчиков, знавших по-татарски. Ждали недолго. Дюжие ребята приволокли запеленутого в кошму ордынца. Седой, голый до пояса бабай на все вопросы толмача плевался и лязгал зубами. После первой вполсилы оплеухи он понял, что с этими светлобородыми шайтанами, вынырнувшими из омутов, надо вести себя хорошо.

И выяснилось, что великий хан нынче с ордой, спасаясь от жары, ночует в степи на вольном ветерке верстах в пятидесяти от города, а столицу оставил на малую часть стражей-батыров.

— Ну, господи благослови! — перекрестился Юрьев. — Сходи, братцы, не торопясь!

И вятские не торопясь сошли на берег. Встали тихо, ожидая знака воеводы. Воевода подал знак, и беззащитная столица непобедимой Орды огласилась страшным ревом, посвистом лешачьим, звоном железа...

Из кибиток выбегали неодетые, ошеломленные, слепые в панике, без ума поднимающие оружие — их тут и секли.

Двое-трое стражников, вырвавшись из побоища на конях, кинулись в степь, в кочевье хана.

К полудню все было кончено — вятчане стали хозяевами Сарая. На час, на два, до обеда — но хозяевами Сарая. В богатые жилища, украшенные рогами буйволов и конскими хвостами, они и входили по-хозяйски, запросто, как к себе в дом, добычу брали несуетливо, с выбором — то, что ценнее и легче. Грабили награбленное, отнятое, уворованное — отводили душеньку..

В жилье не задерживались. От войлочных стен, пропитанных от дождя и стужи салом и кобыльим молоком, несло тяжелым, кисло-сладким духом. Пограбив, рубили опоры шатров.

В полон вязали крепких мальчишек, красивых девушек.

В белой ханской ставке спасались от побоища перепуганные молодые ханши. Когда их брали, они — поджарые, гибкие — извивались в руках, кричали. Вятские ребята бережно окручивали их, как свивальниками, разззолоченными ханскими кушаками.

Пленников согнали спешно на берег, к ладьям.

Двух молоденьких жененок царя вселенной нес на руках ражий — косая сажень в плечах — ратник. Ему кричали:

— Грихно, эй!.. Полегше прижимай, изомнешь!.. Экой стоерос!..

— Ничо!.. Мышь копной не задавишь!

Ханша отбивалась.

— Собак... Кучук ит, э... пюфу!.. Поган урус!.. Тьфу Тьфу!..

Всю бороду оплевала.

Забрав своих ратников, раненных в сече, покидав в ладьи узлы и укладки с добычей, уходил вятский караван от берега Сарая, дымящегося в пепле, разоренного.

Хан Ахмат, узнавши о позоре, заревел, вырвал клок волос из бороды, переломил хребты своим дурным вестникам и немедля кинулся с войском вкруговую, на перехват налетчиков. В устье Камы орда устроила засаду. Но легкие, быстрые суденышки вятчан ушли от опасности.

И когда вышли на мирный простор своей реки, тут и, хлебнувши сырого, пьяного запаха с родных лесных берегов, вздохнули облегченно, во всю грудь.

Пленники освоились, осмелели. С ними обходились человечно — кормили ячменной кашей на коровьем масле с черствым ярушником, поили квасом, забавляли удалыми песнями...

Поставленный охранять ханских женок Грихно, скинув кафтан и, оставшись в белой чистой рубашке с красной обнизью, как-то, вроде ненароком, прижал одну из пленниц царских кровей. У той хрустнули косточки, в ушах зазвенели серьги с золотыми бубенчиками.

С задней ладьи ему молча погрозили кулаком.

— Ой, прости меня, милушка!.. Не поломал ли я тебе чего-нибудь? — огорчился парень. — Хотел от чиста сердца, ан не рассчитал... У нас на Вятке у девы от ласки ребра не трещат!

Ратник, который знал по-татарски, перевел. Ханша засмеялась, хитровато повела косым глазом на вятского багатура и часто-часто залопотала, сверкая крупными, иссиня-белыми зубами.

Плыли. Как-то в сумерках, уже на подходе к Хлынову, увидели на высоком берегу молодую лосиху с теленком. На чистом синем полотне неба, точно вырезанная из темной жести, стояла тонконогая красавица. Высокомерно подняв комолую голову, она провожала взглядом проплывающую внизу стаю судов, будто знатная хозяйка сих владений. Детеныш, раскорячив тонкие ноги, тянулся ей под брюхо.

Кто-то страшно свистнул. Лосиха дрогнула, сердито протрубила что-то по-своему и, не опуская гордой головы, скрылась, растворилась во мраке. Лосенок стрелой метнулся за матерью.

На рассвете в зябком, жидко-молочном тумане под тихие всплески весел медленно подплыли к Хлынову.

А хан Ахмат, вернувшись в Сарай, долго угрюмо глядел с коня на свою опустошенную, курившуюся дымом столицу. Ему не жалко было жен, угнанных в русский полон, — наберет новых, не хуже тех... Не жалел он и о побитых воинах — их у него тьмы тем, да подрастают еще молодые... И город поправится, отстроится. Прикажет — и лучше, неприступней будет. Грызла его сердце злая тоска-обида, горечь неудачи. Этот нежданно-негаданный удар по Сараю сорвал, сокрушил все его планы нападения на Москву.

Татарско-литовское нашествие опять принесло бы беды на Русь, славу Орде, ибо великий князь на ту пору занят был войной с Новгородом и вся его большая воинская сила находилась далеко от Москвы.

Шишкин И. А. Хлыновцы: Повесть.
Н. Новгород, 1990. С. 60—64.

А. ВЕРЕЩАГИН

ВОЕВОДА КОСТЯ ЮРЬЕВ (XV в.)

В древний период истории русской Вятки, до окончательнаго покорения ея Москвой (1489 г.), особенным почетом и славой пользовались здесь так называемые «вожи»: это были те отважные смельчаки, которые в мирное

время, пускаясь в далекие путешествия с той или другой целию, проникали иногда до Каспия, до Белаго моря, иногда далеко за «Камень» (Уральский хребет), внимательно осматривали проходимыя ими местности, а по возвращении домой делались руководителями и указателями «пути» для своих соотечественников в их, часто весьма далеких и удивительно-смелых, налетах за добычей. От знания «пути», ловкости, изворотливости таких «вожей» обыкновенно зависел главным образом счастливый исход вятских набегов, которые совершались большею частию незначительным числом смельчаков, но непременно — «изгоном», «искрадом», внезапно, и дали себя знать не только Москве[1], но и грозному еще тогда Сараю[2]. Из этих «вожей», смотря по относительной их опытности и умелости, избирались вятчанами для походов как вожди небольших отрядов — «ватаманы», так и главный предводитель — «воевода».

Звание и таланты «вожа» не редко переходили от отца к сыну, что и не удивительно, так как «вож», отправляясь с небольшим числом спутников напр. за соболем «за Камень», или за товарами востока «в землю татарскую», к берегам Каспия, обыкновенно, в числе спутников, брал с собою и сына, чтоб ознакомить его с «путями» тогдашней торговли и добычи. Яков Пугвин, славный «вож» средины XV века, «водивший» вятчан на Сысолу, Вымь и Вычегду, а потом бывший первым между тремя выборными «земскими воеводами» на Вятке[3], имел сына Константина; а этот «Костя Яковлев Пугвин», уже выселенный из Вятки в 1489 г., в свою очередь был «вожем» в 1499 г. в отряде кн. Семена Федоровича Курбскаго, во время похода последняго в землю Югорскую и на Гогуличей[4]. Тоже можно сказать о вятчанине XV века, прозванном «Мышкою» и его внуках. Прозвищ в древности, особенно на Вятке, без причины не давали; ими обыкновенно обозначали выдающуюся способность, черту характера, склонность человека. Если древние вятчане дали известному лицу прозвище «Мышки», навсегда оставшееся за ним и его сыном и внуками, то, конечно, хотели этим указать на необыкновенную юркость человека, уменье его «прошмыгнуть», проскользнуть незаметно там, где другие обыкновенно попадали в беду. У вожа с таким характерным прозвищем, жившаго приблизительно в конце XIV или в начале XV века, был сын Алексей и внуки «Оникей и Юрий Алексеевы Мышкина», которые, вместе с Яковом Пугвиным, в половине XV века были «воеводами земскими» на Вятке, и которым адресовано было столь известное послание митр. Ионы.

Может быть из рода Мышкиных и сыном воеводы Юрия Алексеева был и воевода Костя или Костяй Юрьев, громкая молва о котором в XV в.

---

[1] Особенно во время борьбы Василия Темнаго с дядей Юрием Димитриевичем Галицким и его детьми.

[2] Напр. в 1374 и 1471 гг. — Как незначительны были иногда числом отряды вятчан, отваживавшиеся на отчаянные набеги, видно из того, что напр. в 1436 г только 40 человек около Ярославля «искрадом» захватили в плен Ярославского князя Александра Федоровича с княгинею, находившихся под охраною 7000-ной рати, а в 1467 г. 120 вятчан ходили в землю Вогуличей и «князя вогульскаго Асыку на Вятку привели». (Архангелогор. летопись).

[3] Древние акты. Вятка, 1881. С. 8—9.

[4] МАМИД. Разрядная книга. № 131. С. 16—17.

пронеслась по всему Поволжью, и даже далее — от Сарая до Устюга и Москвы

В начале 1471 г. вятчане задумали одно из самых отважных своих предприятий. Не без подстрекательства может быть Москвы, где напрягали тогда все силы для борьбы с Новгородом и в то же время крайне опасались нападения со стороны Польскаго короля Казимира в союзе с Ахматом[5], ханом Сарайским, на Вятке решено было сделать внезапное нападение на самый Сарай, столицу хана. Правда Сарай, находившийся около и на месте нынешняго города Царева на Ахтубе, в 1471 году не представлял уже такой добычи, как сто лет тому назад — в XIV в., когда, по описанию Ибн-Батуты, он был одним «из лучших, величайших и многолюднейших городов, имел 13 одних соборных мечетей и множество других, прекрасные рынки и широкия улицы, на один объезд которых требовался целый день»; в 1395 г. он был сожжен Тамерланом, который захватил в плен его жителей и «гнал их перед собой как стадо». Но и после такой катастрофы Сарай продолжал свое существование, был зимним местопребыванием хана, и в нем еще в половине XV века били монету (при хане Мухаммеде[6]); следовательно и в 1471 г вятчане могли разсчитывать в нем на хорошую добычу и — особенно на большое число татарских женщин, составлявших тогда самый ходкий и богатый «товар» на вятском рынке... Но совершить счастливо набег на ханскую резиденцию, конечно, было не легко. Вятчане не могли же забыть, что в 1375 г целых 70 ушкуев с воеводою Прокофьем и всеми новгородскими ушкуйниками «погибоша вси до единаго» в Астрахани[7]. Для успеха тут приходилось разсчитывать не столько на множество охотников в походе, сколько на решительность и отвагу избранных смельчаков, на «прыткость», удивлявшую потом еще в 1552 г. рать Грознаго под Казанью, «вятских кораблецов», и внезапность налета, а особенно на знание места, опытность и изворотливость вожа-воеводы. Особенно важно было уловить момент для отважнаго нападения, когда бы нельзя было ожидать ожесточеннаго отпора со стороны многочисленнаго населения Сарая, и с другой стороны — не встретить в нем полной пустоты напр. в жаркое время года, когда все его жители, со всем скарбом, выезжали в степь на летнюю кочевку. План нападения на Сарай, не смотря на всю трудность его исполнения, был выполнен в 1471 г., выражаясь слогом нынешних реляций, «самым блистательным образом». Быстро спустившись по Вятке, Каме и Волге в Ахтубу, вятчане внезапно явились в Сарай как раз в то время, когда большая часть мужскаго населения оставила город (может быть — отыскивая лучшия места в степи для летней кочевки) и в городе оставались большею частию женщины и дети. Перебив неуспевших разбежаться татар, «ватаги» отчаянно-смелых «нукратцев»[8] разорили Сарай, захватив много товаров и драгоценностей, взяли в плен массу женщин, детей, даже «сарайских княгинь», и с огромною добычею поплыли домой. Как однако же ни быстро совершился сарайский погром, весть об этом быстро разлетелась по степи, и множество татар, на быстрых своих конях, упредили вятчан, которым приходилось плыть против течения: собрав на-скоро попавшия под руки

---

[5] Полн собр. рус. летописей. Т. VII. С. 226; Т. VIII. С. 3, 158.

[6] Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876. С. 267—268, 275—276, 321

Воскресенская, Никоновская и др. летописи под 6883 г.

[8] Татары называли Вятскую землю «Нукрат».

ладьи и суда, татары «загородили» путь вятчанам. Но и здесь помогла вятчанам находчивость их воеводы, их беззаветная удаль и особенно — уменье искусно управлять своими «кораблецами»: они счастливо пробились сквозь татар, которые не успели собрать, да и не имели вообще хороших судов, способных противостоять «вятским кораблецам», и притом как степняки, привычные более к коню, чем к ладье, не имели ни ловкости, ни сноровки в управлении своими судами. Точно так же, хотя и с значительным уроном, удалось пробиться вятчанам и сквозь суда татар казанских, которые хотели остановить их «под Казанью»[9], т. е. очевидно — при устье Камы.

Молва о разгроме Сарая, разумеется, не могла не распространиться по всей земле русской, и известие о нем мы находим во всех наиболее распространенных русских летописях[10]; но в них, по обыкновению, не указывается имя вождя, разгромившаго Сарай. Только летописец Архангелогородский, очень интересовавшийся судьбою древней Вятки, сохранил нам имя вятскаго воеводы: это был именно Костя Юрьев.

В 1486 г. этому же воеводе пришлось идти в поход уже совершенно в противоположную сторону — на север. Вражда между Устюгом и Вяткой, начавшаяся едва ли не с 1418 г., после погибели на Вятке многих устюжан вместе с Анфалом, часто вызывала в XV в. внезапные набеги вятчан на Устюжскую землю. В 1486 г. в марте вятчане сделали было нападение на Устюжския земли, но не совсем удачно, так как «весть ушла перед ними», т. е. устюжане были предупреждены известием о нападении и приняли меры к отпору. Тогда решили на Вятке сделать новый набег на Устюг в мае, и выбрали в воеводы Костю Юрьева. Но Костя был сторонник Москвы, которой тогда принадлежал уже Устюг, и принужден был идти в поход вопреки своему желанию — «в неволю», как говорит летописец. Пошли, разумеется, «изгоном», т.е. так быстро и стремительно, чтобы застать устюжан врасплох и напасть на них внезапно. Но в Устюжской земле, по направлению к Вятке, находился уже целый ряд укреплений, имевших назначением задерживать набеги вятчан; по крайней мере, по документам конца XVI и начала XVII в., известны были уже следующие «городки», тянувшиеся по р. Югу, от его верховья, к Устюгу: 1) Хорозин — приблизительно в 200 верстах от Великаго Устюга, 2) Березово — в 20 в. от Хорозина, 3) Кичменской — в 50 в. ниже Березова, 4) Сосновец — в 40 в. ниже Кичменскаго, 5) Осиновец — в 50 в. ниже Сосновца, 6) Орлов — в 40 в. ниже Осиновца и в 40 в. от Устюга Великаго[11]. Миновав прочия укрепления, вятчане в Троицын день (14 мая) явились под Осиновцем[12]; но жители «городка» успели запереться в нем, а вятчане перед городком «стали обедать». Во время обеда воевода объявил, что сына его Торопа трясет лихорадка, больной просит «сосноваго соку», и надо добыть этого соку для больнаго в лесу. Ведя сына одной рукою, с топором в другой, воевода пошел в лес и... но мы лучше предоставим здесь разсказ об удивительном событии под Осиновцем самому Архангелогородскому летописцу, который ведет

---

[9] Как говорится в некоторых летописях.

[10] Полн. собр. рус. летописей. Т IV С 133; Т VI. С 193; Т VIII С. 168

[11] Книга Большему Чертежу. Изд. Языкова. С 209

[12] Вероятно, недалеко от нынешней Подосиновской пристани на р. Юг, находящейся в 76 в. от В.-Устюга.

разсказ весьма интересно. Когда вятчане, говорит он, «стали обедать, в ту пору сына воеводы Торопа Иван — Трясца поимал, захотел он соку сосноваго, а воевода Костя сам с ним пошел в лес, взем топор, и дошед по лесу... рать покинул, и с сыном в город Осиновец утекл... И Осиновляне на коленях отпустили его со многими людьми на подводах к Москве. А после обеда «вятчаня хватилися, оже воеводы нет, утекл... И они возмялись, начаша к городу приступати, чаючи (воеводу) в городе. Осиновляне же им правду сказаша, что воевода их к великому князю побег в Москву. И вятчане на ту ночь и побегоша к Вятке»...

Само собою разумеется, что великий князь принял вятскаго воеводу благосклонно и, как пишет летописец, «его пожаловал»[13]. Действительно, из «межевой грамоты Иоанна III на данные сыну его Юрию города Дмитров, Рузу и Звенигород», писанной около 1504 года[14], мы узнаем, что в Звенигородском уезде были земли, принадлежавшия Костяю Вятчанинову, вероятно, «пожалованныя» ему великим князем. Ему принадлежало между прочим сельцо Таганицинское, а рядом с ним были земли Слепцовых и Тоболиных, из которых Борис Слепец был верным слугою Иоанна III, а Борис Тоболин в 1436 г. взял в плен князя Василия Косого — врага Василия Темнаго.

Из других источников узнаем, что у нашего вятскаго воеводы, кроме сына Торопа, был еще пасынок Васюк, умерший в 1501 году в Крыму[15]. Может быть к потомкам же Костяя Вятчанинова следует отнести дьяка Афанасия Костяева и стрелецкаго голову Осипа Костяева, упоминаемых в «Исторических Актах» (III, 105 и IV, 200), изданных Археографическою Комиссией

Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 289—294.

---

[13] Архангелогор. лет (изд. 1819 г.). С. 193.

[14] Собр. гос. грамот и договоров. Т I. С. 360, 361

[15] Сборник Рус. ист. общества. Т 41. С. 409.

II. ПОЛЬСКАЯ И ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Правительства Речи Посполитой и Швеции стремились расчленить Россию и ликвидировать ее государственную самостоятельность путем вмешательства в ее внутренние дела (поддержка Польшей Лжедимитрия I и Лжедимитрия II и Швецией В. Шуйского) и военной интервенции. Польские войска заняли Смоленск, Чернигов, Москву, шведские — Корёлу, Ивангород, Орешек и Новгород. Переломным моментом в войне стало формирование в Нижнем Новгороде народного ополчения под руководством Минина и Пожарского, освободившего 12 октября 1612 г. Москву от польских интервентов. Военные действия прекратились после заключения Столбовского мира между Россией и Швецией в 1617 г. и Деулинского перемирия 1618 г. между Россией и Речью Посполитой.

Л. СПАССКАЯ

В СМУТНЫЕ ГОДЫ

Вятский воевода, князь Михаил Федорович Ухтомский, был человек умный, твердый, верный присяге и осмотрительный. Он был знаком и с военным искусством и участвовал в боях. При Годунове Ухтомский послан был в 1605 г. под Кромы в головах с сотнею пешехонцев да костромичей, как это видно из разрядных записей. (Белокуров стр. 3). Все время хранил он неизменно верность Шуйскому и делал все, что от него зависило, для поддержания порядка в Вятском крае и защиты Вятки от «воровских полков». Разведочное дело было им прекрасно организовано: он поддерживал постоянныя сношения с соседними областями и всегда был, так сказать, в курсе событий. Не располагая достаточной ратной силой, чтобы перейти в наступление на мятежников, он, как мы увидим ниже, неоднократно просил подкрепления у Перми и Казани, и если бы получил достаточно ратных людей своевременно, то мог бы отбросить воровския скопища от вятских пределов; но соседи не оказали ему помощи, почему действия вятчан, принужденных разсчитывать лишь на свои силы, носили характер выжидательный и нерешительный... Внутренний порядок на Вятке держался стойко, дела шли обычной чередой, и повинности выполнялись как и в спокойное время. В январе 1609 года были потребованы, как обыкновенно,

Кн... научная библиотека им. А. И. Герцена
m 511366

с Вятки, Перми, Устюга и Сольвычегодска сибирские хлебные запасы и плотники для отсылки в Верхотурье, но, по случаю неспокойнаго времени, было приказано каждому человеку иметь на возу «лук да стрелы, да по топору, да по рогатине»[1] — предосторожность нелишняя.

МЕЖДУЦАРСТВИЕ, НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА И ИЗБРАНИЕ В ЦАРИ МИХАИЛА РОМАНОВА

Но чем тяжелее и безвыходнее казалось положение русской земли, тем сильнее жаждал народ выхода из него, тем яснее сознавал, что надо всем пожертвовать, ничего не пожалеть, не остановиться ни перед какой трудностью и громадностью жертв общественных и частных, но спасти веру и родину общими напряженными усилиями. Как светлый луч среди тьмы, всех влек к себе патриарх Гермоген, прямой, бодрый, непоколебимый, не страшащийся никого и ничего. Напрасно его заточили поляки и их русские прислужники, зов его раздавался по Руси, проходил чрез все замки и запоры, и призывал на защиту православия и русской земли. И заточенный, он, через проникавших к нему верных людей, знал все, что происходит в государстве, зорко видел каждую опасность и указывал на нее русским людям.

Узнал Гермоген и о замыслах Заруцкаго посадить на царство Воренка, сына Марины, и ужаснулся. Немедленно полетели его грамоты в Нижний Новгород, жители котораго всегда крепко стояли против Вора и отбивали не раз приступы мятежников. Два нижегородца Родион Мосеев и Ратман или Роман Пахомов постоянно ходили из Нижняго в Москву, к патриарху и обратно, и чрез них Гермоген всегда был в сношениях с жителями Нижняго.

В августе 1611 года получили они от патриарха такую грамоту:

«Благословение Архимандритом и игуменом, и протопопом и всему Святому собору, и воеводам и дьяком, и дворяном и детем боярским и всему миру от патриарха Ермогена Московскаго и всея Руссии мир вам и прощение и разрешение.

Да писать бы вам из Нижняго в Казань к митрополиту Ефрему, чтоб митрополит писал в полки к боярам учительную грамоту, да и казацкому войску, чтоб они стояли крепко о вере, да и бояром бы говорили и атаманем безстрашно, чтоб они отнюдь на Царство проклятаго Маринки паньина сына не благословляли, и на Вологду ко властем пишите ж, также бы ни писали в полки, да к Рязанскому пишите тож, чтобы в полки так же писал к бояром учительную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму, и имели бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы как реклись души свои положити за Пречистыя дом и за чудотворцев и за веру, так бы и совершили. Да и во все городы пишите, чтоб из городов писали в полки к бояром и атаманем, что отнюдь Маринкин на Царство ненадобен. Проклят от Святого Собору и от нас.

---

[1] Древние акты. Вятка, 1881. С. 60—61.

Да те бы вам грамоты с городов собрати к себе в Нижней Новгород, да прислати в полки к бояром и атаманем, а прислати прежних же, коих естя присылали ко мне с советными челобитными безстрашных людей свияжанина Родиона Моисеева, да Ратмана Пахомова; а им бы в полкех говорити безстрашно, что проклятый отнюдь ненадобе, а хотя буди и постражете, и вам в том Бог простит и разрешит в сем веце и в будущем; а в городы же для грамот посылати их же и велети им говорити моим словом. А вам всем от нас благословенье и разрешенье в сем веце и в будущем, что стоите за веру неподвижно, а яз должен за вас Бога молить»[1].

* * *

Грамота эта в Нижнем упала на подготовленную почву. Когда, после ея прочтения, земский староста Козьма Минин сказал собравшемуся народу сильную, горячую речь, призывающую пожертвовать всем достоянием и жизнью для спасения отечества, нижегородцы единодушно отозвались на его призыв. Минин убеждал ополчаться немедленно: «продадим дома, заложим жен и детей, — соберем казну на жалованье ратным людям», говорил он. Стали жертвовать щедро: отдавали третью деньгу, т. е. третью часть всего имущества о чем постановили приговор. Минин сам показывал пример, отдав третью часть своих средств. Он был человек зажиточный и занимался торговлею мясом. В Нижнем уважали Минина за честность и разумность. Но был у него и недоброжелатель, стряпчий Иван Биркин, некогда служивший Тушинскому Вору и не сочувствовавший идее освобождения родины; как влиятельный в Нижнем человек Биркин много тормозил общее дело.

Когда сбор средств на войско был организован, то в предводители, по совету Минина, выбран был князь Димитрий Пожарский, уже показавший свое рвение в деле очищения Руси от поляков, и один из первых отозвавшийся на призыв В. Ляпунова. Сильно израненый поляками в битве с ними, когда они жгли Москву, Пожарский еще не поправился. Он уже уехал из Троицкаго монастыря и лечился от ран в своей вотчине, селе Мутрееве. Не смотря на болезнь, он согласился быть воеводою новаго ополчения с условием, чтобы ему дали вернаго человека для заведования сбором казны и довольствием ратных людей, и сам рекомендовал Минина.

Энтузиазм народа поддерживали грамоты Троицко-Сергиевой лавры, ея известнаго доблестнаго архимандрита Дионисия, котораго любил и ценил патриарх Гермоген, и келаря Авраамия Палицына. В красноречивых и трогательных выражениях иноки описывали бедственное положение народа и опасности, грозящия православной вере, и призывали всех людей встать поголовно для спасения веры и отечества. Народ умилялся, читая грамоты, и чувствовал необходимость объединения на общее дело.

Организация ополчения с таким предводителем, как князь Пожарский, и таким честным, практическим и самоотверженным деятелем, как излюбленный земский человек при нем — Минин, сразу стала на твердую почву. Во все города посылались из Нижняго грамоты, приглашавшия присоединяться к нижегородцам.

---

[1] Сборник Нижегор. Арх. Ком. Т. II. Памятн. ист. Нижег. двюк. С. 120; Собрание государственных грамот. Ч. 2, № 268.

Послания эти по городам всенародно читались и обсуждались; постановлялись приговоры о помощи нижегородцам деньгами, ратными людьми и запасами, т. к. в Нижнем ощущался недостаток в денежной казне, порохе и свинце, необходимых для войска. В Нижний съезжались выборные люди для обсуждения общаго дела, и сходились земския ополчения от городов. Раньше всех примкнули к движению испомещенные в Арзамасском и Ярославском уездах смоленцы, дорогобужцы и вяземцы, выгнанные Заруцким из своих новых поместьев; затем пришли ополчения из Рязани и Украинских городов, пришли и добрые (не воровские) казаки и стрельцы московские, сидевшие в осаде с Шуйским. Всех устраивали, довольствовали и снабжали необходимым — ратные люди были довольны, ополчение росло быстро.

* * *

Взятие Москвы должно было сопровождаться немедленным выбором царя, но нельзя было заняться этим великим делом, т. к. Сигизмунд выступил в поход на Москву и уже дошел до Волоколамска; три раза приступал он к городу, но все три раза был отбит и наконец ушел обратно. Тогда только наступил удобный момент для собрания избирателей и поехали со всех концов Русской земли выборные от городов в Москву. Так закончился 1612 год, а в январе 1613 года «лучшие земские люди» были уже в Москве.

* * *

На этот раз и вятчане участвовали в общем деле всей Русской земли, и послали своих представителей на великий земский собор: под грамотой об избрании на царство Михаила Феодоровича Романова значатся на обоих экземплярах* следующия подписи вятчан:

С Вятки выборной Успенского монастыря архимандрит Иона.

С Вятки выборной Богоявленской протопоп Павел

С Вятки поп Игнатей

С Вятки посатцкой человек Путилко

и в товарыщев своих выборных людей место руку приложил**.

Хоть только четверо вятских выборных подписалось под грамотой, но вероятно их было 10 чел., как и представителей других городов, но некоторые поручили вместо себя расписаться Путилке, неизвестно, — по безграмотности или из скромности, по своему незначительному положению в обществе.

* * *

Сохранилась «память» о постройке плавных стругов на Вятке и о сборе с вятчан ратных людей.

Память дана была Сергею Москотиньеву и заключала в себе следующия требованья:

---

* Избирательная грамота написана была в двух экземплярах и все подписи членов собора сделаны были на обоих.

** Белокуров. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 89, 91.

«Лета 7122 (1614) апреля в 2 день, по государеву цареву и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русии указу, память Сергею Москотиньеву. Ехати ему на Вятку, для того: по государеву указу, велено быти на государеве в службе, в плавной, с боярином и воеводами со князем Иваном Никитичем Одоевским, да с околничьим и воеводою с Семеном Васильевичем Головиным, да с дьяком с Васильем Юдиным, с Вятки ратным людем трем стам человеком; да велено на Вятке для государевы плавные службы сделати сто стругов, а послан из Казани для тех судов на Вятку Дмитрей Голохвастов. И Сергею, приехав на Вятку, отдати от боярина и воевод князя Ивана Никитича с товарыщи, дьяку Ивану Поздееву да Федору Резанцову отписку, и говорити им, чтоб они собрали на Вятке ратных людей триста человек тотчас с вогненным и лучным боем, и рогатины б у них с прапоры были; а были б ратные люди молоды и резвы, и из пищалей бы стрелять были горазды, а старых бы и недорослей в них небыло. А как на Вятке ратных людей соберут, и Сергею с теми ратными людми ехати в Казань тотчас со льдом вместе, а Дмитрею Голохвастову с стругами велети ехати в Казань тот же час не мешкая, чтоб за тем государеве службе мотчанья бы не было; а будет для тех ратных людей прислан сборщик с Москвы, и он бы ехал с теми ратными людьми в Казань тот же час с ними вместе. А не пришлют с Вятки ратных людей вскоре, по государеву указу, всех сполна, а государеве службе учинитца за ними мотчанье, и вятчан пошлют из прогонов и пеню им учинят по государеву указу.

В сей памяти бояре и воеводы князь Иван Никитич Одоевский да околничей Семен Васильевич Головин печати свои приложили»[1].

В некоторых городах и в том числе и в Вятке не могли найти стругов, в других не могли собрать детей боярских, т. ч. воевода в мае посылал нарочных на счет неисправных городов. Во многих городах недоставало оружия, а в Царевосанчурске его совсем не оказалось...[2] Из Астрахани неслись слухи, что Заруцкий собирается под Самару и Казань, и Одоевский поспешил под Астрахань, чтобы не выпустить оттуда Заруцкаго; но, прибыв в Астрахань 1-го июня, Одоевский уже не нашел там Заруцкаго, от котораго отложились и Астрахань и Терский край, пославший на него отряд стрельцов под начальством головы Хохлова. Этот Хохлов и заставил Заруцкаго с Мариной и ея сыном бежать из Астрахани. После неудачной попытки искать спасения на Каспийском море, беглецы бросились на Яик, но Одоевский послал туда за ними стрелецких голов, Онучина и Пальчикова. Беглецов выследили в шайке воровских казаков с атаманом Треней Усом. Треня забрал над Заруцким и Мариною какую то власть и даже ея сына держал у себя. Когда стрельцы окружили воров, то они связали Заруцкаго и Марину с сыном и выдали Онучину и Пальчикову 25 июня 1614 года... Пленники были доставлены в Москву. Здесь Заруцкаго посадили на кол, несчастнаго Воренка повесили, а Марину заключили в тюрьму, где она и умерла по русским известиям от болезни и горя, а по польским — от руки палача.

С уничтожением Заруцкаго и Марины с сыном смута была оконча-

---

[1] Русская историческая библиотека. Т. 2. С. 334—335.

[2] Костомаров Н. И. Собр. соч. Кн. 2. СПб. 1904. С. 631, примеч.

тельно подавлена, оставалось очистить государство от казацких и разбойничьих шаек, что и совершилось постепенно. Главнаго разбойничьяго атамана, казака Баловня, прославившагося мучительством и жестокостью, удалось уничтожить в том же 1614 году[1].

Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 1—2. С. 286—314.

А. ЭММАУССКИЙ

УЧАСТИЕ ВЯТЧАН В БОРЬБЕ С ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Тем временем, к весне 1611 г. организовалось первое ополчение против поляков во главе с Ляпуновым, Трубецким и Заруцким, которое уже в апреле осадило в Москве польский гарнизон. Из-за отсутствия источников трудно судить, участвовали ли вятчане в этом ополчении. По некоторым данным можно, однако, высказать предположение, что вятские ратные люди были в этом ополчении и сражались под Москвой с поляками. Прежде всего к ополчению 1611 г. присоединился известный нам воевода П. И. Мансуров, который сражался вместе с Ухтомским против яранских тушинцев. После взятия Яранска он с войсками ушел в Галич и оттуда продвинулся к Москве. Вполне вероятно, что в отряде Мансурова было немало вятских ратных людей. Кроме того, как указывает Платонов, к первому ополчению присоединились участники движения 1608—1610 годов, входившие в свое время в войско Скопина-Шуйского[2] Присутствие же в этом войске вятских отрядов является несомненным.

Наконец, к ополчению 1611 г. присоединился казанский воевода В. П. Морозов, который с большим отрядом, собранным в Казани, Свияжске и «казанских пригородах», подошел летом 1611 г. к Москве, правда, уже после убийства Ляпунова, и остался с казаками осаждать Москву. В отряде Морозова также имелись вятчане, которых в то время много было в Казани, о чем можно судить хотя бы по тому, что, обмениваясь грамотами с Вяткой, казанские правители обычно в качестве гонцов и своих представителей посылали в Хлынов вятчан вместе с казанцами. Так, например, крестоцеловальную грамоту из Казани привезли на Вятку 4 казанца и «вятчанин Калина Третьяков сын Балезин». Одну из отписок из Казани в Хлынов от 1 марта 1609 г. привез также вятчанин Денис Хозя[3]. Все это свидетельствует о том, что вятские люди участвовали в ополчении 1611 г.

Но это первое ополчение не достигло своей цели. Настоящий массовый патриотический подъем начался лишь с того момента, когда из Нижнего Новгорода раздался мощный призыв Козьмы Захаровича Минина, горячего патриота своего времени[4] По почину Минина создалось Нижего-

---

[1] Соловьев С. М. История России. Т. 9. М., 1880. С. 32—33.

[2] Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты. М., 1937. С. 374—375.

[3] Древние акты. Вятка, 1881. С. 100—101.

[4] Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946 С. 40

родское ополчение. Оно возникло тогда, когда русское государство находилось на краю гибели, когда русский народ, а вместе с ним и все многочисленные народности России становились колониальными рабами польских панов. Нижегородское ополчение поднялось на защиту родины, и за ним пошел весь русский народ, видевший в освобождении Москвы от поляков, в изгнании польских интервентов из России свое великое национальное дело.

В этой борьбе за родину, за Москву, за очищение русской земли от польских интервентов приняла активное участие и Вятка. К сожалению, наши источники совершенно не освещают этого участия, и мы не знаем деталей той работы, которая была проведена на Вятке по подготовке и снаряжению вятского отряда в ополчение и по сбору денежных средств и всяких натуральных запасов для содержания ополченцев. Однако, несомненно, что народные массы Вятки, как и остальные русские люди, мужественно и решительно поднялись и пошли за Мининым и Пожарским под Москву бороться за родину.

Вятка присоединилась к Нижегородскому ополчению одной из первых, когда по приглашению Минина в Нижний Новгород прибыл великий полководец Дмитрий Михайлович Пожарский, который обратился с грамотами во все города, призывая их к объединению и борьбе с поляками. В одной из этих грамот говорится: «Но теперь мы Нижняго-Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное разоренье, прося у бога милости, идем все головами своими на помощь Московскому государству; да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса Смольняне, Дорогобужане и **Вятчане** и других многих городов дворяне и дети боярския, и мы, всякие люди Нижняго-Новгорода, посоветовавшись между собою, приговорили: животы свои и домы с ними разделить, жалование им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству»[1].

Из этой грамоты видно, что вятчане приехали в Нижний Новгород еще до выступления ополчения в поход на поляков. Новые отряды вятчан подошли, когда ополчение уже находилось в Костроме и Ярославле, куда прибыли, как известно, многочисленные отряды Поморских городов, в том числе и Вятки. В Ярославль же прибыл из-под Москвы боярин Морозов со своим отрядом, в котором, вероятно, также были вятчане. В общем, вятских ратных людей собралось в ополчении Минина и Пожарского достаточно много, и они выполнили свой долг перед родиной, ликвидируя польскую интервенцию и изгоняя из Москвы наглых захватчиков. В конце июля 1612 г Пожарский и Минин выступили со всем ополчением из Ярославля к Москве. Необходимо было спешить, так как польский король Сигизмунд III к тому времени сформировал сильный отряд и отправил его в Москву на

---

[1] Соловьев С. М. История России. Кн. II. С. 1012. Подчеркнуто нами. Следует отметить, что в другой аналогичной грамоте, посланной в Вологду, вятчане не упомянуты, а в соответствующем месте указаны вязьмичи (см. Сборник Ниж. Арх. Комиссии. Т. XI. С. 160). Но, по-видимому, С. М. Соловьев пользовался не этим экземпляром и, конечно, не мог ошибиться и смешать вятчан с вязьмичами. Поэтому мы, вслед за С. М. Соловьевым, считаем, что вятчане уже одними из первых, вместе с смольнянами и дорогобужанами примкнули к нижегородцам.

помощь сидевшим там полякам. Отрядом командовал гетман Ходкевич. Основная задача русского народного ополчения заключалась в том, чтобы не допустить Ходкевича в Москву, так как, в противном случае, сидевшие в Москве поляки, получив подкрепление, боеприпасы и продовольствие, могли настолько усилиться, что их трудно было бы выбить из Москвы.

Народное ополчение успешно решило эту задачу. Оно подошло к Москве 20 августа на несколько часов раньше отряда Ходкевича. Настал момент, когда должна была решиться участь Москвы, а вместе с ней и всей России. Каждый русский воин понимал, что в борьбе с поляками под Москвой народное ополчение должно было победить, иначе русский народ потеряет свою национальную самостоятельность и Россия станет феодальным владением Речи Посполитой. Все русские ополченцы, в том числе и вятчане, готовы были сражаться с поляками до последней капли крови.

Сражение под Москвой началось 22 августа и длилось три дня. Охваченные патриотическим порывом, русские сражались упорно и самоотверженно. Вожди ополчения Козьма Минин и Дмитрий Пожарский талантливо руководили битвой. Остатки первого ополчения, находившиеся под Москвой еще с лета 1611 г. и состоявшие из отрядов казаков, возглавляемых Дмитрием Трубецким, первоначально не принимали участия в сражении, так как Трубецкой враждебно относился к народному ополчению Минина и Пожарского и не хотел соединиться с ним. Но в решительный момент битвы казаки, вопреки приказам Трубецкого, бросились в бой и тем самым подкрепили силы народного ополчения. Ходкевич был разбит наголову и с остатками своих войск поспешно бежал из-под Москвы на запад.

Блестящая победа, одержанная народным ополчением под руководством Пожарского и Минина над польскими войсками, предопределила участь не только польских захватчиков, сидевших в Москве, но и всей интервенции. Ополчение начало осаду Кремля и Китай-города. Поляки все еще надеялись на помощь своего короля и держались упорно. Но Сигизмунд III за время интервенции 1609—1612 годов исчерпал свои силы и не мог уже набрать достаточно войск, чтобы пойти на выручку своего гарнизона в Москве. Тем временем Пожарский и Минин совместно с Трубецким подготовили все необходимое для штурма Москвы. Штурм состоялся 22 октября 1612 г. и закончился полной победой. Ополченцы взяли Китай-город и вплотную подошли к Кремлю. Сидевшие в Кремле поляки поняли свою обреченность и капитулировали 26 октября 1612 г. На следующий день русское ополчение во главе с Мининым, Пожарским и Трубецким торжественно вступило в Кремль под ликующие возгласы народа.

Польская интервенция была окончательно разгромлена, и Россия освободилась от угрозы со стороны польских панов. Вслед за этим была ликвидирована и шведская интервенция на Новгородской земле. Справедливая война, которую вел русский народ против польских и шведских захватчиков, окончилась полной победой русских людей и сражавшихся вместе с ними плечом к плечу народов русского государства. Тяжелая и длительная борьба с Польшей и Швецией сплотила народы России и способствовала дальнейшему укреплению и развитию русского государства. В эту борьбу известный положительный вклад внесло и население Вятской земли.

После изгнания поляков вятчане приняли участие и в работах

земского собора 1613 г. по избранию нового царя. Представителей Вятской земли на соборе было человек десять, из которых четверо подписались под избирательным списком «в товарищов своих место выборных людей». Это были: известный нам защитник Котельнича от польских интервентов и марийских повстанцев посадский человек Путило Рязанцев, пушкарь из г. Санчурска Пармен Афанасьев, архимандрит Хлыновского монастыря Иона и протопоп Хлыновского собора Павел.[1] Это были представители наиболее активизировавшихся на Вятке в период польской интервенции слоев общества: городских верхов, мелких служилых людей и духовенства.

Проследив участие Вятской земли в борьбе с польской интервенцией начала XVII в., мы видим, что вследствие специфических условий, в которых находилась Вятка, она была сравнительно мало затронута крестьянской войной, но приняла активное участие в борьбе с польскими интервентами, действовавшими среди поволжских народностей: мордвы, мари, чувашей, причем в этой борьбе Вятка играла роль передового форпоста русского государства. Будучи тесно связана с Поморскими городами, Пермью, Казанью и Нижним Новгородом, Вятская земля твердо стояла за единство русского государства, за самостоятельность России и вела активную борьбу с польскими интервентами и их агентами в лице самозванцев и русских изменников. Наконец, Вятская земля быстро откликнулась на призыв Минина и Пожарского и участвовала в освобождении Москвы от поляков. Своей стойкой борьбой с польской интервенцией вятчане заслужили почетное место среди деятелей и борцов начала XVII в., отстаивавших и отстоявших нашу родину от иностранного завоевания.

Эммаусский А. В. Очерк истории Вятской земли в XVI — начале XVII в. Киров, 1951. С. 68—71.

ПОЖЕРТВОВАНИЕ НА СООРУЖЕНИЕ ПАМЯТНИКА МИНИНУ И КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Вятский гражданский губернатор фон-Брадке получил циркуляр Министра Внутренних Дел от 22-го февраля 1809 года за № 811 следующаго содержания: вследствие объявления по Высочайшему повелению мною сделаннаго об открытии подписки на сооружение памятника гражданину Минину и князю Пожарскому в Нижнем Новгороде, по программе Адъюнкт-ректора Академии художеств Статскаго Советника Мартоса, Его Императорским Величеством утвержденной, я имею честь препроводить ныне к Вашему Превосходительству 10 выгравированных рисунков сему памятнику вместе с печатными экземплярами всеподданнейшаго доклада моего по сему предмету, с тем, чтоб Вы, Милостивый Государь мой, сделали оное известным в губернии, управлению Вашему вверенной.

Подписал Министр Внутренних Дел Куракин.

Означенное циркулярное предписание М.В.Д. губернатор передал на

[1] Древние акты. Вятка, 1881. С. 106.

разсмотрение Губернскаго Правления. Оно журналом своим, утвержденным 11 марта 1809 года, постановило: присланныя при предписании М.В.Д. 10 выгравированных рисунков памятника разослать по одному экземпляру каждаго в следующия места и лицам: в Вятскую градскую полицию, Слободскому, Орловскому, Сарапульскому и Яранскому городничим с предложением, чтобы они по получении сего без всякаго промедления показали оные рисунки и экземпляры Высочайшаго конфирмованнаго доклада М. В. Д. всем и каждому в ведомстве их живущим с подписками с предложением объявить в тех подписках сумму, кто сколько по собственному своему желанию на сооружение изображеннаго в помянутых рисунках памятника пожертвовать пожелает, и когда таким образом подписки от всех будут отобраны, получа пожертвованную сумму препроводили бы вместе с подписными листами гражданскому губернатору, а рисунки и экземпляры отослали бы в земские суды округ их, для равномернаго со стороны их как по округам, так равно Слободскому, Яранскому земским судам и по заштатным городам Каю и Царевосанчурску, а земские суды по таковом выполнении должны уже будут препроводить прямо от себя в прочие города городничим и земским судам, у коих не были рисунки и экземпляры Высочайше конфирмованнаго доклада М.В.Д. а пожертвованныя деньги отослали бы прямо от себя г. гражданскому губернатору.

Разосланные рисунки и экземпляры доклада М. В. Д. городничие и земские суды не замедлили показать жителям городов и уездов и предложить подписку. Население Вятской губернии отнеслось весьма сочувственно и начались значительные по тому времени пожертвования на сооружение памятника в Нижнем Новгороде великим избавителям отечества Минину и князю Пожарскому.

Из имеющихся в деле подписных листов, представленных городничими, видно, например, что по г. Слободскому было пожертвовано городничим Шепелевым 10 руб., уездным стряпчим Филипповым 5 руб., Алексеем Косаревым 5 р., Николаем Платуновым 5 р., всего 25 руб. ассигнациями; по г. Сарапулу полковым командиром войсковым старшиною Черевковым 25 руб., Сарапульским городничим коллежским советником Дуровым 25 руб., уездным судьею Кулебякиным 5 руб., губернским секретарем Борисом Бервухиным 5 руб. и другими лицами, всего представлено городничим Дуровым по г. Сарапулу 140 руб. ассигнациями; Орловским городничим было представлено пожертвований по подписным листам 73 р. 55 к.; по г. Вятке было пожертвовано старшим землемером Вятской межевой конторы Иваном Добровольским 5 руб., купцом Машковцевым 5 руб. и разными лицами от 25 к. до 5 руб., всего было 46 руб. 50 коп. Всего было собрано денег по Вятской губернии по 17 генваря 1810 года 2515 р. 7 $^1/_2$ коп., затем кроме того пожертвования поступали до 1813 года, но в менее значительном количестве.

Сообщил Д. Фаворский.

(Сведения взяты из дела Канцелярии Губернатора по 2-му отделению 1809 года № 6, об открытии подписки на сооружение памятника Минину и князю Пожарскому).

Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913.
Вып. 1—2. С. 47—49.

III. УЧАСТИЕ ВЯТЧАН В ВОЙНАХ XVIII ВЕКА

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА 1700—1721

Война России против Швеции за выход к Балтийскому морю. В результате побед русских войск в Полтавском, Выборском, Гангутском, Гренгамском сражениях был заключен Ништадский мирный договор, по которому России отошли Лифляндия, Эстландия, Ингерманландия и часть Карелии.

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1756—1763

Война России в союзе с Австрией и Францией против Пруссии. Русские войска, разбив прусскую армию в сражении при Гросс-Егерсдорфе (1757) и Кунерсдорфе (1759), заняли столицу Пруссии Берлин (1760). Россия вышла из войны после восшествия на престол Петра III, заключившего мир с Пруссией.

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ 1735—1739, 1768—1774, 1787—1791

Войны России с Турцией за выход к Черному морю и ликвидации угрозы южным границам России со стороны Крымского ханства. В результате блестящих побед русских полководцев П. А. Румянцева, Г. А. Потемкина, А. В. Суворова, флотоводца Ф. Ф. Ушакова, к России отошли Азов, Новороссия, Крым. Юго-западной границей России стала р. Днестр.

ИТАЛЬЯНСКИЙ И ШВЕЙЦАРСКИЙ ПОХОДЫ СУВОРОВА 1799

Боевые действия русско-австрийской армии под командованием А. В. Суворова против французских войск в Северной Италии и русской армии под командованием А. В. Суворова в Швейцарии.

Л. СПАССКАЯ

ВЯТСКИЙ КРАЙ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

С причислением вятскаго края к Сибирской губернии обязательные ежегодные сборы с Вятки доходов в казну получили более определенный характер. В присланном воеводе Траханиотову в июне 1710 г. указе сказано было, что «с Вятки надлежит быть во взятье всяких окладных и неокладных доходов 49513 р. 9 ал. полчетверты деньги», которые и велено высылать в Сибирский приказ каждый год сполна в три срока. Кроме того, с 1710 г. многия натуральныя повинности заменены были денежной, напр., вместо работных людей полагалось с Вятки 6790 р. в год, вместо лошадей 5621 р. 26 ал. 3 д., вместо правианту 10456 р. 20 ал.

Конечно, нелегко было собирать эти деньги с оскудевших вятчан и в мае 1710 г. Траханиотов доносил Царю: «по переписке моей явилось на Вятке на посаде и вятскаго уезду в разных станах пустоты многое число. А по сказке вятскаго уезду старожилов, которые были у переписи, что из тех дворов вышли в прошлых годах в разныя места, покиня свои тяглые жеребьи. И Твою, Вел. Государя, казну собирать мне, за великим оскудением, никоторым образом невозможно. И что Ты, Вел. Госуд., укажешь мне делать?». На это доношение последовал краткий ответ: «По Нашему, Вел. Гос., указу велено тебе, Нашему стольнику Степану Данилову, о тех беглецах по присланной от тебя росписи писать в губернии и для взятья их послать дворян».

Но Траханиотов и при таких неблагоприятных условиях ухитрялся удачно собирать повинности. За первую треть 1710 года он выслал в Сибирский приказ 18478 р. 28 ал., да кроме того еще в августе 10129 р., за что и получил Царскую милость, о которой рассказано выше.

Между тем сказались и плоды побед Петра над шведами: в феврале 1710 г. капитан Иван Свечин привел первую партию пленных шведов в Хлынов. В партии было 100 офицеров и 34 солдата. Но эти пленные только прибавили хлыновцам и вообще вятчанам массу новых неприятностей и хлопот. В Хлынове пленные шведы разставлены были на дворы посадских людей, а для караула их приставлены были из посадских по человеку, да еще по одному солдату на каждый двор. Все пленные размещены были в 47 дворах, которые находились на улицах Московской, Морозовской, Спенцинской, Воскресенской, Чернышева тож, Пятницкой, Седининской, Слободской, Березовской и Никитской, в кузницах и в 3-х избах земскаго двора. На наем этих дворов и на содержание при пленных караульных вятские пяти городов земские старосты с целовальниками и с выборными людьми приговорили давать по развытке со всех пяти городов с посадов и со станов с жилых дворов. По развытке досталось нанять со 100 дворов по двору, в том числе с Хлынова с посада с 500 дворов довелось нанять для пленных 5 дворов.

Пленники не обнаруживали ни малейшаго смирения и покорности своей судьбе, напротив, они отличались чрезвычайною наглостью. Какия безобразия и безчинства, нередко граничащия с преступлениями, они проделывали, видно из челобитных, которыя вятчане подавали воеводе Траха-

ниотову. Так, напр., один из караульных солдат, некто Козьмин, подал на шведскаго пленнаго капитана Стакельберга челобитную, в которой жаловался, что Стакельберг бьет его кулаком напрасно с наругательством и платье на нем дерет, и ежели ему мытню он топит, то разувать себя велит и на руках из мытни в избу носить. И за таким наругательством ему, солдату, заключает Козьмин, на карауле быть невозможно. В другой раз жаловался дьячек Воскресенской церкви Алексей Зеленин, что «был в доме своем во дворе и от соседа его Пушкарева полонянники капитан Келлер с товарищами, которые стоят на дворе Исупова, пришед к нему, Алексею, во двор и не ведомо с какого вымысла, взяв его, Алексея, били кулаками и через ограду его двора в огород к соседу Пушкареву перебросили и, перебросив, уволокли во двор и били всячески и волосы на голове повырывали». Подобныя выходки бывали неоднократно.

Воевода Траханиотов не раз доносил в Москву о всех таких безобразиях шведских пленников. Писал он, наприм., что «многие из полонянников с дворов своих самовольно уходят безвременно, и ночью по улицам ходят, и многим чинят обиды, и караульных бьют; также и на дворах, где они поставлены, тутошным жителям чинят великия обиды. Да они, полонянники, просят, чтобы им повадно письма писать к своим в Москву и караульным за ними ходить без фузей. А которые полонянники, — спрашивает Траханиотов, — учнут кого бить или самовольничать и обиды чинить, или по ночам ходить, то их за караул имать ли и что им чинить? А без Твоего, Вел. Гос., указу тех полонянников, я холоп Твой, смирять не смею. И о том, что Ты, Вел. Государь, укажешь?».

На это получен был ответ, чтобы шведских полонянников, которые будут чинить что противное, с дворов и изб до Нашего, Вел. Гос., указу выпускать и к ним никого пускать не велеть, а солдатам за ними ходить без фузей; а письма, которыя они будут писать к своим, велеть у них принимать на русском языке и за их руками присылать в Москву в Сибирский приказ.

Понятно, что один и притом безоружный солдат не мог ни в чем попрепятствовать находящимся под его надзором нескольким пленным и шведы продолжали безчинствовать. Наконец, впоследствии, когда караульные, не стерпя побоев и всяческих наругательств, стали бегать с караулов, а домохозяева жаловались, что их женам и дочерям нельзя от озорства полонянников выходить из домов на улицы и дворы, — тогда, наконец, приказано было тех шведов, которые будут чинить противства, заключать в тюрьму.

В конце того же 1710 г. некоторым вятчанам пришлось навсегда распроститься с родным краем. В декабре этого года Траханиотов получил такой указ: «По нашему, Вел. Гос., указу велено взять с Сибирской губернии с посадов и уездов к адмиралтейству и к городовым делам мастеровых людей 299 чел. и выслать их в С.-Петербург на вечное житье с женами и детьми, и определить их Нашим, Вел. Гос., жалованьем, а именно: деньгами по 12 руб., да на хлеб по 10 руб., итого по 22 рубля человеку. И по тому Нашему Именному указу, выслать с Вятки: резчиков 4-х челов., 1-го гончара, 1-го фонарщика, 1-го котельника, 1-го медника, 2-х черепичников, 1-го слесаря, 30 плотников и 50 каменщиков; а всего 91 человека и выслать их, вместе с провожатыми, с круговою друг по друге порукою, чтоб они, дорогой сдучи, не разбежались».

1710-м годом закончилась и служба Траханиотова на Вятке. В начале 1711 года стольник, Герасим Дмитриев Плещеев, послан был на Вятку для приема второй партии пленных шведов, переведенных в Сибирскую губернию из Азова и Воронежа, всего 10000 человек. Собственно на вятский край пришлось 1000 чел., из которых 500 назначено в Яранск и 500 в Кай-городок. Плещееву дан был такой наказ: «Послан ты на Вятку для приема швецких полонянников, швецкой разбитой армии драгун и солдат; а жалованье нижним чинам давать по 2 деньги на день, да по полосьмине провианта на месяц и чтоб были б они на работе».

В марте 1711 г. этот стольник, Герасим Дмитриевич Плещеев, был назначен Вятским воеводою вместо Траханиотова. По этому поводу Траханиотов получил от 22 марта такой указ: «Как ты сей указ получишь, и тебе б город, городовые ключи, и по городу снаряд, и всякую Вел. Гос. казну, и книги отдать стольнику, Герасиму Дмитриеву Плещееву, и по всем с ним, Герасимом, росписаться. А, отдав тот город ему, Герасиму, самому тебе ехать к Москве и, с своего наказу списав список за рукою, отдать ему, Герасиму, по чему ему тот город ведать и управлять всякия Вел. Государя дела».

Этим сведением и кончаются известия о событиях в вятском крае во время великой северной войны, содержащиеся в «Материалах для истории вятскаго края», помещенных в Вятских ведомостях за 1888 г., откуда мы их и извлекли*, сделавши выборки, расположив их в хронологическом порядке и приведя их в известную систему, так, чтобы они дали наглядную картину жизни нашего родного края в это тяжелое, но за то и славное, и достопамятное для России время.

Эта картина нам, людям XX века, кажется слишком мрачною, оставляя впечатление суровости и даже жестокости, но люди старой Руси иначе смотрели на жизнь. Наши предки не отдавались, подобно нам, впечатлениям момента, не жили лишь настоящим днем, а, напротив, смотрели вперед и, взвешивая неизбежныя последствия событий, умели выбирать меньшее из зол. Такую дальновидность проявлял еще в 1103 году мудрый Владимир Мономах, уговаривая князей русских выступить весною на половцев, терзавших своими набегами Русь. На возражения, что весенний поход оторвет земледельца от поля и разрушит его благосостояние, Мономах сказал: «говорят, что я хочу погубить и поселян, и пашни. Но вот что для меня удивительно: как вы их жалеете, а того не подумаете, что станет весною смерд пахать на своей лошади; а приедет вдруг половчанин, убьет смерда стрелою; лошадь его, жену и детей возьмет себе, да и гумно зажжет. Почему же об этом то вы не подумаете?» Эти правдивыя слова убедили всех, и весенний поход был решен... Подобныя же соображения побуждали и Петра Великаго требовать от своего народа громадных и тяжких, но необходимых жертв. Мы видели, каковы были шведы в положении побежденных и пленников и по этому можем без особаго труда вообразить их в роли победителей и завоевателей и не будем удивляться твердой решимости Петра сделать все, что в силах сделать человек, потребовать от народа чрезмернаго

* Примеч. Подлинных документов мы в руках не имели и потому неверность и неточность в чтении указов и челобитных, если бы таковыя вкрались, не можем принять на свою ответственность, мы же следовали той их редакции, которая напечатана бывш. преподавателем В. П. Юрьевым в «Вят. Губ. Вед»., в указанной его ст. «Материалов...».

напряжения и усилия, но отбросить от своих пределов сильнаго и опаснаго врага и добыть свободный выход для России в Европу.

Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. Вятка, 1909. С. 130—134.

Ф. ЕФРЕМОВ

ОПИСАНИЕ САМОГО СТРАНСТВОВАНИЯ, И ОТЧАСТИ ЖИЗНИ ПУТЕШЕСТВОВАТЕЛЯ

Уроженец я Вятской и сын Сергея Ефремова, секретаря тамошней духовной консистории[1], кипя ревностию и усердием к благосердной матери отечества нашего, вступил в воинскую службу и определен в 1763 г. в Нижнегородский пехотный полк, где и произведен капралом тогож года, каптенармусом 765, сержантом 769, а в 774[2] году в июне месяце командирован был на заставу Донгуз, так называемой дороге Илецкой защиты[3] с 20 человеками солдат и козаков и с I пушкою.

Путь нам был беспрепятствен, злоумышленников[4] в тогдашнее время в виду не было, почему и пришел я на показанный пост благополучно, где по препровождении нескольких ночей в спокойствии случилось с нами следующее: на утренней заре напала на нас ватага мятежников, состоявшая из 500 человек. Коль ни многочисленно было сие скопище, и коль ни дерзновенен был их побег, однако бодрость не оставляла нас при стычке, и мы задержали их напор и усилия их отражали счастливо до полудни; но что может храбрость произвесть там, где противу одного 40 человек? Несмотря, однакож, на то, ласкался я надеждою, что если не преодолеем, то хотя отобьемся от утесняющей нас шайки. Надежда сия ободряла нас несколько часов, но потом увидели, что оная тщетна. Находившаяся при нас пушка и ружья, коими всяк из нас снабден был, составляли те орудия, которые наиболее приводили в трепет сопротивников; не дерзали они подходить к нам близко, доколе блистала молния и шумели ядра, но когда пороху у нас не стало, видел я неизбежную погибель и для того, заколотив пушку и сев с людьми своими на лошадей, думал обратиться к Оренбургу и избавить хотя несколько человек от плену. Тогда злодеи сии бросились прямо на нас, и как порох у нас вышел весь и только в ружьях осталось по заряду, то я на бегу последним зарядом выпалил, но, к несчастью, сие не удержало стремительности разъяренной черни, и один, догнав меня, ударил саблею вдоль ружья моего и оною отрубил у левой руки большой палец, другой поразил меня саблею над правым ухом, а третий копьем ранил в голову выше лба.

Оцепенев и пришед в бесчувство от ран и поражений, не помню, что со мною и с находившимися при мне происходило; когда же пришел в чувство, узрел я себя связана со многими моими товарищами. Коликие[5] восстали тогда во мне чувствования, всяк может представить, кто вообразит себе человека израненного, поверженного в оковы и доставшегося на поругание ослепленным от неистовства и зверства бунтовщикам. Ярость и отчаяние попеременно терзали мое сердце. Все силы разума моего напрягал я на то, как бы избавиться постыдного сего бедствия, но что было делать?

Шайка, разбившая нас, была многочисленна. Со внутренним рвением принужден я был поддаться силе и терпеливо ожидать, что сотворит со мною судьба. Злодеи, одержавшие над нами победу, не восхотели наступающую ночь препроводить у жителей, могущих привести их в раскаяние, и скитались долгое время по степи; но напоследок остановились от усталости и их неукоснительно обременил сон. Поелику же ватага их состояла из яитских козаков[6] и мужиков, не знающих военных предосторожностей, то и не поставили они стражи для всякой предосторожности. Увидев я, что все они погружены во сне, начал час сей щитать способным к спасению своему, стал напрягать все свои мышцы, чтоб ослабить веревки, которыми был связан, и усилие мое было не бесплодно. Я освободил у себя правую руку и когда сам сделался свободен и видя возле себя лежащих двух солдат связанных, освободил их так же и с ними от злодеев в полуночи ушел и, прибежав к реке Донгус на рассвете, скрылись под траву и отдыхали до половины дня, а потом вознамерились итти в Оренбург, который не в дальнем был оттуда расстоянии, то есть на 15 только верст.

Едва отошли версты с три, вдруг двумя стами киргисцев[7], из-за гор выехавшими, были встречены. Ослабев силами и не имея при себе никакого уже оружия, не было нам вовсе средства противиться, и они, схватя нас, посадили на лошадей своих, подвязав ноги под брюхо лощадиное, и везли в свои улусы[8], где держали 2 месяца.

А как сии киргисцы, пользуясь мятежным временем, наловили уже и прежде того довольно наших людей, то и отвезли иных в Бухарию, а других в Хиву, где продавали в разные места: меня в Бухарии купил хожа Гафур, у него был я только один месяц, после чего подарил он меня тестю своему Даниар-беку, который в Бухарии полновластен и называется аталык, т. е. владетель[9]. Он имеет 4 жен и 6 наложниц калмычек и персианок купленых, и в мою бытность от всех вообще жен и наложниц имелось у него 10 сыновей и 10 дочерей. Аталык сей определил меня к своей ордине и серали[10], где заключены его жены и наложницы, стражем, и я был в сем звании до самого того времени, покуда мог нарочито говорить их языком, а как узнал, что я мог уже без нужды на оном изъясняться, то отрешил меня от сей должности и пожаловал дабашею, то есть капралом, и поручил мне начальство над десятью человеками[11], по вверении таким образом ведомству моему сих людей командовал я оными порядочно. Здесь должен я упомянуть о разговоре моем с аталыком.

РАЗГОВОР С АТАЛЫКОМ

В одно время прислал ко мне аталык своего служителя с тем, дабы я к нему был: я к нему явился, а он, объявляя о приехавшем из России Муме Ирназаре[12], дал мне для прочтения привезенное им письмо, я, оное взяв и увидя титул всемилостивейшей государыни, не мог с радости воздержаться от слез, произведенных зрением оного. Аталык спросил меня, что это такое; я отвечал, что паспорт, данный ему для беспрепятственного проезда чрез места, под благословенною державою России находящиеся; по выслушании сего спросил он меня: для чего у сего паспорта печать приложена внизу, а не вверху; я, удовлетворяя его любопытству, сказал, что по введенному в России обыкновению титул всеавгустейшей императрицы во всяких случаях употребляется прежде, нежели прикладывается печать, ибо уже по подписании паспорта или чего другого, сему подобного, прикладывается печать.

Аталык опровергал сие обыкновение и отзывался, что Россия в рассуждении употребления таким образом печати имеет предметом унижение к истинной магометанской вере. На то я вторично отвечал, что титул российской государыни пишут в заглавии, а печать прикладывают внизу для того, что титул значит более, нежели печать. Он говорил: «это неправда: Россия имеет противу нас унижение потому, что мы истинной веры магометанской».

При том вопрошал он, для чего я плакал: «ты стоишь, — говорил он, — в руках моих, и я, что хочу, с тобою сделаю». Я ему ответствовал, что плакал для того, что обрадован был титулом российской государыни и что видеть мог российское письмо. Сверх того, сказал я ему, что по долгу своему дал я обещание всемогущему богу и своей августейшей монархине служить верно и послушно до последней капли крови, и что по причине несчастной судьбины должен ныне жертвовать своею службою не своему отечеству. Он уговаривал меня потом к принятию магометанского закона и обещал содержать тогда в милости; но как я на то не согласился, то скоро после того приказал он меня мучить[13].

ПЫТКА В БУХАРИИ ПРОИСХОДИТ СЛЕДУЮЩИМ ОБРАЗОМ

Чтоб человек повинился, или к чему был склонен, кладут в большое деревянное корыто с пуд соли, наливают в оное воды горячей; когда же соль разойдется и вода простынет, тогда, связав в утку человека, коего мучить хотят, положат ему в рот деревянную палку, и повалив его затылком в корыто, льют соленую воду в рот; от сего же мучения через день многие умирают, потому что соль живот весь переедает; если же кого хотят спасти, то после каждого мучения, продолжающегося с час, дают пить топленого овечьего сала по 3 чашки, величиною с полоскательную чайную чашку, кое сало всю соль вбирает в себя и очищает верхом и низом живот; потом кладут пшеничной муки в котел, и поджарив оную, мешают с водою и овечьим топленым салом и варят жидко и сею саламатою[14] кормят того мученика, коего хотят оставить в живых. Я таким образом был мучим по три дня, и после каждого мучения давали пить сала по выше объявленной мере.

Видя аталык, что все его мучения недействительны, убеждал меня по крайности ему присягнуть, чтоб служить верно; ту присягу я сделал из пристрастия языком, а не сердцем, ибо душа моя ощущала в себе ревность единственно к службе всероссийской императрицы.

Потом пожаловал меня лензибашею, то есть сержантом, и препоручил в команду 50 человек; и так находился я в действительной его службе и был в походах, и все тамошние города и дороги видел.

КАК И ГДЕ ВОЕВАЛ

В одно время был я под городом Самаркандом и взял на сражении в плен самаркандца. Аталык же, видя столь ревностную мою службу, пожаловал юзбашею[15], по российскому названию капитаном, и землею, с коей собиралось в год до 300 червонных тамошних, кои в России меняются по 3 рубля, и вверил в команду разных людей 100 человек, в числе коих имелось 20 русских.

Потом с сыном его Шамрат-беком был послан я в Персию к городу Мавру[16], и при сем его сыне имелось войска до 2000 человек.

От Бухарии I день езды до города Каракулу[17], от оного до реки Аму-дарьи езды 3 дни, дорога песчаная, по реке камышу довольно, отчасти же и мелкого тальнику; река шириною без мала с версту, местами и менее, не весьма глубока, за рекою городок Чаржуй[18] владения Бухарского, от коего дорога песчаная, по горам есть малые кустарники соскоул и трава полынь; дорогою пользуются водою колодезною, от Чаржую до города, именуемого Мавр, езды 6 дней[19]. Хану Маврскому имя Байрямали.

Шамрат-бек выигрыша никакого не получил и обратился в бег, на побеге же померло в его войске немало людей и пало лошадей[20].

По возврате моем в Бухарию влюбилась в меня аталыкова ключница, коя всячески старалась, чтоб я носил имя ее мужа, на что я не согласился; она после изъявляла прямое и усердное желание со мною уйти, куда б я ни пожелал. Она же родом персиянка и еще молода захвачена бухарцами; я ей обещал, когда найду свободный случай к уходу, ее не оставить.

После двух лет командирован был я в Хиву с войском, которого было 1500 человек, при коем войске находился главнокомандующим Бадал бек. От Чаржуя вниз по реке Аму-дарье живут кочевые туркмяне, коих два рода, первые называются тяка, вторые — салур[21], в их урочищах по реке вязу, тальнику и травы довольно. Они любят жить во всегдашнем воровстве, ловят персиян и продают в Бухарию, Хиву и во все тамошние места. От туркмянских урочищ ехали мы до хивинской границы до города Питняку 8 дней, в коем одни ворота, от оного езды 1 день до городка Азар Ресту, а от него езды полдни. Городок Багаткала[22] подалее сего городка. Там было сражение с хивинскими ямутами[23]; один хивинский юзбеги, наехавши, выстрелил в меня из ружья, от сего опалило у меня правую щеку и ухо порохом, я в горячности поскакал немедленно за ним, и, с ним сразившись, отрубил у него правую руку и взяв его в плен, привез к начальнику Бадал беку, за что пожаловал он мне аргамака[24] и кармазинной кафтан; потом послал в Бухарию с письмом к аталыку для требования еще войска и мои заслуги выхвалил.

ПОБЕГ И СТРАНСТВОВАНИЕ В КАШГАРИЮ, ТИБЕТ, ИНДИЮ

Аталык за ту мою службу жаловал еще землею и деньгами и приказал быть в готовности к его войску обратно в Хиву, кое повеление открыло тогда мне способ к уходу. Я просил писаря, дабы он написал мне посольскую грамоту, в таком разуме, якобы послал меня аталык послом в город Кукан, и обещал за тот его для меня полезный труд наградить его деньгами; он написал таковую грамоту и получил от меня 100 червонных. Я сию грамоту вышеупомянутой ключнице показал и просил ее, чтоб дала ханской печати, кою и обещала дать с тем только, чтоб ее взять с собою, что я обещал и в самом деле исполнил[25].

А как аталык имел привычку всегда после полудни спать, то ключница, достав печать, принесла мне ее, и я оную приложил к своей грамоте. Чрез два дня аталык дал мне письмо и приказал ехать в Хиву обратно к его войску, я же, отправясь якобы к его войску, поскакал с двумя русскими и

ключницею в Кукан; дорогою же, признавая меня за посла, давали мне провизии везде довольно.

По прибытии моем в город Маргылян[26], услышал я, что купцы имеют намерение ехать в город Кашкар, купил такого ж товару, каким и они торгуют, и поехал с ними, а дорогою сказывался нагаем потому, что в России живущих татар в тамошних местах называют нагаями. Не доезжая до Кашкары, один товарищ мой умер, я похоронил его по-христиански ночью, опасаясь, дабы не узнали, что я из России.

Из Кашкары таким же образом с купцами поехал до города Ярканту, куда по приезде своем чрез один месяц купцы вознамерились ехать в Теват, или Тибет, и покупали разные для оного товары, коих и я купил, так же и слугу арапа и ехал с ними: дорога лежит между горами по косогорью, в средине гор река протекающая называется Атак; дров и травы там мало, а ночлег бывает где есть полянка[27].

В дороге употребляют пищу таковую: в чайную воду кладут пшеничное толокно и, густо смешав, едят и чаем запивают, лошадям же корм возят с собою, потому что в оном месте совсем нет селений.

Не доезжая до Тевату за 15 дней, есть гора весьма высокая, во оной воздух тяжелый и всегдашний туман, человеку и лошадям захватывает дух, от чего и умирают, тут мой и второй товарищ русский помер, коего по обряду своему похоронил, ехали же вообще 35 дней до Тевату, или Тибету[28].

В Тибете в области Цанг[29] жил я 25 дней. Туда прибыли три человека нищих из магометанцев, которые шли в Мекку для поклонения магометову гробу, и я сказался, что туда же иду и, сообщась с ними, надел такую же нищенскую одежду. Из сего места имели путешествие пешком, ибо там ни под каким видом на лошадях не можно ездить ради великих пропастей и весьма худой дороги, да и товар носят на спинах; о всем оном в описании Тибета особливо упомянуто будет.

По приходе с нищими в Индию в столичный город Дели оные от меня скрылись безвестно, остался я со слугою своим арапом и куда итти не знал. Один мимо идущий человек остановился и говорил со мною, спрашивая, какой я человек, и я отвечал, что российский. Он взял меня к себе в дом, объявив о себе, что он армянин и имя ему Симеон, и велел довольствовать меня кушаньем и дать постелю. На другой день спрашивал меня, каким образом попал я в тамошние места, я же объявил ему, какою несчастною судьбою попал я в плен и туда пришел. Он обещал отправить меня в английское владение к приятелю своему и просить его об отправлении в Россию. Чрез 15 дней дал мне письмо для вручения приятелю его и отправил с купцами в город Лякнаур.

Ехали на лошадях верхами до города Акбаравату 7 дней, в нем река Джанол, а от сего до города Шукуравату ехали 1 день, от сего города владение англичан. До города Карачуну 3 дни, в нем река Ганга; от сего до города Лякнауру 4 дни, в коем река Гумти, где стали в караван-сарае[30].

Данное мне армянином письмо вручил я священнику, оный обещал меня отправить в Англию и на другой день прислал за мной слугу, и когда я пришел к нему в дом, то сказал, якобы узнал обо мне тамошний комендант Медлитон и хочет взять в свою службу. Услышав сие, просил о избавлении

от комендантской наглости. Сей священник дал мне из жалости пару платья и советовал сказаться, что родом я из Санкт-Петербурга, а ежели спросят, знает ли кто меня, то сказать, что-де знает живший в Петербурге в Ораниенбауме голстинский священник[30a].

По возврате моем от него в караван-сарай взяли меня и держали под караулом 2 дни, потом спросил комендант, что я за человек? Я отвечал, по наставлению священника, коего комендант, призвав, обо мне спрашивал, и он сказал, что я майор и знатной фамилии, а именно, что графа Чернышева родственник; сие услыша комендант меня немедленно освободил и дал мне письмо для вручения его приятелю мистру Чамберу в городе Калкате, чтоб он отправил меня в Англию, и таким образом освободился я от второго плену.

Из Лякнаура ехал в индейской коляске, подобной чухонской телеге, но с зонтиком, в кою впрягают по 2 быка, до города Кампу 2 дни, где река Ганга[31]. В сем городе нанял я лодку и плыл рекою до города Илебашу 6 дней, где река Джамна, а пониже Ганг в сию упадающий[32].

От Илебашу до города Банарасу 6 дней, от оного до города Патны или Азимоват 5 дней[33]. От сего же до деревни Муагенчу 7 дней. Означенная река под сею деревнею разделилась на две части: в левую сторону в город Мадрас, а в правую в город Калкату[34]. От сей деревни до города Максюдовату 2 дни, от сего же до города Калкаты 6 дней. Те области, которые во владении у англичан, в тамошних местах называются Бенголь или Бенгалы.

Прибывши я в город Калкату данное от коменданта Медлитона письмо вручил мистру Чамберу, который в моем деле совсем было отказал. При мне был купленный слуга арап, и как я его подарил мистру Чамберу, то просил он одного капитана, чтоб свез меня в Англию, а оный капитан дал мне билет для входу в корабль почтовый, и по билету я в корабль вошел. Из Калкаты плыли до деревни Инджиры 5 дней, коя стоит на взморье; от оной плыли по Индейскому морю 2 месяца и 6 дней, до некоторых африканских островов, от коих плыли 19 дней до острова, именуемого Санталина, который совсем бесплоден и куда дрова и провизия привозятся из Англии; там запаслись мы пресною водою и отправились в дальнейший путь[35].

Проходя многие государства, горы, дикие и пустые степи и топи, не имел никакой усталости и не чувствовал в себе болезни, а как стал мыться морскою водою, тогда у ног подошвенная кожа вся отстала, которую обрезал, после чего и ходить никаким образом было невозможно по причине великой чувствительности. Положа в туфли стельки войлочные и хлопчатой бумаги, едва и тогда мог выходить на верх корабля для почерпания свежего воздуха.

От Санталины плыли 1 месяц и 19 дней до ирландского местечка Кислигивн; от сего до местечка Кенгисил 1 день[36]. Отсюда ехал я сухим путем до местечка Корка 8 часов, из оного ж в наемной коляске до местечка Довлена 5 дней[37]; от сего перезжали в судне морской залив 2 дни и 1 ночь до англицкого пограничного местечка Ливерпуль, а оттуда ехал в коляске по почте до Лондона 2 суток, где и явился российскому министру господину Смолину, который снабдил меня пашпортом и отправил в бытность тогда в Лондоне его сиятельства графа Ивана Петровича Салтыкова морем в

Санкт-Петербург, к его сиятельству господину тайному советнику и кавалеру графу Александру Андреевичу Безбородке, к коему явился я в 1782 г августа 26 числа.

По высочайшему именному указу в Царском селе пожалован я прапорщиком имя 1 дня 1783 году и определен в государственную коллегию иностранных дел по знанию бухарского, персидского и других азийских языков, а 1785 года по желанию моему от оной коллегии уволен для определения к другим делам, за порядочную ж при коллегии службу произведен от оной чином протоколиста, и того ж года августа 18 дня правительствующим сенатом пожалован в коллежские асессоры[37а]; будучи ж я во многих азиатских местах, приметил, чем оные изобильны, и каков воздух и жители, о чем здесь изъясняется.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

1. Консистория — управление епархии (церковного округа) православной церкви. Отец Филиппа Ефремова — Сергей — в качестве секретаря управлял Вятской консисторией и по положению подчинялся обер-прокурору Синода.

2. Здесь, конечно, следует читать: 1765, 1769 и т. д.

3. Застава Донгуз — ныне станция Донгузская Оренбургской железной дороги в 30 км южнее Чкалова и 47 км севернее Илецка. Издавна в Донгузе была почтовая станция по дороге в Илецкую защиту. Донгуз — в переводе с тюркских языков — свинья, кабан. Станция получила название по небольшой речке, в долине которой, видимо, водились дикие кабаны. Илецкая защита (ныне город Соль-Илецк) отмечена уже в Книге Большого Чертежа как местность с богатыми соляными месторождениями. С середины XVIII века илецкие соляные месторождения переходят в государственную казну, в связи с чем открываются магазины для продажи соли. Казачий сотник Алексей Углицкий, поставлявший соль в Оренбург, в 1754 г. построил небольшую крепость с батареями для пушек. Свое обещание «сделать несколько покоев и казарм для гарнизона, провиантский магазин и на все жилые покои, в осеннее и зимнее время, ставить дрова и провиант, сколько б там войсковой команды ни случилось, возить из Оренбурга на своих подводах» Углицкий выполнил (Россия. Т. 5. СПб., 1914. С. 502).

Так возникло поселение — крепостца Илецкая защита, выдвинутая вперед, южнее основной укрепленной линии российских пограничных крепостей, расположенных по реке Яик (Урал). Илецкая защита была взята пугачевскими войсками, а соляные запасы растащены, что вызвало недовольство Пугачева, понимавшего, что продажа соли могла пополнить его войсковую казну.

4. Здесь Ф. Ефремов под «злоумышленниками» подразумевает пугачевцев. Истинной причиной грандиозной крестьянской войны второй половины XVIII века под предводительством Емельяна Пугачева явилось страшное угнетение и порабощение народных масс России, неуклонное распространение крепостного права, усиление эксплуатации крестьян помещиками и рабочих промышленниками. Рабочие Урала, староверы Поволжья, казаки Дона, Волги и Урала оказали поддержку Пугачеву, ставшему во главе большого народного движения против дворянского засилия, против помещиков, чиновников, заводчиков, но не против самодержавия. Крестьяне хотели своего «доброго» царя.

Стихийная крестьянская война под руководством Пугачева была прогрессивной. Хотя самодержавие победило, но движение народных масс 1773—1774 гг нанесло удар по крепостному праву, показало, какое большое недовольство таится в широких крестьянских массах и среди рабочих, правда, в то время очень немногочисленных и являвшихся также крепостными.

Известно, что Емельян Пугачев был пленен, привезен в Москву и казнен 10 января 1775 года.

5. Коликие — то есть многие, великие.

6. Яитские казаки-яицкие, то есть уральские. Река Яик была официально переименована указом Екатерины II 15 февраля 1775 г., для того, чтобы старое название не напоминало о крестьянском движении и Пугачеве. Но в течение долгого времени название Яик сохранялось в народных сказах, легендах, песнях. По-казахски и теперь река Урал носит название Джаик.

7. В старой литературе не всегда делали различие между казахами и киргизами; и тех и других обычно называли киргизами. Даже Казахстан в целом официально назывался как Киргизский край, а его равнины были известны под названием Киргизских степей. Но часто можно было встретить разделение этих тюркских народов. Некоторые авторы казахов именовали кайсак-киргизами, а киргизов — дикокаменными киргизами, или кара-киргизами. В данном случае у Ефремова идет речь, конечно, о казахах, жителях северных степных районов Казахстана.

8. Улус — тюркско-монгольское слово: государство, селение, кочевье, становище, племя.

9. Аталык — Ефремов переводит как владетель, но и правитель, в корне слова — «ата» — отец. У В. В. Бартольда читаем в другой транскрипции: «Даниял-бий... пользовался славой щедрого и гуманного правителя, хотя мало вникал в государственные, особенно в финансовые дела; обо всех делах он советовался с улемами и без них «не сделал ни шагу», но в то же время при нем продолжали действовать многие повшества и поборы, отмененные только в конце его правления. Даниял... не принял ханского титула и довольствовался званием аталыка; ханом при нем снова был объявлен Абулгази, от имени которого чеканилась монета» (Бэртольд В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 107).

Период истории Бухарского ханства, который застал наш путешественник, в середине XVIII века характеризуется феодальной раздробленностью, здесь феодализм сочетался с рабовладельческими отношениями. Незадолго до приезда Ефремова в Бухару политическая власть перешла от династии Аштарханидов к Мангытской династии, первым представителем которой был Мухамед Рахим-бий. После его смерти Бухарское ханство фактически возглавлял его дядя Даниял-бий, который правил с 1758 г. по 1785 г. У Б. Г. Гафурова читаем о нем: «Он не принял титул хана, а посадил на трон Абдульгози, внука Абульфайза, сам же занял должность аталыка, хотя фактически и управлял Бухарским ханством. Абдульгози был не чем иным, как игрушкой в руках Даниёла.

В период 27-летнего правления Даниёла им ничего не было сделано для улучшения и развития хозяйства и культуры страны, наоборот, вся система государственного управления еще больше способствовала разрухе. Смена ханской династии привела к тому, что в государственный аппарат была привлечена родовая мангитская знать, без всякого учета знаний и способностей отдельных ее представителей» (Гафуров Б. История таджикского народа. М., 1949. С. 381).

10. Ордина и сераль — в данном случае: «к своему двору и дворцу». «Ордина» от «орда», «сераль» от «сарай», т. е. дворец.

11. Дабаша (тадж. дахбоши), дословно — голова (баш) десяти, то есть десятник.

12. Речь идет о бухарском после, приезжавшем в Россию, Ир-Назар-бае Максютове, который дважды побывал в Петербурге: в 1774 и1779 гг. Здесь говорится о приезде Ир-Назар-бая из первой поездки.

13. По свидетельству бухарского историка Мухаммед Якуб, Даниял-бий отличался резкостью и грубостью (В. В. Бартольд. Там же).

14. Саламата — пресная болтушка, мучная кашица, кисель.

15. Лензибаши — пятидесятник, а юзбаши — голова сотни -сотник. Интересно, что в списке приводимых «бухарских» слов Ефремов переводит пятьдесят — таджикским: панджио, но в военных титулах в Бухаре применялись тюркские

слова: юз-сто, баш-голова, тогда как «голова» автором переводится с таджикского «сар». В Бухаре в то время наблюдалось двуязычие, в ходу были таджикский и узбекский языки.

16. Марв — Мерв — город Мары в Туркмении.

17. Каракул — ныне кишлак Каракуль Бухарской области Узбекистана и станция Ашхабадской железной дороги. Расположен ниже Бухары, в низовьях Зеравшана. Остатки этой реки здесь носят название Каракуль-дарьи. Каракульский оазис издавна славится разведением каракулевых овец.

18. Чаржуй— или Чарджуй — ныне Чарджоу, город в Туркменистане.

19. От Чарджоу до Мары Ф. Ефремов шел по пустыне Кара-кум. В этом отношении показательно его описание: «Дорога песчаная по горам (нужно понимать — по песчаным грядам, ибо гор, в нашем представлении, там нет), есть малые кустарники соскоул (читай: саксаул) и трава полынь; дорогой пользуются водой колодезною»...

20. Здесь, по-видимому, речь идет о Шах-Мураде — правителе Самарканда, сыне Даниял-бия. Шах-Мурада Ефремов называет Шамратом. Он царствовал с 1785 по 1800 г., когда восстановил оросительные системы на Зеравшане, Кашка-дарье и Аму-дарье. Шах-Мурад отличался большим религиозным фанатизмом и еще при жизни своего отца умертвил всех его приближенных и получил полноту власти. В 1785 г. Шах-Мурад предпринял большой поход в Мерв и разрушил его, а пленных привел в Бухару. Между тем Даниял-бий был другом мервского правителя Байрам-Али-хана (В. В. Бартольд. Там же. С. 108).

Б. Г. Гафуров отмечает, что при эмире Шах-Мураде произошла централизация власти в Бухаре. За 15 лет своего царствования он добился «наиболее устойчивой власти в истории мангытской династии. **Шохмурод** провел некоторые реформы, направленные на ликвидацию всеобщего недовольства, возникшего при правлении его отца». (Там же. С. 382). Многие феодалы, считавшие себя независимыми, при Шах-Мураде подчинились Бухаре. Походы в Мерв Шах-Мурад предпринимал после смерти Даниял-бия, когда была разрушена Мургабская плотина, что привело к упадку хозяйства Мервского оазиса и его запустению. Оседлое население Харасана бухарские войска брали в плен и перегоняли жителей на работу в Бухару и Самарканд.

21. Ефремов говорит о племенах теке и салор. Первое из них многочисленное туркменское племя.

22. Путешественник правильно записывает последовательность амударьинских городов: Питняк, Хазарасп и далее в сторону от реки к Хиве Багат-кала. «Они любят жить... в воровстве» следует понимать: живут в набегах, войнах. Это относится и к характеристике «киргизцев» в начале следующей главы.

23. Ямуты — то есть иомуды — многочисленное туркменское племя.

24. Аргамак — быстроходная, рослая и дорогая верховая лошадь.

25. По этому поводу в третьем издании автор пишет противоположное: «... я поскакал с двумя русскими в Кукан, а ключницу принужден был оставить; ибо взяв оную с собою никак бы не мог спасти ни себя, ни ее. Аталык хватился бы ее тотчас и послал бы искать повсюду» (1811. С. 23). Видимо, это более правильно, так как в последующем изложении нет упоминания о влюбленной ключнице.

26. Кукан — Коканд в Ферганской долине, ныне город Ферганской области Узбекистана; до присоединения Туркестана к России — столица Кокандского ханства.

Маргелан — город Ферганской области, недалеко от станции Горчаково. Новый Маргелан основан позже путешествия Ефремова, в 1877 г., с 1901 г. получил название Скобелева, ныне — город Фергана.

27. Ярканту — город Яркенд — один из крупнейших городов Восточного Туркестана (в китайской провинции Синьцзян). «Река протекающая называется

Атак», — видимо, имеется в виду река Яркенд-дарья, в верховьях известная под названием «Раскем». Атак, вероятно, от Актаг (Агтаг) — белые горы-река Белогорная.

28. Путь из Восточного Туркестана в Индию через Ладак, конечно, очень тяжел и изнурителен. Достаточно сказать, что перевалы через хребты Куэнь-луня и Кара-корума лежат на высотах более 5000 м над уровнем моря.

В своих записках, написанных раньше этой книгой и опубликованных много позже смерти автора в «Русской старине» (1893), Ф. Ефремов дважды пишет о гибели своего русского товарища. Один раз упоминание о смерти приурочено к переходу Ош-Кашгар: «Горы очень высокие, лесу малое число; травы довольно. У одной горы воздух весьма тяжелый: пешего человека захватывает дух, отчего умирают. Тут мой товарищ, один русский, помер; и так погреб я его ночью по христианскому закону, потому что днем хоронить было не можно, опасаясь мусульман». (С. 143). На следующей странице дается описание пути от Яркенда в Кашмир: «есть гора весьма высокая; во оной воздух тяжелый и всегдашний туман человеку и лошадям захватывает дух, от чего и умирают. Тут мой товарищ помер, коего по-христиански похоронил». Таким образом, двое русских из спутников погибли в дороге, и Ефремов один продолжал свой путь.

Ефремов по-разному транскрибирует название Тибета: и Тибет, и Тават, и Тсват.

29. Собственно Тибет в административном отношении делится на три крупные губернии: Нари (Нгари), Цзанг и Уй. Из них центральное положение занимает Цзанг — по территории самая обширная губерния. Название свое она получила от имени реки Брамапутры, у тибетцев известной под именем Цзанг-по. Не следует смешивать название провинции Цзанг с областью и городом Цанг Ефремова.

Маршрут Ефремова от Яркенда в Дели точно установить не удается. В собственно Тибет путешественник как будто так и не попал, он ниже пишет, что шел через Лата или Латаку, то есть Ладак, — ныне часть Кашмира. По всем данным, Ефремов шел по караванной дороге из Яркенда в Лех, по которой в летнее время поддерживается торговая связь между Кашгарией и Индией и по которой обычно ходят пилигримы на поклонение святым мусульманским местам.

Высочайший перевал по этой дороге — Кара-корум лежит на высоте 5658 м, то есть выше, чем самые большие горы Кавказа. Путь из Яркенда в Лех подробнее всего описан русским географом В. Ф. Новицким, прошедшим его в 1898 г. (Записки Рус. Геогр. общества по общей географии. Том 38, вып. 1. СПб., 1903. 297 с.).

Ф. Ефремов ниже подробно рассказывает о Тибете и тибетцах, рассказ его не вызывает сомнений. Он наблюдал тибетцев в Ладаке, который этнографически и географически представляет продолжение собственно Тибета, ладакцы — по языку и обычаям-суть тибетцы, и сам Ладак называют Нижним Тибетом — часть Малого Тибета. Поэтому замечание Ефремова: «В Тибете, в области Цанг, жил я 25 дней» — следует отнести, видимо, не к административной области Тибета в современных ее границах, так как между современной областью Цзанг и Ладаком ниже расположена область Нари, лежащая в верховьях Инда и Сетледжа. Что область Нари существует давно, видно из Географии Тибета, написанной тибетским автором Миньчжул-Хутухтой (умер в 1839 г.), откуда следует: «Три верхних округа Нгарийские суть следующие: 1) Даглю Ладак, 2) Ман-юл Шан-шун... и 3) Кукэ-Пуран». Так как точно установленных границ не существовало, то автор считал, что три округа: Ладак, Руток и Кукэ и есть Нгари (Васильев В. География Тибета Миньчжула-Хутухты. СПб., 1895. С. 3, 4). Там же, на с. 7 читаем: «В южной части Нгари, в провинции Ладак, находящейся в смежности с Кашемиром, Цзампой и другими...». Здесь тибетский автор считает Ладак частью Нгари, граничащей с Цзампой, Цзан.

В третьем издании своей книги Ефремов специально рассказывает о городе Цанг. Из этого рассказа, правда, трудно установить точное местоположение города. Привожу полностью описание его: «Цанг, город особенного же владельца, именуемого также Раджа, стоит на косогоре и отчасти на ровном каменистой почвы месте, при небольшой речке; величиною он поменее Латы. Поверхность области ровная; произ-

ведения здесь такие же, как и в Ладаке. В обеих сказанных землях жители для себя выделывают весьма простое сукно и кожу; обрабатывания же хлопчатой бумаги и шелка, по неразведению для сего кустарников и тутовых дерев, не находится» (1811 С. 127).

Любопытно, что в первом варианте рукописи, помеченной 1784 годом (через два года после возвращения из путешествия в Петербург), совсем нет упоминания Цанг Здесь читаем: «Ехали 35 дней до местечка Тевату... Жил я в том месте 25 дней... Из Тевату пошли пешком, потому что горы высоки и на лошадях там не ездят» (Русская старина. 1893. Июль. С. 144—145). Таким образом, название области, города Цанг суть позднейшая вставка и касается она, видимо, города, расположенного южнее Леха и известного на современных русских картах под именем Заргла (где окончание «ла» по-тибетски значит гора, хребет, перевал).

30. Ефремов скупо останавливается на своем маршруте. Из Кашмира в Дели — большой путь. Из Дели в город Лакнау, как поясняет путешественник, ехали через реку Джанол и Ганг. В Лакнау Ефремов отмечает реку Гумти. Трудно сказать, какую именно реку он так называет. На Гангской низменности много рек, главная же из протекающих через этот город называется Сума, левый приток Ганга. «Английское владение», т. е. владение Ост-индской компании.

30а. «Голстинский священник» — голштинский-немецкий, от названия прусского герцогства — Гольштейн.

31. Кампу, то есть Кампур, Каппур, — один из крупных городов по Гангу, на юго-запад от Лакнау, в 80 км от последнего.

32. Ефремов приводит названия городов Индии, отличные от современных. Судя по точному положению, город Илебашу, «где река Джамна, а пониже Ганг в сию упадающий», — не что иное, как Аллахабад, лежащий почти при слиянии двух великих рек Индии — Ганга и Джумны.

33. Названия Бенарес и Патна хорошо известны из географии Индии.

34. Под Калкатом следует разуметь город Калькутту, куда действительно приведет один из правых дельтовых рукавов Ганга. Но почему левая сторона реки ведет в город Мадрас, это не совсем ясно. Мадрас, один из крупнейших городов и портов Индии, лежит на юге Индостанского полуострова на Коромандельском берегу Бенгальского залива. Можно предположить, что Филипп Ефремов, поинтересовавшийся, куда приведет река Ганг, основное ее русло, получил ответ: «в Мадрас», то есть в открытое море и вдоль берега в этот большой порт.

Калкат Ефремова не нужно сопоставлять с Колекатом, Калекутом Аф. Никитина. У последнего это город на Малабарском побережье Индии — «пристань для всего Индийского моря...»

35. Как будто это название следует читать: «Сант-Элен или остров Святой Елены». В первом варианте рукописи читаем: «Тот остров ведения англичан, с коего в корабль брали пресной воды. От Санталина бежали до Ирландии до местечка Каслегивн 1 месяц и 19 дней».

36. Эти названия городов Ирландии Ефремов транскрибирует каждый раз по-разному: в первом варианте — Каслегивн и Кантиси, в книге 1786 г. Кислигивн, в книге 1811 г. Кисли Гавн и Кангиссель. Судя по тому, что путешественник один день добирался из последнего пункта до города Корка, можно думать, что он попал в порт южной Ирландии — Кинсейл.

37. Довлен — то есть Дублин, главный город Ирландии.

37а. Коллежский асессор (латинск. — заседатель) — одно из званий чиновников царской России, введенных Петром I законом «Табели о рангах».

Ефремов Ф. С. Девятилетнее странствование /Под ред. Э. Мурзаева. 5-е изд. М., 1952. С. 19—28, 63—69.

Е. КОСТРОВ

ОДА ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ

Герой! Твоих побед я громом изумлен,
Чудясь, безмолвствовал в забвении приятном;
Но тем же громом я внезапно возбужден,
В восторге зрю себя усердию понятном.
Сорадуясь огню, чем грудь моя горит,
Мне гений лиру дал с улыбкой нежных взоров,
И лира петь велит:
«Велик, велик Суворов».
Правдив сей глас, твердят враждебные толпы,
То знает наша грудь, тверда как горный камень;
Но взгляд Суворова... скользят у нас стопы,
И превратится в лед турецких персей пламень.
Единым именем он молнии удар;
Где он, уже молчат орудий наших звуки,
Нас кроет хладный пар
И сотрясутся руки.

Узря волнуемый его пернатый шлем,
Пагубоносную мы зрим себе комету,
Предтечу бурных туч со пламенным дождем,
Носящих гибель нам, стыд вечный Магомету.
Приближится она, приближатся оне —
Расторглися, летят перуны беспрестани.
Вотще визирь в огне
Подъемлет к небу длани.
Вотще возносит он со воплем алкоран,
И, видно, наш пророк не в небесах, во аде;
До турок ли ему, он сам себе тиран;
Мы престаем просить глухого о пощаде;
Мы престаем и, знав, что к нам Суворов строг,
От ядер пушечных не ждем приятных следствий,
И легкостию ног
Спасаемся от бедствий.

Так враг признателен! что ж росские полки?
Их глас, как сонмы вод, шумящ и совокупен:
Суворов где, там власть всемочныя руки,
Там страха нет сердцам, и самый рок приступен.
В его деснице меч — нам светлый облак в день;
Столп огненный в ночи, стремящий в сопостаты
Смертей различных тень
И молнии крылаты.

Где он, там каждый строй и каждый полк — стена,
Все твердый адамант, и все единодушны;
Нам гладок путь холмов кремнистых крутизна;
Единый миг — и все готовы и послушны.

Пусть Рымник с Кинбурном соплещут славой нам,
Сраженны, где чалмы, забавная потеха:
Различно по полям
Катались как для смеха.
Что сих побед вина? Герой наш мало спит,
Исполнен к отчеству любви и к богу веры;
Он скор, неутомим, предчувствует, предзрит,
Спокойно зиждет все, сообразует меры,
Любим подвластными, их попечитель нужд,
Труды являет им как некие забавы;
Корысти подлой чужд,
Ревнитель россам славы.
Коль славно для него и днесь и в поздний век!
Германских вождь полков, с ним славу разделяя,
Руководителем своим его нарек,
Почтеньем воскрилен и зависть попирая.
Великих свойство душ! достоинства любя,
Кобургский как герой и действует и мыслит,
Возвышенным себя
Чрез униженье числит.

Таков, Суворов, ты под шлемом и мечом,
Таков, как молнии твои в противных мещешь;
Но ты же с ласковым и радостным лицом,
Средь лика чистых муз и песням их соплещешь;
Почтен сединами, средь шума, средь войны,
Минуты для наук искусно уловляешь,
С цветами тишины
Ты лавры сопрягаешь.
Герой с героями, при важности бесед,
Как рвеньем пламенным ко благу россов дышишь,
И, мыслями вперен грядущих в связь побед,
Шутя, к младенцам ты, как быть героем, пишешь.
Велик, велик тобой описанный герой;
Но я, коль сердцем я своим не обольщаюсь,
В нем вижу образ твой
И оным восхищаюсь.
О! если б мне твой дух и легкое перо,
Изобразил бы я... Судьба не так решила:
Вития слабый я, усердье лишь быстро́,
Усердие быстро — изнемогает сила.
Ты, снисходя мне, граф, доволен оным будь,
Прими, прими мой стих, что сердце мне вещало,

В себе питала грудь,
Усердье начертало.

Услужливый зефир, обрадуй, воскрились,
Неси к Суворову, неси мой голос лирный!
Любезен, ласков, ты там с громом подружись
И звукам бранных труб вещай приветства мирны.
Летя к нему, не бойсь: приятен им герой;
Пременят для него угрюмость разговоров
И повторят с тобой:
«Велик, велик Суворов».

1789 г

Костров Е. И. Сочинения. СПб., 1849. С. 141—144.

IV. ВОЙНЫ РОССИИ С НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИЕЙ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Русско-австро-французская война 1805
Русско-прусско-французская война 1806—1807
Отечественная война 1812
Заграничные походы русской армии 1813—1814
Россия вела национально-освободительные войны против агрессии наполеоновской Франции

ВЫСОЧАЙШИЙ РЕСКРИПТ НА ИМЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА И КОМИТЕТА МИНИСТРОВ Н. И. САЛТЫКОВА О ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА В СВЯЗИ С НАПАДЕНИЕМ НА РОССИЮ НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИИ

13 июня 1812 г.

Граф Николай Иванович! Французские войска вошли в пределы НАШЕЙ империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза[1]. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством престола и пользою МОЕГО народа. Все старания мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавном еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные МНЕ провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие МОЕГО народа и храбрость войск МОИХ. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их с свойственною им твердостию и мужеством. Провидение благословит праведное НАШЕ дело, оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудило НАС препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве МОЕМ. Пребываю к вам благосклонный.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДР

Вильна
Июня 13-го 1812 г[2]
ГАКО. Ф. 583. Оп. 32. Д. 1163. Л. 2. Типографский экз.

[1] Возможно, имеется в виду мирный договор между Россией и Францией, заключенный 25 июня 1807 г

[2] Копии рескрипта из Вятского губернского правления были посланы в органы власти всех уездных городов Вятской губернии.

ПРОШЕНИЕ СЛОБОДСКОГО МЕЩАНИНА П. А. СМОЛИНА СЛОБОДСКОМУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ А. Д. КОСАРЕВУ О ЗАЧИСЛЕНИИ В АРМЕЙСКИЙ ПОЛК ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА

2 сентября 1812 г.

Горя желанием, как верный сын Отечества, я желаю принесть себя в жертву государю императору и поступить в какой-либо армейский полк. Я один сын у матери своей, собственными своими трудами и силами по летам моим приобретаю себе пищу и содержу мать мою. Со крестом в сердце и с оружием в руках за великое поставлю себе счастье пролить кровь мою на ратном поле и тем доказать, что лукавство в сердце и лесть в устах Наполеона меня не коснется. Мне 17 [-й] год, но рука крепка, оружие не выпадет из оной. Бог покроет меня своим щитом, как за Богом молитва, так и за царем служба не пропадет.

То и прошу Вас, Всемилостивейший государь, не отринуть жертву на защиту Отечества мною приносимой по молодости моих лет, но паче обратить взор свой, сделайте неоставление со своей стороны, согласно с чувством сердца моего, не удержите об оном дать знать со своей стороны сведения кому следует об увольнении меня на защиту Отечества.

Проживание свое имею в губернском городе Вятке в услужении поотданию моей матери у господина дворянского заседателя Лукина. Прошение сие писал я проситель Петр Алексеев[ич] Смолин.

ГАКО. Ф 582. Оп. 81. Д. 1130. Л. 66. Заверенная копия.

В. БОНДАРЕНКО

ФОРМИРОВАНИЕ ВЯТСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Вероломное нападение Наполеона на Россию вызвало могучий патриотический подъем русского народа. Многомиллионные народные массы смело и самоотверженно выступили против неприятеля. «Вся Россия в поход пошла», — писал декабрист Якушкин.

6 июля 1812 года был издан правительственный указ о народном ополчении. В этом указе русский народ — «храброе потомство храбрых славян» — призывался на защиту отечества.

По указу в 16 губерниях Европейской России были созданы 3 ополченческих округа: Петербургский, Московский и округ Поволжья; 8 центральных губерний обязывались поставлять воинов-ополченцев для охраны Москвы и ее окрестностей: 2 губернии — Петербургская и Новгородская — для охраны Петербурга, остальные 6 губерний — Казанская, Вятская, Костромская, Нижегородская, Симбирская и Пензенская должны были поставлять резервы для регулярной армии.

Указ правительства о создании народного ополчения нашел горячий отклик в сердцах патриотов родины. Так, например, хотя жителям Вятской губернии не угрожала непосредственная опасность вторжения наполеоновских полчищ, тем не менее они твердо решили «защищать отечество до последней капли крови, а если уже и к селениям их будет приближаться неприятель, то все они, кто только может, пойдут с какими-нибудь орудиями для поражения супостата».

Вятская губерния была отнесена к третьему ополченческому округу — округу Поволжья, командующим которого был назначен генерал-лейтенант граф Петр Александрович Толстой.

Формирование ополчения в губернии проходило очень энергично. Предварительно в городе Вятке открылось дворянское депутатское собрание, на котором было установлено количество ополченцев (ратников), выставляемых помещиками, а именно: по 4 человека (а потом еще дополнительно по 2 человека) со 100 душ крепостных, числившихся по последней шестой ревизии. Во многих местах установленные нормы были превышены. Крестьяне целыми селениями добровольно записывались в ополчение.

Дворяне должны были поставить (по раскладке) ополченцев из крепостных крестьян и дворовых людей, обеспечив их провиантом, обмундированием и денежным жалованьем на три месяца.

Было определено обмундирование ополченца: армяк и шаровары серого сукна, кожаный ремень с пряжкой и патронташем на 20 патронов и суконная шапка. Обмундирование каждого ополченца обходилось в 62 руб. 55 коп.

Местом формирования Вятского ополчения были намечены два города — Вятка и Уржум.

К образованию ополчения, кроме крестьян и дворян, привлекались также духовенство, чиновники, канцелярские служители и мещане. Лица

духовного звания, чиновники, канцелярские служители принимались в ополчение с согласия своего непосредственного начальника, а мещане и крестьяне — по приговорам обществ.

В ополчение, как правило, принимались мужчины от 17 до 45 лет. Отбор ополченцев был самый тщательный. Больные и непригодные к службе мужчины в ополчение не принимались. Было много случаев, когда юноши 16 лет и мужчины старше 50 лет шли в ополчение добровольцами. Больше всего ополченцев было среди крестьян. Добровольцы осаждали начальников ополчений и требовали зачисления их в народную армию.

В Вятской губернии также было много добровольцев. В городе Вятке в день обнародования манифеста о войне 20 человек дворовых пришли к вятскому городничему, подполковнику Штерху и «объявили ему свое желание быть в сем новом ополчении». А 20 октября 1812 года нолинский городничий сообщал вятскому губернатору о крестьянах Нолинского уезда — Степане Пенкине (Богородская волость), Игнатии Гущине (Кырчанская волость), Павле Кудрине (Сретенская волость) и Карпе Пислигине (Архангельская волость), как о «вольно пожелавших в ополчение». Сохранились также сведения о других крестьянах-добровольцах по Котельническому и Слободскому уездам: Степане Ванееве, Андрее Загаинове, Ларионе Синцове и др. (всего 32 человека).

Особенно сильное желание сражаться с неприятелем было у молодежи, в частности, у учащихся Вятской духовной семинарии. Безусые 16—17-летние юнцы наперебой осаждали своих начальников, просили разрешения записаться добровольцами в народное ополчение. В прошениях они писали, что хотя они и молоды, но «рука их крепка, оружие не выпадет из оной», подчеркивали, что они считают своим долгом с оружием в руках «пролить кровь... на ратном поле». Так вступили добровольцами учащиеся семинарии по отделению поэзии: Алексей Лобовиков (16 лет), Иван Попов (17 лет), Семен Чернышев (17 лет), Иван Шишкин (17 лет); по отделению риторики: Александр Феофилактов (17 лет), Алексей Галкин (17 лет), Петр Сушков (17 лет) и другие.

Были добровольцами и из среды низшего духовенства, чиновничества и мещан, как, например, коллежские регистраторы Халютин, Глазков Михаил и Андрей Павлов (из гор. Вятки), канцеляристы и копиисты — Лев Дарошев, Николай Усольцев и Илья Сарычев (из гор. Уржума), мещане — Степан Куршаков, Василий Кудрин и Николай Зырин (из гор. Котельнича), священник из села Кстининского Иван Зонов, служитель духовного ведомства Никита Кибардин (16 лет) и многие другие...

История сохранила нам замечательное свидетельство патриотизма вятчан в период отечественной войны 1812 года — прошение 17-летнего мещанина Петра Смолина о зачислении его добровольцем.

Петр Смолин не был исключением. Вступали добровольцами в ополчение также офицеры, ранее вышедшие в отставку, и представители высшего чиновничества. Они назначались командирами полков, батальонов и сотенными начальниками, а также на другие командные должности. Кроме того, они сопровождали рекрутские партии. Особенно нуждался в командном составе третий ополченческий округ, так как в первую очередь проходило укомплектование по двум первым ополченческим округам —

Петербургскому и Московскому. Из отставных военных и высшего чиновничества вступили добровольцами в ополчение в гор. Вятке — генерал-майор Николай Наумов, коллежский асессор Рихарт, титулярные советники — Фокин и Бессонов, в гор. Сарапуле — помещик Демгольц, в гор. Елабуге — губернский секретарь Капитон Суворов и др.

В борьбе за национальную независимость России принимали участие не только русский народ, но и другие народы, населявшие Россию. «Не только стародавние сыны России, но и народы отличные языком, нравами, верою и образом жизни, народы кочующие, — и те наравне с природными россиянами, готовы были умереть за землю русскую. Мордва, тептери, мещеряки, черемисы ревностно и охотно шли на службу», — писал С. Глинка.

Жители Вятской губернии — удмурты, мари, татары также принимали активное участие в борьбе с наполеоновскими ордами. Сохранились документальные свидетельства о вступлении добровольцами в Вятское народное ополчение татар, живших в губернии. Так, в гор. Сарапуле записались добровольцами в ополчение 6 человек: Абдулвакит Сейфуллин, Петр Курбатов и др.

Благодаря такому патриотическому подъему народных масс формирование Вятского ополчения прошло успешно. Всего было собрано (по набору) ополченцев по Вятской губернии 830 человек (733 пехотинца и 97 конных) и, кроме того, несколько сот добровольцев.

Первоначально предполагалось создать особое Вятское ополчение. Затем нашли более целесообразным присоединить Вятское ополчение к Казанскому. Командующим Казанским ополчением был назначен генерал-майор Булыгин. Кроме ополчения, в Вятской губернии формировались и дополнительные войсковые части на средства некоторых передовых помещиков и высокопоставленных лиц. Например, мелкоместный помещик Сарапульского уезда Демгольц выступил с отрядом дворовых, вооруженных и обмундированных на его средства.

Первая партия вятских ополченцев была направлена в Казань 4 ноября 1812 года. Затем, спустя неделю, были отправлены и остальные. Объединенные Вятское и Казанское ополчения в составе 5 батальонов пехоты (3250 человек и 80 лошадей) и двух сотен конницы влились в общее ополчение третьего ополченческого округа.

Следует указать слабые стороны — недостаточное его вооружение и слабую военную выучку. (Это было наиболее слабым местом не только Вятского ополчения, но и вообще всего народного ополчения 1812 года).

Оружие ополченцев было невысокого качества. Вооружены ополченцы были так: пехотинец — пикой и ружьем со штыком, конный воин — пикой, саблей и пистолетом.

Военное обучение ополченцев проходило вначале в местах формирования ополчения — в гор. Вятке и Уржуме, а потом в гор. Казани. Обучение было несложное. Прежде всего тогда требовалось от воина «знания своего места в шеренге и в ряду». Военное обучение ополченцев сводилось к следующему: «Ружьем учить только на плече нести оное правильно, заряжать, стрелять и действовать штыком, на караул же делать не учить,

маршировать учить слегка». Однако не всегда командиры следовали этим правилам. Когда ополченцы присоединялись к регулярным частям армии, тогда от каждого ополченца требовалась такая же военная дисциплина и выучка, как и от кадрового солдата. Победы ополченцев в боях с наполеоновскими войсками в значительной степени объясняются их исключительной храбростью и мужеством, их готовностью жертвовать собой на благо Родины, во славу России.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОПОЛЧЕНЦЕВ

Вятским ополченцам не пришлось сражаться с неприятелем на своей родной земле. К моменту подтягивания Вятского народного ополчения к театру военных действий враг уже был разбит и изгнан из пределов русской земли, и вятчанам пришлось воевать на территории Западной Европы.

Объединенное Казанское и Вятское ополчение состояло из 5 пеших батальонов и 2 конных сотен. Ополчение выступило в поход в декабре 1812 года. Жители устроили ополченцам теплые проводы и щедро снабдили их продуктами питания.

После долгого и трудного пути, к лету 1813 года Казанский полк достиг Малороссии. Здесь он соединился с симбирской дивизией и пензенской дивизией генерала Титова. Вскоре к ним присоединились башкирские и мещерские полки. В июле 1813 года ополчение получило распоряжение через города Житомир, Новгород-Волынский двинуться на запад. В августе 1813 года ополченцы были уже на территории Западной Европы.

На долю ополченского корпуса Толстого выпала задача взять укрепленные места по Эльбе. Река Эльба с крепостями Магдебургом, Виттенбергом и Торгау, с укрепленными городами Гамбургом и Дрезденом была превосходной оборонительной линией. Наполеон заблаговременно укрепил расположенные по р. Эльбе города. Главным опорным пунктом на Эльбе был город Дрезден — столица Саксонии. «Дрезден есть мой основной пункт для противодействия неприятелю», — так оценивал Наполеон дрезденскую крепость.

Наполеон, покидая Дрезден, оставил для его обороны маршала Сен-Сира с 1-м и 14-м корпусами и с частью кавалерии, в составе которой находились один польский и один итальянские полки. Общая численность гарнизона Дрездена составляла более 35 тыс. человек.

Русское командование отдало приказ взять Дрезден. На осаду крепости был направлен 24-тысячный ополченческий корпус графа Толстого с 64 орудиями.

31 августа ополченцы получили приказ о наступлении на Дрезден. Сломив сопротивление небольших частей на подступах к Дрездену, ополченцы к 1 октября подошли к крепости. Началась осада Дрездена, которая длилась месяц.

К чести ополченцев, нужно сказать, что первой крепостью, сдавшейся русским, была дрезденская крепость. Вятские ополченцы принимали в ее осаде самое активное участие. Условия борьбы за Дрезден не благоприятствовали русским. Осада велась под непрерывным неприятельским обстрелом. Вооружение ополченцев во многом уступало вооружению фран-

цузских солдат. Ополченцы испытывали острый недостаток в провианте. Но они вели себя настолько мужественно и храбро, что французы до самой сдачи крепости не верили, что против них выступают ополченцы, а не части регулярной армии.

4 октября маршал Сен-Сир делает первую попытку прорвать окружение и дает приказ о наступлении. В сражении 5 октября русские, «выказав врожденную им храбрость, сражались упорно», — так отозвался один западный историк об ополченцах, участвовавших в этом сражении. Имея численное превосходство, французам удалось вначале несколько потеснить ополченцев, но они недолго продержались на захваченных ими позициях. Несколько дней спустя, ополченцы собрались с силами и 10 октября 1813 года в результате стремительного наступления враг снова отступил к Дрездену. К 17 октября дрезденская крепость снова была окружена. Все дальнейшие попытки французов прорвать окружение терпели неудачу. Последняя отчаянная попытка Сен-Сира выйти из окружения, прорваться к крепостям Торгау и Виттенбергу и соединиться с маршалом Даву также не имела успеха.

25 октября 14 тысяч французских войск под начальством генерала Мутона атаковали позиции ополченцев. Последовательными ударами ополченческие полки расстроили ряды неприятеля и заставили его отступить. В сражении 25 октября особенно отличились воины Казанского и Вятского ополчений, впоследствии награжденные орденами и медалями.

30 октября маршал Сен-Сир, сознавая бесполезность дальнейшего сопротивления, сдал крепость. По условиям капитуляции, французы обязывались полностью разоружить гарнизон и уплатить контрибуцию. Были взяты в плен 1 маршал, 32 генерала, 1759 офицеров, 33744 солдата с оружием и захвачены 244 пушки. Общая ценность трофеев достигала 5 миллионов рублей.

После взятия Дрездена, этого основного опорного пункта наполеоновских войск на р. Эльбе, основная часть ополченческого округа двинулась по направлению к Магдебургу и Гамбургу и вскоре их взяла. Вятские же ополченцы были оставлены в составе дрезденского гарнизона.

Интересно отметить, что в боях за город Гамбург принимала участие знаменитая вятчанка Надежда Андреевна Дурова.

Много геройских подвигов совершили ополченцы, в том числе и вятские. Командующий ополченским корпусом граф Толстой в своем обращении к ополченцам при возвращении их в Россию отметил их заслуги перед Родиной. «Они заслуживают особенного уважения за деяния свои на берегах Эльбы».

В разгроме наполеоновских полчищ народные ополчения сыграли большую роль — они оказали огромную поддержку регулярной армии.

Бондаренко В.К. Вятское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Киров, 1943. С. 8—14, 18—23.

И ДЕТКОВ

БАТАЛЬОН ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

В период Отечественной войны 1812 г. на территории Вятской губернии было проведено три рекрутских набора, шло формирование Вятского пешего и конного ополчения

Интересна судьба еще одного воинского подразделения, связанного с именем любимой сестры императора Александра I Екатерины Павловны (1788—1819)

В 1812 г. Екатерина Павловна первая откликнулась на мысль о созыве ополчения и за свой счет выставила целый батальон. Набор ратников в батальон должен был производиться из крестьян ее удельных имений, которые были расположены в 12 губерниях Европейской России. В Вятской губернии к уделам великой княгини Екатерины Павловны отнесены были удельные крестьяне Яранского, Нолинского и Сарапульского уездов. Всего в батальон из трех уездов Вятской губернии должно было поступить не менее ста ратников-вятчан.

Формирование батальона происходило в Твери и было закончено к концу сентября 1812 г. Командиром батальона был назначен флигель-адъютант полковник князь А. П. Оболенский (1780—1855).

В октябре 1812 г. батальон Екатерины Павловны был отправлен в действующую армию, где действовал в составе отдельного отряда Ф. Ф. Винценгероде, а затем участвовал в заграничном походе 1813—1814 гг. в составе отряда генерал-лейтенанта В. Д. Иловайского 12-го[1].

Об участии батальона в военных действиях на территории Германии в апреле-октябре 1813 г. дает представление следующий документ:

«Краткая выписка, в каких делах баталион ее и. выс. находился в сию кампанию.

20 апреля под г. Лютценом находился на правом фланге противу дер. Гросгершен, занятой значительным числом неприятеля, препятствовавшим нашей батарее стать на назначенное место. Несмотря на несоразмерность сил, баталион овладел штыками оною деревнею и заставил неприятеля отступить, чем доставил возможность батарее подполковника Литштейна стать на выгодное место.

21-го, 22-го и все последние числа апреля при отступлении армии от Лютцена в ариергарде с 5-ю пехотною дивизиею.

8-го и 9-го числа мая в генеральном сражении при Бауцине на левом фланге в горах. 9-го числа дрался с стрелками и находился уже в тылу неприятеля и получил приказание отступать.

---

[1] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 216.

10 августа при вступлении в Саксонию был в числе подкрепляющих авангард.

11-го числа командирован в отряд генерал-майора Иловайского 12-го для наблюдения крепости Кенигштейна и ... дороги, ведущей из города чрез Глофсдорф к Теплицу. До 14-го числа содержал наблюдательные посты под стенами крепости. 14-го же числа, быв атакован в дефилеи, чрез которую лежит дорога от Кенигштейна в Глофсдорф, несколькими колоннами неприятельской пехоты, один не только удержал оную целой день, но сильным огнем и удачными ударами в штыки заставил неприятеля с потерею значущего числа убитыми, ранеными и в плен взятыми оставить свое покушение.

15-го числа соединился с войсками под командою генерал-лейтенанта графа Остермана.

16-го числа получено приказание занять позицию пред дефилеей Бергсюбеля; по правую и левую оной сторону уже находились две неприятельские колонны: на правую ударил гвардии Преображенского полка баталион, на другую, покушавшуюся отрезать артиллерию, бросился баталион ее высочества, на штыки, истребив большую часть; оные остатки преследовал в лес, которой удерживал до тех пор, как прошла вся артиллерия.

17-го числа от самого Петерсвальда до дер. Кульм прикрывал отступление гвардии, стрелками и сомкнутым фронтом останавливал сильнейшее стремление неприятеля, присоединился же к гвардии под дер. Кульмой, дрался остаток дня в стрелках на левом фланге в горах.

18-го числа в линию при разбитии корпуса маршала Дама.

21-го числа командирован в отряд к генерал-майору Кайсарову для наблюдения и поиску противу неприятеля в дер. Максен, где находился до 30-го числа и был в нескольких с неприятелем щибках. 2, 3 и 4 сентября находился в авангардных сражениях при Елендорфе и Нолендорфе; 3-го числа, когда вся неприятельская армия наступила на авангард, был в линии, удерживая позиции между Елендорфом и Петерсвальдом; неприятель, выслав наигустейшую цепь стрелков для овладения нашей батареи, — наши стрелки за кавалериею бросились в атаку и захватили множество пленных.

24 сентября вторично командирован в отряд генерал-майора Кайсарова в гг. Геру и Пегау и находился в отряде сем до 28-го числа.

28 сентября соединился с авангардом генерал-лейтенанта графа Палена.

I октября соединился с корпусом генерал-лейтенанта кн. Горчакова 2-го.

В сражении под Лейпцигом 4-го числа вместе с бригадою 5-й дивизии занял нужную для артиллерии на правом фланге дер. Либерволковиц высоту, когда австрийские войска оставили означенную деревню и лес, к ней примыкающий, и неприятель овладел оным. Тогда войска должны были оставить высоту и атаковать лес под сильнейшим мушкетным и картечным огнем; неприятель в

четверть часа времени выбит был из лесу, и в сем случае баталион особенно отличил себя.

6 и 7 октября при прогнании неприятеля за г. Лейпциг и далее. Флигель-адъютант полковник кн. Оболенский»[2].

Таким образом, наши земляки в составе батальона Екатерины Павловны участвовали почти во всех главных сражениях той эпохи: при Люцене, под Бауценом, Кенигштейном, Дрезденом, Кульмом и Лейпцигом. Сам генерал-лейтенант граф А. И. Остерман-Толстой, потерявший руку в сражении под Кульмом, не преминул отметить отличные действия батальона в этом сражении: «...Баталион стрелков ее императорского высочества также много способствовал»[3].

В кровопролитных боях потери батальона составили 294 человека[4].

В декабре 1814 года батальон ее императорского высочества великой княгини Екатерины Павловны был расформирован[5].

По родному краю. Киров, 1991. С. 57—64.

ИЗ СВЕДЕНИЙ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г. — О ПЛЕННЫХ, ПРИБЫВШИХ В ВЯТСКУЮ ГУБЕРНИЮ*

1813 г.**

В 1813 году в половине января в Вятку приведено пленных 1000 человек, в числе коих сверх французов было много немцев, итальянцев и других наций. Это первая партия. Они все место своего пленения именовали Можай, т. е. ближайший город к селу Бородино, да и у нас эту битву сначала называли при Можайске, после уже определили оную Бородинскою.

В Вятской губернии пленные были насланы во все уездные города.

ГАКО. Ф. 170. Оп. I. Д. 416. Л. 50 об. Подлинник.

---

[1] ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 208 в., св. 45. Д. 1. Л. 262—263 об.

[3] Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964. С. 255.

[4] ВИМАИВВС. Письмо № 460 от 29 мая 1987 г.

[5] Подробнее см. Гулевич С. А. Участие императорской фамилии в формировании государственных ополчений //Журн. имп. рус. восп.-ист. о-ва. 1910. Кн. 2. С. 39—68.

* Сведения собраны протоиереем Слободского Преображенского собора И. В. Куртиевым (1795—1869).

** Датируется по содержанию, дата составления документа — ок. 1855 г.

ДОНЕСЕНИЕ ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА Ф. И. ФОН-БРАДКЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ РУССКОЙ АРМИЕЙ ФЕЛЬДМАРШАЛУ М. И. КУТУЗОВУ О НАХОДЯЩЕМСЯ НА ЛЕЧЕНИИ В г. САРАПУЛЕ ПОРУЧИКЕ АЛЕКСАНДРОВЕ

6 апреля 1813 г.

Светлейший князь!

М[илостивый] государь!

Исполняя повеление Вашей светлости, объявленное мне в предписании г. генерал-адъютанта начальника Главного штаба всех армий от 28 генваря за № 333-м, а мною полученном 12 марта, счастие имею Вашей светлости почтеннейше донести, что во вверенной управлению моему губернии штабс- и обер-офицеров за полученными в сражениях ранами, по полученным от городничих и земских исправников донесений, не оказалось, кроме одного поручика Литовского уланского полка Александрова[1], проживающего в городе Сарапуле, о котором тамошний городничий коллежский советник Дуров донес мне, что он одержим лихорадкою и по освобождению от оной неупустительно отправится в армию[2].

С глубочайшим высокопочитанием и совершеннейшею преданностию имею счастие называться, светлейший князь, м[илостивый] г[осударь], Вашей светлости [покорнейшим слугою]*

ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 1196. Л. 116 — 116 об. Отпуск.

[1] Поручик Александров — Н. А. Дурова (1783—1866), первая женщина-офицер в русской армии, ординарец М. И. Кутузова. Чин поручика Н. А. Дурова получила за Бородинскую битву. Здесь она была ранена и в конце 1812 г. уехала в Сарапул на лечение.

[2] В мае 1813 г. сарапульский городничий А. В. Дуров доносил губернатору Ф. И. фон-Брадке: «...находящийся в городе, управлению моему вверенному, Литовского уланского полка поручик Александров сего мая 12-го числа по выздоровлении от болезни отправился к армии» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 122. Л. 28. Подлинник).

* Подпись отсутствует.

ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ, ИЗДАВАЕМЫЕ А. ПУШКИНЫМ

Modo vir modo foemina.
Ov.[1]

В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров, вступил рядовым в Конно-польский уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский георгиевский крест и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский гусарский полк. Впоследствии перешел он в Литовский уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

По-видимому, все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однако ж это самое наделало много шуму, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений — и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н. А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы «Современника» отрывками из журнала, веденного ею в 1812—13 году. С глубочайшей благодарностию спешим воспользоваться ее позволением.

Издатель.

Дурова Н. А. Избр. сочинения кавалерист-девицы. М., 1983. С. 460.

Н. ДУРОВА

КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА

Бородино. Вечером вся наша армия расположилась биваками близ села Бородино. Кутузов хочет дать сражение, которого так давно все желают и ожидают. Наш полк, по обыкновению, занимает передовую линию. В эту ночь, я сколько ни свертывалась, сколько ни куталась в шинель, но не могла

[1] То мужчина, то женщина. Овидий (лат.).

ни согреться, ни заснуть. Шалаш наш был сделан à jour[1], и ветер свистал сквозь него, как сквозь разбитое окно. Товарищи мои, которых шинели теплы, спят покойно: охотно бы легла я у огня, но его нет и не разводили.

24-го августа. Ветер не унялся! на рассвете грозно загрохотала вестовая пушка. Гул ее несся, катился и переливался по всему пространству, занятому войском нашим. Обрадовавшись дню, я тотчас оставила беспокойный ночлег свой! Еще не совсем замолк гул пушечного выстрела, как все уже было на ногах! Через четверть часа все пришло в движение, все готовится к бою! Французы идут к нам густыми колоннами. Все поле почернело, закрывшись несметным их множеством.

26-го. Адский день! Я едва не оглохла от дикого, неумолкного рева обеих артиллерий. Ружейные пули, которые свистали, визжали, шикали и, как град, осыпали нас, не обращали на себя ничьего внимания; даже и тех, кого ранили, и они не слыхали их: до них ли было нам!.. Эскадрон наш ходил несколько раз в атаку, чем я была очень недовольна: у меня нет перчаток, и руки мои так окоченели от холодного ветра, что пальцы едва сгибаются; когда мы стоим на месте, я кладу саблю в ножны и прячу руки в рукава шинели: но, когда велят идти в атаку, надобно вынуть саблю и держать ее голою рукой на ветру и холоде. Я всегда была очень чувствительна к холоду и вообще ко всякой телесной боли; теперь, перенося днем и ночью жестокость северного ветра, которому подвержена беззащитно, чувствую, что мужество мое уже не то, что было с начала кампании. Хотя нет робости в душе моей и цвет лица моего ни разу не изменялся, я покойна, но обрадовалась бы, однако ж, если бы перестали сражаться.

Ах, если б я могла согреться и опять почувствовать, что у меня есть руки и ноги! Теперь я их не слышу.

Желание мое исполнилось; нужды нет, каким образом, но только исполнилось; я не сражаюсь, согрелась и чувствую, что у меня есть руки и ноги, а особливо левая нога очень ощутительно дает мне знать, что я имею ее; она распухла, почернела и ломит нестерпимо: я получила контузию от ядра. Вахмистр не допустил меня упасть с лошади, поддержал и отвел за фронт. Несмотря на столько битв, в которых была, я не имела никакого понятия о контузии; мне казалось, что получить ее не значит быть ранену, и потому, не видя крови на колене своем, воротилась я к своему месту. Подъямпольский, оглянувшись и видя, что я стою перед фронтом, спросил с удивлением: «Зачем ты воротился?» — «Я не ранен», — отвечала я. Ротмистр, полагая, что меня ударила пуля на излете, успокоился, и мы продолжали стоять и выдерживать огонь до самой ночи. Тогда неприятель зачал освещать нас светлыми ядрами, живописно скачущими мимо нашего фронта; наконец и эта забава кончилась, все затихло. Полк наш отступил несколько назад и спешился; но эскадрон Подъямпольского остался на лошадях. Я не в силах была выдерживать долее мучений, претерпеваемых мною от лома в ноге, от холода, оледенявшего кровь мою, и от жестокой боли всех членов (думаю, оттого, что во весь день ни на минуту не сходила с лошади). Я сказала Подъямпольскому, что не могу более держаться на седле и что если он позволит, то я поеду в вагенбург, где штаб-лекарь *Карнилович* посмотрит, что делается с моею ногой; ротмистр позволил.

---

[1] на один день, временный (франц.).

Наконец пришло то время, что я сама охотно поехала в вагенбург! В вагенбург, столько прежде презираемый! Поехала, не быв жестоко раненною!.. Что может храбрость против холода!!

Оставя эскадрон, пустилась я, в сопровождении одного улана, по дороге к вагенбургу, едва удерживаясь от бодезненного стона. Но я не могла ехать далее Бородина и остановилась в этом селении; оно из конца в конец было наполнено ранеными. Ища бесполезно избы, куда б меня пустили, и получая везде отказ, решилась я войти и занять место, не спрашивая согласия; отворив дверь одной обширной и темной, как могила, избы крестьянской, была я встречена двадцатью голосами, болезненно кричащими ко мне из глубины этого мрака: *«Кто там! Зачем? Затвори двери! Что тебе надобно? Кто такой пришел...«* Я отвечала, что я уланский офицер, ранен, не могу найти квартиры и прошу их позволить мне переночевать здесь.

«Нельзя, нельзя! — закричало вдруг несколько голосов, — здесь раненый полковник, и нам самим тесно!» — «Ну, так раненый полковник должен по себе знать, что в таком положении трудно искать квартиры, и как бы ни было вам тесно, но вы должны были бы предложить мне остаться между вами, а не выгонять». На эту проповедь отвечал мне кто-то отрывисто: «Ну, пожалуй, оставайтесь, вам негде будет лечь». — «Это уже моя забота», — сказала я и, обрадовавшись, что наконец вижу себя в тепле, влезла на печь и легла на краю не только что во всем вооружении, но даже не снимая и каски. Члены мои начали оттаивать и боль утихать; одна только ушибленная нога была тяжела, как бревно: я не могла пошевелить ее без боли. Изнуренная холодом, голодом, усталостию и болью, я в одну минуту погрузилась в глубочайший сон. На рассвете, видно, я хотела повернуться на другую сторону, но как спала на краю печи, то сабля моя от этого движения свесилась и загремела; все проснулись и все кричали: *«Кто тут! Кто ходит!»* Голос их показывал сильный испуг; один из них прекратил эту тревогу, напомня товарищам обо мне, выражаясь весьма обязательно: «Это возится тот улан, вот что с вечера еще черт принес к нам». После того они опять все заснули, но я уже не спала; нога моя жестоко болела, и, вместо вчерашнего озноба, во мне был сильный жар. Я встала и, рассмотрев сквозь трещины ставня, что заря уже занималась, отворила дверь, чтоб выйти и оставить гостеприимный кров, под которым провела ночь; у самого порога стоял мой улан с обеими лошадьми; терзательная боль, когда надобно было стать и оперться левою ногой на стремя, выжала невольные слезы из глаз моих. Отъехав с полверсты, я хотела уже сойти с лошади и лечь в поле, отдавшись на волю судьбы: нога моя затекла и причиняла мне боль невыносимую! К счастию, улан мой увидел вдали телегу; на ней лежала пустая бочка, в которой отвозили вино в армию; сейчас он поскакал и привел эту телегу ко мне; пустую бочку сбросили, а я заняла ее место и легла на ту солому, на которой она лежала. Улан повел моего Зеланта в поводу, и таким образом прибыла я в вагенбург, где нашла доброго приятеля своего полкового казначея **Бурого**, и теперь сижу в его теплом шалаше, в его тулупе; в руках у меня стакан горячего чаю; нога обвязана бинтами, намоченными спиртом; надеюсь, что и это поможет за неимением лучших средств. Карниловича нет здесь, он при полку.

Я совершенно оправилась! Хороший суп, чай и теплота возвратили членам моим силу и гибкость; все забыто, как сон, хотя нога и болит еще. Но что об ней думать! К тому ж, право, мне кажется, что моя контузия из всех контузий самая легкая.

Проведя два дня в шалаше Бурого, я спешила возвратиться в полк; мне дано отвесть туда небольшой отряд, состоящий из двадцати четырех улан, для укомплектования эскадрона.

Мы отступаем к Москве и теперь уже в десяти верстах от нее. Я спросила *Штакельберга* позволить мне съездить в Москву, чтоб заказать сшить теплую куртку; получа позволение, я отдала свою лошадь улану и отправилась на паре едва дышащих кляч, нанятых в селении. Я хотела было остановиться в Кремле у *Митрофанова*, искреннего друга и сослуживца отца моего, но узнала, что он куда-то уехал. Пока я доспросилась о нем, должна была заходить ко многим жильцам обширного дома, в котором были и его комнаты. Один из этих набегов произведен на горницы молодой купчихи; она, увидя меня отворяющую дверь ее, тотчас стала говорить: «Пожалуйте, пожалуйте, батюшка господин офицер! прошу покорно, садитесь, сделайте милость; вы хромаете, конечно, ранены? Не прикажете ли чаю? Катенька, подай скорее». Говоря все это, она усаживала меня на диване, а Катенька, миленькая четырнадцатилетняя девочка, во всем блеске купеческой красоты, стояла уже передо мною с чашкою чаю. «Что, батюшка, супостат наш далеко ли? Говорят, он идет в Москву». Я отвечала, что его не пустят в Москву. «Ах, дай-то бог! Куда мы денемся тогда? Говорят, он всех принуждает к своей вере». Что мне было отвечать им на такие вопросы? Малютка тоже отозвалась своим тоненьким голосом: «Слышно, что они всех пленных клеймят против сердца», — говоря это, она указывала на свое собственное сердце. «Это легко может быть, — отвечала я, — об этом что-то и я слышал». Они приступили было ко мне с расспросами, но я встала, сказав, что должен спешить к своему месту. «Итак, господь с вами, батюшка», — говорили обе сестры, провожая меня по переходам к лестнице.

Куртку мне сшили, я надела ее и хотела сейчас выехать из города; но это не так-то легко было сделать: неприятель близко, многие извощики оставили Москву, и те из них, которые были еще тут, просили с меня пятьдесят рублей, чтоб довезть до главной квартиры; но как у меня нет и одного, не только пятидесяти, то я отправляюсь пешком. Прошед версты три по мостовой, я принуждена была лечь на землю, как только вышла за заставу: нога моя снова стала болеть и пухнуть, и я не могла уже ступить на нее. К моему счастию, проезжала мимо какая-то фура, нагруженная седлами, потниками, манерками, ранцами и всяким другим военным дрязгом; при ней был офицер. Я просила его взять меня на эту фуру; сначала он не соглашался, говоря, что ему нельзя ничего из тех вещей сбросить и некуда посадить меня; но, представя ему, что не только офицер, но и простой солдат дороже государю двадцати таких фур, я убедила его дать мне место. У главной квартиры я встала, поблагодарила офицера и пошла, прихрамывая, искать *Шварца*, чтоб попросить у него какую-нибудь лошадь; моя осталась в полку. Я отыскала Шварца в квартире графа *Сиверса*. После Бородинского дела мы не видались; он очень удивился, увидя меня, и спросил, для чего я не при полку? Я рассказала ему о контузии, о боли, о Москве, о куртке, прибавя ко всему этому, что желала бы как можно скорее возвратиться к полку и что для этого мне нужна лошадь. Шварц дал мне казачью лошадь с тонкою вытянутою шеей, безобразную, оседланную гадким седлом с огромной подушкой. На этом коне, не имевшем и в доброе свое время ни огня, ни быстроты, приехала я в полк. Горя нетерпением сесть на своего бодрого и гордого Зеланта, я узнала, к величайшей досаде моей, что он отправлен с заводными лошадьми верст за пять в деревню.

Перешед Москву, мы остановились верстах в двух или трех от нее: армия пошла дальше.

Через несколько времени древняя столица наша запылала во многих местах! Французы вовсе нерасчетливы. Зачем они жгут наш прекрасный город? свои великолепные квартиры, так дорого ими нанятые? Странные люди!.. Мы все с сожалением смотрели, как пожар усиливался и как почти половина неба покрылась ярким заревом. Взятие Москвы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: ***лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву!*** Разумеется, они говорят это друг другу вполголоса, а в таком случае офицер не обязан этого слышать.

Полк наш примыкал левым флангом к какой-то деревушке; в ней не было уже ни одного человека. Я спросила ротмистра, долго ли мы тут будем стоять? «Кто ж это знает, — отвечал он, — огней не велено разводить, так, видно, надобно быть наготове каждую минуту. А тебе на что это знать?» — «Так; я пошел бы в крайний дом лечь спать ненадолго; у меня очень болит нога». — «Поди; пусть унтер-офицер постоит у избы с твоей лошадью; когда полк тронется с места, то он разбудит тебя». Я проворно побежала в дом; вошла в избу и, видя, что пол и лавки выломаны, не нашла лучшего места, как печь; я влезла на нее и легла с краю; печь была тепла, видно, ее недавно топили; в избе было довольно темно от притворенных ставень. Теплота и темнота! какие два благословенные удобства! Я тотчас заснула. Думаю, что спала не более получаса, потому что скоро проснулась от повторенных восклицаний: «Ваше благородие! ваше благородие! полк ушел! неприятель в деревне!!» Проснувшись, я спешила встать и, стараясь опереться левою рукой, почувствовала под нею что-то мягкое; я обернулась посмотреть и как было темно, то наклонилась очень близко к предмету, в который оперлась рукою; это был мертвый человек и, кажется, ополчанин; не знаю, легла ли бы я на печь, если б увидела прежде этого соседа, но теперь я и не подумала испугаться. Каких странных встреч не случится в жизни, особливо в теперешней войне! Оставя безмолвного обитателя хижины спать сном беспробудным, я вышла на улицу; французы были уже в деревне и стреляли кой-на-кого из наших. Я поспешила сесть на свою лошадь и рысью догнала полк.

Штакельберг послал меня за сеном для полковых лошадей, и я волею или неволею, но должна была ехать на лошади упрямой, ленивой и безобразной, как осел; пустя вперед свою команду, ехала я за нею, размышляя о неприятном положении своем. Стыд и беда с таким конем ожидают меня в первом деле: на неприятеля он не пойдет, от неприятеля не унесет... «Вот здесь наши заводные!» — сказал один из улан своему товарищу, указывая на ближнее селение; оно было в версте от дороги, по которой я вела свой отряд. Мысль, что могу достать свою лошадь, осветила мой ум, успокоила и разогнала все мрачные помыслы; я поручила унтер-офицеру вести шагом отряд к ближнему лесу, а сама не поскакала уже, но потряслась как могла скорее к селу, где надеялась найти наших заводных.

Судьба ожесточилась против меня: я не нашла здесь своей лошади; здесь не нашего полка заводные; уланские далее еще верстах в трех от селения.

Несчастный голодный осел, на котором я сижу и терзаюсь досадою, какую только можно себе представить, не хочет идти иначе как шагом и то с величайшею ленью. Мучительнее этого состояния я еще не испытывала. Если б мне отдали на выбор: быть ли еще на двух Бородинских сражениях или два дня только иметь под собою эту верховую лошадь, сию минуту избираю первое, не колеблясь ни секунды.

Я отыскала и взяла своего Зеланта; но как дорого мне это стоило! Решаясь во что бы то ни стало избавиться неприятного положения своего, принудила я шпорами и саблею бедную лошадь довезти меня рысью до второго селения, и тут, к восхищению моему, первый предмет, который мне представился, был Зелант! Пересев на него, полетела я, как стрела, к тому лесу, куда велела ехать своему отряду; я надеялась отыскать его по следам, но множество дорог, идущих вправо, влево, поперек — и на всех бесчисленное множество конских следов, — привели меня в недоумение. Проехав версты три наудачу по дороге, которая показалась мне шире других, приехала я к господскому дому прекрасной архитектуры. Цветник перед крыльцом, ведущим в сад, был весь истоптан лошадьми; по аллеям тянулись богатые кружева и блонды: следы грабительства видны были везде. Не встречая тут ни одного человека и не зная, как отыскать свою команду, решилась я возвратиться в полк. Штакельберг, увидя меня одну, спросил: «Где ж ваша команда?» Я откровенно рассказала, что, желая взять свою лошадь в ближнем селении, велела отряду идти шагом к лесу и там дождаться меня; но что, возвратясь, я не нашла их на назначенном месте и теперь не знаю, где они. «Как смели вы это сделать! — закричал Штакельберг. — Как смели оставить свою команду! Ни на секунду не должны вы были отлучаться от нее; теперь она пропала: лес этот занят уже неприятелем. Ступайте, сударь! сыщите мне людей, иначе я представлю на вас главнокомандующему, и вас расстреляют!..» Оглушенная этою выпалкой, поехала я опять к проклятому лесу, но там были уже неприятельские стрелки. «Куда ты едешь, Александров?» — спросил меня офицер лейб-эскадрона, находившийся в передней линии наших стрелков. Я отвечала, что Штакельберг прогнал меня искать моих фуражиров. «А ты ужели их потерял?» Я рассказала. «Это, братец, пустяки, фуражиры твои, верно, прошли безопасно окольными дорогами и теперь должны быть в селении, занятом заводными лошадьми нашего ариергарда; ступай туда». Я последовала его совету и, в самом деле, нашла своих людей с их вьюками сена в этом селе. На вопрос: для чего не дожидались меня, сказали, что, услыша скачку и пальбу в лесу, думали, что это неприятель, и, не желая вовсе быть взятыми в плен, уехали дальше, верст за восемь; нашли там сено, навьючили им лошадей и приехали ожидать меня здесь. Я отвела их в полк, представила Штакельбергу и поехала прямо к главнокомандующему.

Чувствуя себя жестоко оскорбленною угрозой Штакельберга, что меня расстреляют, я не хотела более оставаться под его начальством: не сходя с лошади, написала я карандашом к Подъямпольскому: «Уведомьте полковника Штакельберга, что, не имея охоты быть расстрелянным, я уезжаю к главнокомандующему, при котором постараюсь остаться в качестве его ординарца».

Приехав в главную квартиру, увидела я на одних воротах написанные мелом слова: *Главнокомандующему;* я встала с лошади и, вошед в сени,

встретила какого-то адъютанта. «Главнокомандующий здесь?» — спросила я. «Здесь», — отвечал он вежливым и ласковым тоном; но в ту же минуту вид и голос адъютанта изменились, когда я сказала, что ищу квартиру **Кутузова**: «Не знаю; здесь нет, спросите там», — сказал он отрывисто, не глядя на меня, и тотчас ушел. Я пошла далее и опять увидела на воротах: **Главнокомандующему.** На этот раз я была уже там, где хотела быть: в передней горнице находилось несколько адъютантов; я подошла к тому, чье лицо показалось мне лучше других; это был **Дишканец**: «Доложите обо мне главнокомандующему, я имею надобность до него». — «Какую? вы можете объявить ее через меня». — «Не могу, мне надобно, чтобы я говорил с ним сам и без свидетелей; не откажите мне в этом снисхождении», — прибавила я, вежливо кланяясь Дишканцу. Он тотчас пошел в комнату Кутузова и через минуту, отворяя дверь, сказал мне: «Пожалуйте» — и с этим вместе сам вышел опять в переднюю; я вошла и не только с должным уважением, но даже с чувством благоговения поклонилась седому герою, маститому старцу, великому полководцу. «Что тебе надобно, друг мой?» — спросил Кутузов, смотря на меня пристально. «Я желал бы иметь счастие быть вашим ординарцем во все продолжение кампании и приехал просить вас об этой милости». — «Какая же причина такой необыкновенной просьбы, а еще более способа, каким предлагаете ее?» Я рассказала, что́ заставило меня принять эту решимость, и, увлекаясь воспоминанием незаслуженного оскорбления, говорила с чувством, жаром и в смелых выражениях; между прочим, я сказала, что, родясь и выросши в лагере, люблю военную службу со дня моего рождения, что посвятила ей жизнь мою навсегда, что готова пролить всю кровь свою, защищая пользы государя, которого чту, как бога, и что, имея такой образ мыслей и репутацию храброго офицера, я не заслуживаю быть угрожаема смертию... Я остановилась, как от полноты чувств, так и от некоторого замешательства: я заметила, что при слове «храброго офицера» на лице главнокомандующего показалась легкая усмешка. Это заставило меня покраснеть; я угадала мысль его и, чтобы оправдаться, решилась сказать **все.** «В Прусскую кампанию, ваше высокопревосходительство, все мои начальники так много и так единодушно хвалили смелость мою, и даже сам **Буксгевден** назвал ее **беспримерною,** что после всего этого я считаю себя вправе назваться **храбрым,** не опасаясь быть сочтен за самохвала». — «В Прусскую кампанию! разве вы служили тогда? который вам год? Я полагал, что вы не старее шестнадцати лет». Я сказала, что мне **двадцать третий год** и что в Прусскую кампанию я служила в Коннопольском полку. «Как ваша фамилия?» — спросил поспешно главнокомандующий. **«Александров!»** Кутузов встал и обнял меня, говоря: «Как я рад, что имею наконец удовольствие узнать вас лично! Я давно уже слышал о вас. Останьтесь у меня, если вам угодно; мне очень приятно будет доставить вам некоторое отдохновение от тягости трудов военных; что ж касается до угрозы расстрелять вас, — прибавил Кутузов, усмехаясь, — то вы напрасно приняли ее так близко к сердцу; это были пустые слова, сказанные в досаде. Теперь подите к дежурному генералу **Коновницыну** и скажите ему, что вы у меня бессменным ординарцем». Я пошла было, но он опять позвал меня: «Вы хромаете? отчего это?» Я сказала, что в сражении под Бородиным получила контузию от ядра. «Контузию от ядра! и вы не лечитесь! сейчас скажите доктору, чтобы осмотрел вашу ногу». Я отвечала, что контузия была очень легкая и что нога моя почти не болит. Говоря это, я лгала: нога моя болела жестоко и была вся багровая.

Теперь мы живем в *Красной Пахре*, в доме Салтыкова. Нам дали какой-то дощатый шалаш, в котором все мы (то есть ординарцы) жмемся и дрожим от холода. Здесь я нашла *Шлеина*, бывшего вместе со мною в Киеве на ординарцах у *Милорадовича*.

Лихорадка изнуряет меня. Я дрожу, как осиновый лист!.. Меня посылают двадцать раз в день в разные места; на беду мою, Коновницын вспомнил, что я, будучи у него на ординарцах, оказалась отличнейшим из всех, тогда бывших при нем. «А, здравствуйте, старый знакомый», — сказал он, увидя меня на крыльце дома, занимаемого главнокомандующим; и с того дня не было уже мне покоя. Куда только нужно было послать скорее, Коновницын кричал: «Уланского ординарца ко мне!» — и бедный уланский ординарец носился, как бледный вампир, от одного полка к другому, а иногда и от одного крыла армии к другому.

Наконец Кутузов велел позвать меня: «Ну что, — сказал он, взяв меня за руку, как только я вошла, — покойнее ли у меня, нежели в полку? Отдохнул ли ты? что твоя нога?» Я принуждена была сказать правду, что нога моя болит до нестерпимости, что от этого у меня всякий день лихорадка и что я машинально только держусь на лошади по привычке, но что силы у меня нет и за пятилетнего ребенка. «Поезжай домой, — сказал главнокомандующий, смотря на меня с отеческим состраданием, — ты в самом деле похудел и ужасно бледен; поезжай, отдохни, вылечись и приезжай обратно». При этом предложении сердце мое стеснилось. «Как мне ехать домой, когда ни один человек теперь не оставляет армию!» — сказала я печально. «Что ж делать! ты болен. Разве лучше будет, когда останешься где-нибудь в лазарете? Поезжай! теперь мы стоим без дела, может быть, и долго еще будем стоять здесь; в таком случае успеешь застать нас на месте». Я видела необходимость последовать совету Кутузова: ни одной недели не могла бы я долее выдерживать трудов военной жизни. «Позволите ли, ваше высокопревосходительство, привезть с собою брата? Ему уже четырнадцать лет. Пусть он начнет военный путь свой под начальством вашим». — «Хорошо, привези, — сказал Кутузов, — я возьму его к себе и буду ему вместо отца».

Через два дни после этого разговора Кутузов опять потребовал меня: «Вот подорожная и деньги на прогоны, — сказал он, подавая то и другое, — поезжай с богом! Если в чем будешь иметь надобность, пиши прямо ко мне, я сделаю все, что от меня будет зависеть. Прощай, друг мой!» Великий полководец обнял меня с отеческою нежностию.

Лихорадка и телега трясут меня без пощады. У меня подорожная курьерская, и это причиною, что все ямщики, не слушая моих приказаний ехать тише, скачут сломя голову. Малиновые лампасы и отвороты мои столько пугают их, что они хотя и слышат, как я говорю, садясь в повозку, «ступай рысью», но не верят ушам своим и, заставя лихих коней рвануть разом с места, не прежде остановят их, как у крыльца другой станции. Но нет худа без добра: я теперь не зябну; от мучительной тряски меня беспрерывно бросает в жар.

В Калуге пришел на почту какой-то, по-видимому, чиновник и, выждав, как никого не осталось в комнате, подступил ко мне тихо, как кошка, и еще тише спросил: «Не позволите ли мне узнать содержание ваших депеш?» — «Моих депеш! Забавно было бы, если б рассказывали курьерам, что́ написано в тех бумагах, с которыми они едут! Я не знаю содержания

моих депеш». — «Иногда это бывает известно господам курьерам; я скромен, от меня никто ничего не узнает», — продолжал шептать искуситель с ласковою миной. «И от меня так же. Я скромен, как и вы», — сказала я, вставая, чтоб уйти от него. «Одно слово, батюшка! Москва...» Остального я не слыхала, села в повозку и уехала. Сцены эти повторялись во многих местах и многими людьми; видно, им не новое было расспрашивать курьеров.

Дурова Н. А. Избр. сочинения кавалерист-девицы. М., 1983. С. 173—184.

РАПОРТ ДВОРЯНСКОГО ЗАСЕДАТЕЛЯ ВЯТСКОГО ЗЕМСКОГО СУДА С. Н. НЕВОСТРУЕВА В ГУБЕРНСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ О ПОЛУЧЕНИИ ЦАРСКОГО УКАЗА ОБ ОКОНЧАНИИ ВОЙНЫ С ФРАНЦИЕЙ

12 ноября 1815 г.

Его Императорского Величества указ из оного губернского правления от 6 ноября за № 25758-м, коим предписано о обвещении жителей о прекращении ныне последней со Франциею войны, в суде сем 10-го числа получен, и по оному определено: указ, записав, приобщить к прочим, о получении оного губернскому правлению отрапортовать, а об окончании войны с французами для сведения всем волостным правлениям дать знать указами.

Дворянский заседатель Невоструев

ГАКО. Ф.583. Оп.35. Д.1666. Л.21. Подлинник.

СВЕДЕНИЯ* ОБ УЧАСТНИКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. И. Г. СМИРНОВЕ[1]

1812—1815 гг.**

...В Отечественную войну 1812 года Смирнов служил подпоручиком в Симбирском пехотном (что ныне егерский) полку, находился в сражениях под Красным, под Смоленском, в Бородинской битве, вторично под Красным, под Лейпцигом, при переправе через Рейн, под Бриенном и под стенами Парижа. В 1815 году командовал 8-ою мушкетерскою ротою и был на изве-

*Составитель документа не установлен.

** Датируется по содержанию документа, дата составления документа — 7 октября 1854 г.

стном смотре европейских государей под г. Вертю на полях Шампании.

Будучи ранен три раза в сражениях сих, за ранами вышел в отставку и тем же чином с мундиром и пенсионом по 510 рублей ассигнациями и находится под покровительством комитета, Высочайше учрежденного в 18 день августа 1814 года, во 2-м разряде раненых. Имеет за Бриеннское дело орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и медали: «За 1812 год» и «За взятие Парижа».

ГАКО. Ф.582. Оп.19-а. Д.52. Л.388—389. Копия.

[1] Смирнов Иринарх Григорьевич — окончил Казанскую губернскую гимназию, с 15 апреля 1809 г. находился на военной службе, с 18 февраля 1816 г. имел чин подпоручика, с октября 1846 г. по [1860] г. — уржумский городничий.

ПРОШЕНИЕ УЧАСТНИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. ВЯТСКОГО ЗЕМСКОГО ИСПРАВНИКА П. Г. ЕСЬКОВА ГУБЕРНАТОРУ П. М. ДОБРИНСКОМУ ОБ ОТПУСКЕ

апрель 1820 г.

В последнюю французскую кампанию в 1812 и 1813 году получил я в разных сражениях от неприятелей одиннадцать ран и три сильных контузии, отчего и не в силах был продолжать воинскую службу, но в 1815 году я пользовался по увольнению начальства при теплице[1] минеральных вод, и через действие оных вод получил облегчение; почему в 1817 году вступил, по удостоению Высочайше учрежденного в 18 день августа 1814 года комитета по статской службе, в звание вятского земского исправника, каковую должность и отправляю по мере сил со всем усердием. Но ныне месяцев шесть или более я опять от тех же ран новое стал чувствовать усиление болезненных припадков, а особенно головной боли, из которой при операции, от удара палашом[2], вынута кость; то для подобного прежнему успеха в излечении в болезнях себя при минеральных водах и ныне намерен я и по совету медиков необходимостью считаю с открытием нынешнего летнего пути отправиться к кавказским минеральным водам, для чего и нужно мне срока не менее трех месяцев.

Почему Вашего превосходительства всепокорнейше прошу исходатайствовать мне таковой отпуск откуда и как следует. На что и ожидаю благодетельного разрешения. К сему прошению вятский

земский исправник штабс-ротмистр и кавалер Петр Еськов руку приложил[3].

ГАКО. Ф.582. Оп.45. Д.297. Л.53—53об. Подлинник.

[1] Теплица — теплый ключ, родник, целительная вода.

[2] Палаш — прямая длинная сабля с широким лезвием. Имеется в виду рана, полученная в сражении.

[3] 12 мая 1820 г. вятский губернатор П. М. Добринский получил из министерства внутренних дел письмо с согласием на увольнение П. Г. Еськова в отпуск. 15 июля того же года П. Г. Еськов написал на имя губернатора прошение о выдаче паспорта на трехмесячный срок для поездки на Кавказ.

ИЗ ВЕДОМОСТИ О ПРОЖИВАЮЩИХ В г. ВЯТКЕ ЧИНОВНИКАХ, УВОЛЕННЫХ СО СЛУЖБЫ И ИМЕЮЩИХ НАГРАДЫ*

27 ноября 1857 г.

6. Штабс-капитан Иван Никит[ич] Дунаев —	крест св. Георгия под. № 43 716-м за взятие Парижа в 1814 г., две медали серебряные: 1-я в память 1812 года и 2-я за взятие Парижа 19 марта 1814 года, [награжден] в 1815 году, [при награждении состоял] в чине унтер-офицера...

Полицеймейстер армии майор Насекин

ГАКО. Ф.582. Оп.22-а. Д.16. Л.53. Подлинник.

А. М. Васнецов

УЖ ВЫ, ГОРЫ...

Уж вы, горы, мои горы,
Развысокие мои!
Породили эти горы
Бел-горючи камешки.
Из-под камешка горюча
Речка быстрая течет;
Над реченькой, над быстрой
Част ракитов куст стоит;
А на том ли на кусточке
Млад-ясен сокол сидит.

* Представлена из Вятской городской полиции губернатору Н. Н. Семенову.

Во когтях-то сокол держит
Черного ворона;
Он бить его не бьет,
Крепко спрашивает:
— Ты куда, ворон, летал,
Где полетывал?
— Я летал-то летал
По синю морю.
— Чего ты видел, черный ворон,
На синем море?
— Уж я видел-то такое
Диво дивное,
Диво дивное я видел,
Чудо-чудное:
Тело бело-разодето
Гренадерово.
Уж никто к тому телу
Не прилетывал,
Никто тело бело
Не проведывал.
Прилетали к тому телу
Да три ласточки.
Первая ласточка —
Да родная матушка;
Друга ласточка —
Да сестра милая;
Третья ласточка —
Да молода жена.
Родная матушка садилась
У буйной головы;
Милая сестра садилась
У белой груди;
Молодая жена садилась
Во резвых ногах.
Родная матушка плачет,
Как река бежит;
Милая сестрица плачет,
Как ручьи текут;
Молодая жена плачет,
Как роса падет.
Когда солнышко взойдет,
Роса высохнет;
Молодая-то жена
Возамуж пойдет...

Васнецов А. М. Песни северо-восточной России, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг. 2-е изд./Под ред. Л. В. Дьяконова. Киров, 1949. С. 47—49.

V. КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853—1856

Война России с коалицией Англии, Франции и Турции. Военные действия шли на Дунае, Кавказе, в Крыму, на Балтике и Дальнем Востоке, Северном и Черном морях. Наиболее яркий эпизод событий войны — героическая 349-дневная Севастопольская оборона (1854—1855). Война закончилась Парижским мирным договором, по которому Россия вынуждена была пойти на значительные уступки.

П. АЛАБИН

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД
25 Ноября 1853 года. Букарест.

Как глас аргангельской трубы разнеслась по армии молва о синопской победе. Эта животворная весть прибавила нам больше духу, чем если бы пришла сюда пятидесяти-тысячная армия. Черноморский флот утешил Россию вестью: вражий флот не существует! Не суждено ли и нам порадовать Россию такою же вестью, относительно неприятельской армии? Говорят: кровавое синопское событие ускорит вмешательство европейских держав. Оне явно примут сторону Турции; оне оскорбятся; скажут: своим прибытием в Дарданеллы мы ясно показали, что Турция прикрыта нашим флагом, что нельзя нанесть ей удара, не коснувшись этого щита, а всякое к нему прикосновение руки враждебной нашим друзьям, есть оскорбление нам; можем ли мы равнодушно перенесть, чтоб у нас, так сказать, на носу, Русские уничтожили главныя силы Турции, которую мы пришли защищать!

Так они пришли своим присутствием остановить всякое кровопролитие, все еще надеясь кончить дело мирным путем! Они готовы оскорбиться, что мы побили Турок! а почему же они допустили совершиться кровавому чефкетильскому событию, ольтеницкой переправе и другим? Кто в Европе оскорбится **за нас**? кто близко примет к сердцу слезы наших осиротевших семейств, кровь несчастных жертв турецкаго изуверства, в ужасных мучениях испустивших дыхание на дымящихся еще развалинах николаевскаго форта? Пусть злится Европа, а мы с восторгом видим в синопском пожарище отблеск черфектильскаго.

Весть о синопском побоище принесена главнокомандующему в театре. Наш доблестный князь пришел в неописанный восторг. Тотчас об этом событии узнал весь театр. Смешно было смотреть на актеров еще продолжавших пьесу, которая, как нарочно, шла очень хорошо, хотя никто

на них не обращал уже никакого внимания. В театре поднялся шум, как при разъезде, особенно в партере, который наполнен преимущественно офицерами; пошли рассказы о подробностях дела, возгласы, даже поцелуи, даже крики восторга, никто не стеснялся в способе выражения своих чувств. Половина зрителей тотчас разъехалась вслед за князем, актеры кое-как, с пропусками, доиграли пьесу... глупы, право, они, не умели найтись: услышав чудотворную весть, электрическим током пробежавшую по зрителям, актерам прекратить бы свое кривлянье, опустить занавес, мгновенно переменить декорации, костюмы, всем бы выйти на сцену и запеть: «Боже Царя храни!» — к ним присоединился бы весь театр и кроме того их забросали бы букетами и деньгами...

Но могли ли так поступить актеры Французы и Италианцы? Как будто синопская победа была торжеством их дела? Они скорее запели бы «Марсельезу» если б узнали, что Турки разбили нашу армию или флот!

Алабин П. В. Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. Вятка, 1861. С. 127—128.

ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ
17 Декабря 1854 года

Такие начались морозы, что до полудня можно путешествовать в повозке по замершей грязи. Она проваливается только в местах особенно глубоких, но за то уж где провалится, то тут предстоит путнику ужасная борьба с этою, по выражению Наполеона, пятою стихиею России!

Настоящие морозы много способствуют счастливому успеху наших вылазок, к сожалению, неимеющих никакого решительнаго смысла, а служащих как будто только забавою гарнизона. Эти вылазки предпринимаются как будто с целию разогнать собственный сон и разбудить своих противников.

В деле вылазок солдаты и матросы, что называется, набили руку: присяжные удальцы делают чудеса. Севастопольцы, кажется, забыли, что значит опасность: они не знают ея, не видят, не находят в самых ужасных местах, на которых не проходит минуты, чтоб не взвизгнула пуля; не говорю про артиллерийские снаряды: здесь мало на них обращают внимания, особенно если разрывной снаряд ложится не близко. На местах, безпрестанно *очищаемых* прицельными штуцерными выстрелами неприятеля, наши молодцы шляются день и ночь, даже взглядом не удостоивая места, откуда несутся пули!.. Перед проходящим солдатом идет его товарищ по опасному месту, глядь — и повалится; солдат равнодушно подымет товарища и понесет, куда надо, долго еще преследуемый докучными визгуньями.

Жены и дети здешних жителей — бойцев также ознакомились с опасностию, как их отцы и мужья, и также не знают страха, как и они. Многие живут у самых батарей, иные даже на одной с ними высоте и не бывает дня, чтоб не убило или не ранило здесь женщину или ребенка.

Сынишки здешних матросов и солдат шляются по траншеям, под-

бирают пули, или просто ходят в гости к отцам, либо вместе с матерями носят им есть и пить.

Пойдите по скатам Малахова кургана, облепленным домиками матросов, подите по грязным и извилистым улицам этого, сильно населеннаго, квартала, хоть на разсвете например. Видите, хозяйка соседней избенки подошла к окнам супротивнаго домика. Прислушайтесь: «Дунька, а Дунька! Жива-ль ты?»

— Жива, отвечает голос из избенки, только ночью, слышь, осколок крышу провалил.

«Хорошо, что не голову».

— Вестимо хорошо, отвечает тот же голос изнутри.

«Пойдем за водой».

— Пойдем, голубка.

И поплелись, тараторя про то, про се...

Ночью с 8 на 9 Декабря, во время сильной канонады, мы с товарищем пошли бродить по улицам; скучно показалось и тяжело как-то под крышею, да так незаметно почти всю ночь и проходили, то наблюдая за живописным полетом снарядов, то толкуя о своей загадочной судьбе. Проходя мимо одного домика, мы видели, как какой то мещанин или отставной матрос зажег лампаду перед образом, зажег свечу и пошел на крыльцо, видно встревоженный особенно сильною канонадою. — Мы остановились и наблюдали. «Чего таскаешься, Михеич, по ночи, послышался женский голос из полузатворенной двери домика, аль выстрелов еще не наслушался?»

Особенно любят вылазки моряки: у них не считается подвигом напасть ночью на траншею, забраться нивесть в какую трущобу посреди неприятеля, вырезать пикет, поднять на ноги неприятельские резервы, наделать зла врагу, как только можно и сколько можно, и удрать назад. Все это у них не более, как удальство, молодечество.

Многих матросов перестали пускать на вылазки; ни одна из них конечно не обходится без потерь, а эти молодцы нужны общему делу, очень нужны в настоящее время.

Есть между моряками такие, которые по нескольку раз ходили на вылазку, и для которых это хождение обратилось, кажется, в потребность, даже в страсть. В Севастополе есть матрос Кошка, составивший себе особенно блистательную репутацию; его тоже запирают, когда собираются на вылазку, но почти всегда он успевает улизнуть. Кошка пускается на разныя штуки и делает разныя проделки с неприятелем. Есть у него, например, мешок с дырами для глаз; он его наденет да и ползет в нем: то остановится, полежит некоторое время в виде камня, то опять пустится вперед и, превосходно зная местность, почти всегда благополучно достигает или передовой неприятельской цепи, или даже траншей. Тут, улучив минуту, высмотрев что нужно, Кошка вдруг вскочит и бросится на часоваго и или убьет его, или штуцер у него выхватит. Иногда даже никто его и не заметит, а он украдет ружье у спящаго на часах Англичанина и в тихомолку прокрадется назад.

Говорят, ночью с 8 на 9 Декабря, Кошка тоже был заперт, но как-то

ушел на вылазку, притащил в казармы Англичанина и начал его угощать, кормить, поить и потом уложил спать на свою постель.

Вообще всех пленных, взятых на этой вылазке, угостили на 3 бастиона, а матросы уложили спать на своих койках в казармах, подружились с ними, толковали, разсказывали разныя разности, разумеется, нисколько не понимая друг друга. Смешно было смотреть со стороны на эти беседы.

26 Января, 1855 года. Севастополь

Сегодня в квартире Тотлебена я был обрадован встречею с художником Тиммом, приехавшим на место великих событий увековечить все, что есть здесь достойнаго внимания. При мне он рисовал портрет Истомина, безпрестанно его торопившаго, спеша уехать на свой Малахов, который он не покидал ныне на лишнюю минуту, как бы не покинул своего корабля в бурю.

В портфеле Тимма я увидел набросанный весьма сходно портрет Нахимова.

«Как вам удалось сделать портрет нашего героя? ведь, говорят, он решительно не позволяет снять с себя портрета!»

— Действительно, не позволяет. Меня представили ему; он был очень со мною любезен и, когда ему передали, что хочу, но совещусь попросить у него позволения снять его портрет, он нахмурясь отвечал: рано-с, рано-с! пусть прежде выгоним Французов! —

«Каким, однако, способом вы уловили его черты?»

— В церкви, украдкою. Так право совестно было рисовать, а нечего делать. Согласитесь: как не иметь портрета такого замечательнаго человека? В это время, как я рисовал Нахимова, как нарочно, он молился с большим усердием и клал частые земные поклоны. Я торопился набросать очерк его лица, боясь, чтоб он меня не заметил; рука у меня дрожала; я чувствовал, как кровь вступила мне в лице, как будто я что дурное делал!.. Да, мне не хотелось, чтоб он заметил мою работу! — он мог оскорбиться.

Вообще манеры Нахимова весьма оригинальны. Как этою оригинальностью, так мужеством и простотою обращения он заслужил популярность особенно между моряками, которые никогда иначе и не называют его как «Павел Степанович», никогда его не величают «вашим превосходительством»; во многих нуждах прямо к нему обращаются лично, никогда перед ним здесь не снимают шапки, потому что он сам сказал матросам: «гвоздем к голове шапку велю прибить тому, кто ее снимет передо мною!» Нахимова матросы любят, как отца иль добраго брата и надеются на него, как на каменную гору, говоря, что пока жив «Нахименко», не иметь неприятелю в своих руках Севастополя!

Между прочим, в доказательство нелюбви Нахимова к формалистике, про которую он отзывается, как про анахронизм, напрасно допускаемый в настоящее трудное время, разсказывают следующий случай: пришел к Нахимову за чем то матрос, молодец такой с георгием и, видя у него какого-то важнаго гостя, вытянулся у дверей в струнку, руки по швам. «Ну вот, и дурак!» закричал Нахимов, «ну и осрамил кругом! вот и осел! а знал еще за порядочнаго человека, — а вышел осел! ну, чего ты вытянулся!»

Про Нахимова здесь множество разсказов. Какой-то офицер прислан был из Петербурга по делам службы на несколько дней. Как уехать из Севастополя, не видав Нахимова? — все ровно, что из Рима, не видав Папы. Вот этот офицер и просит какого-то близкаго к Нахимову человека представить его адмиралу. Тот согласился, но Нахимов при первом свидании сказал приезжему офицеру, без церемоний: «Стоило ли хлопотать, чтоб видеть меня? Я не так интересен. А вот, если угодно, я вам корабль «12 Апостол» покажу-с, вот эта штука любопытная-с! а ко мне просто-с приходите обедать».

Оскорбляет, терзает душу Павла Степановича видимая невозможность распахнуть паруса своего флота и померяться силами с горделивым врагом. В Нахимове страдает гордость моряка, и это страдание превратилось в какую-то ненависть к морю. Не так ли часто неудовлетворенная страсть человека к любимой женщине превращает пламенную любовь в ненависть ко всем женщинам вообще? Нахимов неоднократно говаривал: «кончится война — сейчас за границу: громогласно во всех городах прокричу, что Канробер и Раглан — ослы! От того и не взяли Севастополя одним ударом, а затянули историю в длинный ящик, пролив напрасно столько человеческой крови; а потом, к себе — в деревню; там есть небольшой пруд; тотчас велю его засыпать, чтоб больше никогда в жизни не видать воды! разве в графине, да в стакане!»

В 6 часов вечера я собирался уже домой, как вдруг к полковнику Тотлебену прибежал саперный унтер-офицер с 4-го бастиона. «Ваше в-ие, Французы мину взорвали».

— Ой ли?

«Точно так-с — взорвали!»...

— Рассказывай: как было дело? —

«Видим, с бастиона нам шляпами чтой-то машет, кланяется, говорит с нами посвоему, не стреляет вовсе, смеется. Хорошо-мол, мусье, здравствуй, здравствуй! и мы кланяться ему давай, а вы, ребята, говорим своим, все-таки не зевай! Вдруг землю колыхнуло — взрыв! Это они против нас изволили минку подпустить, да не попали; она вишь в сторону пошла сажен на 8 от той воронки, что мы, Ваше в-ие, камуфлетом сделали. Да заряд-то их, видишь, назад пошел, дымом и пламенем их в траншее так и обдало, а мы им и давай «фора» кричать, да в ладоши хлопать. После того и наши и неприятель начали жарить друг друга из пушек, а я побежал к Вашему в-ию доложить».

— Хорошо, спасибо; ступай назад и скажи своим от меня, что господа Французы не мастера делать мины! —

«Слышаю-с». И сапер почти бегом пустился опять на 4-й бастион, где смерть не переставала собирать обильную жатву.

11 Апреля, 1855 года

Во всем гарнизоне разсказывают случай, бывший здесь с нашим известным хирургом, Пироговым. На батареях правой половины Севастополя есть много мужичков, служащих в качестве волонтеров и работающих при орудиях; они несут с солдатами равно тяжкую службу. На днях одному

такому мужичку оторвало ядром ногу; понесли его на перевязочный пункт, а он кричит благим матом, да так, что и не слыхивали такого крика от раненых солдат; принесли мужичка в госпиталь, положили на ампутационный стол, а он продолжает кричать во все горло. Фельдшера было пытались уговорить его поуспокоиться, куда тебе, орет да и только. Хладнокровно подошел к раненому Пирогов, шутя поднял нож и крикнул: ...«Молчи — не то зарежу!» Крестьянин мгновенно замолчал. Начали делать операцию, мужичек стиснул зубы и, что называется, — ни пикнул. В несколько минут ампутация была сделана гениальным хирургом; раненаго перевязали и осторожно положили на постель — он все молчал. Пирогов погладил страдальца по голове и сказал ему... «Ну, брат, молодец ты! Немного таких людей на свете!»

— Ваше превосходительство, отвечал крестьянин, позвольте милости просить!

«Говори.»

— Позвольте крикнуть!

«Изволь, изволь, голубчик, теперь кричи сколько хочешь, на здоровье».

Мужичек несколько мгновений будто сбирался с силами, да наконец как рявкнет, так что невольно все вздрогнули. «Ваше превосходительство!...» и произнес тут такое крепкое русское словцо, которое не употребляется в печати. Разумеется, все присутствующие захохотали от чистаго сердца, а больше всех, конечно, смеялся Пирогов, удивляясь, какия бывают фантазии у русскаго человека!..

Алабин П. В. Походные записки в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. Вятка, 1861. С. 136—138, 150—152, 223.

6-го декабря 1855 года
ПРИ ПРИГОТОВЛЕНИИ ЗНАМЕН ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНИЯ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Не сами Вы, питомцы Албиона
И Франции мятежные сыны
Против Христа, против Его закона
Раздули пламя гибельной войны;
Нет, древний враг Христа, отец гордыни
Вас как рабов на нашу Русь ведет;
За то что Русь была и будет ныне
Христовой Церкви истинный оплот!
Не раз уже мольбы ея святыя
Спасали наше Царство и Царей,
Когда была в младенчестве Россия,
А гордый враг стоял с мечем над ней!
Потом, окрепнув в опыте суровом

Под знаменем закона и добра,
Русь выросла, под Божиим покровом,
Под гением Безсмертного Петра,
Познавшего дух Русскаго народа,
И вдруг, в борьбе двенадцатаго года
Как Исполин явилася Она
Могущества, величия полна!
Но ни когда бойцом среди арены
Русь не была, не вызывала в бой,
Она чужда коварства и измены,
Довольная вполне сама собой!
Но, если дерзский враг Святой Державы
Грозит с Ея высокаго чела
Сорвать венец тысячалетней славы,
Смирить полет двух-главаго Орла,
До прав священный Веры и закона
Коснуться святотатственной рукой, —
Тогда — крепка у Руси оборона,
Тогда мы все готовы в смертный бой!
И он настал, настала брань святая:
В великий день шестого Декабря
С Небес мы слышим голос НИКОЛАЯ:
Святая Русь! За Веру и Царя!

АЛЕКСАНДР ЛУЗИКОВ

Вят. губ. ведомости. 1855. № 52, отд. 2, ч. неофиц. С. 367.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ ОДНОГО ИЗ ЖИТЕЛЕЙ г. ВЯТКИ

Во время службы моей батальонным лекарем Елецкого пехотного полка, (в 9-й дивизии) в 1855 году 3 июня я вступил вместе с полком в состав севастопольского гарнизона и постоянно до 4 августа находился на перевязочном пункте левого фланга, что на Павловском мыске. Через два дня, по вступлении нашего полка на батареи Малахова кургана, мы 5 июня выдержали страшную бомбардировку, вследствие коей поступило на наш перевязочный пункт более 2000 человек раненых, которых я, по обязанности дежурного в тот день, должен был записывать в книгу и, по перевязке, размещать в больших палатах морских казарм, которые в течении суток 5 раз наполнялись ранеными и столько же опоражнивались, при чем раненые выносились под моим наблюдением, укладывались на шаланды и перевозились на северную сторону, в сопровождении фельдшера. Все это делалось при страшных звуках от раз-

рыва бомб и гранат, лопавшихся над нашими головами, так что раненые солдаты не были безопасны и на перевязочном пункте; один раненый рядовой Севского полка, лежавший уже после первой перевязки в одной из палат перевязочного пункта, в верхнем этаже, был еще ранен в ногу осколком бомбы, пробившим крышу и потолок. Эта бомбардировка, продолжавшаяся целые сутки, наконец перед утром, июня смолкла, но не на долго. Час в 4 утра 6 июня снова с ожесточением началась, — снова прибыло на перевязочный пункт много раненых, коим быстро оказывалась врачами от всех полков левого фланга помощь и делались операции*. Через час все утихло, мы услышали батальный огонь и слово «штурм» — быстро пронеслось между нами. Наконец мы увидели группы пленных французов раненых и услышали радостный крик — «штурм отбит Генералом Хрулевым». В числе раненых французов был принесен один полковник с раздробленной ногой ниже левого колена, ему нужно было немедленно отнять ногу и он был положен на операционный стол, при чем помогала врачам, в качестве сестры милосердия (в то опасное время уже не было на корабельной стороне никаких женщин — ни сестер милосердия, ни матросских жен) — девица Елизавета N. Французский полковник перед хлороформированием его, посмотрев на девицу с голубою ленточкою на шее, сказал: «я думал, что ангелы только у нас во Франции, но вижу, что есть и у вас в России». К 2 часам дня 6 июня все раненые на штурме были перевязаны и я, по сдаче дежурства, удалился в свой покой, чтобы предаться отдохновению и после 30-ти часового напряженного труда я уснул наикрепчайшим сном, так что начавшаяся после 6 часового перемирия обыкновенная бомбардировка не могла уже меня разбудить и я спал ровно сутки. После отбитого 6 июня штурма, стоившего французам до 30 т. убитыми и ранеными, они усумнились в возможности взять Севастополь; осаду вели уже менее энергично, пока наша неудачная диверсия на Черную речку 4 августа не ободрила их. После 5 июня, а равно в июле не было больших продолжительных бомбардировок, но ежедневно при смене полков, проходивших на батареи по Павловскому мыску, французы учащали выстрелы и ни сколько не щадили наш перевязочный пункт, хотя очень хорошо знали, что в зданиях, начиная от Павловской батареи до корабельной слободки, над коими развевался красный флаг, помещается перевязочный пункт и палаты раненых, ожидающих транспортировки на северную сторону. По этому не редко случалось, что к нам залетали не только осколки бомб и гранат, но даже пушечные ядра, а под конец и французские пули. Так однажды бомба упала в соседний с перевязочным пунктом дом,

* Все операции более важные производились под влиянием хлороформа.

где помещался сухарный провиант, пробила все этажи и упала как раз в тот угол, где наслаждались после-обеденным отдыхом вахтер магазина и младший священник Севского полка; бомба угадала прямо на вахтера, уничтоживши конечно его, пробила пол и на подвальном своде разорвалась, при чем осколками подняла половые доски и кровать с лежавшим на ней священником, который хорошо помнил свой полет до потолка и падение на мешки с сухарями, при чем ушиб сильно левый бок.

В июле месяце однажды ударилось ядро в косяк двери подвального этажа, где помещался перевязочный пункт, но к счастию ни кого не убило, а только обсыпало мелкими кирпичами и пылью от штукатурки. Около того же времени бомба пробила на сквозь все этажи того дома, где жили врачи перевязочного пункта, но никого не ранила, потому что пролетела сквозь сени и разорвалась в подвальном этаже, где никого не было. В конце же июля однажды ночью прилетела к нам французская пуля и на излете ранила лежавшего не далеко от меня на койке под окном — Елецкого же полка батальонного лекаря Алексеевского.

Сомнение в возможности взять Севастополь я слыхал лично от многих пленных французов, бывших, как на нашем перевязочном пункте, так и в Бахчисарайском госпитале, к которому я был прикомандирован после диверсии на Черную речку. Заведывая отделением раненых в Бахчисарайском госпитале, я за несколько дней до падения Севастополя, сделал одному пленному французу из Стразбурга ампутацию голени; посещая его ежедневно я не однократно слышал от него, что не взять французам Севастополя; наконец когда мы узнали, что Севастополь пал 28 августа, после трехдневной страшной бомбардировки, гул которой слышен был у нас в Бахчисарае (42 вер.), — во время утренней визитации, подойдя к моему ампутированному французу, — я сказал, что французы в Севастополе, то мой больной, забывши, что он без ноги, соскочил с кровати, встал на одну ногу и схватив меня за плечи, для предупреждения падения, воскликнул: «O! mon Dieu! правду ли вы говорите майор, я ни когда не верил, чтобы Севастополь можно было взять». Конечно, я успокоил его и положив на кровать, сказал, что французы не взяли, а заняли Севастополь, так как Русские сами его оставили — как более не нужные им развалины. После этого мой француз сделался более веселым, заживление раны пошло быстрым ходом.

Помощник Вятского Губернского Инспектора,
Оператор, Статский Советник И. Михайлов.

Вят. губ. ведомости. 1872. 5 янв. (№ 2). С. 4.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ПРОТОИЕРЕЯ И. В. КУРТИЕВА О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

28 марта 1855 г. — 16 мая 1856 г.

... Марта 28-го [1855 г.] на другой день Пасхи, с 5 часов утра, неприятели наши французы и англичане начали бомбардировать Севастополь, который громили в течение 29, 30, 31 [марта], 1 и 2 апреля...

... Число снарядов, брошенных во время бомбардировки, поистине неимоверно...

29 июня [1855 г.] тяжело ранен синопский герой Нахимов, а 30-го, пишут, и помер. В настоящее боевое время тяжело вздохнут о его потере царь и вся Россия...

12 июня (во вторник) в Вятском духовном училище при публичном экзамене, когда шел предмет из географии, один ученик, в это время спрошенный преосвященным о том, где более находится разбойников, отвечал: «В Крыму». Все предсидящие засмеялись, но архиерей одобрил ученика, похвалил за ответ, говоря: «Прекрасно, молодец, сказал правду! Точно, там теперь собралось много разбойников...»

4 августа. В Крыму на Черной речке был сильный бой. У нас убито три генерала и восемь из них ранено. Мы понесли чувствительный урок, но дело наше господь не увенчал победою. Все сокрушаются о сем, но это еще не конец всему делу. Потерпим!

[Не ранее 3 сентября]. По случаю взятия Севастополя враги наши 1 сентября звонили в Лондоне, и 3-го в Париже исправляли благодарное молебствие Богу. Но господь услышит и наши слезы и воздыхания!... Господи, помилуй нас! И спаси царя нашего и все Российское царство наше...

С 1 числа октября по 1 ноября [1855 г.] в Вятской губернии был набор ратников в государственное ополчение по 23 человека с тысячи. Всех дружин сего ополчения составилось 18. Слободская дружина под № 289. Ее командир подполковн[ик] Александ[р] Никола[евич] Чечель.

Вятс[кого] ополчения начальник — генерал-адъютант Ланской. От 16 числа октября им дан по ополчению Вятской губернии следующий приказ № 1:

«Ратники! Наш государь на защиту земли Русской от вошедших в нее иноземных врагов повелел собрать народное ополчение.

Это царское повеление распространено и на Вятскую губернию, в которую императору благоугодно было послать меня, своего генерал-адъютанта, чтобы дать ополчению военное устройство. Прием ратников назначен с 1 октября, со дня, в который празднуется Покров Пресвятой Богородицы. День знаменательный! Ополчение как бы вступает под покровительство царицы небесной! Но чтобы удостоиться этого небесного покровительства и милостей отца-государя, вам надобно стараться избежать дурных дел, слепо повиноваться начальству, Богом и царем над Вами поставленному, с полною охотою спешить изучить ратное дело, к которому Вы назначаетесь, быть крепкими, дружелюбными и обходительными с обывателями и страшными своим мужеством для врага, осквернившего русскую землю своим нашествием.

Не раз на Россию поднимались враги, но одни лишь кости их остались у нас свидетелями несокрушимого русского народа. Упование на помощь Божию, преданность...* царю, единодушие народа, жертвующего достоянием и жизнию своими и в прежние годы испытания спасали Отечество. Покоряясь силе Всевышнего и неся крест свой с[о] смирением, мы будем стремиться оправдать на деле слова № 15 из Егерских сигналов, которые теперь учим:

За царя и Русь святую

Уничтожим мы любую

Рать врагов».

[Не ранее 6 декабря 1855 г.] Уволенный в 1845 году из подвижной № 11 полуроты, состоящей при лейб-гвардии Волжском полку, в отставку унтер-офицер Алексей Максимов подал Его Императорскому Величеству 6 декабря [1855 г.] через комиссию прошений следующую Всеподданнейшую просьбу:

«Ваше Императорское Величество!

Примите от меня сию малую лепту, как Христос Спаситель мира принял от евангельской вдовицы. Я сам стану в ряды под священные знамена Вашего Императорского Величества — это священный долг каждого россиянина и верноподданного. Вооружимся верою в Бога, верностью государю и Отечеству и станем за правое дело, тогда никакие враги и супостаты не одолеют нас...

Виноват, что я не первый явился к Вашему Императорскому Величеству по Высочайшему манифесту прошлого 14 марта сего года, по причине тяжелой моей болезни, но когда я прочел Всеми-

* Слово неразобрано.

лостивейший манифест 15-го того же марта, то почувствовал в себе необычайную силу, но не надолго — опять занемог, а теперь поправился и к Вашему Императорскому Величеству осмеливаюсь явиться.

Отставной унтер-офицер Олекса Максимов».

Малая лепта, о которой упоминается в прошении Максимова, заключалась в билете С[анкт]-П[етер]б[ургской] охранной казны на 125 руб. сереб[ром] и все его имущество, сохраненное бережливостью.

Государь император пожаловал Максимову золотую медаль в петлице на Андреевской ленте и достойно вознаградил, Всемилостивейше повелеть соизволил: публиковать в газетах о поступке его.

Вести о мире.

От 19 марта [1856 г.] из Котельнича. Братец писал:

«Сего числа приехал к нам губернатор из Питера и сообщил новость, что мир уже заключен с Россиею, но не слишком хорошо».

От 23 марта пишет Василий: «С достоверностью говорят, что мир уже заключен 12 марта, и что по этому случаю государь отправляется в Финляндию остановить работы, возводимые там по случаю ожидаемой войны в 1856 году».

19 марта о прекращении войны состоялся Высочайший манифест. В Слободском получен 28 марта в «Московских ведомостях».

О совершении молебствия по случаю замирения после литургии в первый воскресный или праздничный день с коленопреклонением и целодневным звоном получен указ Святейшего синода здесь 8 апреля в вербное воскресенье. Праздновать и прочесть манифест в церквах сделано распоряжение в Фомино воскресенье.

5 апреля государь император отдал приказ о распущении государственного подвижного ополчения. В память его трудов и понесенных многими дружинами ран и славной за Отечество смерти представляет от генерала до последнего ратника [право] сохранить при себе знак оного — крест, данный на фуражке.

Для награды воинов, славно подвизавшихся в минувшую кровопролитную войну, государь учредил для нижних чинов четыре воинских отличия: два креста золотых и два серебряных. А офицерам и генералам — ордена с мечами.

Слободская дружина № 289, выступившая из города 7 числа января 1856 года по маршруту в Москву, вследствие заключения

мира возвратилась обратно домой 14 мая в начале 10-го часа утра. По приходе оной на площади перед собором исправлен был походным иконам с водоосвящением и коленопреклонением молебен, в совершении коего участвовало духовенство от всех церквей. После исправления молебна роты дружины, ставши на колени, сделали каждая перед своею иконою, держимою урядником, три земных поклона и затем прикладывались [к н]им, а по исполнении сего все свои свят[ые] иконы: дружинную и ротные, данные им в благословении от здешних церквей: икону Спасителя, Преображения Господня, Вознесения, Сретения и Николая Чудотворца, проводили по своим церквям — поро́тно.

15-го числа ратникам выданы награды по 5 руб. сереб[ром] на каждого человека. В тот же день от них отобрали кожаные ранцы, манерки и котлики. Последние две вещи имелись у них на три человека. При них оставлено: черного сукна чепан, ремень с пряжкою, шинель серая, две пары рубашек, брюки черные (шаровары), сапоги с пришвами и каска суконная черная с бронзовым крестом, последний с правом носить всегда как царскую награду.

16-го числа, в 5 часов вечера на площади в присутствии командира дружины майора Орла, капитанов рот, окружного начальника, городничего, исправника и градского головы ратникам розданы увольнительные свидетельства за подписом означенного командира и адъютанта. После чего вся дружина тотчас разошлась из города в свои жительства.

ГАКО Ф.170. Оп.1. Д.416. Л.2об, 3, 4, 4об, 5, 28, 28об, 36, 36об, 37, 37об. Подлинник.

ИЗ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ОТСТАВКЕ РЯДОВОГО ТАРУТИНСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА К. Е. УТКИНА — ОБ УЧАСТИИ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ 1853—1856 гг.

10 мая 1857 г.

Объявитель сего, служивший в Тарутинском пехотном полку рядовым, Козма Егоров сын Уткин.

Имеет серебряную медаль с надписью «За защиту г. Севастополя с 13 сентября 1854 по 28 августа 1855 г.» и за беспорочную 15-летнюю службу Высочайше установленные на левом рукаве из желтой тесьмы в два ряда нашивки.

От роду ему ныне 35 лет, исповедания православного, приметами: роста 2 аршин 6 $^{4}/_{8}$ вершков, лицом чист, глаза серые, нос средний, волосы на голове и бровях русые.

На службу вступил, как из формулярного его списка видно,

Вятской губернии города Елабуги из мещан: первоначально рекрутом 1841 г. ноября 1-го, рядовым 1842 г. февраля 1-го, с определением в 5-й батальон Московского пехотного полка, из оного поступил в Тарутинский пехотный полк 1842 г. августа 7-го, уволен в годовой отпуск с зачислением в запасные войска 1851 г. ноября 14-го, по прибытии зачислен обратно в Тарутинский пехотный полк 1852 г. августа 1-го, уволен в бессрочный отпуск 1856 г. ноября 7-го дня.

В походах был: в открывшуюся в 1853 году войну с Турцией выступил с полком из Нижегородской губернии к юго-западным границам империи 24 ноября того же года и прибыл в г. Севастополь 17 апреля 1854 г., по открытии же 1-й кампании в Крыму с 3 сентября того года на позиции при реке Альме 7-го числа при рекогносцировке, а 8-го числа в действительном сражении у деревни Бурлюк, с 17 сентября по 21 октября при бомбардировании г. Севастополя был в составе войск, гарнизон города составлявших и в числе прочих. Всемилостивейше награжден двумя рублями и серебряною медалью с надписью «За защиту г. Севастополя 13 сентября 1854 по 28 августа 1855 г.». Сверх сего Высочайше повелено время пребывания в составе гарнизона считать каждый месяц за год, а день за 12 дней службы, о чем объявлено в приказе г. военного министра от 17 августа 1855 г. за № 170, почему и прибавлено ему к общей службе десять лет, шесть месяцев и пятнадцать дней, 24 октября [1854 г.] в действительном сражении на высотах близ Севастополя; с 5 ноября [1854 г.] находился в отряде на авангардной позиции у деревни Чергун; причем 18 декабря 1854 г. в схватке при наступлении союзных войск на эту позицию; во 2-й кампании с 15 марта 1855 г. находился на позиции Мекензиевой горы близ Севастополя и с 4 августа [1855 г.] был в сражении с теми же войсками у реки Черной. По приведении же полка в кадренный состав выступил из Крыма 22 ноября [1855 г.] и прибыл в Днепровский уезд Таврической губернии, где и находился до окончании 3-й кампании, с 20 апреля 1856 г. выступил с полком и 30 июля того же года прибыл в Саратовскую губернию; в домовых отпусках и штрафах не был; российской грамоте не умеет.

У него Уткина жена Анна Осипов[н]а православного исповедания, детей не имеет...

Подлинный подписал: Его Императорского Величества, Всемилостивейшего Государя моего, состоящий по армейской пехоте генерал-майор, окружной генерал 4-го округа отдельного корпуса внутренней стражи и кавалер орденов: св. великомученика и победоносца Георгия 4-го класса за храбрость, св. равноапостольного князя Владимира 3-й и 4-й степеней, св. Анны 2-й степени,

императорскою короною украшенного 3-й и 4-й степени с надписью «За храбрость», кавалер, имеющий знак отличия беспорочной службы за 30 лет, серебряные медали: за турецкую войну, бывшую в 1828 и 1829 годах, за взятие приступом г. Варшавы 25 и 26 числа августа 1831 г. и польский знак отличия, за военное достоинство 4-й степени — Ф. Реми

Скрепил: дежурный штаб-офицер, подполковник Воронин

На подлинном приложена печать 4-го округа Внутренней стражи.

ГАКО. Ф.582. Оп. 24-в. Д.7. Л.233—236. Заверенная копия.

ИЗ СПИСКОВ НИЖНИХ ЧИНОВ, РАНЕНЫХ ПРИ ЗАЩИТЕ СЕВАСТОПОЛЯ — О СОЛДАТАХ — УРОЖЕНЦАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Не позднее 22 февраля 1855 г.

Имя, прозвание, какого уезда	Где, когда и как ранен
Города Орловска* квартирмейстер 41-го флотского экипажа Федор Шишкин, из солдатских детей	На 3 баст[ионе], 8 октября, ранен осколком бомбы в правое плечо с повреждением кости. Чувствует себя лучше.

Не позднее 17 июля 1855 г.

Яков Лимонов, Вятского уезда, каз[енного] села Дымовского, волости Селезневской, на сл[ужбе] с 1829 г.	На 5 бастионе, 2 апреля, ранен осколком бомбы в правый висок и в 3 и 4 пальцы правой руки, раны хороши, но жалуется на шум в голове.

ГАКО. Ф.582. Оп.22. Д.603. Л.21об, 90. Типографский экз.

РАПОРТ ВЯТСКОГО ЗЕМСКОГО СУДА ВЯТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Н. Н. СЕМЕНОВУ О СЕМЕЙСТВЕ ПОГИБШЕГО ПРИ ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ МАТРОСА И. КОНОВАЛОВА

9 июля 1855 г.

Вследствие предписания Вашего превосходительства от 21 марта сего года за № 5962-м земский суд имеет честь донести,

* Ошибка, должно быть г. Орлова или Орловского уезда.

что из значащихся в выписке морских нижних чинов, убитых и раненых в Севастополе, отысканы в Кстининской волости Вятского уезда родственники умершего матроса 1-ой статьи Ивана Коновалова, который поступил в военную службу из государственных крестьян Мокрецовского общества из деревни Мокрецовской, у коего в настоящее время состоит налицо жена Наталья Филипов[н]а, прижитой в крестьянстве сын Николай, сего последнего жена Степанида Антонов[н]а, его же Николая дети Иван и Марфа и племянник Спиридон Иванов[ич], которые имеют проживание в означенной деревне Мокрецовской и находятся в положении совершенно безбедном, занимаются землепашеством и сельскими работами и ни в каком пособии крайности не имеют, равно и жена его солдатка Наталья Филипов[н]а. Других же семейств нижних чинов по розыску в Вятском уезде не оказалось.

Непременный заседатель*

Секретарь*

ГАКО. Ф.582. Оп.22. Д.603. Л.27, 27об. Подлинник.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ ЗАЩИТЫ СЕВАСТОПОЛЯ В 1854—1855 гг., ПРОЖИВАЮЩИХ В МАЛОРОЖКИНСКОЙ ВОЛ. МАЛМЫЖСКОГО УЕЗДА**

24 марта 1870 г.

Рядовой Петр Макаров[ич] Серкин	При защите Севастополя был в числе 68-го лейб-гвардии пехотного Бородинского Его Величества полка под командованием полковника Веревкина с 19 сентября по 21 октября 1854 г., всего 1 месяц и 2 дня. Имеет серебряную медаль «За защиту Севастополя».
Рядовой Тимофей Захаров[ич] Напольских	При защите Севастополя был в числе прочих стрелков с белыми нарезными ружьями в летучем батальоне Бородинского полка 1 месяц и 7 дней. Имеет серебряную медаль «За защиту Севастополя».

Волостной заседатель Солодянкин

* Подпись неразборчива.

** Сведения высланы и. д. малмыжского уездного исправника Падерину для представления члену комитета Высочайше утвержденного по устройству Севастопольского музея действительному статскому советнику П. В. Алабину.

10 апреля 1870 г.

Унтер-офицер Андрей Гаврилов[ич] Солодянкин	При защите Севастополя был в числе Низовского пехотного полка [в] придунайских княжествах с[о] 2 мая по 29 августа 1854 г. Имеет бронзовую медаль в память войны 1853—1856 гг. и одну нашивку из желтой тесьмы в 2 ряда (а следует получить ему серебряную медаль).
Унтер-офицер Евстафий Архипов[ич] Лоншаков	При защите Севастополя был в числе Казанского егерского полка великого князя Михаила Николаевича с 8 сентября 1854 г. и по 1856 год*. Имеет серебряную медаль «За защиту Севастополя» и бронзовую в память войны 1853—1856 гг.
Десятошный унтер-офицер Григорий Петров[ич] Репин	При защите Севастополя был в числе 140-го пехотного Зарайского полка 2 месяца [и] 11 дней. Имеет серебряную медаль «За защиту Севастополя» и серебряную же «За усердие» с портретом Его Высочества** государя Александра.
Рядовой Панфил Дмитриев[ич] Лоншаков	При защите Севастополя был в числе Подольского пехотного полка при скрытии батарей 4 месяца [и] 15 дней. Имеет серебряную медаль «За защиту Севастополя».

Волостной старшина Григорий Манаков

ГАКО. Ф.741. Оп.2. Д.21. Л.15,21. Подлинник.

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА П. П. ЛАНСКОГО ВЯТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Н. Н. СЕМЕНОВУ О ПОРЯДКЕ ПЕРЕДАЧИ ИКОН В ДРУЖИНЫ ОПОЛЧЕНИЯ

6 ноября 1855 г.

Отношением от 4 ноября сего года [за] № 16 046-м Ваше

* Дата так в документе.
** Так в документе.

превосходительство уведомляете меня, что жена капитана Левских желает пожертвовать для расположенной в г. Котельниче дружины № 277 государственного подвижного ополчения икону святителя Митрофана в серебряной вызолоченной ризе и притом изволите спрашивать меня, кому именно и в каком порядке должна быть передана эта икона.

По существующему в войсках издревле обычаю святые иконы, в честь которых устанавливаются особые праздники, бывают полковые, батальонные и ротные, а следуя указанию Истории русской, мы знаем, что целые ополчения имели свои святые иконы, иногда чудотворные, сопутствовавшие войскам в походе противу неприятеля. Все походные иконы для вящего сбережения их в пути имеют особые, в виде складней сделанные, хранилища или киоты, более или менее украшенные усердием людей благочестивых.

А потому, в разрешение настоящего вопроса с применением его к будущим случаям, я имею честь уведомить Ваше превосходительство, что святые иконы могут быть приносимы жертвователями в благословение как дружинам, так и ротам чрез дружинных начальников, но преимущественно в те части, которые еще святых икон не имеют, стараясь, если к тому предстоит возможность, сооружать для святых икон хранилища или киоты, в войсках принятые.

Не имея предметом стеснять благоговейного усердия пожертвователей, но даже желая, чтобы они могли беспрепятственно удовлетворять своему благочестивому стремлению, я буду весьма счастлив, если не только дружины, но даже роты Вятского ополчения будут иметь не одно, а несколько святых изображений как благословение родной земли на защиту Веры, Царя и Отечества.

Генерал-адъютант Ланской

ГАКО. Ф.582. Оп.23. Д.179. Л.28—29. Подлинник

ПИСЬМО ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ ВЯТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ М. К. КЛИНГЕНБЕРГУ С ПРОСЬБОЙ ПРИСЛАТЬ МЕДАЛЬ В ПАМЯТЬ ВОЙНЫ 1853—1856 гг. СОСТОЯЩЕМУ НА СЛУЖБЕ КОМПАНИИ М. А. ШТИНУ

29 октября 1859 г.

Состоящий на службе в Российских колониях в Америке государственный крестьянин Михайло Анисиферов[ич] Штин вы-

шел ныне в Главное правление компании с прошением об исходатайствовании ему, по состоянию его во время минувшей войны в Вятском ополчении дружине № 284, медали, установленной Всемилостивейшим манифестом 26 августа 1856 г. в память войны 1853—1856 годов.

Вследствие сего Главное правление компании покорнейше просит распоряжения Вашего превосходительства о доставлении означенной медали в сие правление, для отсылки по принадлежности.

Член исполнительной части контр-адмирал А. Утомаев

Правитель канцелярии А. Тимковский

ГАКО. Ф.582. Оп.24-в. Д.7. Л.610. Подлинник.

ИЗ ПРОШЕНИЯ ОТСТАВНОГО УНТЕР-ОФИЦЕРА 7-го ЗАПАСНОГО БАТАЛЬОНА КОСТРОМСКОГО ЕГЕРСКОГО ПОЛКА Д. И. СТОРОЖЕВА ВЯТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ М. К. КЛИНГЕНБЕРГУ О ВЫДАЧЕ ДЕНЕЖНОГО ПОСОБИЯ — ОБ УЧАСТИИ Д. И. СТОРОЖЕВА В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

май 1860 г.

В службу Его Императорского Величества вступил из удельных крестьян Вятской губернии, Яранского уезда, деревни Зобнин в 1831 году. Во время службы моей был в походах в войне против соединенных войск Англии и Франции 1855 года с 8 июля по 15 ноября под начальством командовавшего войсками от С.-Петербурга до Выборга расположенными у господина генерала-лейтенанта и кавалера Мерхлевича, при занятии цепи Финского залива для защиты Сестрорецка и Лисьего Носа...

К сему прошению отставной унтер-офицер Дмитрий Сторожев руку приложил

ГАКО. Ф.582. Оп.24-б. Д.25. Л.414—414об. Подлинник.

ВЕДОМОСТЬ О ЧИСЛЕ БРОНЗОВЫХ МЕДАЛЕЙ В ПАМЯТЬ ВОЙНЫ 1853—1856 гг.[1], ВЫСЛАННЫХ В ОРГАНЫ МЕСТНОЙ ПОЛИЦИИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ДЛЯ ВРУЧЕНИЯ ОТСТАВНЫМ НИЖНИМ ЧИНАМ*

8 декабря 1860 г.

В какие именно полиции отправлены	Число медалей	Сколько лент		
		Георгиевских	Андреевских	Владимирских
В земские суды				
Вятский	723	2	719	2
Слободской	1040	—	1037	3
Глазовский	1445	1	1434	10
Сарапульский	902	—	896	6
Елабужский	713	—	712	1
Малмыжский	971	—	964	7
Уржумский	1184	—	1182	2
Нолинский	950	—	945	5
Яранский	1388	—	1381	7
Котельничский	1051	—	1047	4
Орловский	1158	—	1154	4
Городничим				
Слободскому	26	—	25	1
Глазовскому	1	—	1	—
Сарапульскому	26	—	24	2
Елабужскому	23	—	21	2
Малмыжскому	9	—	9	—
Уржумскому	4	—	4	—
Нолинскому	9	—	9	—
Яранскому	11	—	9	2
Котельничскому	11	—	10	1

* Представлена при рапорте командира Вятского батальона внутренней стражи майора Бендерского вятскому губернатору М. К. Клингенбергу. В деле содержатся также именные списки лиц, имеющих право на получение медали.

Орловскому	20	—	20	—
В Вятскую городскую полицию	23	—	21	2
Итого	11688	3	11624	61

Адъютант запасных войск прапорщик Ольшевский

ГАКО. Ф.582. Оп.24-в. Д.7. Л.631. Подлинник.

[1] Бронзовая медаль в память войны 1853—1856 гг. была учреждена Высочайшим манифестом императора Александра II 26 августа 1856 г. На получение медали имели право отставные военные офицеры, нижние чины, служившие в государственном подвижном ополчении на территории губерний, объявленных на военном положении, а также гражданские чиновники военного ведомства во время войны, дворянство, почетные граждане и именитое купечество.

О. ЛЮБОВИКОВ

О ФАМИЛИИ

Севастопольские флеши.
Рвутся ядра. Гром и чад.
Прадед мой, военный фельдшер,
Врачевал тогда солдат.
Ставил на ноги увечных,
Возвращал побитых в строй.
Говорят, он был сердечным
Человеком, прадед мой.
Не кичился, не срывался,
Жил-служил без матюков,
И совсем по-вятски звался:
Александр Лобовиков.
Вышел срок военной службе,
Писарь предку угодил,
За любовь, а не по дружбе,
Букву «о» на «ю» сменил.
Поступил, как по присловью:
Провожают по уму,
Мол, к солдатам ты с любовью,
Люб солдатам потому.
Понимаю — документа
И в архиве не найдут,
Но живет легенда эта,
Здравствует у нас в роду.
Жизнь, случается, завяжет
И затянет узелок.

Писарь прадеда уважил.
Пустячок или намек?

Любовиков О. М. Острис: Кн. поэзии. Киров, 1994. С. 89.

ИНФОРМАЦИЯ ГАЗЕТЫ «ВЯТСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» О ЧИСЛЕ УЧАСТНИКОВ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

1853—1856 гг.

Считаем небезынтересными следующие сведения о числе военных чинов, участвовавших в кампании 1853—1856 гг. и проживающих ныне в Вятской губернии. Общее число этих чинов по всей губернии простирается до 500 чел., которые распределяются по всем уездам, за исключением Малмыжского. Самое большее приходится на уезд Глазовский, а именно 196 чел., Вятский — 168, Нолинский — 52, Уржумский — 44, Слободской — 23, Яранский — 10, Сарапульский — 6, Елабужский — 3 и Орловский — 3. Из общего числа участвовавших большинство, 289 чел., служили в войсках, действовавших на Крымском полуострове и при защите Севастополя, 91 чел. участвовали в сражениях при Балтийском море, 16 находились в войсках, действовавших в Азиатской Турции и Амурской экспедиции, об остальных 104 чел. не имеется сведений, в каких именно походах участвовали. В числе всех означенных чинов считается штабс- и обер-офицеров — 18, а нижних чинов — 482 человека*.

Вят. губ. ведомости. 1872. 15 марта (№22). С. 3.

* Цифры так в информации.

VI. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878

Война России в союзе с Сербией, Черногорией и Румынией против Турции.

Военные действия шли на Балканах и Кавказе. Наиболее яркие события войны — осада Плевны и оборона Шипки. Война закончилась подписанием Стефанского договора, в результате которого возникло самостоятельное Болгарское государство, расширены территории Румынии, Сербии и Черногории. России были возвращены земли, утерянные в результате Крымской войны.

ДОНЕСЕНИЕ ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА Н. А. ТРОЙНИЦКОГО УПРАВЛЯЮЩЕМУ МВД А. Б. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ О СБОРЕ ПОЖЕРТВОВАНИЙ ОБЩЕСТВОМ ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ ВОИНАХ И ОБ ОТПРАВКЕ НА БАЛКАНЫ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ

23 июля 1876 г.

Господину управляющему министерством внутренних дел.

Главное управление общества попечения о раненых и больных воинах обратилось к вятскому местному управлению как учреждению, цель которого — помогать больным и воинам, с просьбою не остаться равнодушным к участи страдающих христиан на Балканском полуострове, причем высказало, что с открытием военных действий со стороны Сербии и Черногории противу турок самый театр войны должен значительно расшириться и число раненых, нуждающихся в помощи, может вырасти до громадных размеров.

Вследствие сего мною 14 сего июля было созвано экстренное заседание общего собрания гг. членов общества попечения о раненых и больных воинах по местному управлению, которое постановило: открыть по Вятской губернии подписку в пользу несчастных жертв Герцеговины, Боснии и Болгарии, а между тем, не дожидаясь результатов оной, послать в главное управление 1000 рублей для

помощи жертвам Герцеговины, Боснии и Болгарии. Затем, имея в виду, что не одна денежная помощь может облегчить страдания больных и раненых, которым, кроме денег, нужны и скорая помощь, и заботливый и нежный уход за ними лиц, специально подготовленных к делу подания помощи больным и раненым воинам, местное управление постановило: послать на театр военных действий одну-двух окончивших курс подготовления сестер Красного Креста, выдав им свидетельства на это звание и ассигновав на проезд и содержание их до 1500 рублей.

По предложению местного управления изъявили согласие отправиться на театр военных действий две девицы, подготовлявшиеся к званию сестер Красного Креста, Александра Буевских и Анна Стретенская.

Имею честь донести об этом до сведения вашего сиятельства и присовокупить, что сестры Красного Креста Буевских и Стретенская уже экипированы и по получении вчера в местном кафедральном соборе напутственного благословения от преосвященного Палладия, викария вятского, отправляются 24 числа, согласно указанию главного управления общества, в Петербург для дальнейшего следования на театр войны.

И. д. вятского губернатора Тройницкий.

РГИА. Ф.1284. Оп.57. Д.637. Л.97—98. Подлинник. Опубл.: Сов. архивы. 1978. № 2. С.78.

РАПОРТ И. Д. ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА Н. А. ТРОЙНИЦКОГО УПРАВЛЯЮЩЕМУ МВД А. Б. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ ОБ ОТЪЕЗДЕ ИЗ ВЯТКИ В СЕРБИЮ ТРЕХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

13 сентября 1876 г.

Господину управляющему министерством внутренних дел.

8 сего сентября в 4 часа пополудни отправились из Вятки в Сербию на театр военных действий три волонтера: личные дворяне — Павел Ильи[ч] Двинянинов и Михаил Петров[ич] Дрягин и крестьянин Орловского уезда Истобенской волости Иван Илларионов[ич] Нелюбин. Первые двое отправились на средства, собранные по подписке кандидатом прав Копиченко[1], а последний на средства пермского купечества.

Имею честь доложить об этом вашему сиятельству.

Исполняющий должность вятского губернатора Тройницкий

Помета: Спросить губернатора, был ли им разрешен сбор Копиченко.

РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.818. Л.153. Подлинник. Опубл.: Сов. архивы. 1978. № 2. С.80.

[1] Копиченко Николай Васильевич (1838—1893) — действительный член губернского статистического комитета, кандидат юридических наук.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ И. Д. ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА Н. А. ТРОЙНИЦКОГО УПРАВЛЯЮЩЕМУ МВД А. Б. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ О ЖЕЛАНИИ МАСТЕРОВЫХ ИЖЕВСКОГО ЗАВОДА ОТПРАВИТЬСЯ НА БАЛКАНЫ ДОБРОВОЛЬЦАМИ

4 октября 1876 г.

113 человек мастеровых Ижевского оружейного завода заявили о желании их отправиться в Сербию и там поступить в сербские войска волонтерами. В обществе Ижевского завода явилось желание изыскать средства на отправление добровольцев до Москвы, если Московское славянское общество отправит их далее на свой счет...

И. д. вятского губернатора Тройницкий

РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.824. Л.71. Подлинник. Опубл.: Сов. архивы. 1978. № 2. С.81.

РЕЧЬ К ВОИНАМ ПРЕД НАПУТСТВЕННЫМ МОЛЕБСТВИЕМ,

сказанная Его Преосвященством, Преосвященнейшим Аполлосом Епископом Вятским и Слободским 24-го мая в Кафедральном соборе

ХРИСТОЛЮБИВЫЕ ВОИНЫ!

Одна доблестная мать, провожая на войну своего сына, вручив ему воинский щит, сказала: или с сим, или на сем — или возвратись с этим щитом победителем, или умри на этом щите смертию героя. Эта мужественная жена, память о которой от времен древних дошла до нас, была язычница, не знала истинного Бога; одна любовь к отечеству так высоко подняла дух ее; ни нежность пола, ни материнская привязанность не поколебали ее патриотического чувства; ради отечества она готова была пожертвовать жизнию сына. Вас высшая, благодатная Матерь — св. Церковь именует воинством Христолюбивым. Христос Господь так возлюбил нас, что положил на крест душу Свою за нас и оставил нам образ, чтобы и мы следовали по стопам Его. Звание воинское открывает нам путь на ту высоту христианской любви, дальше которой некуда подниматься: больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя (Іоан. 15, 13)

* * *

Идя на войну с врагами Креста Христова, за Церковь Божию, за православных братев наших, за любезное отечество, не убойтеся от лица врагов, будьте крепки в брани, как львы, быстры как орлы, не знайте иного бегства, кроме обращения в бегство полков чуждих (Евр. 11, 33); докажите свету, что вы достойные преемники приснопамятных героев 12-го года, незабвенных защитников Севастополя. Взоры всей России с благожеланиями и надеждою будут следить по путям вашим, Церковь будет возносить о вас ежедневную молитву. Обносите мысль в душе своей, что вы побораете за правое дело. Небесный покровитель нашего кроткаго Царя — св. Благоверный Князь Александр Невский, выступая в поход против неприятеля, призвал Бога на помощь в храме св. Софии и, обращаясь к малочисленной дружине своей, знаменательно сказал: «нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде», — не в силе ратной, а в правом деле. Правому делу Бог помогает. Вера Князя спасла его рать. Он одержал блистательную победу, за которую получил славное имя Невского. Крепко храните это победное оружие: сия есть победа, победившая мир, вера наша, Верою отцы наши победиша царства, угасиша силу огненную, избегоша острия меча, быша крепцы во бранех (Евр. 11, 33 и 34)

С живою верою в чистоте сердца возложите упование на помощь Божию. Пойдете через реки, и вода не потопит вас, ринитесь сквозь огонь, и пламень не опалит вас, яко Господь Бог Святый Израилев спасаяй вас (Прор. Исаии 43, и 2 и 3). Живый в помощи Вышняго, в кровь Бога небеснаго водворится (Пс. 90) призывающий Бога на помощь пребудет под кровом Божиим. Речет Господеви: Заступник мой еси и прибежище мое... И Той избавит тя от сети ловчи... Оружием обыдет тя истина Его... падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе... не приидет к тебе зло и рана не приближится телеси твоему. Святый Равноапостольный Царь Константин во время осады Рима, видел на небе знамение креста, на котором было написано: сим побеждай. Мать — христианка отправлявшагося на войну сына, еще язычника, убеждала, с верою в силу креста, осенять себя им, и послушный сын, среди самой жестокой битвы, не только остался невредим, но ещ и поразил многих врагов и сделался великим христианином, опытно убедившись в чудодейственной силе крестной (смотр. священном учен. Никона 23 мар. житие). При вступлении в битву, в молитве веры, осеняйте себя крестным знамением, и взывайте к Господу: да воскреснет Бог и расточатся врази Его, яко исчезнет дым да исчезнут...

И так с Богом, Христолюбивые воины, на брань праведную и святую! С Богом, дорогие сердцу нашему, за веру, Царя и Отечество, за братьев страдальцев... В благословение на предлежащий вам подвиг бранный, в залог помощи свыше, примите от храма Живоначальной Троицы Икону Пресвятыя Богородицы. Небесная Царица, Заступница наша, многократно являла Русскому воинству Свою чудодейственную помощь в борьбе с врагами. Всевышний покров Богоматери видели над собой не только православные воины, — он открывался над ними даже язычнику, непросвещенному святою верою. Грозный воитель Тамерлан, приведший на Русскую землю безчисленную рать, видел во сне Величественную Жену, сходящую с высоты небес, в сопровождении тмы тем воев небесных, и, устрашенный видением, обратил вспять свои полчища. Матерь Божия не престанет осенять и вас Своим небесным покровом, когда, в час брани, из глубины души в молитве

будете призывать Ея всесильную помощь, и увенчает вас за веру и геройскую твердость вечною славою на земле и на небе. Аминь. (Вят. Еп. Вед. № 11).

Вят. губ. ведомости. 1877. 8 июня (№ 46). С. 3.

ИЗ ПОСЛУЖНЫХ СПИСКОВ НИЖНИХ ЧИНОВ — ОБ УЧАСТИИ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877—1878 гг.

12 марта 1879 г.

Воробьев Денис Филимонов[ич], род. в 1852 г.[1]

Был в походе в турецкую войну 1877—1878 гг. и участвовал в делах с турками: в 1877 году 12 октября под Горным Дубняком, 11 ноября под Хан Правцем, 21 ноября под Араб Канаком, 19 декабря под [дер.] Ташкисян, 21 декабря под Враждебно и 3, 4, и 5 января 1878 г. под Филиппополем[2].

Ранен и в плену у неприятеля не был.

Командир батальона свиты Его Императорского Величества генерал-майор граф Клейнмихель

15 ноября 1879 г.

Окишев Степан Сергеев[ич] от роду 29 лет[3]

Был в походах против турок в кампанию 1877—1878 гг. Находился в составе войск Южно[й] действующей армии, участвовал в делах 14 июня 1877 г. при дер. Енржи, 10 и 11 августа — при Азлярских высотах и в рекогносцировке 12 октября при дер. Нисовой был ранен.

Подлинный подписал командир полка полковник Линдфорс

Скрепил полковой адъютант поручик Иванов

8 апреля 1886 г.

Шулятев Ераст, род. в 1852 г.[4]

В походах противу неприятеля находился на Дунае и в Европейской Турции с 12 апреля 1877 г. по 9 марта 1879 г. Границу княжества Румынии перешел

15 мая 1877 г. и обратно возвратился в империю 17 февраля 1879 г. после переезда по Черному морю.

В сражениях с неприятелем участвовал 1 июля 1877 г. в деле генерал-лейтенанта Циммермана при г. Меджидие и преследования неприятеля.

10 января 1878 г. в деле у дер. Чаир-Орман и Карикилисса и перестрелка у дер. Елибей и под г. Хаджи-Оглу-Базарджиком.

12 января 1878 г. в рекогносцировке с боем укреплений Хаджи-Оглу-Базарджика генерал-лейтенанта Циммермана и отражение неприятельской вылазки.

14 января 1878 г. под г. Хаджи-Оглу-Базарджиком под начальством генерал-лейтенанта Циммермана.

15 января 1878 г. занятие г. Хаджи-Оглу-Базарджика.

Ранен и контужен не был.

Подлинный подписал флигель-адъютант полковник Кузяевский

ГАКО. Ф.871. Оп.1. Д.10. Л.824,916,1149. Заверенная копия.

---

[1] Воробьев Д. Ф. — из удельных крестьян д. Антоновой Теребиловской волости Уржумского уезда. Принят на военную службу в 1874 году, служил в лейб-гвардии 4-м стрелковом Императорской фамилии батальоне рядовым, уволен в запас в 1879 году. Награжден румынским железным крестом и светло-бронзовой медалью в память войны 1877—1878 гг.

[2] Филиппополь — г. Пловдив (Болгария).

[3] Окишев С. С. — из крестьян с. Селты Селтинской волости Малмыжского уезда. Принят на военную службу в 1874 году, служил в 138-м пехотном Болховском полку рядовым, уволен в запас армии в 1879 году. Награжден знаком отличия военного ордена св. Георгия 4-й ст. под № 83 345-м и светло-бронзовой медалью в память войны 1877—1878 гг.

[4] Шулятев Е. — из крестьян поч. Вотчинского Леденцовской волости Глазовского уезда. На военную службу поступил в 1874 году, служил в 68-м лейб-пехотном Бородинском Его Величества полку рядовым, уволен в запас армии в 1880 году. Награжден светло-бронзовой медалью в память войны 1877—1878 гг.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕНЫХ И БОЛЬНЫХ ВОИНАХ Н. А. ТРОЙНИЦКОГО В ГУБЕРНСКОЕ ЗЕМСКОЕ СОБРАНИЕ О ПРЕДЛОЖЕНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ ОПРЕДЕЛИТЬ СУДЬБУ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ ВЯТСКОГО ВЫДВИЖНОГО ЛАЗАРЕТА И ПРОДОЛЖИТЬ ПОДГОТОВКУ НОВЫХ СЕСТЕР

19 декабря 1878 г.

С окончанием действия Вятского выдвижного лазарета в тылу действующей армии, в Ясско-Кишиневском районе, окончилась и деятельность лиц, подготовлявших себя к званию сестер Красного Креста и исполнявших в лазарете свои обязанности сестер милосердия. Все эти лица, подготовленные исключительно на средства Вятского местного управления, в настоящее время остаются без дела.

Августейшая покровительница Общества государыня императрица, обратив внимание на положение сестер милосердия и ту пользу, которую они принесли во время войны, выразила желание, чтобы местные учреждения Общества приняли участие в судьбе сестер милосердия в мирное время и не переставали бы продолжать начатую деятельность подготовления новых лиц к обязанностям сестер Красного Креста...

Председатель управления Тройницкий

ГАКО. Ф.616. Оп.1. Д.47. Л.352, 352 об. Подлинник.

ДОНЕСЕНИЕ ВОЛИПЕЛЬГИНСКОГО ВОЛОСТНОГО ПРАВЛЕНИЯ МАЛМЫЖСКОМУ УЕЗДНОМУ ИСПРАВНИКУ Н. Д. ЧИСТЯКОВУ О ПРОЖИВАЮЩЕМ В ВОЛОСТИ УЧАСТНИКЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 гг.

24 декабря 1879 г.

Во исполнение предписания Вятского губернского правления от 12 сего декабря за № 9536-м волостное правление имеет честь донести, что здешней волости в починке Казанском находится один только раненый на войне 12 октября 1877 года под Горным Дубняком лейб-гвардии Московского полка рядовой Иван Фадеев[ич] Котельников, уволен в отставку. По неимению же средств к пропитанию и по ходатайству получает уже из Малмыжского уездного казначейства пособие по 3 рубля в месяц. Пенсию же из инвалидного капитала, если по закону не следует, получать не желает, а

просит начальство выслать ему на казенный счет искусственную ногу, ибо у него левая нога по колен[о] отнята, ходит с трудом на деревяшке. И сверх того ему Котельникову за войну с турками не выслана медаль. Под судом и следствием он не состоит.

О чем вместе с тем донесено Вятскому губернскому правлению от 24 декабря за № 1736.

Волостной старшина Брызгалов, прил[ожена] печ[ать]

Волостной писарь Гвоздев

ГАКО. Ф.716. Оп.4. Д.70. Л.27. Подлинник.

ИЗ ПОСЛУЖНЫХ СПИСКОВ НИЖНИХ ЧИНОВ — О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ И ЗНАКАХ ОТЛИЧИЯ

9 марта 1879 г.

Ефрейтор Алексей Родионов[ич] Шампаров, от роду 28 лет[1]	Поступил на службу рекрутом	1874 г. января 18
	Зачислен в л[ейб]-гв[ардии] Финляндский полк	-«— февраля 7
	Произведен в ефрейторы	1876 г. июня 18
	Награжден нашивкою за стрельбу	-«— августа 20
	Награжден знаком отличия военного ордена [св. Георгия] 4-й ст. за № 66924-м за дело под Филиппополем	1878 г. февраля 21
	Награжден светло-бронзовой медалью в память войны 1877—1878 гг.	-«— августа 4

Командир полка генерал-майор Теппер

Полковой адъютант поручик*

13 мая 1880 г.

Рядовой Ефим Федоров сын Пантюхин, от роду 28 лет[2]	В рекруты принят по общему набору	1874 г. января 31
	Зачислен в 138-й пех[отный] Болховский полк	-«— апреля 7
	Переименован в рядовые	-«— сентября 19

*Подпись неразборчива.

Выключен на укомплектование войск гвардии	1875 г. июня 7
Назначен на службу в л[ейб]-гв[ардии] Уланский полк	
Прибыл	-«— —«— 14
Зачислен	-«— —«— 26
Как состоящий в 1 разряде по стрельбе награжден нашивками поперек верхних половин рукавов	1877 г. июля 26
Награжден светло-бронзовою медалью в память войны с Турцией в 1877—1878 гг.	1878 г. августа 5
За участие при окружении Плевны в 1877 г. награжден Румынским железным крестом	1879 г. июня 9

Подлинный подписал командир полка Его Императорского Величества генерал Струков

ГАКО. Ф.871. Оп.1. Д.10. Л.631об, 833об. Заверенная копия.

[1] Шампаров А. Р. — из крестьян д. Новых Кукар Большепорскской волости Малмыжского уезда. Уволен в отставку в 1892 г.

[2] Пантюхин Е. Ф. — из крестьян д. Упвая Сюмсинской волости Малмыжского уезда. Уволен в запас в 1880 г.

ПРОШЕНИЕ ОТСТАВНОГО РЯДОВОГО И. А. ШАТУНОВА[1] ВЯТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Н. А. ТРОЙНИЦКОМУ О НАЗНАЧЕНИИ ПЕНСИИ

7 января 1880 г.

По билету, выданному мне 12 декабря 1878 года за № 6377-м командиром Елизаветопольского 156-го полка, уволен я от военной службы, потому что при участии в военных действиях против турок 20 сентября 1877 года ранен ружейною пулею в голову и по освидетельствованию, произведенному 7 сентября 1878 года комиссиею, учрежденной при Огнинском военном госпитале, признан по

неизлечимой огнестрельной раны совершенно неспособным к продолжению как строевой, так и нестроевой службы, а потому уволен навсегда от военной службы с освобождением от зачисления в состав государственного ополчения. По прибытию на родину я поселился в семейство братьев, одного совершенно слепого и в беднейшее, заключающееся из 11 человек с малолетними детьми, сам же собственного капитала и недвижимого имущества не имею, работать ничего не в состоянии и положительно живу в тягость одному работнику брату.

А потому покорнейше прошу Ваше превосходительство назначить мне пенсию по неимению у меня никакого имущества и неспособности к работе, каковую пенсию я желаю получать из Малмыжского уездного казначейства.

К сему прошению вместо Шатунова неграмотного по просьбе руку приложил малмыжский мещанин Николай Пугачев

ГАКО. Ф.716. Оп.4. Д.70. Л.34. Подлинник.

[1] Шатунов Иван Аникиевич — крестьянин д. Каравай Узинской волости Малмыжского уезда.

ПОЖАЛОВАНЫ ОРДЕНАМИ

На страницах Вятских ведомостей весьма отрадно указывать на то, что между отличившимися героями в нынешнюю войну против Турок есть урожденцы г. Вятки и Вятской губернии. В № 3-м губернских ведомостей мы упоминали уже о подвиге Вятчанина рядового Егора Жданова, отбившего турецкое знамя при взятии Плевны. Теперь мы можем указать на подвиг еще другого героя тоже Вятчанина, г. Сырнева — подпоручика 5-го пехотного Калужского полка, пожалованного, как видно из 281 № «Русского Инвалида», орденом св. Георгия 4-й степени.

А. П. Сырнев из воспитанников Вятской гимназии, имеет отца отставного чиновника, проживающего в г. Вятке. Из письма его к отцу, между прочим, видно, что он пожалован столь высокой для военных наградой за то, что пошел охотником на штурм Ловчи и когда ранили командира 1-й роты, то принял начальство над остатками роты и первый ворвался в главный неприятельский редут.

Затем в 22 № Правительственного Вестника мы находим, что в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в делах с турками при взятии Ловчи 22-го августа, Всемилостивейше пожалованы орденами из урожденцев Вятской губернии следующие лица: св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом полковник генерального штаба, начальник штаба 2-й пехотной дивизии Шес-

таков, поручик Калужского полка Лопатин, подпоручик Ревельского полка Рукавишников, св. Анны 4-й степени с надписью за «храбрость» подпоручик Калужского полка Шубин, св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом штабс-капитан Калужского полка Уваров и наконец младший врач Калужского полка доктор медицины Бронников св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом. Большинство из поименованных лиц принадлежат к бывшим воспитанникам здешней гимназии.

Вят. губ. ведомости. 1878. 11 февр. (№ 12). С. 4.

* * *

Круты горы развеселы,
Растут садики зелены,
Зеленые разсажены.
Что по этим-то по садикам
Пролегла путь-дороженька.
Дороженька была торна,
Широка, долга́, Моськоська —
(Московска)
Москоська́я, Питенбурска.
Никто по ей не прохаживал,
Никто следы не прокладывал.
Только шли-прошли солдаты,
Солдатушки, люди-бедны,
Несут в руках ружья светлы,
А замочки у них медны.
Замочиком они сбрякали,
Во поход пошли заплакали...
Об их есть кому поплакати:
Тужит, плачет родной батюшка
Со своим со малым детонькам,
С молодой женой.

(Рекрутския песни Вятскаго уезда, Нагорской волости; Орловскаго уезда, Левинской волости; Нолинскаго уезда, Мальканской волости).

Народные песни Вятской губернии. Вятка, 1893. С. 39.

РАПОРТ ВЯТСКОГО ГУБЕРНАТОРА Н. А. ТРОЙНИЦКОГО МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. Е. ТИМАШЕВУ ОБ ОТПРАВКЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ТУРОК

2 октября 1878 г.

Находившиеся в гг. Вятке, Слободском и Орлове военно-

пленные турки в числе 505 человек 21 минувшего сентября, согласно распоряжения Главного штаба отправлены в Нижний Новгород на пароходе купца Булычева «Гражданин», у которого 24 сентября вечером на р. Вятке между селениями Дмитриевкой и Гоньбой сломался руль, почему пароход следовать далее не мог, и турки ночь на 25-е число провели на пароходе, а утром, по распоряжению сопровождавшего их капитана были переведены сухопутно в село Гоньбу, где расставлены по квартирам и снабжены пищею. Затем 26-го числа из числа пленных турок 100 человек отправлены далее на пароходе «Владелец», а остальные 405 человек отправлены 27 сентября на пароходе «Потомственный».

Имею честь довести об этом до сведения В[ашего] Высокопревосходительства и присовокупить, что находившиеся в г. Елабуге военнопленные турки также отправлены в Нижний Новгород на пароходе по р. Каме 23 сентября.

ГАКО. Ф.582. Оп.26. Д.1018. Л.51,51об. Отпуск.

VII. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905

Война России с Японией за контроль над Маньчжурией, Кореей, Ляодунским полуостровом. Несмотря на героизм русских солдат при обороне Порт-Артура (13 мая — 20 декабря 1904), в сражениях в Маньчжурии и Цусимском бою война Россией была проиграна. По Портсмутскому мирному договору от нее был отторгнут Южный Сахалин, и Россия лишилась права аренды Квантунской области с Порт-Артуром.

Н. МИНЧАКОВ

КОМЕНДОР С «ВАРЯГА»

— Следующий!

Перед слободским воинским начальником и комиссией предстал молодой рекрут: высокий, широкоплечий, крепкий. Парень хоть куда — хоть в гвардию, хоть на флот. И его направили на флот.

Провожала вся семья. В Вятку новобранца везли на лошадях, а оттуда в Сибирь — по железной дороге. Все дальше и дальше уезжал Семен Катаев от родной деревеньки возле древнего села Шестаково, где он три зимы сидел за партой в школе, где на своей полоске сеял и жал хлеб, косил сено. Мимо проплывали необъятные просторы Сибири, горы, реки. Но вот железная дорога кончилась, и они опять поехали на лошадях, вплоть до неведомой Кореи.

Катаева направили в 15-ю команду флотского экипажа, на крейсер «Варяг». Много времени прошло прежде, чем он освоил матросскую службу. Обслуживание орудия корабля требует силы, сноровки, быстроты. Среди сослуживцев Катаев выделялся грамотностью, что для матросов того времени было довольно редким явлением. И это сыграло не последнюю роль в том, что он был назначен комендором.

Крейсер «Варяг» был одним из лучших кораблей России. Он имел водоизмещение 6500 тонн, скорость — 23—24 узла, 34 пушки, в том числе двенадцать пушек 152 мм.

«Варяг» стоял в открытом нейтральном порту Чемульпо, когда его блокировала японская эскадра. Командир крейсера капитан 1-го ранга Руднев принял решение прорваться в Порт-Артур. Разгорелся неравный бой. Японские снаряды падали на крейсер, неся огонь, смерть и разрушения. Но русские моряки дрались геройски. Вот уже сбиты перекрытия на верхней

палубе, поврежден руль. Пламя огня стало охватывать корабль. Выведены из строя десять из двенадцати 152-мм орудий, убито и ранено 7 офицеров и 115 матросов.

Особенно отличился в этом бою комендор Катаев. Он не отходил от орудия, вел огонь по японским кораблям. Три ранения были обнаружены на его теле, когда с тонущего корабля его подобрали французские матросы. За героический подвиг он был награжден Георгиевским крестом и 2 медалями. После ранения свыше года пролежал в лазарете.

По возвращении на родину царское правительство назначило мизерные пенсии тяжело раненым матросам. Катаеву выплачивали за награды всего 2 рубля 70 коп. в год.

После революции Катаев работал при Слободском уисполкоме. В 1928 году в возрасте 49 лет умер.

К 60-летию гибели «Варяга» в Слободской краеведческий музей поступили наградная колодка, фотография героя-матроса и коробочка из-под медали с надписью: «Чемульпо, 27 января 1904 г., от г. С.-Петербурга».

Киров. правда. 1964. 11 февр. (N 35). С. 4.

ПИСЬМА СОЛДАТА ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Письмо на родину от 31-го августа 1904 г. После обычных приветствий письмо продолжается так: — «Милые и дорогие родные, не гневайтесь, что я вам каждому отдельно поклон не шлю, потому что нет свободного времени, и это письмо на скорую руку написал в боевой обстановке. Еще кланяюсь и посылаю родительское благословение своему единственному сыну Ивану Ст. Милый и дорогой сыночек! Пишут мне, что ты меня часто вспоминаешь и мое сердце радуется, и помни, что был у тебя отец воин. Может быть и не придется вернуться домой, то будешь знать, отец твой убит и на поле битвы роковой кости за честь родины оставил. А может Бог благословит и вернусь домой: всё в руках Господа! Уведомляю я Вас, милые родные, что слава Богу, пришлось быть в 3-х больших битвах в таких, что вы и представить не можете: земля стонала и воздух гудел от орудийных выстрелов; кучи убитых и раненых японцев и наших застилали все горы, но меня и на этот раз Бог за ваши молитвы спас; не знаю как дальше. Как вам уже известно, было писано про два боя, а третий бой был под городом Ляояном и продолжался бой дней 5-ть. Мы на позицию засели 15-го августа и дрались до 19-го; с 16-го числа началась перестрелка и мы тогда сидели в окопах все время. Наша 1-я стрелковая дивизия была в цепи, да она и завсегда впереди — как бой так и первую дивизию вперед. Плохо было сидеть в окопе, пищи горячей не получали 4 дня, только кушали сухари, да бутылка воды на день, вот вся и пища; днем воды было нельзя достать; пули и гранаты летели, как рой пчел, а воду доставали ночью, потому — ночью орудийной стрельбы не было, а стреляли только из ружей, но мы уж пуль не боимся. Японец лез, как мураши, а мы их чесали здорово.

Стрельба не умолкала ни днем, ни ночью, все четыре дня, а 19-го августа пришлось сойтись в штыки. Чуть светать начало, они подошли к нашей 10-ой роте; мы вышли из своего окопа и пошли выручать 10-ю роту. Пошла горячая перестрелка; уже с близкой дистанции японцы валились

целыми рядами. Под конец все же мы их сбили с горы и били прикладом и штыком, камнями и набили: в одном окопе маленьком было их убитых 300 человек, а в большом окопе невозможно сосчитать, и по горе они лежали один на одном так, что мы их здесь положили с тысячу; но и наших легло человек до ста. Сколько их сошло на гору, так ни один не ушел. Я сам перевязывал раненых. Пули летели как град; а товарищь страдает — ранен; садишь его на землю и перевязываешь ему рану, берешь ружье и опять стреляешь. Одного ранило, нашей роты, в ногу и ему бедному оторвало пятку, идти не может, а санитарам времени нет нести, и я его посадил себе на спину и по горам его нес больше версты. Гранаты рвались над нами, а нас Бог спас, и я его принес на перевязочный пункт. У нас здесь разбору нет, чей бы не был солдат, если нет санитаров, перевязывают солдат солдата. За тем до свиданья, остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Сообщил с подлинного кр. А. Владыкин.

Вят. газета. 1904. 11 нояб. (№ 46). С. 1094.

НАШИ СОЛДАТКИ

(Письмо из деревни Пономаревской Буйской волости Нолинского уезда)

Тяжелое испытание постигло нашу деревню в нынешнюю русско-японскую войну В мобилизацию 7-го декабря 1904 года из нашей небольшой, но порядочно устроенной деревушки, состоящей всего из 15 дворов, были вызваны 5 человек запасных солдат, и один на действительной службе Все эти 6 человек отправлены на Дальний Восток для пополнения рядов войск. Из пяти человек наших солдат, вызванных в мобилизацию 7 декабря 1904 года, двое пожилые, почти 37 лет, оставили дома большие семейства малых и старых, неспособных к крестьянскому труду. Все хозяйственные работы в нынешнее лето исполняются осиротелыми солдатками и стариками. В одной, например, семье остались старик-отец, 70 лет, — и мать 65 лет, две солдатки и у них по двое детей; значит, обоих сыновей призвали на войну. Этим семьям сейчас приходится очень трудно. Смотришь, бывало на них, как оне работают в поле или огороде — сам старик пахал! — и невольно сам заплачешь. Грустно бывает на них смотреть, когда оне приходят писать или читать ко мне полученные только что с театра войны письма, и невольно приходится прослезиться по прочтении писем, в которых описывается горькая участь и солдатское житье-бытье. В одном письме они писали так: «когда мы были в Мукдене 22 февраля, и неприятель атаковал нас со всех сторон, то нам под градом неприятельских выстрелов и пуль в силу необходимости пришлось отступить. И вот, когда мы отступали к Харбину, — пришли на одно место, где были русские войска, но мы прошли так, что не были замечены врагом. Как вдруг смотрим: два разведочные китайца показались на возвышенном месте, держа в руках по какому то красному сигнальному значку, и показывают японцам, что тут стоят японские войска; и наши пятеро смельчаков прибежали на место сигнала и закололи китайцев штыками. Трудно воевать России, потому что каждый шаг наших войск известен японцам, их извещают хунхузы и китайцы, и нам в тот же момент опять дали приказание отступать далее к Харбину. Не поспели даже пообедать. Пришли на одно место, где были приготовлены нам позиции и расположились бивуаком, вздумали пообедать, как вдруг послышался

страшный треск и взрыв огромной бомбы, которая упала на разстоянии всего от нас 4 сажени, но мы по милости Божьей и по молитвам святой матушки церкви были спасены. Можем только сказать, что много убито наших знакомых и товарищей, многих почти наповал убило от этой разорвавшейся бомбы, а также и в мукденском бою. Можем лишь описать то, что нам сейчас очень трудно. Пища наша временами состоит из одних сухарей. Цена на сахар здесь 70 коп. фунт, и то негде взять.

И наши солдатки, согласно этому письму, послали сахару своим мужьям, употребив на это свои последние трудовые гроши. Я состою сельскохозяйственным корреспондентом, за что и получаю «Вятскую Газету», в которой есть много разного рода сообщений насчет нынешней русско-японской войны, есть списки убитых и раненых уроженцев Вятской губернии, и моя небольшая крестьянская изба, во время чтения газет и писем с театра войны бывает переполнена слушателями в праздничное и простое время. Очень интересуются крестьяне; каждому охота узнать, что делается на Дальнем Востоке. Это только и дает возможность облегчить горькую участь наших сирот солдаток с их малыми детьми и стариками. Трудно, очень трудно солдаткам и всем переживаемое ныне тяжелое время войны!

Наши народные деревенские толки о войне очень невероятны; бывали случаи, что кто-нибудь сходит в ближайшее от нас село Татаурово и принесет оттуда разных нелепых слухов и разного вздору о войне Несмотря на то, что у нас в чайной попечительства есть выписаны и часто приходят телеграммы и газеты, но слухи эти распространяются особенно темными и невежественными и безграмотными людьми, старухами и стариками, которые ничего не понимают. Ихнюю темноту просвещает любимая нашими жителями и получаемая мною «Вятская Газета» — она только и дает отраду нашей деревне, населенной почти сряду темными безграмотными людьми. Очень благодарят за объяснение в ней, т. е. газете, о войне, и жизни губернии.

20 мая 1905 года. Блинов.

Вят. газета. 1905. 2 июня (№ 22). С. 607

ИЗ ПИСЕМ СОЛДАТ-ВЯТИЧЕЙ НА РОДИНУ

Уржумский уезд.

От 15 февраля 1905 г.

Уведомляю вас, любезный братец, что я по милости Божьей жив и здоров. Страшно я соскучился по Вас, не могу никак разсеять свое горе и скуку. Вот уже второй год, как я разстался с вами и нахожусь за несколько тысяч верст среди китайцев. Страна невеселая и климат очень тяжелый, много заболевают кровавым поносом. Летом стоят страшные жары, градусов до 40 и более. Ох, любезный братец, везде я исходил эту землю, был и у Желтаго и у Японского морей, походил и по горам, а горы здесь громадныя, вышиною версты 2 и более, даже в облака уходят. Почти по всей Манчжурии верст на тысячу все горы. Да, любезный братец, вы не видали таких гор, а мне приходилось взбираться с ношей на такие горы, что посмотреть страшно. В колодцах здесь редко найдешь хорошей пресной воды, все больше горькосоленая. А в скольких боях я был, даже не перечтешь! А в каких

опасных случаях находился! Каждую минуту ожидал себе смерть от вражьей пули и снарядов. Боже мой, что делается в бою! Треск, оглушительные орудийные выстрелы, как страшный гром, никогда не умолкающий. Земля вся трясется и колеблется, как при землятрясениях, везде стоны, крик и предсмертное хрипение умирающих, раненых и искалеченных солдат! Боже мой! Описать невозможно, сердце замирает. Меня Господь спас, только я был оглушен снарядом гранаты, разорвавшейся над моей головой: с неделю я не слышал, но потом отошло. Меня засыпало от снаряда дымом и землей и отбросило в сторону, но всетаки я остался цел и невредим. 4 октября мы с японцами в штыки сходились, я приколол и перебил прикладом порядочно японцев. Ну и страшно, братец, сходиться в штыки, прямо ужас!

Не забыть мне этого дня, пока буду жив. Когда выбили мы японцев из окопов, то по утру пошли собирать раненых и убитых. Японцев оказалось убитыми (это всего за полчаса времени боя) 936 человек, а раненых — не припомню. Наших же убито было 400 человек. Мы схоронили наших, а для японцев выкопали громадную яму, копать наняли китайцев, и всех их свалили в одну могилу. Храбро, любезный братец, сражаются японцы, сказать нечего. Отличные они солдаты, правду сказать. Когда мы пошли на войну, то думали легко справиться с врагом, но на деле выходит не так. Много, видно, придется протерпеть нам, но что делать. Все бы описал я вам подробно, что здесь делается, да не стоит раздражать вас и себя. Прощай, братец, увидимся или нет, Господь знает, а я не надеюсь возвратиться на родину. Пиши, братец, мне письма чаще, и не оставляй мою жену и детей, а меня бедного сироту на чужой стороне не забывай.

Т. Сластников

Вят. газета. 1905. 15 мая (№ 20). С. 552.

П. ДЕМЕНТЬЕВ

ВЯТСКИЙ ЛАЗАРЕТ КРАСНОГО КРЕСТА

...Сестры милосердия Вятского лазарета в Сретенске часто получают благодарственные письма от солдат. Приводим некоторые из них.

Сестра Симонова получила от солдата Е. С. Скотинцева следующее письмо:

«Добрейшая сестрица! Я, лежавший у вас в лазарете, был очень доволен вашими средствами, которые были пользительными для меня. Ваш труд был почтен мною. Вы ходили за мною и проводили меня, как единственного сына, за что благодарю вас, также благодарю Антона Левонтьевича» (Анатолия Львовича Маркевича).

Сестре Утробиной из Котельнича:

«Здравствуй, многоуважаемая сестрица Мария Алексеевна, посылаю я, Константин, глубочайшее почтение и с любовью низкий поклон, слава Богу пока здоров и спасибо за ваши труды; свой век буду молиться Богу за вас и за всех врачей, присутствующих в том лазарете».

Сестре Лихачевой Н. Ковалев пишет:

«Спешу уведомить я Вас, милосердная сестрица Елена Васильевна, что я по милости Божьей нахожусь жив и здоров, чего и вам сердечно желаю от Господа Бога — доброго здравия и в делах рук ваших скорого и счастливого успеха. Примите от меня нижайшее почтение, низкий поклон. Благодарю я вас, милосердная сестрица, за то, что вы ухаживали как надо-мной, а также и над другими ранеными солдатиками, имели добродушное сестрицкое уважение. Прибыл в часть 11-го сентября».

С. Мищенко ей же пишет:

«В первых строках моего письма уведомляю я вас сестрица, что я, слава Богу, жив и здоров, доехал благополучно на место. Еще благодарю я вас, сестрица за труды, что вы за нас хлопотали чтобы не погибали ни голодом, ни холодом, то я благодарю вас, сестрица не раз, — 10 раз и желаю я вам всего хорошего, от Господа Бога доброго здравия, прожить благополучно».

Алексей Цудный пишет:

«Здравствуйте, многоуважаемая сестрица Елена Васильевна, посылаю вам нижайшее почтение и много поклонов и желаю вам сестрица здравия и благополучия получить от Господа Бога. Много вас благодарю за ваше доброе дело, которое вы в моих присутствиях исполняли с усердием и что все ваши мысли и стремления были только напряжены к нашей к немощствующей и болезненной жизни, и вы не только лекарствами, но и словами своими старались облегчить наше тяжелое положение. Всепокорнейше прошу вас, сестрица, примите от меня нижайшее почтение и низкие поклоны и передайте их, сестрица, нашему доктору Василию Васильевичу г. Бекенскому, что я им много довольный... Затем кланяюсь и всему вашему Вятскому лазарету, всем врачам и сестрицам милосердия и много благодарю и всем желаю всего хорошего. Больше ничем не могу благодарить, как только своей искренней устной стихологией чрез сие письмо. Часто я вспоминаю нашу добрую сестрицу Елену Васильевну, посылаю вам много поклонов от любви желаю здоровья».

С. Глушко пишет:

«Здравствуйте, премногоуважаемая сестрица Елена Васильевна, первым долгом посылаю вам свое почтение и уведомляю, что я сейчас Божиею милостью нахожусь жив, здоров... Добрейшая сестрица, Елена Васильевна, встретясь с больными, которые лежали в других госпиталях, я заводил с ними разговор — как содержатся больные, — оказывается, что нет нигде такого теплодушевного ухода за больными, как у вас в лазарете Вятской общины Красного Креста, поэтому я, на основании всего вышеизложенного, приношу вам за вашу материнскую заботливость о нас больных сердечную и искреннюю благодарность... Добрейшая сестрица, пишу я вам письмо как родным отцу с матерью, но не могу умолчать, что не все родные могут так ухаживать за больными, как вы за нами ухаживали и поправляли наше здоровье, за все это еще раз сердечно вас благодарю, если я буду жив и меня не убьют, то я ваше доброе сердце никогда не забуду. Дай Бог вам счастья и долгоденствия».

Один неподписавшийся больной на память Е. В. Лихачевой прислал следующее стихотворение:

«Пред иконой склоняю колена
Каждый раз, как в постелю
Ложусь, за тебя я, сестрица Елена,
Горячо ежедневно молюсь.
Убаюканный лаской морфея
И вкушая сию благодать,
Постоянно желаю во сне я
Непременно тебя увидать.
Своим добрым сердечком ты чуешь
Все желанья, капризы больных,
Нежной ласкою быстро врачуешь
И болезни и скорби у них.
Без тебя всюду сумрак печальный, —
И уныньe в бараке царит,
А приходишь — твой взор лучезарный,
Словно солнышко Божье горит:
Смех и радость, и шум и веселье
Зазвучат как весенний ручей:
Не поможет латинское зелье
Без твоих добродушных речей».

И все другие сестры получают подобные письма, но не обращают особого внимания и жгут их. А следовало бы более дорожить таким ярким доказательством признательности больных... Вообще сестры скромны и нравятся больным своею простотой и добродушием; больные не чувствуют себя с ними стеснительно, отчужденно.

Приложение к Вят. губ. ведомостям. 1904. 30 нояб. (№ 143). С. 2.

А. РЕВА

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

«Синее море. Белый пароход.
Сяду, поеду на Дальний Восток.
На Дальнем Востоке пушки гремят,
Русские солдатики убитые лежат».
(Слова народные).

«Божией милостью

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

император и самодержец всероссийский,

царь польский, великий князь финляндский и прочее, и прочее... Объявляем всем Нашим подданным. В 23-й день августа сего (1905) года с соизволения Нашего заключен Нашими уполномоченными в Портсмуте и в день 1 октября утвержден Нами окончательный мирный договор между Россией и Японией.

В неисповедимых путях Господних Отечеству Нашему ниспосланы были тяжелые испытания, бедствия кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости, беззаветной преданности Наших славных войск в их упорной борьбе с отважным и сильным противником.

Ныне эта столь тяжелая для всех борьба прекращена. Восток державы Нашей снова обращается к мирному преуспеянию в добром соседстве с отныне вновь дружественной Нам империей Японской...»

Право же, и сегодня фразеология царского манифеста язвит сердце россиянина, а каково было читать манифест тогда, когда еще лились слезы сирот и вдов по убиенным на Востоке, когда еще прибывали в Вятку больные и раненые в Порт-Артуре, под Ляояном и Мукденом солдаты?

Если бы Государь высокопарный слог манифеста скрасил, скажем, пословицей, дескать, худой мир лучше доброй ссоры — «худой мир» поняли бы и приняли сочувственно и примиренно, а вот признавать «дружественной» страну, оттяпавшую от России окраинные земли, погубившую ее флот и потрепавшую ее армию, было до крайности обидно. Еще обидней было принимать манифест тем, кто с медалью на груди, но без ноги или без руки, после обмена любезностями с подданными «дружественной японской империи» возвращался на отчину.

А каково было сестре милосердия Александре Васильевне Кленовицкой, вернувшейся из японского плена, отвечать на расспросы, заново переживая весь ужас увиденного на войне? Ее, с первым отрядом, сформированного Вятским отделением Красного Креста лазаретом, отправившегося на Дальний Восток, не оставили в Сретенске в расположении вятского лазарета, а направили в действующую армию. Это был март 1904 года, когда русская армия Куропаткина в Маньчжурии пыталась придти на помощь блокированному японцами Порт-Артуру. Однако японская армия не только не сдавала позиции, но сама упорно атаковала, умело маневрировала в сопках Маньчжурии и не давала Куропаткину шансов на успех. Неудивительно поэтому, что в Мукден, где развернуто было несколько полевых лазаретов, в том числе и лазарет для военнопленных японцев, все время поступали раненые. Понятно, что медицинскому персоналу в этих условиях приходилось нелегко, и работа медиков оказывалась подчас не менее героической, чем та, которую вели солдаты в окопах.

Так продолжалось все лето и всю осень. Зимой, казалось бы, положение стабилизировалось, армия надеялась на успех в весенней кампании, но беда пришла, откуда ее не ждали русские генералы: февральские морозы сковали неукротимую реку, и японские части свободно прошли по льду глубоко в тыл правого крыла обороны русских, которым пришлось оставлять позиции и выходить из полуокружения. Фронт дрогнул, а японцы усилили давление по центру, просочились в расположение обороны и прорвали ее в направлении Мукдена. 21 февраля бои шли уже на подступах к городу, и только яростные атаки отдельных частей русских не позволили японцам с ходу захватить его.

Можно себе представить, что творилось всю неделю в городе, спешно эвакуировавшем армейское хозяйство и раненых, если персонал лазаретов в составе 50 врачей, 30 сестер милосердия и более двухсот санитаров

26 февраля оказался в руках противника? К счастью, в той войне воюющие стороны неукоснительно соблюдали конвенцию Красного Креста о пленных, и уже через месяц две трети медицинского персонала через порт Дальний были вывезены японцами в Шанхай и переданы представителям международного Красного Креста, а оставшаяся треть перевезена была на повозках через линию фронта, так сказать по принадлежности, возвращена русской армии.

Таким непредсказуемым путем попала А. В. Кленовицкая в Шанхай, где и поспешила сфотографироваться, чтобы окончательно удостовериться в том, что осталась жива и здорова после всего пережитого. И, конечно же, спешила она домой, в Вятку, в родной Яранск, в объятья своих племянниц и крестников. Надо сказать, выросла она старшей дочерью и первой помощницей матери в большой семье священника, была сестрам и братьям первой нянькой и в этом увидела свое предназначение. Сразу после учебы в гимназии поступила в фельдшерскую школу и в общину сестер милосердия в Вятке, с 1887 года служила в земских больницах Вятки и Яранска. И была счастлива тем, что на ее любовь и заботу, на ее тепло и участие люди отвечали привязанностью и любовью. Дети, однажды побывавшие в ее руках, долгие годы помнили доброту ее рук, свет глаз, ласку голоса. Рассказывали, что больной ребенок, измученный недугом и измученный капризами всех в доме, при первом взгляде на Александру Васильевну вдруг протягивал к ней руки и с рук матери, переходя на руки к чужой тете, не просто успокаивался, а словно обретал что-то крайне нужное ему и смотрел на всех разом повеселевшими глазами...

Такой была сестра милосердия Александра Васильевна, чье появление в палате прибавляло больным бодрости и надежды. Умела и любила она и поговорить с больным, блеснуть пословицей, развеселить прибауткой, не любила только говорить о войне. И, когда ее донимали расспросами, отвечала: что теперь кулаками махать после драки! А позднее уверовала в то, что именно японская война сбила Россию с прямого пути.

В. ПЛЕНКОВ

ВЯТСКИЕ ЦУСИМЦЫ

Однажды учитель истории Анатолий Дмитриевич Лаптев из Аркуля прислал мне подлинное письмо Алексея Силыча Новикова-Прибоя его отцу — цусимцу Дмитрию Родионовичу Лаптеву.

«Дорогой Дмитрий Родионович! Когда ко мне приходят письма от моих боевых товарищей — моряков-цусимцев, это для меня большая радость. Очень приятно мне было получить отклик и от тебя, моего соплавателя, и особенно я радуюсь, что ты теперь принимаешь активное участие в социалистическом строительстве, да еще ударником водного транспорта. Поздравляю с грамотой ударника и значком героя первой пятилетки. Рад за тебя, как за героя «Цусимы». Шлю тебе товарищеский привет и пожелания дальнейших успехов в делах.

Ты интересуешься моими книгами — сообщаю, что только сейчас вышла и всюду рассылается 2-я книга моей «Цусимы»... Сейчас у меня нет

свободного экземпляра, а через несколько дней я тебе ее пришлю с авторской надписью. Прочтя ее, пришли мне свой отзыв и какие будут замечания и дополнения. Может быть, ты вспомнишь что новое, кроме мною описанного, на «Орле», напиши о своих переживаниях во время боя, в какой части корабля ты был, что видел и слышал, опиши героические подвиги офицеров и матросов на твоих глазах, припомни и смешные случаи, анекдоты, шутки, разговорчики, клички офицерам, какие тогда слышал разговоры и что сам думал до и после боя о России, русском правительстве, о японцах и Японии, подробно о революционно настроенных матросах и офицерах, в чем это проявлялось, когда и где. Если у тебя есть дневники или записки, пришли мне почитать, я могу их возвратить, если ты дорожишь подлинниками...

На днях у меня побывал наш с тобой соплаватель — машинист с «Орла» Захар Игнатьевич Цыбульник. Знал ли ты его? Сейчас он работает начальником тяги ст. Термез, Сред.-Аз. ж. д.

Крепко жму руку моряка. С товарищеским приветом А. Новиков-Прибой. Москва, 6 марта 1935 г. Б. Кисловский пер., д. 5, кв. 8.

Если узнаешь о местонахождении цусимцев с «Блестящего» и «Бодрого», сообщи, а «Бедовый» уже у меня описан. А. Н.».

* * *

Дмитрий Родионович Лаптев родился 8 ноября 1877 года в деревне Лаптевы Колковской волости Орловского уезда (позднее Халтуринский район). Рано лишившись родителей, он при содействии дяди четырнадцатилетним пареньком уехал в Петербург, где поступил учеником на завод. Страстное желание стать квалифицированным рабочим помогло ему овладеть сначала специальностью слесаря, а затем и токаря.

Вскоре Дмитрий поступил на Путиловский завод. Тогда же он стал посещать нелегальные революционные рабочие кружки. В 1903 году при разбрасывании подпольных листовок был задержан полицией. Суд присудил его к году и 8 месяцам тюремного заключения. До окончания срока он не просидел. Началась война с Японией.

В это время формировалась 2-я Тихоокеанская эскадра во главе с адмиралом Рожественским. Освобожденных из тюрьмы и направили в эту эскадру. Д. Р. Лаптев попал на броненосец «Орел», где исполнял должность слесаря и токаря в машинном отделении. В это время Алексей Силыч уже служил на «Орле».

На приведенное письмо писателя Д. Р. Лаптев ответил. Копии письма не было составлено, а подлинник на восьми тетрадочных листах, видимо, находится в архиве писателя.

А. С. Новиков-Прибой работал над новым изданием своей «Цусимы», в котором обещал опубликовать воспоминания Д. Р. Лаптева. Старый моряк терпеливо ждал выхода этой книги. Но не суждено было выйти в свет новой книге «Цусимы», так как писатель не успел ее закончить, он в 1944 году скончался. В 1945 году умер и его ровесник моряк Д. Р. Лаптев.

В начале 1940 года наш земляк-цусимец Захар Николаевич Мезенцев, проживавший в деревне Кукушка Советского района, тоже получил письмо от А. С. Новикова-Прибоя. Вот его содержание:

«Уважаемый товарищ Мезенцев!

Через тов. Думанского я получил копию Вашего аттестата. Мне было приятно узнать о судьбе старого моряка-цусимца, моего боевого товарища. Я очень благодарен тов. Думанскому за его любезное внимание.

Рад Вас приветствовать и пожелать Вам всего хорошего, здоровья, долголетия и успеха в работе.

Если будет досуг, попробуйте написать мне, что помните о командире крейсера «Жемчуг», какой он был характером, как вел себя в бою, опишите наружность, манеры говорить и ходить, командовать. То же об офицерах. Какие клички они имели от матросов и офицеров.

Крепко жму Вашу руку старого моряка-цусимца.

С товарищеским приветом А. Новиков-Прибой».

В аттестате, упомянутом выше, говорилось следующее:

«Дан сей кочегару Захару Мезенцеву в том, что он в продолжение всей своей службы на крейсере 2-го ранга «Жемчуг» с 15 июля 1904 года по 5 августа 1907 года и за время похода в составе эскадры адмирала Рожественского, а также в бою при острове Цусима отличился полным знанием своего дела, усердием к службе и отличным поведением, что и свидетельствуется нашими подписями с приложением судовой казенной печати. 6 августа 1907 года в крепости Владивосток».

Еще в переписке с А. С. Новиковым-Прибоем был его одногодок и соплаватель наш земляк из деревни Акбатырево Малмыжского района Ефим Титович Дряблов. Он вспоминает:

«Зима 1902 года. На кронштадтском рейде стоял крейсер «Минин». Его команда жила на берегу. В один из мартовских дней к нам прибыло пополнение.

Хорошо помню, подходит ко мне матрос и спрашивает:

— Рядом с вашей койка свободна?

— Да.

Это был Алексей Новиков. Через год он окончил школу баталеров. Бывая в городе, он часто приносил книги. И как-то незаметно стал среди матросов агитатором. Он же первым принес на корабль сведения о том, что Япония объявила войну России.

Нас с Новиковым вместе с другими перевели на броненосец «Орел», который вошел в состав 2-й эскадры, отправлявшейся на Дальний Восток. Мучительно тянулись похожие один на другой дни многомесячного похода».

Дряблов не раз замечал, как его друг Алексей вынимал из тайника тетрадку и что-то записывал. Позднее узнал, что он ведет дневник, в который записывает все, что происходило на судне.

В апреле 1905 года «Орел» вошел в бухту французского владения в Южно-Китайском море на ремонт. Здесь произошло несчастье: упал подшипник на левую ногу Е. Дряблова и отдавил пальцы. Отсюда собрали команду больных из 92 моряков и отправили обратно в Россию. Так Дряблов расстался со своим другом Алексеем Новиковым. Дряблов вспоминал, что

на прощание они расцеловались с Алексеем Силычем и пожелали друг другу удачи.

Далее Дряблов вспоминает, что на обратном пути в Россию в Порт-Саиде было получено сообщение: русский флот разбит.

Прошло несколько лет, и через морской штаб он получил письмо от Алексея Силыча, в котором тот сообщал, что благополучно вернулся из японского плена, но попал под надзор русской полиции. А в последнем письме заметил: «Жить в России не дают царские сатрапы, вынужден покинуть родину».

И в заключение Дряблов пишет: «Горжусь, что три года прослужил с замечательным человеком, создателем эпопеи «Цусима» Алексеем Силычем Новиковым-Прибоем!»

О нашем земляке-цусимце Василии Федоровиче Бабушкине Алексей Силыч в своей «Цусиме» написал целую главу «Матрос Бабушкин в исторической роли». Вот как писал автор о нем:

«С самого начала войны Бабушкин находился на крейсере «Баян» и все время отличался исключительной храбростью. Когда первая эскадра попала под ураганный огонь, команда и офицеры «Баяна» попрятались за броневую защиту. Только матрос Бабушкин с кучкой смельчаков не покидал верхней палубы. Он первым бросался к пробоинам и к месту пожаров на судне.

После гибели эскадры он, выбравшись на сушу, в крепости проявлял чудеса храбрости. Вскоре о богатыре заговорил весь многотысячный Порт-Артур. Бабушкин принадлежал к тому типу людей, которые сами все делают, не дожидаясь распоряжения начальства. Чем опаснее были задания, тем сильнее к ним тянулся Бабушкин. Но и над героем стряслась беда. Во время ремонта берегового орудия он получил восемнадцать ран от разорвавшегося вблизи неприятельского снаряда. К этому времени Бабушкин был награжден четырьмя георгиевскими крестами всех степеней.

Вскоре Порт-Артур пал. Японские доктора признали Бабушкина инвалидом и отпустили в Россию. Но по дороге домой, в городе Сингапуре, он встретился с нашим консулом, который сказал, что имеет важное государственное поручение, но выполнить его не может. Бабушкин сам изъявил желание выполнить это поручение, взял у консула секретный пакет и на катере снова вышел в море. Только на четвертые сутки на горизонте показались дымки третьей эскадры. С флагманского корабля заметили катер, и вся эскадра остановилась. Поднявшись на палубу, Бабушкин передал пакет контр-адмиралу Небогатову и тут же обратился с просьбой: «Разрешите, ваше превосходительство, остаться на броненосце и еще раз подраться с японцами». В. Ф. Бабушкин обладал не только храбростью и мужеством, но и неимоверной силой. После войны с японцами он стал знаменитым борцом, получившим звание «второй Поддубный». Существует много преданий о его борцовских выступлениях. Родом он был из крестьянской семьи деревни Заструга, что вблизи Сосновки.

Сосновцы свято чтут память о своем замечательном земляке: парку и улице города присвоено его имя. На его могиле поставлен железобетонный памятник-обелиск.

Более двадцати вятчан были участниками сражения у Цусимы, о которых имеются сообщения в печати.

Киров. правда. 1977. 6 апр. (№ 80). С. 4.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

МАТРОС БАБУШКИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ

Василий Федорович Бабушкин явился во флот из крестьянской гущи, из глухой провинции Вятской губернии. Высокий ростом, широкоплечий, грудастый, он обладал атлетическим телосложением. Своей необычайной физической силой он однажды удивил французов. Это было в Тулоне, когда там строился крейсер «Баян». В местном городском театре шло представление. Среди разных других номеров какой-то атлет демонстрировал перед публикой свою силу: сажал на стол двенадцать человек, подлезал под него и поднимал на своей спине вместе с людьми. Бабушкин, находясь в это время среди зрителей, не выдержал — вышел на сцену и попросил прибавить еще двух человек. Гром аплодисментов наполнил весь зал, когда он поднял такую тяжесть. Побежденный соперник сейчас же скрылся за кулисами, а русский силач, когда вылез из-под стола, совершенно растерялся. Его смущали бурные восторги публики и цветы, летевшие к ногам. Он не знал, что делать, и несколько минут неподвижно стоял на сцене, глядя в зрительный зал карими глазами, молодой и наивный, с натруженно-покрасневшим лицом.

Потом он признался своим товарищам:

— Ну до чего неловко было! Не помню даже, как вышел из театра. Навертываю прямо на крейсер, а в голове будто шмели гудят.

После этого вечера он ежедневно получал десятки писем от француженок. Они всячески добивались с ним свидания. Но из этого ему удалось извлечь лишь ту пользу, что он скорее других научился разговаривать по-французски.

С самого начала войны Бабушкин находился на крейсере «Баян» и все время отличался исключительной храбростью. Он участвовал во многих самых рискованных предприятиях. Нужно ли было ночью выслеживать и ловить японских агентов, сигнализировавших своим войскам огнями, он всегда шел впереди всех. Не обходилось без него и в тех случаях, когда сторожевые паровые катеры отправлялись брать на абордаж неприятельские брандеры.

Для 1-й эскадры, блокированной в Порт-Артуре, наступила жестокая пора. Японцы, заняв Высокую гору, начали бомбардировать гавань и корабли. В порту и на судах то и дело возникали пожары. Команды и офицеры «Баяна» скрывались под броневой защитой или в береговых блиндажах. Только несколько человек оставалось на верхней палубе. Среди них всегда находился Бабушкин и первым бросался к месту пожара на судне. Когда вся наша эскадра была потоплена, он и на суше, защищая крепость, проявлял чудеса храбрости. Все боевые задания им выполнялись умело, ибо природа наградила его не только чрезвычайной физической силой, но и редкостной

сообразительностью. Обладая избытком энергии, он принадлежал к тому типу людей, которые сами все делают, не дожидаясь распоряжения начальства. Кроме того, он по натуре своей был авантюристом. Поэтому, чем опаснее предстояли приключения, тем сильнее рвался к ним Бабушкин. Так продолжалось до тех пор, пока и над ним не стряслась беда. Однажды, починяя станок на укреплении № 3, он получил сразу восемнадцать ран от разорвавшегося вблизи неприятельского снаряда. И богатырь, награжденный к этому времени всеми четырьмя степенями георгиевского креста, свалился почти замертво. Он долго пролежал в госпитале, прежде чем стал на ноги.

После падения Порт-Артура японские доктора признали Бабушкина инвалидом и отпустили его в Россию. Он отправился на иностранном пароходе и попал в Сингапур. Здесь он встретился с консулом Рудановским и от него случайно узнал, что в ближайшие три дня должна недалеко пройти 3-я эскадра. Консул добавил:

— Нужно обязательно доставить адмиралу Небогатову секретные бумаги и предупредить его, что где-то в Зондских островах скрывается японская эскадра. Но мне мешают это выполнить англичане.

Бабушкин еще не оправился от ран, но в нем снова загорелась прежняя удаль. Захотелось еще раз подраться с японцами. Он напросился выполнить поручение консула и, кстати, остаться на каком-нибудь корабле приближающейся эскадры. Сейчас же был разработан план действий.

К гостинице, где жил Бабушкин, были приставлены полицейские для наблюдения за ним. Чтобы обмануть их бдительность, он рано утром нарядился в белый китель, на голову надвинул тропический пробковый шлем и, выбравшись на улицу другим выходом, направился к морю, к условленному месту. Там уже стоял наготове паровой катер. На нем были два человека — француз, толстенький и низенький, лет тридцати пяти, с бородкой на румяном лице, и индус в желтой коленкоровой чалме, молодой сухопарый парень. Первый был агентом от русского консульства, а второй исполнял обязанности машиниста. Бабушкин считался командиром судна. Ему строго было наказано в случае какой-нибудь опасности врученный ему пакет сжечь в топке или утопить в море.

Катер, не замеченный англичанами, тронулся с места и, развевая французский флаг, понесся в море. Через несколько часов, когда Сингапур скрылся из виду, он уже находился за указанными островами. Где-то здесь, вблизи этих островов, должна будет пройти если не сегодня, так завтра эскадра Небогатова, но определенного курса ее никто не знал. Она может проскользнуть южнее или севернее.

Никогда Бабушкин не переживал такого мучительного беспокойства, как на этот раз. Чуть только на горизонте показывались дымки, он направлял свой катер на них. Но скоро выяснялось, что это проходили чужие корабли, главным образом коммерческие. Разочарованный, он возвращался на прежнее место, чтобы потом снова бросаться в разные стороны. Иногда он уходил так далеко, что острова едва были видны. Такое метание с одного места на другое происходило почти у самого экватора, там, где солнце, достигнув зенита, совершенно не дает тени. Обжигало нестерпимым зноем.

Бабушкин, управляя рулем, сидел на корме катера и редко отрывался

от бинокля, оглядывая пылающий горизонт. Наблюдения продолжались и ночью, поэтому ему не пришлось задремать ни на одну минуту. Эскадры все не было. Не дали никаких результатов и вторые сутки. От напряжения и ярко освещенной морской поверхности, от бессонницы у него разболелись глаза, а от жары вскрылись незажившие раны. Не имея с собой ни лекарств, ни перевязочного материала, он лечил их, смазывая забортной водой.

Француз уговаривал его:

— Напрасно мы болтаемся здесь. Ничего хорошего не дождемся. Надо вернуться в Сингапур, пока не напоролись на японские корабли.

Но Бабушкин был не из тех людей, которые отступают перед трудностью или опасностью. Настойчивость его граничила с безумством. Он холодно отвечал французу:

— Ваши речи, мусью, я не желаю слушать. Лучше будет, если вы прикусите язык.

Наступило 22 апреля, пошли третьи сутки с тех пор, как они оставили Сингапур. Дрова оказались на исходе. Их начали беречь на тот случай, когда, может быть, потребуется приблизиться к эскадре или перехватить ее курс, если она действительно появится в этих водах. Теперь катер не носился по морю, как бешеный, а стоял на одном месте, едва поддерживая пар в котле. Консульский агент и машинист-индус, когда отправлялись в путь, не ожидали, что дело примет такой скверный оборот. Для обоих стало ясно, что если даже они взломают палубу и люки, то все равно топлива не хватит вернуться в свою гавань — так далеко до нее было. Без посторонней помощи им не обойтись, но она может не явиться вовремя, и тогда они окажутся перед угрозой гибели. В довершение бедствия, вышла вся пресная вода. И Бабушкин видел, как тот и другой часто начали облизывать языком потрескавшиеся губы. Но и сам он, ослабленный раскрывшимися ранами, еще в большей степени переживал мучительную жажду. Лицо его, зарастающее черной бородой, осунулось, глаза, воспаленные и мутные, в набухших веках, ввалились.

Консульский агент время от времени о чем-то шептался с индусом. По-видимому, между ними шел какой-то сговор. Наконец француз, обращаясь к командиру, раздраженно, с шипящим оттенком в голосе спросил:

— Долго мы будем стоять на одном месте?

Бабушкин даже не взглянул на него.

— Ровно столько, сколько мне потребуется.

— А если мы не желаем помирать только потому, что один из нас — сумасшедший человек?

— Это меня не касается.

Француз, жестикулируя руками, раскричался:

— К черту вашу эскадру! Мы не идиоты, чтобы вас слушать! Требуем — сейчас же поворачивайте к берегу!..

К нему присоединился индус и, дергаясь весь, завизжал:

— Назад!.. В Сингапур!..

Это был бунт экипажа, состоявшего из двух человек. Без кителя, в

одной нательной сетке, Бабушкин поднялся на корме, огромный и мрачный, как стопудовый якорь, падающий на дно. Железные бицепсы его напряглись. Несмотря на болезнь, в нем достаточно еще сохранилось сил, чтобы раскидать своих подчиненных, как щенят. Из-под козырька пробкового шлема он посмотрел на того и другого кроваво-воспаленными глазами и, подняв увесистые кулаки, прохрипел:

— Замолчите! Или хотите, чтобы у каждого из вас голова треснула, как орех под молотком. Я сам машинист и один справлюсь на катере.

Сразу съежился француз, отступая в носовую часть катера, а индус юркнул под кожух, к машине.

Иногда где-нибудь показывался одинокий дымок, но катер, тихо и плавно покачиваясь на заштилевшей груди моря, не трогался с места. Солнце добралось до самой высокой точки своего пути и скоро начнет скатываться вниз. В полуденном свете горел весь простор. От катера, а в особенности от его железного машинного кожуха, отдавало невыносимым жаром. Все было горячее: рубашка, брюки, ботинки. Раскаленное небо испаряло не только воду, но и кровь людей. На юго-востоке возникали дождевые облака.

Молчало разомлевшее море, молчали и трое людей на крохотном суденышке, словно примирились со своим безнадежным положением.

Бабушкин, сидя на корме, с прежней настойчивостью приставлял бинокль к глазам. Вдруг он поднялся с такой быстротой, словно получил болезненный укол в бедро, и устремил взор на запад. Там, в дали, затуманенной зноем, всплывали дымки — один, другой, третий. Через каждые полторы минуты число их увеличивалось. Потом обрисовались мачты. Руки его, державшие бинокль, вздрагивали, колени подгибались. Прерывающим голосом он оповестил свой экипаж:

— Наши идут!

И распорядился бросить в топку последний остаток дров, чтобы передвинуться на курс эскадры.

Но тут опять запротестовал француз:

— Надо уходить. Это, вероятно, идут японские или английские корабли. Они нас повесят, как шпионов...

Бабушкин положил свою тяжелую руку на привод от кингстона, угрожая открыть днище катера для доступа воды. Два человека, глядя на страшного командира, в ужасе застыли. А он, ошалелый и бесшабашный, рявкнул во всю силу легких:

— Скажите еще хоть одно слово, и я вас обоих пущу на дно!

Потом скомандовал:

— Ход вперед!

Катер рванулся и помчался на сближение с эскадрой.

Прошло еще некоторое время, и уже не было никаких сомнений, что идет русская эскадра. Обозначились андреевские флаги. Теперь беспокоило лишь одно — как остановить корабли? Главным шел броненосец «Николай I»

под флагом адмирала. На катере начали кричать, махать руками, приближаясь к главному судну. И вдруг, ко всеобщей радости, увидели, как на нем поднимаются черные шары к фок-рее, давая знать этим, что машины переведены на «стоп». Остановилась вся эскадра.

Катер пристал к броненосцу «Николай I». Бабушкин, поднявшись на палубу, вручил секретный пакет контр-адмиралу Небогатову и тут же в нескольких словах рассказал о себе. В заключение он обратился с просьбой:

— Разрешите, ваше превосходительство, остаться у вас на броненосце. Желаю еще раз подраться с японцами.

Согласие было дано. Бабушкин обрадовался. Но он, истощив свои силы, не мог уже сам ходить, и его повели в лазарет под руки.

Катер, снабженный топливом и водою, через полчаса отправился в Сингапур.

Адмирал, прочитав бумаги, теперь уже точно знал, где находится 2-я эскадра, и, изменив курс, пошел со своим отрядом дальше по Южно-Китайскому морю.

Ударил тропический ливень. Если бы Небогатов проходил это место часом позже, то Бабушкин из-за дождя не увидал бы его кораблей, и эскадры никогда бы не соединились.

Новиков-Прибой А. С. Цусима: Роман. М., 1986. С. 267—276.

ПИСЬМО ВДОВЫ ЛЕЙТЕНАНТА СВЕРБЕЕВА[1] ВЯТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ С. Д. ГОРЧАКОВУ С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ СВЕДЕНИЯ О СЕМЬЕ УРОЖЕНЦА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ И. Д. УСТИНОВА, ПОГИБШЕГО НА БРОНЕНОСЦЕ «СУВОРОВ»

29 июля 1906 г.

Любезный князь.

Обращаюсь к Вам с большой просьбой и надеюсь, что Вы не откажете исполнить ее в память нашего очень старого знакомства. В числе нижних чинов штаба Рожественского[2], погибших на «Суворове», был писарь Иван Дмитриев[ич] Устинов из крестьян Вятской губернии Уржумского уезда Пилинской волости деревни Шабарята. Мой муж лейтенант Свербеев был его прямой начальник и погиб вместе с ним и мне хотелось бы узнать, не осталась ли у Устинова семья и в случае нужды помочь ей. Хотя я знаю, что это не к начальству губернии надо обращаться за такими справками, но не знаю, к кому другому обратиться, чтоб что-нибудь добиться. Я писала приходскому священнику, но не знаю название села и, вероятно, мое письмо до него не дошло и ответа не было. Я решаюсь

теперь обратиться к Вам и очень прошу Вас, любезный князь, не откажите мне в моей просьбе, прикажите достать справки об этой семье, из кого она состоит, нуждается ли она и имеет ли какое-нибудь пособие. Очень буду Вам благодарна, если Вы мне дадите эти сведения и прошу простить, что утруждаю Вас моим письмом.

Мария Свербеева[3]

ГАКО. Ф. 582. Оп.147. Д. 182. Л.2—3 об. Подлинник.

[1] Свербеева Мария Николаевна, урожд. княгиня Голицына, проживала в с. Никольском Московской губернии. Ее муж был участником рус.-япон. войны, погиб на броненосце «Суворов», вероятно, во время Цусимского сражения 14—15 мая 1905 г.

[2] Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909) — рус. воен.-мор. деятель, вице-адмирал (1904) и ген.-адъютант (1904). Участвовал в рус.-тур. войне 1877—78 гг. В 1903 г. был нач. Гл. Мор. штаба, а с апр. 1904 г. — командующим 2-й Тихоокеанской эскадры. Участник рус.-япон. войны 1904—05 гг. Во время Цусимского сражения был ранен и взят японцами в плен. С 1906 г. — в отставке.

[3] В августе 1906 г. от имени вятского губернатора М. Н. Свербеевой было сообщено, что у погибшего И. Д. Устинова есть отец, мать, брат и сестра, семья погибшего «живет безбедно, пособие не получает и в них не нуждается».

ИЗ СООБЩЕНИЯ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА ВЯТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ С. Д. ГОРЧАКОВУ О НАГРАЖДЕНИИ МЕЩАНИНА г. ЯРАНСКА А. А. БАВЫКИНА МЕДАЛЬЮ «ЗА УСЕРДИЕ»

30 сентября 1906 г.

Государь император... в 22 день июля сего года Всемилостивейше соизволил пожаловать мещанину города Яранска Алексею Алексеевичу Бавыкину серебряную нагрудную медаль «За усердие» на Аннинской ленте за самоотверженные труды его по уходу за больными и ранеными воинами в Мариинской больнице Красного Креста в Порт-Артуре во время осады последнего.

О таковой монаршей награде главное управление общества Красного Креста имеет честь уведомить Ваше превосходительство, покорнейше прося препровождаемую при сем медаль со свидетельством выдать по принадлежности...

И. об. председателя главного управления*

ГАКО. Ф. 582. Оп. 147. Д. 53. Л. 191—191 об. Подлинник.

* Подпись неразборчива.

VIII. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918

Война между австро-германским блоком и коалицией Англии, Франции, России и их союзниками.
Военные действия шли в Европе, на Дальнем и Ближнем Востоке, в Африке, на Атлантическом, Индийском и Тихом океанах. Русские войска кроме русского фронта сражались во Франции, Греции, Румынии, Иране. Россия вышла из войны в результате сепаратного Брестского мира, утратив значительные территории.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ВЯТСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА А. В. РУМЯНЦЕВА В КОМИТЕТ ПО СОБИРАНИЮ МАТЕРИАЛОВ И ИЗДАНИЮ ЛЕТОПИСИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ 1914—1915 гг. О СОБЫТИЯХ, ПРОИСХОДИВШИХ В г. ВЯТКЕ ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ МАНИФЕСТА ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ГЕРМАНИЕЙ ВОЙНЫ

20—29 июля 1914 г.*

...Здесь в Вятке Высочайший манифест был объявлен 20 июля в 12 часов дня с особою торжественностью перед началом торжественного молебствия на кафедральной площади о ниспослании победы русскому оружию в войне с Германией... По окончании молебствия было провозглашено многолетие государю императору, всему царствующему дому, воинству и всей державе Российской.

По окончании молебствия, отбытии с площади духовенства и икон, публикою неоднократно был исполнен гимн «Боже, царя храни» с громогласным «ура». Затем г. губернатором была произнесена к народу краткая, но прочувственная речь...

Настроение публики было серьезное, ибо каждый прекрасно и отчетливо сознавал важность момента и серьезность совершающихся событий.

---

* Датируется по содержанию документа, дата составления документа — 29 октября 1915 г.

В тот же день, [в] воскресенье 20 июля вечером в городе состоялась грандиозная манифестация, которая организовалась совершенно неожиданно. В 10-м часу вечера у летнего помещения общественного собрания в Александровском саду появились с национальными флагами, взятыми в собрании, студенты. Завидев флаги, гулявшая в саду публика устремилась к ним с криками «ура» и стала требовать исполнения гимна. Оркестр собрания неоднократно исполнил гимн «Боже, царя храни», покрываемый громогласным «ура».

С пением гимна манифестанты направились по Александровскому саду, где у кинематографа «Прогресс» они были встречены гимном, исполненным по требованию публики оркестром кинематографа. Толпа манифестантов быстро разрастáлась. Со всех сторон слышались возгласы «Да здравствует государь император», «Да здравствует армия», покрываемые громовым «ура» и «Да здравствует Сербия», «...Долой Австрию», «Долой Германию». К этому времени к манифестантам подошел оркестр собрания, во главе с которым и двинулись по саду на кафедральную площадь. На площади и затем на Московской улице число манифестантов возросло до 5000 человек, в числе коих было много призванных запасных нижних чинов. Для охраны несущих флаги и оркестра сама публика образовала цепь и так во все время манифестации охраняла их. На Московской улице с боковых пересекающих улиц вновь присоединилась публика с флагами. Начали раздаваться голоса: «К губернатору». Публика манифестировала у Государственного банка и городской и губернской управ. На углу Владимирской и Спасской улиц манифестантам был доставлен портрет государя императора, с коим и направились к дому губернатора. У дома губернатора манифестация имела особо внушительную торжественность. Остановившись и повернувшись лицом к дому, публика совместно с оркестром исполнила гимн, покрыв его громовым «ура». На подъезд вышел начальник губернии А. Г. Чернявский и обратился к собравшимся с[о] следующей речью: «Приветствую Ваш патриотический порыв. Благодарю, что Вы явились с горячими проявлениями его ко мне, представителю царской здесь власти. Сохраните это святое воодушевление надолго. На долю нашей Родины выпало тяжелое испытание. В предстоящем поединке народов решается вопрос не о каком-либо обычном завоевании. Несчастье гораздо глубже. Поднимается грозный вопрос о существовании державы Российской, о целости и единстве империи. Сохранить достоинство и величие государства или умереть. Сохранить царя и наши семьи или отдать жизнь. Вот что встает перед нами. У портрета Его Величества низко кланяюсь Вашему русскому сердцу и прошу Вас идти по домам, и быть готовыми на всякие жертвы, а о Вашем высоком патриотическом воодушевлении

я представлю государю императору, как о ценной лепте, которую верноподданные его вятичи приносят к подножию Великой России, к стопам ее державного повелителя». Слова губернатора были покрыты громовым «ура». С пением гимна и «Спаси Господи» манифестанты направились по Спасской улице, портреты и флаги были внесены в уездную управу и мужскую гимназию, а публика, ввиду поздней ночи, начала расходиться по домам.

Такого воодушевления и энтузиазма вятская публика не видала давно. Люди различных сословий, партий и состояний слились в дружном единении, готовые кровью своей защищать дорогую Родину...

Во вторник, 22 июля... повторилась патриотическая манифестация еще в большем масштабе, чем была 20 июля...

25 июля по случаю открытия военных действий и в видах скорого отбытия на театр войны 193-го пех[отного] Свияжского полка епископом Никандром был отслужен молебен...

27 июля днем состоялась третья и грандиознейшая из всех манифестация...

25 и 26 июля отбыл на театр военных действий квартировавший в Вятке 193-й пехотный Свияжский полк. На ст. Вятка-1 был отслужен торжественный напутственный молебен... От города полку была поднесена икона Казанской Божьей Матери, всегдашней заступницы и покровительницы на поле брани.

29 июля отправился на театр войны отряд сестер милосердия Вятской общины Красного Креста... Председательница общины г. Чернявская всех прибывающих сестер благословила шейными образками... Настроение отбывающих войск, так и сестер милосердия было торжественно с приподнятым энтузиазмом. Сознавая важность возлагаемых на них задач, все были проникнуты готовностью пожертвовать жизнью на пользу царя и Родины.

ГАКО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 73. Л. 14—18 об. Подлинник.

ПИСЬМО КОМАНДУЮЩЕГО СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ М. В. АЛЕКСЕЕВА ВЯТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ А. Г. ЧЕРНЯВСКОМУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ПОДАРКИ ВОИНАМ

26 июня 1915 г.

Сердечно благодарю Вас и Вятское местное управление Российского общества Красного Креста за Ваши щедрые подарки

нашим воинам и за образ святителя и чудотворца Николая Великорецкого — покровителя земли Вятской, который Вы соблаговолили мне прислать в благословение.

Уважающий Вас преданный Мих. Алексеев

ГАКО. Ф. 638. Оп. 1. Д. 61. Л. 80. Подлинник.

ВЕСТИ О ВОЙНЕ

Записано в деревне со слов крестьянина
Письмо из Котельнического уезда

Тут недалеко от нас в деревне Шалагиновской, пришел раненый солдатик. Служил он в Осовецкой крепости. Разсказывает про войну и про немца, прямо заслушаешься, как все интересно там происходит. Все равно, говорит, сколько война не продолжится, немцу заворотят оглобли, сокрушат без сомнения...

Привез это, немец, много пушек всяких, самых что называется большущих: в горло мужик в сбитне пролезет. Поставил против крепости и давай палить. День и ночь, не перестает, палит и палит, снарядов не желеет. Грому, шуму, треску, огня наделал много, а толк получился плохой. Стрелок он, значит, не из настоящих, а так себе, палит на-ура: то недолет, то перелет, а то в сторону. Наши стреляют совсем не так. Трех-четырех выстрелов достаточно, чтобы установить цель, то есть где немец со своими пушками находится. Узнали, угодили раз по месту, стой и дальше палят наверняка, без промаха. А немец это живо почувствует, замолчит и деру со своими чудовищами... Наши стрелки стреляют очень метко... Ну и на счет смекалки также промаха не дадут, а где нужно немца и подсидят.

Однажды во время денно-ночной горячей его пальбы надумали в нашей крепости сыграть с ним штуку, устроить ловушку. Наложили около крепости большие пребольшие костры из старых бревен, шпал, досок, соломы, хвороста. А впереди, откуда, значит, идет немец, поставили в закрытии пушки, пулеметы, отрядили солдат. Немец не перестает, все палит и палит, никакой работы нашей не замечает. Наступила ночь. Наши приготовленные днем костры облили керосином и подожгли. Быстро зарево осветило далеко кругом крепости, послышались фальшивые взрывы. Немцу почудилось, что русские крепость перед сдачею портят, взрывают и сожигают, обрадовались и давай наступать, лезут целыми полками, густо как муравьи, а наши из засады и давай косить пушками да пулеметами. Одних положат, а на место появляются другие, прут и прут, очумелые, видимо, строгий приказ получили... Так продолжалось целую ночь. Только к утру немец очуствовался, прекратил свое наступление. На другую ночь было наши снова надумали еще поохотиться на немца. Снова жгли костры, взрывали пустые снаряды, ждали, но ничего не вышло. Обжегся накануне, понял, видно, в чем дело, не показался ни один солдат... Над этой оказией после наши в крепости долго смеялись...

На счет всего другого у него устроено все ловко, аккуратно, по настоящему. Автомобили, телефоны, аэропланы всякие. Летчики, значит, поначалу отправляются и сверху флагами да фонарями командуют, куда надо

направлять выстрелы. Показывают нашу сторону, попал или не попал снаряд. Опять и за летчиками у нас строго следят и, лишь заметят, живо из пушки снимут на землю. Долго не нагуляет...

На войне совсем не так страшно. Поначалу, да первачку, будто жутко в бою. Потом, как обжился, обстрелялся, наслушался, да насмотрелся, то есть привык, делаешь свое дело и мало замечаешь немецкую шумиху и трескотню. Ранят или убьют — дело Божие, за Россию погиб, а не в пустой драке, по пьяному делу...

Вот сон, это дело другое, без него солдату не как невозможно. Не спишь ночь и клонит тебя ко сну. Знают это все на войне. А потому чуть-чуть перерыв боя, приказывают отдохнуть. Молодость и здесь хороша. Сядешь тут же у пушки, навалишь голову, всхрапнешь часок-два. Не то старикам и офицерам — им труднее. Разстилает шинель, устраивает изголовье. Ляжет ворочается, приноравливается, как лучше и удобнее, смотришь, время то и прошло, уснуть не успел, немец снова зазвонил, надо быть на местах.

Достается и немцу от наших не плохо, но он только признаться не хочет, народ уже такой, крепится, молчит, лишка не скажет про себя.

Вят. речь. 1915. 3 июля (N 140). С. 3.

В. И. ЯКИМОВ

Вчера прибыло в Вятку тело поручика 329 пех. Бузулукского полка Владимира Ильича Якимова, тяжело раненого в голову навылет в бою 2-го сентября 1915 года под городом П. и скончавшегося в городе Гомеле. Поручик Якимов родился в 1884 году в городе Вятке, окончил Чугуевское военное училище в 1907 году и по окончании училища вышел в 189 Измайловский полк. С начала войны командовал пулеметной командой. Находясь все время в боевой линии, был контужен в голову в бою под крепостью Краковом, но остался в строю. Не раз в трудные минуты тяжелой боевой обстановки, выказывал выдающуюся храбрость, за что имел боевые ордена. Целый год этой безпримерной тяжелой войны не разу не оставил строя и только перед своей смертью получил небольшой отдых, после которого вступил в командование батальоном. Изучив в совершенстве врага, не раз наносил ему тяжелые удары, то умело направляя огонь пулеметов, то руководя батальоном. Всегда был лучшим боевым товарищем и любимым командиром.

Мир праху твоему, славный боец, не умевший щадить себя. Пал ты смертью храбрых, пусть же примет тебя родная земля.

Вят. речь. 1915. 4 окт. (№ 211). С. 3.

ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Из писем офицера-вятича

Посылаю к вам в учительскую еще один бумажный снаряд; думаю, что он долетит и разорвется среди вас так же, как и первый. Итак, из резерва мы перешли в окопы. Жизнь окопная — жизнь тяжелая и тревожная. Все время будь начеку и держи ухо остро, ибо австрийцы лишь в 300—400 шагах

от нас. Правда пред окопами у нас, как и у них устроены проволочные заграждения, но эти надолго не могут задержать наступающих. Днем бывает еще ничего, хотя видно все, а вот ночью, да такою темной и длинной, как теперь, плохо. К тому же наш солдат очень уж беспечен. Ты ему говоришь, что ночью спать нельзя, но он дремлет, дремлет, да и заснет. Бывали случаи, что заснет так вся рота, войдут австрийцы и переколют всех до одного. Поэтому то и приходиться больше всего лишь на себя надеяться. К ночи берешь обычно палку и ходишь с нее по всему участку: кто заснет, того будишь по задней части. Иначе ничего не поделаешь. Окопы мы сейчас занимаем старые, прошлогодние; занимали их должно быть и австрийцы, приходиться их поэтому много переделывать, по своему исправлять. В окопах нашей роте пришлось побыть сначала лишь трои сутки. Весь наш полк отошел затем в резерв на 10 дней: эти дни считаются вместе как бы и отдыхом, хотя отдыхать солдату на войне почти не приходится: часть в эти дни ходили тыловые окопы копать; если днем нельзя, то ночью. Сначала шесть дней из них мы пробыли в лесном овраге, так в версте от окопов. Здесь нас очень тревожила их артиллерия. Как начнет, бывало, бросать к нам снаряд за снарядом, только треск идет по всему лесу, но обходилось как то все благополучно. Только один снаряд разорвался среди наших землянок, одного ранило тяжело, через 20 минут умер, и троих легко, лечатся теперь. Убитый только что написал своей жене письмо, что жив и здоров, стал было адрес на конверте писать и вот судьба подшутила, убит. Видел я потом, как его и хоронили тут же у землянок. Вырыли товарищи могилу, посыпали зелеными ветками, положили на них умершего, накрыли шинелью и засыпали землей. Священника в то время не было, в отпуске был. Так без молитвы и креста он спит в чужой земле. Крест, впрочем поставили после и даже с надписью кто здесь и когда зарыт. Да много, много встречается здесь этих одиноких крестов и могил.

В окопе тогда чуть было и меня не поранило подобным же образом. Разорвался снаряд от меня лишь в двух саженях. На мое счастье я не стоял тогда в окопе, а присел в нем пообедать. Осколки поэтому просвистали все поверх меня, но суп мой так и засыпало землей, не погодился. Из лесу мы перешли потом в село, верстах в двух от леса. Здесь прожили мы в хатах четверы сутки. Перемылись все в бане, устроенной в одной из хат. И не поверите, как мы рады были этой бане, с каким удовольствием сидели все в горячем пару и счищали с себя многомесячную грязь. Но эта баня, с ее паром, чуть-чуть было не взлетела на воздух: прилетел к ней тяжелый снаряд и зарылся у самой бани, но к счастью не разорвался, а то бы погибло сразу несколько десятков человек. Вообще здесь приходиться жить все «на авось». Если летит снаряд, то уж не прячешься, все равно ведь не уйдешь от него, а только думаешь: ну, авось мимо пролетит, а если под пулями идем, то тоже: авось не заденут. И не задевают пока.

Сейчас мы уже опять в окопах. Здесь австрийцы от нас далеко, не менее 1200 шагов. Но стреляют по нам замечательно метко, пули их то и дело стукают об насыпь окопа, залетают в бойницы и портят наши винтовки. Сейчас три часа ночи. Я сижу в своей землянке, вырытой шагах в восьми от окопа. В одной из стенок сделана печка, огонь в ней поддерживаю всю ночь, ибо время стоит холодное, особенно ночью. Только с дровами здесь плохо, лес от нас в 2 $^1/_2$ верстах, ходить туда приходится ходом сообщения, т. е. глубокой канавой, вырытой зигзагами, что бы менее было поражения.

Прямо же ходить невозможно: место — поле ровное, чистое обстрел далекий. Вот австрийцам так хорошо, сидят под самым лесом, все время у них из окопов дымок курится. Мы все собираемся к ним погреться сходить, не знаю только скоро ли нам прикажут это сделать. Сегодня у нас в окопах были целых три генерала: командир нашего корпуса, начальник нашей дивизии и начальник штаба корпуса. Начальника дивизии у нас все очень любят. Боевой генерал. Высокого роста, с седыми волосами в кружок, с золотой серьгой в правом ухе, одевается всегда в такой русский кафтан, любит остановиться среди солдат, рассказать им что-нибудь. Бывало, во время боя, говорят, сам это бегает по позиции, снимет шапку: «Не посрамите моей сивой бороды, — кричит он солдатам, — бейте нашего векового врага, бейте его покрепче». Или приказывает батальонному командиру выбить австрийцев с одной горки: «Иван Димитриевич! голубчик, целую тебя, выбей их проклятых оттуда». — «Никак нельзя, Ваше превосходительство, пробовал уже». — «Погоны сдеру выбей австрийцев». Ну, если уж до погонов дело доходит, то надо как-нибудь выбивать и выбил.

Так вот мы все и живем здесь.

К. И.1.

Вят. речь. 1915. 6 нояб. (№ 236). С. 2.

В. И. ПЕРУАНСКИЙ

ГЕРОИ-ВЯТЧАНЕ

В Вятку прибыл раненым штабс-капитан Владимир Иванович Перуанский. Бывший ученик Вятского реального училища и воспитанник земского сиротского дома.

В. И. принял участие в 15 боях на блиндированном пулеметном автомобиле.

Впервые В. И. принял боевое крещение под Д., в Галиции.

Бой происходил с австрийцами, при неравных силах. В то время, когда у нас было сил не более полка, противник располагал двумя, тремя.

Вот для подкрепления нашим войскам и были посланы два блиндированных автомобиля, вихрем въехавшие на встречу неприятелю, только что вырывшему свежие окопы и начавшему подвозить к ним подкрепления.

Подъехав первым к неприятельским окопам на разстоянии 150—200 шагов, В. И. открыл по ним пулеметный огонь.

Когда противник ответил артиллерийским огнем, В. И. во избежание его, только ближе подбежал к австрийцам.

Напуганные появлением неожиданного «гостя», австрийцы повыскакивали из своих «нор» и обратились в бегство, но бежавшие сметались пулеметным огнем автомобиля.

С некоторых участков был открыт оружейный огонь по автомобилю, которым был испорчен один из пулеметов.

Пришлось вернуться обратно обоим автомобилям.

Оказалось, что каждый из них получил по 200—300 попаданий.

В. И. заменил один пулемет запасным и вновь отправился со своим товарищем — другим автомобилем, продолжать начатое дело.

После новой атаки противник поспешно оставил окопы и отступил.

Спешивший же на выручку своим, резервный отряд, попав под пулеметный огонь, разсеялся и бежал.

Благодаря содействию автомобилей наши войска при слабых силах могли закрепить за собою занимаемую ими позицию.

По поводу этих боевых атак автомобилей на другой день штаб Верховного Главнокомандующего сообщал:

«В районе Д. неприятель понес большие потери при атаке его нашими бронированными автомобилями».

Под Л. эти автомобили разстреляли цепь противника с близкого разстояния.

В бою под Томашевым разстреляли конную заставу.

В бою под дер. Кр. действовал один автомобиль В. И.

Противник здесь в обход наших войск послал 2 роты.

Ничего не подозревая, неприятель, на этот раз немцы, мирно расположился у ручья. Некоторые переодевались, обмывались. Кто переходил ручеек частью по мостику, частью в брод. Не торопясь двигались повозки.

Выследив «добычу», В. И. выбрал наиболее удобную позицию для нападения. Когда все было готово, В. И. распорядился открыть пулеметный огонь.

Хорошо было видно, как люди валились, образуя кучи, и падали в воду. Некоторые бросались в канаву, в надежде в ней укрыться, но и это не спасало их.

При этом В. И. сам помогал пулеметчикам, подавая им ящики с патронами.

После этой атаки противник долгое время не высовывал носа.

Наши же войска, пользуясь замедлением противника, закрепили тот холм, который старались вперед нас взять австро-германцы.

При местечке К. нашим отступающим войскам надо было призадержаться. Опять понадобилась помощь бронированного автомобиля.

Был послан опять В. И., тоже один, которому на этот раз не особенно посчастливилось.

Подъехав к противнику на разстоянии шагов 50, автомобиль открыл сильный огонь.

Но противник, на этот раз хорошо укрывшись в кустах и роще, открыл по автомобилю встречный ружейный и артиллерийский огонь.

Один из снарядов попал в колесо и автомобиль накренился.

Затем через наблюдательное отверстие В. И. был легко ранен в руку

пулей. Этой же пулей затем был убит в голову шофер из вольноопределяющихся студентов — путеец Антипин.

Когда В. И. дал распоряжение сдвинуть автомобиль, снова разорвался снаряд, и ранил тоже легко В. И. в ногу.

Спустя немного времени еще разорвался снаряд, убивший пулеметчика, ранивший второго шофера и вторично В. И. в раненую ногу, на этот раз серьезно.

Положение становилось критическим. К тому же стали ближе подходить немцы, в руки которых легко мог перейти автомобиль.

В. И. не растерявшись, приказал немедленно остановить автомобиль оставшимся в живых.

А немцы еще ближе подошли.

В. И. тогда пересел за пулемет и открыл по наступающему неприятелю огонь.

Немцы отхлынули.

Пользуясь этим, В. И. быстро зажег пироксилиновую шашку, сложив ее с тремя бомбами.

Враг подходил.

В. И. теперь было делать нечего и он направился через лес к своим, отстреливаясь от преследовавших его двух немцев.

Один из них выстрелил в В. И., попав ему в больную ногу.

В лесу В. И. слышал, как раздался сильный взрыв. То взорвался его автомобиль.

Пройдя шагов 400—500, В. И. от полученных многочисленных ран свалился, истекая кровью.

Но вскоре появились наши санитары и волоком перенесли В. И. в первый попавшийся полевой госпиталь, где герою была оказана медицинская помощь.

Затем В. И. был отправлен в один из Петроградских госпиталей, где пробыл на излечении до 4 месяцев. Сейчас продолжает лечение в родном городе Вятке, находясь в лазарете при винном складе.

За бои В. И. награжден орденом Владимира 4 ст. с мечами и бантами и золотым Георгиевским оружием.

Кроме того, представлен к офицерскому Георгиевскому кресту 4 ст.

Нижние чины-шофера и пулеметчики автомобиля В. И. — все награждены Георгиевскими крестами от 4 ст. и до 1-ой включительно.

В заключение не лишним будет сказать, что, будучи еще учеником реального училища, В. И. во всех видах спорта, не имел себе равного в резвости, хитрости и «ловкости».

Он образцово плавал, был отличным руководителем при играх в чикало-бегало. В беге не имел конкурентов.

Когда мне с В. И. пришлось жить на даче в с. Филейке, крестьяне прозвали В. И. за его необыкновенную ловкость «чертом».

Эти качества развили в В. И. любовь к военному делу, почему он по окончании 5-го класса реального училища поспешил поступить в юнкерское училище.

Вл. П-н

Вят. речь. 1916. 23 янв. (№ 13). С. 3.

С ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЙ

Из писем рядового вятича

Делаю пробу, написать Вам письмо под заунывный свист пуль и шрапнели. Не совсем удобно, но нужно писать. Ждать свободных минут и часов не приходится, а материала скопилось много. Кончу о себе сегодняшним днем. В последнем письме я остановился на атаке. В 5 часов утра нас форсированным маршем погнали на выручку товарищей. Далеко не доходя до места боя, нас обсевала шрапнель. Подошли, разсыпались в цепь и двинулись на ту высоту, которую нам приказано было занять с боя и удержать за собой.

Мне чудом казалось: пули как рой жужжали над головами, словно дразня нас. Без звука подползли к проволоке, сделали прорыв и, как поток весенний, ринулись на окопы. Могучим «ура» огласилась окрестность... Многие из австрийцев уже не стреляли, держали руки вверх: «я ваш пан». С дерзкими шла штыковая работа. В слишком возбужденном состоянии не можешь уловить все оттенки атаки. Тебя все время носит кто то, точно на крыльях. Это я чувствовал всегда при удачных атаках. Не буду распространяться — высота была взята, надо было удержать ее за собой. Наскоро вырыв легкие окопы, мы расположились по другую сторону склона высоты. Нас заметила артиллерия. Открыла по высоте адский огонь, выпускала по 12 снарядов сразу, а беглый огонь продолжался до глубокой ночи. Я почти оглох от постоянных взрывов. В полночь ветер донес со стороны противника необыкновенный шум. Мы дагадались, что они шли в контр-атаку. Мы открыли адский огонь. Я разогрел винтовку до того, что ее нельзя было держать в руке, — она обжигала. В 500 шагах от нас они залегли до разсвета. Из нас не дремал никто. Чуть забрезжил разсвет густые три цепи двигались на нас. Мы разстреливали их, не щадя. Трескотня ружей слилась в один звук. Как будто кто сильный дико и глухо рычал. Батареи противника открыли свой ужасный огонь. Но истребительная стрельба была наша: любую цель избирай и сади на мушку. Дрогнула рать австрийцев и залегла в 300 шагах от нас и это их окончательно погубило. Началось состязание отличных стрелков. И каждый выстрел вызывал остроты, смех, плач и смерть. Мы сидели в окопах, пред нами был замечательный обстрел: он был виден нам, как на ладони, из окопов же наших торчали одни лишь головы стрелков. Мы расстреливали австрийцев, шутя, не щадя, как куропаток. Создалось для них тяжелое, безисходное положение: бежать назад — до одного перестреляют, идти вперед — смелости нет. Они решили окопаться. Пока окапывались, их половины не стало. Остаток их выручила артиллерия. Мы только что собрались ловить их, как рыбу шальную — 10 батарей по

4 орудия в каждой разом начали долбить высоту. Несмотря на этот адский огонь батарей, наши стрелки не выпускали из рук добычу. Много смельчаков из австр. пробовали двигаться вперед или назад, но меткая пуля их пригвождала к земле. Уже вечерело. Полсуток они сидели на волоске от смерти. С наступлением ночи, незаметно от нас, они ускользнули из рук, как налимы, пока мы собирались в атаку для пленения их. На другой день целые сутки высоту, где мы расположились, разстреливала артиллерия ужасно. Лучше ходить в атаку, чем сидеть под адским огнем батарей.

Пока кончаю...

Вят. речь. 1916. 2 февр. (№ 26). С. 2.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРАНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В. Ф. СОИНА[1] О ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

не ранее сентября 1914 г. — ноябрь 1915 г.*

Осенью 1914 года я был призван на военную службу... С шестым стрелковым полком прошел весь Западный фронт — от г. Риги до Днестра, за бои в Пинских болотах и за Тернополем получил два Георгиевских Креста 4-й и 3-й степеней.

В сентябре 1915 года наш полк с марша был брошен в наступление. Шли ночью по лесу Пинских болот. Потеряли связь с соседним 2-м батальоном. Командир нашего батальона поручил мне взять двух солдат и установить связь. Никакой карты местности не было, указано направление и все. Я пошел выполнять задание. В лесу напоролись на разведку противника в количестве 4 человек. Хорошо, что мы обнаружили их раньше, чем они нас, и с первого же залпа мы уложили троих, а четвертого привели с собой и сдали его командиру 2-го батальона, а сами под градом пуль и снарядов вернулись в свою часть. Вот за что я получил «Георгия».

Наступление провели на рассвете без единого выстрела, рассыпным строем в несколько целей. Противник открыл шквал ружейного, пулеметного и артиллерийского огня. Естественно, наступление захлебнулось, кругом вопли, стоны раненых, груды утихших навеки. Живые при помощи шанцевых лопаток вырыли индивидуальные окопчики и так без пищи и воды лежали трое суток под дождем и в подпочвенной воде. И только на четвертые сутки отвели людей из этого гиблого места. От полной роты в начале наступления только 25 человек осталось к концу. Такого кошмара, как в этих болотах, я не видел ни раньше, ни после. Как будто специально завели людей, чтобы погубить их. Этот случай поколебал мое патриотическое настроение. Я увидел, что все лишения и тяготы войны опять ложатся на наши плечи, что наша жизнь не ставится ни во что, нас никто не жалеет и жизнью нашей никто не дорожит. Мы просто навоз для господ.

На рассвете 3 ноября 1915 года наш полк под артиллерийским огнем противника переправился с левого берега Днестра на правый, а на рассвете 4 ноября без единого выстрела пошел в атаку. Впереди окопов противника

* Документ датирован по содержанию, дата поступления воспоминаний в архив — 17 февраля 1977 г.

протекала небольшая речка, берега которой заросли камышом. При форсировании этой речки поднялся шум. Противник открыл огонь. Солдаты с криком «ура!» бросились на окопы. Немцы отступили. Я только перепрыгнул окоп, как меня ударило в крестцовую часть позвоночника, я упал и потерял сознание.

Когда очнулся, впереди наши кричат «ура!», кругом свистят пули, мелькнуло сознание, что могут добить, рядом окоп, и я на животе сполз на дно окопа. В трех шагах от меня стоит солдат немецкой армии, правым плечом навалился на стенку окопа и держит в руке винтовку. Моя винтовка осталась где-то наверху. Вдруг он ойкнул и упал на дно окопа так, что штык его винтовки оказался около моей головы. Я смотрю на него, а он на меня. Он начинает что-то говорить, видит, что я не понимаю, начинает объяснять знаками. Я понял, что он просит пить. У меня была фляга с водой, я отстегнул ее и подал ему. Он с жадностью выпил всю воду и подает мне обратно пустую флягу, берет мою руку, протянутую за флягой, крепко жмет ее. Это рукопожатие так сильно подействовало на мою психику, что вместо враждебности возникло чувство сожаления и прояснение сознания того, что ведь не мы же виноваты в этой бойне, что простые солдаты противника такие же люди, как и мы. Исток войны где-то там, в царях и правительствах. Надо как-то кончать войну, но как?

Скоро явились санитары, унесли меня на левый берег Днестра на перевязочный пункт, а потом на двуколке отправили на железную дорогу и в Киев. Там лечили, и только третьей операцией извлекли пулю из крестцовой части позвоночника...

ЦДНИ КО. Ф. 4112. Оп. 2. Д. 197. Л. 5—8. Подлинник.

[1] Сопи Василий Федорович — крестьянин Глазовского уезда, род. в 1893 г. Осенью 1914 г. был призван на военную службу, участвовал в первой мировой войне, награжден Георгиевскими Крестами 3-й и 4-й степеней, прошел путь от рядового до старшего унтер-офицера. В 1919 г. — председатель ревкома Залазнинского завода. После гражданской войны — политкомиссар по лесозаготовкам Глазовского лесного комитета, позднее был на советской и хозяйственной работе.

Г. И. КОРОТКОВ

ГЕРОИ-ВЯТЧАНЕ

С фронта возвратился поручик Георгий Иванович Коротков, окончивший семь классов вятского реального училища.

На военную службу Г. И. поступил тотчас же по окончании училища, записавшись предварительно добровольцем.

По окончании военного училища в г. Петрограде, был отправлен сначала в запасной батальон в г. Вятку, а затем на немецкий фронт.

В боях Г. И. был около года, совершив ряд славных подвигов.

Однажды, в качестве разведчика, он добрался и обнаружил батарею неприятеля, по которой затем корректировал артиллерийский огонь, в результате чего было замечено безпорядочное бегство неприятеля, а также передвижение передков.

Во время ожесточенн. июльских боев Г. И. целую ночь неутомимо работал по установлению связи и порядка на своем участке, что имело большое значение для общего успеха.

Неоднократно Г. И. нес обязанности батальонного командира. Несколько раз выступал в атаку и был ранен. Между прочим, одна пуля прошла через фуражку Г. И., сделав борозду на черепе, вторая «поцеловала» его в губу. Однажды контузило снарядом.

За свои подвиги Георгий Иванович награжден шестью орденами от Анны 4 степени и включительно до Владимира 4-ой степени.

Кроме того, он произведен сначала подпоручиком, затем поручиком, в каковом чине сейчас и состоит, и наконец представлен к очередному чину — штабс-капитана.

Г. И. получил предложение поступить на службу менее опасную, чем окопная, но он так привык к последней, что не дал на это своего согласия.

В настоящее время герою-вятичу всего 22 года. Он находится во временном отпуску, в Вятке, после чего вновь пойдет на фронт.

Вл. П-н.

Вят. речь. 1916. 4 марта (№ 49). С. 3.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ГЕРОЯ

В некоторых Петроградских газетах появилось известие о геройской кончине военного летчика, прапорщика Н. И. Рябова, погибшего в бою с неприятельскими альбатросами.

Нет сил поверить, что это правда, что угасла, не успев разгореться молодая, красивая жизнь, что нет Коли — этого влюбленного в красоту студента-гражданца, каким знали его мы, близкие и товарищи.

Сын священника Ижевского завода, Вятской губ. о. И. Рябова, Николай Иванович по окончании среднего образования (учился сначала в Ижевской гимназии, а затем в Петроградском реальном училище Богинского) поступил в институт гражданских инженеров. Любя все русское, он с первых же дней по поступлении в институт с увлечением отдался изучению русского зодчества, русской страны...

Но недолго удалось ему заниматься любимым делом. Военная гроза пробудила в нем другие чувства и мысли — жажда подвига проснулась в нем. Натура глубоко честная, — он не мог оставаться в роли спокойного зрителя грядущих испытаний родины, и немедленно по объявлении мобилизации решил поступить добровольцем в ряды действующей армии.

Напрасно товарищи и друзья пытались отговорить его от этого шага, указывая на его молодость; напрасно убеждали его, как студента воспользоваться отсрочкой призыва и продолжать так успешно начатые занятия в институте: напрасно говорили ему о возможности принести пользу родине работой в тылу.

Н. И. был непреклонен.

На третий день по объявлении войны ему удалось после многих хлопот записаться добровольцем в Гвардейский авиационный отряд. И в тот же день он неожиданно для всех в два часа дня выступил в поход...

Через несколько месяцев с театра военных действий пришло известие, что Н. И. за спасение аэроплана награжден Георгиевским крестом 4 степ., а вскоре за выдающиеся военные подвиги произведен в прапорщики и награжден орденом св. Станислава 3 степ. с мечами и бантом.

Часто летая над расположением неприятельских войск в качестве наблюдателя, он подвергался крайней опасности. Десятки вражеских снарядов разрывались иногда около аппарата...

Но постоянный риск не остановил на полпути юного авиатора. Сознавая, какую огромную, чрезвычайно важную роль играет в нынешней войне авиация, Н. И. окончательно решил посвятить себя этому делу, поставив себе целью достичь возможности самостоятельно делать полеты. И его мечте суждено было осуществиться: он был командирован в Севастопольскую офицерскую авиационную школу, которую успешно кончил, и 30 октября 1915 года получил звание военного летчика.

С того времени все его мысли, все желания были устремлены на фронт.

И на этот раз все друзья и близкие просили его «задержаться» в Петрограде, «сьэкономить» на дороге». Хотелось подольше побыть с юным героем и кристально-чистым и честным человеком. Но не было возможности удержать его здесь. Он был полон какого-то внутреннего горения, весь был порыв и устремление. Он словно слышал какой-то зов и спешил на него. — Да, он спешил... Ему был противен наш «ноющий» тыл.

И Н. И. снова умчался туда, на поле огня и смерти.

Со всей страстностью своей молодой и честной натуры он, юный летчик, отдался на этот раз уже до известной степени самостоятельной работе. Приходили частые вести об его отважных, смелых полетах. Солдаты называли его «отчаянным» летчиком; по их словам он, как молодой орел, носился под облаками, зорко следил за врагом и в вихре и дыме разрывающихся снарядов спускался над вражьим станом, чтобы снять его расположения, подсмотреть его тайны... Несколько раз враги пробивали его аппарат, но герой возвращался невредимым, и веселый, и жизнерадостный он разсказывал, что видел, разузнал. Судьба хранила...

...Но вот 1-го февраля 1916 года самоотверженный юноша-герой обычным отважно-смелым, орлиным полетом взвился в бездонную высь, встретил там врагов и погиб в неравной борьбе за честь и славу дорогой родины.

Вечная, светлая память герою.

Петроград. Товарищ.

Вят. речь. 1916. 13 марта (№ 56). С. 3.

С ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЙ

Из писем рядового вятича

Вот уж был денек. На всю жизнь оставил неизгладимый след в душе. Я только сейчас начинаю понемногу приходить в себя и то еще не могу себе дать ясного отчета, что это было? Ад?.. Нет, ужасы ада бледнеют перед тем.

Опишу то, что у меня запечатлелось. Ночь на... октября. Мы сидели в окопах на той же высоте, о которой я Вам писал в предыд. письме. В стороне противника тихо, только ракеты нарушали ночной покой: яркая полоса света блеснет, на минуту разсеет ночную мглу и нет — пропала. Мадьяры освещали наши окопы и долину, боясь, чтобы мы внезапно не атаковали. Свободные от службы мои коллеги спят в полусогнутом положении, руками опершись на винтовку. Не совсем комфортабельно, но зато всегда готовые к бою по первой тревоге часового. Левее нас раздался выстрел из орудий, эхо раскатисто отозвалось по долине. Все повскакивали. Стрельба, наступают? Нет, на нашем участке тихо. И опять погрузилось все в дремоту. На небе зажглась звезда, затем другая. Подул ветер и уныло загудел по долине. Уныло и на душе стало. Облако быстро неслось с запада на восток. Из-за черного облака показалась Медведица, печально смотрела она, как будто оплакивала землю. Я вспомнил ночи былые в краю родном, в расцвете жизни и высоко парил в пространстве небытия. Вдруг часовой бомбой ввалился в окоп и прервал мои размышления. Обступили кругом его и закидали вопросами. Часовой издавал какие-то нечленораздельные звуки. Он был молодой и еще не обстрелян, — видимо страшно напугался.

«Там австрийцы» — пальцем указал он в сторону противника. Действительно, можно было различить двигающиеся черные тени. Несколько смельчаков выскочило из окопа и без выстрела забрали австрийцев. Их было 7 человек и они были посланы в разведку. От пленных мы узнали, что сегодня они пойдут в наступление. Идея, ребята... Докажем, что храбро встретим наступление. Челов. 20 храбрецов вооружились бомбами и решили преподнесть мадьярам сюрприз. Решено. Разсыпались в цепь и двинулись к окопам. Наше путешествие долго длилось, мешала темнота ночи. Шли осторожно, ориентируясь в местности. Каждый шорох возбуждал внимание. Минуя караул мы подошли на 20 шагов к окопам. Слышен был разговор и смех. Почти одновременно были брошены бомбы, раздался страшный оглушительный треск, сопровождаемый криками и стонами.

По нам открыли безпорядочную стрельбу. Темнота нас скрыла и мы благополучно добрались до своих окопов. Остаток ночи прошел без перемен. На утро я задремал, проснулся от страшного разрыва и сотрясения окопа.

Глянул на Божий свет, он блестел всеми красками. Солнце было высоко и ярко блистало.

Первая моя мысль была: почему они не наступают? Не долго пришлось ждать. В 8 час. утра по одному они стали делать перебежки. Мы по ним открыли состязание в искусстве стрельбы. Было много потехи. Каждый из нас был убежден, что больше половины разстреляем, пока они дойдут до нас. Не даром, говорят, немец обезьяну сделал. Разрывы «Мартына» стали попадать к нам в окоп. Люди шалели, метались из разрушенных окопов в целые и тем обнаруживали его меткое попадание в цель. Тогда он открыл огонь из батарей всех родов и развил его до такой степени, что не было промежутка между разрывами и 5 минут. Нельзя было показать головы из окопа: ее или срывало с плеч или тебя сбрасывало с ног. Не слыша свиста пуль около себя, мадьяры смело и шутя перебегали. В 400 шагах от нас окопались и установили бомбомет, наверняка стали поражать нас в окопах. Рвались бомбы и шрапнели. «Мартын» с оглушительным треском засыпал нас землей в окопах. Люди взлетали на воздух. Мы бросили, прекратили

стрельбу по перебегающим, перевязывали раненых и откапывали живых. В эту страшную канонаду меня два раза откапывали. Приказание было: умереть на сопке. Под таким огнем он нас держал четыре часа. Наша сопка была вся в дыму, не видно было солнца и все трескалось от разрывов. В 12 час. дня с дистанции в 400 шагов они двинулись в атаку, продолжая разстреливать нас тем же огнем. Не много нас было здоровых, могущих дать отпор. Я стрелял пока были патроны. Оглянулся вправо, влево: — о, ужас!.. рядом со мной нет никого. Что делать?.. Эта была самая жуткая минута. Мадьяры от меня были в 100 шагах. Давать отпор было безумие, бежать назад страшно: весь ад огня был перенесен на наши окопы, чтобы не подошла поддержка к нам. Сдаться в плен я не хотел. Решил, пусть разстреливают, как зайца, — я живым в плен не сдамся. Мигом вскочил в ход сообщения и подался назад. Я выбежал из хода сообщений, а мадьяр от меня в 20 шагах и целит. Наугад я дал выстрел, он упал, я бежать, они за мной. Град пуль и шрапнель сыпались вслед, я бежал и не обращал внимания ни на что, расходуя последний запас сил. Впереди я видел челов. 40 наших смельчаков. Перед нами было болото, река и лес в полуверсте. Не помню, как я добрался до реки, упал как сноп, от полного изнеможения. Болото послужило гранью преследования. Мадьяры не решились идти по болоту и только разстреливали нас. Долго я лежал у реки и не верил себе, что я жив и убежал от плена...

Теперь я в околотке. Страшно болит голова и полная физическая слабость. Скоро, вероятно, снова пойду в окоп...

Вят. речь. 1916. 2 марта (№ 47). С. 3.

В. СИТНИКОВ

ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА

«Эх, кабы на цветы да не морозы...» — так называется хроника падения крестьянского двора Владимира Ситникова, в которой рассказывается о судьбе крестьянского подворья. Писали его по сути дела два автора — прозаик Владимир Ситников и его дед Ситников Василий Фаддеевич (1892—1949), дневники, письма, воспоминания которого послужили основой хроники. Отрывок «Побег из плена», который мы предлагаем, описан Василием Фаддеевичем в воспоминаниях, которые он создавал тяжело больным человеком в годы Великой Отечественной войны.

* * *

К весне 1917 года особенно люто затосковали пленные о родине. Нестерпимым стало желание увидеть ее. Начались побеги. Из 40 человек шестнадцать устроили побег. В 1916 году, перебравшись через проволоку-колючку, бежали мои земляки Обухов и Загребин. Как-то во время субботней пляски, на которую собрались поглядеть и конвойные, вырвались из лагеря на волю четыре лучших плясуна. Одного из них, моего тезку Ваську из города Владимира, изловили быстро. Разъяренный фельдфебель выпо-

рол его нагайкой так, что у Васьки вспухла и почернела спина. Васька стонал, матерился и грозился убежать вновь. Он так и сделал, как только поджила спина. На сей раз удрал, видимо, удачно, потому что никаких вестей о нем больше не было. Может, и добрался он до России. Тогда счастливец.

Наш парикмахер, закарпатский еврей Гершфельд, не раз повторял, что ему до родимых мест рукой подать, но никто не верил, что он решится на побег. И вот однажды обнаружилось, что Гершфельд тоже бежал. И ему не повезло. Поймал его директор завода. Посадили избитого Гершфельда в карцер, и мы слышали через окно, как он стонет и вздыхает там. Я снарядил ему посылку: три картофелины и записку, в которой бодрил и утешал, призывая не падать духом. Оказывается, бесхитростные слова имели силу. Гершфельд взбодрился.

Неудача постигла и меня. Я попросил своего земляка Сметанина заложить меня в штабеле сырца. План был прост: отсижусь часа четыре на заводе, а ночью, когда все угомонится, выберусь и уйду через забор.

Сметанин заложил меня минут за пять до гудка. Зажатый в штабеле, я замер, боясь шевельнуться: ни кашлянешь, ни вздохнешь. Боже упаси чихнуть. Но как нестерпимо тяжело сидеть в согбенном положении. Это почти то же, что стоять с полной выкладкой с ружьем.

Я мысленно представлял то, что происходило в это время снаружи. Заревел гудок, теперь, конечно, выпустили вольнонаемных, начали пересчитывать пленных, построив по четыре. Когда все были на месте, конвойный командовал: «Алле, раус марш». Если кого-то не хватало, пересчитывал вновь и начинал выяснять, кого нет. Вот теперь взбешенный старший конвойный скрипучим голосом принимается ворчать и отправляется на завод, чтоб найти замешкавшегося пленного. Не нашел, значит, побег. Тогда об этом происшествии сообщают в комендатуру, а пленных ведут в камеры. Особо занимается беглецом комендатура.

Согнувшийся в три погибели, уставший до чертиков в неудобном этом положении, обостренным слухом улавливаю писк мышей, шорох лопат в кочегарке. Чу, кто-то стучит башмаками-клапачками на деревянном ходу! Постоял около моего штабеля, пошел дальше. Опять тихо. Наверное, кочегар. Сидеть уже почти невозможно, занемели плечи и ноги, разламывает спину, ноет все тело. Время идет медленно-медленно, но, наверное, есть уже двенадцать часов. Если двенадцать — можно выбираться. Начинаю распечатывать себя, откладывая сырые цыплины. Тихо, тихо. Беззвучно вылезаю. Размял затекшие руки и ноги. Отдохнул немного. Все тихо и вроде темно. Снял сапоги и босиком, чтоб не греметь по железным листам, прошел к выходу из цеха. На улице за кирпичным штабелем обулся. Теперь перелезть через забор, перебежать шоссе, поле и в лес, а там ищи-свищи меня. Я знаю, идти надо на северо-восток, туда, где моя родина — Россия. Одно смущает — рановато я выбираюсь. Еще не так темно. Но здесь оставаться нельзя. Вдруг обход. Перепрыгнул через забор, кинулся к шоссе, и вдруг прошел иней по моей спине.

— Хальт!— могучая рука схватила меня за плечо, в лицо завораживающе глядит зрачок револьвера. Дюжий усатый жандарм в каске толкает меня в сторону комендатуры, где предупреждены о моем побеге. Так же,

держа в руке револьвер, жандарм подошел к телефону Сунул револьвер в открытую кобуру и, не спуская с меня глаз, торжествующе доложил

— Удравший пойман.

Потом с веселым тщеславием посмотрел на стенные часы Я тоже взглянул на стрелки: всего одиннадцать. Эх, как я сплоховал, не хватило терпения досидеть до темноты. Ведь совсем немного оставалось.

Конвойный поляк, ведший меня в лагерь, всю дорогу выговаривал мне на польско-русско-немецком языке за то, что я надумал бежать. Я и сам себя ругал, но не за побег, а за то, что так рано вылез.

Товарищи мои, оторвавшись от карт и ушивания рубах, удивились столь раннему возвращению. Обескураженный лег я на свое место и впал в забытье. Неудача отняла у меня все силы. Приснился мне сон, что будто за мной гонится какой-то свирепый ужасный зверь, я пытаюсь от него скрыться, но не могу, безвольные ноги не слушаются меня, а зверь уже хрипит в затылок.

Очнулся, и вправду страшный зверь — унтер пинает меня и лупит по спине ножнами тесака.

— Я тебе устрою плюсквамперфект, будешь — давно-давно прошедший, — орал он. Устав от битья, принялся обыскивать меня. Вытащил расческу, ноженки, завязанные в носовой платок марки, которые сберегал я для побега, и все забрал себе. После этого подобрел, схватил меня за ворот и пинками вытолкал вниз по лестнице, впихнув в карцер. Я отлетел к мокрой стене. Лязгнула тяжкая, в железе, дверь. Исколоченный, ненавидящий сам себя, бухнулся я на голые нары. Обида душила меня. Тупо ныло тело.

В холодной находился я две недели. Работал вместе со всеми, счищал «пирамидки» в сортире, а когда все было сделано, конвойный запирал меня в темном карцере, где одна отрада — зарешеченное окошко под потолком. Со стен капало, и бегали крысы, норовя вскочить на колени. Из-за этих омерзительных тварей плохо спал и вовсе обессилел. И замучило меня одиночество. Когда сидел тут владимирский Васька, я ему опустил на веревке три морковины и записку, а когда попался Гершфельд, переправил картофелины и ободряющее письмо. Неужели обо мне никто не вспомнит? И поделом! Разве так убегают? Мог бы вспомнить Ваня Мутных, но ведь я так и не научил его писать. Когда я вовсе отчаялся, вдруг перед окошком закачался маленький, с кулачок, сверток. Там была Ванина печеная картошка, веселая, что мы, мол, еще дадим жару, частушка хабаровца Феди Спасибова, лучшего игрока на артельной гармони. В продолжающем эту частушку письме Гершфельда почти библейским слогом говорилось о том, что доброта не забывается и за добро платят добром. А матерщинник Федор Червяков загибал бодрящую поговорку, смысл которой сводился к тому, чтоб я не дрейфил.

Когда кончилась отсидка в карцере, улеглась шумиха после неудачного побега, опять началась голодная, монотонная, полная тоски по дому жизнь. В России в это время произошла новая, Октябрьская революция. И опять без нас, без нашего участия.

Немцы бахвалились победами, поскольку после заключения Брест-

Литовского мира захапали часть Украины и Белоруссии. У нас шли ожесточенные споры о Брестском мире. Многие были против него. И я не понимал, зачем его заключили, коль немцы захапали Украину. Но надо было находиться дома, чтобы понять всю сложность и трагичность ситуации, в которой оказалась революция.

«Русский вестник» еще больше обнаглел. С наслаждением печатал информацию о голоде в России, о начале гражданской войны, а потом о чехословацком мятеже. По словам этой газетенки, выходило, что Россия вот-вот развалится и перестанет существовать. Это вызывало тревогу. И верилось и не верилось.

Дни были нудные, тоскливые, а ночи мучительно долгие. Все мне было постыло. Снежок выпал, тропки белые, а трава во всю зеленеет. Разве это зима. Вот у нас...

Мною овладела изнуряющая бессонница. Забывался ночью на несколько минут, и опять надолго пропадал сон. Чужбина опостылевшая. Глядел сквозь зарешеченное окошко на черную липу с капельками дождя на ветках, а в глазах возникали налившиеся почки на моих яблонях в нижнем лужке, которые вот-вот выкинут цвет. Недолгие минуты сна были наполнены кошмарами: то представлялась наша обалделая, дикая атака обреченных, бегущих в руки смерти, то бесконечное падение в бездну, при котором сердце отчаянно сжимает страх. Наверное, это был приступ ностальгии. В мае месяце 1918 года, в одну из таких ночей, увидел я сон, до крайности похожий на явь, без искажений и сумбура. Привиделась мне моя мамонька Александра Кузьмовна лежащей в постели. Она положила свою немощную вздрагивающую руку на мою голову и глухо начала говорить что-то прощальное, упречное и горестное. Слезы лились из ее глаз. И я проснулся в слезах... Сон оказался вещим. Я ни во что сверхъестественное не верю, но потом оказалось, что мамонька моя действительно умерла в мае 1918 года и, возможно, в тот час, когда я видел этот вещий сон. Слабое тоскующее сердце матери посылало мне свое прощальное благословение. За тысячи верст оно отозвалось в моем тоскующем сознании.

Нестерпимо было желание вырваться из промозглых камер, из-за решеток. Я смотрел сквозь нечистое, в пузырях, стекло, в котором изгибался и ломался пейзаж, и мне хотелось голой рукой разбить это стекло. И казалось, никакой боли я не почувствую, а мне будет легче от этого удара. Вместе с кровью выйдет тоска.

И случилось со мной что-то невообразимое. Очнулся в том же карцере, лежу на голых досках, покрыт сглуха одеялом и вовсе голый. Вскочил, застучал в дверь. Конвойный отпер дверь. Лицо испуганное, кричит:

— Ду бист морт!

Вроде: «Ты покойник!» Да какой же я покойник?

Оказалось я в беспамятстве, и фельдшер определил смерть. Уже пленные друзья мои готовились прощаться со мной, а я воскрес.

Ситников В. А. Эх, кабы на цветы да не морозы... Роман. Киров, 1990. С. 99—103.

НА ФРАНЦУЗСКОМ ФРОНТЕ

Из записок русского офицера

Фронт горел огнями ракет, вспыхивающих ежеминутно: на немецкой стороне вспыхивали целые каскады разноцветных огней, бухали орудия. Узким ходом сообщения, тянувшимся на версты, шли мы молча на позицию. Проводники указали каждому его участок и позиция была занята. Ночь холодна и безлунна; издалека нет-нет, да и затрещит пулемет, изредка раздается пушечный выстрел. Пули свистят и, чмокаясь, впиваются в бруствер. Синие огоньки пулевых разрывов красноречиво говорят, что стреляют разрывными. Но все это не страшно: мы живем на глубине многих метров, а наши наблюдатели укрыты хорошо. Да если бы неприятель и стал обстреливать наши окопы, то вероятность попадания очень мала, т. к. окоп узок; поэтому немец кладет снаряды в тыл или обстреливает наши батареи.

Позиции наши состоят из нескольких линий окопов, защищенных многочисленными рядами проволоки. Ходы сообщения можно в одну секунду завалить проволокой и обстрелять и траншейными орудиями, и пулеметным огнем.

Кроме того, если немец будет подходить к нашим линиям, стоит только дать сигнал, и артиллерия забросает врага градом снарядов.

Сегодня идем на работы — будем рыть новый окоп, чтобы ближе подойти к неприятелю, который от нас всего в 300 шагах. Работаем и слышим, как в немецких окопах звучит и русская речь, и русская брань. Это наши пленные укрепляют немецкий окоп и ведут его тоже на сближение с нами. Работа, бесспорно, вредная для нас, и с чисто военной точки зрения рабочих надо бы разогнать артиллерией, но пока ограничиваемся ружейным обстрелом неприятельского оцепления, которое отходит.

Часто потом видели мы, как немцы вели русских пленных на работы; попытки бегства из плена были редки, т. к. беглецу предстояло миновать, после всех мытарств, бесчисленные ряды проволоки, вражьей и нашей, и миновать секреты, которые и мухи не пропустят. А, ведь, ночью беглеца от разведчика не различишь. Ночами никто не спит, надо быть на-чеку на всякий случай. Пришел с разведки К. и, смеясь, говорит, что когда он стал резать немецкую проволоку, из вражьего секрета на чистейшем русском языке раздался окрик: «Ты чего режешь? Не ты ставил, ты и не режь».

Наши орудия гремят уже четвертые сутки, и ночью, и днем; даже у самих у нас болит голова от немолчного гула орудий, готовим врагу сюрприз: с целью добыть «языка», бросимся завтра на его траншеи.

Всю ночь и весь день громим его проволоку минами, а на германскую позицию трудно и смотреть: вся она курится от разрывов наших снарядов, земля ходит волнами, и черный дым выше фабричной трубы стелется кверху Наконец, все готово, раздается команда «вперед»! С гранатами в руках, с заряженными винтовками мчимся, сломя голову по изрытому воронками полю, падаем, встаем и снова бежим...

Вдруг неприятель открывает барражный огонь, трещит пулеметами, и многие из нас падают, чтобы больше не встать. Но мы уже у врага на шее; мгновенная штыковая и гранатная схватка, и семь пленных с офицером в наших руках. Забирая раненых, утекаем так же быстро, как и напали. Воздух

от порохового дыма всюду зеленый, трудно дышать и тошнит. Раненые уже перевязаны, отправлены на автомобилях в госпиталь.

Ночь у нас тиха, но слышно, что враг работает, что-то готовит. Назначается разведка, которая, лежа на вражьем бруствере, выясняет подготовку к газовой атаке. Бдительность усилена, а впереди посажены в клетки крысы, которые своей смертью от малейшей примеси газа могут дать знать об опасности.

И верно: на закате поплыл на нас газовый туман... Первая, третья, седьмая волна... Часов пять травил нас немец, но ничего у него не вышло. Зато по лесам сколько мертвых птичек, крыс, куропаток и зайцев. С клубами белой пены у рта лежат они, вытянув лапки и смотря остекленевшими глазами. А вверху уже кружится хищное воронье и, каркая на все лады, произносит речи о дележе богатой добычи. После последней газовой волны часа два не снимаем маски, не снимаем их и с лошадей; зажигаем костры, обливаем окопы гипосульфитом и открываем по немцу убийственный огонь. Стрелянные патроны лежат возле батарей, как кучи дров на наших станциях железн. дорог.

Но, слава Богу, потери не велики, да и те от ротозейства. Ведь достаточно вздохнуть только два раза, чтобы все было кончено. Помню, крикнули одной группе: «надевайте маски, газ идет!» Скептики на поверили, и через две минуты надо было тащить их в госпиталь.

Долго так мы были в траншеях, то нападая, то отражая. Но по многим признакам было заметно, что высшее командование замышляет что-то серьезное. Стали ждать боя. Вскоре нас сменили, а мы, пробыв три дня на марше, во время которого узнали о совершившемся в России перевороте, бросились в бой. В одних местах наши атаки были удачны настолько, что мы заставали врага в одном белье, в других — отражены. Многих храбрых боевых товарищей, солдат и офицеров пришлось потерять, многие отдали жизнь за честь и достоинство Родины. Но были и жалкие трусы. Было противно видеть; как здоровенный русский человек, отьевшийся и румяный бежит от 18-летнего немецкого мальчишки, который сдается, расстреляв только все патроны. Впрочем, зачастую трусость можно объяснить простой непривычкой, необстрелянностью. Обстрелявшись, бывший трусишка становится великолепным бойцом. Сначала пугают его пули, потом снаряды, потом кровожадные мины, а потом он уже ничего не боится. И много раз встречал я юмор русского солдата в минуты смертельной опасности. Поэтому, на основании опыта, я думаю, что настоящая подготовка бойца пехотинца возможна при совместных действиях всех родов оружия.

Но вот и кончен бой, больше нигде ни выстрела, мы уходим в тыл. Дают четырехдневные отпуски, и люди, по очереди, разъезжаются, кто куда. Большой интерес среди солдат вызывает океанографический музей на юге Франции и Париж, где часто можно встретить военного под ручку с его марэной (marraine — крестная мать), которая утешает его в его горестях, пишет на фронт ему письма, посылает съестное, даже служит обедни о здравии, и в гостеприимной своей семье окружает любовью, уютом и своей нежной женской приветливостью много сглаживает воину его невеселые солдатские дни.

Кандидат прав прапорщик Окаевский.

Вят. речь. 1917. 28 окт. (№ 231). С. 2—3.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРАНА ЮСТИЦИИ К. А. ПАЛКИНА[1] О НОВОГОДНЕЙ ВСТРЕЧЕ РУССКИХ И АВСТРИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

31 декабря 1917 г. — 1 января 1918 г.*

...Под Новый год, часов в девять вечера, к проволочным заграждениям на участке 6-й роты подошли два австрийских солдата, немного говорящих по-русски. Они попросили доставить их к ближайшим русским офицерам... Их доставили к командиру 6-й роты поручику Ярошенко.

Один из пришедших австрийцев передал ему приглашение своего командира батальона прийти встречать Новый год к нему. Офицеры 6-й роты приняли приглашение и все трое отправились к австрийскому командиру батальона, к своему противнику встречать Новый год. Они предусмотрительно захватили с собой хлеба, мясных консервов, сахара, как на это намекнули посланцы. Ситуация почти что авантюристическая.

...Перед проволочными заграждениями противника, гостей попросили завязать глаза и с завязанными глазами повели их дальше. Когда повязки с глаз были сняты, наши офицеры оказались перед землянкой командного состава. Это был хорошо сделанный блиндаж.

Войдя в блиндаж, они увидели здесь группу австрийских офицеров, сидевших за сервированным уже столом. Старший командир противника (он действительно оказался командиром батальона) приветствовал пришедших гостей. Все стали здороваться.

Несколько офицеров немного говорили по-русски и потому беседа проходила достаточно свободно. Гости передали принесенные с собой явства, которые были приняты с видимым удовольствием. Оказалось, что у австрийцев было достаточно вина, табака, но русские мясные консервы посчитались деликатесом.

Началась новогодняя встреча. Выпитое вино развязало языки и никаких переводчиков не потребовалось.

Ровно в полночь командир батальона связался по телефону с командиром полка и сказал ему следующее: «Я, мои офицеры и находящиеся у нас в гостях русские офицеры поздравляют вас с Новым годом».

Оказывается, командир австрийского полка не удивился такому приветствию и в свою очередь поблагодарил всех собравшихся за поздравления и также поздравил с Новым годом.

Новогодняя встреча продолжалась до утра. Была ли она многословной не знаю, но обильной вином — да.

Часов в 6 утра пиршество было закончено и русские офицеры,

---

* Документ датирован по содержанию, дата поступления воспоминаний в архив — июль 1962 г.

порядочно захмелевшие, были предусмотрительно доставлены «домой» в полной сохранности...

ЦДНИ КО. Ф. 4112. Оп. 2. Д. 217. Л. 23—25. Подлинник.

[1] Палкин Константин Алексеевич (1893—1984) — род. в г. Вятке, с 1 мая по 1 октября 1916 г. был юнкером Александровского военного училища, с 1 октября 1916 г. — прапорщиком 106-го пехотного запасного полка, с августа 1917 г. — служил в 336-м Челябинском полку, с 1918 года работал в органах юстиции г. Вятки (Кирова) — следственной комиссии по общеуголовным делам, военном трибунале, губернском ревтрибунале, суде, прокуратуре.

«КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА» ИЗ ЧЕКА

Пальшина Антонина Тихоновна (1897—1992) была, пожалуй, единственным участником «позорной, империалистической войны», широко известным в СССР. Уроженка деревни Шевырялово Сарапульского уезда Вятской губернии. Из крестьян. Образование — три класса. Землячка известной Надежды Дуровой. С 1914 года воевала под видом мужчины. Георгиевский кавалер, младший унтер-офицер. Вероятно, участие в «империалистической» войне вызывало у нее чувство вины, поскольку она всячески подчеркивала лишь свои заслуги в борьбе за советскую власть — работу в большевистском подполье, исполкоме, ЧК. Работала на скромных должностях машинистки, медсестры.

О ней были созданы книги, полотна художников, фильмы. Однако достоверно ее судьба отражается в неопубликованных документах, хранящихся в фондах Музея истории и культуры Среднего Прикамья (Сарапул). Орфография источников сохранена.

I. АВТОБИОГРАФИЯ

Я Пальшина Антонина Тихоновна, рожденная 1897 г. 8/1. Родители мои были бедные крестьяне села Шевырялово Сарапульского района, Удм. А.С.С.Р. Они умерли в раннем моем детстве. Училась в 3-х классной сельской школе, в 10 лет ее окончила с отличием. После чего сестра моя, взяла жить к себе в город и отдала сначала к сапожнику, а так как он ничего не платил за работу, то стала учить портновскому делу — и вскоре я стала неплохой швеёй. Мы шили на сарапульских купцов Бера и Ушеренко. В 1913-м году тайком от сестры и зятя уехала с первым пароходом в город Баку. Где устроилась на работу в булочную. Когда в 1914-м году в августе м-це началась первая империалистическая война, в сентябре этого же года ушла добровольцем на турецкий фронт под видом добровольца Антона Пальшина, вступила во 2-й Кавказский Кавалерийский полк 9-ю сотню. Где была зачислена на все виды довольствия. После надлежащей подготовки неоднократно принимала участие в сражениях и атаках. Но неудача скоро меня сопутствовала в одной из атак конь был ранен и я сильно разбилась, было побито лицо и коленный сустав где и была отправлена в военный лазарет в город Карс. По выздоровлении секрет был открыт, что я не доброволец Антошка, а девушка Антония, я больше не захотела отправиться в эту часть, а решила перебраться на Австрийский фронт, но тут же на станции заподозрен был сразу же меня жандарм схватил решил, что я

шпионка... По прибытии в Сарапул, поступила на краткосрочные курсы сестер милосердия военного времени, а по окончании в апреле 1915 года (окончила). Когда пошли первые пароходы нас 4-х сестер по личной просьбе направили на юго-западный фронт в город Львов... Работала сутками, сутки на работе сутки на отдых, раненых поступило очень много, канонада была слышна отчетливо, мне казалось, что мало я помогаю фронту, что здесь может всякий работать, тем более у нас в отряде было много сестер привелегированного класса. Княгини, графини, баронессы и т. далее то одна то другая просят подежурить за меня, что дескать скучно, что надоели все и вся, что хочется встряхнуться, а мне не как не хотелось дежурить за этих баронесс и княгинь. Все тянуло меня не знаю почему к передовой линии, где идут бои, бьет артиллерия, где рвутся снаряды, истекают кровью солдаты, больше я вокруг себя ничего не видела. Неудержимо тянуло на передовую линию, чтобы быть с солдатами вместе в боях и окопах. Случай такой скоро представился. Умер один молодой солдат в мое дежурство, и я воспользовалась его обмундированием, снова постриглась и в следующую ночь была свободна от дежурства, ушла в сторону линии фронта, шла около полутора суток, время было летнее... вскоре достигла обоза второго разряда, куда и пристала... бывала в разведке за языком в тыл противника, с донесением в штаб полка, в сторожевое охранение... была 2 раза ранена и один раз контужена. За боевые заслуги награждалась 4 раза... а Георгиевский крест 3-й степени приколол сам Генерал Брусилов в прифронтовом госпитале и велел отдать приказ по полку произвести в младшие унтерофицеры. Но в часть я больше уже не вернулась. Февральская революция застала меня в городе Киеве, где лежала после 2-го ранения...

Осенью 1917 года вернулась домой в Сарапул, вскоре встретилась с И. С. Седельниковым*...6 января выехала из Сарапула 9-го января уже была принята на работу в г. Сычевке в Исполнительный комитет... машинистской. Позднее была переведена на работу в ЧК... зарегистрировалась в браке с Фроловым Григорием Григорьевичем... муж получил назначение в 4-ю кавалерийскую дивизию политкомиссаром Армии С. М. Буденного... После того, как Врангель был разбит, я снова вернулась для работы в ЧК. Демобилизовалась в 1923 году и до 1927 года не работала. В 1927 году мне была сделана операция по поводу болезни печени... Во время моей болезни муж мой Фролов Григорий Григорьевич оставил меня больную некому не нужную. Все это я очень тяжело пережила стала нервная рассеянная, веселье оставило меня навсегда. В 1932-м году снова вступила в брак с рабочим Придатко Георгием Сидоровичем... застала нас Великая Отечественная война. Вскоре мы с мужем подали заявление об отправке нас на фронт, но счастье выпало взять в руки оружие только моему мужу, а мне ввиду болезни и операции было отказано о вступлении в ряды нашей Рабоче крестьянской Красной Армии, горестно мне было оставаться в тылу только сознание удерживало о том что я больна. Но как могла помогала фронту вносила облигации... работала в колхозе Красный Путиловец на разных полевых работах, а также на лесозаготовках за Камой, все хотелось чтобы как можно скорей закончить эту жестокую опустошительную войну. В 1945 году получила похоронную на мужа... Часто приходилось в последнее время бывать в Подмосковьи где выпало счастье большое для меня простой крестьянской девочки «Антошки», добровольца, встретить наших дорогих и всеми уважа-

* Седельников И. С. — руководитель Сарапульских коммунистов. Погиб в 1918 г. в боях с ижевскими рабочими, восставшими против большевиков.

емых космонавтов: Юрия Алексеевича Гагарина, Титова Германа Степановича, Попович Павла Романовича, Николаева Андрияна Григорьевича, Терешкову-Николаеву Валентину Владимировну и Быковского Валерия Федоровича. Большую радость испытала я при встрече с ними... Вообще в жизни радость и счастье я часто испытываю. Самое большое счастье которое испытала когда была принята в Родную Коммунистическую Партию в 1964 г. ...хочется сказать во все услышанье спасибо тебе моя родная Партия за все хорошее за счастье простой крестьянской сироты...

А. Т. Придатко (урожд. Пальшина)

2.3.67. г. Сарапул.

СТАТЬЯ В «ПРИКАМСКОЙ ЖИЗНИ»

7 февраля 1915 года

САРАПУЛЬСКАЯ ДЕВУШКА-ДОБРОВОЛЕЦ

Среди русских женщин-героев имя Александры (?) Дуровой занимает одно из славных мест. В эту войну тоже явились сарапульские женщины, перед храбростью которых приходится преклоняться. 6 фев. в Сарапул доставлен бравый солдат в шинели, сапогах, фуражке, с бритой головой, на вид юный, отважный доброволец. Между тем это девушка кр. подгорной деревни Шевыряловой Пальшина... продав шубу, шляпу, золотые кольца, девушка покупает лошадь и под видом добровольца поступает в кавалерийский разъезд... В лазарете наконец раскрывается, что юный кавалерист — женщина... при воспоминании о своей срезанной косе, солдат-девушка заплакала.

ПРИКАЗ О НАГРАЖДЕНИИ АНТОНА ПАЛЬШИНА ГЕОРГИЕВСКИМ КРЕСТОМ

Не подлежит оглашению.

Приказ по армии № 861

12 ноября 1915 года.

На основании ВЫСОЧАЙШЕ предоставленной мне власти, нижепоименованных нижних чинов за проявленные ими подвиги мужества и храбрости в бою с неприятелем награждаю Георгиевскими Крестами и медалями...

1. Рядов. Иосиф ГЛУЩЕНКО, он же Евдокия Карповна ЧЕРНЯВСКАЯ.

2 сент. 1915 г. у м. Деражно, будучи разведчиком, с явной личной опасностью проникнув в расположение неприятеля, доставила ценные сведения о его расположении...

151. Антон Тихонов ПАЛЬШИН (он же Антонина Тихоновна ПАЛЬШИНА).

За проявленные в сентябрьских боях подвиги и храбрости...

ПОДПИСАЛ: Командующий армией

Генерал-Адьютант Брусилов

СКРЕПИЛ: И. д. Начальника штаба

Генерал-майор Сухомилин

РГВИА. Ф. 2134. Оп. 2. Д. 323. Л. 287—290.

О защите доброго имени кавалерист-девицы Пальшиной А. Т. от клеветы, поступившей на нее в ЦК КПСС

Первому секретарю Сарапульского горкома КПСС тов. Гнускину Н. И. Копия для освещения : Удмуртский обком КПСС

Прошу обратить Ваше внимание на положение Придатко-Пальшиной Антонины Тихоновны, рожд. 1897 г., члена КПСС с 1964 г., ветерана первой мировой войны, награжденной двумя Георгиевскими крестами и двумя Георгиевскими медалями за перевязку раненых на передовых позициях и проявленный героизм, бывшего сотрудника Сычевского исполкома в 1918 г., сотрудника Черноморской ЧК в 1920 г., жены руководящего работника ЧК, комиссара 4-й кавдивизии Конной армии Буденного в гражданскую войну Г. Г. Фролова, участницы гражданской войны, вдовы активного участника Отечественной войны Г. С. Придатко, погибшего на фронте в 1943 году, инициатора сбора теплых вещей и помощи фронту в Отечественную войну, пенсионерки с двадцатилетним стажем (гор. Сарапул, ул. Гагарина, 30, комната 33)...

По многочисленным выступлениям союзной печати о Пальшиной общеизвестно, что она повторила подвиг Надежды Дуровой, своей землячки, если она перевершила его, является национальной героиней, второй русской женщиной, выступившей в войнах под мужским именем. На необычной, героической биографии Пальшиной будет воспитываться не одно поколение.

Казалось бы, что А. Т. Пальшина более чем заслужила должное внимание, спокойную, счастливую старость... Но...

Так и не решился вопрос назначения Пальшиной пенсии — персональной пенсии местного значения.

В 1969 г. потребовалось вмешательство В. К. Марисова*, чтобы Пальшиной выделили жилье. Выделили комнату в общежитии, через тонкую перегородку общий туалет, кухня про всех, холодно — до 12 градусов в эту зиму, крутая, не для возраста, лесница на второй этаж... Сготовить, постирать, помыться — все в своей комнатке... Никому-то теперь нет дела до Пальшиной...

Более чем странно, что до сих пор отношение к Пальшиной определяется не ее действительными заслугами перед своим народом, Родиной, а известным пасквилем, состряпанным по инициативе Бузилова Т. А.**, подписанным группой старых коммунистов, персональных пенсионеров Сарапула, обратившихся с этим подлым документом в ЦК: «Пальшина — самозванка, не было никаких крестов, ни медалей, ни ЧК!» Ни один из этих «12 апостолов» в годы мировой и гражданской войн Пальшину не знал, ни

---

* Марисов В. К. — первый секретарь Удмуртского обкома КПСС, в прошлом работник КГБ.

** Бузилов Т. А. — прежний директор Сарапульского краеведческого музея.

один не располагал компрометирующим ее документом, и ни один не понес наказание за клевету, за оскорбление личности...

Позавидовали доброй славе Пальшиной... Судить бы этих людей, а не прислушиваться к их сплетням.

В 1975 г. я был вынужден обратиться с соответствующим письмом в Удмуртский обком КПСС на предмет разрешения на публикацию повести о Пальшиной, над которой работаю. Вопрос решился положительно. Биография Пальшиной подтверждается убедительными документами, имя ее полностью реабилитировано.

Не пора ли отказаться от претензий в отношении Пальшиной и изыскать возможность дожить ей более счастливо свой век? — Выделить ей, например, однокомнатную квартиру — с ванной, горячей водой...

19.2 — 76 г.

С уважением В. Бобылев*

Родина. 1993. № 8–9. С. 75–77.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ — ЖИТЕЛЕЙ д. КОРОТКИ ВАСИЛЬЕВСКОЙ ВОЛОСТИ НОЛИНСКОГО УЕЗДА**

1914—1918 гг.***

1. Микрюков Павел Андреевич
2. Коротких Иван Федорович
3. Чашников Зиновий Езакиевич
4. Любимов Степан Карпович
5. Исупов Василий Иванович
6. Коротких Алексей Васильевич
7. Коротких Яков Васильевич
8. Одегов Спиридон Данилович
9. Одегов Арсений Данилович
10. Микрюков Федор Степанович
11. Пермяков Яков Меркурьевич
12. Пермяков Никита Александров[ич]
13. Култышев Федот Евсеевич

---

* Бобылев В. В. — член Союза кинематографистов СССР.

** Составлен мл. советником юстиции И. В. Коротких (1904—1968).

*** Датируется временем первой мировой войны, дата составления документа — 25 мая 1963 г.

Судьба этих солдат такая: 1) Микрюков П. А. попал в плен в Германию, но в свое время вернулся на Родину; 7) Коротких Я. В. в первый же год войны (а он в 1913 г. был призван и находился на действительной службе в г. Гродно) попал в плен в Германию и в Россию не вернулся, писал письма..; 11) Пермяков Я. М. домой не вернулся с войны, погиб на фронте; 5) Исупов В. И. и 12) Пермяков Н. А. позднее сложили свои головы на фронтах гражданской войны. Остальные вернулись домой и дожили до глубокой старости. Из них Чашников Зиновий Езакиевич жив и на сегодня проживает в г. Гремячинске.

Список и судьба солдат составлены по совместным воспоминаниям с Я. Д. Одеговым...[1]

ГАКО. Ф. Р-2599. Оп. 1. Д. !!. Л. 36—36 об. Подлинник.

[1] Одегов Яков Данилович — уроженец д. Коротки Немского района (ранее Нолинского уезда) Кировской обл., род. в 1904 г., был участником Великой Отечественной войны (декабрь 1941 г. — август 1945 г.).

В. СЕМИБРАТОВ

НАГРАЖДЕНЫ «ГЕОРГИЕМ»

Известен анекдот, повествующий: во время первой империалистической войны встретились в окопе два солдата.

— Ты откуда?

— Вятский.

— И я вятский! Надо же — война мировая, а одни вятские воюют!

Но смех смехом, шутки шутками, а вятских и на самом деле сражалось на фронтах немало.

«Тянутся подводы в Котельнич с парнями для отправки на войну, — пишет о той поре краевед Г. А. Котельников в 14-м номере альманаха «Проселки» за 1993 год. — Выходят из домов жители деревень, через которые везут парней. Машут платочками. Плачут бабы, плачут девчата. Первые игрища с 1914 по 1915 год играли грустно: трудно было сыскать путного гармониста, на игрища вместо парней приходили подростки, а из действующей армии в деревни уже летели похоронки...»

Что ж, на войне как на войне: голова в кустах или грудь в крестах. И, говоря так, имели в виду не какие-либо абстрактные кресты, а те самые — Георгиевские, учрежденные императрицей Екатериной II еще в 1769 году для вручения тем, кто «ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием».

Название ордена было связано с именем одного из наиболее почитаемых на Руси святых. Не случайно изображение Георгия Победоносца, мученически погибшего за христианскую веру около 303 года, стало гербом

Москвы, «поселившимся» затем на груди орла — символа Российской державы.

Если генералитет за особенные заслуги награждался орденом святого Георгия 1—4-й степени, то солдаты и офицеры удостаивались особых Георгиевских крестов — серебряных. Такой, например, получила знаменитая «кавалерист-девица», участница 1812 года, вятская уроженка Н. А. Дурова, а в годы первой мировой — многочисленные вятские мужики, сменившие соху и топор на винтовку и саблю.

Один из таковых — уроженец нашего Куменского района И. Н. Конышев. Первого «Георгия» он, солдат 13-го Ямбургского уланского полка, получил за дерзкий захват немецких пленных у реки Стоход на Волыни. Став унтер-офицером, Иван Николаевич командовал взводом из пятидесяти сабель.

Вот как описывает один из подвигов нашего земляка на основании архивных данных краевед, ветеран Вооруженных Сил В. Д. Сизов:

«Легко нес взводного сивый в яблоках жеребец Викул. Малограмотный крестьянин из деревни Малая Юньга впервые самостоятельно решал боевую задачу.

Капитан Жуков приказал его взводу навязать бой противнику и захватить пленных.

Остановились у рощи. Дальше — парк и богатое имение какого-то барона.

Унтер-офицер Конышев решил: рассыпав своих всадников, окружить с трех сторон имение, а потом по сигнальному выстрелу из карабина прорваться к избам и на улицах уничтожить врага. Каждый десяток знал, какие дома атаковать.

Нападение на немецкий гарнизон увенчалось полным успехом. Было захвачено 30 пленных. Взвод Конышева захватил свыше тридцати оседланных коней, и у каждого седла качалась трофейная винтовка с шашкой.

...А вручал Ивану Конышеву «Георгия» третьей степени сам Алексей Алексеевич Брусилов. Запомнились навсегда ярко-красная лента через плечо, грудь вся в золоте и серебре наград...»

Георгиевский крест 2-й степени украсил грудь И. Н. Конышева после взятия г. Перемышля. Тогда его взвод захватил телеграф, пленил несколько штабных офицеров противника.

Бой подо Львовом, в котором наш земляк, раненный в ногу, продолжал сражаться, был отмечен медалью «За храбрость».

Опыт, полученный в сражениях первой империалистической войны, пригодился И. Н. Конышеву и в годы Великой Отечественной. Добровольно уйдя на фронт, он геройски погиб под Ленинградом осенью 1943 года.

В Брусиловском прорыве участвовал выходец из арбажских краев И. Н. Колпаков, кавалер трех Георгиевских крестов. Кавалерийский фельдфебель, он в числе других окруженных немцами воинов попал в плен. Долгих девять лет прожил Игнат Наумович на чужбине, пока, наконец, не вернулся в родную деревню.

В первую мировую отличился и Г. П. Кротов из д. Зотовской

Глазовского уезда. Окончив срочную службу в 1908 году взводным фейерверкером, Георгий Петрович решил не расставаться с армией. Первую мировую он встретил фельдфебелем 1-й батареи 53-й артбригады. В одном только 1914 году наш земляк был отмечен командованием Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени, а уже в феврале 1915-го — «Георгием» номер два. Затем последовали французская медаль, золотая шейная медаль на Станиславской ленте с надписью «За усердие», Георгиевская медаль «За храбрость». Поистине вятские — люди хватские, как тот «сраженный булатом» полковник из лермонтовского «Бородина»!

Вот сведения еще об одном таком хватском — В. Н. Курбатове, родившемся в 1885 году в с. Калинино Савальской волости Малмыжского уезда. Данные о нем нашел в Центральном Государственном Военно-Историческом архиве исследователь из г. Екатеринбурга Ю. Г. Курепин. В документах указано, что В. Н. Курбатов из крестьян, был женат, имел сына. В 1908 году Василия Николаевича призвали на действительную военную службу в 115-й Вяземский технический полк, где он вновь оказался с началом империалистической войны. Был старшим унтер-офицером 10-й роты.

За что же получил наш земляк три боевые награды?

«В ночь на 8 августа 1914 г. у дер. Воронино, — пишет Ю. Г. Курепин, — вызвавшись охотником на разведку, пробрался сквозь расположение неприятеля, обнаружил и донес о передвижении больших его сил на фланге нашей позиции».

Командование оценило это Георгиевским крестом 4-й степени. 3-я степень награды последовала за личную инициативу, которую В. Н. Курбатов проявил 19 октября в бою у реки Роминтен, когда он «обошел со своим отделением фланг противника, чем и заставил последнего очистить позицию».

Георгиевский крест 2-й степени явился наградой за ночную разведку 19 ноября того же года. Тогда Василий Николаевич «охотником с товарищами под сильным огнем противника доставил сведения о местонахождении его пулеметов и бомбометов, благодаря чему последние были уничтожены огнем нашей артиллерии».

Архивные данные на героя обрываются 1916-м годом.

С двумя «Георгиями» на груди вернулся в родную деревню Медовый Ключ Малмыжского уезда Н. К. Девятов. Выпускник Владимирской школы унтер-офицер Николай Константинович получил свою первую награду за ликвидацию пулеметной точки противника, мешавшей полку наступать. Второй крест — за то, что заменил в бою убитого командира роты и сумел взять со своими бойцами стратегически важную высоту. В полку награжденных «Георгиями» было всего двое.

Возвратившись в Медовый Ключ после революционных событий, Н. К. Девятов занялся ведением домашнего хозяйства. В те годы к нему из Заструговъ нынешнего Вятскополянского района приезжал, бывало, другой георгиевский кавалер — знаменитый богатырь, герой Цусимы В. Ф. Бабушкин, воспетый в романе А. С. Новикова-Прибоя. Живущий ныне в г. Сосновке сын Н. К. Девятова Николай Николаевич вспоминает, что во

дворе их дома «второй Поддубный» устраивал настоящие представления, на которые собирался весь деревенский люд.

Судьба же семьи Девятовых сложилась нелегко. Хозяина, не захотевшего вступать в колхоз со своим крепким хозяйством, раскулачили. Пришлось жить на Урале, в Сибири. В военные годы Н. К. Девятов работал столяром, а затем конюхом. Прожил он 92 года, до конца дней своих сохранив честность и порядочность.

Из Малмыжских краев происходил и дважды Георгиевский кавалер И. П. Логинов, уроженец д. Верхняя. В памяти его дочери Н. И. Мальцевой сохранились рассказы о боях на реке Дунай, в которых участвовал Иван Прокопьевич. Однажды он взял в плен 13 человек, но сам затем был тяжело ранен в спину и «Георгия» получал уже в лазарете. Кресты долго хранились в сундуке, с которым И. П. Логинов вернулся со службы.

В 335-м Анапском пехотном полку, формировавшемся в Екатеринбурге, служил выходец из вятских крестьян зауряд-прапорщик Ф. С. Лежнин. К началу первой мировой войны Федор Степанович уже имел кресты 4-й и 3-й степени за участие в русско-японской. В бою 1 ноября 1914 года наш земляк, как сказано в приказе о награждении, «под сильным неприятельским огнем занял командующую высоту, удержался на ней, несмотря на огонь, развитый противником, и в свою очередь открыл огонь по противнику, чем дал возможность роте продвинуться вперед».

Ф. С. Лежнин был награжден крестом 2-й степени, а затем произведен в прапорщики.

Отличались вятские боевыми успехами и на флоте. Так, на Балтике нес службу Петр Семенищев, подвиги которого описаны в 38-м номере журнала «Нива» за 1915 год. Здесь, в частности, говорится, что он, матрос Морского полка, вместе с другими был послан на обезвреживание минных заграждений на реке Висле. Увидев сорвавшуюся с якоря мину, Петр Семенищев бросился в воду. Рискуя жизнью, он отбуксировал опасный снаряд к берегу, чем обеспечил безопасное прохождение кораблей. Наградой герою стал «Георгий» 4-й степени.

20 августа 1915 года минеры Морского полка устанавливали на передовой фугасные снаряды. Восемь немецких разведчиков попытались свести на нет их работу. Увидев это, наш земляк выскочил из передового окопа с одной винтовкой в руках, в которой было всего-навсего 5 патронов. Двоих неприятелей он убил, остальные бежали.

В неравной схватке герой получил семь ран штыком, его дважды ударили прикладом в голову. Вылечившись, Петр Семенищев вернулся в полк. Доблесть матроса была оценена Георгиевским крестом сразу 2-й степени.

Без конца можно рассказывать, как мужественно воевали вятские крестьяне. Конечно же, овеяли себя славой и представители других сословий.

Полковым священником был в германскую митрофорный протоиерей Александр Тверитин, долгие годы служивший в Свято-Серафимовском соборе г. Вятки-Кирова. Оружием отца Александра был крест. Им он и повел

за собой солдат, заменив убитого командира. В штыковой атаке немцы отступили, а священнослужитель получил затем Георгиевский крест.

В чине иеромонаха встретил первую мировую уроженец г. Вятки Нестор (Анисимов), будущий митрополит Харбинский и Маньчжурский, экзарх Московской Патриархии по Восточной Азии. В 1914 году по делам Камчатского Благотворительного Братства священнослужитель оказался в Санкт-Петербурге, где, как говорится в его пространных воспоминаниях, обнаруженных в фондах Камчатского областного краеведческого музея историком В. Д. Сергеевым, «был поражен известием, что Германия и Австро-Венгрия объявили войну нам и уже на полях сражений проливается кровь».

По собственной инициативе иеромонах Нестор сформировал санитарный отряд для оказания помощи лейб-гвардии Драгунскому полку и другим воинским частям. «Неоднократно случалось мне, — читаем в воспоминаниях, — смотреть в глаза смерти и под градом пуль, среди рвущихся с оглушительным грохотом фугасов и снарядов утешать напутственной молитвой умирающих русских воинов-страстотерпцев, а раненым облегчать страдания оперативной с медицинской помощью... Пришлось подолгу находиться в окопах среди солдат, напутствуя их молитвой на бранный подвиг за Родину, за русскую армию. Довольно часто мне поручали как вестовому срочно под смертоносным огнем перевозить секретные донесения, а также бывать в разведке, участвовать в конной атаке».

Два года находился будущий митрополит в действующей армии. Его заслуги были отмечены крестом на Георгиевской ленте, орденами святых Анны, Владимира, Николая различных степеней.

В Вятской губернии в семье надворного советника родился В. К. Нейзель. Выпускник 3-го Александровского военного училища, он в 1893 году был направлен в чине подпоручика в Оренбургский резервный батальон. В русско-японскую войну Владимир Константинович дослужился до капитана, а в первую мировую стал подполковником, командиром батальона.

Уже имея ордена святых Анны, Станислава, Владимира различных степеней, В. К. Нейзель 10 декабря 1914 года «с батальоном переправился под сильным огнем через реку Ясколку, выбил противника из окопов, захватил 4-х офицеров и 80 солдат и 1 пулемет», за что и удостоился ордена св. Георгия 4-й степени.

Война с Германией, обрушившаяся на Российское государство восемь десятилетий назад, не увенчалась победой России. Но она показала, какими неувядаемыми подвигами может покрыть себя русский солдат, защищающий Отечество. Не последними в ряду доблестных воинов были и остаются вятские.

IX. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ 1918—1922

ТЕЛЕГРАММА ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО ШТАБА СОВЕТАМ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ О НЕОБХОДИМОСТИ БОРЬБЫ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

8 июля 1918 г.

Всем! Всем! Республика в опасности. На Советскую власть нападают иноземные враги извне. Их вторжению способствуют левые социалисты-революционеры, присоединившиеся к врагам народа изнутри. Убийством Мирбаха[1], мятежом в Москве они способствуют иноземным палачам, напавшим на республику. Стойте твердо на постах, беспощадно разделывайтесь со всяким проявлением контрреволюции, откуда бы оно ни исходило. Поддерживайте связь с нами. Помните, революция в опасности.

Чрезвычайный штаб

Помета: Комиссару почты и телеграфа. Телеграмму немедленно вне очереди разошлите по Вятской губернии. Председатель исполнительного комитета Попов[2].

ЦДНИ КО. Ф 45. Оп. I. Д. 133. Л. 31 Отпуск. Опубл.. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сб. документов. Киров, 1957 С. 289.

[1] Мирбах Вильгельм (1871—1918) — граф, германский дипломат. Участвовал в переговорах с Советской Россией в Брест-Литовске. После подписания Брестского мира, с апреля 1918 г — германский посол в Москве. 6 июля 1918 г был убит левыми эсерами.

[2] Попов Иван Васильевич (1894—1952) — председатель Вятского губисполкома с мая 1918 г., с 7 июля 1918 г — председатель Вятского губернского чрезвычайного Военно-революционного штаба.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО ВОЕННОГО КОМИССАРА ТЕРЕБИЛОВСКОГО ВОЛИСПОЛКОМА Н. Г. СОРОКИНА-МАХАЛОВА[1] О БЕЛОГВАРДЕЙСКОМ ВОССТАНИИ СТЕПАНОВА НА ТЕРРИТОРИИ УРЖУМСКОГО УЕЗДА

июль—август 1918 г.*

...В конце июля 1918 г. заместитель уездного военного комиссара Душкин любезно вызывает к себе вечером запискою с ординарцем, где предлагает мне постараться вывезти из Уржума один из имеющихся складов оружия и возможно скорей. При этом пояснил, что он имеет сведения, что будто бы на Уржум двигаются восставшие красноармейцы московского продовольственного полка под командой своего командира Степанова, а последний называет себя передовым отрядом Чехословацкой армии. Я взял лошадь Душкина, съездил в Теребиловку за подводами, свез попутно еще 12 ящиков ручных гранат, сдал их тов. Бушкову[2], а сам взял 4 подводы с собой, приехал снова на склад, наложил там без всякого счета три воза винтовок и один воз патронов, отправил их Бушкову в Теребиловку, а сам пошел к Душкину на квартиру потолковать о дальнейшей работе, т. к. склад оружия уже закрыли и на сегодняшний день отпуск его прекратили. На квартире у Душкина была паника. Последний приготовлялся к побегу из Уржума. Спрашиваю: «В чем дело?» Получаю ответ, что заняты Турек и Цепочкино белыми бандитами. Душкин советует мне пока скрываться и работать, а наши, т. е. большевики уже из города выехали (Душкин был левый эсер): «Я поеду в Вятку и оттуда приду с красногвардейцами, а ты здесь попытайся организовать дружину и орудуй». Больше я от него ничего узнать не мог, да и вряд ли кто в это время больше моего знал, так как все это случилось неожиданно. Местная караульная команда вся разбежалась без единого выстрела, а командир ее Попов перешел сразу же на сторону белых. Городская милиция, начальником коей был Мачехин Ф.И., большевик, реальной опоры из себя по своей малочисленности не представляла и в решающий момент как будто растаяла. Словом, от наступающего на город врага защищать его никто не пытался, а все пустились наутек, не истратив ни одного патрона, лишь несколько членов волостного исполнительного комитета забрали с собой уездное казначейство и под командой члена уездного исполкома тов. Ширяева охраняли его несколько дней в лесу.

Белогвардейцы их обнаружили, всю охрану арестовали и пересадили в тюрьму. Из членов нашей партии не успел скрыться

* Документ датирован по содержанию, дата написания воспоминаний — 16 января 1926 г.

из города Мышкин А. И., который был арестован и посажен в тюрьму, а остальные как в воду канули. Вот такая картина взятия белыми Уржума. Целую неделю мы вели хлопотливую работу, собрали сведения о происходящих событиях, сносились с советами деревень Бутахино, Поповка, Кабановщина, Котелки, Лом, Таловка и Дубровка. Деревни эти ответили нам, что они за оружие взяться готовы по первому нашему зову...

Мы ждали объявления белогвардейцами мобилизации населения, потому что в это время было бы легче поднять народное восстание.

...Нам хотелось поднять тарарам в Уржуме, по крайней мере, хоть подпалить его. События в это время развивались. Белым без боя сдался Нолинск, доходили тревожные вести о сдаче Яранска, но верных сведений получить было неоткуда. Из Вятки ни слуха ни духа.

...Но вот раз слышим, что снизу по реке идет какая-то флотилия. Надо признаться, что снизу друзей мы не ждали, а поэтому полагали, что идут чехословацкие отряды. На другой день наша печаль сменилась радостью, т. к. белогвардейский гарнизон Уржума выехал навстречу противнику под Шурму. Тут нам стало ясно, что флотилия, о которой шла речь, красноармейская. К вечеру получили сведения, что Шурму взял тов. Бабкин, и мы решили призвать под ружье свою дружину.

Явились в Теребиловку, заняли волостную земскую управу, разослали извещения по деревням, кои обещали нам поддержку и приступили к организации партизанского отряда. В это время тов. Бабкин обстреливал Шурму с парохода из трехдюймовки. Уржум был объят паникой.

...Зная, что противника в городе нет и что в оперативном отношении город не играет никакой роли, мы его не занимали, а заняли от Аркуля до Турека подступы к реке Вятке, загородив этим самым белогвардейцам отступления из-под Шурмы. Бабкин между тем, высадившись в Шурме, разбил Степанова наголову. А наш отряд вырос уже до 475 человек... В Уржуме в это время все еще не было ни одной души красных. Арестованных из тюрем выпустила сама тюремная администрация, и последние уже пробрались в отряд Бабкина... В это же время со стороны Вятки прискакал 1-й Полтавский кавалерийский полк т. Зусмановича, а с ним начальник Уржумского гарнизона тов. Одинцов. В Уржуме снова начала строиться Советская власть.

Член ВКП(б) № 27 545 Сорокин-Махалов (Сормах).

В части, касающейся совместной работы с тов. Сормах в вышеизложенном подтверждаю. Член ВКП(б) № 495 816 Бушков.

ЦДНИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 147. Л. 14, 15, 19, 20. Подлинник.

[1] Сормах (Сорокин-Махалов) Николай Гурьянович (1894—1945) — род. в д. Чакино Теребиловской волости Уржумского уезда. До 1914 г. крестьянствовал в хозяйстве отца, работал кочегаром на пароходе, подмастерьем на постройке судов в Аркульском затоне. В 1915 г. призван в армию, участвовал в боях, награжден Георгиевским Крестом 4-й степени. С июня 1918 по 1919 гг. волостной военный комиссар, командир боевого участка в Ижевском районе, командир роты уездного военкомата, комендант г. Уржума. С 1919 по 1920 гг. в действующей Армии состоял в должности командира роты, батальона, полка. С 1920 г. работал начальником уездной милиции, с 1923 г. — начальником губернской милиции. С декабря 1930 г. — начальник милиции Северного края, с января 1931 г. — начальник управления мест заключения Северного края, с января 1932 г. в течение двух лет работал помощником начальника Московского областного управления исправительно-трудовых учреждений. В 1926 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1927 г. — почетным оружием.

[2] Бушков Василий Феофанович — в 1918 г. был помощником военкомата Теребиловского волисполкома.

ПРИКАЗ КОМАНДИРА ВЯТСКОГО РАЙОНА[1] А. А. МЕДВЕДЕВА О БЕСЧИНСТВАХ ОТРЯДОВ КРАСНОЙ АРМИИ В НАГОРСКОЙ, ЯКШИНСКОЙ, СУЛАЕВСКОЙ, РОХИНСКОЙ ВОЛОСТЯХ ВЯТСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

18 сентября 1918 г.

Из доклада агитатора-организатора, объезжавшего Нагорскую, Якшинскую, Сулаевскую, Рохинскую волости Вятской губернии, выясняется по заявлениям местных Советов следующее:

1. Присланный в Нагорскую волость в июне месяце с. г. отряд красноармейцев избивал крестьян. Начальник отряда облагал налогами крестьян по своему усмотрению, взыскивал и часть отдавал в исполнительный комитет, а часть оставлял себе, не давая отчета исполкому. Наложенный исполкомом налог на богачей и кулаков слагал по своему усмотрению, команда пьянствовала и вела разгульный образ жизни, брала у населения съестные припасы, производила беспорядочную стрельбу.

2. В Якшинской и Сулаевской волостях посланный для реквизиции хлеба отряд красноармейцев пьянствовал, в пьяном виде вел себя непристойно, производил стрельбу по воронам. Начальник отряда взыскал с жителей деревень Караул, Гранники и пр. налог в сумме 4500 рублей и увез с собой.

3. В Якшинскую волость 15-го сего августа приезжал отряд

красноармейцев в количестве 12 человек для реквизиции скота, который открывал беспорядочную стрельбу, избивал жителей и т. д.

4. В Рохинскую волость в конце июля месяца приезжал отряд латышей, который прибыл ночью, потребовал немедленно съестные припасы для людей и фураж для лошадей, причем угрожал арестом и расстрелом исполкома. Во время поездок по деревням отряд избивал крестьян и производил беспорядочную стрельбу.

Указываю на недопустимость повторения вышеуказанных случаев. Виновные будут переданы суду Военно-полевого трибунала.

Командир Медведев

ЦДНИ КО. Ф. 45. Оп. I. Д. 163. Л. 46. Заверенная копия.

[1] Вятский район создан по приказу командующего Северным фронтом М. С. Кедрова от 12 августа 1918 года для укрепления тыла 2-й и 3-й армий Восточного фронта. Границы Вятского района включали Мезень, Сольвычегодск, Ветлугу, Чердынь, Глазов, Яранск, Балахну. Командующим Вятским районом был назначен Александр Александрович Медведев.

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА ГАРНИЗОНА И ОБОРОНЫ ВЯТСКО-СЛОБОДСКОГО РАЙОНА[1] В. К. БЛЮХЕРА ОБ УКРЕПЛЕНИИ ТЫЛА

апрель 1919 г.

Приказом Революционного Военного Совета по войскам № армии* за № 0101 я назначен начальником гарнизона и обороны Вятско-Слободского района.

Приступая к исполнению своих новых обязанностей в тяжелый и ответственный момент напряженных боев на фронте, я твердо верю и знаю, что найду полную поддержку и помощь в трудном деле управления районом со стороны всех истинных революционеров, всех тех, кто кровно заинтересован в упрочении и расширении власти рабочих и крестьян.

Тыл дерущейся на фронте армии должен быть обеспечен условиями спокойного и нормального существования и обезопасен от злоумышленных покушений иностранных империалистов и отечественных контрреволюционеров.

Тыл армии должен быть емким, гибким и трудоспособным. Все праздношатающиеся, фланеры и лентяи должны быть немед-

* Так в документе.

ленно изгнаны в глубокий тыл, в концентрационные лагеря, или же обращены на укомплектование рабочих рот. Очистка армейского тыла от бесполезного и вредного элемента должна быть делом местных советских органов.

Поэтому:

I) Поручаю советским организациям Вятско-Слободского района озаботиться, чтобы все граждане указанного района к 10 апреля имели на руках удостоверения личности и документы, подтверждающие полезность и нужность пребывания их в районе.

2) Предупреждаю всех граждан без определенных занятий, бездельников и фланеров, что в случае их обнаружения в Вятско-Слободском районе после 10 апреля они будут немедленно арестованы и переданы суду Военно-полевого трибунала.

3) Начальствующим лицам всех воинских частей, учреждений и заведений как входящих в состав N армии, так и находящихся в ведении военных комиссариатов приказываю представить к 10 апреля сведения о названии учреждений, кому оно принадлежит, где помещается, фамилия и адрес начальника учреждения и № телефона.

Начальник гарнизона и обороны Вятско-Слободского района, помощник командарма Блюхер

ЦДНИ КО. Ф. I. Оп. I. Д. 134. Л. 16 об. Типографский экз.

[1] По приказу Реввоенсовета 3-й армии Восточного фронта был создан Вятско-Слободской укрепленный район, чтобы предотвратить порыв колчаковцев к Вятке. В его границы входили города Вятка, Слободской, Котельнич и Орлов с окрестностями.

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО 3-й АРМИЕЙ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА С. А. МЕЖЕНИНОВА О НАГРАЖДЕНИИ В. К. БЛЮХЕРА ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

11 мая 1919 г.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил: За доблесть и мужество, проявленные в боях против неприятеля, тов. Блюхера наградить орденом Красного Знамени.

Товарищ Блюхер взялся за меч с первых дней Октябрьской революции. Первое восстание Дутова застает его в Челябинске в должности председателя революционного комитета, занятого формированием красноармейских частей и руководящего боевыми операциями по занятию города Троицка. Это первая боевая страница завидно блестящей его военной карьеры.

При втором восстании Дутова Уральский областной комитет поручил тов. Блюхеру командование восточными отрядами. Эта операция закончилась разгромом Дутова и преследованием его остатков до Тургайских степей.

В мае месяце прошлого года тов. Блюхер стоял во главе революционных войск (Екатеринбургский полк, Челябинский отряд и мусульманский регион), отправленных на Оренбург. В течение двух недель энергичных и упорных боев войска, руководимые тов. Блюхером, очистили окрестности Оренбурга от восставших казаков.

В это время предательское восстание чехо-словаков отрезает отряд тов. Блюхера от Советской России. Сознавая ответственный момент, тов. Блюхер с отрядом в 900 штыков, 350 сабель и 6 орудий принимает отважное решение двигаться через В.-Уральск на Кыштым, но по дороге, вследствие изменившейся обстановки, меняет маршрут и двигается на Белорецкий завод. Здесь к нему присоединяются отряды Верхне-Уральский и Троицкий. Приняв командование над всеми отрядами, сведя их в строевые единицы, тов. Блюхер начинает свой героический поход для присоединения к Уральской армии. Беспрерывный ряд боев в тылу противника, при полном окружении им наспех сколоченного отряда, предъявил к тов. Блюхеру исключительные требования выдающихся качеств военноначальника. Блестящие результаты прорыва к своей армии и целый ряд крупных побед по пути очень хорошо известны всем и красноречиво говорят о том, что требования эти были удовлетворены полностью.

Железная сила воли, выдающаяся личная храбрость, военный талант, организаторские способности и обаяние личности — вот элементы, из которых создалась блюхеровская слава — блюхеровские орлы.

Вручая Вам, Василий Константинович, эту высокую награду, Военный Совет 3-й армии, следивший с восхищением за боевой Вашей деятельностью уже в рядах ее, в боях с упорным врагом, видевший Вас в цепи и в штабе, в пороховом дыму и в оперативном кабинете, с глубокой радостью и гордостью поздравляют Вас с заслуженной наградой и крепко верят, что она послужит залогом новых блестящих успехов на мощь и славу родной нам 3-й армии.

Командующий армией Меженинов

Член Совета Трифонов

Начальник штаба Алафузо

ЦДНИ КО. Ф. 45. Оп. I. Д. 175. Л. 16—17. Копия.

А. ФИЛЕВ

БЫЛО В НОЛИНСКЕ

Сафаней Вьершов в тот день был особенно деятелен. То он скакал на телеграф с каким-то важным поручением, то, скособочась, сопровождал по городу карательную тройку, хвалясь, что он, мол, сам уже шашкой срубил милиционера...

Узнав, что комиссары с бойцами, забаррикадировавшись в военкомате, настойчиво сопротивляются, что уже ранен заместитель Степанова, который командовал взятием города, Вьершов понял — дошла пора до него.

Подъехав к военкомату и окинув беглым взглядом площадь, на которой уже валялись убитые, он выругался и, соскочив с седла, подбежал к столпившимся у водокачки солдатам.

— Чего ждете? Надо наступать, а вы?!.

— Попробуй, наступи, вон сколь наших положили...

— Командира даже вывели из строя...

— Пре-кра-тить разговоры! — оборвал Вьершов. — Я теперь буду за командира!...

Он выхватил из растопыренной на боку кобуры револьвер и, размахивая им, побежал к зданию. Солдаты, подбодренные неожиданной решимостью прапорщика, взяли винтовки наперевес и тоже кинулись было за ним. Но в этот момент где-то рядом цвиркнули пули. Сафаней Вьершов крикнул что-то и вдруг ткнулся лицом в землю, но тут же вскочил и, поддерживая руку, побежал обратно, к будке, увлекая за собой и остальных.

— Не взять их нам так-то, — тоскливо подосадовал кто-то из солдат. — Они же каждого на мушке держат, а мы в пустые окна дуем.

— Неправда, возьмем! — ответил Вьершов. — Осаду не снимать! — Поднявшись с помощью солдат на лошадь, он погрозил в сторону военкомата: — Мы еще покажем, где раки зимуют! — и куда-то ускакал.

Вскоре к осажденному военкомату подвезли ржаные обмолотки. Вихаревцы снова открыли по степановцам огонь. По команде возвратившегося Вьершова солдаты, прижимаясь к стене, чтоб уберечься от пуль,начали подтаскивать снопы к парадному крыльцу. Сафаней Вьершов, стоя у водокачки, поторапливал:

— Живей, живей...

Когда степановцы обложили крыльцо снопами, низенький кривоногий звонарь Прошка Морало, только что утром выпущенный Сафанеем из тюрьмы, подобрался к крыльцу и, припав на колено, чиркнул спичку. Огонь трепетно побежал по сухой соломе. И вдруг снопы разом охватило пламя, оно со зловещим треском поползло по белым крашеным косякам вверх.

— Ага-а, теперь выкурим, — злорадствовал Вьершов. — Теперь сами в окна полезут, как миленькие...

Вслед за соломой занялось крыльцо, запылали косяки, двери. Но, к удивлению степановцев, огонь во внутрь здания не пошел.

— Не может быть, чтоб не взять! — все больше ожесточаясь, злился Сафаней Вьершов. — А ну, Пьянков, Куракин, Прошка... Кто там наши есть? За мной! — и, повернувшись, поехал на склад к купцам Небогатиковым.

Осада военкомата продолжалась весь день.

К вечеру, когда уже начали сгущаться сумерки, к площади подвезли две бочки керосину. Привезли еще воз ржаных обмолотков. От каланчи к водокачке подтянули на лошадях пожарную машину.

— Распускай кишку быстрее, — командовал Сафаней Вьершов. — И солому вон туда кидай, вдоль стены... Да не бойся, — и выхватив левой рукой револьвер из кобуры, погрозил солдату: — А ну, вперед!

— Они же стреляют!

— А ты думал, теща тут для тебя блины пекет? — огрызнулся Вьершов. — Приказываю не оглядываться! А то я сам спишу тебя с довольствия, — и, повернувшись, проковылял к пожарной машине. — Чего застопорились? Качайте вон в то окно... середнее... Не хватит керосину — добавим!

В окно, из которого вихаревцы вели пулеметный огонь, ударила тугая струя, и керосин, обрызгивая стены, начал разливаться по полу казармы светло-маслянистым полоем.

— Перебирайтесь в соседнюю! — поняв замысел степановцев, крикнул Вихарев и, ухватившись за ствол пулемета, потащил его к порогу.

А в это время по водосточной трубе вверх уже карабкался Прошка Морало. За пояс у него был прицеплен ржаной сноп. Добравшись до второго этажа, он поджег сноп и, ловко кинув его в проем окна на пол, залитый керосином, спустился обратно.

Огонь мигом объял комнату. Густые, черные клубы дыма вырывались наружу и застилали окна третьего этажа, откуда все еще отстреливались вихаревцы.

В расстегнутой гимнастерке, без ремня, с темным от копоти лицом Вихарев стоял посреди комнаты. Он отчетливо понимал трагичность положения. Еще час назад он верил, что они продержатся до утра — у них есть патроны и гранаты, и они белогвардейцев не пустят в дом, а там подоспеет и подмога. Но сейчас, когда здание охватил огонь, надо принимать другое решение: надо спасаться, и в первую очередь — спасать людей.

Хорошо, что ночью каким-то чудом удалось вывести через заднее крылечко женщин и детей — семьи военнослужащих, жившие на третьем этаже. Теперь нужно спасать бойцов... Но как? Здание уже блокировано со всех сторон...

Вихарев выбежал в коридор, заглянул в комнату, выходящую во двор, подбежал к окну: внизу, в щербатых отблесках огня, виднелись кусты малины, за кустами в темноте угадывались огороды, спускавшиеся под уклон к Слободке.

Вернувшись, он крикнул:

— Спасайтесь, товарищи! Еще можно в окна... по водосточной трубе...

— А ты, товарищ комиссар?

— Я пулеметом буду прикрывать.

Бойцы молча переглянулись.

— Ну нет, комиссар, — возразил Семен Мурин. — Мы не оставим тебя!

— Приказываю спасаться! — снова крикнул Вихарев.

— Приказывайте другое, комиссар, — раздался рядом с ним женский голос — это была Ксена в красной рваной кофтенке. — Приказывайте, будем бить белых гадов! У нас еще ни одного раненого, а у них весь двор завален.

— Сколько у нас патронов?

— Есть еще, комиссар!

— За оружие! — крикнул Вихарев и, подбежав к пулемету, опустился на колени.

— А ну, патроны, Ксена, патроны...

Девушка метнулась в дальний угол к ящикам.

Красные гривастые языки пламени по стенам уже добрались до третьего этажа и, потрескивая, жадно облизывали косяки окон. С каждой минутой становилось труднее дышать.

Где-то внизу треснули балки, и Вихарев понял: вот-вот рухнет пол.

— За мной, товарищи! — воскликнул он и бросился к двери.

Из соседних комнат огонь уже вырывался в коридор, казалось, вот-вот он перекроет единственный проход в другой конец здания.

— В подвал!

Оглянувшись, Вихарев увидел Мурина, Степу Кудрина, Ксену... Нащупав в темноте скобу, он рванул дверь.

— Сюда-а! — и метнулся по узкой винтообразной лесенке в подвал со сводчатым бетонированным потолком.

Вихарев надеялся, что огонь все же не доберется туда, пусть даже рухнут потолки и полы верхних этажей. Но как только он вбежал в подвал, его обдало удушливым едким дымом. Закашлявшись, он бросился к водопроводу, судорожным движением открыл кран. На пол хлынула освежающая струя воды. В это время в развороченное маленькое квадратное окошко кто-то с улицы швырнул горячий сноп, облитый керосином.

— Пробивайтесь, братцы, на ту сторону, во двор! — прижатый дымом к залитому уже водой полу, закричал Вихарев. — Отстреливайтесь, сколь можете!.. Спасайтесь!..

Зажимая ладонью глаза, Вихарев подполз к стене и, ухватившись за подоконник, приподнялся на руках: кажется, к счастью, вокруг никого нет. Собрав остаток сил, он поднялся на подоконник и только хотел выскочить, как кто-то схватил его за руку и, словно желая помочь, вытащил наружу.

— Расступись, я Вихарев! — увидев подбегавших людей, взмахнул он

револьвером, и вдруг среди них в отблесках пожара увидел худенькое веснушчатое лицо Лаврушки.

— Не трожь, это наш комиссар! — крикнул мальчик и преградил путь отцу, бежавшему к Вихареву с железной тростью.

— Пошел вон, щенок! — Прошка откинул в сторону сына.

В это время уже кто-то успел набросить на шею Вихарева веревку.

— Тащи его в штаб! — подбежав с факелом в руках, охрипшим голосом крикнул Сафаней Вьершов и, осветив потемневшее лицо комиссара, злорадно бросил:

— Попался, наконец-то!

Филев А. А. Живос — живым: Роман. Киров, 1968. С. 144—148.

ПИСЬМО ВЕТЕРАНА 51-й ПЕРЕКОПСКОЙ ДИВИЗИИ ШУМОВА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ВЯТСКАЯ ПРАВДА» С ВОСПОМИНАНИЯМИ О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ДИВИЗИИ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

не позднее мая 1919 г.*

Весна 1919 года. Единственное в мире пролетарское государство — Советская республика — окружено плотным кольцом контрреволюционных белогвардейских банд. На Восточном фронте, в районе Пермской железной дороги, части нашей Красной Армии под напором колчаковцев уже отошли в район Глазова. На территории нынешнего Омутнинского уезда белые заняли Песковский и Залазнинский заводы, подойдя вплотную к Омутной. В Омутнинском заводе невиданное для жителей явление: завод окружен окопами и переполнен вооруженными людьми. Расположились в заводе 22-й Кизеловский горный и 61-й Рыбинский полки Особой бригады 3-й Красной Армии**.

Внешний вид бойцов безотрадный: полураздетые, оборванные, полубосые, кто в рваной шинели, кто в рваном полушубке, некоторые в штатских пиджаках и кожаных куртках. Пища бойца — конина, полуиспорченная солонина и весьма ограниченная порция житного с примесями черного хлеба.

Настроение же большинства совершенно противоположно их внешнему виду. Почти все без исключения буквально ждут приказа

* Документ датирован по содержанию, дата написания воспоминаний — 26 июля 1929 г.

** Особая бригада при организации впоследствии 51-й дивизии вошла в ее состав 1-й бригадой, 22-й Кизеловский полк вошел с переименованием в 452-й Кизеловский полк. (Примеч. автора).

о наступлении, и в разговорах бойцов слышится твердая уверенность в успехе нетерпеливо ожидаемого наступления.

Весна, войдя в свои права, остановила активные боевые операции и приостановила также натиск колчаковцев.

Но вот белые начинают шевелиться и давать о себе знать. В одну из ночей начала мая (в дни религиозного праздника Пасхи) они задумали пощупать состояние боеспособности частей внезапным налетом, делая попытку захватить Омутнинский завод. Но не тут-то было! Если в зимнее время они, имея преимущество перед нашими частями наличием организованных лыжных команд, свободно перемещающихся по целине снега, обходами наших частей с тыла успешно теснили их, в данном случае, оказавшись в равных условиях передвижения, они сразу получили жесточайший свинцовый отпор бойцов 22-го Кизеловского полка, и после 2—3-часовой перестрелки вынуждены были отойти.

Через несколько дней 22-й Кизеловский полк получил задачу повести решительное наступление и во что бы то ни стало сбить белых с ряда пунктов в районе реки Вятки и по Глазовскому тракту в районе Омутнинского завода и занять этот завод. Настроение бойцов получило, наконец, удовлетворение. Полк вышел в наступление.

Надо сказать, что белые укрепились довольно хорошо и вели оборону убийственно. Однако, ни хорошо устроенные белыми окопы, ни проволочные заграждения и деревянные засеки, ни ураганный картечный огонь трехдюймовок и пулеметный — пулеметов не смогли сломить боевого энтузиазма бойцов-кизеловцев и остановить их стремительный натиск. Бойцы были охвачены таким энтузиазмом, что даже в цепях, не взирая на огонь противника, играли гармоники и на ходу отхватывали залихватские комаринские и гопаки. При этом смешно было смотреть на попытки белых разложить настроение бойцов разбрасыванием прокламаций примерно такого содержания: «Братья красноармейцы! Большевики и комиссары обманывают вас. Не верьте им! Они продали Россию немцам и отдали власть жидам. Скоро им конец...» и т. д.

Над этими прокламациями просто глумились и рвали их. В результате полк с честью выполнил заданную ему задачу. Решительным и быстрым натиском бойцов Залазна была взята.

Удар полка был настолько быстр и решителен, что белые были ошеломлены. Некоторые тыловые офицеры, например, комендант Залазны, бежали в одном белье. Немало было захвачено у белых оружия и огнеприпасов и даже одно легкое орудие. Брешь на этом участке фронта кизеловцами была пробита, и от отступле-

ния после весенней передышки части нашей Красной Армии перешли к победоносному наступлению и уничтожению колчаковщины.

Ветеран 51-й дивизии Шумов

ЦДНИ КО. Ф. 45. Оп. I. Д. 191. Л. 15—17. Подлинник.

А. МИЛЬЧАКОВ

КРАСНОАРМЕЙЦЫ

Поэма

Я вспоминаю: год двадцатый,
Над дымной станцией — рассвет.
Нам было — каждому солдату —
Тогда по восемнадцать лет.
Мне не забыть, как парень в очи
Любимой девушке глядел,
«Последний нынешний денечек»
Ей под свою тальянку пел.
Мобилизованным ребятам
Была разлука нелегка.
Скорей уехать бы! Набатом
Вдруг прозвучали три звонка.
И вот поплыли перед взглядом:
Перрон с людьми, вокзал во мгле,
Покрашенные охрой склады,
Мелькнула будка на бугре.
В окошках вскоре закрутилась
Берез и елок карусель.
Лесов лиловых даль открылась.
Всходило солнце. Был апрель.
Весна гналась за эшелоном,
Пытаясь заглушить всерьез
Своими голосами сонный
Речитатив стальных колес,
Ломилась в окна, лезла в щели.
От самой Вятки до Свечи,
Как сумасшедшие, галдели
Неугомонные грачи.
И поезд вез нас, новобранцев,
На фронт. Мы видели в пути
Пустые водокачки станций,
Заводы, мертвые почти,
Зеленоватые пригорки.
Мы подружились меж собой,

Делясь и крошками махорки,
И хлеба коркою сухой.
А ввечеру, когда чуть тлели
На горизонте облака,
Мы в сорок крепких глоток пели
Про атамана Ермака.
Я помню Мценск в огне заката
И тихий Белгород в дыму,
Где мы — безусые ребята —
Влились в дивизию одну
И в бой пошли святой и правый
За власть рабочих и крестьян.
Встречали нас свинцом дубравы,
Снарядами — степной туман.
Мы бились за донбасский уголь,
За украинский бились хлеб.
Полтавский парень стал мне другом,
Когда форсировали Днепр.
Нас окружали злые ночи,
И звезды, разъедая мглу,
Смотрели в окна, точно волчьи
Глаза, прилипшие к стеклу.
Был чуток сон. Труба горниста
Будила полк. И вновь, горя,
Вставала на ноги неистовая
Пунцовая заря.
И освещала дол зеленый
И хуторянина жилье,
И полыхала над колонной
Она. И в пламени ее
Мы снова видели начдива,
Известного в любой семье.
Шли в бой за ним по нашей дивной,
Но кровью политой земле,
Дорогой ратною прямою.
Всем черным силам вопреки
Теснили мы упорно к морю
Барона Врангеля полки.
Когда же брали мост Чонгарский,
Я вспоминаю, как нас всех
Свистящей шашкою сивашской
Остервенелый ветер сек.
Белогвардейцев смял наш натиск.
Далась победа нелегко.
В бою погиб мой друг-романтик
Полтавский парубок Грицко.
Был враг разбит и в море сброшен.
Дивизии был отдых дан.

Стояли мы под Запорожьем,
Когда приехал Фрунзе к нам.
Плечо к плечу — в шеренги слиты,
Мы на параде перед ним
В ремни затянуты, побриты,
Рубили шагом строевым.
В глаза ему смотрели смело.
Нам было хорошо идти.
От шага нашего гудела
Вся степь. Алели впереди
Всех девяти полков знамена
И колыхались на ветру.
Дивизия побатальонно
Шла, растянувшись на версту.
Командующий фронтом замер,
Держа ладонь у козырька,
Он, право ж, любовался нами —
Шли регулярные войска!

Мильчаков А. И. Стихи и поэмы. Киров, 1971
С. 25—27

X. БОИ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939—1940

Герой Советского Союза
П. МИХАЛИЦЫН,

В БОЯХ ЗА РОДИНУ

Во время боев с белофиннами я командовал разведывательной ротой. Хорошо помню первый бой. Я получил от командира полка задачу выйти в район N и уничтожить группировку противника. Задача была нелегкая. Полк шел одной дорогой, а нашей роте пришлось идти лесом, снежной целиной. Прошли около 8 км без дорог и тропок, по колено в снегу. Стали подходить к населенному пункту. Белофинны не ожидали нас и, заметив, открыли беспорядочный огонь. Их численный состав имел двойное превосходство, к тому же они были в заранее подготовленных окопах. Я принял решение: окружить. Бойцы быстро зашли на фланги и в тыл. Враг не выдержал натиска и стал отступать на озеро, а там их окончательно настигли советские пули и штыки.

Однажды командир полка поставил задачу: зайти в тыл и уничтожить противника. Я объяснил приказ личному составу. Все, как один, поклялись отомстить за смерть храброго комсомольца тов. Насонова, погибшего накануне. Выступили в 2 часа ночи. И вот потянулись цепочкой 55 бойцов. Темная ночь, густой лес укрывали нас. Линию сторожевых постов противника прошли незамеченными. Около 3 часов ночи позади послышалась стрельба: это одна из наших рот вступила в бой с противником. Вскоре на передовые позиции белофинны выбросили помощь в составе стрелковой роты, и с этой ротой нам пришлось столкнуться в лесу.

Белофинны, не подозревая, что здесь есть часть Красной Армии, беспечно курили и разговаривали. Весь разговор мне немедленно переводили красноармейцы-комсомольцы тт. Лескиев и Пахомов. Бойцы развернулись на опушке леса. По сигналу открыли огонь из винтовок и пулеметов, весь бой продолжался 6—7 минут, и от белофинской роты ничего не осталось. Но задача еще не решена. Быстро идем дальше.

Впереди показались первые дома. Видно, как расхаживают часовые белофиннов, как перебегают солдаты. По ним можно установить, где штаб. Быстро ориентируясь, я отдал распоряжения о снятии часовых, и по сигналу в окна полетели гранаты.

Батальон белофиннов был уничтожен. Когда рассветало, на машинах прибыл еще один батальон противника. Видимо, почувствовав что-то не-

ладное в деревне, они остановили машины на опушке леса и выслали разведку. Завязался короткий бой. Белофинны решили наступать на деревню. Я посмотрел на своих боевых друзей и увидел в них такую силу, уверенность, которой не страшны целые полки.

Противник наступал двумя эшелонами. Я отдал распоряжение прекратить огонь. Враг обнаглел и уже не перебегает, а идет в полный рост. И когда осталось метров 200, мы открыли такой шквал огня, что враг сначала залег, а потом стал отходить назад. Так, раз за разом 55 советских бойцов отбили четыре атаки 600 белофиннов.

Много замечательных примеров героизма, мужества и находчивости проявили бойцы в боях с белофиннами. Особенно памятен еще один эпизод.

Было получено задание: «Выйти в район N, занять его и удерживать до прихода полка». Для выполнения задачи надо было совершить 20-километровый обход лесом. Ночью мы достигли назначенного пункта и с дистанции 80 метров попали под обстрел врага. Пришлось залечь. Из первых четырех домов били пулеметы. Было не ясно, каковы силы противника. Решил разведать лично сам. Вместе с младшим лейтенантом комсомольцем Мишей Сизовым, с гранатами поползли вперед. Белые халаты, глубокий снег и ночь скрыли от противника наши действия. Вот первый дом, откуда бьет вражеский пулемет. Размахиваемся, и две гранаты полетели в дом. Пулемет захлебнулся. Так были приглушены все пулеметные гнезда.

Наша рота заняла исходные позиции. Из деревни открылась беспорядочная стрельба. Силы оказались далеко не равными, но отступать не в наших правилах. Решили применить военную хитрость. Красноармеец тов. Лескиев громко, отчетливо подал команду: «Первая рота наступать прямо, вторая — вправо, третья — влево. Пулеметная рота — открыть огонь!» Белофинны поддались нашей хитрости и отступили, бросая оружие, боеприпасы, транспорт.

Партия и правительство высоко оценили действия нашего полка и наградили орденом Красного Знамени, а рота, которой я командовал, сейчас имеет 33 орденоносцев и трех Героев Советского Союза. Большинство награжденных — комсомольцы.

Комс. племя. Киров, 1941. 23 февр. (№ 26). С. 4.

Е. РЕШЕТНИКОВА

НА ПОЛЕ БОЯ

В детстве я очень увлекалась книгами про войну. С упоением читала о героических походах Красной Армии, о легендарных наших народных героях — Чапаеве, Фрунзе, Лазо. Я мечтала: когда вырасту, обязательно буду участвовать в боях.

Годы шли. После школы я пошла учиться в медицинский техникум.

В августе 1939 года я вышла замуж за старшего политрука Александра Решетникова. Знали мы друг друга еще с детства, вместе учились в Уржуме, а потом он уехал продолжать образование в Ленинград. Шесть лет мы вели

оживленную переписку. Когда я закончила техникум, мы поженились, и я переехала в Ленинград.

30 ноября радио известило о том, что войска Ленинградского военного округа, выполняя волю народа, перешли границу Финляндии. Взволнованная, я побежала к женоргу тов. Гавриловой, а от нее — в штаб округа. Просила послать меня на передовые позиции. Мне дали направление, я выехала на фронт поездом, потом пересела на автобус. В штабе мне выдали обмундирование и зачислили лекарским помощником. Неожиданно встречаю знакомого командира. Обрадованная, расспрашиваю о фронтовых делах. Он подробно мне рассказывает и сообщает, что Саша тоже здесь, в гаубичном полку. Я пошла проситься в эту часть. Начальник, увидев меня, спрашивает:

— Кто вы, мальчик или девочка?

Я — маленькая, круглолицая, стриженая, в мужском костюме — выглядела, наверно, очень смешно. Не растерявшись, отвечаю:

— Не мальчик и не девочка, а взрослая женщина; закончила медицинский техникум.

— А вы знаете, что эта часть расположена на передовых позициях?

— Знаю...

Ехала всю ночь. К 7 часам утра прибыла в часть. Темно. Кругом густой, высокий лес. Настороженная тишина. Люди разговаривают друг с другом вполголоса. Приглядываюсь, расспрашиваю. Где-то близко в лесу трещат пулеметы, изредка грохают орудия.

Я доложила о своем прибытии. Стараюсь держаться по-военному Где-то поблизости был Саша, но я даже не подумала об этом, очень волновалась: каждую минуту могут появиться раненые. Справлюсь ли я, не растеряюсь ли?

Наступил рассвет. Вскоре загрохотала наша артиллерия. Белофинны стали отвечать. Воздух наполнился сплошным гулом. Вокруг рвались снаряды и мины. Люди укрылись в блиндажах. Я выглянула, нет ли раненых. Вдруг рядом разорвался снаряд, один камандир на бегу зашатался и упал в снег. Я выбежала из блиндажа, наклонилась над ним. Его осколком ранило в голову. Осматриваю — кости не задеты, осколок только скользнул по черепу, рана неопасная. Раскрываю индивидуальный пакет, быстро перевязываю своего первого раненого. А сердце колотится, руки дрожат от волнения.

Командир спрашивает:

— Какое ранение, сестричка?.. Опасное?

Отвечаю:

— Нет, скоро поправитесь.

Помогла ему дойти до блиндажа, вызвала санитарную помощь, отправила раненого в тыл...

Вскоре встретила мужа. Смотрит на меня и не узнает. Я не выдержала и рассмеялась. Он бросился ко мне, затормошил.

— Ленка, ты ли это?

Узнав, что я приехала в часть работать, сказал:

— Вот это дело!..

Потом заболел наш военфельдшер, его отправили на самолете в госпиталь. Я осталась одна с санитарными инструкторами. Каждый вечер проводила в землянках групповые и индивидуальные беседы с бойцами. Рассказывала им, как надо поступать при различных ранениях, как уберечь раненого от заражения крови, проверяла, знают ли они, как обращаться с индивидуальным пакетом, оказать себе и товарищу первую помощь на поле боя.

В часы затишья Саша обучал меня верховой езде.

11 февраля начался штурм укрепленного района. Во время боя я была на командном пункте. То и дело вызывали к раненым. Однажды по телефону передали, что ранен политрук Решетников и что его отправили на медицинский пункт. Хотелось плакать, хотелось немедленно бежать туда, узнать, что же с моим Сашей. Но работы было много, с поста уходить нельзя. Крепилась.

После боя направилась искать Сашу. У него оказалось тяжелое ранение — прострелено легкое. Увидев меня, он произнес одно лишь слово: «Лена!», дальше говорить не смог. Он тяжело дышал, изо рта шла кровь.

Я сопровождала его и других раненых на санитарной машине. Пятнадцать километров держала мужа на руках — ему вредна была тряска. Он держался стойко, не стонал. Когда его отправляли на самолете в Ленинград, я спросила:

— Саша, может быть, поехать с тобой?

Он посмотрел на меня и покачал головой:

— Я скоро поправлюсь и вернусь...

Проводила его и в тот же день возвратилась в часть.

Бои продолжались. Под сокрушительными ударами частей Красной Армии пала линия Маннергейма. Работа у нас все время была горячая. Изредка приходили успокаивающие письма от Саши. Иногда писала за него сестра, один раз он написал сам. Муж успокаивал меня, сообщал, что поправляется.

Но вот однажды вечером ко мне в землянку пришел командир и принес телеграмму. Читаю: «Состояние ухудшилось. Приезжайте».

Я смотрю на командира и вижу у него в руке еще один телеграфный бланк... У меня сжалось сердце.

Не глядя на меня, командир подает вторую телеграмму. Саша умер!..

А тут поступило сообщение: враг капитулировал, подписан мир. В 12 часов смолкла стрельба. Кругом радость. Люди поздравляют друг друга, обнимаются. А на меня взглянут и затихнут.

В тот же день я выехала в Ленинград. Приехала как раз к похоронам. Простилась навсегда со своим любимым другом и с горестным чувством снова вернулась в свою часть. Товарищи по работе понимали мое состояние — их чуткость трогала до глубины сердца.

После отвода войск меня перевели в Ленинградское краснознаменное артиллерийско-техническое училище. Правительство высоко оценило мою работу на фронте, наградив меня орденом Красного Знамени.

У меня растет маленькая дочурка Саша. Это моя радость и утешение. Я воспитываю ее и учусь без отрыва от работы — повышаю свою квалификацию. Если потребуется, снова встану в ряды защитников родной страны.

Бои на Карельском перешейке. М., 1941
С. 391—392.

Л. РАХМАНОВ

1939—1941

В двадцатых числах ноября 1939 года, когда уже заканчивалось очередное заседание секретариата Ленинградского отделения Союза писателей, в кабинет быстро вошел высокий человек в коричневом пальто — это был Алексей Александрович Кузнецов, первый секретарь горкома партии.

— Вы что же это, товарищи писатели! — сказал он, довольно резко. — Постановление о затемнении вас не касается?

За несколько дней до этого в городе началось — в учебном плане — затемнение окон и уличных источников света. И вдруг оказалось, что Дом писателя не затемнен... Ну, тут сразу же наш Величкин (оргсекретарь ЛО СП) отдал соответствующие распоряжения, а Кузнецов снизил тон и сказал:

— Вы тут все заседаете... Вот проучим наших соседей — опять заеду к вам, посмотрю, чем вы тут заняты...

Он еще немного поговорил с нами, энергично, решительно, но дружелюбно, и уехал, сказав, что едет в штаб округа. Вскоре после него и мы с Бяликом поехали на машине домой, на Васильевский остров. Проезжая по Дворцовой площади, мы увидели, что здание Главного штаба освещено снизу доверху — ни одно окно не затемнено!

В конце ноября в том же здании штаба округа нас экипировали: Бялик, Герман, Слонимский, Чумандрин, Н. Никитин и я получили воинскую одежду. Получив маленький, узкий черный футлярчик, я спросил: — А это что? — Медальон смерти,— ответил Чумандрин. — Это когда у тебя кишки выпадут, то чтобы знали — чьи.

Через несколько недель Чумандрин был убит. К концу своей жизни, после ликвидации РАППа, он был вообще фигурой трагической...

В ночь с 30 ноября на 1 декабря, из местечка Юкки под Ленинградом, будучи причислены к военной газете «Боевая красноармейская», мы с Бяликом, Германом, Слонимским и фотокорреспондентом Марком Редькиным (в ту зиму он подписывался — Марк Редкин и лишь в войну 1941—45 гг. вернул себе мягкий знак) выступили в поход. Вместе со стрелковой дивизией мы пересекли ближнюю границу Финляндии. Запомнился первый шаг за рубеж: с той и с другой стороны росла рябина, густо усыпанная ярко-красными ягодами; ягоды подморозило, и потому они были особенно вкусными. И в то же время мелькнула дикая мысль: а что

если на той стороне они... отравлены? Понимал, что это фантастическая чушь, и тем не менее разрешил себе две-три секунды с неприязнью оглядеть эти нарядные, но «чужие» рябины..

На финской заставе было пусто, на снегу виднелись следы босых ног, в доме разбросаны на полу игральные карты, о чем не преминули написать в своих корреспонденциях все военкоры, не забыв подчеркнуть небывалую длину прыжков бежавших с заставы финских пограничников.

До так называемой линии Маннергейма финны не оказывали нашим войскам серьезного сопротивления, многие дачные домики по бокам шоссе были запущены, заборы повалились — видно, что приграничные обитатели давно убрались подальше. Очень скоро Молотов по радио объявил о создании Карело-Финской республики с временной столицей в Териоках и с Куусиненом во главе правительства, и мы в машине ЛенТАСС сразу же ринулись в Териоки. Никакого правительства мы там не обнаружили, но зато заняли под Карело-Финское отделение ТАСС домик местного нотариуса и чудно в нем переночевали, чувствуя себя в полной безопасности. Кстати, обманчивое чувство безопасности, испытывали мы и тогда, когда ночевали в нашей ЭМК'е в лесу... Вот что значила наша военная неопытность! Помню, мне гораздо больше мешал безумный храп Редкина, сотрясавший машину.

Кстати, в лесах, на деревьях, бывало таились «кукушки» — меткие финские стрелки, без промаха убивавшие наших командиров. Однажды, ночуя в Райвола, мы вдруг услыхали близкие выстрелы. Выскочив на крылечко, увидели возле него двух убитых танкистов, — очевидно, вышли из дома до ветру, и финские лыжники их застрелили, — на снегу виднелись лыжные следы. Из той же Райволы мне надо было отвезти в Ленинград корреспонденции, а машины под рукой не было. До Териок я шел пешком по железнодорожному полотну. Сперва встретился наш патруль, который мне посоветовал снять с петлиц знаки различия. Затем я увидел медленно двигавшийся мне навстречу бронепоезд; перед паровозом поставлена была платформа с бойцами, державшими винтовки наперевес. — Впереди все в порядке? — спросил меня лейтенант. Я его успокоил (у меня-то не было даже револьвера), а уж после подумал: как хорошо, что они не приняли меня за переодетого финна! Из Териок я поехал уже поездом.

Больше двух месяцев понадобилось для того, чтобы прорвать сильно укрепленную линию обороны финнов, и лишь 12 марта был заключен мир. В Москву прибыл для переговоров и подписания договора Паассикиви, имя которого потом не раз фигурировало в различного рода дружеских связях с Финляндией. Лично мне эта недолгая война дала некоторый военный опыт, который пригодился через полтора года. Но это уже особый рассказ, и начать его надо с 22-го июня 1941 года.

Этот день я провел в Келломяках на даче, работая над самым мирным сценарием о Чарлзе Дарвине, ни разу не включал радио, не слышал выступления Молотова, и лишь в 6 часов вечера наша семья узнала, что началась война. Мы с женой сразу же отправились к Германам — их дача находилась километрах в двух от нас. Таня Герман в тревоге металась по своему участку: Юра уехал в Ригу... Где он сейчас? что с ним? когда он вернется?.. Зашли к Штейнам и Лавреневым: все слушали радио — приветствие Черчилля, исступленный лай Геббельса. На обратном пути увидели на

вокзале, как Шостакович бежал через пути к поезду: в обеих руках узлы из одеял, кепка упала козырьком на нос, вслепую бежит, высоко поднимая ноги, чтобы не запнуться за рельсы... Мог ли я себе представить, что этот растерявшийся человек через полгода напишет в блокадном Ленинграде 7-ю симфонию!

На другой день, рано утром, я уехал из Келломяк с двумя связками книг (как всегда, книг!). Днем явился в Василеостровский военкомат и получил назначение на Северный фронт, в армейскую газету «Часовой Севера».

24 июня 1941 года жена проводила меня в Мурманск. Никого не было кроме самих отъезжающих и сына Бражнина. Все отъезжающие находились в разных вагонах. Той же «Полярной стрелой» отправились еще пять ленинградских писателей — прозаик Илья Бражнин, юморист Михаил Левитин, поэт Владимир Заводчиков, Бронислав Кежун и критик и литературовед Костелянец. Помню, перед самым отходом поезда Илья Бражнин снял с себя летнее пальто и накинул на плечи сына — через несколько недель сын был тоже мобилизован и вскоре убит... Мы с Ильей Яковлевичем попали в один вагон и устроились на узкой боковой багажной полке третьего яруса, привязавшись ремнями к трубе отопления и положив друг на друга ноги, — так тесно было в вагоне и такие мы с ним были длинные.

Утром, на одной из редких станций, мы вышли из вагона поразмяться, подышать свежим воздухом и сразу увидели Мишу Левитина. В светлом летнем костюме, с безупречным пробором в блестящих черных волосах, он прогуливался по перрону и с улыбкой нам сообщил, что едет вдвоем с генералом в отдельном купе мягкого вагона. Не успели мы ему позавидовать, как вдруг Миша схватился за глаз: уголек попал ему под веко, и до самого Мурманска он так и не мог от этого уголька избавиться.

И вот мы все шестеро явились в газету, помещавшуюся в Гарнизонном Доме Красной армии, надели военную форму и приступили к работе. Еще через два-три дня прибыл из Москвы поэт Александр Коваленков, именно **прибыл** — он и обмундирован был куда справнее нашего. Упоминаю об этом потому, что недавно прочел в воспоминаниях полковника А. И. Бескоровайного «Строки — тоже оружие», как подбирали для нас подходящее обмундирование:

«Рахманов — высокий, стройный. Подобрать для него форму и в самом деле нелегко. Все имеющиеся у нас гимнастерки ему были коротки. Пришлось отрядить Ивана Страхова (старшину типографии. — **Л. Р.**) на армейский вещевой склад. Вернулся он оттуда сияющий: нашел все, что нужно... Статьи и заметки Леонида Рахманова о героях боев в Заполярье стали регулярно появляться в нашей газете».

Конечно, не Мурманск предоставлял материал для моих заметок. Хотя мне было интересно увидеть столь изменившийся с 1930 года портовый городок (за десяток лет, что я не бывал здесь, он вырос вверх и вширь), но я понимал: писать редакционные передовые — это совсем не то, что самому побывать на передовой! Поработав с неделю в редакции, я отправился на юг полуострова, где шли бои на Кандалакшском направлении. Там я встретился с Коваленковым, и мы с ним, вместе и порознь, писали и отсылали в газету свои очерки. Случалось, по часу томились у переправ,

гадая, что раньше наступит — налет вражеских самолетов или же наша очередь перебраться на грузовике со снарядами через разлившуюся горную речку Повидали взятых в плен немцев, не финнов, а именно немцев, что нам было особенно любопытно, и потому мы в охотку о них написали.

Вернувшись к концу июля в редакцию, я легко получил согласие начальства заменить Мишу Левитина, которого, было, намеревались послать на северное, мурманское направление: я видел, что он с успехом налаживает в газете отдел юмора, а мне вовсе не улыбалось оставаться в городе

Когда я на боте пересекал залив, внимание привлекли двое младших лейтенантов, не разлучавшихся ни на минуту Видно было, что их сближало не то землячество, не то совместная учеба, либо и то и другое Так оно и оказалось Когда через день мы добрались по каменистым дорогам до линии фронта (страшно было смотреть, как трясет, как подкидывает на злых каменьях тяжело раненных, которых везли нам навстречу), я опять увидел неразлучных лейтенантов Это произошло на наблюдательном пункте, на сопке, которую я не без труда «одолел» пока поднимался, лез на нее — безбожно потел, а наверху продувал ледяной, несмотря на июль, ветер, и нечем было укрыться. Юноши оказались воронежскими студентами — учениками моего земляка, сына котельничского земского почтальона.

С Даней Лучининым я учился еще в 1915 году в начальной школе Он был очень способный и усердный мальчик — теперь бы его назвали отличником В дальнейшем я его потерял из виду, а тут, через четверть века, вдруг выяснилось, что он профессорствовал в Воронеже и, как многие в начале войны, пошел в ополчение Лейтенанты не на шутку взволновались, услышав, что я его знал, затем попрощались и отправились в свой батальон, штурмовавший противоположную сопку От нас было хорошо видно, как это происходило Бойцы сначала шли в рост, потом перебирались от камня к камню, ползли, а на гребне время от времени вырастали немцы, кидали свои гранаты на длинных палках и исчезали. Через несколько часов одного из лейтенантов пронесли тяжело раненного, о судьбе второго я ничего не узнал. Так оборвалось знакомство со студентами моего давнего товарища. Удивительные бывают совпадения и встречи!

Запомнился мне этот наблюдательный пункт еще и тем, что помирил меня и редактора нашей газеты, Ивана Михайловича Сергеева. Впрочем, мы с ним не ссорились, просто мне было сперва немного неловко, все казалось, что он может коситься на мои три шпалы на петлицах, тогда как у него, редактора, их было две... Но вот сохранилась у меня фотография: мы с редактором дружно тычем алюминиевыми ложками в банку консервов, восседая рядышком на той же сопке. И укрывались в зябкую уже в начале августа ночь одной шинелью.

Надолго, до сентября 1944 года, оставались враждующие стороны на тех же сопках, но мне там больше не довелось побывать. Едва я успел вернуться в Мурманск, как телеграфным распоряжением Политуправления ЛВО меня отозвали в Ленинград, в распоряжение Лен ТАСС'а. С грустью и, что говорить, не без зависти провожали меня мои товарищи ленинградцы Ни они, ни я не знали, что наш родной город, куда так неожиданно я возвращался, уже через три недели станет б л о к а д н ы м

Ехал я на сей раз в мягком вагоне, как Миша Левитин в июне, только

не с генералом, а с работником КГБ, который рассказывал мне о разбомбленном Пскове, о бомбежке многих поездов и станций, в том числе и на Мурманской железной дороге, но доехали мы по ней до Ленинграда вполне благополучно. Точно по предписанию явился я 12 августа в Политуправление округа и на следующий день приступил к работе в Ленинградском отделении ТАСС, знакомом мне еще по Финской войне 1939—40 годов. Но ждало меня здесь уже все другое, не похожее ни на что, о чем бы я раньше мог знать и слышать, и Мурман для меня сразу стал давним прошлым...

1960 г.

XI. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1939—1945

Великая Отечественная война 1941—1945
Война с Японией 1945
Война СССР, США, Великобритании и Франции с агрессивным блоком фашистских государств Германии, Италии, Японии и их союзниками.
Военные действия велись в Европе, Африке и на Дальнем Востоке.
Война закончилась полным разгромом и капитуляцией Германии (8 мая 1945 г.) и Японии (2 сентября 1945 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ЖИТЕЛЯ г. КОТЕЛЬНИЧА А. П. СМИРНОВА В РАЙКОМ ВЛКСМ С ПРОСЬБОЙ ЗАЧИСЛИТЬ ДОБРОВОЛЬЦЕМ В РЯДЫ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА

11 июля 1941 г.

Заявление

Прошу райком ВЛКСМ принять меня в народное ополчение, т. к. фашистская наглая собака напала на нашу Родину. Я считаю себя всегда готовым в любую минуту отдать свою жизнь за Родину. Хочу приобрести военную специальность мотоциклиста, чтобы я мог на фашистском мотоцикле расстреливать фашистов на фронте, как наглую собаку.

Пусть наглая фашистская гадина видит, что Красная Армия может не только стрелять из советского оружия, а Красная Армия и весь советский народ могут и из фашистского оружия стрелять и мотоциклом управлять.

К сему Смирнов.

ЦДНИ КО. Ф. 1688. Оп. 4. Д. 61. Л. 42. Подлинник.

Н. ИСПОЛАТОВ

В КРЕПОСТЬ ПРИШЛА ВОЙНА

Весна была в разгаре. Над головой щедро рассыпало свои лучи майское солнце. Кое-где на земле блестели лужи. На стеблях травы искрились тяжелые капли росы. Было видно, что недавно прошел дождь, и теперь от набухшей почвы поднимался густой теплый пар. Такой запомнилась мне весна 1941 года в Бресте.

Все здесь было ново, непривычно. Но солдат быстро осваивается в любой обстановке. Мы привыкли и к частым тревогам, и к тому, что на порученных постах в крепости нужно быть особенно зорким и бдительным. Стоишь, бывало, в карауле, а взгляд невольно обращается на юго-запад, где настороженно притаилась невидимая, но ясно ощутимая государственная граница.

Пришел однажды в нашу первую стрелковую роту капитан и объявил об очередном наряде. Накануне он рассказал о том, что недалеко от Брестского военного кладбища, на северо-западе крепости, был зверски убит советский часовой.

Нужно держать ухо востро.

Рота заступила в наряд. Мой объект находился где-то между кладбищем и домами комсостава. Спустилась ночь. Тишина.

Вдруг впереди раздался подозрительный шорох. Я прислушался. На небе ни звездочки. Уже в трех шагах не видать ни зги.

— Стой, кто идет?

Молчание и тишина.

— Стой! Кто идет? — снова тревожно бросаю.

И опять ничего. Метрах в пяти огромная гора прессованного сена. От колючей проволоки до сена рукой подать. Сто́ит нарушителю проползти это расстояние, и сухое сено вспыхнет, как порох. Сердце судорожно сжимается. Снова взвизгнула проволока, как будто что-то тяжелое повалило кол.

— Стой!

Делаю шаг вперед.

— Свой.

— Пароль?

Молчание. Человек за проволокой перелез и идет прямо на меня. Лязгнул затвор. Патрон вошел в патронник.

— Курок, — произносит, наконец, человек. Я опустил винтовку.

Майор Гаврилов.

Утром следующего дня командир полка объявил мне благодарность. Я удивленно спросил: «За что? Ведь это наша священная обязанность исправно нести караульную службу».

Майор Гаврилов улыбнулся и ответил: «За то, что ты меня чуть не застрелил».

Из нашего полка в крепости оставались только отдельные дежурные подразделения, в том числе и наша первая стрелковая рота. Ей было поручено нести караульную службу в гарнизоне.

Вечером в субботу 21 июня 1941 года рота заступила в караул. Начальником караула был назначен лейтенант Терещенко[1]

Никогда мне не забыть, как, дожидаясь своей смены и скучая по брату, который ушел на пост, я бродил по плацу около дверей караульного помещения. Вдруг хлопнула дверь.

— Гуляешь, а от порога ни на шаг, — улыбнулся Терещенко.

— Мечтаю, товарищ лейтенант, — ответил я.

— Мечтаешь? — Он задумался. — Хорошее это дело. Я тоже мечтаю.

— О чем? — поинтересовался я.

— На Украину мечтаю съездить. Давненько там не бывал. Все мечтаю. Да мечты, что тебе мыльный пузырь: хлоп — и нету.

Мы шли по тропинке мимо огромного, уходящего в темноту здания казармы. Миновали какую-то арку, за которой тянулась дорога, ведущая к Трехарочным воротам и в глубь Цитадели...

Я расстался с Терещенко у самого моста через Мухавец. Начальник караула поспешил в штаб, а я еще долго смотрел на засыпавшую реку и мысленно ругал себя, где же все-таки пост, который был поручен для охраны моему брату-близнецу Алексею[2] Все громче и отчетливее была слышна музыка. Играл духовой оркестр. Звуки то замирали, как будто растворялись в сумерках, то вдруг вспыхивали с новой силой прямо над головой...

Я не заметил, как подкралось утро. Нас разбудил разводящий сержант Максимов.

Построились с оружием на широком плацу. На востоке, за высокими серебристыми тополями, где-то между Брестом и химгородком, как будто заплутавшись в густом тумане, лениво ворочалось солнце.

Из Цитадели мы перешли на другой берег реки. С соседних постов сменились Бачаров и Анисимов. Мне поручили открыть склад с боеприпасами. Около него под открытым небом стояли два ящика с касками. Вокруг тихо.

Впереди непотревоженная гладь реки. На том берегу тянутся спящими громадами крепостные укрепления.

И вдруг огненный смерч разрывает небо. Дрожит земля, свистит воздух, крепость горит. А над головой летят сотни фашистских бомбардировщиков с большими черными крестами. Через мост перебегают люди. Многие полуодеты, без оружия...

Так началась война. Но не успела еще замолкнуть вражеская артил-

---

[1] Младший лейтенант А. Р Терещенко — командир пулеметного взвода 44-го стрелкового полка, член ВЛКСМ. Погиб.

[2] Рядовой А. М. Исполатов живет и работает в г Москве.

лерия, отбомбить до конца авиация, как разрозненные подразделения крепостного гарнизона, женщины, дети — все стали готовиться к отражению натиска врага.

— Занимай оборону! — крикнул сержант Максимов.

Нас 11 человек. Из нашего взвода Федоров, Прохоров, узбек Башаров и боец-краснодарец. Остальные из разных подразделений.

Появились первые фашисты. Они замаскированы ветками. В руках у каждого автомат. Мы ждем. Подпускаем на расстояние прицельного выстрела и открываем залповый огонь.

Ясно помню этот первый бой. Когда мы начали стрельбу, фашисты растерялись. Но прошла секунда, и цепь врагов рванулась вперед. На мосту осталось несколько убитых

«Только не пропустить через мост», — думаем мы Следующий залп заставил фашистов залечь

— Стреляйте метко, — кричит сержант. — На одного фашиста двух пуль не положено.

— Сержант, нашего ранило, — крикнул кто-то.

— Забери патроны.

— Есть!

Из окон оборонительной казармы с того берега фашистов обстреливают из пулеметов и винтовок. С другой стороны моста тоже слышатся выстрелы А когда фашистам все же удается перебежать его, вдруг раздается мощное раскатистое «ура» Организовавшись, бойцы стремительно переходят в контратаку..

Не хватает патронов. Берем их у раненых и убитых, достаем из горящего поблизости склада. Бой продолжается. Многие среди нас уже ранены. В окопе на шинели лежит убитый Прохоров, которого во взводе почему-то называли Прохором. Геройски вел себя этот курсант Когда фашисты, перебежав через мост, рассыпались по берегу, Прохоров не утерпел, выскочил из канавы-окопа и спрятался за кустом. Двумя выстрелами он убил двух гитлеровцев. Но больше не оказалось патронов в магазине. Он поднялся, чтобы перебежать к нам. И в этот момент раздалась очередь из автомата. Не выпуская из рук оружия, Прохоров опустился на колени, затем упал.

Вскоре был убит еще один из нашего взвода. До сих пор стоит передо мною этот молодой вихрастый парень с голубыми глазами. Рана была смертельной. Но он еще долго цеплялся костеневшими пальцами за стенку окопа, чтобы послать последнюю смертоносную пулю в своего врага.

Положение наше ухудшилось, когда на дороге, вдоль которой мы занимали оборону, показались вражеские танки. Несмотря на ранение, поднялся сержант Максимов.

— В окоп! — скомандовал он

У нас было несколько гранат Сержант подозвал двоих.

— Быстро за мной! — крикнул он.

Мы побежали по канаве. Потом ползли в сторону. Ждали удобного момента. Взрыв. Крайний танк обволокло дымом.

— Молодцы, ребята, — похвалил сержант.

Теперь все смешалось в голове. Где-то взорвалась граната. Потом другая. Бежим, стреляя на ходу. Вдруг кто-то валится под ноги. Мы оба падаем в густую траву.

— За Родину! За мной! — кричат впереди.

Забрав патроны, вскакиваю. Впереди лента канавы. Тут залегли оставшиеся в живых. Горячее дыхание соседа обжигает щеку.

— Ложись!

Кажется, рвут щипцами барабанные перепонки. Земля всей безмерной тяжестью наваливается на грудь. Сверкает что-то яркое и красное.

Разгорелся день. Горячим зноем пожарищ дышал воздух. Горели камни. Ввысь стремились потоки дыма. Гремела артиллерия, строчили пулеметы, стреляли винтовки. В крепости развертывались кровопролитные бои.

— Осторожней!

Приятный мягкий голос. Ухо отвыкло от нежностей.

— Да, да, сюда! — к нам тянется гибкая женская рука. Помогает, проводит.

— Куда ранены? — большие глаза расширены и полны участия.

— Рука отекла, — в девичьей руке зажат штык от самозарядной винтовки. Распорола рукав, перевязала... Кругом раненые, женщины, дети... Снова в строй...

Недалеко от комсоставских домов разгружали склад. В грузовик поднимали 26-килограммовые ящики. Работали совместно с гражданскими. Вдруг показались немцы-автоматчики. Машина круто развернулась, взяла курс к Северным воротам. Какая-то женщина залегла за камнями с винтовкой. Ее примеру последовали другие.

— За мной! — крикнул сержант Максимов.

Почти не целясь, стреляем на ходу. Наша задача — отвлечь врага от машины. Цепь фашистов бежала прямо на нас. В этом бою сержант Максимов погиб. Пуля попала ему в шею.

День уже клонился к вечеру. Крепость продолжала гореть. На потемневшем небе все ярче вырисовывались огненные языки пламени. То здесь, то там слышались пулеметные очереди, раскаты артиллерийских орудий, взрывы. Наших самолетов не видно.

И вдруг:

— Наш! Наш! Наш! — раздаются ликующие голоса.

Кто был на фронте, тот знает, сколько радости, счастья вкладывает солдат в это короткое слово «наш».

Истребитель описал дугу, пролетел над границей. Короткие крылья с родными красными звездами.

— Ястребок, — любовно говорили красноармейцы.

Последний поворот над границей, и самолет растворился в воздухе. Как будто исчезла связь с Большой землей.

— Улетел, — вздохнула какая-то женщина с ребенком на руках.

Мы с надеждой глядим в потемневшее небо.

Этой же ночью фашисты оттянули свои потрепанные за первый день боев войска. Началась артиллерийская подготовка и бомбардировка крепости. Запламенело ночное небо. Потом наступила короткая передышка, в течение которой враг забрасывал крепость ракетами, прощупывая лучами прожекторов. То и дело раздавались пулеметные очереди.

А утром над крепостью закружились «юнкерсы». Снова началась артиллерийская канонада. Когда штурмовые группы врага хлынули в крепость, и их встретил шквальный огонь защитников. Казалось, стрелял каждый камень, каждая воронка. Стреляли отовсюду, где мог укрыться человек.

Посменно с Башаровым и неизвестным связистом я дежурил за одним из станковых пулеметов. Грохотали моторы танков, стреляли орудия, раздавались гулкие пулеметные очереди и одиночные выстрелы. Сраженный вражеской пулей, пал Башаров.

...24 июня через одного бойца до нас дошел приказ, в котором говорилось, что каждый боец и командир должен до конца выполнить свой долг перед Родиной.

Как-то распространился слух о том, что наши выбили гитлеровцев из Бреста. И как бы подтверждая это, в ночном небе появился советский самолет. За стенами крепости заговорили вражеские орудия. Всю ночь никто не смыкал глаз. Все выжидающе молчали. Казалось, даже раненые в темном углу стонали не так громко. Каждый надеялся. Наступала новая, четвертая ночь. Когда надежда исчезла, решили прорываться.

Хорошо помню эту последнюю ночь в Брестской крепости. В каземате нас осталось только трое. Мы ползем от камня к камню. На небе горят звезды. От них даже камни светятся. А между камнями мрак. Выбираем темноту и ползем. В воздухе пахнет гарью. Нечем дышать. Но кашлять каждый боится. Вдруг в звездном небе вспыхнула ракета. Стало светло, как днем. Мы прижались к земле. Снова спустилась ночь.

«Миновало», — подумал каждый.

В этот момент ясно обозначился яркий след трассирующих пуль. Затарахтели пулеметы. Засвистели пули. Обожгло правое ухо. Мы упорно продолжаем ползти вперед. Сверкнул огонь. Нечеловеческая сила приподняла и бросила с размаху в темноту, туда, где камни...

...Вечером 27 июня я пришел в себя. Глаза видели плохо. Слух, казалось, навсегда потерян. Мы лежали на земле, истекая кровью. А на другой стороне Буга все горело. Глухие взрывы и артиллерийские выстрелы сотрясали воздух. Крепость боролась...

Утром 28 июня нас привезли в Бялу-Подляску Мне нужна была срочная операция. Помню, как хирург, пожилой человек, извлекая из ноги осколки, ласково говорил:

— Ты, братец, в немцев стрелял?

— Стрелял, — слабо стонал я.

— Из чего стрелял?

— Из пулемета.

— Из пулемета? — удивляется доктор. — А они тебя из пушки бабахнули...

Потом мне лили холодную воду на голову, а добрый доктор, как будто по одному, осторожно вытягивал из ноги мои нервы.

Благодаря врачу я остался жив.

Здесь, в плену, я встретился с Бараевым, моим однополчанином, который позднее работал санитаром в госпитале. Бараев сообщил мне, что в блоке видел старшину первой стрелковой роты Житкова и еще одного лейтенанта, фамилию которого он не знал. Я просил Бараева узнать фамилию лейтенанта, но Бараев не смог этого сделать. И вот однажды (это было в первых числах июля) я вдруг услышал, что меня окликнули.

— Не узнаешь? — спросил лежащий на песке человек слабым голосом.

Видел я тогда плохо, а лица заросли щетиной, изменились. Наконец узнал.

— Товарищ лейтенант!

Это был Терещенко. Тот самый Терещенко, с которым я расстался вечером накануне войны. Так и не удалось ему съездить на Украину. Терещенко был контужен. Говорил мало. Но мне рассказал следующее:

«Когда немцы начали обстрел Цитадели, то одним из первых загорелось здание штаба 44-го стрелкового полка. Некоторые бойцы, все еще думая, что это не больше как пограничный конфликт, бросились было тушить пожар, но тут же полегли под огнем противника.

Когда обстрел и бомбардировка кончились, фашисты уже были в Цитадели. Защитники крепости их встретили метким огнем. Около штаба собралось немало женщин и лиц в гражданской одежде. Женщин и детей укрывали в подвалах крепости. Многие не хотели уходить и, вооружившись винтовками, метко били вражеских солдат».

...Терещенко возглавил один из отрядов, который по-геройски дрался с гитлеровцами. Много дней и ночей провел лейтенант в крепости. Однажды во время ночной бомбардировки он был контужен. Больше Терещенко я не видел...

Героическая оборона. 4-е изд. Минск, 1971.
С. 75—81.

В. ПЛАТОНОВ

БЕССМЕРТНЫЙ ГАРНИЗОН

4-я пограничная застава располагалась на западной окраине Устилуга, в 150 метрах от границы, вблизи деревянного моста через Зап. Буг. На небольшой высотке находился опорный пункт. Он включал три блокгауза, несколько окопов и траншей. Эти укрепления прикрывали фланговым, перекрестным и косоприцельным огнем подступы к заставе и городу. Скрытое маневрирование обеспечивалось внутри опорного пункта с помощью ходов сообщения. В целях прикрытия подступов к мосту на правом берегу Зап. Буга оборудовали два блокгауза и окопы полного профиля.

4-я застава, которой командовал старший лейтенант А. К. Чумовицкий, считалась лучшей в комендатуре и отряде. Немалая заслуга в этом принадлежала коммунистам и бюро комсомольской организации во главе с секретарем Л. И. Корсуном. Энергичный комсорг сплотил комсомольцев в дружный и крепкий коллектив.

В 2 часа ночи 22 июня старший лейтенант Чумовицкий получил указание коменданта участка усилить охрану границы. Вызвав трех бойцов во главе с Корсуном, он сказал им: «На участке нашего отряда перешел границу немецкий солдат и сообщил, что немцы в эту ночь перебросят на нашу территорию сильную диверсионную группу, возможно, при поддержке артиллерии. Вы назначаетесь в секрет на правый фланг и располагаетесь у реки в районе кирпичного амбара. Сигнал о вызове помощи — красная ракета. При нападении противника по сигналу зеленой ракеты возвращайтесь на заставу». Корсун повторил задачу, и пограничники скрылись в темноте ночи.

Отправив бойцов, командир поднял заставу по боевой тревоге. Одному отделению со станковым пулеметом от приказал расположиться в оборонительных сооружениях и прикрывать мост через Зап. Буг. Остальные бойцы и командиры оставались в помещении.

Наступал рассвет. В предутренней тишине из-за реки доносились отдаленные звуки духового оркестра и шум моторов. Вдруг на западе сверкнули яркие вспышки. На заставу и город обрушился шквал раскаленного металла.

Комендант участка майор М. Г. Неплюев и его штаб разместились в одном из блокгаузов, а штабные подразделения заняли оборонительные сооружения во дворе комендатуры. Еще до окончания обстрела майор приказал резервной заставе под командой младшего лейтенанта В. П. Парбукова броском выдвинуться на обрывистый берег Зап. Буга и занять окопы у моста левее 4-й заставы. Остальные подразделения также получили приказ занять опорные пункты и не допустить переправы противника через эту реку.

Старший лейтенант Чумовицкий возглавил группу, занимавшую оборонительные сооружения у моста, а своему помощнику — младшему лейтенанту А. З. Ливенцову — приказал занять опорный пункт заставы.

Бойцы перебежками или ползком выдвигались в указанные места. Противник продолжал обстрел. Немецкие орудия прямой наводкой разру-

шали здания 4-й заставы и комендатуры. Проводная связь между подразделениями в Устилуге и на границе была прервана.

Вскоре к мосту устремились роты вражеской пехоты. Пограничники замерли в ожидании приказания. Когда пехотинцы достигли середины моста, Чумовицкий подал команду «Огонь!» Солдаты, внезапно попав под сильный огонь пулеметов, автоматов и винтовок, заметались и бросились назад[1].

Через несколько минут опять заговорила вражеская артиллерия. Уткнувшись лицом в землю, замер пулеметчик Карп Степанович Довнич, сраженный осколком снаряда. Это он скосил на мосту первые ряды фашистов. Еще вчера он веселил товарищей песнями, шутками, и вот сегодня его уже нет в живых. За пулемет лег комсомолец Иван Черношкур, неторопливый и спокойный боец.

В 5 часов 30 минут наблюдатель доложил, что к левому берегу Зап. Буга подходят 15 немецких танков. Перевалив через высотку, они устремились к мосту. За ними продвигалась пехота. Настал критический момент. Советские воины не имели даже противотанковых гранат, но они не дрогнули. Чумовицкий приказал подготовить противопехотные гранаты, пропустить танки и отсечь пехоту.

Машины устремились на окопы, в которых лежали наши бойцы. Танки с визгом и скрежетом утюжили окопы, засыпая их землей. Как только машины проскочили вперед, пограничники открыли ружейно-пулеметный огонь и стали забрасывать гитлеровцев гранатами.

Из окопа на правом фланге в упор стрелял Михаил Левченко. Невозмутимое спокойствие и деловитость комсомольца невольно передавались другим. Немногословный, внимательный и чрезвычайно скромный в быту, он предпочитал больше слушать, чем говорить. И если, бывало, добавлял словечко, то оно приходилось очень кстати. Отличный пулеметчик словно сросся со своим оружием. Но вот его пулемет смолк — осколком снаряда пробило кожух, и из него полилась горячая вода. Левченко разорвал гимнастерку и перевязал кожух.

— Бей гадов! — крикнул он товарищам и с новой силой обрушился на наседавших фашистов.

Несколько осколков разорвавшегося вблизи снаряда попало ему в ноги. Друзья быстро перевязали его, и Левченко опять взялся за пулемет. Однако через несколько минут новый осколок оборвал жизнь бесстрашного и мужественного воина комсомольца Михаила Михайловича Левченко.

А на левом фланге не умолкал пулемет Ивана Черношкура. Но вот осколок сразил и его. Тогда за пулемет лег сержант С. О. Марков.

Пограничникам с трудом удалось отбросить отрезанную от танков пехоту за Зап. Буг.

Немецкие танки, проутюжив позиции пограничников у моста, прорвались в глубину обороны и двинулись к штабу комендатуры, ведя на ходу беспорядочный огонь из пулеметов и пушек.

---

[1] Музей пограничных войск, документальный фонд, п. 116, д. 7, л. 13.

Танки, не задерживаясь у разрушенных и горевших зданий комендатуры, устремились на Владимир-Волынский. А тем временем через мост двинулась новая колонна танков. Их было 32.

Пограничники укрылись на дне полузасыпанных окопов. Как и прежде, они пропустили танки, а затем встали и начали уничтожать бежавших за ними солдат.

Группа Чумовицкого встретила противника организованными залпами из автоматов. Некоторые немецкие подразделения залегли и открыли ответный огонь, а остальные бросились назад, за реку. Наши воины усилили огонь до предела.

Потерпев неудачу на мосту, немцы начали массовую переправу юго-западнее Устилуга на лодках и понтонах. Здесь им удалось проникнуть в город и выйти в тыл пограничникам.

Одновременно фашисты вновь стали накапливаться у моста для новой атаки. Но она была отбита. Советские воины удерживали мост до 8 часов утра. Однако старший лейтенант понимал, что его бойцы не сумеют отразить больше ни одной атаки: были разбиты все пулеметы и кончились боеприпасы. И он приказал оставить позицию. Часть раненых Чумовицкий направил в опорный пункт заставы, а с оставшимися пограничниками присоединился к группе бойцов, сражавшихся в городе у комендатуры.

Младший лейтенант А. З. Ливенцов своевременно организовал круговую оборону опорного пункта.

И вот вражеская рота развернулась в цепь и с ходу атаковала опорный пункт со стороны границы. Пограничники подпустили их на 40—50 метров и по команде Ливенцова обрушили на врага всю силу своего огня. Буквально за несколько минут половина фашистов была уничтожена, и младший лейтенант повел своих бойцов в контратаку.

Одним из первых с призывом: «Коммунисты, вперед!» — кинулся на врага заместитель политрука В. Н. Гулин. Он беспощадно разил фашистов штыком и пулей. В опасный момент он прикрыл собой командира и спас его, но сам получил тяжелое ранение. К Гулину побежал боевой друг комсомолец Александр Брайченко, наскоро перевязал и вынес в безопасное место.

После отхода группы Чумовицкого немцы прорвались через мост и устремились к Устилугу. Ожесточенные бои развернулись восточнее и северо-восточнее города. Здесь успели занять оборонительные сооружения подразделения Владимир-Волынского укрепленного района. Прорвавшиеся немецкие танки они встретили артиллерийским огнем. К 12 часам дня на этом рубеже развернулись подошедшие части 87-й стрелковой дивизии. В упорных боях они нанесли противнику большие потери и отбросили его за реку Луга. Но пробиться к городу на помощь пограничникам части дивизии не смогли.

Яростные атаки фашистов, следовавшие одна за другой, отбивала группа пограничников, защищавшая штаб комендатуры. Бойцы проявили невиданный героизм, каждый сражался за десятерых, но их становилось все меньше и меньше. Кончались боеприпасы. Бои шли уже восточнее Устилуга. В этой обстановке старший лейтенант Чумовицкий приказал оставшимся

воинам отступать на восток, а сам с небольшой группой бойцов, в которую входил и коммунист секретарь комсомольской организации резервной заставы заместитель политрука А. Д. Дубравов, стал их прикрывать.

К концу дня Чумовицкий с горсткой воинов начал отходить на Владимир-Волынский. На мосту через реку Луга у Пятыдни, в четырех километрах восточнее Устилуга, они столкнулись с парашютистами-диверсантами, переодетыми в советскую форму. Завязалась перестрелка, в ходе которой погиб старший лейтенант.

Автор хорошо знал Александра Кондратьевича Чумовицкого как стойкого коммуниста, человека большого мужества и отваги, личной храбрости и несгибаемой воли. Он вырос в бедняцкой семье в деревне Чумовица Лузского района Кировской области. С отличием окончил Харьковское пограничное кавалерийское военное училище НКВД, а затем заочно Ижевский педагогический институт. Мечтал об учебе в военной академии.

Пограничники жестоко отомстили врагу за гибель своего командира, уничтожив всех диверсантов. Расправившись с вражеским десантом, они присоединились к частям 87-й стрелковой дивизии, которые к этому времени вели бой в шести километрах западнее Владимир-Волынского.

Платонов В. В. Они первыми приняли удар. М., 1969. С. 37—48.

Д. ОНОХИН

ОТ ВЯТКИ ДО ЭЛЬБЫ

В начале войны в городе Кирове была сформирована 311-я стрелковая дивизия. Ее фронтовой путь начался в боях под Ленинградом, а завершился на Эльбе. Она была награждена двумя орденами, отмечена шестнадцатью благодарностями Верховного Главнокомандующего.

* * *

ОСТАНОВИЛИ!

В конце августа начались бои за Новые Кириши.

Когда мы подошли к этому населенному пункту, наше внимание сразу же привлек вытянувшийся струнной через реку Волхов железнодорожный мост на шести гранитных опорах. Со стороны Ленинграда в глубь страны несся по мосту товарный состав.

Населения в Новых Киришах уже не было, только два пастуха да с ними мальчик лет двенадцати остались охранять колхозное стадо. Они обрадовались нашему приходу и приготовили нам угощение: жареную баранину и пресные лепешки.

Бой начался неожиданно.

В девять утра в небе появились одновременно девять самолетов со свастикой и навстречу им четыре краснозвездных. С моторным ревом и пушечным грохотом машины сближались и расходились в разные стороны. Никто никого не сбил, но лучшее ведение боя продемонстрировали наши

пилоты. Они не дали немцам разведать цель, расстроили их боевой порядок и вынудили фашистов сбросить бомбы где попало.

— Вот такую бы поддержку нам в Чудове! — говорили пехотинцы, наблюдая с земли за воздушным боем.

Через два часа немцы повторили воздушный налет. На этот раз было уже около пятидесяти машин. Наши самолеты не появлялись, и немцы, не торопясь, бомбили и обстреливали позиции.

После авиационного удара немцы провели по нашим позициям непродолжительный, но очень интенсивный артиллерийский налет. Корректировал этот огонь разведывательный самолет, прозванный бойцами «рамой».

А потом в атаку пошли фашистская пехота и танки. Они двигались несколькими колоннами. Наши стрелки молча наблюдали за их приближением, а 76-миллиметровые пушки сразу же начали бой. Превосходные орудия образца 1939 года стреляли быстро — 20—30 выстрелов в минуту. Меткий огонь артиллеристов навел панику в рядах фашистов: оставив на поле боя три подбитых танка, враги повернули назад и укрылись в лесу. Первая атака захватчиков захлебнулась.

Немцы не посмели второй раз лезть в лоб на наших артиллеристов и предприняли наступление в обход справа. Теперь между нашими орудиями и немецкими танками оказались перелески, мешающие артиллеристам вести стрельбу прямой наводкой. Потребовалась срочная смена огневых позиций. Пока на лошадях перевозили орудия с одного места на другое, фашистские танки, не встретив огневого барьера, без особого труда начали заходить в тыл с правого фланга.

Чтобы не быть смятыми с тыла, нашим подразделениям пришлось отойти назад. Вновь занятые позиции проходили на южной окраине Новых Киришей, в основном, по железнодорожному полотну, и были выгодны для отражения атак противника.

Август в тот год на Волхове был богат грозами. Вот и сейчас густые тучи налетели совсем неожиданно. Засверкали молнии, пошел проливной дождь. Но гроза так же быстро и прошла. Опять ярко засверкало солнце и наступила какая-то особая тишина: ни грома, ни выстрелов, ни самолетов — как будто дождь смыл всю эту военную заваруху!

Затишье на передовой длилось всего несколько минут. Вскоре высоко над Киришами разорвался бризантный снаряд, образовав в воздухе черный клуб дыма. За ним последовало еще несколько таких же разрывов. Это был условный сигнал противника для новой атаки на наши позиции. Сразу же начался артиллерийский обстрел деревни шрапнельными и осколочными снарядами. Многие дома загорелись. Лошадь артмастеров, поставленная в стороне от шлагбаума, у обочины дороги, испугалась и понеслась вскачь в Кириши, разбрызгивая грязь...

После артсигнала фашисты яростно бросились на наши позиции. Они бежали ложбинами, пригорками вслед за своими грязно-зелеными танками и что-то кричали.

Наши бойцы лежали в откопанных ячейках на железнодорожной

насыпи, немного возвышающейся над землей, и пристально наблюдали за противником. Как только немцы приблизились, артиллеристы подбежали к своим орудиям: звякнули тяжелые металлические затворы, загремели выстрелы. Началось! Вражеские снаряды и пули, взвизгивая, пролетели над головами наших солдат или же ударялись в насыпь, обдавая людей песком. Бронированные машины со свастикой, рассыпавшись по полю, огненным валом приближались к нам на большой скорости. Бой разгорелся. С той и другой стороны стреляли орудия, пулеметы, винтовки, минометы. Наши пушки полуавтоматического действия с предельно возможной точностью били по танкам, по мотоциклистам, бронемашинам. Их стволы раскалились, несколько бойцов ведрами подтаскивали воду и обливали перегретый металл. Вода кипела и фыркала, отлетая в стороны горячими брызгами.

Около медсестры Ксаны Провоторовой сидели на земле трое раненых — она оказывала им медицинскую помощь.

Одному из бойцов пуля ударила в каску около виска и, срикошетив, ушла в сторону, сделав глубокую вмятину. Я поднял каску (она валялась на земле возле раненого) и удивился: мой большой палец свободно укладывался в этой вмятине. Боец глянул на меня и сказал:

— Была бы верная смерть, если бы не каска. Только благодаря ей я остался жив. Меня только оглушило...

...Сражение кончилось. На поле боя дымились вражеские бронемашины, валялись убитые фашисты и разодранные снарядами мотоциклы. Атака захватчиков была отбита.

Весь следующий день прошел в большом напряжении. Но силы были неравные — вечером начали отходить из Новых Киришей наши подразделения, двигались на автомашинах две зенитные малокалиберные артиллерийские установки. Размокшая после дождя дорога стала труднопроходимой, и зенитные орудия застряли за северной окраиной деревни, в поле, где сжатая рожь стояла в суслонах необмолоченной. Пришлось бросать под буксующие колеса снопы ржи, чтобы как можно быстрее убраться с открытого места.

В этот критический момент перед отступающими бойцами внезапно появился незнакомый генерал с автоматом на груди в окружении командиров. Он поднял руку и властно скомандовал:

— Остановите пехоту! Будем драться штыками!

Зенитчики, услышав команду, сразу же развернули свои орудия в сторону противника и прямой наводкой открыли беглый огонь по немцам. Захватчики шли во весь рост и были хорошо видны на фоне горевших построек. Но наши бойцы, отступавшие короткими перебежками, в шуме боя не расслышали голос генерала. Разгоряченный генерал вскинул свой автомат, чтобы дать боевой сигнал, но оружие почему-то отказало. Командиры, находившиеся при генерале, бросились в ряды пехоты, и солдаты пошли навстречу противнику с винтовками наперевес, ощетинившись штыками. Под прикрытием беглого огня зениток им удалось подойти к фашистам совсем близко. Загремело боевое «ура», фашисты дрогнули и, не приняв рукопашного боя, побежали назад. Как они испугались наших штыков! Я навсегда запомнил их сгорбленные спины, втянутые в плечи шеи, мелька-

ющие подковы сапог. Невольно вспомнился старший лейтенант, обучавший нас в Кирове на стадионе «Динамо» искусству рукопашного боя.

На второй день утром бои возобновились с новой силой. В течение дня немцы предприняли несколько атак, но все они были отбиты. В середине дня, когда немецкие автоматчики сумели просочиться через кустарники и стали создавать видимость окружения, группе наших бойцов удалось уничтожить фашистов, и опасное положение было ликвидировано.

Третий день боев тоже не внес никаких изменений в расположение наших войск под Киришами. Но если здесь немцы за три дня боев не смогли продвинуться ни на один метр, то западнее Киришей они захватили станцию Посадниково. Этот пункт был в зоне обороны 1069-го полка, располагавшегося в треугольнике, образованном двумя железными дорогами при их пересечении. Штаб полка находился там же, на лесной полянке, под стогами сена.

Станция Посадниково имела важное значение. Было решено вернуть ее, и командир батальона Пестов повел лесом свои подразделения в наступление. Здесь оказались значительные силы противника. Видимо, немцы двигались к железнодорожному треугольнику, чтобы овладеть им. Бой в лесу длился весь день.

Штаб 1069-го стрелкового полка, вынужденный покинуть развилку железных дорог, сменил свой командный пункт. Капитан Пестов, только что повышенный в должности с командира батальона на командира полка, облюбовал для нового КП бетонную трубу под железной дорогой. Это было очень близко от немцев. Лес справа и слева. Фашисты могли напасть на штаб полка и днем, и ночью. У входа, с обеих сторон трубы, были выставлены пулеметы.

— Стой, кто идет? — крикнул часовой, стоявший у насыпи.

— Свои, — отвечаю ему. — Иду к Пестову.

Но, несмотря на то, что я называл фамилию командира полка, часовой приказал мне остановиться. Он вызвал дежурного по штабу. Выбежал молодой приветливый парень. Это был адъютант командира полка лейтенант Стесин. Мы уже были знакомы, по-дружески пожали друг другу руки и пошли в штаб.

Пестов сидел на сене в глубине от входа с картой на коленях.

— Помогать пришел? — шутливо спросил меня Фома Данилович, протягивая мне руку. — Желаешь идти вместе с нами по батальонам?

Минут через двенадцать Пестов, Стесин и я поднялись на линию и пошли вдоль железной дороги по шпалам. Вскоре мы услышали гул мотора. Вдоль линии из нашего тыла летел немецкий истребитель. Он шел очень низко, над самыми вершинами деревьев, и давал пулеметные очереди по нашим стоянкам. Подлетая к нам, фашист повернул лицо в нашу сторону, рассматривая нас. В этот момент лейтенант Стесин вскинул свою автоматическую винтовку СВТ и выпустил в пилота всю обойму — десять пуль, «мессершмитт» сразу же стал крениться вправо и через несколько секунд рухнул. Огромный столб дыма поднялся выше леса. Я и Стесин побежали к месту падения самолета, а Пестов остался на месте.

Крылья самолета лежали в разных местах на зеленом мху. Мотор и металлический остов пронесло метров на 50 дальше. Среди исковерканного металла лежал и обгоревший пилот. У аса было два железных креста. Мы сняли эти награды и принесли их Пестову. Командир полка посмотрел на обгоревшие железные кресты, повертел их в руках и потом бросил в сторону, в болото

Налеты фашистской авиации не проходили для захватчиков безнаказанно. Бойцы зенитного дивизиона почти в каждом бою увеличивали счет сбитых стервятников.

Прошло восемь дней упорных боев у северной окраины Новых Киришей, а немцы все еще топчутся на месте. Они атакуют по нескольку раз в день, атакуют настойчиво, в разных местах, ходят в психические атаки, но все безрезультатно. Мы, видимо, подучились, подзакалились и стали упорнее в обороне. Стало быть, три недели тяжелой и горькой фронтовой жизни не пропали даром. Они были отличной школой для всех бойцов и командиров дивизии. В боях приобретался опыт и совершенствовалось боевое мастерство, которых так не хватало в первых схватках с врагом, закалялась стойкость духа и выдержка воинов, росла ненависть к врагу. Складывался по-настоящему крепкий боевой коллектив в каждой роте, батальоне, полку, спаянный одним общим делом — борьбой с немецко-фашистскими захватчиками.

О первых успехах дивизии узнали репортеры центральных газет. В середине сентября в нашу часть приехал фотокорреспондент газеты «Правда» Устинов. Сообщил мне эту новость сам начподив Воистинов, разыскавший меня по телефону в одном из подразделений под Киришами, и приказал сразу же явиться в политотдел.

Я был молодым фотографом, со стажем всего лишь в три года, и встреч с большими мастерами этого дела в своей жизни почти не имел. Познакомиться со старшим коллегой было весьма полезно и интересно. В политотдел я отправился чуть не бегом.

Мне было поручено провести фотокорреспондента по переднему краю и представить ему наиболее отличившихся воинов.

Ранним пасмурным утром мы вышли на передний край. Было сравнительно тихо, лишь кое-где слышалась перестрелка. Фашисты были до крайности измотаны, да и наши бойцы тоже устали от непрерывных боев. Каждый стремился использовать короткие минуты отдыха. Там и тут видны были группы бойцов. Мы подошли к одной из них, где, как нам показалось, шел весьма оживленный разговор. Это были наши полковые разведчики и среди них сержант Петров. Я познакомил с ним Устинова. Тот сразу же взялся за фотоаппарат и сделал несколько снимков. Потом мы уселись на крыльце старенького домика, стоявшего неподалеку, и стали беседовать. Тут же вертелся Сашка, мальчонка лет двенадцати-тринадцати. Он потерял родителей, долго скитался один, пока его не нашел Петров. К своему командиру Сашка привязался, любил его. Мальчишка, надо сказать, был сообразительный и смелый. Разведчики иногда брали его с собой, а бывало, он один совершал вылазки в расположение немцев. Ростом он был еще невелик. На поясе всегда носил огромный кинжал, чуть не до пят (это был штык от полуавтоматической винтовки Петрова), и боевую гранату. Устинов

с интересом рассматривал юного разведчика, а потом сфотографировал его вместе с Петровым.

Возвращаясь в штаб, мы увидели девять фашистских самолетов, летевших в наш тыл вдоль той дороги, по которой мы шли. Два стервятника снизились и обстреляли нас из пулеметов. Один из самолетов развернулся, и на нас полетели четыре бомбы. На фронте я был уже не новичок и знал, как уйти от фашистских бомб.

— За мной, в сторону! — крикнул я Устинову.

Пока бомбы летели вниз, мы сумели отбежать от них далеко. Немцы «сработали» впустую.

Пилот второго самолета тоже решил испытать на нас свою меткость. Когда самолет приближался к нам, мы стояли и смотрели на него — ждали, когда вывалятся темные болванки. Как только они появились, я быстро сориентировался и опять увел корреспондента из-под удара. Тот, немного удивленный моими действиями, сказал: «Ты здорово владеешь собой». Но особенного в этом я ничего не находил: война научила, как надо действовать в той или иной обстановке.

Жил у нас Устинов пять дней — он ожидал развития событий. Но крупного разворота боевых действий не произошло, и он уехал на другой участок.

Опохин Д. Ф. От Вятки до Эльбы: Зап. воен. корреспондента. Горький, 1975. С. 26—33, 35—36.

Подвигу Якова Падерина посвящается

В. ГУСЕВ

ТАКОЙ НАРОД НЕ БУДЕТ ПОБЕЖДЕН!

Снега, снега!
В разгаре бой, атака.
Огонь. Свинец.
Метель кружит и вьет.
Из подземелья лает, как собака,
Оскаленный фашистский пулемет.
Он замедляет наше продвиженье,
Зарытый в землю злобный, хриплый гном.
Разбитый враг
опять идет в сраженье,
Поддержанный его губительным огнем.
Пройдут минуты —
будет бой потерян,
Опомнится, окрепнет враг. Беда!
Тогда ползет вперед боец Падерин.
Запомним это имя навсегда.
Товарищ наш ползет в халате белом,

И русская метель над ним летит, поет.
И телом он своим,
своим горячим телом,
Фашистский закрывает пулемет.
И вмиг десятки пуль его пронзают.
Но, умирая, слышит, слышит он:
Бойцы идут вперед, они врага сметают.
Такой народ не будет побежден!

Гусев В. М. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 260—262.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА С. И. ЧЕМОДАНОВА[1] О БОЕВОМ ВЫЛЕТЕ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ НА БЕРЛИН

сентябрь 1941 г.*

Немецко-фашистская пропаганда на весь мир трубила, что советской авиации больше нет, что она полностью уничтожена.

Да, вероломное нападение, точнее, элемент внезапности позволил немцам нанести существенный урон нашей авиации, расположенной в западных [военных] округах.

Верховное Главнокомандование немедленно перебросило в район боевых действий ВВС из Центральных военных округов (даже наш полк из Забайкалья). Правда, в начале войны немцы нас превосходили в авиации в 2—3 раза, но наши летчики дрались отчаянно.

В ночь с 21 на 22 июля 1941 г. немецкая авиация предприняла массированный налет на Москву. Некоторым самолетам удалось прорваться к Москве и сумбурно сбросить бомбы.

В ответ было принято решение Ставки Верховного Главнокомандования о налетах на Берлин.

Первый налет был поручен летчикам ВВС Балтийского моря во главе с полковником Преображенским. Они в составе 7 самолетов с острова Эзель в ночь с 7 на 8 августа 1941 г. произвели первый бомбовый удар по Берлину.

С 9 по 10 августа 1941 г. повторили налет. За два боевых вылета потеряли один экипаж. Немцы заявили, что это агония русских.

Эти боевые вылеты балтийских летчиков показали нашему

* Датируется по содержанию документа, дата составления документа — 16 января 1978 г.

командованию, что удары по Берлину возможны и его смогут достать самолеты дальней стратегической авиации.

Началась всесторонняя подготовка. Общее руководство было возложено на командующего Дальней авиацией Голованова и члена Военного совета Гурьянова.

К первому боевому вылету на Берлин мы готовились очень серьезно. Из состава нашего 4-го АПДД [авиационного полка дальнего действия] было выделено 9 лучших экипажей, летающих днем и ночью при сложных метеоусловиях: Чемоданова, Рудвицкого, Рубцова, Гребовского, Храпова, Богомолова, Матросова, Винокурова, Пшеничникова.

Стояли мы на полевых аэродромах в районе г. Орла. Тактика разрабатывалась на одиночные действия, имели общие указания о границах маршрута, высоте, маневре, но обязательно точное время удара.

Сейчас, при современной технике такие тактические приемы кажутся примитивными, но в то время они себя полностью оправдывали.

В 20-х числах сентября [1941 года] все подготовлено. Взлетать будем с полной нагрузкой, т. е. горючего «под пробку», плюс подвесные баки и тонна бомбогруза. Изучены на картах все возможные варианты маршрута, захода на цель, ухода после удара. Получены карты крупного масштаба Берлина (мы уже от балтийцев знали, что город очень большой — 9 поясов обороны ПВО, много прожекторов, [но] ночных истребителей пока немного).

Итак, 10 часов полета, из них 8 часов над территорией противника, понятно, без всякого сопровождения истребителей, все 8 часов без метеоинформирования, фактически без связи с землей (единственная передача разрешалась — о выполнении задания), никаких радиолокационных средств, никаких приводных [радиостанций]. Единственный опознавательный сигнал — «Я свой», соответствующее сочетание ракет.

Взлет прошел благополучно, это самый трудный элемент полета — поднять перегруженный самолет с грунтового аэродрома. Легли на курс, максимально набираем высоту. Проходим линию фронта — она ясно очерчивается огненными трассами. Полет проходит без особой тревоги. Высота 7 тысяч метров. Это гарантия от атак истребителей: их «потолок» 6 тысяч метров.

Но вот далеко по курсу вырисовывается большой город. Он еще не затемнен. Небо щупает масса прожекторов. Зенитки пока

молчат, незаметно пока и истребителей. Город как будто, притаившись, ждет нас. Как он нас встретит?

Прямо скажу — было страшновато, экипаж напряжен до предела. И вот боевой курс, на земле видны разрывы, это работа наших товарищей. Рыскают прожекторы, все небо в разрывах снарядов. Наконец, долгожданное: «Пошел!» ...Корабль вздрогнул, это значит 10х100 [10 бомб по 100 килограммов] сброшены. Глубокий левый разворот с противозенитным маневром (на разрывы, а не от них). Выходим из зоны ПВО. Кругом темно. Берем заветный курс 90 [градусов] к родному аэродрому.

Нас в ту ночь летало около 20 [экипажей] самолетов (9 наших и соседнего полка). Это мы считали тогда массированным налетом.

На другой день немцы объявили, что в ночь с 22 на 23 сентября Берлин был подвергнут налету английской авиации. К чести англичан, они опровергли это заявление, заявив, что в ночь с 22 на 23 сентября над островами Великобритании стоял густой туман и ни один английский самолет в воздух не поднимался, значит, это были русские.

В то время перед нами не ставилось прямой задачи разрушения конкретных объектов Берлина. Наши удары, наши бомбы скорее являлись политическим фактором, что советская авиация жива, что она достает логово фашизма — Берлин.

На протяжении всей войны каждую ночь советские бомбы рвались в Берлине, Кенигсберге, Данциге, Плоешти и других стратегических точках, хотя бы и очень незначительными силами. У нас было такое выражение: «Хоть один на всю Германию, а вылет будет каждую ночь».

Огни Берлина были потушены и не зажигались до конца войны.

Советская армия крепла в боях, набирала силу. Мы получали новые самолеты, пополнение личного состава. Полк наш был развернут в дивизию. И если мы в 1941 г. летали по глубоким тылам единицами, то к маю 1945 г. над Берлином одновременно появлялись до 800 наших самолетов...

Да, первое время нам было очень трудно. Тяжело было отступать. Взлетали с одного аэродрома, а садились на запасной — наш уже был занят немцами. Мы, летчики, как никто другой видели все ужасы войны. Наши горящие города, толпы беженцев, отступающие войска.

Да, мы несли боевые потери. Из состава полка к концу войны

из 50 отборных экипажей [«стариков»] остались только 3. Но каждая потеря удваивала наши силы, мы клялись отплатить за погибших и клятву свою свято выполняли.

Каждый твердо верил в победу. И она пришла. Мы свой долг выполнили.

ЦДНИ КО Ф 4112 Оп 2 Д 397 Л 1—4 Подлинник.

[1] Чемоданов Степан Иванович — род. 24 марта 1909 г. в дер. Калясво Косолаповской волости Уржумского уезда Вятской губернии (ныне Марийская респ.) в бедной крестьянской семье. В 1929 г. по комсомольской путевке был направлен в первую военную школу летчиков им. Мясникова (знаменитая «Кача»). Прошел всю служебную лестницу: от младшего летчика до командира Гвардейской Сталинградской авиационной дивизии дальнего действия. Член КПСС с 1932 г.

Участвовал в боях на р. Халкин-Гол и на о. Хасан против японских милитаристов. Прошел всю Великую Отечественную войну с первого и до последнего дня. Был дважды тяжело ранен.

Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденами Кутузова 2-й степени, Александра Невского, Красной Звезды, монгольским орденом «Полярная Звезда» и 23 медалями, 14 раз его дивизия отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Звание генерал-майора ему было присвоено в 35 лет

ИЗ ОТЧЕТА О РАБОТЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ — ПИСЬМО КОМАНДИРА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ СТ. ЛЕЙТЕНАНТА ЗАНИНА В ОБКОМ ВЛКСМ ОБ УЧАСТИИ КИРОВСКИХ КОМСОМОЛОК В ОБОРОНЕ МОСКВЫ

ноябрь-декабрь 1941 г.*

«...Исполнилось три года, когда девушки-комсомолки по Вашему призыву из колхозов и предприятий Вашей области прибыли в нашу часть ПВО, обороняющую с первых дней войны столицу нашей родины Москву.

Враг, разбитый в открытом бою на подступах к Москве в период ноября—декабря 1941 года, не оставлял попытки наносить удары с воздуха, с целью разрушения Москвы, выводя из строя предприятия, города, исторические и культурные памятники нашего народа.

Вы знаете, что Москва, пожалуй, единственная столица воюющих государств Европы и Азии, не подвергалась разрушению, сохранена для нашего народа и так же горда, неприступной

* Датируется по содержанию документа, дата составления документа не указана.

стеной стоит, напоминая о мощи советского оружия врагам свободолюбивых народов.

В обороне Москвы немалая заслуга принадлежит и девушкам-патриоткам нашей страны, в том числе девушкам Вашей области, отбывающим службу в нашей части, это:

Шалагина Анна Кирилловна	— Салобелякский	район
Худякова Анна Николаевна	— Санчурский	—»—
Васенина Валентина Петровна	— —»—	—»—
Меньшина Мария Гавриловна	— —»—	—»—
Курдюмова Васса Григорьевна	— —»—	—»—
Пукемова Фаина Ивановна	— —»—	—»—
Долгушева Екатерина Константиновна	— —»—	—»—
Прозорова Клавдия Николаевна	— —»—	—»—
Березина Але[ксан]дра Дмитриевна	— Яранский	район
Горева Ольга Степановна	— —»—	—»—
Дегтярова Елизавета Николаевна	— —»—	—»—
Смотрина Ал[ексан]дра Федоровна	— Кикнурский	район

Всем девушкам, как и многим другим, пришлось испытать и пережить все трудности суровой солдатской жизни, отбывать службу в пургу и в зной, иногда выполнять тяжелые работы сутками напролет. Этот свой патриотический долг перед Родиной они выполнили честно и благородно. Как энтузиастки-комсомолки они не только самоотверженно несли службу и изучали нашу сложную и нежную технику, находящуюся у нас на вооружении, но проявили незаурядные способности организаторов красноармейских масс. Например: Шалагина Аня имеет звание сержанта и сама командует боевым расчетом, Худякова Аня имеет звание младшего сержанта, Васенина Валя, Меньшина Маруся, Курдюмова Васса, Пукемова Фая, Долгушева Катя и Березина Шура имеют военное звание ефрейтор. Причем Березина за отличное знание техники и умелое овладение [ею] награждена нагрудным знаком «Отличник ПВО».

Закалились они у нас физически, выросли политически, есть среди них уже члены и кандидаты ВКП(б), часть из них работают на активной комсомольской работе, являясь групкомсоргами, комсомольскими организаторами, членами бюро ВЛКСМ и даже партбюро. Наше командование благодарит Вас за хороший состав комсомольцев, выделенный Вами в трудный момент для Родины.

Просим письмо наше опубликовать в комсомольской областной газете с фотографиями лучших девушек. Пусть они служат примером патриотического долга для комсомольцев, работающих в промышленности и сельском хозяйстве Кировской области.

Пишите ответ: полевая почта 23 939 «В», подразделение офицера Занина.

Командир подразделения ст. лейтенант Занин
Парторг ст. сержант Шафонский
Комсорг мл. сержант Куликова».

ЦДНИ КО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 274. Л. 57, 58. Копия.

А. ГРЕБНЕВ

КРУГОВОРОТ

Уж каркал ворон над Россией,
Когда отец мой
До зерна
Посеял поле ржи озимой.
И позвала отца война.
И всколосилась
даль сквозная
В четыре звонкие конца!

Когда косили рожь,
Отца
Скосила пуля разрывная.

Но каждый год,
Но каждый год,
Поднявшись новой животворной,
Земной вершат круговорот
Отцом посеянные зерна.

Гребнев А. Г. Храм: Стихи. М., 1991. С. 39.

А. УСТЮГОВ

ДВЕ НЕДЕЛИ В ПЯТОЙ РОТЕ

(Из фронтового дневника)

Стало темнеть.

Елочки вокруг низенькие — ниже пояса, торчат из снега вершинами-свечками. Лезем вверх на гребень. Переваливаем через него и идем вниз по покатому склону. Без тропы — снегу мало, ноги не проваливаются.

Путь в темноте извилист и долог. Под валенками что-то начинает скрипеть. Всматриваюсь — черное. Соображаю — холодные угли и головни! Мы шагаем через пожарище! А вот и кожух печи торчит — все, что осталось от избы. Немцы сожгли.

Теперь ясно: немцы близко. По всему чувствуется. И не я один это ощущаю. Вся наша рота взбодрилась и идет настороженно. Впереди разливаются только толстые стволы сосен, направо — черная тень оврага. Выходим на склон, и сразу комроты командует:

— Садись!

Наконец-то отдых! Усталость обволакивает меня. Но все-таки замечаю: командир уводит четвертую роту. Она словно растворяется в темноте. А мы, оставшиеся, неподвижно лежим и сидим на снегу.

Я закрываю глаза и, кажется, почти тотчас открываю их. Сразу не могу сообразить, что изменилось вокруг. Ах да: светает! Значит, я задремал. Вон, под елочкой, на боку, дремлет и морячок. Спиной к нему — должно быть, Павел Григорьевич...

Как из-под земли вырастает передо мной связной.

— Пэтээровцы, вперед! Приказ комбата.

— Пошли! — толкаю я в бок своего напарника.

Мы соединяем ствол ружья с прикладом, на это нам хватает минуты, и идем за связным. Оглядываюсь на роту: все остались в прежнем положении.

Я вижу мостик через овраг. Не доходя до него, связной предупреждает:

— Рядом — река Нарва!

Нарва? Для нас это неожиданно. Так вот в чем дело? Та самая Нарва? Нет, то была крепость Нарва, а это река... Тогда были шведы, а сейчас — немцы. И сразу как бы в подтверждение, что Нарва — это немцы, раздаются хлопки выстрелов и свист пуль.

Мы, согнувшись, бежим. Впереди силуэтом возникает кожух печи. Еще одна изба сгорела. Пули дробят кирпичи в пыль. Кто-то стоит за печью. Поворачивается лицом к нам, повелительно взмахивает рукой. Мы останавливаемся. Перед нами комбат. Смотрим на него во все глаза: вон он какой наш комбат — в солдатской шинели, роста богатырского, невольно чувствуешь его силу!

— Ребята! — говорит он басом чуть хриплым, лицо с крупными чертами обращается к нам. — Давайте к обрыву! К соснам! Подавить немецкий пулемет на том берегу!

— Есть! — отвечаем и, пригнувшись, идем с ружьем к соснам.

От сосен к обрыву пробираемся ползком — тут открытый берег и немцы могут нас заметить.

Осторожно приподнимаю голову из-за бугорка. Белое поле реки и противоположный низкий берег отсюда, с высоты, сначала кажутся как в тумане, потом различаю на реке лежащие вразброс черные фигурки наших

солдат. Первые добежали по льду до половины реки и теперь лежат. Так вот где четвертая рота! Перевожу взгляд на берег: он весь изрезан траншеями. На ближнем изгибе ворочается что-то черное. Напрягаю зрение: две фигуры копошатся возле продолговатого, едва различимого предмета.

— Давай патрон, это пулемет! — азартным шепотом говорит лежащий рядом рязанец. Он уже установил ружье на ножки и открыл затвор.

Я подаю патрон, а сам смотрю на костыль. Проверяю рукой, до отказа ли он высунут. Подведет или нет? Звякает затвор, ружье заряжено. Мы лежим, раскинув ноги. Рязанец целится. Я вижу сбоку напряженно прищуренный глаз.

Бах!.. Ружье подпрыгивает.

— Мимо! — со злостью говорит рязанец.

Я успеваю заметить, как на том берегу в траншее резко задвигались фигурки. Растревожил фашистов наш выстрел!

Очередь из пулемета прорезает воздух. Пули выше нас ударили по соснам — сверху валятся сучки и хвоя.

— Давай скорее, пока не засекли! — рычит рязанец, шапка у него сползла на бок, дышит он рывками.

Подаю патрон. Он целится теперь долго, напряженно. Взрыв ударяет по голове, как молотом. Минуту я ничего не могу понять. Смотрю на рязанца, уткнувшегося головой между рук. Неужели убит?

Ружье свалилось на бок и лежит в снегу, затвор странно вывернут. Вот так выстрел!

— Жив? — спрашиваю я у рязанца.

Он поднимает голову, смотрит на меня затуманенными глазами, одна щека обожжена порохом.

— Кажется, жив!

Он окончательно приходит в себя, смотрит на ружье и руки.

— Все! Отстрелялись! Ружью — капут!

— Вот проклятый костыль! — говорю я. — А что с пулеметом?

Мы приподнимаемся и глядим на немецкий берег.

Странно, но в траншее ни пулемета, ни фигурок не видно. Мы с рязанцем смотрим друг на друга.

— Вот проходимец! Утерял шпонку! — раздражается вдруг руганью рязанец, вспомнив моего незадачливого предшественника. — А нам бы сейчас только стрелять в гадов! Ну, как теперь без ружья?

Рязанец хватает ружье, пробует открыть затвор. Не получается. Некоторое время мы молчим, собираемся с мыслями; потом переводим глаза в сторону берега: там, между стволов сосен, мелькают фигуры в шинелях.

— Идем! — говорит рязанец. — Здесь нам делать нечего. Пятая двинулась на лед!

Во время перебежки шальная пуля ранит рязанца в локоть. Перебита

кость, рязанец скрипит зубами от боли, пока я перевязываю ему руку. Он сидит, прислонясь спиной к стволу сосны. «Прощай!» — говорю я и ухожу. Он устало глядит мне вслед и только шевелит губами.

Наталкиваюсь на убитого. Забираю винтовку и подсумок. Вскоре обгоняю передовых наших солдат. После перебежки всматриваюсь вперед, туда, где понижается обрыв. Еще метров тридцать хода — и просвет, сосны кончились. Выемка. Здесь берег ниже. На секунду приостанавливаюсь, гляжу на открывшийся лед и на тот берег.

Немцы молчат... Как перед стартом, втягивают воздух и... резко бросаюсь вниз по выемке, затем по круче.

Грохочет позади, слева, справа. Ага, заметили, стреляют! Замечаю на склоне толстую сосну. Прячусь за нее. И сразу над головой в дерево — два удара!

Прыжок! Лечу вниз сломя голову. Прихожу в себя в какой-то яме. Маленький окопчик! Я в нем никак не вмещаюсь. Согнулся в дугу.

С бруствера летит песок, что-то трещит и лопается. Понимаю: немцы лупят из автоматической пушки...

Сверху валится солдат и сразу отползает за лежащее бревно. Еще один скатывается вниз со сдавленным криком. Я хочу поднять голову, узнать, кто из наших, но немцы все еще бьют. От бревна летит щепа во все стороны. Слышно, как хрипит солдат. Вскоре хрип прекращается. Я спрашиваю первого солдата, укрывшегося за бревном:

— Жив?

— Жив, — отвечает он, и я узнаю голос морячка.

— А где Павел Григорьевич? Это не он?.. — я имею в виду только что хрипевшего солдата.

— Нет, его там, наверху, только что ранило. В грудь. Санитар перевязывает... А немцы, как видно, заранее по соснам пристрелялись!

Морячок вдруг умолкает, а я разом вдавливаюсь в окоп — над головой возникает вой мин. И тотчас они обрушиваются на сосняк. Слышится грохот, трещат ветки сосен.

Над обрывом разносятся стоны. Кто-то кричит:

— Санитар! Командира роты ранило!

Налет продолжается минут десять, затем наступает тишина.

— Как дела? — спрашиваю я морячка.

— Ничего, — отвечает он.

Я сижу на корточках в окопе, пряча голову за низенький бруствер.

Над ними пролетают мины и снаряды, рвутся над обрывом. Взрыв раздается рядом с нами, на спину сыплется песок.

Вскоре начинает валить снег. Он валит хлопьями, тяжелыми и сырыми. Вокруг темнеет.

Я разгибаюсь в окопчике и осматриваюсь. В двадцати шагах даже обрыва не видно из-за снега.

Вылезаю. Теперь можно не опасаться снайперов: немецкий берег за плотной белой завесой. Подхожу к морячку, который сидит на бревне с закинутым на спину автоматом. Он оборачивается ко мне и говорит:

— Чего мы здесь? Пошли наверх, в роту.

— Так нам же опять сюда спускаться, — отвечаю. — Нет, уж я подожду. Роты все равно пойдут...

Морячок глядит в сторону и к чему-то прислушивается. Безветренный воздух доносит гортанные голоса немцев: некоторые слышны дальше, некоторые ближе.

— Вот гады! — говорит морячок.

Я невольно хватаюсь за винтовку, но тут же опускаю ее — все равно из-за снега ничего не видно.

— Минируют, — говорю я.

— Может быть... — соглашается морячок и встает с бревна. — Пошли наверх, найдем комбата или еще кого-нибудь...

Он поворачивается и лезет на обрыв. Я смотрю, как он цепляется за корень сосны, тот обрывается, но морячок, ругнувшись, успевает ухватиться за другой и оказывается на обрыве. Он выпрямляется, делает взмах рукой, должно быть мне, и исчезает.

Я стою в нерешительности. Тихо вокруг, только чуть слышно шуршит снег...

Внезапно возникший вой кидает меня в окоп. Немецкие минометы бьют все по тому же сосняку над головой. Грохот разрывов, мне кажется, сильнее прежнего. Наконец, снова наступает тишина. Но я не доверяю ей. Кажется странным, что по самой кромке берега, где я нахожусь, не ударил еще ни один снаряд! «Быстро наверх! — решаю я. — Сейчас самый подходящий момент!»

И лезу на обрыв. Сразу же натыкаюсь на неподвижно лежащего морячка. Его чуть запорошило снегом.

Наклоняюсь, смотрю на белое запрокинутое лицо. Вот ведь только что мы с ним разговаривали!.. Медленно иду вдоль берега, между смутно видимыми стволами сосен, обхожу кучу срезанных снарядами веток. Снег, все такой же густой и мокрый, валит сверху. Иду вдоль берега. Вскоре замечаю одиночную ячейку, в ней — солдата.

— Ты один? — спрашиваю.

— Нет, рядом, в ячейке — сержант!

Подхожу к сержантской ячейке. Сержант уже увидел меня. Без предисловия говорит:

— Вот и хорошо. Нас теперь трое. До рассвета будем дежурить по очереди.

Устюгов А. М. Последний патрон. Горький, 1977 С. 110—116.

ПИСЬМО СОЛДАТА С. Ф. ЗУБАРЕВА СЕКРЕТАРЮ ВЕРХОШИЖЕМСКОГО РАЙКОМА ВКП(б) П. М. СЕМЕНОВУ О ПЕРВЫХ ПОБЕДАХ НА ФРОНТЕ И БЫТЕ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ

23 декабря 1941 г.

Здравствуйте, тов. Семенов.

Разрешите передать Вам привет командира-коммуниста Зубарева С. Ф. То доверие, которое было выражено нам, мы оправдываем по разгрому гитлеровских полчищ и уверены, что победа будет за нами. Об этом говорит такой факт: после стремительного наступления на один из укрепленных пунктов противника было много захвачено трофеев и пленных. Очень жалок вид гитлеровских вояк! Особенно запомнился один из них годов 19—20 — плачет, как малый ребенок и дрожит на нашем русском морозе, благо, одет не по сезону: дырявые ботинки без обмоток, ветхая шинель и голову его украшает пилотка. А об обмундировании их говорить нечего. Все заношено и усыпано вшами. Такую же картину представляют ихние трупы на поле боя. Ввиду недостатка у них обмундирования грабят население и напяливают на себя все, что попадет. Например, один офицер соорудил себе кашне из женских панталон и носит их на шее. Примеров очень много, но перечислять их некогда. Из этого видно, до чего докатились с молниеносной войной гитлеровские вояки.

Коротенько о себе.

Сегодня утром 23.12.41 г. после выполнения боевой задачи, приведя себя в культурный вид, т. е. побрились, умылись, хорошо позавтракали, предварительно выпивши 100 граммов водки. И вообще, во всем чувствуем заботу народа, нас пославшего для защиты Родины: хотя бы как мы одеты — в валенках, ватных брюках, телогрейках. Нам не страшен никакой мороз и любой мороз будет нам союзником. Как мы проводим свободное от боев время: читаем газеты, большое внимание уделяем докладу т. Сталина, который вселяет дух уверенности в Победе над врагом и мы видим, как сбываются слова т. Сталина о неизбежности разгрома гитлеровских орд.

Ну, пока до свидания! Остаюсь жив и здоров. Передайте привет всем коммунистам, работающим в Верхошижемском районе. Прошу Вас написать, как живете и что нового. Как моя жена живет?

Адрес мой: Действующая армия, полевая почта станция 954, 20-й отряд автоматчиков. Зубареву Семену Филипповичу.

Резолюция: т. Тимкин. Ознакомить тов. Мальцева и др[угих] раб[отников] РК ВКП(б). Выясни, как живет семья и заготовь проект ответа*. Ответ написал Мальцев.

ЦДНИ КО. Ф. 2198. Оп. 3. Д. 131. Л. 1—2. Подлинник.

ПИСЬМО С ФРОНТА КИРОВЧАНАМ ОТ БОЙЦОВ И КОМАНДИРОВ 311-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ, СФОРМИРОВАННОЙ В г. КИРОВЕ

22 апреля 1942 г.

Здравствуйте, наши дорогие товарищи кировчане!

Шлем Вам свой боевой красноармейский привет! Прошло уже восемь месяцев с тех пор, как проводили Вы нас на битву с темными силами фашизма, коварно напавшими на нашу любимую Родину.

Мы, бойцы, командиры и политработники, всегда помним, с какой любовью, заботой трудящиеся города Кирова готовили нас на ратные дела. Благодаря заботам советского народа, благодаря Вашим заботам, товарищи кировчане, дивизия выехала на фронт прекрасно оснащенная боевой техникой, хорошо обмундированная, снабженная всем необходимым.

Уезжая защищать нашу Родину от немецко-фашистских захватчиков, мы клялись высоко нести красные знамена, врученные Вами, товарищи кировчане. И сегодня, посылая Вам свой первомайский привет с фронта Великой Отечественной войны, мы говорим:

— Никогда и никому не удастся победить великий и могучий советский народ. Мы вместе с Вами, дорогие друзья, победим.

Красная Армия в ожесточенных схватках с кровавым врагом шаг за шагом идет вперед, истребляет фашистских оккупантов, осквернивших нашу землю, гоня их на запад. Фашистский зверь ранен. И нам всем в тылу и на фронте надо еще с большей энергией делать все, чтобы быстрее добить лютого врага, беспощадно уничтожать немецких захватчиков, пробравшихся на нашу землю в качестве ее оккупантов.

Воины-федюнинцы, чье имя носим и мы, Ваши посланцы на фронт, вписали не одну славную страницу в борьбу за освобождение любимого пролетарского города Ленина от вражеской блока-

* Подпись неразборчива.

ды. Разгром врага под Войбокало, месяц боевых действий в глубоком тылу врага, разгром вражеского сильно укрепленного района на станции Погостье и ряд других славных страниц, вписанных нами в историю Великой Отечественной войны, говорят о том, что мы гордо несем на запад знамена, врученные нам трудящимися города Кирова.

За проявленную отвагу и мужество, за беззаветную преданность делу партии Ленина-Сталина правительство наградило 185 человек лучших бойцов, командиров и политработников нашей части орденами и медалями Советского Союза.

Сейчас в нашей части развернулось первомайское соревнование по истреблению фашистов, отказывающихся сложить оружие и с оружием в руках пытающихся поработить нашу Родину.

У нас есть храбрейшие воины, презирающие смерть во имя благородной идеи — защиты Родины. Среди них кировчанин Герой Советского Союза Александр Калинин. Бесстрашный разведчик тов. Зыков, уничтоживший 147 фашистов. Пулеметчик тов. Русинов, расстрелявший из своего пулемета свыше 100 фашистов. Орденоносец тов. Авдеев, истребивший 80 фашистов. Орудийный расчет тов. Цап, который истребил свыше 1000 фашистов, подбил 2 вражеских танка, 5 крупных орудий, уничтожил 27 пулеметов, 9 минометов, разрушил свыше 30 ДЗОТ [дерево-земляная огневая точка] и блиндажей.

В нашей части ширится значительное движение борьбы за почетное звание гвардейцев, и мы не пожалеем сил, чтобы приумножить свои боевые успехи, сделать часть гвардейской, а Армию генерала Федюнинского краснознаменной.

Враг готовит новые резервы, формирует новые стрелковые и танковые дивизии, но немцам никогда больше не создать такой многочисленной армии и мощных бронированных корпусов, какие были у них летом прошлого года. Немцам никогда больше не развернуть такого наступления по всему фронту, как это было при их внезапном нападении на СССР. Но на отдельных направлениях они могут попытаться наносить контрудары. Все это нужно помнить, все это нужно учитывать и делать свои выводы.

Вступая в первомайское соревнование с другими частями нашей Армии, мы ясно сознаем свои задачи:

1. Еще быстрее и настойчивее развивать свои успехи, еще крепче держать инициативу в своих руках, еще решительнее уничтожать опорные пункты, которые будут встречаться на нашем пути, чтобы не дать возможности врагу цепляться за них и накапливать силы для контрударов.

2. В грядущих боях с гитлеровскими полчищами на основе накопленного опыта еще шире развивать движение истребителей фашистов и на этой основе заслужить высокое звание гвардейцев.

Непобедимое знамя Ленина-Сталина осеняет нас в этой священной борьбе. Заверяем Вас, дорогие друзья, что мы, как верные сыны Советского народа, будем защищать Родину до последнего дыхания. Эта наша клятва нерушима.

В суровые дни Отечественной войны, беря на себя большие и ответственные обязательства, мы призываем Вас, товарищи кировчане, отдать все силы на укрепление военной мощи нашего государства — за станками и на колхозных полях вместе с нами ковать победу над дьявольской свастикой, зловеще нависшей над нашей любимой Родиной.

Армия, которая составляет единое целое с народом, непобедима. Не далек час, когда мы будем счастливы поздравить друг друга с великой победой над злейшим врагом человечества — кровавым фашизмом и сможем снова продолжать строить нашу свободную и счастливую жизнь. Мы победим! Наше дело правое! К этой победе нас ведет вперед мудрый вождь и полководец товарищ Сталин.

По поручению личного состава части письмо подписали:

1. Полковник Вияков С. Т.
2. Полковой комиссар Васев О. К.
3. Старший батальонный комиссар Калмыков

Кировчане:

1. Герой Советского Союза — младший политрук Калинин Александр Андреевич
2. Ст. сержант Зонов Иван Григорьевич (награжденный медалью «За боевые заслуги»)
3. Сержант Колотов Афанасий Васильевич (награжденный медалью «За отвагу»)
4. Красноармеец Дуркин Михаил Степанович (награжденный медалью «За отвагу»)

ЦДНИ КО. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 162. Л. 112—114. Заверенная копия. Опубл.. Кировская парторганизация в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Киров, 1961 С. 159—161.

А МИЛЬЧАКОВ

НАША НЕНАВИСТЬ

Серый дым ползет по перелескам,
Дышат гарью желтые поля
За Бобруйском, Полоцком, Смоленском
На врага встает сама земля

Ни воды ему, ни крошки хлеба!
В сумерках оглохших и пустых
Неожиданно взлетают в небо
Железнодорожные мосты.

Ночь бредет, на сучья натыкаясь,
Изрешечена картечью звезд.
Падают, в потемках кувыркаясь,
Вражьи эшелоны под откос.

По дубравам скрыты наши кони
Партизанский глаз врага найдет,
Наша пуля меткая догонит,
Наша ненависть штыком добьет

1942 г

Мильчаков А. И Стихи и поэмы Киров, 1971
С 6 7

Б ПОРФИРЬЕВ

КОСТЕР НА ЛЬДУ

День выдался ясный, и на небе, кроме беленьких облачков от шрапнели (это немцы били по нашему корректировщику), ничего не было. Мы, с полной выкладкой сапера, двигались по шоссе и нам было жарко и тяжело в шинелях и валенках. Все шоссе было запружено автоматчиками, шедшими к передовой, но они двигались очень медленно, и мы обгоняли их По бокам шоссе, в развалинах зданий расположились бойцы. Горели костры, дымились походные кухни, бойцы толпились около них с котелками, другие спали на снегу, прижавшись друг к другу и подложив под головы вещевые мешки. Дважды нас обогнали подразделения лыжников-автоматчиков в белых маскировочных халатах, с автоматами на шее, с лыжами на плечах.

Около контрольно-пропускного пункта, у опущенного шлагбаума, толпилась рота моряков; на них были черные бушлаты, бескозырки сдвинуты на затылок, солдатские стежоные штаны заправлены под заломленные валенки. Моряков не пропускал старший сержант с красной повязкой на рукаве Высокий моряк с лейтенантскими погонами на бушлате, с подбритыми усиками на бледном лице хватался за пистолет, болтавшийся

сзади на тоненьких ремешках, и ругал сержанта. А сержант, прикладывая руку к ушанке, просил его обождать телефонного звонка.

Нас пропустили, не задерживая, и, когда мы проходили через контрольно-пропускной пункт, я слышал, как кто-то надрывался в будке «Резеда! Резеда! Черт бы тебя побрал! Слышишь?! Рота морской пехоты »

Мы шли, обгоняя солдат, которые всю ночь двигались к передовой «Студебеккеры» и «газы», груженые снарядами, гудели у нас за спиной. С передовой, навстречу, двигались пустые машины.

У разбитого здания больницы Фореля дорога разветвлялась. Мы пошли низиной, замерзшим болотом; на протяжении километра над дорогой была натянута осенняя маскировочная сетка. Кроме нас, здесь уже никого не было. Скоро лощина снова вывела нас на шоссе. Шоссе поднималось в гору. По горе ожесточенно били немецкие минометы. При самом выезде на шоссе лежала убитая лошадь; воз с сеном был опрокинут, и на сене лежал ездовой. Два бойца, сняв с него засаленный полушубок, бинтовали ему спину.

— И не пытайтесь, — сказал один из бойцов, обернувшись к нам и указывая на дорогу. — Вот идите по проводу Тропинка протоптана. Только осторожнее: заминировано вокруг С лошадью не проехать, а пешком хорошо.

Лейтенант выслушал объяснения и, посоветовавшись с командирами взводов, решил идти по тропинке. Тропинка пролегала по льду, рядом с телефонным проводом. Лед был чистый, ветром выдуло снег, только промерзшие кочки темнели вокруг

К полудню мы дошли до землянки, где устраивался наш командный пункт Землянка была вырыта в насыпи железнодорожного полотна. Перед землянкой лежали дрова. К вечеру мы должны были распилить, расколоть и снести такое количество дров, чтобы на всю ночь хватило жечь костры.

Лейтенант объяснил нам задание, хотя мы и так представляли его. Я получил самую дальнюю точку, в пяти километрах отсюда, у самого залива. На точку приходилось два человека. Со мной был ефрейтор Емелин. Он до войны работал в колхозе. Я знал, что сейчас мы с ним хорошо справимся с порученным делом.

Мы пилили и кололи дрова, сбросив шинели, и спины наши взмокли от пота, и от них шел пар. Дважды мы носили дрова на нашу точку впятером, потому что она была самой дальней, и под вечер отправились с Емелиным в последний рейс, захватив помимо лопат, топоров и винтовок, по вязанке дров Мы так намаялись за этот день, что едва передвигали ноги.

На месте нашего будущего костра, прямо в лед, был воткнут маленький красный флажок. Но мы решили, что несколько шагов ничего не значат, и выбрали другое место, где ветер намел груду снега. Это был снежный островок среди льда, и мы принялись сооружать из снега маскировку для нашего костра. Подмерзший снег рассыпался, и мы собрали весь его, но у нас ничего не получилось.

Я бросил лопату и сел на дрова. Без маскировки костер разжигать было нельзя: на расстоянии в пятьсот-восемьсот метров немцы расстреляли бы нас моментально же. Надо было что-то делать. Может, натянуть на

винтовки шинели? Больше я ничего не мог придумать. Ничего. Ничего не мог придумать. Костер должен гореть. Как взлетят ракеты — две зеленых и одна красная — костер должен гореть. Шестьдесят костров по всему переднему краю обороны нашей дивизии должны гореть. И наш костер — один из главных. Он должен гореть. Должен гореть, как взлетят три ракеты. Мы можем разжечь его прямо на льду безо всякой маскировки. Тогда нас расстреляют в первые же десять минут. Ночью наши самолеты пойдут на бомбежку. Если костер потухнет, бомбардировщики не смогут определить три вражеских дота. Три дота находятся в пятистах-восьмистах метрах от нашего костра. Если костер не будет гореть, вражеские точки останутся жить. А если костер запылает, их разнесут. Их разнесут в щепы. Пуще, чем в щепы. И наша пехота, и лыжники, и моряки — все те, кого мы обогнали сегодня на шоссе, все ринутся в наступление. Наша дивизия тоже ринется в наступление. И солдаты скажут спасибо бомбардировщикам. А штурманы скажут спасибо нам. Значит, и солдаты будут благодарить нас. Костер должен гореть. Он не может не гореть.

— Слушай, Иванов, — сказал мне Емелин. Я посмотрел на него. Он стоял передо мной без шинели, в одной гимнастерке, навалившись грудью на лопату. Сзади него до самого горизонта был лед. За горизонт спустилось солнце. Багряная полоска отделяла лед от неба. И лед, и небо были серого цвета.

— Слушай, сержант, — повторил он. — А давай-ка порубим лед. Он здесь не очень толстый, но мы отойдем подальше — там он толще. Может, и выйдет что.

Я вскочил. Вот это идея!

— Давай, давай, Емелин, попробуем! — сказал я.

Я взял топор. Лед был толстый. Мы вырубили глыбу; плиты не получилось, но глыба была замечательная. Мы положили ее на снег. Потом вырубили вторую. Потом еще. Мы укладывали их друг на друга, посыпали снегом, и они смерзались. Начало темнеть. Багряная полоска на горизонте потухла. Вспыхнула первая звезда. Мы торопились. Ледяная крепость из трех стенок высотой до пояса была готова. Четвертой стенки не было. С нашего тыла могли видеть костер. Нам не для чего было маскировать его со всех четырех сторон. Вспыхнула вторая звезда, потом — еще и еще.

— Емелин, — сказал я, — кончай. Я один справлюсь. Начинай складывать костер. И следи за сигналом.

Емелин присел над дровами, достал финский нож и стал щепать растопку. Тоненькие-тоненькие лучинки. Такие он, наверное, щепал дома для самовара. Емелин сидел на корточках и спокойно щепал лучинки. Я рубил лед. Я не заметил, как совсем стемнело. Стенки доходили мне уже до плеч.

Я кончил работать и надел шинель. Валенки мои промокли и обледенели, и ноги начали зябнуть. Я подошел к Емелину. Он подготовил все для костра. Бутылка с горючей смесью стояла рядом с дровами.

— Ну, как? Скоро нам засигналят? — спросил я.

— Да, кажись, скоро, — ответил Емелин.

— Ты оденься-ка, — сказал я, — а то замерзнешь.

— И то думаю, — сказал он. Он поднялся, подошел к шинели, надел ее, протер рукавицей ствол винтовки и поставил винтовку к внешней стороне ледяной стенки.

— Давай попробуем сначала разжечь маленький, — сказал я. — Чтобы, когда просигналят, он у нас горел. Дров хватит на всю ночь.

— Давай, — согласился Емелин. — И ноги просушишь, ишь, ведь, как вымок. А о дровах что нам беспокоиться? И на две ночи их хватит.

Емелин взял бутылку со снега, открыл ее и облил смесью дрова. Я достал спички и поджег лучинки. Растопка вспыхнула, отсвет затрепетал по ледяным стенкам. Емелин подбрасывал лучинки. Они прогорели. Емелин снова полил из бутылки. Снова запылала растопка. Наконец, вспыхнули дрова. Бутылка валялась пустая. Теперь она нам была не нужна. Костер горел. Мы подтащили к костру все дрова и уселись на них. Я снял валенки, размотал портянки и стал их сушить над огнем. Валенки я положил на дрова, которые сохли перед огнем. Емелин завернул по самокрутке, и мы закурили. Мы сидели у костра и курили, и я сушил портянки и смотрел в огонь и на стенки, по которым метались отблески и стекали блестящие капельки. Емелин следил за темным небом и ждал ракет. Ракеты иногда взлетали, и зеленые и красные, но это были не наши. Я просушил одну портянку и валенок и обул левую ногу. Где-то сзади нас послышались голоса. Емелин вскочил, взял винтовку и шагнул в темноту. Я тоже потянулся к винтовке, но кто-то из темноты крикнул:

— Сиди, сиди, браток!

Трое парней в белых маскировочных халатах подошли с Емелиным.

— Здорово, сержант, — сказал тот же, что кричал из темноты.

— Здоровенько, — сказал я. Я думал, что они спросят документы.

— Что? Сигналите? — спросил тот же.

— Да вот, видишь, — сказал я.

Ребята подошли к костру и стали греть руки.

— Закурим, что ли? — спросил я.

— Давай.

— Отчего не закурить.

Я достал портсигар, сделанный из плексиглаза, оторвал всем газеты и насыпал табаку. Я наклонился, вытащил из костра полено и дал каждому прикурить. Емелин потянулся через плечо, прижег цыгарку и снова стал сзади. Винтовки из рук он не выпускал. Хороший был солдат — Емелин.

— А вы, что, по тылам? — спросил я хлопцев.

— Да какое уж — по тылам.

— Сегодня не пойдешь по тылам-то.

— Свои разбомбят.

Потом они встали и поправили автоматы.

— Ну, жгите, жгите, пуще валяйте, — сказал все тот же. — Ох и дадут сегодня жизни фрицам!

— Да уж, будет делов, — ответил я. — Ну, счастливенько.

— Прощевайте.

Они скрылись в темноте. Потом издали все тот же крикнул:

— Вы тут осторожнее рассиживайтесь-то! И фрицы тут иногда бродят!

— Ладно уж, давай шагай! — ответил я.

— Смотри, сержант!

— Давай, давай шагай!

Они ушли. Емелин сел рядом со мной.

— Нету ракет, — сказал он. И после паузы: — Скорей бы уж.

— А тебе-то что, не все равно?

— Да спокойней бы — скорее-то.

Я обул вторую ногу. Портянка была сухая и горячая.

— Давай, и ты суши ноги, — сказал я Емелину. — Я посмотрю.

Я встал, подтянул ремень, взял винтовку и вышел в темноту. После костра здесь ничего не было видно, и глазам долго пришлось привыкать к темноте. Иногда взлетали ракеты, но все на немецкой стороне. Разноцветные трассы секли воздух. Я поставил обратно винтовку и потуже натянул рукавицы. Емелин сидел на дровах и держал над костром портянки. В это время там, где я ожидал, взвились две зеленые ракеты, и за ними — стремительно — красная. Они рассыпались звездочками, и звездочки медленно таяли в небе.

— Давай, Емелин, жги! — закричал я и, схватив винтовку, выстрелил в небо, туда, где таяли звездочки. Быстрый светлячок впился в темноту. Я опять лязгнул затвором. Еще четыре пули уплыли одна за другой. Я доложил на КП, что видел сигнал и что костер горит. Емелин подбросил дров. Костер сначала притух, но потом запылал, и пламя выбрасывалось через стенки. Здорово видно было такой костер сверху. Я смотрел на небо и прислушивался. Небо было спокойным. Емелин подбрасывал дрова, пламя лизало ледяные стенки и взвивалось над ними. Я отошел на несколько шагов в сторону немцев и взглянул на наш костер. Пламя было видно. Я пошел дальше, обертываясь назад, пока ледяная маскировка костра не слилась со льдом болота, и остановился и долго вглядывался. Серое ледяное пространство лежало передо мной. Неожиданно на нем вспыхнул наш костер, — видимо, ветер выбросил пламя над стенкой. Потом все потухло. Я постоял. Пламя вспыхивало несколько раз, когда налетал ветер. Я вернулся к костру и сел рядом с Емелиным. Он по-прежнему сушил портянки. Мы сидели молча и ждали, когда появятся самолеты; закурили. Где-то позади метнулся луч прожектора. Я встал и взглянул назад. Луч переломился, упершись в землю, и погас. Поднялся ветер, и одну часть неба затянуло облаками. Я боялся, что будет нелетная погода. Ветер трепал пламя и бросал его кверху Я ходил по льду, позади костра, там, где было светло из-за отсутствовавшей стенки, и думал о том, что погода стала портиться, а бомбардировщиков нет, и все старания с костром были напрасны.

Я ходил, сжимая рукой ремень винтовки, и вдруг в это время взвыл

снаряд. Я бросился на лед. Снаряд разорвался где-то около костра, впереди его, и пыль из снега и осколков льда повисла в воздухе. Не успел я подняться, как рванул второй. Третий попал в костер, разметав его в стороны, и обдал меня водой и осколками льда. Еще два легли где-то рядом. При звуке каждого из них я втягивал голову в плечи, и мне казалось, что все снаряды притягиваются ко мне, как к магниту. Пятый был последним. Я поднялся и побежал к костру. Емелин лежал, раскинув руки. Снаряд разорвался шагах в десяти перед костром, пробил лед, опрокинул переднюю стенку маскировки и затушил огонь. Дрова были разметаны и залиты водой.

Я склонился над Емелиным.

— Емелин, — сказал я, — слышишь, Емелин!

Емелин не отвечал.

— Ох, Емелин! Ну, что же ты? — сказал я.

— Ты не хочешь слушать меня, Емелин, — сказал я. — Да ну же, Емелин. Я взял его за плечи, приподнял и снова опустил, потом снял флягу с его пояса, отвинтил пробку и влил ему в рот спирта.

— Ну же, Емелин, — сказал я. Емелин открыл глаза. Я подложил ему под голову две шапки: его и свою. Мои руки были в крови. Я снова склонился над Емелиным и увидел, что кровь у него на шее и лице. Емелин молчал и смотрел широко открытыми глазами в небо. Потом он открыл губы, но ничего не сказал, а коснулся меня правой рукой и указал ввысь. Я медленно повернул голову. В небе плыла зеленая ракета, я подождал, когда она рассыплется, и пока таяли звездочки от нее, всплыла другая, и по ее зеленому следу — третья, красная. Это был повторный сигнал. Я смотрел в небо, склонившись над Емелиным и держа его голову левой рукой, и чувствовал, как сквозь пальцы течет кровь. В небе рассыпалась последняя ракета повторного сигнала. Емелин откинулся на моей руке Когда я опустил глаза, Емелин был мертв. Я осторожно освободил свою руку, встал и стоял некоторое время так. Я что-то был должен сделать Но я не мог вспомнить — что

Потом я подобрал свою винтовку, обтер ее и взялся за затвор; в патроннике был патрон. Не задумываясь над тем, что я делаю, я поднял винтовку и выстрелил пять раз в небо, туда, где рассыпалась последняя ракета. Я просигналил. Не задумываясь, я обманул всех — костер у меня не горел. Где-то в небе послышался звук самолета. И вдруг я вспомнил, что должен гореть костер.

Я подобрал дрова, сложил их вновь на то же место, нащепал растопки и зажег спичку Ветер сразу же задул ее Я закрыл костер телом и снова зажег спичку Растопка начала гореть, но потом погасла. Я снова зажег спичку, и снова, и снова, пока в коробке не осталось несколько спичек. Я весь похолодел, а потом меня бросило в пот. В коробке было несколько спичек. Последних спичек. Надо мной ровно гудел мотор. Не надо было волноваться. Надо было взять себя в руки. Костер должен гореть. Если я не буду волноваться, костер будет гореть.

Я поднялся, снял с себя шинель и натянул ее вместо разрушенной стенки. Потом подошел к Емелину и осмотрел его карманы: спичек у него не было, я так и знал. Я оттащил его в сторону и положил на лед. Потом

подобрал обуглившиеся дрова, аккуратно уложил их и нащепал много лучинок. Только когда было все готово, я достал спички. В коробке было восемь спичек, одна из них как будто бы была без головки. Значит — семь. Надо было действовать наверняка. Я достал портсигар, вынул из него газету и разложил ее на полене. Потом взял винтовку и подсумки — свой и Емелина — достал из них патроны и присел над костром. Я брал патрон в руку, вставлял его пулей в дуло и, раскачивая, доставал пулю. Латунь легко поддавалась, освобождая пулю. Порох я высыпал на газету. Я оставил только четыре патрона, которые были в магазине. Я сделал все, что мог. Я подышал на руки и только тогда достал коробок спичек. Три спички подряд не зажглись. Четвертую, загоревшуюся, я поднес к пороху. Порох вспыхнул, и затрещали лежащие над ним лучинки. Я подкладывал их и подкладывал. Мотор вновь загудел в небе. Пламя медленно лизало дрова. Я вспомнил о спирте во фляге, взял ее и плеснул спирт в костер, но не в самый огонь, а рядом, так как боялся его затушить. Спирт вспыхнул широким синим пламенем, лизнул шинель и лед, но сразу же пламя опало, и вновь только едва горели лучинки. Я щепал их, самые тоненькие, и подкладывал, а они сгорали, не поджигая дров. Затем погасли и они.

Я откинулся, сел и сжал голову руками. Шестьдесят костров должны были гореть. Пятьдесят девять из них горели. Это я знал. Конечно, они горели. Ячейки для них были выкопаны в земле, и костры горели, защищенные от ветра и скрытые от немцев; солдаты тоже сидели в отрытых ячейках рядом с кострами и курили сейчас и ждали, когда появятся бомбардировщики. Мы же не могли врыть свою ячейку вглубь, потому что под нами была не земля, а замерзшее болото, и огонь нашего костра увидели немцы и расстреляли нас, и погасили костер, и убили моего товарища. Убили моего товарища! И вот я один сижу в гимнастерке и без шапки над потухшим костром, и холодный ветер дует мне в спину, а сзади лежит мертвый Емелин. Самолет зашел снова надо мной, но мне было стыдно поднять к нему голову; немецкие прожектора нащупали его, и он ушел обратно. Тысячи солдат, те, которых мы обгоняли утром на шоссе, и те, которые сидели в блиндажах, готовились сейчас к наступлению, прилаживая штыки и нащупывая гранаты, и ждали, когда раздастся ровное гудение, и замечутся в напрасной лихорадке прожекторные лучи с немецкой стороны, а гул будет нарастать и нарастать, и самолеты пойдут в высоте, ровно и спокойно, и с грохотом взметнется земля впереди огненными столбами, и снова, и снова, и зарево станет с полнеба. Бойцы ждали, а я сидел вместо того, чтобы разжигать костер, и терял нужное время.

Оставалась последняя попытка. Я достал из кармана конверт, вытащил из него письмо и вновь разложил бумагу на дровах и соорудил над ней костерок из лучинок и высыпал порох из последних четырех патронов. Я был обезоружен. Немецкая разведка могла зайти сюда и взять меня. Но я бы все равно не сдался им живым, потому что у меня был еще нож Емелина, и я нисколько не жалел последние патроны. Также не жалел я и письмо, которое собирался сжечь, хотя таскал его с собой всю войну и знал наизусть. Не стоило жалеть это письмо. Письмо моей отрады. Не стоило думать о моей отраде. Не стоило думать о ее письме. Была бы она умнее, посылала бы огромные письма и вкладывала бы в них целлюлозу или что-нибудь в этом роде. Посылала бы в письмах то, что хорошо горит. Пусть будет умнее в следующий раз. Когда я вернусь с задания, я расскажу хлопцам, как не

пожалел письмо, а если жив останусь, и ей расскажу. Пусть сердится. Письмо, которое носил у сердца. Письмо моей отрады. Пусть сердится. Я все сделал, что мог. Костер будет гореть. Я все сделал, и костер будет гореть. Я все сделал, что мог, и костер будет гореть.

Я зажег спичку. В коробке осталось еще две. Порох вспыхнул. Огонь охватил письмо. Письмо моей отрады. Лучинки загорелись. Я не давал им потухнуть и подбрасывал новые и — все толще и толще. Они горели. Толстые лучинки начинали гореть. Весь костер начинал гореть. Я смотрел, как пламя ласкалось к дровам, обтекало их, и вырывалось, и лизало боковые ледяные стенки, и по ним вновь побежали капельки, а пламя уже подбиралось к шинели.

Вновь в небе загудел мотор, и я поднял голову и увидел, как с немецкой стороны взметнулись прожекторные лучи и лихорадочно зашарили по небу, а самолет прошел где-то надо мной, и мотор затих.

Я сидел над костром без шапки, в одной гимнастерке, и холодный ветер резал мне спину, и ныли ноги в застывших валенках, и сзади лежал убитый Емелин, и жаль было последних патронов и письма, но костер горел.

Где-то далеко раздалось гуденье самолетов. Я встал, отошел от костра и поднял голову кверху. Я замахал рукой, стоя над костром, и самолеты проходили на высоте, идя ровно и спокойно. Я стоял и смотрел ввысь, и костер горел рядом со мной.

Порфирьев Б. А. Мои товарищи: Рассказы. Киров, 1947. С. 58—78.

Дважды Герой Советского Союза
гвардии генерал-майор авиации В. ПОПКОВ,
гвардии инженер-подполковник Н. ИЛЬИН

СПАСАЯ КОМАНДИРА

Пасмурным осенним днем командир звена Георгий Баевский и его ведомый Петр Кальсин вылетели на свободную «охоту» в район Никополь — Кривой Рог. Им, опытным авиаторам, не впервой такое задание. Не раз вместе уходили в боевой полет. Дрались отважно. В бою с полуслова научились понимать друг друга, хотя по характеру это разные люди, с несхожими судьбами.

Георгий Баевский занимался в Московском аэроклубе, потом кончил школу военных летчиков. Как лучшего выпускника, его оставили инструктором. Откровенно говоря, не по душе ему была такая работа. Но он понимал: боевым полкам нужны летные кадры. И трудился на совесть. Десятки его питомцев ушли на фронт, стали умелыми воздушными бойцами. Наконец и его, Баевского, настал черед: добился-таки, чтоб послали в боевой авиаполк. У Петра Кальсина своя судьба. Уроженец Оричевского района Кировской области, он работал агрономом в родном селе. И кто знает, не будь войны, возможно, стал бы известным селекционером. Но война все перевернула, и комсомолец Петр Кальсин взялся за оружие, научился управлять истребителем. И не только управлять, а и нещадно

разить ненавистного врага. На земле он казался тихим, молчаливым, подчас незаметным. Но как преображался в воздухе! Кажется, недавно прибыл в полк, а уже успел отличиться, блестяще выполнял задания командования.

Пара Ла-5 на большой скорости и бреющем полете пересекла линию фронта. Под крылом замелькали вражеские окопы, замаскированные танки и машины. О всем замеченном немедленно передано находившейся на переднем крае радиостанции наведения. Обнаружив на шоссе обоз, истребители атаковали его, потом ударили по колонне автомашин. Но вот вверху, юго-западнее аэродрома Апостолово, в белесой дымке мелькнул двухфюзеляжный силуэт. Баевский первым заметил врага, передал ведомому по радио:

— Впереди «рама». Иду в атаку!

Фашист попытался ускользнуть, но тщетно. Баевский уже открыл огонь. Меткая очередь пропорола кабину «фокке-вульфа» . Самолет неуклюже накренился и резко пошел к земле. Но его стрелок успел выпустить длинную очередь по атаковавшему. И тут Баевский почувствовал, что мотор начал давать перебои. В кабину ворвался дым, запахло удушливой гарью. Скорость полета упала. Истребитель плохо слушался рулей. Как быть? До своих не дотянуть. Прыгать с парашютом — мала высота. Да и прыгать некуда — под крылом земля, занятая врагом. В кабине вдруг стало непривычно тихо — совсем отказал мотор.

— Кальсин, прикрой. Иду на вынужденную...

Петр Кальсин видел, как командир садился, видел, как он выскочил из горящего самолета. К нему бежали какие-то люди. Кто они: друзья или враги? Нет, советские летчики не оставляют друг друга в беде. И он, Кальсин, уже принял решение. Сделав над полем крутой вираж, повел свою машину на посадку. В первый раз «промазал» — площадка была слишком мала. Пришлось выполнять второй заход. Только б не поломать шасси. Рассчитать так, чтоб сесть поближе к самолету командира. Кальсин осторожно подвел машину к земле. Мгновение — и Ла-5 запрыгал на неровностях пахоты.

Не выключая мотора, Кальсин выпрыгнул из кабины навстречу бежавшему без унтов, в одних носках товарищу, помог ему потушить тлевшую меховую одежду. Казалось, прошла вечность, пока, наконец, Баевскому удалось втиснуться в люк фюзеляжа. Трудно было сесть, но как взлететь с мягкого грунта? А тут еще впереди линия высоковольтной передачи. И уже совсем близко бегущие к машине люди. Сомнений быть не может — это вражеские солдаты. Что-то кричат, стреляют из автоматов. Медлить нельзя.

Кальсин быстро закрыл фонарь кабины, выпустил посадочные щитки и увеличил обороты мотора. Но самолет не сдвинулся с места. Тогда летчик послал сектор газа вперед до отказа и энергичными движениями руля поворота стал раскачивать машину. Это помогло. Самолет потянуло было на нос, затем он рывком стронулся с места, тяжело побежал.

Какой это был взлет! Навстречу с каждой секундой все ближе и ближе надвигалась высоковольтная линия. А самолет, словно подбитая птица,

продолжал прыгать по пашне. Огромным усилием Кальсин оторвал истребитель от земли. Каким-то чудом он перемахнул через провода и на бреющем скрылся из глаз вражеских солдат.

На аэродроме беспокоились. Горючее на исходе, а самолетов все нет. Из штабной землянки вышел командир части дважды Герой Советского Союза гвардии подполковник Зайцев. С трудом скрывая волнение, он также смотрел в ту сторону небосвода, откуда должны были появиться истребители. Вдруг кто-то обрадованно воскликнул: «Идут!» Чуть выше горизонта обозначилась точка: быстро увеличиваясь, она приобретала знакомые контуры самолета.

— Один вернулся... — негромко произнес начальник штаба подполковник Калашников.

— Кажется, Кальсин, — высказал предположение старший инженер.

— Так и есть, он, — подтвердил комэск Герой Советского Союза майор Лавейкин.

Истребитель сел и подрулил на стоянку. Туда же, ускоряя шаг, заспешили однополчане. Кальсин уже вылез из кабины и открывал люк. Вездесущие техники оказались рядом, и кто-то из них оповестил: «Баевский здесь! Живой!..» Несколько пар рук бережно вытащили обгоревшего летчика из фюзеляжа и положили на носилки. Прямо с аэродрома Баевского отправили в госпиталь.

А Кальсина обступили боевые друзья. Наперебой расспрашивали о случившемся. И когда все прояснилось, раздался клич: «Качать его!» Так на руках они донесли лейтенанта до землянки.

О героическом подвиге летчиков командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Р. Я. Малиновский издал по фронту специальный приказ. Гвардии лейтенант Кальсин и гвардии старший лейтенант Баевский были награждены орденами Красного Знамени.

Через неделю в составе шести Ла-5 лейтенант Кальсин снова полетел на свободную «охоту» в район города Никополь.

Свято выполнил свой долг бесстрашный летчик-истребитель. Но с того боевого задания он не вернулся. Георгий Баевский, которому он, Кальсин, спас жизнь, поклялся отомстить врагу за гибель боевого друга.

После выздоровления Баевский снова участвовал в боях, уничтожал врага в воздухе и на земле. Вместе с полком отважный гвардеец дошел до Берлина. За годы войны он совершил свыше двухсот боевых вылетов. Более пятидесяти раз участвовал в воздушных боях и сбил 19 самолетов противника. Родина высоко оценила заслуги летчика коммуниста Георгия Баевского, удостоив звания Героя Советского Союза. Он окончил Академию Генерального штаба, ныне генерал-майор авиации и по-прежнему находится в боевом строю.

Герои и подвиги. Кн. 3. М., 1965. С. 118—121.

ЗАПИСКА ТРЕХ РАЗВЕДЧИЦ ИЗ ГЕСТАПОВСКОЙ ТЮРЬМЫ ГОРОДА ПСКОВА

17 октября 1942 г.

Сегодня 17 октября 1942 года. Больше месяца сидим в этой одиночке. Нас трое. Мы честно выполнили свой долг перед Родиной. За это нас истязают фашисты. Что бы они ни делали, мы погибнем честно, как в бою.

Прощайте, товарищи! Отомстите за нас.

Эта маленькая записка на листке из школьного учебника в 1957 году была найдена строителями за дверной коробкой в одной из камер бывшей гестаповской тюрьмы в Пскове. Листок был сложен вчетверо и пожелтел от времени. На одной его стороне кровью выведен контур красного знамени, а на другой — написан текст.

И вот что удалось установить.

В ночь на 8 августа 1942 года в район Пскова была заброшена группа советских разведчиц. В группу, имевшую условное название «Вера» , входили 20-летняя москвичка Валерия Вильгельмовна Патковская, 19-летняя Валентина Михайловна Голубева, 18-летняя Елена Степановна Силанова и Анфиса Алексеевна Горбунова*, 23 лет. Группа имела задание обосноваться в Пскове и сообщать по радио командованию советских войск сведения о расположении частей противника, о передвижении войск и техники, строительстве оборонительных сооружений. Благополучно приземлившись, девушки на следующий день в районе Заречья наткнулись на карателей. В перестрелке погибла Лена Силанова. Трем разведчицам удалось уйти от преследования.

Устроившись на конспиративной квартире в пригороде Пскова, они регулярно передавали по радио шифровки командованию из района Карамышево, Кресты, Черехи, где находились стыки крупных дорог, идущих из Пскова. В городе было сосредоточено много гестаповских частей и служб особого назначения.

В конце августа девушки вынуждены были перебраться из удобной пригородной квартиры в Псков, так как старик, хозяин квартиры, был схвачен гестаповцами и зверски замучен. Девушки в это время были в Черехах. Став на учет на бирже труда, они вскоре устроились на работу: Валентина Голубева (под фамилией Изотова) и Анфиса Горбунова (Мазина) — на шпагатную фабрику, а Валерия Патковская (Щедрова) — переводчицей в одном из учреждений города.

Руководящую роль в группе играла Валерия, хорошо знавшая немецкий язык. Это была смелая, находчивая девушка, с которой во всем брали пример подруги.

Положение в городе становилось все более тяжелым: усиливались террор, провокации. Тюрьмы были переполнены. Открылись новые застен-

---

* Уроженка Яранского уезда.

ки на улице Ленина, которую захватчики переименовали в улицу Адольфа Гитлера. В Крестах был большой концентрационный лагерь, где за рядами колючей проволоки томились военнопленные, псковичи и крестьяне из окрестных деревень.

Сохранилось письмо Валерии в Москву матери Анне Ильиничне перед отправкой в тыл врага. «Ответа от тебя я больше уже, наверное, не получу, — писала она, — потому что еду на задание. Ты сама понимаешь, что это связано с большими трудностями, которые надо преодолеть, и, конечно, надо быть готовой ко всему. Я все... как следует обдумала и решила, что мне это под силу, и постараюсь выполнить задание с честью... Хотя и очень опасно, но думать о смерти не хочется. Хочется жить, работать, любить. И когда так думаешь, мысль о смерти уходит назад. Я знаю, что смелый человек умирает один раз. А трус много раз».

Твердая убежденность в правильности избранного пути, добровольное решение идти в тыл врага и сделать все возможное для победы — только это определяло всю последующую жизнь Валерии и ее отважных подруг. Вот несколько донесений, переданных группой «Вера» армейскому командованию.

«Я Вера. В квадрате 0480 «Г» в роще на правом берегу реки Черехи крупный склад горючего противника...»

«Я Вера... Здесь, Карамышево — Вешки, большое скопление воинских эшелонов, идущих на Ленинград...»

«Квадрат 0884 «Д» в Крестах — аэродром боевых самолетов... Квадрат 0884 «Г» в Крестах — склад авиабомб...»

«Я Вера. После налетов нашей авиации возникли очаги пожаров...»

Подобные донесения, добытые с большим риском, помогали наносить врагу более ощутимые удары, и это наполняло сердца разведчиц радостью.

В сентябре 1942 года в связи с очередной регистрацией населения их вызвали в комендатуру и там задержали, так как у них в паспортах не оказалось какой-то отметки. Первоначально, не имея против девушек никаких улик, их содержали в абверкоманде № 304 на Крестьянской улице, где жандармы занимались проверкой подозрительных лиц и документов, перевербовкой пойманных или перешедших к ним на службу людей. Режим там был свободней, чем в тюрьме, и разведчицы готовились к побегу. Но неожиданно все рухнуло. В абверкоманду привезли женщину, которая хорошо знала Валерию. Не выдержав пыток, на первом же допросе она назвала подлинную фамилию Валерии и показала, что Патковская является руководителем группы разведчиц. На следующий же день Патковскую и двух ее подруг перевели в гестаповскую тюрьму на Некрасовской улице и заключили в камеру № 1.

Начались новые допросы и пытки. Следствие велось в помещении полевой жандармерии, в доме № 2 по Комиссаровскому переулку. Девушек подвешивали, жгли раскаленными прутьями, били самым зверским образом, но они твердо повторяли то, что сообщили при первом допросе. Не добившись новых показаний, гитлеровцы расстреляли Валерию Патков-

скую, Анфису Горбунову и Валентину Голубеву под Псковом, в районе деревни Пески.

Соболев И. В. Группа «Вера» . М., 1960. 40 с.

П. КОЗЛОВ

НА КРАЕШКЕ ЗЕМЛИ

С Лысой горы и примыкавших к ней высот осенью 1942 года я смотрел на серебристую ленту величавой и грозной Волги, в бескрайние заволжские дали, туда, где был отчий дом, откуда, знал, ежедневно смотрят в мою сторону заплаканные глаза мамы. Все это время она жила ожиданием и страхом за мою жизнь. Однажды во время сенокоса мама стояла на стогу (лучше ее никто в деревне не мог укладывать сено в стога). Почтальон Иван Александрович принес ей мое письмо, написанное в день отправки на фронт, прямо на луга:

— Тетка Дуня, письмо от Петра! — крикнул он.

У мамы (потом она говорила) под сердцем екнуло, подумала: «Беду принес, раз пришел на луга» . (Фронтовые треугольники он читал, это все знали). Оборвалось все внутри, и она в беспамятстве свалилась сверху. Прямо с лугов ее отвезли в больницу, где она пролежала целый месяц. А когда поправилась, часто ходила в церковь (в село Беляевское Кикнурского района, где действовал единственный во всей округе храм) и там заказывала молебен о моем здравии. Только став отцом, я смог понять любовь родителей к детям.

Вспоминал сестренку, жалел, что в войну ей не удается учиться, с тринадцати лет ежегодно на целую зиму уезжает на лесозаготовки, надорвалась там от безмерной тяжести сырых сосновых и березовых хлыстов.

Вспоминал отца-ветерана, его рассказы. Бывало, ночами, когда едешь в город на базар, или во время сушки снопов в овине, сидя под ним у костра, он предавался воспоминаниям о боях с австрийцами и немцами, деникинцами и белополяками. Рассказывал и о боях под Царицыном. Прав поэт, написавший строки:

Не в сорочках, а в гимнастерках

Мы — я думаю — родились.

Невыносимо тосковал я по дому. Уходил мыслями в прошлое, в детство, ни на минуту не переставал жить прежней домашней жизнью. Тоска по этой жизни истомила все сердце. Она находила перед боем и после него. Грызла душу. Я жаждал боя, чтобы заглушить ее. В то же время хочется сказать читателю: мы мечтали о доме, шептали имена родных и любимых, писали стихи о них не в ущерб боевому делу. Твердо говорю: воспоминания о доме были живым родником, возвращали и укрепляли силу.

Тоску по дому, кроме боя, снимала еще одна мера — «фронтовые сто грамм». С ноября перед боем, точнее перед наступлением, нам начали выдавать по 100 граммов водки. Здесь, на фронте, я узнал ее вкус. Теперь многие говорят о «наркомовской норме». Осуждают. Но в ту пору она была

благом. В течение нескольких месяцев мы были в состоянии крайнего напряжения физических и духовных сил и днем, и ночью. К тому же, как писал выше, душу грызла невыносимая тоска по дому. А эти «сто граммов» расслабляли, снимали напряжение, хоть на несколько часов приносили успокоение душе, снимали страх перед атакой. После приема этих «ста граммов» казалось, что война не так ненавистна. Жить можно. Но, к сожалению, мы видели эти «сто граммов» очень редко. А без них снова накатывала тоска.

Угнетала полевая дискомфортность, особенно грязь и вши. Я молил судьбу только об одном: укрепи мою волю и сердце мое успокой, сделай меня настоящим солдатом, не дай сломиться, чтобы не стыдно было за меня и семье, и школе.

Наступила поздняя осень. Легкие ночные заморозки покрывали лужи тонкой коркой льда, но грязь еще не затвердела, а стала густой и вязкой. Затворы и стволы винтовок и автоматов ржавеют. От мокрой шинели идет пар. Сапоги покрылись зеленью. Везде тебя настигает проклятый дождь. Всюду слышится звук хлюпающей грязи. На дне окопа — вода, в ходах сообщения — вода, в землянках — вода; куда ни прислонишься — грязь. Да, плохо осенью пехотинцам. Плохо в Сталинграде. А каково им, представлял я, на северо-западе? Там, должно быть, они сидят в полностью залитых водой окопах. На любом фронте солдат стоически выносил и грязь, и холод. Верно говорили о пехоте: неунывающая и непросыхающая.

Готовясь к зиме, утеплили землянки, натянули новую, по-зимнему окрашенную маскировочную сетку, скрывавшую КП от глаз «рамы», которая как по расписанию ежедневно в 10.00 появлялась над позициями. Били по ней, но так, для успокоения совести. На той высоте, на которой ходят «фокке-вульфы», их бронированное брюхо ружьем, даже противотанковым, не продырявишь, а «мигам» и «якам» в те дни работы хватало с немецкими бомбардировщиками. Им было не до «рамы».

Октябрь закончился тяжелыми боями. Чем ожесточеннее наседал враг на 62-ю армию, на северную индустриальную часть города, тем яростнее наносили удары во фланг главной группировки врага войска 64-й армии. Более 50 раз контратаковали они фланги армии Паулюса, оттягивая на себя силы. Особенно чувствительным был для врага контрудар, нанесенный в конце октября на правом фланге армии в направлении Зеленой Поляны в полосе: справа — Волга, слева — роща Топорная. Глубина удара намечалась на 25 км, до центра города, ширина — 5 км. Контрудар наносился в основном силами 7-го стрелкового корпуса, состоявшего из сибирских и уральских бригад. В наступлении участвовал и наш полк. Вместе с 36-й гвардейской стрелковой дивизией он стоял на самом правом фланге армии и включался в ударную группировку, имел задачу овладеть высотой 145,5 (Лысой горой).

24 октября в политотделе меня сфотографировали, выписали кандидатскую карточку и вручили ее.

Собираясь за партийным документом, быстро подшил чистый подворотничок к гимнастерке, вымыл голову и вычистил сапоги. Как обычно, с автоматом на груди, гранатами за поясом и финским ножом за голенищем сапога спешил как можно скорее получить карточку кандидата партии. По дороге попал под артиллерийский обстрел. Пришлось по-пластунски ползти

обстреливаемый участок. Сапоги мои потеряли весь блеск. Начальник политотдела, вручая красную книжечку, поздравил меня, пожелал удачи в жизни и новых боевых успехов.

Вернувшись в батальон, убедил своего командира отпустить меня, как молодого коммуниста, на период боя в роту, чтобы в числе первых подняться в атаку. Я знал об этом тяжелом кресте, который несли коммунисты на фронте, — первыми отрываться от земли.

В середине ночи ушел на передовую. Здесь я чувствовал себя настоящим фронтовиком. Курсанты, ежась от ночной прохлады, без сна, ожидали утра и начала боя, с нетерпением поглядывали на несветлеющее небо. Время тянулось томительно медленно. Каждый знал, что с рассветом начнется наступление, а раз так — пусть это произойдет быстрее. Спящих было мало, бодрствующие лежали на земле, подняв воротники и поглубже засунув руки в рукава или карманы шинелей. Гадать перед боем — плохая примета. Но все о чем-то думали. Всем хотелось выйти из боя живыми.

25 октября в 10.00 после 40-минутной обработки переднего края противника артиллерийским огнем и авиацией наши войска перешли в наступление. Курсантский полк находился между 97-й и 96-й стрелковыми бригадами, наступающие цепи бригад были видны нам, как на ладони. В свое время я прочитал повесть участника тех событий В. М. Зоткина «У Волги». Некоторые картины боя даю так, как их нарисовал писатель.

Стрелковые части шли в атаку сплошными цепями.

Немцы, ошеломленные надвигающимся пятикилометровым валом пехоты, в первые минуты огня не ведут. Но шок прошел, и один за другим затрещали десятки пулеметов.

Цепь, оставляя за собой раненых и павших, с шага перешла на бег. Могучим потоком она прокатилась через окопы и с грозным гулом устремилась сквозь лесок по уклону высоты к балкам. Захлебывающийся треск пулеметов, злобная скороговорка автоматов, взрывы гранат, частая винтовочная стрельба и протяжный, выворачивающий душу крик «А-а-а-а-а!», исторгаемый тысячами молодых людей, слились в единую какофонию.

Немцы всеми средствами старались остановить пехотную лавину, неожиданно навалившуюся на них и катившуюся теперь к роще Топорная, лежащей на пути к Верхней Ельшанке. Но напор пехоты был еще сильнее.

Продолжая наступление, батальоны очистили рощи Топорная и Ленточная, ворвались на окраины Песчанки и Верхней Ельшанки, но дальше продвинуться им не удалось. Сопротивление фашистов все более усиливалось. Для достижения успеха нужны были танки. Без них каждый шаг оплачивался кровью...

Ходячие раненые с проступающей сквозь бинты кровью вереницей идут по шоссе в Бекетовку. Шоссе непрерывно обстреливается шрапнелями...

В итоге первого дня наступления корпус продвинулся от трех до семи километров. Перед фронтом бригад появились вражеские танки и пехотные части, переброшенные с других участков. Они-то и остановили солдат-си-

биряков. После этого остановилось наступление 36-й гвардейской стрелковой дивизии и нашего курсантского полка.

Во время боя появился в роте и мой Стриженко. Пришлось сопровождать его: где в рост по ходам сообщения, где, согнувшись в три погибели, по полузасыпанным окопам, а чаще ползком на животе мы перебирались из роты в роту. И во время одного из переходов произошел такой эпизод. Слышу — разрывая воздух, летит снаряд. Это — не наш, думаю. С криком «Ложись!» налетаю на капитана и закрываю его своим телом. Осколки распороли у меня шинель на спине, изрешетили полевую сумку, зацепили ногу. Комбат А. И. Власенко объявил мне благодарность за такой поступок.

За несколько месяцев пребывания на фронте мы научились понимать войну: заранее угадывали по звуку, где разорвется мина или снаряд, знали, глядя на заход самолета в пикирование, на что он нацеливается. Солдатская наука — нужда острейшая. Оплошаешь на экзамене — не двойку схватишь, в землю сырую пойдешь.

С утра 26-го мы опять шли в атаку. Но было видно: цепи поредели, в сравнении с первым днем боя. Между ними образовались интервалы. Однако успеха добиться не удалось. Вражеский огонь был таким, что будь солдаты из железа — все равно посекло бы.

Роты оттянулись на исходные позиции. Боеприпасы иссякли, половину оставшихся в живых составляли раненые[1].

27-го бой разгорелся с новой силой. В этот день особенно хорошо поработали гвардейские минометы. Я уже много раз видел действия «катюш», но всякий раз их работа представляла великолепную картину.

6 часов утра. Позади нас вдруг с чудовищным скрежетом зашипело, я невольно втянул голову в плечи. Догадавшись о том, что это значило, оглянулся и был потрясен величественным и грозным зрелищем. Несколько десятков «катюш», смонтированных на машинах, выстроившись в ряд, пускали в небо огненные фонтаны. Сотни сигарообразных снарядов огненными дугами пошли на высоту 145.5. Вскоре установки окутались черным дымом и пылью, поднятой ударившими из сопл газами. А когда они перестали шипеть, наши позиции огласились восторженными криками бойцов:

— «Катьки»! «Катюши»! Дайте, милые! Жгите фрицев! Жгите, чтоб пехоте было легче!

«Катюши», отыгравшись, ушли в сторону Бекетовки. Еще более страшное зрелище открылось впереди нас — на позициях противника: на несколько километров в ширину и на большую глубину заплясали огненные смерчи. Это рвались снаряды (вернее, мины) «катюш»: один снаряд рвался на множество других снарядов-гранат, а те на термитные осколки. Выросла темная стена поднятого к небу и падающего на землю взрыхленного грунта. Потом донеслось дьявольское громыхание быстро рвущихся снарядов. Позиции немцев — в сплошном белом дыму сгоревшей взрывчатки и густых тучах пыли.

---

[1] ЦАМО СССР. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 45. Л. 4—12.

К «катюшам» присоединилась ствольная артиллерия. Земля качалась под ногами. Мы думали, что во всем этом пространстве, окутанном огнем, не осталось ни одной живой души. Но мы просчитались. Когда в направлении Ельшанки двинулись наши танки с автоматчиками, а за ними пошла пехота, в том числе и подразделения нашего полка, то их встретили огнем десятки немецких пулеметов и минометов, а вскоре с севера показались немецкие танки. Началась контратака. Немцы идут крупными группами, стараясь держаться за броней машин. Перед ними вырастают конусообразные косматые разрывы: наши артиллеристы дают заградительный огонь.

Огонь с обеих сторон усиливается. Короткими очередями рычат пулеметы. Частой россыпью звучат выстрелы винтовок. Танки останавливаются. Пехота расползается по полю. Попытки немцев подняться пресекаются огнем. В полдень противник оттягивается назад. Напряжение боя спадает.

Облизывая пересохшие губы, солдаты торопливо отвинчивают крышки фляг и пьют воду. Но у многих ее уже нет — выпили раньше. Просят пить раненые. Утолить их жажду нечем. Даже для пулеметов, в которых выкипело все до капли, нет воды. Каждый знает, что напиться можно только ночью, если доживет до нее. И каждый вспоминает, что в трех километрах справа Волга несет миллионы кубометров прохладной воды, из которой нам хватило бы и одного. И нам, и пулеметам. С пустым кожухом «максим» не работает.

Наступление продолжалось до вечера 28 октября. Бои 25—28 октября имели исключительно упорный характер, но значительных успехов не принесли. Наши войска продвинулись всего на 3—4 километра. Однако войска 64-й армии оттянули на себя значительные силы противника из северной части города и тем самым облегчили положение войск 62-й армии

28 октября мы со Стриженко вернулись на командный пункт батальона. Обратный путь с передовой мы проделали на животе Новая шинель капитана на самом видном месте утратила почти весь вид.

С этого же момента началась подготовка к новой наступательной операции. В порядке подготовки к ней, для улучшения исходного положения ударной группы, 36-я гвардейская стрелковая дивизия и Сводный курсантский полк получили задачу 29 октября решительным ударом во взаимодействии с артиллерией дальнего действия армии и минометными частями овладеть высотой 145.5 и прочно удерживать ее[1]

29-го, часа в два или три ночи, я разнес боевые приказания штаба батальона по ротам и остался в распоряжении одного из командиров рот, у которого было не более тридцати штыков и даже не было своего связного.

Получив приказ подготовиться к новому наступлению, курсанты в тревожном волнении молча переобувались, запасались патронами и гранатами, протирали затворы, заряжали оружие. Завтрак был роздан в пятом часу, но кое-кто от пищи отказался. Способ страховки от тяжелых мучений у каждого солдата свой. Перед атакой один предпочитает воз-

[1] ЦАМО СССР Ф. 341 Оп. 5312. Д. 45. Л. 34; Д. 113. Л 23

держание от пищи, другой за пряжку ремня засовывает лопату, третий кладет за пазуху гранаты.

Перед атакой артиллерия РС (реактивных снарядов), прозванная на фронте «андрюшами», произвела запуск. В сторону противника полетели ракеты почти двухметровой длины с большими цементными набалдашниками. Снаряды настолько большие, что было хорошо видно, откуда они поднимаются и куда ложатся. Их траектория полета была очень крутой. Они обладали огромной пробивной силой и применялись чаще для взлома сильно укрепленной обороны противника. Стреляла и артиллерия дальнего действия.

Мы наступали на вершину Лысой горы, по ее восточному склону. Продвижение было очень медленным. Казалось, не было конца этому небольшому склону. Навстречу нам немцы швыряли металл, комья земли, космы огня. Мины рвались и разбрасывали вокруг осколки, землю и человеческие тела. Яркие цветные трассы пуль прижимали к земле. Поднятая ветром и огнем земля запорошила глаза. Толовый химический яд резал горло. На зубах скрипел песок. Вышли два танка, но их быстро подбили наши бронебойщики. Горящие машины расплескивали жирный дым. Я сжимался в комок. Опять падали и не поднимались люди. Шел первый снежок. Он запал и не таял в глазах мертвеца. Этим убитым курсантом я укрылся от осколков, чтобы перевести дыхание и поставить гранату на взвод. Даже мертвый солдат защищал солдата, чтобы живому хоть шаг еще сделать вперед. Невдалеке лежали еще убитые — это были трупы тех, кто выполнял приказ, пытался взять высоту до нас.

Отдохнув немного, я полз дальше по круче, по комьям, по льдинкам в лужах к неподавленному доту, через упавших братьев, сквозь ревущий металл. Мы не видели верхушки горы, ползли словно в небо, и конца этому страшному продвижению, казалось, не будет. Лез к любому концу. К жизни или смерти. Лишь бы скорее он наступил. С обеих сторон, и от нас, и от немцев, беспрерывно били артиллерия и минометы, трещали автоматы. Но вот оживший, огнедышащий дот всех прижал к земле. Комроты передал приказ окапываться. Только начали вгрызаться в землю, как налетела авиация. Рвались бомбы, но часто, как всегда, слышались и глухие шлепки: часть бомб не взрывалась. (Объясняли мы это тем, что бомбы делали антифашисты). Были раненые. Но их нельзя было из-за огня своевременно эвакуировать, и поэтому многие погибли из-за потери крови и повторных ранений.

Когда мы залегли и продвижение прекратилось, командир роты отослал меня в штаб батальона с донесением. Он просил подавить «живой» дот впереди нас. Вжимаясь всем телом в землю, я спускался на животе вниз по склону. Ушел с поля боя. Но роты от темна и до темна провели в атаке. Ночью они отошли под напором контратаки противника. Бой за высоту 145.5 продолжался 30 и 31 октября[1]

Курсантов становилось все меньше. Каждый был на счету. Грешно было брать с передовой на должность писаря батальона. Кроме обязанности связного, мне поручили еще писать родственникам погибших извещения о

[1] ЦАМО СССР Ф 33. Оп. 717037 Д. 60. Л 117–119

смерти. За каждым извещением видел горе людей, за каждым убитым — оборванную безымянную судьбу женщины. Погибали курсанты по разным причинам, порой от шальной пули, но я всегда писал: «Пал смертью героя, защищая нашу социалистическую Родину». Нет, это не было ложью. Каждый, кто погиб на войне, пал смертью героя, потому что шел защищать свою Родину, как герой, не ссылаясь ни на какие обстоятельства, не прячась за спины других. Шел, потому что его звала совесть солдата и гражданина.

5 ноября остатки Сводного курсантского полка объединились с Винницким военно-пехотным училищем и Краснодарским пулеметно-минометным курсантским полком. Командиром Сводного курсантского полка второго формирования стал полковник С. И. Мельдер, бывший начальник Винницкого училища.

В начале ноября Сводный курсантский полк все еще находился в подчинении 36-й гвардейской стрелковой дивизии. С 6 по 20 ноября вместе с ней он был выведен в резерв фронта и находился на отдыхе в поселке им. Сакко и Ванцетти. Здесь мы отметили 25-летие Октября. Прежде всего изучили приказ Наркома обороны И. В. Сталина о 25-й годовщине революции. Всех нас вдохновили слова: «Будет и на нашей улице праздник!» Мы верили этим словам. Но каждый вкладывал в них свой смысл. Одни предполагали, что появится новое оружие, которое сразу сокрушит всех захватчиков. Другие считали, что подойдут новые большие резервы, перейдут в наступление и отбросят противника от Волги. Третьи надеялись, что союзники наконец-то откроют второй фронт. Я разделял последнюю точку зрения. Нам было очень тяжело в Сталинграде. И чтобы хоть как-то облегчить свое положение, мы мечтали о чуде, понимали под ним скорее всего второй фронт. Как мы ждали его! Изо дня в день. А его все не было. И не было больше сил в одиночку сражаться.

Накануне 25-й годовщины Октября мы, защитники города, дали клятву Родине стоять насмерть. За Волгой для нас земли нет. Подписал клятву каждый защитник. Многие подписали кровью.

7 ноября нам выдали по банке «второго фронта» — так называли американскую тушенку. И еще: в этот день был концерт артистов, кажется, из Казахстана. Но они пели русские песни и на русском языке: «Синий платочек», «Огонек», «Моя любимая» и другие. А потом на сцену вышел паренек в солдатской шинели, перетянутой ремнем, в кирзовых сапогах и тихим голосом запел: «Темная ночь. Только пули свистят по степи». Никто из нас прежде не слышал этой песни. Простой напев, обычные слова. Мы смотрели на певца, и нам слышался свист пуль, гуденье ветра в проводах. Нам, безусым юнцам, вкладывающим в мечту о любимой всю свою нерастраченную нежность, эта песня говорила о неизведанном еще счастье любви, отцовства, солдаты постарше слышали в ней то, что за годы разлуки с семьей накопилось в душе.

Когда певец замолк и звуки аккордеона растаяли, мы просили:

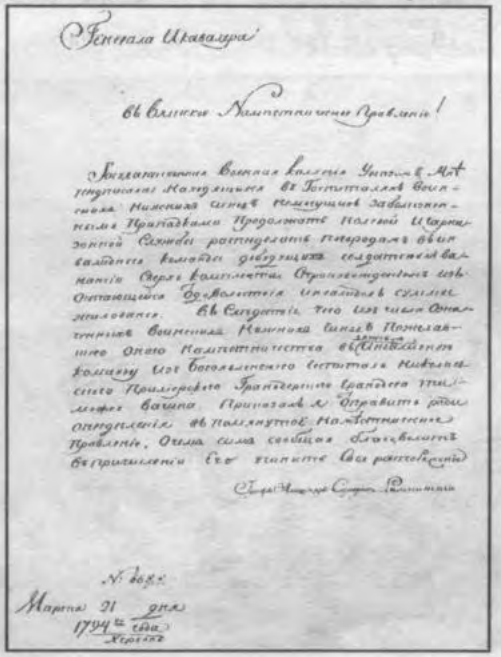
— Парень, спой еще. Спой, пожалуйста. Спой, друг.

Паренек пел, а мы снова вернулись в темную ночь, слышали свист пуль и ветра и видели женщину, склонившуюся над детской кроваткой. Ушел куда-то страх смерти. Песня кончалась, и опять повторялось все сначала.

Генералиссимус А. В. Суворов.
С гравюры Уткина.

Стрелец в бою.

Письмо генерала А. В. Суворова в Вятское наместничество об отправке гренадера Т. Вагина в Вятскую инвалидную команду.



Генерала Ивавалера

Въ Вятское Намѣстническое Правленіе!

Государственная Военная Коллегія Указомъ Мнѣ предписала Находящихся въ Госпиталяхъ Воинскихъ Нижнихъ Чиновъ Помещиковъ Заболѣвшимъ Припадками Продолжать Полевой и Гарнизонной Службы распределить перерядомъ въ инвалидныя команды дебудущихъ солдатскихъ Вакантій Сверхъ Комплекта Отрапорожденіемъ изъ Остающихся Вдоволствія Инвалидовъ сумлѣнія жалованія. Въ Слѣдствіе чего изъ числа Означенныхъ Воинскихъ Нижнихъ Чиновъ Пожелавшаго Оного Намѣстничества въ Инвалидную Команду изъ Богоявленскаго Госпиталя Николаевскаго Приморскаго Гренадерскаго Гренадера Тимофея Вагина Приказалъ я Отправить ради опредѣленія въ Помянутое Намѣстническое Правленіе, Очень сама сообщая благоволитъ въ причисленіи Его чинить Свое распоряженіе

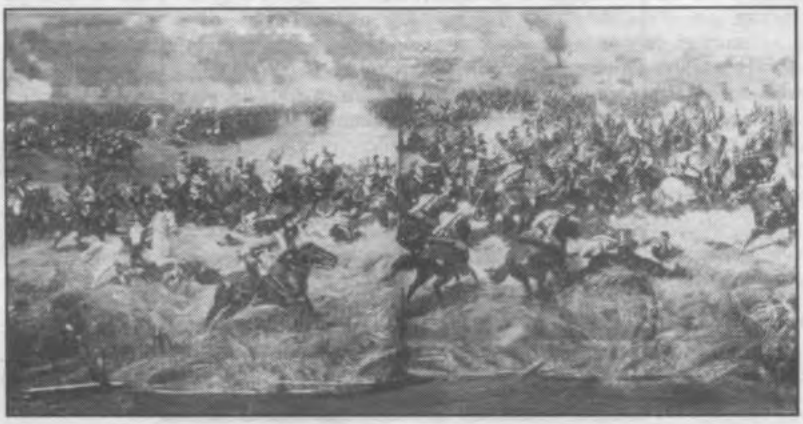
Генералъ Инвалидъ Суворовъ Рымникскій

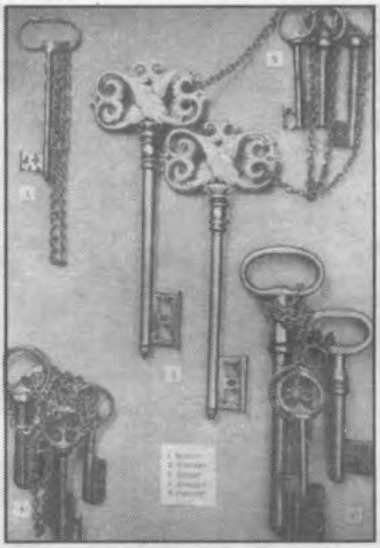
№ 6682

Марта 21 дня
1794го года
Херсонъ

«В штыки! Ура! ура!» В. В. Верещагин.

«Кавалерийский бой во ржи».
Фрагмент панорамы Ф. А. Рубо «Бородинская битва».



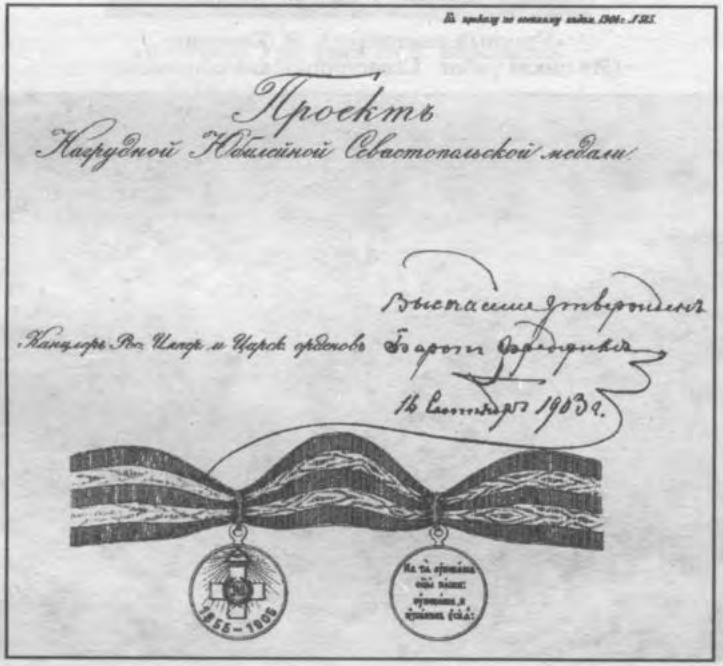


Ключи городов-крепостей,
освобожденных от наполеоновских войск в 1813-1814 гг.

«Удачный выстрел». А. В. Кокорин.
(Из цикла работ «Севастопольская оборона»).

«Н. И. Пирогов в Севастопольском госпитале». Н. М. Кочергин.

Проект нагрудной юбилейной Севастопольской медали. ГАКО.
Серебряная юбилейная Севастопольская медаль учреждена в память пятидесятилетия со времени геройской защиты Севастополя в 1854-1855 годах.



Вступление русских войск в Софию (1878 г.).

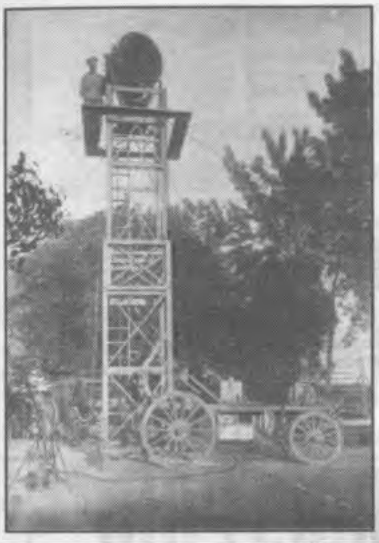
Участник Цусимского сражения
Николай Пирогов.
Русско-японская война.

Участник русско-японской
войны Иван Яковлевич Туев.

Участница русско-японской войны сестра милосердия Александра Васильевна Кленовицкая. Фото сделано в Шанхае. Из архива А. В. Ревы.

Фотолетописец Первой мировой войны Константинов. Житель села Макарье. Погиб в 1915 году.

В окопах на передовой. Фото Константинова.



Прожекторная установка.
Фото Константинова.

Кавалерист-девица
А. Т. Пальшина.

Военфельдшер Окулов.

Николай Константинович
Девятов из дер. Медовый Ключ
Малмыжского уезда.

Слобода КУКАРКА. Съ разрѣшенія Начальства.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ.

Въ Воскресенье 12-го Іюля 1915 года.

№ 92.

ИМѢЕТЪ БЫТЬ:

ГРАНДІОЗНЫЙ ПАТРІОТИЧЕСКІЙ ВЕЧЕРЪ

ПРИ УЧАСТІИ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРАМАТИЧЕСКАГО ИСКУССТВА и ОРКЕСТРА ДУХОВОЙ МУЗЫКИ

Сборъ съ вечера поступитъ: ½ въ пользу Хукарскаго Образовательнаго Общества и ½ Всероссійскому Земскому Союзу на изготовленіе ПРОТИВОГАЗОВЫХЪ ПОВЯЗОКЪ для дѣйствующей арміи.

ГИМНЫ РУССКІЙ и СОЮЗНЫХЪ ДЕРЖАВЪ

ИСПОЛН. ОРКЕСТРЪ ПОДЪ УПРАВЛ. С. ЛЕБЕДЕВА

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ

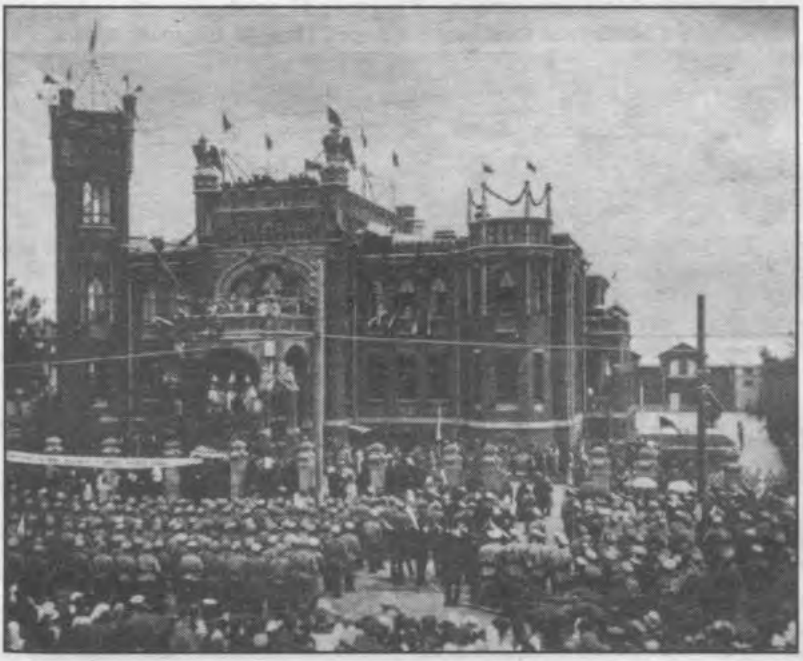
картины изъ военной жизни, соч. Кирьяковой.

Афиша о проведении патриотического вечера в слоб. Кукарке Яранского уезда. Подлинник. ГАКО.

Молебен на Казанской площади г. Вятки перед отправкой на фронт. Фото С. А. Лобовикова.

Проводы на войну.
Рисунок учащегося Кукарского народного училища. 1915 год. ГАКО.

Церемония передачи особняка Т. Ф. Булычева под госпиталь инвалидов и сирот. 1915 г.



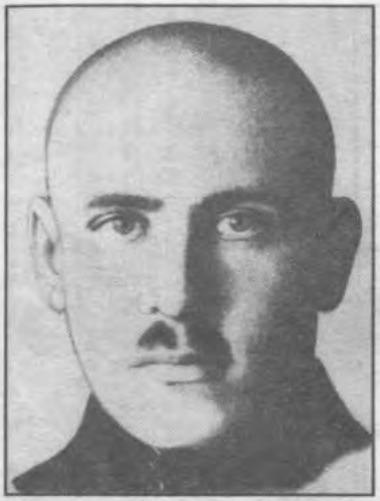
Персонал госпиталя инвалидов и сирот Первой мировой войны.
Палата в госпитале инвалидов и сирот Первой мировой войны.

Георгиевский кавалер унтер-офицер И. Е. Тюфяков, уроженец с. Ромашичи Верхотульской волости Котельничского уезда.

Иван Прокопьевич Логинов, уроженец деревни Верхняя Аджимской волости Малмыжского уезда (стоит третий слева).

Русские пленные солдаты, работавшие на кирпичном заводе в городе Глейвиц. В третьем ряду первый слева в белой рубахе В. Ф. Ситников.

Командующий 2-й армией Восточного фронта Василий Иванович Шорин.



Командующий Вятско-Слободским укрепрайоном В. К.Блюхер.

Командир 3-го сводного полка 2-й армии Восточного фронта Алексей Иванович Северихин.

Командир отряда, оборонявшего г. Кирс В. В. Двоеглазов.

Военком Нолинского уезда А. Д. Вихарев.

Похороны матроса И. Л. Ларионова на Казанской площади города Вятки. Погиб на Восточном фронте.

Теребиловская дружина, сражавшаяся со степановцами.

Командир Теребиловской дружины Николай Гурьянович Сорокин-Махалов - Сормах.

Командир пулеметного батальона 29-й дивизии Александр Гаврилович Перов (на снимке слева).

Бронепоезд 28-й Азинской дивизии.

Митинг в день объявления войны - 22 июня 1941 года на кировском заводе «Физприбор». Фото Л. Шишкина.

Фотолетописец 311-й дивизии, сформированной в г. Кирове, Д. Ф. Онохин.

В ноябре небо стало хмурым. Температура понизилась. Запоздалая осень вступала в свои права. 14 ноября на Волге начался ледостав. Выпал снег. Он прочно лег на волжские берега. Войско получило зимнее обмундирование: валенки, шапки и теплые рукавицы. Кроме того, получили подарки от колхозников Казахстана: шерстяные носки и кисеты. Те и другие были нужны солдатам. «Без кисета, — они говорили, — как без рук».

В дни отдыха была еще одна радость — нас водили в баню.

— Баня! — все сообщали друг другу эту радостную весть.

«Эх, и помоюсь же», — думал я. Всех спрашивал: «А будет пар?» Грязное, завшивленное тело жаждало горячей воды.

Крыша в бане была пробита бомбой. В отверстие виднелось небо, падали снежинки. Но вода была, и даже теплая. Мы сидели на мраморных лавках, согнув калачом ноги (пол был очень холодный, опускать их нельзя было), и радовались воде. Она была ласковой. Ведь за четыре месяца это была первая баня. После нее почти в течение месяца тело радовалось, дышало. Следующая баня у меня будет в госпитале. Но я уже отмечал, в середине ноября выпал снег, а это многое значило в деле солдатской гигиены. Когда позволяла обстановка, по утрам мы раздевались до пояса, выскакивали из землянок и обтирались снегом. Снег чернел, а мы розовели. Сколько было тут шуток, смеху. Люди и на фронте оставались людьми: брились, стриглись, соблюдали выправку.

Спокойно отдыхать мешали вражеские бомбардировки. Пули меня обходили, но от контузии опять не уберегся. Во время очередной бомбардировки меня и еще одного курсанта оглушило и засыпало землей, а когда откопали — в нас еле-еле теплилась жизнь. Откапывали ребята еще при бомбежке, рискуя жизнью. Забыл, что спасло друга, а меня спасла каска, с которой почти не расставался, в которой и ложился спать. Каска, сдвинувшаяся на лицо, не дала задохнуться под обрушившейся землей. Но после этого захоронения опять болела голова, опять заикался, опять забыл имена многих курсантов.

Но отдых есть отдых. И хотя мы ежедневно и много занимались, проводили учебные бои, совершенствовали боевую выучку, анализировали свой практический опыт, изучали новые виды оружия, но чувствовалась расслабленность, спали крепким молодым сном.

Радовало и то, что на фронте происходили позитивные перемены: как ночь, так гудела земля от моторов. Это с того берега Волги непрерывным потоком шла техника — танки, артиллерия, минометы. Все больше появлялось «катюш» и «андрюш». В небе разыгрывались воздушные бои, в которых участвовало порой по нескольку десятков самолетов, и теперь уже не только немецких, но и наших. Невозможно забыть то время, когда над нами были только немецкие самолеты. Теперь задрав голову, раскрыв рот, мы как зачарованные смотрели на эти зрелища, забывая, что это не игры, а бои, в которых гибнут люди. Радовались, когда немецкие самолеты начинали дымить, в пламени или «штопоре» падали в Волгу.

Улучшилось снабжение боеприпасами и питанием. К этому времени мы приобрели опыт ведения войны. Выросли кадры командиров. Все это

положительно влияло на наше моральное состояние. Было предчувствие бури. Солдатский телеграф сообщил, что в Сталинград приехали Г. К. Жуков, заместитель Верховного Главнокомандующего, и А. М. Василевский, начальник Генерального штаба. На наших глазах начинался перелом.

В дни отдыха больше всего нас обрадовал приказ командующего армией отправить курсантов за Волгу для продолжения учебы. В ту пору наше училище находилось в г. Энгельсе. Проводился новый набор. С 1 января 1943 года должны начаться занятия. Там ждали нас. Приказ командующего потряс курсантов, мыслимо ли: с фронта, здоровыми и ехать в тыл?! У всех с уст не сходили слова: «Едем доучиваться!» С радости все запели. Снова зазвучали довоенные песни: «Кончим курс — и по глухим селениям разлетимся в дальние края...», «Андрюша», «Любушка», «Чилита» и другие. Повсюду звучали песни Дунаевского. Сейчас, когда мы узнали об эпохе культа личности, нельзя слушать песни 30-х годов с таким же чувством, с каким мы воспринимали их раньше. Но тогда, в ноябре 42-го, как и до войны, мы видели в этих песнях подлинный гуманизм, веру в светлое назначение человека. Песни Дунаевского, песни 30-х годов были для нас глотком подлинной радости. Вспоминая те дни, хочется сказать: не устарел Дунаевский. Не устарели наши песни. Зерна прекрасного остаются.

Радость курсантов, вызванная приказом генерала М. С. Шумилова, оказалась непродолжительной. Вскоре был получен новый приказ командующего армией: взять высоту 145.5 и лишь после этого отправляться для продолжения учебы. Этим приказом курсантский полк придали в подчинение 29-й стрелковой дивизии.

Козлов П. Е. Сталинград: воспоминания и осмысление. Киров, 1993. С. 136—147.

ПИСЬМО КОМАНДИРА КРЕЙСЕРА «КИРОВ» КАПИТАНА 1-го РАНГА СОЛОУХИНА И ЗАМЕСТИТЕЛЯ КОМАНДИРА КРЕЙСЕРА ПО ПОЛИТЧАСТИ ВОСПИТАННОГО СЕКРЕТАРЮ КИРОВСКОГО ОБКОМА ВКП(Б) В. В. ЛУКЬЯНОВУ С ОБРАЩЕНИЕМ К ТРУДЯЩИМСЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

12 января 1943 г.

Секретарю Кировского обкома ВКП(б).

Личный состав крейсера «Киров» шлет Вам и бойцам тыла боевой краснофлотский привет.

Трудящиеся Кировской области! Уже более 18 месяцев как наша Армия и наш Флот вместе со всем советским народом под руководством нашего любимого вождя и полководца тов. Сталина ведет борьбу за свою Родину, за наш народ против немецко-фа-

шистских захватчиков, пытающихся поработить нашу Родину и народ. Мужественная и героическая борьба нашей Красной Армии, а также работников тыла не только сорвали захватнические планы немецкого командования, но громят и уничтожают живую силу и технику противника, освобождая наши города и села от гитлеровских поработителей.

Личный состав крейсера, носящий имя великого трибуна и соратника тов. Сталина — С. М. Кирова, все время своим оружием защищает великий город Ленина и заверяет Вас, кировцы, что и впредь будет не только защищать город Ленина, а и на подступах к нему вместе с бойцами Ленинградского фронта разгромит немецко-фашистских захватчиков и освободит город от блокады.

Для полного разгрома врага, товарищи кировцы, необходима от Вас большая помощь Армии и Флоту всем необходимым. Призываем Вас еще больше напрячь силы в Вашей работе по выпуску оружия, боеприпасов и продовольствия.

Да здравствует героический советский народ!

Да здравствует наша героическая Красная Армия и Красный Флот!

Да здравствует великий гений человечества и полководец — наш любимый товарищ Сталин!

Вперед к победе!

Смерть немецким оккупантам!

Командир крейсера «Киров», капитан I-го ранга Солоухин

Зам. командира крейсера по политчасти капитан II-го ранга Воспитанный

ЦДНИ КО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 170. Л. 12. Подлинник.

ОБРАЩЕНИЕ КОТЕЛЬНИЧСКОГО РАЙКОМА ВКП(Б) К ТРУДЯЩИМСЯ РАЙОНА В СВЯЗИ С ПИСЬМОМ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОЛКОВНИКА П. Т. МИХАЛИЦЫНА[1]

1943 г.

Ответим на славные подвиги наших земляков-фронтовиков досрочным выполнением плана хлебопоставок и производственных заданий!

На имя секретаря обкома ВКП(б) тов. Лукьянова и депутата Верховного Совета РСФСР по Котельничскому избирательному округу тов. Дмитриевых от нашего земляка, Героя Советского Союза Михалицына Петра Тихоновича, уроженца деревни Пигленки Морозовского сельсовета поступило письмо, в котором он шлет свой боевой привет всем трудящимся Кировской области.

Тов. Михалицын пишет: «Прошу извинения за мое молчание. Давно окончил академию, давно уже на фронте и что характерно в моей жизни, то сообщаю.

По прибытии на фронт, перед началом наступательной операции Красной Армии, я принял 5-ю стрелковую дивизию и когда стал знакомиться с ней, то оказалось, что это та самая часть, которой было в свое время вручено знамя от трудящихся Котельничского района. Это знамя свято хранится и высоко чтится среди личного состава дивизии.

Когда началось летнее наступление Красной Армии, 5-я стрелковая дивизия одной из первых вступила в бой и высоко пронесла знамя трудящихся Котельничского района, знамя своих земляков по Орловской области.

За период боев дивизия освободила сотни населенных пунктов и одной из первых ворвалась в город Орел и освободила его. Дивизия освободила десятки и сотни тысяч гражданского населения, прошла с боями около 150 километров, разгромила и уничтожила десятки тысяч фашистских захватчиков, большое количество мы взяли в плен солдат и офицеров врага, много уничтожили немецкой техники, подбили десятки «тигров» и «фердинандов».

Наша дивизия первой ворвалась в город Орел и первым начальником гарнизона города Орла был я — Ваш земляк.

Много в дивизии наших земляков-кировчан. Несколько раз собирал я их, беседовал с ними, прекрасный, золотой народ. Большое количество их награждено орденами и медалями за боевые подвиги, в том числе наградили и меня орденом боевого Красного Знамени. Дивизия гордится, что в своей среде она вырастила двух Героев Советского Союза. Но лучшей наградой для нашей дивизии было получение двух благодарностей от товарища Сталина и присвоение дивизии звания «Орловской».

Дорогие товарищи земляки! В силу того, что среди личного состава нашей дивизии основная масса кировчане, в том числе и я,

убедительно прошу приехать в гости, посмотреть своих земляков, бывших колхозников, рабочих и служащих, а ныне зрелых воинов, сержантов и офицеров, послушать про их боевые дела, рассказать о Вашей работе в Кировской области.

Убедительно прошу завязать письменную связь землячества, здорового боевого содружества.

С коммунистическим приветом Ваш земляк, командир 5-й Орловской стрелковой дивизии, Герой Советского Союза, полковник Михалицын».

Товарищи рабочие и колхозники! Боевые дела 5-й Орловской дивизии обязывают нас быть достойными наших славных земляков, громящих немецко-фашистских захватчиков.

Беритесь за перевыполнение производственной программы каждым предприятием и цехом.

Шире социалистическое соревнование колхозов за право подписания рапорта товарищу Сталину о досрочном выполнении годового плана хлебопоставок! Сдавайте государству зерно сверх плана в фонд Красной Армии и авансом в счет обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС 1944 года. Быстро заканчивайте все уборочные работы.

Полковник Михалицын приглашает в дивизию делегацию трудящихся Кировской области. Быть в числе делегатов — высокая честь. Право посылки своих делегатов на фронт к доблестным землякам завоюют те предприятия и колхозы, которые добьются первенства в соревновании.

Все наши силы на помощь фронту! Будем достойными наших славных земляков в борьбе за полный разгром врага!

И. Клабуков — секретарь райкома ВКП(б)

ЦДНИ КО. Ф. 1688. Оп. 4. Д. 261. Л. 1. Типографский экз. Опубл. частично: Кировская парторганизация в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Киров, 1961. С. 229—230.

[1] Михалицын Петр Тихонович (1904—1961) — род. в д. Пигленки Котельничского уезда, с 1926 г. — в рядах Красной Армии. Участвовал в войне с белофиннами, был трижды ранен, звание Героя Советского Союза присвоено указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1940 г. В годы Великой Отечественной войны участвовал в разгроме немецких войск под Москвой, Сталинградом, командовал Орловской 5-й стрелковой дивизией. П. Т. Михалицын имел звание генерал-лейтенанта, был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова и Кутузова 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды и медалями.

БОЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НА ЗАМЕСТИТЕЛЯ КОМАНДИРА ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ им. МОЛОТОВА ПО РАЗВЕДКЕ Л. П. КАССИХИНУ[1]

Не позднее 14 сентября 1943 г

Тов. Кассихина Л. П. в партизанский отряд вступила в октябре 1942 г. В ноябре — декабре 1942 года ходила неоднократно в дальнюю разведку в тыл противника, в села Суземского района Орловской области. Каждый раз приносила ценные сведения о противнике: о его расположении вооружения, о местонахождении его огневых точек. Несколько раз выполняла спецзадания в тылу противника. Принимала активное участие во всех боевых операциях, проводимых отрядом. По разведданным, приносимым т. Кассихиной, п/о [партизанский отряд] им. Дзержинского провел 2 операции по разгрому гарнизона противника в с. Шиленка и Новинское, где были взяты большие трофеи и ценные документы, отряд потерь не имел.

В ноябре 1942 года группа разведчиков во главе с тов. Кассихиной из засады в тылу противника уничтожила 6 венгерских солдат и 1 офицера, в штаб были доставлены их оружие, документы и ценные сведения о противнике для Красной Армии.

1 января 1943 года тов. Кассихина во главе небольшой диверсионной группы на ж. д. участке Дерюгино — разъезд Евдокимовский вывела из строя 250 м железнодорожного полотна и вырезала 800 м кабеля телеграфно-телефонной связи, обеспечив этим самым безопасность правого фланга Дмитриевского отряда, наступающего на ст. Дерюгино. Движение и связь между Дерюгино и Комаричи не производились из-за этого 1 сутки. 4 января 1943 г. на этом же участке т. Кассихиной был пущен под откос воинский эшелон противника с живой силой и техникой. Уничтожено: 2 паровоза, 3 классных вагона со 150 солдатами и офицерами, 6 танков, 5 автомашин. Движение поездов на дороге было задержано на 2 суток.

С января 1943 года, работая сначала пом. комиссара артдивизиона, а затем артполка, т. Кассихина в короткий срок сумела создать крепкую боевую комсомольскую организацию, комсомольцы которой показали себя в боях с немецкими захватчиками лучшими артиллеристами.

Находясь в партизанской бригаде им. Молотова, т. Кассихина обучила минерно-подрывному делу 34 человека. Перед проведением кампании по рельсовой войне она проводила учебные занятия с командным и рядовым составом бригады. Руководила

подготовкой зарядов и минеров к операции и лично руководила операцией п/о им. Кагановича по [рельсовой] войне, сама взорвала 40 рельс.

В результате хорошо подготовленной и проведенной операции бригадой 22 июля 1942 г было взорвано 1515 рельс, и железная дорога была выведена из строя на 2 суток Работая в штабе партизанской бригады сначала пом нач. штаба п/о по разведке, а затем зам. командира бригады по разведке, т Касси хина сама несколько раз ходила в разведку и образцово организовывала бесперебойную непрерывную разведку тыла и фронта противника. Обеспечила получение разведданных, весьма ценных для Красной Армии. По координатам, переданным в Армию, советская авиация успешно разбомбила несколько армейских и дивизионных складов боеприпасов, несколько крупных штабов противника.

Тов. Кассихина является одной из лучших разведчиц, легко ориентируется в любой сложной обстановке.

Смелый, мужественный, волевой командир т. Кассихина требовательна к себе и подчиненным, тактически грамотна, пользуется большим авторитетом в бригаде, беззаветно предана делу партии Ленина-Сталина.

Командир бригады им. Молотова капитан Галкин

Комиссар п/бригады л-т подпись*

ЦДНИ КО Ф 4112 Оп 2 Д 80 Л 12—14 Заверенная копия Опубл. Сборник документов и материалов по истории Кировской организации ВЛКСМ 1918—1978 Киров, 1978 С 158—160

Кассихина Лидия Петровна род в 1918 г в г Вятке, училась на географическом факультете Кировского пединститута им В И Ленина, в 1941 г ушла добровольцем на фронт Приказом Центрального Штаба партизанского движения от 14 сентября 1943 г за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, Кассихина Л П награждена медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени Из партизанского отряда вышла 20 сентября 1943 г и до сентября 1944 г находилась в действующей армии, имела звание лейтенанта.

Б САДЫРИН

«МАМОЧКА, ТЫ ПОЙМЕШЬ МЕНЯ»

В дневниках и письмах кировчанки Веры Ананьевой есть все: счастливые мирные дни, школьные дела, девичьи заботы, ворвавшееся в Верину жизнь суровое слово «война»... В этих документах весь Верин путь: 22-я

* Так в документе

средняя школа областного центра, дежурства в госпитале, курсы радистов-операторов в Москве, работа в тылу врага. В них — тревога за здоровье любимой мамы Анны Федоровны и отца Александра Ивановича, находившегося на фронте, за своих сестер и братьев, за страну в целом, в них — горячая вера в победу и встречу с родными.

1941 год, 22 июня, воскресенье. Ранним утром пришла домой. От мамы узнала, что началась война. Проклятые фашисты бомбят наши города и села. Я очень расстроилась, даже плакала, уткнувшись в подушку.

Думала ли я когда-нибудь, что доживу до войны? Пожалуй, думала. Но в голове почему-то всегда мчались лихие эскадроны, а я впереди — в шлеме и с саблей наголо, и от нас убегают в степь белые... Все было, как в кино, — легко и красиво. А какая она, война, некнижная?..

2 июля. Возле школы случайно встретила Славу Сиротина. Он сказал: «Как жалко, что мы в девятом классе учимся. Был бы десятиклассником, ушел бы на фронт защищать Родину. А пока не берут. Военком сказал, что придет и наш черед. Успеете. Может, сбежать тайком, Вера, сесть в эшелон и — на фронт?»

12 июля. ...Скоро сдаем экзамены на медсестру. Раненых в наш город еще не привозили, но сказали, что скоро будут первые эшелоны. Что ж, будем готовиться к встрече.

Новое слово вошло в мое сознание. Я его знала, конечно, и раньше. Но сейчас оно звучит для меня по-новому. По радио передают, что фашисты жгут целые деревни, насилуют девушек и женщин, а потом их зверски убивают, бросают в огонь. А за что? За то, что очень любили жизнь, цветы, растили детей. Звери, а не люди вторглись на нашу землю. Ненавижу фашизм! И это коричневое слово, и то, что стоит за ним...

Я тоже не отстаю от своего народа. Сегодня кончаю учебу в санитарной дружине, буду работать в госпитале, возвращать жизнь раненым. А если придется, с оружием в руках пойду на фронт...

15 июля. ...Вечером привезли первых раненых. Вот она, война! Кровавые бинты, рваные раны от пуль, осколков, ожогов. После операций я захожу в операционную и беру осколки, вытащенные хирургом из тела. Я промываю их и несу в палату. Отдаю их хозяевам — старым и молодым солдатам. Одни улыбаются: мол, повезло. Другие отворачиваются в сторону.

20 июля. ...У нас в палате лежит тяжелораненый солдат, пехотинец. Совсем молоденький. Вражеская пуля задела ему глаза, и он ослеп. Однажды он мне сказал с грустью, что долго не получал писем от родных. А ведь у него, наверно, есть отец, мать, сестра. Тогда вечером после смены я написала на его имя теплое письмо, вложив в него засушенный полевой цветок. Как он обрадовался! «Я же знал, что они мне напишут», — говорит боец. А вскоре он действительно получил письмо от сестры.

24 июля. По вечерам ходим за город рыть окопы, траншеи. Болят руки, ноги, а мы работаем с удвоенной энергией. За себя и за тех, кто сражается. Совинформбюро сообщило, что наши бойцы на луцком направлении выиграли танковое сражение. Молодцы!

30 августа. Позавчера со всеми ранеными распрощалась. Мы их

вылечили, и они снова вернутся в полк, будут громить врага. Соломко, Максимов, Папанов, Иванов крепко пожали руку. Неунывающие ребята. А Соломко Витя от имени всех товарищей преподнес медсестрам букет роз. И где он цветы достал? Попрощались и с Кротом. Он хотел поцеловать. Прямо смешно.

13 октября. День моего рождения. Мне 17 лет. Значит, и я теперь могу воевать. Сейчас у меня три главных дела. Первое — госпиталь, второе — школа, третье — я поступила на курсы радистов-операторов. Наконец-то будет настоящая военная специальность.

1942 год, 31 января. Папу взяли на фронт. Мама очень плакала, прощаясь с ним, а бабушка заболела. Мы провожали его до самого сборного пункта. Теперь маме будет трудно. Еще бы — все восемь человек будем жить на одну мамину зарплату, а на рынке ни к чему не подступишься. Ничего, выдержим, скорее бы врага победить. Под Москвой ему по морде надавали.

Сегодня в третьем часу приходит Нина и говорит, что нужно идти в школу. Прихожу, и Александра Ивановна сообщает, что ребята из нашего класса идут в армию — будет прощальный вечер.

1 февраля. ...Пять часов утра. Только что пришла с прощального вечера. Очень много танцевали, пили чай. Уезжают Славушка Глушков, Слава Сиротин, Овидий Любовиков, Вовка Жданов, Фаворский, Борька Шушунин... Жалко ребят. Им всем по 17 лет. Увидимся ли когда-нибудь? И когда? Болит сердце от разлуки. Как хотелось бы встретиться с ними, живыми, после победы в родной нашей школе и станцевать вальс.

23 февраля. Сегодня — День Красной Армии. Мама купила картошки. Ради праздника. Я сама ее чистила. Ну и старалась! Никогда так аккуратно картошку не чистила. А вечером пришли мои школьные друзья, отметить праздник.

* * *

Этой записью обрывается дневник Веры. Потому что началась у нее новая жизнь, о которой давно мечтала: вслед за одноклассниками ушла она на фронт. Правда, сначала была Москва — учеба на курсах радистов. О дальнейшей Вериной жизни рассказывают ее наполненные оптимизмом письма.

31 июля. ...По строевой у меня очень хорошо. Может папа гордиться, что его дочь годна для фронта. Мамочка, я сейчас стала командиром. У меня целое отделение. Видела бы ты, как твоя дочь идет по Москве и отдает честь. И смешно, и радостно...

7 августа 1942 г. ...Милая мамочка! Благодарю за туфли, которые ты мне купила. Мы с девчатами даже посмеялись. Говорят: «Вот видишь, придется обязательно вернуться домой, а то туфли останутся не обновленными». Ну, «порешили вернуться».

Мамочка! Еще раз прошу тебя: не волнуйся! Знаешь, какое тяжелое время переживает наша Родина. Кто-то должен защищать нашу землю, нашу свободу, и, кроме нас самих, никто это не сделает. За меня не бойся. Учиться легко, но немножко трудновато быть командиром. Ведь важно не только командиром быть, но в то же время и товарищем...

20 августа. г. Москва. Мамочка, ты бы видела, как я радуюсь твоим и папиным письмам. Я очень рада, что вы живете хорошо. Теперь я спокойна за вас Обо мне не беспокойтесь. Я снова учусь. Чтобы принести больше вреда врагу, надо многое знать.

21 сентября. ...Живу по-прежнему. Правда, стало очень холодно, выданы шинели, но такие большие. Я, выходит, «девушка в шинели не по росту» Мамочка, не удивляйтесь, что высылаю вам все фото. Это потому, что мне нельзя их брать. Мне (если я вернусь) будет потом интересно вспомнить школьную жизнь

Мамочка, скрывать не буду Нас могут отправить так, что я даже сообщить не смогу Но я попрошу кого-нибудь из девчат чтобы написали Но это еще будет не скоро, может быть, через месяц

1 ноября. Знаешь, мамочка, я только вчера вспомнила, что 13 октября — мой день рождения 18 лет! И никто не поздравил, даже сама полмесяца спустя вспомнила Ну, ничего. Вернемся домой — справим все праздники, которые пришлось отложить. Как-то странно: я — уже «большая»

Мамочка! Ты не очень волнуйся, что от папы ничего нет. У него просто нет времени писать. Война ведь!

16 ноября. Не правда ли, мама, красивое стихотворение (стихотворение К Симонова «Жди меня» — ред.) Разобьем гадов и будем долго и счастливо жить Мама, береги себя для будущей жизни Твоя девочка Вера

19 декабря. Милые мои, живите дружней, ждите нас с папой, и мы вернемся

Уже в ноябре 1942 года Вера сообщила родным, что она проводила на фронт многих своих подруг и что близок час ее отправки на фронт В январе 1943 года в дом № 3 по улице Труда областного центра шли короткие весточки Верины открытки из Красноводска, Баку, Орджоникидзе, Нальчика, Сочи.

21 апреля 1943 года. Москва. Мамочка, теперь есть возможность все тебе описать о себе Я — радистка, должна работать в партизанском отряде Один раз уже ездила. Теперь еду вторично..

24 апреля. ...Еще из Москвы не уехала. Ждем, когда установится подходящая погода. Я остригла свои «красивые волосы» (по отзывам девочек) и теперь хожу, как хлопец. Волосы короткие, брюки, гимнастерка...

26 апреля. Москва. Мамусик, милая! Обо мне не беспокойся. Это совсем не так страшно, как тебе покажется. Может быть, завтра улетаю..

В своем последнем письме Вера писала:

«Мама, не обижайся на меня, что я так поступила — ушла на фронт защищать Родину, наш народ, нашу большую дружную семью. Я понимаю, как тебе было тяжело оторвать меня от материнского сердца. На тебя свалилась непосильная ноша, но я надеюсь, что она тебя не согнет Ты ведь у нас сильная, мужественная. Мне так бабушка говорила, когда я уходила на фронт

Мамочка! Пройдет время, и ты поймешь меня, убедишься, что твоя дочь поступила правильно

Я хотела быть врачом, лечить людей, а пока надо воевать, громить ненавистного врага, чтобы наш народ жил счастливо

До скорой встречи Пишу в самолете, слышу, как заработали двигатели Сообщи папе, кто я такая »

По заданию Центрального Комитета компартии Украины комсомолка Вера Ананьева с группой парашютистов вылетела в глубокий тыл противника. Анна Федоровна долго не имела никаких вестей ни от дочери, ни от ее подруг Но через год ей пришлось пережить не одну, а сразу две похоронки: и на дочь, и на мужа. Страшные вести пришлось выдержать сердцу Анны Федоровны. И только спустя годы удалось ей узнать все подробности, связанные с гибелью дочери Николай Григорьевич Демченко, бывший комиссар 3-го полка партизанского соединения «За Родину», действовавшего на Черниговщине, вспоминает·

« 6 или 7 августа 1943 года рано утром к нам в полк пришел пожилой незнакомый человек. Он опирался на палку, был вооружен отечественным автоматом и гранатами. Из документов стало известно, что это был комиссар партизанского отряда имени Сагайдачного — Попов Илья Иванович, член партии с 1919 года. Из его рассказа выяснилось, что в июле 1943 года Украинский штаб партизанского движения сформировал отряд, ядро которого составляли Шарварок Г И. (командир), Попов И. И (комиссар), Тарануха П. И. (зам. командира), Полевик М Б (начальник штаба), Ананьева В. А. (радистка), Глушко А. Г (боец)

После необходимой подготовки, в ночь с 3 на 4 августа 1943 года партизанский отряд им. Сагайдачного был направлен самолетом во вражеский тыл, в район действий партизанского соединения «За Родину» Отряд должен был пополниться местными партизанами и уйти за Днепр

Когда самолет прибыл в заданный район (квадрат), последовала команда: «Подготовиться к прыжкам» Первым в ночную темень должен был прыгать комиссар, последним — командир.

Приземлился Попов не совсем удачно — повредил ногу, и не мог идти. Когда рассвело, он увидел поблизости село...

В полдень с западной стороны донеслись стрельба и взрывы гранат

На второй день, 5 августа, к вечеру среди кустов появилась девочка лет 12-ти, собирала ежевику. От нее И. И. Попов узнал, что немцы и полицаи «постреляли» каких-то парашютистов, что село называется Свидовец и что ближайший лес находится в 15—18 километрах.

Спустя день-два, когда с ногой стало лучше, Попов ушел на поиски партизан и нашел нас в Кобыжчанском лесу В этот же день мы послали в Свидовец разведку, чтобы выяснить все подробности о парашютистах Разведка доложила, что ночью на 4 августа пять парашютистов приземлились примерно в трех километрах от села. Зарыв в землю парашюты, они невдалеке, в лощинке, сделали привал. Им надо было подождать рассвета, сориентироваться на местности, а вечером незаметно направиться в Кобыжчанский лес на поиски партизан.

Но случилось непредвиденное. Подростки, культивируя днем поле, обнаружили зарытые парашюты Об этом по селу пошла молва, и о

парашютах узнали полицаи. Нашелся предатель. Он на лошади помчался в райцентр Бобровицу в жандармерию (этого предателя разведчики позже поймали и расстреляли).

Примерно в 14 часов около 50 полицаев и жандармов окружили партизан-парашютистов и потребовали сдаться. В ответ заработали пулемет и автоматы пятерки храбрецов. Неравный бой длился около четырех часов, пока в живых не осталось ни одного партизана. Ни рация, ни оружие врагу не достались — все было приведено в полную негодность.

Так смертью героев полегли в бою с врагами партизаны отряда имени Сагайдачного, и вместе с ними сложила свою голову русская девушка, комсомолка Вера Ананьева, сражаясь за Родину на украинской земле с братьями-украинцами.

К большому сожалению, никто из нас Веру и ее боевых товарищей не смог увидеть. Знал Веру ее комиссар И. И. Попов, оставшийся в нашем соединении, но и он давно умер...»

* * *

Вот такая судьба выпала на долю симпатичной кировской девушки, обаятельного человека, прекрасной, заботливой дочери, воспитанницы комсомола Веры Ананьевой. Не довелось ей вернуться к своим родным, станцевать с одноклассниками вальс, обновить купленные мамой туфельки. А главное, горько сознавать: не появились на земле детишки Веры Ананьевой, не появятся на свет ее внуки и правнуки — такую вот просеку сделала война в роду Ананьевых. Сколько их, этих просек, в судьбах наших людей осталось после 1945-го?

Пишу тебе с фронта... Киров, 1990. С. 143—150.

М. АРДАШЕВ

ПОДЗЕМНЫЙ ГАРНИЗОН

Когда в ноябре 1943 года наши части освободили поселки Баксы, Аджимушкай и расширили плацдарм на Керченском полуострове, им открылась героическая история подземного гарнизона, мужество которого потрясло весь мир. В аджимушкайских каменоломнях десантники обнаружили следы госпиталя, кухни, штаба... Кто-то нашел изъеденные ржавчиной винтовки, кто-то полуистлевшие неотправленные письма и списки личного состава, кому-то попала на глаза толстая самодельная тетрадь, исписанная наполовину простым карандашом, наполовину чернилами.

Письма и документы были переданы командованию. А рукопись, оказавшаяся дневником начальника штаба 100-го запасного офицерского полка старшего лейтенанта Александра Клабукова, осталась у десантников. Ее читали вслух при свете коптилок во всех дивизиях. Читали как книгу мужества и стойкости, как призыв к ненависти и суровой мести.

...В начале мая сорок второго года советские войска готовились к проведению крупной наступательной операции. Замысел ее сводился к тому, чтобы вырваться с Керченского полуострова на оперативный простор Кры-

ма, достичь Перекопа и отрезать немецкую группировку, рвущуюся к Севастополю. Но немцы опередили на два дня — 8-го числа сами развернули активные действия. 16-го им удалось сломить оборону севернее Аджимушкая и пустить в прорыв до 40 танков с автоматчиками. В тот же день командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Козлов отдал приказ командарму 44-й и полковнику Ягунову прочно удерживать рубеж у западной окраины Колонка: «Отход и эвакуация вашего участка обороны по особому приказу».

В сводный отряд полковника Ягунова входили остатки 83-й бригады морской пехоты, 276-го стрелкового полка, 95-го погранотряда, фронтовых полков резерва и других подразделений. Прикрывая переправу через пролив главных сил фронта, отряд оказался отрезанным от них. Приказа на отход так и не получил, а если бы и получил, то все равно бы не мог вырваться из окружения — не имел для этого ни пушек, ни танков.

Свыше десяти тысяч бойцов и командиров заняли оборону в катакомбах Аджимушкая. Старший лейтенант Клабуков с остатками своего полка находился в Малых каменоломнях.

И вот он пишет:

«...Немцы ходят и сидят в засадах в одних трусах. Ишь, сволочи, приехали на курорт. Ничего, вам этот курорт будет слишком жарким. Нам сейчас холодно, но мы успеем погреться».

Слова дышат презрением и ненавистью к врагам, стремлением расквитаться с ними за поражение.

И тут же, ниже, о своих товарищах:

«Мне не нравится, когда при раздаче пищи ребята глаз не спускают с чумички (разливной ложки). Куда чумичка, туда и двадцать два глаза. Да, народ голоден, но все же молодцы, терпеливы, пища пока раздается без нареканий, тихо.

Манукалов стал чувствовать себя заметно лучше, стал разговаривать, больше двигаться... Ночью спал хорошо. Гузема заявил, что у нас чувствует себя хорошо и спокойно.

Сержант Коротков — все же парень молодец, относится к своим обязанностям добросовестно. Пищу приготовляет и раздает хорошо, график выдерживает правильно, достает дрова, с водой тоже выкручивается».

А еще ниже посвящает бумаге свои надежды:

«Наблюдатель донес, что немец бомбил Тамань, значит, наших войск в Тамани, безусловно, хватает. Десант, наверное, будет, я все же жду десанта».

Этими надеждами жили все, весь подземный гарнизон. И десант действительно готовился командованием 47-й армии на конец июня — начало июля. Если бы он высадился, тогда они, вырвавшись из катакомб Аджимушкая, ударили бы по немцам с тыла. Но положение наших войск на юге ухудшалось, и это не позволило осуществить намеченную высадку десанта.

...Аджимушкайские катакомбы образовались в результате добычи

известняка-ракушечника для строительства Керчи и приморских поселков. В Малых каменоломнях имелось до двухсот небольших отсеков-помещений — величиной с жилую комнату. В них укрылись более 2 тысяч офицеров и солдат и несколько местных граждан.

Немцы опутали район каменоломен проволочными заграждениями. Их посты несли круглосуточное дежурство. Танки и пулеметы вели огонь по выходам, засыпая их землей и щебнем. Специальные команды накачивали в проходы удушливые газы, бурили сверху скважину, закладывали взрывчатку и взрывали. Вражеские громкоговорители передавали информацию о «разгроме Советской Армии», о «взятии Москвы», кричали о бесполезности сопротивления.

Осажденные испытывали жуткие муки: голод, холод, дышали влажным отравленным воздухом, жили в полной темноте или при свете слабо мерцающих коптилок, под угрозой быть заживо погребенными.

Но гарнизон стоял. Не сдавался. Боролся. Делал ночные вылазки и наносил по врагу внезапные удары.

Обо всем этом нам рассказывает дневник Александра Клабукова.

«**23.6.42.** Еще не спал, времени 3.40, через 15 минут иду на проход, перед рассветом проверю... наблюдателей».

Ложась спать, он укутывал голову шинелью. Дышать из-под нее легче — воздух очищается.

«Целый день провел у щелей-выходов, проверил посты наблюдателей. У бойцов винтовки чистые... Вылез наверх, посмотрел на село Аджимушкай: все разбито, наша каменоломня сверху вся изуродована. Гансы ходят голые, загорают».

Вернулся в убежище: мрачно, душно, голова кружится, слабость. Аппетит зверский, а есть нечего.

«Т. Коротков, наш хозяйственник, замесил мне 10 г сахару, 10 г киселя (авиаклея) и воды г 15. Получилась масса горько-сладкая, как патока. Съел на сон грядущий, приятно и сытно... Один лейтенант угостил меня лошадиной жареной шкурой, очень вкусно поджарено, только зубы мои качаются, не берут. Я долго жевал, все же проглотил, черт с ним, с желудком».

«**5.7.42.** Люди стали слабы, большинство трудностей и голод переживают впервые, поэтому им трудно».

Отец Саши, Иван Александрович, работал слесарем в железнодорожных мастерских. Семья жила в центре Вятки и ни огорода, ни скота, никакого другого подсобного хозяйства, как у некоторых окраинных жителей города, не имела, нередко перебивалась с хлеба на квас. Вечерами спать ложились с пустым желудком. Чуть полегче стало, когда Саша начал слесарить вместе с отцом. Но затянувшаяся империалистическая война взвинтила цены, и нужда опять не выходила из дома.

В семнадцать лет Александр записался добровольцем и отправился на Восточный фронт бить Колчака. Воевал в Поволжье и на Кубани, в Причерноморье и на Кавказе. В 1921 году его часть встала на охрану южной границы. Стычки с бандами и контрабандистами. Горные обвалы, отрезаю-

щие погранпосты и заставы от городов, от баз, снабжения на недели и месяцы. Малярия. На ногах — обноски. С продовольствием: мри душа неделю — царствуй день. Всего довелось хлебнуть полной мерой. И теперешнее полуголодное существование в каменоломнях было для него не внове.

Но и он с тревогой в душе признался:

«**7.7.42.** Чувствую себя все слабее и слабее»

Ему снились сны о пище. Сны, от которых «голова кругом и под глазами синяки».

«**26.7.42.** Наелся вареной травы... Понос. Не есть траву — шатаются зубы, десны болят. Соли нет. Трудно. Нужно терпеть, бороться. Только борьба и сила воли помогут делу».

И маленькие радости. Как они нужны были ему, им всем!

«Идет мелкий дождь, это хорошо — будет вода...»

Воду — по капле! — бережно собирали из сочившегося известняка. Воду высасывали из камня через трубочку.

«**31.7.42.** Мое дежурство идет хорошо. Завтрак роздан без шума. С 1 августа наш паек увеличивается до 125 гр, то есть засыпки 100 гр, сахару 25 гр. Пища будет еще гуще и сытнее... Мои ноги уже ходить начали веселей»

У Клабукова было доброе сердце. Эгоизм был ему чужд. Он последним делился с товарищами. Как-то случайно в кармане брошенной шинели нашел четыре сухаря.

«Ведь это еда добавочная на 8 дней, даже сделаю на 10. Они зацвели и отсырели, храню и сушу за пазухой, а когда высохнут, конечно, вес граммов на 15—20 убавится да плесени граммов 3—5 снимется — жаль, теряется вес. Но жадничать не собираюсь, еще, наверное, поделюсь с Гуземой».

Молодой парень Михаил Гузема, раненный в ноги, не мог двигаться. К тому же на глаза ему была наложена повязка.

«**17.7.42.** Решил Гузему на проход и на воздух выводить каждый день. Ему надо хоть бы немного света и чистого воздуха. Я его обработаю, за неделю он сам себя не узнает и будет гораздо здоровее».

Не удалось Клабукову спасти Михаила Гузему. Умер. Многих не удалось спасти. То и дело встречаются пометки: «Умер младший лейтенант Кудин». «Утром умер лейтенант Копканидзе»...

«**3.7.42.** Ходил с Поважным в расположение 4-го батальона к колодцу. 1—$^1/_2$ километра. Перелезали через камни, упавшие с потолка. Немец рвет проходы. 15 проходов засыпано. В проходах столы, стулья, швейные машины, походные кухни, кровати, повозки, трупы лошадей, людей. Вонь».

«**7.7.42.** Делали закладку прохода... с бойницами для автоматов и пулеметов. В два ряда камень, внутри щебень».

Немцы бросили в проход гранаты, а затем листовки, еще раз предложили сдаться.

«Бессмысленный стандарт. Видел в Крыму и Керчи изуродованные трупы — близкие не узнают».

Командование держало гарнизон в постоянной боевой готовности.

«**12.7.42**. (3.45). Началась боевая тревога. Сбор был вовремя. Замечания мною сделаны Кудину (мл. лейтенант —адъютант батальона 1-го запасного полка). Остальные были в сборе с полной выкладкой».

В катакомбах проводились политзанятия, читались лекции и политинформации, устраивались коллективные чтения книг.

«**27.7.42.** Выпущена и вывешена стенная газета».

«Некоторые признают свои ошибки, исправляются».

«Вторично прочел книгу «В людях» Горького. Тоже жизнь! Недаром и фамилию носил — Горький».

«**12.7.42.** Пейчева освобожу от наряда на несколько дней и заставлю, как художника, сделать хотя бы несколько зарисовок нашей жизни, службы, быта...»

Клабуков хотел, чтобы люди узнали о мужественном гарнизоне. Превозмогая себя, он писал свой дневник при свете коптилки. Ничего не зная о мужественном Юлиусе Фучике, он поступал точно так же — вел свой подземный репортаж.

Для освещения осажденные использовали зажигательную смесь из противотанковых бутылок.

«**7.7.42**. Горючая жидкость кончилась, перешли на освещение соляровым маслом, горит хорошо. Хоть копоть есть, но не такая едкая».

«Нашел чернильницу, есть чернила, будем пользоваться культурой, возможной в наших условиях».

Находка его очень обрадовала.

* * *

Бои шли уже в Крыму, когда жена Клабукова Вера Георгиевна с сыном Володей эвакуировалась в Тбилиси. Последнее письмо от мужа она получила перед наступлением немцев на Керченском полуострове. Он сообщал, что 30 апреля и 1 мая находился в Керчи, а на следующий день утром снова выехал на передовую.

«Город сильно разбит. Этот проклятый Гитлер и его свора разрушают мирные дома, уничтожают население без всякой жалости. Но скоро будет им «капут»...»

«Верусик, я очень обижен на Вовика. Почему не пишет? Как твое здоровье?.. Я очень мучаюсь ногами. Проклятый ревматизм дает знать. Я только тобой живу, думаю о тебе...»

Больше писем не приходило. Но Александр часто вспоминал о жене, о сыне, которых нежно любил.

«**26.6.42**. Днем отдыхал, хотел заснуть, но не мог. Перед глазами прошли все этапы семейной жизни...»

Мыслями он переносился из темного подземелья в Тбилиси. Самые

радостные и светлые дни его жизни связаны с этим городом. И это хорошо, думал он, что Вера уехала туда, там ей не будет так одиноко, легче будет переносить житейские трудности.

В 1924 году молодой командир-пограничник Александр Клабуков приехал в Тбилиси на учебу, на окружные курсы начсостава. По ленинскому набору. Здесь в погранштколе училась на библиотекаря Вера Биршерт. Они познакомились, а вскоре и сыграли свадьбу.

После окончания курсов они уехали в Батумский погранотряд. Клабукова назначили помощником начальника заставы. Вера работала в библиотеке. Через два года его перевели в органы ОГПУ. А затем они жили в Керчи. Александр работал на рудном комбинате, перед войной — заместителем директора табачной фабрики.

Воскрешая в памяти семейную жизнь в полном согласии, понимании и поддержке друг друга при житейских неудобствах и трудностях, связанных с переездами и сменой работы, он писал в дневнике:

«**3.7.42**. Эх, моя дорогая жинка, милая Веруська, как я о тебе часто вспоминаю, все и обо всем, о всех днях, прожитых с тобою вместе 18 лет.

На вокзале, провожая меня в армию, ты сказала мне: вряд ли мы увидимся. Как эти слова влезли мне в голову, неужели не увидимся! Нет, не верю, увидимся!»

И через несколько дней опять:

«**26.7.42**. Моя Веруська, вероятно, думает, что я убит и кости уже сгнили, а я жив, да еще и политикой занимаюсь, службу по обороне несу. Бойцов и командиров в трудной обстановке по уставу воспитываю. Ты только, родная, крепись, воспитывай сына, береги здоровье свое, а я буду жив, и еще увидимся, заживем. Если и придется искать крайний выход, то мой ППД с двумя обоймами и пистолет — 3 обоймы да две гранаты отомстят за меня и за тебя, за сына и Родину!..»

Отдельно о сыне:

«**7.8.42**. Сынишку, наверное, осенью возьмут в армию. Он парень боевой, не из трусов. Если на фронт пойдет, то не подкачает».

Сын Владимир действительно не подкачал: добровольцем ушел на фронт, вместе с Кантемировским танковым корпусом дошел до Польши, был дважды ранен.

...Никто из аджимушкайцев ни разу не видел, чтобы Клабуков впал в уныние или отчаяние. Никто не слыхал, чтобы он сетовал на безысходность положения, свои недуги или слабость. Он был строг к себе и требователен. Он преклонялся перед стойкими и мужественными, восхищался ими и сам заряжался от них силой духа, впитывал в себя их стойкость.

Автор почти не ставит часы, только числа. Но в этот день он указал время с точностью до минуты.

«**16.7.42**. Оставлено Миллерово и Богучар. Немец прет здорово. Но ему где-то готовят закуску в глотку.

18.00. Началось партийное собрание. К этому времени у меня все приемные документы были подготовлены. Открыл собрание секретарь пар-

тийного бюро т. Манукалов, он же и председательствовал. Меня принимали в ВКП(б) кандидатом... Приняли единогласно.

Для меня этот день, вернее, вечер, был большим праздником. В характеристиках товарищи заверили партию, что я честен, добросовестно отношусь к делу, волевой. Я таким был, таким и останусь до последнего дыхания...»

Прямой, откровенный разговор без позы, без жеманства, без игры в скромность — наедине с самим собой.

Он стал коммунистом и теперь жил делами и заботами организации.

«**29.7.42**. Сегодня на совещании я получил еще одну должность — зав. столовой. Кроме того, я отвечаю за все посты, за комсостав, за воду и сбор дров...

Провели партийное собрание. Приняты в партию кандидатами ст. лейтенант Чеботарев, медсестра Лида Хамцова и Борис Дрикер — кладовщик».

...В Малых каменоломнях каждый день принимались по радио сводки о положении на фронтах. Радиоприемник находился под строжайшей охраной: к нему выставлялся специальный часовой.

Сводки были нерадостные. В Севастополе — уличные бои. Ожесточенные сражения под Воронежем, под Ростовом. И вдруг. 8 августа новое направление — Армавир. Через четыре дня — Майкоп.

Первого августа Клабуков в дневнике записал:

«Я предлагал командиру полка разные варианты организации вылазки против фашистов. Но он мне лично не разрешает, боясь, что меня схватят или убьют в бою... Меня он знает, верит мне, знает, что я его не подведу... Буду таким до последнего дыхания».

И о гитлеровцах:

«Я лично с ними буду как никогда жесток».

Командование гарнизона уже давно пришло к заключению, что ждать помощи неоткуда. Еще третьего июля оно приняло решение выходить мелкими группами. В ночь на четвертое ушли первые одиннадцать человек. Пятого июля Клабуков записывает, что все гражданское население собирается на выход.

«**18.7.42**. Группа подполковника Ермакова вот уже 3-ю ночь подряд пытается выбраться, но не удается. Вокруг катакомбы, особенно к берегу в сторону Капкан и Маяка, усилена охрана...»

Положение с продовольствием у осажденных становится катастрофическим.

«**8.8.42**. Соль 3 грамма в сутки — это очень мало, а с 15.8. вовсе ее не будет. Зубы мои ходят, десны все хуже, набухли, кровь сочится все время. Сварил бульон из конских костей, поел...»

17 августа ушла группа во главе с батальонным комиссаром Семеновым.

«Народ начал здорово слабеть. Нас осталось здоровых (движущихся) человек 12—15, а остальные 15 человек все лежат». «Кружится голова». «Ноги в коленях начали сдавать».

Все чаще проверяет оружие и Клабуков, готовится к выходу.

«Надо выходить в сторону моря. Если не удастся переправиться, то буду из автомата до последнего патрона выслеживать и бить немцев. К пистолету также имею три обоймы. Из них 22 патрона для немцев, два для себя, из них один контрольный».

В середине августа Поважный дал Клабукову согласие на проведение разведки.

Последние записи:

«**17.8.42**. Сдали Майкоп». «Уверен, что немец будет разбит».

«**18.8.42**. Я вел разговор с Чеботаревым и с Федей, что надо собираться на выход (пробито)... тяжело, дальше слабнем, но (пробито), для нас надо по два-три (пробито), через переправу на Кубань или через тылы противника...

Если Краснодар сдан, это (пробито) и ему, наверное, приготовят встречу (пробито). Каждому 3 метра земли найдем...»

На этом записи подземного дневника обрываются.

* * *

Старший лейтенант Клабуков, нет, уже не старший лейтенант, а капитан — только в каменоломнях никто не знал, что ему присвоено очередное звание, — вышел на поверхность вдвоем с сержантом Ромашевым. Вслед за ними покинул подземелье старший лейтенант Чеботарев. Они условились встретиться в Керчи. Но Чеботарев вскоре возвратился. Он сказал Поважному, что Ромашев убит. Его труп лежит недалеко от выхода из каменоломни. Клабукова он не видел — ни живого, ни мертвого. Очевидно, Александр сражался, как и хотел, до последнего патрона и тоже погиб.

Пишу тебе с фронта... Киров, 1990. С. 21—34.

Н. ЯКУПОВ

ВЕСНУ ПРИНЕСЛИ НА ЗНАМЕНАХ

Утром 22 августа генерал Потехин прибыл в Тарутино, заслушал доклад командира 13-й мехбригады полковника Троценко и начальника штаба подполковника Обатурова и уточнил задачу бригады. Затем, побывав в ближайших подразделениях, он предложил возобновить движение после небольшого отдыха. Уже в полдень бригада вновь начала наступление, однако северо-западнее Тарутино, в районе села Твардица, ее подразделения подверглись удару вражеских бомбардировщиков. Колонна быстро рассредоточилась. Две батареи зенитной артиллерии энергично отражали удар авиации. Поэтому бомбометание и пушечный огонь самолетов противника не были точными. Но одна из бомб разорвалась вблизи автомобиля Саввы

Калистратовича, он был тяжело ранен и через полчаса скончался. Так погиб боевой генерал, коммунист, участник двух войн, ветеран Советской Армии.

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов впоследствии напишет: «Заместителя командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-майора танковых войск С. К. Потехина мы знали все и очень уважали за его железную выдержку, за личную храбрость. Он и умер смертью героя...»[1] Похоронен Савва Калистратович в Одессе.

Командовал 13-й механизированной бригадой, как уже упоминалось, гвардии полковник Яков Иванович Троценко. Это был боевой офицер, в котором сочетались высокая теоретическая подготовка и большой командирский опыт, организаторский талант и личная отвага.

Полковник Троценко всегда твердо управлял бригадой, требовал от подчиненных неукоснительного выполнения поставленных задач. Он заботился о солдатах и офицерах и даже в условиях напряженных боев обязывал планировать отдых личного состава. За душевное отношение к людям, требовательность, четкость в руководстве, оптимизм, умение к месту употребить шутку и понять ее у другого он пользовался любовью тех, кто его окружал.

Мужественным и способным, высокоэрудированным офицером проявил себя в тех боях начальник штаба 13-й мехбригады гвардии подполковник Геннадий Иванович Обатуров. Родился он в январе 1915 года в деревне Малые Заречена (ныне Нагорский район Кировской области) в семье бедного крестьянина. Его отец, Иван Федорович Обатуров, погиб во время первой мировой. И мать, бывшая батрачка Анастасия Васильевна, осталась одна с пятью детьми. С малых лет Гена Обатуров трудился со своими братьями на сельскохозяйственных работах: пас скот, косил, жал, заготовлял лес, позже — научился ходить за плугом. Так в детстве и отрочестве он усвоил премудрости крестьянского труда. Рано умер старший брат. Не выдержала мать... Когда она умерла, Геннадию было 11 лет. Осиротевшие дети работали, вместе вели свое скудное хозяйство. Но и люди в этом суровом краю не были безучастны к чужому горю. Помогали чем могли, учили не унывать и быть честными, уважать и ценить труд. Учили мудрой науке жизни. Вспоминая свое трудное, но так памятное сердцу детство, Геннадий Иванович Обатуров говорит: «Именно там, в родном краю, в годы детства и юности, среди трудолюбивых и честных людей я научился любить труд, критически относиться к своим действиям и поступкам».

Как и его сверстники, Геннадий тянулся к знаниям, напряженно учился в свободное от работы время. Трудолюбивого и напористого юношу комсомольская ячейка направила на учебу в техникум в город Горький, который он окончил с отличием. Затем работал в городе Кирове, вел большую общественную работу, возглавлял крупную комсомольскую организацию. И вскоре по призыву комсомола Геннадий Обатуров добровольно поступает в Орловское бронетанковое училище имени М. В. Фрунзе. Повидавший многое за свои двадцать лет, курсант Обатуров сразу обратил на себя внимание. Он был назначен помощником командира взвода, а потом и старшиной курсантской роты, избирался секретарем батальонной комсо-

---

[1] Бирюзов С. С. Суровые годы. М., 1966. С. 384.

мольской организации. Здесь его приняли в партию. Окончив училище с отличием, выбрал для службы Дальний Восток, командовал в танковом полку взводом полковой школы, был инструктором огневого дела и помощником начальника штаба полка по разведке. Способному и трудолюбивому командиру предложили учиться в Военной академии механизации и моторизации РККА, командный факультет которой он окончил с отличием в 1941 году. Как одного из лучших выпускников и, кстати, вопреки его желанию, Г. И. Обатурова оставили преподавателем тактики в академии. Но шла война, и он писал рапорты, просился на фронт. Его просьбу удовлетворили в марте 1942 года. Боевое крещение офицер Обатуров принял на Брянском фронте в должности заместителя начальника штаба танковой бригады по оперативной работе. Потом было много боев, горестных поражений и радостных побед.

В феврале 1943 года во время нашей танковой атаки под Старой Руссой снаряд ударил в танк Обатурова. Офицер получил тяжелые ранения и ожоги, строгие врачи хотели вынести приговор — не годен. Но Геннадий Иванович не примирился с недугом и в октябре 1943 года вернулся в строй. Потом были новые ранения, и всегда он возвращался к товарищам по оружию. С октября 1943 года Г. И. Обатуров воевал в составе 4-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса в должности начальника штаба 13-й бригады, прошел с ней боевой путь от Большого Токмака Запорожской области до Словакии. В трудных боях за освобождение Украины проявились лучшие качества офицера-коммуниста, штабного работника. Говорят, один день в бою равен месяцам будней, он дает столь богатый боевой опыт, который нельзя приобрести за годы мирной жизни. А если война длилась 1418 дней и ночей? Если солдат участвовал во многих десятках сражений? Какую школу мужества он прошел! Не зря говорят о нем, что он — бывалый солдат.

Именно таким бывалым солдатом был Геннадий Иванович Обатуров: в боях под Землянском и Воронежем в трудное лето 1942 года, в атаках под Демянском и Старой Руссой в зимнюю стужу 1942—1943 годов, в победных сражениях за освобождение Украины и Молдавии, затем Румынии, Болгарии, Югославии.

И каждый бой не был похож на прежний, каждый требовал максимального напряжения физических и моральных сил. Тщательная подготовка, быстрота, внезапность ударов, маневренность во время действий в тылу врага, гибкое руководство, умение предвидеть — вот чем характеризуются все бои, которые организовывало и проводило командование 13-й мехбригады в ходе Одесской и Ясско-Кишиневской операций. В этом — немалая заслуга и начальника штаба бригады Г. И. Обатурова, и его подчиненных. «Чем скорее, тем вернее», — говаривал Геннадий Иванович каждый раз, передавая новые распоряжения командирам частей и подразделений. Ведь именно в стремительности действий прежде всего заложен успех подвижных соединений.

Как известно, лучшие из офицеров — это прежде всего педагоги для своих подчиненных. Они постоянно учатся сами и всегда учат побеждать врага, побеждать не числом, а умением, мастерством. Именно таким воспитателем был Г. И. Обатуров. Его однополчане вспоминают, например, следующий эпизод из фронтовой жизни. В период подготовки Ясско-Ки-

шиневской операции советские войска напряженно обучались тому, что необходимо в предстоящих боях. Учения, занятия, сборы проводились и в частях и подразделениях 4-го механизированного корпуса. Г И Обатурову, только что вернувшемуся из госпиталя, командир корпуса генерал В. И. Жданов поручил возглавить два учебных сбора — командиров рот, а также командиров танков и мотострелковых отделений. Для их проведения Геннадий Иванович подобрал опытных боевых офицеров, составил программу сборов. Занятия были организованы образцово. И не случайно подполковника Г И. Обатурова участники сборов благодарили за науку, а командование — за отлично проведенные занятия.

Исключительно незаурядный, высокоэрудированный, трудолюбивый офицер, смелый и скромный человек — таким знают Геннадия Ивановича Обатурова ветераны 4-го гвардейского мехкорпуса.

Якупов Н М Весну принесли на знаменах
Одесса, 1984 С 207 - 212

Герой Советского Союза
П. ШИРОНИН,

МЫ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ!

В конце февраля 1943 года немецкое командование, накопив резервы, двинуло на Харьков крупные танковые и мотомеханизированные части Наши войска оказывали противнику решительное сопротивление, но вынуждены были отходить, неся большие потери в живой силе и технике Возникла угроза обхода советских войск с флангов и их окружения. Командование принимало меры к тому, чтобы занять новые оборонительные рубежи и не пропустить фашистов через Северный Донец.

В этой обстановке взводу, которым я командовал, было приказано оборонять железнодорожный переезд южнее Тарановки. Воины поклялись умереть, но не пропустить врага.

Из донесений разведки стало известно, что в направлении Тарановки движется большая группа немецких танков, бронемашин, самоходных пушек, за которыми идет пехота. Изучив местность, я поставил задачу командирам отделений. Особые надежды мы возлагали на противотанковую пушку гвардии старшины С. В. Нечипуренко, на отделение гранатометчиков старшего сержанта И. Г Вернигоренко и автоматчиков старшего сержанта А. П. Болтушкина. Заняв оборону, донесли командиру о своей боевой готовности.

Враг не заставил себя ждать. Пасмурным утром 2 марта 1943 года немецкие бомбардировщики несколькими волнами сбросили свой смертоносный груз на станцию Беспаловка, обстреляли ее из пулеметов. Станция и окраины села горели. Около 7 часов утра послышался гул моторов. Наш наблюдатель доносил, что движутся танки, бронемашины, самоходные пушки и до тысячи солдат

Не ожидая серьезного сопротивления, немцы шли походной колонной с открытыми люками танков. Время от времени раздавалась пулеметная

и автоматная стрельба. Притаившийся взвод молчал. Но вот противник подошел к нашим позициям. Я приказал подбить ведущий и замыкающий танки. Запылали немецкие машины. Во вражеской колонне поднялась паника. Наша пушка своим огнем выводила из строя один за другим танки гитлеровцев. Фашисты вышли из боя, оставив перед позициями взвода семь подбитых машин. В этом бою был тяжело ранен старшина С. Г Зимин, прострелили и мне правую руку

Первая победа воодушевила бойцов. А тем временем гитлеровцы сосредоточили свой огонь на нашей позиции Вторую танковую атаку они повели развернутым фронтом. Мы начали нести потери Обойдя нашу единственную пушку, фашисты вывели из строя ее боевой расчет, а пушку раздавили гусеницами танка. Старший сержант И. Г Вернигоренко со своими гранатометчиками приготовился к бою. Когда танки подошли вплотную, он бросился к одному из них и подбил его гранатой. Взрывная волна отбросила мужественного воина. Мы думали, что он погиб Солдаты, следуя примеру Вернигоренко, подбили еще несколько танков. Противник вынужден был отступить.

Артиллерийский наблюдатель, находившийся на колокольне в центре села Тарановки, указал полковой артиллерии расположение танков, и через наши головы на противника полетели снаряды.

Взвод наш поредел, осталось человек 10—11. Под прикрытием самоходной пушки двинулась на нас немецкая пехота. Силы иссякали. Смертью храбрых погиб старший сержант А. П. Болтушкин. Почти все солдаты были ранены Мой связной рядовой Петр Шкодин взял у меня последнюю противотанковую гранату и пополз к самоходной пушке врага. Метким броском он подбил ее Встреченные залповым огнем и гранатами гитлеровцы отошли от позиций, оставив свыше ста солдат и офицеров убитыми

Наша артиллерия усилила огонь. Вскоре бой прекратился. На позициях взвода наступила тишина. Закованный в броню враг не прошел Горсточка советских солдат выстояла Более десятка вражеских танков бронемашин и самоходных орудий остались на поле боя

В этом неравном бою смертью героев погибло восемнадцать наших боевых товарищей. Пусть же их имена служат для советских людей символом нерушимой дружбы, товарищеской взаимопомощи Оставшиеся в живых были тяжело ранены и попали в разные госпитали. Родина высоко оценила наш ратный труд. 25 гвардейцам взвода было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Помним Тарановку и Соколовку. Харьков, 1980
С. 30—32

Н. ВАСЕНЕВ

У СЕЛА ТАРАНОВКИ

Сотни кирсинцев героически сражались с фашистскими захватчиками в дни Великой Отечественной войны

Легендарный подвиг совершил Герой Советского Союза Петр Николаевич Широнин.

О нем, о его боевых товарищах написаны книги, стихи, поэмы, сложены песни.

Широнин происходил из потомственной семьи металлургов, работал на Кирсинском заводе. Был слесарем, столяром, потом учителем в средней школе. О нем следует рассказать подробнее.

...Есть на Харьковщине у села Тарановки могила, свято сохраняют ее колхозники, украшают цветами. Взрослые рассказывают детям суровую быль о том, как сражались здесь и пали смертью храбрых в неравном бою двадцать пять бойцов Советской Армии.

На памятнике имена этих героев. Первым среди них — имя гвардии лейтенанта Петра Николаевича Широнина.

...Шли ожесточенные бои под Харьковом. Нужно было задержать продвижение немцев. Командование приказало выполнить эту трудную боевую задачу взводу Петра Широнина.

Темной мартовской ночью вышли солдаты на рубеж. Утром сюда должны были ринуться вражеские танки. Стоять насмерть, не пропустить ни одного!

Настало утро. В небе появились вражеские бомбардировщики. Они кружились, выглядывая добычу. Потом сбросили бомбы и ушли. Широнинцев засыпало землей, но ни один из них не пострадал.

— Приготовьтесь, орлы, сейчас пойдут танки! — крикнул Широнин бойцам. — Встретим их по-гвардейски!

Минут через пятнадцать на дороге действительно показались танки. Они шли быстро, стреляя на ходу. Широнинцы не выдавали своего присутствия. И только когда головной танк подошел совсем близко, командир подал знак и единственная пушка, приданная взводу, прямой наводкой подбила первый танк. Танки шарахнулись в стороны. Грянули еще два орудийных выстрела. На поле боя пылали три вражеских танка. Остальные повернули назад.

Через полчаса немцы повторили атаку. Танков было вдвое больше. Но и на этот раз они не прошли.

Начали убывать ряды широнинцев. Но мужество их не было сломлено. На дороге горело шесть вражеских танков.

Но вот новая атака...

...И в бешеном реве сплошного огня,
И в треске и в громе кипящего ада
На них надвигалась литая броня,
Над ними вставала стальная громада.
Тогда командир, в предгрозовом разгаре
Собрал свой
не знающий страха отряд.
И были в глазах его,
красных от гари,
Три жгучие слова:
ни шагу назад! —

так в поэме о героях-широнинцах писал потом фронтовой поэт Борис Весельчаков.

...Все сильнее разгоралась неравная битва. Вражеский танк подмял пушку, стрелявшую до последнего снаряда. Расчет погиб. Широнин, раненный в правую руку, продолжал стрелять левой. Как бешеные звери, рвутся танки на окопы широнинцев. Вот один из них уже совсем близко. Широнин поднимает своих солдат. Во весь рост, с двумя связками гранат встает украинец Вернигоренко и с криком: «За Родину!» — кидается навстречу танку.

Отбита и эта атака. Но передышка мала. И снова разгорается бой. Широнин ранен в ногу, он истекает кровью, но не уходит с поля боя. Новая пуля ранит его еще раз в руку. Но и тогда, еле держась на ногах, он продолжает руководить боем, пока обвалившаяся земля не засыпает его. Израненный, контуженный, придавленный землей, он теряет сознание.

Погибли бойцы-герои. Но танки не прошли.

Советский народ прославил подвиг горстки храбрецов. Правительство посмертно присвоило 25 гвардейцам-широнинцам звание Героя Советского Союза. Имена их навечно занесены в списки гвардейского полка, в котором они служили.

Но жизнь оказалась сильнее смерти. И в надпись на могильном памятнике у села Тарановки следует внести поправку. Герой Советского Союза Широнин и несколько его боевых соратников остались живы. Широнина спас боец из другой части и раненого вынес в тыл. Даже врачи считали чудом, даже они не верили, что может выжить человек после таких ранений. Две недели он не приходил в сознание и все-таки выжил! Из госпиталя вернулся в родной Кирс и долго еще работал преподавателем по труду в средней школе. Умер П. Н. Широнин в 1968 году.

После смерти Широнина, в память о нем, у кирсинцев установилась хорошая традиция — лучших молодых рабочих, призывающихся в армию, направлять в легендарный Широнинский взвод. Так, в 1969 году туда ушел служить рабочий завода комсомолец Евгений Лялин.

В весенний призыв 1970 года в этот взвод был направлен сын Героя Советского Союза П. Н. Широнина Сергей. Право служить в подразделении отца он заслужил ударным трудом, активным участием в общественной жизни и отличной учебой на курсах шоферов.

Васенев Н. Ф. На берегах Вятки: Зап. журналиста. 3-е изд. Киров, 1971. С. 36—38.

Н. ВАСЕНЕВ

СНАЙПЕР

Я вспоминаю, как однажды за год до войны в далеком, небольшом селе Омутнинского района Кировской области под вечер босоногие ребятишки разноголосо возвестили по всему селу:

— Коля Галушкин приехал!

— Чапая привез!

Вскоре почти все жители собрались в тесном колхозном клубе. Аппаратура уже была установлена, и около нее толпилась куча любопытных ребятишек, постоянных и неизменных в таких случаях помощников и советчиков. Несколько парней укрепляли на стене экран

Когда все было готово и зрители обосновались на местах, на невысоком возвышении перед экраном появился киномеханик Николай Галушкин, или просто Коля, как его любовно звали и большие, и маленькие

Это был светловолосый паренек лет девятнадцати, невысокого роста, довольно щуплый на вид, в голубой майке и коричневых спортивных штанах.— Здравствуйте, товарищи колхозники! — сказал он негромко, но его было слышно хорошо, потому что в зале моментально установилась тишина

Я подосадовал, что до картины придется еще выслушать, наверное, длинный и не совсем умелый доклад или лекцию и ждал, что вот сейчас киномеханик вытащит из кармана пухлые тезисы, к тому же еще написанные, быть может, чужой рукой.

Но я ошибся.

Коля просто широко улыбнулся, отчего стал еще моложе, и каким-то уже совсем домашним тоном сказал:

— Значит, поздравить вас можно..

— Это с чем же? — спросил кто-то из зала

— Да месяц я у вас всего и не был, а новостей-то сколько! Две свадьбы сыграли..

По залу прокатился одобрительный шумок, в задних рядах даже зааплодировали.

— Нюра Королева на Всесоюзной сельхозвыставке, — продолжал киномеханик, — первый раз в Москве была — это же праздник, это на всю жизнь запомнится! А у Ивана Ивановича, смотрю сегодня, новый дом уже под крышу выведен Вот со всем этим и надо вас поздравить Если так дальше пойдет, то к осени, глядишь, и новый клуб у вас готов будет, и стационарная аппаратура для звукового и даже цветного кино будет установлена. Вот одного только жаль, что мне сюда незачем тогда будет ездить..

При последних словах в зале опять раздался шумок и послышались веселые реплики:

— Вот именно, к осени клуб будет готов, только какого года?

— Не тужи, Коля, при таком строительстве ты еще долго к нам будешь ездить...

Я уже знал, что клуб заложен два года назад, но дальше фундамента дело почему-то не двигалось.

...Вот так и обошлось без доклада. Галушкин как-то неуловимо умел перекинуть мостик между собой и слушателями и создать ту непринужденную атмосферу беседы, во время которой можно обо всем расспросить, обо всем сказать, посоветоваться.

Цветного кино в селе еще не видели, и Коля тут же предложил как-нибудь в выходной день съездить на машинах коллективно в Омутнинск там уже идут цветные фильмы.

Сказал он и о картине, которую будет сейчас показывать. Да тут много и говорить не требовалось. — С «Чапаевым» он уже не первый раз приезжал в село, и зрителей всегда было много. Рассказывал он и о картинах, которые скоро должен привезти, и даже о тех, которые еще снимаются.

Потом его спросили, какие новости в газетах, как обстоят дела в мировом масштабе Это особенно тогда всех интересовало: ведь по Европе уже ползла «коричневая чума», как писали тогда газеты. Колю останавливали, переспрашивали, задавали новые и новые вопросы.

По всему видно было, что он здесь частый и желанный гость.

Потом на экране появился Чапай..

После сеанса пожилые колхозники и мелкота — ребятишки — разошлись по домам, а парни и девушки не уходили, они стояли у клуба под молодыми березками и явно чего-то ждали.

Наконец в дверях клуба появились еще несколько парней, среди них был и Николай. Через плечо его на широком ремне висел баян. Молодежь оживилась. Галушкин сел на верхнюю ступеньку крыльца, поудобнее устроил на коленях баян и растянул меха. Над тихим селом, над теплым июльским вечером полились звуки вальса. Под березами закружились пары..

Было совсем поздно, когда все разошлись по домам, а мне спать еще не хотелось, мы прошлись с Галушкиным по притихшему селу, а потом еще долго сидели на высоком берегу речки. Разговаривали. Меня, как газетчика, очень заинтересовал этот паренек. Киномеханик, баянист, хороший беседчик... Такой человек — клад для села. Вот почему его любят и так хорошо везде принимают. Да ко всему прочему он еще оказался и хорошим спортсменом: в прошедшую зиму занял первое место в районе по лыжам.

— А вообще-то я слесарь, — рассказывал Галушкин, — и неплохой разряд имею. Но вот потянуло, понимаете, к кино. Показываю я хорошую картину, а сам радуюсь, как люди переживают. Иногда смеются, иногда плачут. Что-то, значит, я своей картиной расшевелил у них в душе. Может, хорошее что-то разбудил. Может, человек после этой картины станет еще лучше... Ясно-понятно?

Говорили о жизни. Она ему представлялась впереди совершенно ясной, как розовое утро, которое занималось в тот час над землей. Поделился со мной Коля и своей сокровенной радостью — у него совсем недавно родился сын Валерик.

Тогда я твердо решил, что как-нибудь специально еще приеду в это омутнинское село, встречусь с Колей, еще внимательнее присмотрюсь к нему и напишу о нем очерк.

Но случилось так, что вторая наша встреча с Николаем Галушкиным произошла уже через два с половиной десятка лет И встреча эта была необычной: на страницах фронтовых газет «За честь Родины», «Вперед к

победе», «Суворовский натиск» и некоторых других, теперь уже ставших историей.

Газетные листки уже пожелтели, кое-где выцвела краска, но и сейчас, через двадцать с лишним лет, с огромным волнением перечитываешь их и перед глазами оживают героические дела советских воинов.

Перелистывая газеты, я очень часто встречаю фамилию Галушкина, вижу его портреты, узнаю его. Конечно, это он, тот самый сельский киномеханик, который мечтал посвятить всю свою жизнь своему любимому и такому мирному делу!

Но пусть говорят сами газеты. Они скажут точнее: ведь материалы писались очевидцами, по горячим следам.

«Николай Галушкин... Имя этого легендарного человека гремело по всему Юго-Западному фронту. Снайпер Галушкин был удивительным мастером своего дела. Командование высоко оценило его успехи, присвоило ему, рядовому бойцу, офицерское звание и поручило готовить метких стрелков для всего полка, чтобы в каждой роте, в каждом взводе были такие же умелые снайперы.

Галушкин охотно взялся за это поручение. Вскоре движение снайперов-галушкинцев развернулось уже по всему фронту.

Особенно проявились способности Галушкина в ожесточенных боях на Юго-Западном фронте. К лету 1943 года личный счет истребленных им фашистов велся уже на сотни. Он был награжден тогда орденом Ленина. Мы приняли прославленного снайпера-комсомольца в партию. Ему был 21 год».

Так писал в «Орловской правде» уже после войны полковник запаса Н. И. Харламов, под командованием которого служил тогда Галушкин.

Вот голоса других газет. Фронтовых. По свежим следам.

«Изо дня в день растет на фронте слава героя-снайпера Николая Галушкина. Он бьет врага без промаха».

«Снайпер Галушкин уничтожил больше двухсот двадцати немцев. Разве можно не любить этого славного патриота, русского богатыря, доблестного орла Красной Армии!»

«Благодаря своей хитрости и находчивости снайпер Галушкин за один день уничтожил 12 захватчиков!»

«Враг — злой, как волк, и хитрый, как лиса, — так всегда говорил мой учитель, снайпер Галушкин. — Чтобы выследить и убить его, надо обладать тонким слухом и зорким глазом, надо знать повадки зверя и уметь перехитрить его. Всеми этими качествами он владел в совершенстве. У него был глаз орла».

Немцы тоже хорошо знали Галушкина и боялись его. В одной из фронтовых газет я прочитал такую историю. Однажды, когда Галушкин вернулся из очередной боевой вылазки, бойцы снайперского взвода встретили его особенно шумно и радостно. Пожимали руки и шутили:

— Привет тебе от немцев!

— Насолил ты им здорово!

— Прицениваются к твоей голове!

Когда Николай спросил, в чем дело, ему рассказали, что в кармане у одного пленного сегодня обнаружили листовку, в которой было написано:

«На участке советских войск, стоящих против нас, действует группа снайперов, руководителем которой является отъявленный снайпер лейтенант Галушкин. Всем подразделениям и вне боевой обстановки следует быть осторожными, иначе могут быть напрасные жертвы».

Дальше предлагалось уничтожить или захватить живым снайпера Галушкина, за что обещалась награда и «солидное денежное вознаграждение».

Весело смеялись бойцы и Галушкин вместе с ними, прочитав перевод немецкой листовки. Приятно, как ни говори, знать, что враг тебя боится.

По вечерам немцы через сильный репродуктор кричали из своих окопов на ломаном русском языке:

— Снайпер Галюшка, иди к нам! Будешь иметь много денег и всяких удовольствий!

— Переходи в доблестную немецкую армию, снайпер Галюшка! Мы тебя не тронем, сохраним жизнь! Будешь иметь богатство!

«Приду, обязательно приду, — отвечал им про себя Галушкин, — встречайте. Только не поздоровится вам от этого».

Вскоре Галушкин действительно «пришел» к немцам. Снайперский взвод под его командованием провел несколько дерзких операций. Снайперы появлялись в местах совершенно неожиданных: и в близком тылу, и на флангах, и чуть ли не в самих немецких расположениях, на дорогах и переправах. Меткими выстрелами уничтожали фашистских солдат и также внезапно, как невидимки, исчезали.

Вот одна из заметок в газете «Вперед к победе», относящаяся к тому времени. Называется она «Признания врага» и имеет подзаголовок: «Из показаний немецкого пленного».

«Огромные потери мы несем от русских снайперов. Они преследуют нас в любых местах и не дают поднять головы. Приходится иногда переносить мучительную жажду, хочется пить, а из блиндажа не выйдешь — снайпер снимет. Из числа убитых и раненых в нашем взводе большая часть пала от выстрелов снайперов».

На участке, о котором шла речь, действовали Галушкин и его ученики.

...Вот так состоялась наша вторая встреча с Николаем Галушкиным. Только теперь это был уже не тот скромный сельский киномеханик, которого я помнил. Это был грозный воин, поднявшийся на защиту своей Родины.

А ведь от первой моей встречи с Галушкиным до событий, которые были описаны в газетах, прошло всего два года.

...Листаю старые фронтовые газеты, кажется, опаленные пороховым

дымом, и вдруг вижу портрет Галушкина, окруженный черной траурной рамкой.

А ниже портрета извещение о том, что снайпер лейтенант Галушкин Николай Иванович пал смертью храбрых.

Еще ниже сообщалось, что после Галушкина остались фронтовые дневники, которые будут печататься в газете.

И действительно, в следующих двенадцати номерах дневники были напечатаны.

Читая их, вглядываясь в совсем еще юное лицо в траурной рамке, никак не хотелось смириться с мыслью о гибели этого человека.

Много неожиданностей таит жизнь.

Случилось так, что смерть, так часто сторожившая молодого снайпера, промахнулась и на этот раз.

Николай Иванович Галушкин жив, и я был бесконечно рад нашей третьей встрече...

Но рассказ о ней, о тех людях, которые окружали и знали Николая Ивановича, — впереди.

Все, о чем написано в этой повести, — только правда.

Об этом удивительном событии писалось во фронтовых газетах и даже упоминалось в сообщениях Совинформбюро.

А произошло вот что. Был февраль. Снайперы каждый день тревожили противника, не давали ему покоя. Велся невидимый бой. Галушкин пробирался со своими ребятами в тыл противника или на фланги и наносил удары так, что немцы не знали, откуда приходит смерть.

На вражеском берегу в нескольких километрах от реки стояла большая деревня Сидоровка, занятая немцами. Она тщательно охранялась, снайперам редко удавалось подобраться к ней. Да работы и без нее хватало.

Но вот однажды полковник Харламов вызвал Галушкина на командный пункт и сказал:

— Разведчики заметили за рекой какое-то передвижение. В Сидоровке немцы ведут себя слишком нахально, ходят открыто, даже охрану ослабили. Вчера мы выяснили, что там произошла замена частей. Накапливаются новые силы, подвозится вооружение. Ну, по всему видно, что новички еще не знакомы с нашими порядками. Понятно, лейтенант Галушкин?

— Понятно, товарищ полковник! — ответил Галушкин. Он уже догадался, к чему тот ведет свою мысль. — Значит, надо...

— Да, значит, надо навести там порядок. Да такой, знаешь, порядок, — при этом командир полка сжал пальцы руки в крепкий кулак.

Ночью Николай Галушкин и Тарас Саджая отправились на разведку. Надо было выбрать удобные, хорошо замаскированные позиции, подготовить боевые и запасные гнезда, а главное, изучить противника, его повадки и его, так сказать, расписание. Целый день пролежали друзья в снегу.

Кажется, все ясно, «рабочие места» они выбрали правильно. Отсюда хорошо виден дом, в котором живут офицеры. Как на ладони, крыльцо, через которое то и дело кто-нибудь входит и выходит. Видны конюшни, немного в стороне от края деревни добротные амбары, в которых колхозники раньше хранили зерно, а теперь немцы устроили какой-то склад, и видимо важный, судя по охране. Около конюшни и склада озабоченно снуют солдаты, ничуть не скрываясь.

— Николай, — окликнул Галушкина Тарас, — как тебе нравится такая картина? Как на сцене. Как в опере «Битва под Полтавой».

— Нет такой оперы.

— Нет, так будет. Саданем, что ли, Коля? Устроим маленький дивертисмент?

— Ни в коем случае, Тарас. Терпение и терпение. Наблюдай, запоминай. Да нам с тобой вдвоем не стоит и браться за такое дело. Ну что мы с тобой — с десяток фрицев успеем подстрелить и все. Нет, тут, брат, шире надо брать.

Вечером они вернулись в часть. Поспали немного, а поутру, еще затемно, опять отправились на лежку в свои гнезда. Ничего здесь не изменилось. Значит, немцы не ждут с этого фланга опасности. Да и поле перед деревней, по всей вероятности, заминировано. В самой деревне также никаких изменений. Как и вчера, не таясь снуют солдаты.

Значит, порядки те же. Немцы чувствуют себя хозяевами.

Галушкин некоторое время лежал не шевелясь. Думал. Он обобщал свои наблюдения и, как режиссер, намечал план действия, которое должно здесь разыграться.

Вечером, когда стемнело, Галушкин и Саджая приготовили еще несколько гнезд, расположив их так, чтобы обзор был шире и чтобы все важные объекты были под прицелом.

— Ну, теперь все, — сказал Галушкин, — пойдем отдыхать. Завтра дадим концерт.

— Русской и грузинской музыки, — подхватил Тарас.

Рано утром Галушкин, Саджая и еще четверо снайперов вышли на операцию.

Начало светать, и немцы в деревне уже зашевелились. Галушкин проинструктировал товарищей, чтобы каждый знал свое дело и действовал только по сигналу.

Видно было, как к офицерскому домику подкатил мотоцикл. Седок заглушил его, подвел к крыльцу, поправил полевую сумку, сбившуюся назад...

— Мой! — крикнул Галушкин товарищам.

Немец наклонился, чтобы отряхнуть перчаткой сапоги, и больше уже не распрямился, он ткнулся лицом в снег и остался лежать рядом с мотоциклом. Через минуту из домика выглянул офицер без шапки, в одном мундире, какое-то время недоуменно смотрел на мотоциклиста, как будто

ждал, когда тот поднимется, потом спустился с крылечка и подошел к нему.

— Мой! — снова крикнул Галушкин.

Через мгновение второй офицер упал рядом с первым.

Все это произошло быстро и бесшумно. Никто в деревне ничего не заметил.

В это время из конюшни двое немцев вывели лошадей и принялись их седлать.

— Тарас, — повернулся Галушкин к другу, — от тебя удобнее.

Все было ясно.

Уехать немцам не удалось. Один за другим они рухнули на землю, сраженные пулями Тараса.

Теперь в деревне уже начала возникать тревога. Немцы с автоматами стали сновать по улице. Правда, еще никто из них не знал, откуда грозит опасность.

Галушкин крикнул своим снайперам, лежавшим справа, немного в стороне:

— Зажигательными по конюшне!

Те уже знали, что надо делать. Через минуту в нескольких местах загорелась соломенная крыша. Немецкие солдаты бросились к конюшням, принялись выводить лошадей. В суматохе они только мешали друг другу.

Галушкин командовал:

— Бейте!

Тут уже без выбора били, кто попадется. Из домика офицеров выскочили еще несколько человек. Некоторых из них Галушкин успел уложить у крыльца, остальные скрылись за дом.

Немцы в беспорядке бегали около конюшен, которые разгорались все жарче. Тогда Галушкин отдал приказ третьей паре снайперов, чтобы те били по складам зажигательными. У ворот складов лежали штабеля ящиков. Они загорелись первыми. Раздалось несколько взрывов. Потом огонь перекинулся и на склады. Большая группа немцев суетилась теперь у амбаров, одни из них пытались потушить огонь, но это им не удавалось, другие растаскивали ящики. Но когда ящики начали взрываться, немцы отбежали от складов и сбились в кучу. В это время наши снайперы бесшумно и точно убивали немцев одного за другим.

Конюшни уже пылали. Склады разворотило, а взрывы все еще продолжались. Загорелись ближние дома.

Немного опомнившись, немцы повели ураганный огонь по переднему краю. Но странно было то, что передний край молчал, не раздавалось ответных выстрелов. Тогда немцы начали минометную и пулеметную стрельбу вокруг деревни. Но и эта стрельба тоже была слепой. Немцы не знали, где противник. Били больше по лесу, видневшемуся километрах в двух от деревни, по кустарникам, по овражкам. А по ровному ближнему

полю, где за маленьким уклончиком притаились снайперы, немцы почти не стреляли. Кое-где разорвалось только несколько мин.

— Однако, пора уходить, — крикнул Галушкин Тарасу, который, войдя в азарт, все стрелял и стрелял по видимой цели, — передай всем! Пойдешь завершающим.

День отсиживались в перелеске, километрах в трех от деревни. Шальным осколком мины одному из бойцов перебило ключицу. Его перевязали и уложили на подстилку из сосновых веток. Парень оказался терпеливым.

Вечером вернулись в часть. Их уже ждали.

Галушкин доложил командиру полка:

— Ваше задание выполнено, товарищ полковник. Порядок в деревне Сидоровка наведен.

— Молодцы, снайперы. Даже отсюда видно, что порядок вы навели хорошо. Все еще дым идет.

В этой операции было убито около сорока гитлеровцев, из них двенадцать, в том числе нескольких офицеров, сразил Галушкин.

В сообщении Совинформбюро об этом сказано скупо. Зато фронтовые газеты о подвиге галушкинцев написали хорошо и ярко.

А потом была перехвачена немецкая листовка, в которой сообщалось, что «у противника на нашем участке действует большая группа снайперов, которых следует уничтожить».

Васенев Н. Ф. Снайпер: Док. повесть. Горький, 1970. С. 3—10, 33—38.

А. ШОРОХОВ

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

На рассвете Ермолаев, Артемьев и я отправились в район Кудевери, чтобы установить наличие вражеских гарнизонов в окрестных деревнях. Не отъехали мы и трех километров, как за спиной послышалась ружейно-пулеметная стрельба. Она с каждой минутой нарастала, и в ее трезвон уже врывались частые разрывы снарядов и мин.

Мы не могли повернуть назад, не выполнив приказа, и продолжали двигаться намеченным маршрутом, хотя каждого охватило сильное беспокойство за бригаду. Объезжая одну деревню за другой, наша группа приближалась к районному центру.

Жители не очень-то охотно отвечали на наши вопросы. Видимо, они не верили, что три партизана могут спокойно разъезжать среди белого дня в нескольких километрах от Кудевери, где располагаются крупные воинские части врага; скорее всего они принимали нас за переодетых полицаев. Даже листовки с обращением командующего войсками Калининского фронта к жителям оккупированных районов и красные ленты на наших шапках не рассеяли их недоверия.

Объехав Кудеверь с севера и не видя опасности, мы вошли в большую деревню Кабицино. Здесь гитлеровцев тоже не было. Теперь осталось разведать мост через речку, проверить деревни, расположенные к югу от Кудевери, и тогда можно будет возвращаться.

Несколько минут мы внимательно наблюдали за мостом. Не заметив ничего подозрительного, вступили на мост и крупной рысью благополучно миновали его. Путь держали к деревне Груздово. Там жил наш человек, работающий в Кудевери. Надо было передать ему листовки, а от него получить очередную информацию.

Укрывшись в кустарнике, присмотрелись к деревне. Там стояла тишина. Однако предчувствие скрытой опасности заставляло нас быть особенно осторожными. На окраине, у небольшого сарая, остановились.

— Вот что, хлопцы, вы оставайтесь пока здесь, — слезая с коня, сказал я своим товарищам.

Для предосторожности я снял с шапки красную ленточку, проверил, в порядке ли трофейный пистолет, осмотрел автомат и, условившись с товарищами о сигнале, направился к крайней избе. Просматриваемый участок деревенской улицы был пустынным. Успокоившись, я широкими шагами прошел несколько десятков метров и ступил на крыльцо дома. На всякий случай взвел пистолет и, прикрыв его рукавом, шагнул в сени. Осторожно потянул на себя дверь в избу. В нос ударил табачный дым, и одновременно перед глазами выросла высокая фигура гитлеровца. Именно выросла! Я не увидел его лица, мой взгляд был направлен внутрь наполненной фашистами избы. Все это длилось какую-то долю секунды, но этого времени хватило, чтобы нажать на спусковой крючок пистолета. Раздался глухой выстрел — солдат покачнулся и, нелепо взмахнув руками, рухнул на пол. Но я не слышал звука падающего тела, его заглушили громкие выкрики.

Мгновенно кинулся на крыльцо и, не раздумывая, бросился за угол дома. В ту же секунду увидел запряженные сани, в которых стоял пулемет. Прыгнул в них, сильно хлестнул вожжами лошадь и, не имея времени разворачиваться, помчался вдоль улицы.

— Уходите! — во весь голос кричал я, надеясь, что товарищи услышат.

Из домов выбегали солдаты, очевидно, они не сразу сообразили, в чем дело, потому что открыли стрельбу только тогда, когда сани были уже на окраине деревни. Услышав короткие автоматные очереди, я обернулся. На улице сновали солдаты, они стреляли по удаляющимся разведчикам. Я остановил лошадь.

— Сейчас вы у меня забегаете!

Длинная пулеметная очередь полоснула вдоль улицы, потом вторая, третья. Пулемет строчил без остановки. Один за другим падали гитлеровцы. Вдруг пулемет смолк: в ленте кончились патроны. Но и улица уже опустела.

Я хлестнул лошадь и помчался прочь от деревни. Минута — и сани скрылись за небольшой высоткой. Теперь можно было осмотреть трофеи и проанализировать случившееся. Тут я пожалел, что растерялся и не сообразил швырнуть в избу гранату. Меня беспокоило, что с Ермолаевым и

Артемьевым. Правда, я успел заметить, что они скрылись в кустарнике прежде, чем гитлеровцы открыли пальбу.

Мысленно ругал себя за то, что сразу не заметил лошадь. Вошел в избу с одной стороны, не посмотрев, что делается за домом. Тем не менее радостное настроение от удачи не покидало меня всю дорогу.

В полкилометре от штаба бригады меня остановил часовой из отряда Григоренко.

— А? Это вы? — дружелюбно встретил меня Лебедев.

Мы поздоровались. К саням подошли еще несколько партизан. С недоумением рассматривали они мои трофеи.

— Тут Артемьев и Ермолаев не проезжали?

— Нет, никого не было. А вы откуда?

По мере моего рассказа интерес присутствующих возрастал. Ребята потянулись к пулемету, взглядом знатоков осматривали лошадь.

— Ну, а у вас как?

— Час назад бой кончился. С утра фрицы повели наступление на бригаду, да получили как следует и отошли несолоно хлебавши. Боеприпасов только мы много израсходовали, а пополниться не удалось, — сообщил Лебедев.

— Кому что, а наш старшина только о пополнении думает, — сострил кто-то из партизан.

— А ты палками воевать думаешь, — набросился на него Лебедев. — Говорю, говорю: «Берегите патроны», так нет. Как войдут в азарт — не остановишь, а потом к старшине: «Дай, товарищ старшина, хоть десяточек», — Лебедев изогнулся в поклоне и протянул вперед руку ладонью кверху.

Партизаны рассмеялись.

— Ты что, старшиной у Григоренко?

— Да. Назначили. Кручусь вот с ними, как белка в колесе. Все дай да дай, а где взять, их это не касается. То ли дело у вас в разведке — сел, поехал, достал. Ни забот, ни горя, — позавидовал старшина.

— Ну ладно, братцы, я поеду.

Прибывшие на час раньше Ермолаев и Артемьев рассказали, при каких обстоятельствах расстались со мной, и командир отряда приказал Петру готовить группу партизан для поисков и оказания мне помощи в случае необходимости.

Надо было видеть, как все удивились, когда я, целый и невредимый, да еще на хорошей лошади и с пулеметом в санях прибыл в отряд.

— Выбрался! — без конца повторял Артемьев, радостно сверкая глазами.

— Эх вы, горе-воины! — расталкивая окруживших меня партизан, проворчал Веселов в адрес Ермолаева и Артемьева. — Прискакали, словно бешеные: «Пропал наш командир. Только и успел крикнуть «уходите!», — передразнил он их. — А командир тут как тут, да еще вон с какими трофеями!

— Рассказывай, не тяни!

— Как же это тебе подвернулось?

— Ты подумай, пулемет приволок! — неслось со всех сторон.

Я начал рассказывать.

В это время пришел Петров.

— Товарищ командир, — обратился он к Веселову, — группа... — увидев меня, Петров умолк и широко раскрытыми глазами вопросительно уставился на Веселова.

— Готова, — закончил за него командир и рассмеялся.

— Так что же прикажете делать?

— Как что? Отдыхать. Распустите группу.

Мы пошли в дом, где жил командир.

— У нас тут тоже представление только недавно закончилось, — рассказывал мне Веселов. — С утра и до обеда от «гостей» отбивались. Раненые в отряде есть, да и в других тоже.

— Каратели были?

— Нет, воинская часть. По словам пленного, из-под Старой Руссы прибыла. Жалуются: отвели их с фронта на отдых и сразу же против партизан бросили.

— Да, отдых у них вряд ли получится. Соседи-то мы неспокойные.

Шорохов А. Ф. Партизанскими тропами. М., 1961. С. 230—234.

А. СКОРНЯКОВ

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

В этом документальном рассказе повествуется о больших жизненных испытаниях, которые выпали на долю комсомолки, нашей землячки Антонины Камневой в годы Великой Отечественной войны. Камнева жила в Вятских Полянах, откуда в начале тридцатых годов вместе с родителями переехала в Пензу. Здесь окончила фармацевтическое училище, потом добровольно ушла в армию. В одном из ожесточенных боев при обороне Севастополя лейтенант медицинской службы была ранена и попала в плен. Антонина бежит из лагеря и добирается до Ровно. Здесь она устраивается фармацевтом в аптеку поляка-коммерсанта Гольского. Ей удается связаться с особым партизанским отрядом, которым командовал Герой Советского Союза Медведев. По заданию командира отряда Камнева остается работать в аптеке.

К концу работы посетителей стало меньше. Тоня отпустила лекарства какому-то старику и стала собираться домой. Но с пустыми руками уйти она сегодня не могла! Вчера на «вечеринке» у Дины Колотиловой ей сообщили, что командир особого партизанского отряда, действующего в

лесах под Ровно, полковник Медведев согласился принять Антонину в отряд заочно. Этому известию Тоня настолько обрадовалась, что заплакала: ей доверяют, в нее верят! Наконец-то она найдет применение своим силам и будет с теми, кто расплачивается с гитлеровцами за горе и муки советских людей.

В тот же вечер девушке передали задания: продолжать работать фармацевтом и снабжать партизан медикаментами.

Тоня нащупала под столом хозяйственную сумку, пододвинула ее ногой поближе к себе и оглянулась. Кроме хозяина аптеки Гольского, переписывающего рецепты в книгу учета, в помещении никого не было. «Ну что сидит, хотя бы на склад отлучился», — зло подумала Тоня.

— Пан Гольский, разрешите я вам помогу, — предложила девушка.

— Вы слишком усердны, пани Тоня, — сказал Гольский, оторвавшись от бумаги. — Это похвально. Я доволен вашей работой.

Тоня смутилась.

— Я очень люблю свою профессию, господин Гольский. Если вы позволите, я буду вести учет рецептов.

— Нет, что вы, пани Тоня. Эту работу я буду делать сам. Однако вам пора уже уходить.

Но как могла уйти Тоня, не выполнив задание! Она снова присела к своему столику, положила перед собой зеркальце и стала тщательно пудрить лицо, нарочно растягивая время.

— Никак на свидание, пани? — спросил Гольский, вставая из-за стола.

Тоня пожала плечами, замялась.

— У меня никого нет, пан.

— Но, но, я-то уж знаю! В городе столько офицеров! Надо брать от жизни все!

С этими словами хозяин вышел в боковую дверь, которая вела в склад. Но он может вернуться каждую минуту. Тоня наклоняется к шкафу, выхватывает оттуда пачку ваты, бинты, йод, приготовленные заранее порошки и все это быстро запихивает в сумку, с которой обычно ходит на базар.

Руки у Тони дрожат, она не может застегнуть сумку, а в это время появляется хозяин.

— Вы еще не ушли, пани?

— Иду, пан. До свидания. — Тоня произносит это с улыбкой, вежливо, лишь бы аптекарь ничего не заметил. Она слышит, как ей вслед летят слова:

— Счастливо провести время, пани!

— Спасибо!

«Значит, все хорошо, — думает Тоня, на ходу застегивая замочек

сумки. Увидев впереди немецкого офицера, Тоня торопливо сворачивает за угол соседней улицы.

Так началась для Тони новая, полная опасностей жизнь в тылу врага. Малейшая неосторожность, опрометчивый шаг вели к одному: провалу и гибели.

Явка была за несколько кварталов от аптеки — в мастерской часовщика, в тихом, почти безлюдном переулке. Девушка переступала порог мастерской и говорила:

— Скажите, мои «ходики» готовы?

Мастер поднимал глаза на Тоню, спрашивал:

— Ваши, кажется, старинные, с кукушкой?

— Нет, мои без кукушки, с гирями. В них пружина на три части лопнула.

— С пружинами у нас очень трудно, девушка.

— Не беспокойтесь, мастер. Я хорошо заплачу.

Это был пароль. Когда в мастерской находился кто-то чужой, часовщик, порывшись в шкафу, говорил:

— Если у вас есть время, девушка, подождите Я вот разделаюсь с клиентом и займусь вами.

— Ничего, я подожду, — отвечала Тоня.

Медикаменты Тоня передавала «дяде Ване», уже пожилому, усатому мужчине, который всегда ходил в поношенном немецком кителе и старых галифе. Кто он и откуда, Тоня не знала. В условленный час он ожидал Камневу в мастерской.

— Ну как? — спрашивал он девушку, выходя из-за ширмы.

— Все в порядке, — отвечала Тоня.

— Выгружайся.

Тоня распахивала пальто и начинала вынимать пузырьки, пакетики и бинты. В последнее время, чтобы обезопасить себя от лишних подозрений, она прятала медикаменты не в сумке, а в потайных карманах, которые ловко вшила в подкладку.

— Постарайся достать стрихнин, — попросил ее однажды «дядя Ваня».

— Яд? — удивилась Тоня.

— Да. Таков приказ командира. — И, посмотрев на девушку внимательно, добавил: — Но будь осторожна. Приглядывайся к людям, которые тебя окружают Будь всегда начеку!

Штат аптеки небольшой — все на виду Кто чем дышит — Тоня приблизительно знала. Особенно не нравилась ей рыжая кассирша Маруся, интеллигентная девица лет двадцати пяти. Одни говорили, что она дочь какого-то матерого националиста, другие утверждали, что хозяин привез Мусю из Польши. Но толком никто ничего не знал. Разговаривала кассирша на чистом русском языке. Правда часто в свою речь вставляла

немецкие словечки, как бы доказывала этим свое особое уважение к оккупантам.

— Гутен морген, господин Гольский! — приветствовала она каждый раз хозяина аптеки, кокетливо улыбаясь

Тоня почти не разговаривала с ней Соблюдая конспирацию, держала себя замкнуто и старалась не вмешиваться в дела Муси

— Подумаешь, тихой овцой прикинулась! — говорила про Тоню Муся. — Корчит из себя монашку

При встречах она окидывала Тоню презрительным взглядом и отворачивалась

Как-то Тоня пришла на работу и по привычке сказала:

— Здравствуйте, товарищи!

Все как-то вдруг обернулись к ней, удивленные этим приветствием. Муся даже высунула голову из кассы

— Мы, к вашему сведению, не товарищи, а господа! — не вытерпела она. — Пора бы уже привыкнуть!

Два мальчика-ученика, родственники Муси, также посмотрели на Тоню недружелюбно. Показывая на них, уборщица Савельевна сказала вполголоса, но так, чтобы слышала Тоня:

— Смотри, чего захотела! Вот этих сопляков господами называть. Господи, до чего мы дожили!

Тоня молча разделась, села к своему столику и стала просматривать рецепты.

Мысленно она ругала себя за то, что, находясь в тылу врага, не может переделать себя, как этого требует обстановка, и часто забывает об осторожности

После того, как ее приняли в партизанский отряд, Тоня стала как-то ближе ощущать свою родину, свой дом, своих товарищей. Вчера она долго не могла уснуть. Нахлынули воспоминания о родном городе, о матери. Что она знает о дочери? Чувствует, наверно, материнское сердце: случилось что-то неладное, страшное, нет письма. Да и дождется ли Анастасия Яковлевна чего-нибудь утешительного! Ведь не знает она, сколько раз ее дочь находилась на волоске от смерти!

День за днем перебирает в памяти Тоня свою жизнь.

1938 год. По рекомендации комсомольской организации города студентка Пензенского фармацевтического училища Антонина Камнева учится в вечернем аэроклубе

Улыбка чуть-чуть тронула губы, когда Тоня вспомнила первый полет Самолет делает разворот, девушка хочет что-то спросить летчика-инструктора, который обычно находился сзади во время учебного полета, но, оглянувшись, засмеялась. в задней кабине мешок с балластом — летчика не было. Она самостоятельно совершает полет над Пензой.

Государственная комиссия рекомендует ее кандидатом в школу гражданского воздушного флота. Антонина мечтает о линейном воздушном

корабле. Она пишет письмо бывшей воспитаннице Пензенского аэроклуба известной летчице Валентине Гризодубовой. Герой Советского Союза Гризодубова отвечает Камневой открытым письмом через газету, подчеркивая, что ее думы сходятся с думами многих советских девушек.

Газета «Рабочая Пенза» 15 сентября 1938 года печатает о Камневой очерк М. Антонович «Воспитание воли», а через некоторое время посвящает целую страницу выпускникам клуба. На фотоснимке среди отличников учебы и Антонина Камнева.

Работая по специальности фармацевта, Тоня ждет вызова в авиационное училище. Но тут грянула война. И комсомолка Камнева добровольно идет на фронт, туда, где труднее.

Приморская армия Южного фронта совместно с Черноморским флотом в ожесточенных боях около года изматывала гитлеровцев на подступах к Севастополю. И вот настал день, когда по приказу Верховного командования город оставляли части Красной Армии и отплывали к берегам Кавказа корабли Черноморского флота.

Лейтенанту медицинской службы Камневой командование госпиталя предлагало очередным транспортом эвакуироваться с ранеными. Но Камнева отказалась. Она осталась на переднем крае обороны города до последних минут. Спасала раненых, делала перевязки, а иногда ей приходилось браться за оружие.

Госпиталь располагался возле Песочной бухты, в помещении ремесленного училища. Вражеские снаряды его подожгли. А там ведь раненые.

— Оля! — кричит Камнева старшей медсестре. — За мной!

И первой бросается в горящее здание. Задыхаясь от дыма, они бегают по этажам и выносят из огня тяжелораненых. Всех вынесли на катер, пора отходить самим. Но что это? Тоне послышался чей-то стон. Неужели остался там боец? Она бежит от берега по направлению этого стона и не добегает: впереди нее рвется мина.

Раненая, в залитой кровью гимнастерке, Антонина лежит возле скалы и грустно смотрит вслед последнему катеру, оставляющему крымскую землю. «Неужели конец?» — спрашивает она себя и от потери крови теряет сознание.

Длинный, серый барак, в котором поместили пленных, был без окон и дверей. И хотя зима на Украине не очень холодная, все же, казалось, лучше бы снег выпал, чем эта паршивая слякоть. Сквозь дырявую крышу и стены то лил дождь, то сыпал снег, то прогуливался ветер, холодный, колючий.

Тоня лежит на нарах, на голых досках. Девушки не спят.

— Вот кого-то опять понесли в мертвецкую, — тихо говорит Тонина соседка, приподнимаясь на локтях.

— Скорей бы и нам туда! — вступает в разговор другая. — Одни мучения...

— Не торопитесь туда, девушки, — говорит Тоня. — Мы еще повоюем, мы еще покажем этим гадам!

Среди ночи в мертвецкой раздались отчаянные удары в стену, и

чей-то тоскливый, надрывающий душу крик звал на помощь. Оказалось, это очнулся пленный, которого немцы бросили в мертвецкую, когда он потерял сознание. До утра этот обезумевший человек стучался и плакал, пока надзиратель не пристрелил его.

В шесть утра пленных гонят на станцию — грузить бревна, картошку, зерно. Они идут длинной цепочкой, сопровождаемые окриками конвоя. Ноги еле шагают, организм ослаб от постоянного недоедания, от бессонных ночей, от холода. Перед концом работы Тоня положила в карман картофелину. Это заметил часовой. Девушке грозит карцер, откуда живым редко кто возвращается. Но подруги выручают ее. Одна из подруг снимает с зуба золотую коронку и дарит фашисту. Тоня избавляется от одной беды, но другая подстерегает ее. Ухаживая за больными пленными, она сама заболевает тифом.

Вот она лежит на голых досках, бледная, осунувшаяся. Тиф, наверное, прикончит ее. Теперь пленница как будто обрадовалась этому — зачем жить, если смерть стоит у изголовья! Ведь фашисты все равно рано или поздно убьют ее.

А как же побег, о котором Тоня давно думала. Неужели она не пробьется к своим, никогда больше не увидит родных и близких? И Тоня выжила. Возле больной постоянно дежурили девушки. Это они разыскали среди пленных врача, который помог Тоне перенести болезнь. Как им благодарна она! Ведь не первый раз пленные протянули ей руки помощи. Это они спасли ее, когда Тоня была ранена в последнем бою и почти не могла двигаться, когда любой немец мог пристрелить ее, беспомощную, на дороге. Вот оно, святое чувство товарищества, которое никогда не покидало их даже здесь, за колючей проволокой. Жертвуя собой, товарищи спасали других.

Побег, о котором мечтала Тоня, наконец совершился.

В апреле 1943 года лагерь узнал, что пленных девушек немцы решили отправить в Германию на работы. Советские патриотки ответили на это отказом и объявили голодовку. Начались массовые расстрелы.

Как-то темным вечером группу военнопленных насильно погнали на пересыльный пункт, где специальная медицинская комиссия осматривала рабочую силу перед отправкой в Германию. Узнав, что Тоня болела тифом, немец врач брезгливо поморщился:

— Зачем тебя куда-то везти — здесь подохнешь. В Германию таким нельзя.

Девушек, не прошедших комиссию, заставляли ночью мыть полы в казарме какой-то тыловой части и чистить картошку на кухне.

— Надо бежать, товарищи! — предложила Тоня подругам.

Момент был удобный. Часовой, которому поручено смотреть за пленницами, встретил в казарме своих земляков. Без шнапса тут не обошлось. И теперь немцы вповалку храпели на нарах. Уснул и часовой, забыв о своих обязанностях. Об этом девушкам рассказала Дина Колотилова, наблюдавшая за немцами во время уборки помещения.

И вот под покровом безлунной апрельской ночи девушки, разбив-

шись на три группы, пробираются в сторону Ровно. Шли лесом, оврагами, глухими безлюдными местами.

Группа Антонины Камневой — Дина Колотилова, Маруся Лисавец и она сама. Почти две недели скрывались у сторожа русского кладбища Николая Ивановича Самойлова, который, как впоследствии оказалось, был связан с ровенским подпольем. Этот человек спас жизнь многим военнопленным, бежавшим из фашистских лагерей смерти. Гестаповцам не приходило в голову, что в церковной сторожке под полом оборудовано надежное убежище Здесь, на кладбище, пленные отдыхали, набирались сил, обзаводились различными документами — паспортами, удостоверениями, справками, переодевались в гражданское платье. Затем сторож пристраивал пленных в близлежащих селах или в городе, где у него были свои люди. Изучив всесторонне беженцев, Самойлов сообщал в отряд, кого из них можно привлечь на подпольную работу

В судьбе Тони Камневой Николай Иванович принял самое горячее участие Это по его совету и с его помощью девушка устраивается уборщицей в аптеку пана Гольского, а потом, чтобы иметь доступ к медикаментам, становится фармацевтом

Вскоре по рекомендации сторожа-подпольщика (о чем Тоня сперва не знала) Камневу заочно принимают в партизанский отряд полковника Медведева. Так Антонина стала партизанкой-подпольщицей.

Однажды Тоня чуть не напоролась на провокатора.

Вечером в квартире хозяйки, где снимала комнату Тоня, потух свет Примерно через час к девушке постучался незнакомый гражданин.

Кто это? — спросила Тоня

— Впустите Я монтер, — послышался голос

Тоня очень удивилась. монтера никто не вызывал Незнакомец осмотрел проводку, долго копался в патроне, изредка бросая на девушку изучающий взгляд.

— Мне кажется, где-то я вас видел, — сказал он, убирая плоскогубцы в сумку

— Все может быть, — равнодушно произнесла девушка.

— Ах, вспомнил! Я приходил к вам за лекарствами. Ведь вы работаете в аптеке Гольского?

— Да, я работаю там. Может, вы и приходили, но я не помню. К нам очень много людей ходит

Монтер подсел поближе и, оглядываясь на дверь, доверительно зашептал·

— Я чувствую, вы интересуетесь свежими новостями из Москвы! Могу вам достать «Правду»

Тоня насторожилась. Нет, тут что-то не так. С независимым видом она проговорила:

— Вы же монтер, пришли исправлять свет Так займитесь своим делом Запрещенных газет я не читаю.

Незнакомец выпрямился и стал собираться уходить.

— Обидно, что вы мне не верите. По секрету вам скажу — я связан с партизанами. Хочу вовлечь вас в свою группу

— А я этого не хочу! — разозлилась Тоня. — И вообще убирайтесь отсюда подобру, пока я куда следует не сообщила!

— Но-но, вы потише! Поняли? — «Монтер» угрожающе полез в карман и добавил: — Я знаю, кто вы. Вот вам неделю на размышление. В субботу в семь вечера встретимся в баре.

Когда «монтер» ушел, Тоня немедленно разыскала на одной из явочных квартир связного и сообщила об этом случае командиру отряда. На другой день Медведев передал приказ: «Никаких встреч с монтером. Газету не брать. Это — провокатор»

Летом 1943 года разведчики полковника Медведева уничтожают в Ровно Даргеля и Кнута — генералов гитлеровской армии, заместителя Коха, расстреливают в здании верховного суда судью генерала Функа, генерала Ганса Геля и его секретаря майора Винтера, которые по поручению Гитлера приехали проверять деятельность Коха на Украине

В ноябре этого же года среди белого дня был похищен командующий фашистскими карательными войсками на Украине генерал СС фон Ильген

Все эти операции проводились советскими разведчиками во главе с Героем Советского Союза Николаем Ивановичем Кузнецовым, действовавшим в Ровно под видом немецкого офицера. Во время покушения на Даргеля осколком противотанковой гранаты он был ранен в руку Увидев следы крови на тротуаре, гитлеровцы с ног сбились. они всюду искали советского патриота, свирепствовали, почти каждый день устраивали обвалы Под особым наблюдением были больницы и аптеки.

В эти дни нервы у Тони были напряжены до предела. в аптеку чаще стали наведываться не Мусины любовники, а эсесовцы в черных мундирах.

Однажды внезапно распахнулась дверь, и вошли три фашиста с пистолетами в руках.

— Хенде хох! — приказал толстый губастый ефрейтор, направляя пистолет на работающих фармацевтов. Но Камнева не растерялась, подняв руку, она выкрикнула:

— Хайль Гитлер!

Фашисты, как по команде, отвечали:

— Хайль! Хайль! Хайль!

Делая обыск, они рылись в сумках, карманах, открывали ящики столов, но ничего не нашли. Эсесовский офицер дружелюбно похлопал Тоню по плечу и проговорил:

— Гут, мадам, гут

Когда фашисты ушли, Тоня тяжело опустилась на стул: за полчаса до обыска она, словно предчувствуя беду, выложила из сумки в шкаф сверток медикаментов, припасенных для выноса. Это спасло ее от провала.

Ежедневно в полдень пани Гольская выходила со своей мохнатой собачонкой на прогулку. Собачонка бежала на два шага впереди нее, натягивая поводок, и часто оглядывалась на свою важную хозяйку.

Вдруг пани Гольская увидела мальчугана лет двенадцати, который внимательно, с любопытством рассматривал вывеску аптеки и нерешительно топтался у входа. Одет он был в поношенную вельветовую куртку и заштопанные штаны.

— Что тебе, мальчик, здесь надо? — сердито спросила пани, успокаивая зарычавшую собачонку.

Мальчик провел ладонью по глазам и захныкал:

— Сестренка у меня больная, пани. Лежит, мучается, а лекарство выкупить не на что.

— А где твои родители?

— Большевики убили... сиротами нас оставили...

— Бедненький мальчик! — уже сочувственно воскликнула пани Гольская. — Как тебя звать-то?

— Васей.

— Ну пойдем, Вася, я прикажу, ты получишь лекарство. А рецеп-то у тебя есть?

Она подвела Васю к дежурному фармацевту Камневой (ему этого и хотелось) и сказала:

— Пани Тоня, этот мальчик — несчастная жертва большевиков, отпустите ему лекарство бесплатно!

— Слушаюсь, госпожа!

Увидев, что пани Гольская уходит, Вася побежал к ней.

— Какая вы хорошая, тетенька, я не знаю, как вас благодарить!

Но пани Гольская уже не слушала его: она была занята своей собачонкой.

На рецепте, который подал Вася, ниже подписи врача латинскими буквами было приписано: «Твои ходики с гирями отремонтированы, зайди в мастерскую срочно, как получишь записку».

Тоня чуть заметно улыбнулась мальчику, подошла к шкафу, вынула оттуда несколько пакетов с порошками и сказала с напускной строгостью:

— Вот тебе лекарства, запомни: три раза в день через три часа по одному порошку. Понял?

— Понял, тетенька! — и Васька лукаво подмигнул ей.

Тоня что-то еще хотела сказать мальчику, но в это время из кассы вышла Муся с пачкой денег. Провожая Ваську внимательным взглядом, Муся проговорила:

— Говорят, вот такой же мальчишка взорвал немецкую комендатуру!

— Откуда у вас такие сведения? — спросила Тоня.

— Мне один знакомый говорил...

— Мало ли что люди сейчас болтают. Скоро грудных ребятишек в нашем городе за партизан будут принимать!

— Вообще надо быть бдительным. Неплохо бы этого парня задержать да отвезти куда следует. Мне он что-то подозрительным показался...

— Что вы, Муся, зачем преувеличивать! — не выдержала Тоня. — С этим мальчиком говорила сама пани Гольская и выяснила, кто он такой. А вы знаете, что у него отца и мать большевики расстреляли?

— Я знаю то, что господа Гольские люди очень недалекие... У них под носом может твориться бог знает что! Скоро сами партизаны придут сюда за медикаментами. Между прочим, с вами завтра хочет познакомиться один очень милый, интересный человек.

— Кто он такой? — насторожилась Тоня.

— Друг моего Ганса, офицер.

— К сожалению, у меня на завтра уже назначено свидание в баре с одним симпатичным человеком.

Тоне надо было идти немедленно: не зря за ней приходил связной. Но как это сделать среди рабочего дня? Притвориться больной — иного выхода не было. Она пожаловалась на сильную головную боль.

Пан Гольский великодушно разрешил ей уйти домой и отлежаться денька три. Даже пообещал сохранить за это время зарплату. А если Тоне не будет лучше, он пришлет ей врача...

На улице моросил мелкий осенний дождик. Серые тяжелые облака висели так низко, что, казалось, задевали крыши больших домов.

В такую погоду прохожих на улице мало. Тоня шла быстро, поминутно смахивая с лица капельки дождя. В мастерской ее уже ожидали два разведчика из отряда Медведева, «дядя Ваня» и какие-то незнакомые женщины.

— Оставаться в городе опасно, — сказал Камневой «дядя Ваня». — Командир приказал доставить тебя в отряд.

— Я успею на квартиру сбегать? — спросила Тоня.

— Зачем?

— Платье и белье забрать.

— Ты уже опоздала, Тоня. Можешь нарваться на засаду. Пусть все твое добро офицерам достанется.

— А как же свидание с «монтером»?

— Твой «ухажер» не вытерпел сегодня, когда ты ушла на работу, он сам приходил с полицаем к твоей хозяйке и допытывался: куда ты по вечерам ходишь, кто к тебе приходит. Но самое главное, Тоня, спрашивал: часто ли ты варишь обед и какие продукты приносишь в хозяйственной сумке.

— Вот сволочь какая! — вырвалось у Тони.

Во дворе соседнего дома стояла наготове полуторка. Машина была

из гаража гебитскомиссариата. Шофер Костя отпросился у начальства за дровами, которые он якобы купил в селе, расположенном по дороге в Луцк. Костя выписал командировку, получил пропуск, захватил с собой попутно груз — фашистские листовки и заехал за партизанами, с которыми был давно связан.

Город миновали благополучно, ни одной патрульной машины. Костя старался вести полуторку глухими переулками, и когда добрался до шоссе, уже начало смеркаться. Это было к лучшему.

Дождик моросить перестал: налетевший внезапно ветерок быстро погнал клочковатые облака куда-то на юг.

Ехали быстро. Мужчины, спрятав автоматы и гранаты под пачки листовок, прижались к полу кузова, а женщины (их было трое — Тоня и две разведчицы, которых она видела у часовщика) стояли, навалившись на спинку кабины. Было условлено, что все, кто находился в кузове, — это грузчики, которых шофер взял с собой в лес.

Рядом с шофером сидел Мишка Бугаенко, тот самый «Васька», который прибегал за Тоней в аптеку. Он появился перед самым отъездом из города, весело подмигнул Тоне и сел в кабину.

Неожиданно впереди показался грузовик с вооруженными гитлеровцами. Солдаты пели песню. «Если остановят, могут быть неприятности, — подумал Костя. — Надо как-то их обхитрить!»

Вот в низине мелькнула развилка шоссе. Костя прибавил газ и, не долго раздумывая, свернул вправо, по другой дороге, не доехав до немецкого грузовика метров четыреста.

Неприятную встречу миновали. Когда фашисты скрылись за бугром, Костя опять вывел машину на старую дорогу.

Однако без приключений не обошлось. К концу пути, перед тем, как свернуть в лес, партизаны догнали повозку, в которой сидели пятеро в мохнатых шапках. Костя хотел проскочить мимо, но из повозки вылез здоровенный усатый детина и поднял руку.

— Кто це такие? — спросил он, подозрительно рассматривая людей в кузове.

— Едем за дровами, вот пропуск, — за всех ответил шофер, ощупывая в кармане немецкий вальтер.

Усатый возвратил пропуск, заглянул в кузов и, взяв в руки фашистскую листовку, написанную на украинском языке, улыбнулся довольный.

— Да це свои хлопцы! — громко сказал он, подходя к своей повозке.

Бандеровцы стали о чем-то совещаться. «Дядя Ваня» приготовил гранату и дал знак остальным: быть начеку!

— Хлопцы, — снова обратился усатый к партизанам, — вы не довезете нашего раненого до Луцка? А то мы долго проедем.

Только сейчас Тоня увидела, что в повозке на куче соломы лежал человек, укрытый сверху какой-то одежиной.

— А куда его там деть? — спросил «дядя Ваня».

— В немецкий госпиталь сдадите.

— А если не примут?

— Примут. Скажите, что человек очень ценный, надо вылечить. Сам батько приказал отвезти.

— Где же его так стукнуло? — допытывался «дядя Ваня».

— Це на партизанскую засаду напоролись.

Когда тяжелораненого положили в кузов, а бандеровцы уселись на повозку и хотели трогаться, «дядя Ваня» поднялся во весь рост и крикнул:

— Так вот, гады продажные, вам вторая засада! — с этими словами он метнул в повозку противотанковую гранату, а Тоня дала очередь из автомата, который она вытащила из-под кучи листовок.

Дым рассеялся, от повозки и пятерых националистов ничего не осталось.

В лагерь подпольщики прибыли поздно вечером, привезя с собой раненого бандеровца.

Никогда Тоня не забудет этой памятной ночи, когда произошла волнующая встреча с товарищами по оружию! У костра собрались командиры отряда, рядовые партизаны, свободные от боевых операций и дежурств

— Ну-ка, ну-ка, покажись, боевая подпольщица! Ведь мы тебя еще в глаза не видели, — весело говорил Тоне Медведев, крепко пожимая ей руку и улыбаясь. Потом он подвел Камневу к доктору Цесарскому и сказал:

— Познакомьтесь, Альберт Вениаминович, вот без этой Тони плохо бы вам жилось.

Камневой было как-то неловко выслушивать похвалы от командира.

— Дмитрий Николаевич, — сказала Тоня смущенно, — вы просто преувеличиваете мои заслуги, никакого геройства я не совершала. Я делала то, что и другие наши товарищи: добросовестно выполняла ваши приказы.

— Вот это и требуется от настоящего партизана-подпольщика, — заметил Медведев и уже деловито добавил: — А теперь надо подумать, куда вас определить.

Долго еще велись возле костра непринужденные разговоры. Партизаны вспоминали боевые дела, смеялись, шутили. А когда все разошлись, Тоня долго ворочалась, не могла заснуть на новом месте — в шалаше партизанской санчасти. Она радовалась, что командир удовлетворил ее желание — назначил фельдшером в боевую группу Машкова. Теперь Тоню ждали впереди новые испытания: тяжелые бои с карателями и длительные переходы по дремучим лесам Ровенщины.

Тоня сгрудила с тропинки ворох сухих облетевших листьев и, завернув их в плащ-палатку, отнесла в густые заросли. Выбрав место рядом со старым дуплистым деревом, она уложила листья ровным слоем, а сверху накинула плащ-палатку. Затем перетащила тяжелораненого командира взвода разведки лейтенанта Машкова на эту постель.

В душе у Тони нарастала тревога за жизнь лейтенанта: пулевое ранение было слепым — пуля пробила грудную клетку и, видимо, повредила артериальный сосуд. От потери крови раненый слабел, лицо его было

бледным, пульс исчезал. Машков то приходил в сознание, то снова терял его. Тоня уже два раза меняла бинты, но через некоторое время они опять пропитывались кровью. Остановить внутреннее кровотечение она была бессильна, и это еще больше угнетало ее.

Ожидая, когда Машков придет в сознание, Тоня сидела на пенечке и плакала. Ей было страшно подумать, что война отнимала у нее самого дорогого человека, и она сейчас не может ему помочь: нужна срочная операция, а партизанская санчасть далеко в лесу. И как все нелепо получилось: группа разведчиков выполнила задание, а, возвращаясь в лагерь, напоролась на вражескую засаду. Гитлеровцы засели в полуразрушенной землянке, неподалеку от которой проходила по лесу партизанская тропа. Открыв огонь из автоматов и пулеметов, враг пытался окружить партизан, но встретил упорное сопротивление. Партизаны с боем перебежали овраг и заняли оборону на противоположном склоне.

Во время перестрелки Машков заметил, как два фашиста ползком подкрадывались к Тоне Камневой, которая за кустом перевязывала раненого бойца. Видимо, они хотели взять партизанку живой. Одним прыжком лейтенант бросился наперерез и швырнул гранату, от взрыва которой гитлеровцы повалились замертво. В этот момент пулеметная очередь и сразила Машкова.

Глухой стон прервал ее думы, и Тоня услышала, как губы раненого прошептали:

— Кто живой, дайте воды... Пить хочу...

Тоня приложила к губам лейтенанта горлышко фляжки, чуть ее наклонила. Раненый с жадностью сделал несколько глотков и открыл глаза:

— Тоня?! Где мой автомат? Почему никто не стреляет, где фашисты? — спросил он слабым голосом.

— Лежи спокойно, Коля. Здесь никого нет. Когда ты был ранен, мы с Мишей Тугаенко вынесли тебя с поля боя, а бойцы прикрыли наш отход. Кто живой остался — скоро должен вернуться. Мишу я послала в отряд за подводой. Ну, как ты себя чувствуешь? Я сделала обезболивающий укол.

— Спасибо, Тоня, спасибо тебе... Я должен сказать тебе кое-что. Вот послушай. Перед уходом на задание был у командира отряда, рассказал ему о нашей любви. Медведев обрадовал меня: как вернемся из разведки, отряд сыграет нашу партизанскую свадьбу. А теперь выходит — никакой свадьбы не будет...

Тоня взяла его руку и прижалась мокрой от слез щекой. Она понимала, что жизнь Машкова висит на волоске, шоковое состояние может наступить каждую минуту. Но Тоня еще надеялась довезти лейтенанта до санчасти живым.

— Почему же ты, Коля, думаешь, что свадьбы у нас не будет? Вот вернемся в лагерь, доктор Цесарский сделает тебе операцию, и все будет хорошо! Через две недели ты поправишься. Ты же знаешь, какой у нас чудесный доктор — он любого человека может воскресить из мертвых...

— Нет, Тоня дорогая, не надо меня успокаивать — я все знаю. У меня к тебе последняя просьба: если родится сын, назови его в память обо мне Колей.

— Ты будешь жить, мой родной, мой любимый! — горячо шептала Тоня. — Ведь скоро кончится война, придет победа! И мы будем с тобой самые счастливые... Ты слышишь меня, Коля, слышишь?

Но Машков уже не слышал последних фраз, он снова потерял сознание.

Партизанская подвода пришла в полночь. Но до лагеря лейтенанта Машкова Тоня не довезла: он умер по дороге.

— Ты ли это, Тонечка? — целуя дочь, спрашивала мать.

— Я, дорогая мама, я, как видишь, жива и здорова, — отвечала Тоня сквозь слезы.

— А ведь мы тебя живой не считали. Как получили эту бумажку, так и в сердце моем все перевернулось! Где уж, думаю, там уцелеть — бои-то такие страшные были!

Мать и дочь сидят напротив и не могут наглядеться друг на друга. Не верится старой, что перед ней родная дочь, та самая непоседа Тонька, которая когда-то тайком от матери бегала заниматься в местный аэроклуб, мечтала стать летчицей.

С тех пор прошло много лет. Как человек исключительно скромный, Антонина Никаноровна никому, кроме матери, не рассказывала о своей подпольной работе. И вот однажды на завод «Автозапчасть», где Камнева работала лаборанткой, пришел лектор. Он стал рассказывать о героических делах наших партизан в тылу врага, об исключительном мужестве, отваге и находчивости, о жертвах, которые понесла наша Родина, добывая победу над фашизмом. А когда лектор повел рассказ о подвиге пензенца Николая Поцелуева, героически погибшего в Ровенском подполье, нервы Антонины Никаноровны, возбужденные тяжелыми воспоминаниями, не выдержали — слезы покатились по ее щекам, прошлое отчетливо встало перед ней. Прикрываясь платком, она вышла в коридор и зарыдала...

Лектор стал выяснять причину такого странного поведения своего слушателя, и Антонина Никаноровна поведала ему все.

Однажды Тоня, придя с работы, была удивлена тем, что ее четырнадцатилетний сын Коля лежал на кровати и, уткнувшись в подушку, плакал навзрыд. Плечи мальчика судорожно вздрагивали.

— Что с тобой, сынок? — спросила встревоженно мать.

— Мамочка, дорогая, расскажи всю правду об отце! — попросил он, приподнимаясь на локтях и еще не переставая всхлипывать.

— А разве раньше я тебе говорила об отце неправду? Разве мать может сыну лгать?

Сын смотрел на мать широко раскрытыми встревоженными глазами:

— Я знаю, что ты не станешь врать, мама. Но сегодня тетка Ефросинья, Васьки Кривого мать, встретила меня во дворе, когда я шел из школы, отозвала в сторону и говорит: «Послушай, парень, какую новость скажу. Мать-то твоя Антонина, говорят, всю войну была у немцев в плену

и тебя оттуда привезла... Отец-то живой, говорят, фриц какой-то проклятый...» Ты понимаешь, мама, сейчас ребята мне проходу не дадут, дразнить будут...

И мальчик опять уткнулся в подушку, обливаясь слезами.

От этой новости у Тони все похолодело внутри. В эту минуту она сама чуть не расплакалась, но большим усилием воли сдержала себя. «Сознательно сказать мальчишке заведомую ложь, оклеветать честь его отца и матери. Какая подлость!» — размышляла Тоня. И она вспомнила, как недавно ее вызвали в отдел кадров, говорили о какой-то поступившей анонимке... Спрашивали, была ли она в плену. Когда Тоня сказала, что всю войну находилась в партизанском отряде, потребовали подтверждающие документы. Но их у Тони не было, просто не успела оформить, когда улетала из партизанского отряда. Самолет, прилетевший в этот день в тыл врага, на обратный рейс был полностью загружен ранеными. Тоня и не думала, что полетит этим самолетом. Но буквально за минуту до отлета командование отряда приказало Камневой сопровождать раненых партизан в Москву.

Обратно в отряд Камнева уже не вернулась: Ровно было освобождено советскими войсками. А вскоре у нее родился сын.

...Тоня присела возле сына, положила руку на его вздрагивающую спину и тихо сказала:

— Я прошу тебя, сынок, об одном — не верь этой грязной сплетне. Дурные, нехорошие люди ее придумали.

— Мамуля, скажи мне, значит точно мой отец был партизанский разведчик?

— Да, сынок. Он был очень храбрый человек. Ты родился после его гибели, и в память об отце я назвала тебя его именем. Ты был маленький, не все тебе я рассказывала. Но теперь, раз ты в чем-то сомневаешься, я хочу, чтоб рассказ об отце ты услышал от его боевых товарищей-партизан. Я напишу им письма, и они приедут.

Получив письмо от Камневой, в Пензу из Винницы приезжает комиссар особого партизанского отряда, который действовал под Ровно, — Сергей Трофимович Стехов. Вместе с комиссаром приехал из Москвы и главный партизанский доктор Альберт Вениаминович Цесарский, в непосредственном подчинении которого в тылу врага работала Тоня. Встреча бывших руководителей отряда с партизанкой-подпольщицей Антониной Никаноровной Камневой была волнующей и трогательной.

— Антонина Никаноровна, неужели это вы! — улыбался Стехов, крепко пожимая руку бывшей партизанке и дружески обнимая.

Камнева смотрела на этого мужественного человека и не могла оторваться: он был таким же простым, чутким, внимательным, как в суровые дни войны, когда каждое его слово вдохновляло на подвиги. Он умел найти ключ к сердцу каждого бойца, а поэтому пользовался огромным авторитетом. Бойцы любили и уважали его.

Несколько дней подряд Стехов, Цесарский и Камнева выступали перед рабочими на предприятиях и стройках, в Домах культуры, клубах и

школах, встречались с представителями общественности города. Побывали на велосипедном заводе, где до войны работал партизан Николай Приходько. Они рассказывали о героических буднях прославленного партизанского отряда, которым командовал Герой Советского Союза Д. Н. Медведев. Сергей Трофимович подробно рассказал о том, как в годы войны вместе с Д. Н. Медведевым ему пришлось организовывать в ровенских лесах партизанский отряд. На счету отряда десятки взорванных вражеских эшелонов, тысячи убитых гитлеровцев, среди которых несколько генералов, занимавших важные посты. Карающая рука народных мстителей Н. И. Кузнецова, пензенца Н. М. Поцелуева настигла немало ненавистных народу фашистских главарей. Отважные партизаны добыли для Верховного командования Советской Армии много сведений стратегического значения. Партизаны помогли Советской Армии громить оккупантов, приближая победу над врагом!

Как-то в те дни Коля Камнев, придя с улицы, включил репродуктор. Шла передача областного радиовещания, посвященная народным мстителям — партизанам Великой Отечественной войны. Диктор объявила, что у микрофона бывший комиссар партизанского отряда Сергей Трофимович Стехов. Затаив дыхание, слушал мальчик рассказ комиссара о жестокой войне в тылу врага, о бессмертном подвиге легендарного разведчика Николая Кузнецова, о героической смерти в застенках гестапо пензенца Николая Поцелуева, о проявленном мужестве при выполнении важного задания командования в логове фашистов Антонины Камневой.

— А теперь в заключение своего рассказа я хочу обратиться к ученику седьмого класса Пензенской средней школы № 43 Коле Камневу, сыну наших отважных партизан, — услышал мальчик голос комиссара Стехова из репродуктора. — Коля, ты слышишь меня? Я рассказал о подвиге в годы войны твоей мамы Антонины Никаноровны Камневой. А теперь скажу несколько слов о твоем отце Николае Машкове. Твой отец, смелый партизанский разведчик, не ведал страха перед оккупантами, на его счету дерзкие рейды в логово врага, десятки уничтоженных фашистов. Он всегда приносил в отряд ценные сведения о противнике, он немного не дожил до нашей великой победы. Николай Машков погиб в неравном бою с карателями как подлинный герой! Ты, Коля, можешь всегда гордиться своим отцом и своей матерью! Это настоящие советские люди!

Когда проводник объявил, что поезд подходит к Ровно, Камнева подошла к окну и, плохо скрывая волнение, стала вглядываться в знакомые очертания города.

Ехала и думала: с кем из товарищей встретится здесь, как их найдет? Ведь всякая связь была утеряна, адресов не помнила.

Но о предстоящем приезде в Ровно бывших партизан из Пензы здесь уже знали. Об этом сообщил ровенцам бывший комиссар партизанского отряда — Сергей Трофимович Стехов, специально приехавший для встречи с ними из Винницы. Вместе с Камневой приехал партизан медведевского отряда Александр Дмитриевич Уланов и сестра героя ровенского подполья, пензенца Николая Михайловича Поцелуева — Александра Михайловна.

Вечером того же дня в парке имени Шевченко собрались бывшие партизаны медведевского отряда. На эту волнующую встречу пришли от-

важная разведчица Ольга Петровна Солимчук, ее муж, бывший командир роты Григорий Михайлович Волков, связной Коля Маленький, врач Григорий Андреевич Клишканов, который в дни оккупации устанавливал военнопленным ложные диагнозы и помогал освобождаться из лагеря.

Об этих памятных встречах Камнева рассказывала так: «Иду я в парке по тропинке и вижу — вроде чье-то знакомое лицо, вспоминаю, кто же это может быть, неужели Татьяна Федоровна Уськова, врач партизанского отряда».

— Татьяна Федоровна? — тихо спрашиваю эту немного располневшую женщину. Она в один миг окидывает меня взглядом, потом срывается с места, бросается в объятия.

— Тоня, милая, родная! Сколько лет не виделись?

Начинаем разговаривать, а у самих слезы на глаза навертываются. Да и как было не волноваться! Я вспомнила, как эта мужественная женщина пробиралась ко мне на связь в 1943 году мимо фашистских застав и патрулей. Она приходила из отряда за медикаментами. Нагрузившись лекарствами, Татьяна Федоровна шла глухими переулками по настороженному городу.

Среди присутствующих я заметила еще одного человека, внимательно наблюдавшего за мной. Где-то я его видела? Вспоминала, но ничего не могла вспомнить. Спросила Анну Ивановну Лобачеву — свою подругу военных лет. Она назвала имя. «Неужели Пантелей Карпович Терещенко? Да, он». Встречались мы с ним на конспиративной квартире, он приходил к часовому мастеру и руководил подпольщиками.

К бывшему подпольщику Назаренко мы отправились вместе с сестрой разведчика Поцелуева — Александрой Михайловной. Назаренко в те суровые дни встречался с Поцелуевым. И вот что он нам рассказал:

«Встреча произошла в необычной обстановке — в тюрьме. Однажды всех заключенных, которых фашисты подозревали в связях с партизанами, вывели на тюремный двор и построили в шеренгу. Два гестаповца несли на носилках истерзанного пытками человека. Они останавливались против каждого заключенного и спрашивали:

— Ты этого знаешь?

Человек на носилках встречался глазами с товарищами и молчал.

— Знаешь, русская свинья, не хочешь говорить! — кричал гестаповец и наотмашь бил по лицу человека на носилках.

Так ничего не добившись, фашисты унесли заключенного. Назаренко, стоявший в строю, узнал в нем партизана-подпольщика Николая Поцелуева. Эта встреча на тюремном дворе произошла задолго до смерти Поцелуева».

Потом я увиделась со своей старой знакомой тетей Пашей — Прасковьей Филипповной Вашлаевой. Муж ее, воентехник, погиб в первые дни войны. С двумя детьми вдова осталась в Ровно. Настоящая патриотка, она в черные дни оккупации всячески помогала партизанам, каждую минуту рискуя своей головой. Это она прятала оружие для партизан в своем дровянике, устраивала явки, скрывала раненых. Но главное, Вашлаева снабжала партизана-разведчика Николая Струтинского бензином. Струтин-

ский разъезжал по городу на легковой машине с Николаем Ивановичем Кузнецовым, замаскированным под немецкого офицера Пауля Зиберта. Им требовался бензин. Я часто в то тяжелое время бывала на квартире у этой женщины, но не знала, что она связана с нашими разведчиками.

Вскоре состоялся партизанский слет, куда съехались все бывшие бойцы медведевского отряда. С речью выступил Стехов. После слета нас пригласил на чай подпольщик Василий Алексеевич Борисов. Это он принимал активное участие в организации взрыва на вокзале в 1943 году под самым носом ровенской жандармерии.

Несколько дней счастливых встреч прошли незаметно. А потом неутомимый Сергей Трофимович Стехов организовал поход по памятным партизанским местам. В этом походе мы узнали много интересно. Всюду нас принимали как самых дорогих гостей. В войну здесь жили очень плохо, голодали, фашисты грабили каждый день. Нам приходилось отбивать у врага обозы с продовольствием и кормить голодающих, да и вообще освобождать некоторые села от оккупантов. Вот почему так радушно встречали нас местные жители.

В поход вместе с нами вышли сто мальчиков и девочек из пионерского лагеря имени легендарного героя-разведчика Николая Ивановича Кузнецова. Потом к нам примкнули цуманьские пионеры.

Мы шли по местам партизанских боев и стоянок в Цуманьских лесах. Десятки венков возложили ребята вместе с нами на братские могилы погибших героев, заботливо убрали могилы. А ночью возле пионерского костра Сергей Трофимович рассказал пионерам о боевых делах партизан-медведевцев. Потом с воспоминаниями выступила и я.

Незаметно бежало время. Десятки задумчивых ребячьих глаз были устремлены в темноту, словно ждали, что вот сейчас сюда выбросится на парашютах группа партизан во главе с комиссаром Стеховым.

Ребята избрали нас почетными пионерами своих отрядов, повязали нам красные галстуки.

Вернувшись из похода в Ровно, я нашла ту улицу и небольшое каменное здание, где помещается аптека № 3, в которой в годы войны я работала фармацевтом, снабжая партизан медикаментами.

Вторая моя поездка в партизанские края была также незабываемой. Меня пригласили в Ровно на открытие памятника легендарному разведчику-партизану, Герою Советского Союза Н. И. Кузнецову. На эту церемонию со всех концов Советского Союза съехалось около трехсот медведевцев. Много сил и энергии потратил, разыскивая по стране бывших партизан, комиссар С. Т. Стехов. Он посылал пригласительные письма, заботился, чтобы приехавшие были хорошо устроены, создавал обстановку сердечной теплоты и дружбы.

Это был очень волнующий день. Представьте себе, рядом с тобой стоит товарищ, с которым ты вместе проливал кровь за родную землю, делил последнюю пайку хлеба, мерз в партизанской засаде, шел на разведку, вместе страдал и ненавидел врага. Я почувствовала эту нерушимую силу боевого товарищества на митинге, посвященном открытию памятника нашему другу, бесстрашному разведчику Н. И. Кузнецову.

Где только ни живут сейчас бывшие партизаны — в Москве, Одессе, Херсоне, Виннице, Норильске, Уфе, Львове, Полтаве и других городах. Но все они нашли время, чтобы встретиться со своими боевыми товарищами. С большой радостью в эти дни каждый из нас приколол на грудь или шапку красную партизанскую ленточку как символ былых походов, как символ товарищества и нерушимой дружбы, узы которой были скреплены кровью лучших сынов и дочерей Советской Родины».

Скорняков А. И. Поединок. Горький, 1982.
С. 24—47

Л. ЛУБНИН

БАЛЛАДА О ПЕРВОМ ПЛАЦДАРМЕ

Пришла ночь, снова душная и тихая; только степняк пошумел с вечера и замер. Весь полк переправился на остров. Лес заполнился людьми. Темнота под деревьями дышала и жила настороженно, затаенно. Ждали приказа.

Когда масса людей упорно и долго готовится к действию и собирается вместе, чтобы действовать, а вместо того приходится вот так бесконечно ждать, — это очень трудно для всех. Самое трудное и страшное на войне — неподвижность, напряженное бездействие ожидания.

Об этом подумал Илья Лимонов, когда услышал, как возится рядом и не может найти удобного положения для своего тела Коля Степанов, как он сосет, нервно перекатывает во рту незажженную папиросу

Еще час прошел. Густая тьма плотно залегла между деревьями. А приказа все не было.

Вверху, пробив темный полог, замигали разноцветные звезды, немцы, чем-то встревоженные, развесили над дальней излучиной горящие лихорадочным светом ракеты.

Все нет приказа.

А саперы подносили и подносили на плечах и подтаскивали из глубины острова к кустарнику понтоны. Хрустели, ломались сучья и ветки, тяжело дышали и, сталкиваясь в темноте, шепотом переругивались измотанные трудным переходом люди. Казалось Илье, что этот шум заполняет все вокруг, что он далеко разносится в вечернем воздухе... И до немцев, наверное, доносятся и треск кустов, и шум шагов, и приглушенные голоса — весь этот неясный шум движения массы людей в ночной темноте

Но нет, не могли доноситься до немцев через широкий стремительный Днепр эти приглушенные шорохи. И скрип песка под сапогами тоже был глухим, затаенным. Только в первый момент, когда началось это движение массы людей из глубины острова, из лесных зарослей к пляжу показалось Лимонову, что звуки и шорохи так оглушительны.

Но отошли саперы на несколько шагов, и сразу опять стал слышен говор днепровской волны на стрежне.

В темноте подошел командир роты, взял Илью за локоть, дохнув табаком, повторил приказ:

— Твоему взводу — два понтона: двести шестой и двести седьмой. Как только высадишься, саперов ни минуты не задерживай. И еще настрого предупреди солдат, чтобы тихо было. Выходить к понтонам по вспышке синего фонарика. Старайся не терять меня из виду Я буду справа.

За время недолгого знакомства — всего-навсего три дня прошло с момента, когда старший лейтенант Курбатов принял роту, — Илья не только сумел оценить спокойную распорядительность и деловитость нового ротного, его прямую и открыто дружелюбную манеру обращения с бойцами, но и потянулся к нему всем сердцем.

Илью обрадовало то, что Курбатов оказался горьковчанином значит, почти земляк. Илье нравилась и его невысокая, но статная фигура, и быстрые, четкие движения легкого тела, и цепкий, с прищуром взгляд серых широко поставленных глаз.

И теперь, перед скорым выходом на ту черту, за которой будет все другое, неизвестное, все, чего ни он, ни Курбатов не могут предугадать, Илье захотелось сказать своему ротному какие-то особенно теплые и значительные слова. Но этих слов не находилось. И вдруг Илья вспомнил, что у него есть три пачки махорки и что он переложил их из вещмешка в сумку. Он торопливо вынул их:

— Возьмите, старший лейтенант, возьмите, — говорил он, протягивая Курбатову махорку и невольно вкладывая в эти слова частицу своего чувства. — Я-то не курец, вы знаете. А вам пригодится.

— Ну, спасибо, Лимонов. Так помни: я справа буду — Небольшая крепкая ладонь дважды стиснула локоть Лимонова, и старший лейтенант шагнув в сторону, исчез в темноте

Илья всматривался в темноту и ждал, когда же мигнет синий фонарик.

За ближним кустом изредка раздавался чуть слышный сосущий звук, словно там спал младенец и нежно причмокивал во сне губами. Это, конечно же, Григорий Федорович привычно потягивает свою незажженную трубку

А впереди, шагах в трех, наверняка стоит сержант Серебрянский. Его совсем не видно, но оттуда так знакомо наносит крепким запахом дегтя. Всей роте известна привычка Серебрянского обильно смазывать дегтем свои сапожищи сорок шестого размера.

А вот слышен скрип песка под сапогами, торопливый, непрерывный, словно кто-то переступает с ноги на ногу, притопывает, стараясь согреться, или нетерпеливо приплясывает на месте, готовясь выйти в круг

Наверняка там Коля Степанов топчется в нетерпении

Так Илья по незначительным мелочам узнавал стоящих вокруг него в темноте солдат своего взвода, и ему становилось легче переносить страшное напряжение ожидания. И когда наконец замигали синие огни — приказ, посылающий людей из безопасной тишины леса за ту черту, где их ждет огонь и возможная смерть, все вздохнули свободно и, помогая саперам, подхватывали понтоны, бегом выносили их к воде

Кто-то упал, споткнувшись о корень, кого-то задело бортом понтона, и он поругивался шепотом, кто-то попал в яму и в испуге коротко вскрикнул. И все-таки это были глухие звуки, они терялись в шуме реки.

Но вот уже погружены в лодки пулеметы, уже брошены в упругую воду весла, и тут разносится в отзывчивом на громкий звук ночном воздухе свободный и простодушно наивный зов, такой, кажется, естественный, если бы он раздался с холма над речкой в родной мирной деревне, и чудовищный, дикий здесь, под носом у врага:

— Эй, Иван, Иванко! Де же ты тама? Ходы до мене, зараз поидемо.

Этот выкрик заставил, сцепив зубы в гневе, поспешно схватиться за весла. Забурлила вода, стала исчезать белая полоска песка, лодки выходили на глубину.

И тут разом загремело, выбрасывая огонь, правобережье. Над рекой повисли неровные гирлянды осветительных ракет, и в их мертвенном свете Илья увидел возбужденное лицо Коли Степанова, прищуренные глаза Барнаульца и трубку под его моржовыми усами.

Но через минуту Илья Лимонов увидел вздрагивающую от быстрых огненных всполохов стену воды, в ней то появлялись, то исчезали фигуры людей. Подброшенный взрывом, раскинул в воздухе руки командир роты Курбатов.

А может быть, и не Курбатов это был, а кто-то другой, отдаленно похожий на него лицом. Лодка, шедшая следом, метрах в двадцати, вдруг встала кормой кверху и скрылась в водяном смерче.

Может быть, всего, что он видел, — незнакомых солдат с открытыми, беззвучно кричащими ртами и такой знакомой фигурой ротного в воздухе с раскинутыми руками, — всего этого вовсе не было, все это, возможно, только привиделось ему, вообразилось от переутомления, от усталости, оттого что днем яростное солнце до боли в висках напекло ему голову.

Так подумал Илья Лимонов, когда на несколько секунд темнота прикрыла реку: уж очень страшно было представить, что тот человек в воздухе был в самом деле Курбатовым, что так нелепо погиб ротный, которого Илья ценил, уважал, которому хотел во всем подражать.

Но темнота вновь сменилась белым слепящим светом ракет, и опять все стало видно: руки саперов, вцепившиеся в вальки весел, и закинутые головы с открытыми ртами. Но в этот момент лодку подбросило вверх и в сторону, водяная стена встала из глубины. Та противная дрожь в руках, в коленках, которая началась сразу же под обстрелом и которую Илья хотел и не мог прогнать усилием воли, теперь вдруг прекратилась. Лимонов понял, что нужно во что бы то ни стало сейчас же выходить из зоны обстрела, иначе неизбежна гибель всех, всего взвода.

При следующей вспышке ракеты Илья снова увидел потные лица гребцов. Изо всех сил наваливаясь на весла, они старались держать лодку против течения.

— Поворачивай! — закричал он, не слыша своего голоса, и махнул рукой вдоль реки: — По течению греби!

Он снова и снова взмахивал рукой, видя, что его не понимают.

Барнаулец что-то крикнул кормовому. Лодка повернулась и, подхваченная сильной струей, помчалась вниз.

Еще раз подбросило близким взрывом, пулеметная очередь взметнула султанчики воды у самого борта, но темнота уже приняла их, и лодка, развернувшись, вскоре ткнулась носом в узкую полоску галечника под крутояром.

Лубнин Л. М. Баллада о первом плацдарме.
Горький, 1976. С. 13—18.

* * *

За форсирование Днепра кировчанину Илье Дмитриевичу Лимонову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В. САЯНОВ

О МАРШАЛЕ ГОВОРОВЕ

НА ПУЛКОВСКИХ ВЫСОТАХ

В начале января 1944 года Говоров поехал на Пулковские высоты. С наблюдательного пункта командира гвардейского корпуса Симоняка он долго разглядывал укрепления врага. День был морозный, солнечный, снежное поле перед нашими окопами казалось вымершим, — необычна была наступившая здесь тишина.

Говоров долго смотрел туда, где начинались строения города Пушкина. Ясно представлялось сейчас, как изменится все вокруг в первые же минуты наступления, как преобразится это безлюдное поле и оживет каждый бугорок, каждая болотная кочка в утро первого боя. Места намеченного соединения двух наступающих армий отсюда не были видны, но Говоров отчетливо представлял в эти минуты тот участок, где должны сомкнуться клещи наступления.

Когда части, наступающие из района Ораниенбаума, сомкнутся с войсками, идущими от Пулковских высот, на направлении главного удара, будет решена только первая задача. От быстроты поворота на юг будет зависеть успех операции. Только взяв Гатчину, выйдут войска Ленинградского фронта на оперативный простор. Кто владеет Гатчиной — тот хозяин положения. После взятия Гатчины противник будет вынужден уйти из-под Мги — ведь у него останется для отхода только одна дорога...

Да, есть в каждой операции свой глубокий внутренний смысл, и судьба Мги будет решена в боях за Гатчину.

— Ко Мге у меня сердце никогда не лежало, — говорил впоследствии Говоров, вспоминая поездку на Пулковские высоты и свои раздумья перед утром первого боя. Узел, где решалась судьба фронта, судьба Ленинграда, был не подо Мгой...

Говоров возвращался в штаб, когда начался артиллерийский обстрел.

— От темпов нашего продвижения зависит судьба Ленинграда. Если стремительно рванемся вперед, враг не сможет вести огонь по городу.

Задержимся — и Ленинград подвергнется такому страшному обстрелу, что и представить невозможно, как много будет убито людей и разрушено зданий, — сказал Говоров вечером вызванным в штаб артиллеристам.

Венок Славы. Т 3. Подвиг Ленинграда. М., 1983
С 530

ПИСЬМО КОМАНДИРА ТАНКА В. А. СИВКОВА И РАДИСТА П. К. КРЕСТЬЯНИНОВА

15 марта 1944 г

Письмо В. А. Сивкова и П. К. Крестьянинова боевым товарищам

Мы остаемся двое в танке № 17: командир танка — младший лейтенант Сивков Вадим Александрович и радист — красноармеец Крестьянинов Петр Константинович, решив лучше умереть в своем родном танке, чем покидать его.

В плен сдаваться не думаем, оставляя по 2—3 патрона для себя. Виновным в аварии прошу считать механика-водителя, который не выполнил моего приказа: повернуть влево. Когда он выскакивал, я не пристрелил его, чтобы не забить люки.

Немцы два раза подходили к танку, но открыть не смогли. В последнюю минуту жизни взорвем гранатами танк, чтобы (он) не попал врагу. Просим сообщить домой, что мы выполнили свой долг перед Родиной — заняв одним танком Явкино и там погибнув.

Мой адрес: Удмуртская АССР, село Каракулино, райвоенкомат подполковнику Сивкову.

Кировская область, Шурминский район, село Ральники, Крестьянинову Константину Михайловичу

В. Сивков
П. Крестьянинов

15 марта 1944 года, 6 часов 10 минут.

История Великой Отечественной войны знает немало славных подвигов советских танкистов. Публикуемое выше письмо является свидетельством одного из героических подвигов.

...Это было утром 13 марта 1944 года. Советские войска продолжали гнать немецко-фашистских захватчиков с родной земли. Среди наступающих частей действовал и 212-й отдельный танковый полк. Танк № 17 этого полка, вырвавшись вперед, в упор расстреливал бегущего противника. Впереди село Явкино. Засевшие

там фашисты встретили танк сильным огнем. Его экипаж, возглавляемый младшим лейтенантом В. А. Сивковым, решил вступить в бой и опрокинуть врага. Подойдя вплотную к селу, танк открыл огонь и на предельной скорости ворвался за околицу. Умело маневрируя между домами, он создавал видимость, что в селе ведут бой по меньшей мере 10 танков. Фашисты метались от дома к дому, но их настигали гусеницы и огонь советского танка. К полудню в селе не осталось вражеских солдат, а вскоре сюда подошли пехотные подразделения наступающих советских войск.

Удалось установить, что в результате смелых действий экипажа танка № 17 было уничтожено до 250 гитлеровцев, более 100 различных повозок. Среди трофеев оказались 3 исправных танка, 12 бронетранспортеров, 3 орудия, 5 минометов, 75 автомашин и 250 повозок.

Прошло два дня. Противник, подтянув резервы, перешел в контрнаступление. Одна за другой катились на Явкино волны гитлеровцев. И снова танк, маневрируя по селу, мешал врагу продвигаться вперед. Но случилось несчастье: круто разворачиваясь у одного из домов, он попал в противотанковый ров и намертво засел в нем. Пушка, уткнувшись в стенку рва, замолчала.

Обрадованные этим, гитлеровцы просочились в село и окружили танк. Но в танке находились советские люди: командир — младший лейтенант Вадим Александрович Сивков и радист — красноармеец Петр Константинович Крестьянинов. И когда гитлеровцы, стуча прикладами по танку, стали кричать: «Рус, сдавайся!» — им в ответ слышалось одно: «Комсомольцы не сдаются!»

Танкисты были комсомольцами, одногодками — родились в 1925 году. Первый ушел в армию в 1942 году по путевке Пастуховского РВК Удмуртской АССР. Второй стал красноармейцем на год позже, добившись от Шурминского РВК Кировской области отправки в танковую школу. Встретились они в 212-м отдельном танковом полку несколько месяцев назад. И вот уже около двух месяцев плечом к плечу сражались на 3-м Украинском фронте.

Когда танк зарылся в ров, они поняли: выхода нет. Танкисты проверили пистолеты, положили поближе оставшиеся гранаты. Друзья еще не закончили писать прощальные письма родным, как застучали по броне фашисты. Видя, что живыми танкистов не взять, гитлеровцы подтянули артиллерию, чтобы в упор расстрелять танк. Но раздался взрыв, и там, где стоял танк, взметнулось пламя, сметая сгрудившихся вокруг него врагов...

Через день в село вновь вошли наши части. Останки героев-

танкистов были похоронены с воинскими почестями, а еще через некоторое время проходивший через село боец, осматривая танк, извлек из-за его железной обшивки небольшую жестяную коробку, в которой оказались два листка бумаги — прощальные письма героев.

О подвиге замечательных танкистов стало известно всему фронту. Командир 212-го отдельного танкового полка гвардии майор Барбашин представил В. А. Сивкова и П. К. Крестьянинова к присвоению им звания Героя Советского Союза. Это представление было поддержано командующим 3-м Украинским фронтом генералом армии Р. Я. Малиновским. 4 июня 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении им звания Героя Советского Союза.

Подлинники писем В. А. Сивкова и П. К. Крестьянинова хранятся в Центральном архиве Министерства обороны СССР /Оп. 686043. Д. 46. Л. 210—214/.

Говорят погибшие герои, 9 изд. М., 1990.
С. 361—364.

К. ВЕРШИНИН

ХОЗЯЕВА НЕБА

Удержанию станицы Крымская противник уделял исключительно большое внимание. Ведь это был не только главный железнодорожный узел на центральном участке его обороны, но и плацдарм для перехода в наступление на краснодарском направлении. Не случайно гитлеровцы сосредоточили здесь крупные силы авиации — до 1000 самолетов.

Авиация Северо-Кавказского фронта тоже имела до 1000 самолетов. Из них 719 входило в состав 4-й воздушной армии с приданными ей корпусами резерва Ставки, остальные — в ВВС Черноморского флота и группу АДД. Из общего числа боевых машин более 40 процентов составляли бомбардировщики.

В общем плане наступления перед военно-воздушными силами Северо-Кавказского фронта ставились следующие основные задачи: завоевание господства в воздухе; прикрытие наземных войск; содействие обороне десанта в районе Мысхако и наступлению ударной группировки на крымском направлении.

План был характерен, во-первых, тем, что давал нам возможность использовать на главном крымском направлении не всю авиацию, а основные ее силы. Часть полков оставалась в резерве для оказания помощи десантной группе; во-вторых, предусматривал в случае необходимости централизацию руководства авиакорпусами РГК и ВВС Черноморского флота у командования 4-й воздушной армии.

Генералы В. В. Ермаченков и Н. С. Скрипко на время операции становились как бы моими заместителями.

Кроме общего, имелся и детальный план использования авиасоединений, непосредственно взаимодействовавших с главной группировкой войск фронта. В первый день наступления предусматривалось нанести массированные удары по боевым порядкам вражеских войск на узком участке прорыва, что и было, как мы увидим позже, полностью осуществлено.

Авиационное наступление началось действиями бомбардировочной авиации по аэродромам противника, расположенным в Анапе, Тамани, Керчи, Багерово. В ночь на 23 апреля 13 «бостонов» нанесли удар по Тамани, где находилось около 100 вражеских самолетов. В результате налета 12 машин различных типов было уничтожено, взорван склад боеприпасов.

В ночь на 24 апреля 34 «бостона» и ДБ-3ф произвели второй налет на Тамань и сожгли еще 10 самолетов. Кроме того, возникло 14 других очагов пожара.

Ночные бомбардировщики дальнего действия в это время тоже наносили удары по вражеским аэродромам, расположенным в Крыму. Вскоре противник вынужден был оттянуть свою авиацию на более глубинные взлетно-посадочные площадки.

Несколько раньше подверглись налетам Сакский (13 апреля) и Багеровский (20 апреля) аэродромы. Там было уничтожено и повреждено 32 вражеских самолета. А всего за апрель противник потерял свыше 80 боевых машин. Как видим, гитлеровцы понесли немалый урон.

Пока мы бомбили неприятельские аэродромы, а в районе Мысхако шли упорные бои, ударная группировка войск фронта (56-я армия) готовилась к наступлению в районе Крымской. Прикрывая свои наземные части, занимавшие исходное положение, наши истребители действовали группами.

Наступление намечалось на 20 апреля. Но в интересах более тщательной подготовки оно было перенесено сначала на 25, затем на 29 апреля. В эти дни мне довелось еще ближе познакомиться с генерал-лейтенантом Андреем Антоновичем Гречко, ныне Министром обороны СССР, Маршалом Советского Союза.

Глубоко вникая в вопросы боевого использования авиации, командующий 56-й армией детально занимался организацией ее взаимодействия с артиллерией и пехотой. Потом, в ходе боев, артиллеристы оказали нам, авиаторам, большую помощь. Своим огнем они подавляли зенитные средства врага как на маршрутах наших полетов, так и в районах целей, обозначали объекты для бомбовых и штурмовых ударов. Все это, безусловно, способствовало успешному выполнению нами поставленных боевых задач.

Большое значение Андрей Антонович Гречко придавал оперативному и тактическому применению авиации, уважал летчиков, неоднократно с похвалой отзывался о действиях частей и соединений 4-й воздушной армии.

Накануне перехода 56-й армии в наступление авиация противника усилила боевую активность. С утра 28 апреля вражеские бомбардировщики группами по 10—15 машин начали бить по нашим войскам. За день они произвели 850 вылетов. Отражая их удары, истребители 4-й воздушной армии совершили 310 вылетов, сбили 25 вражеских машин. Мы потеряли 18 самолетов.

В ночь на 29 апреля в полосе наступления 56-й армии началась авиационная подготовка. Первый удар по Крымской нанесли две девятки наших бомбардировщиков. Сначала они сбросили фугаски, затем — зажигательные бомбы. В районе цели возникло восемь очагов пожара. Потом мы использовали их в качестве ориентиров.

Кроме того, вдоль линии фронта наши пехотинцы разложили 20 костров. А в трех-пяти километрах от них светились образованная из электролампочек буква «Т» (авиационный посадочный знак) и стрела, обращенная острием к противнику. Три зенитных прожектора, установленных в одну линию перпендикулярно линии фронта, указывали летчикам путь к световым сигналам и, таким образом, тоже облегчали выход на Крымскую. Кроме того, была выделена группа самолетов По-2, экипажи которых через равные промежутки времени сбрасывали осветительные бомбы.

После первого удара по противнику налеты продолжали одиночные самолеты и пары. Они уничтожали, в основном, артиллерию противника, расположенную на северной, восточной и западной окраинах Крымской.

В ночных налетах участвовала вся бомбардировочная авиация, в том числе и легкомоторные По-2. Для непрерывного воздействия на противника был составлен специальный план. Он определял время вылетов каждой авиачасти, цели, высоты бомбометания. Заградительный зенитный огонь противника подавлялся самими же экипажами.

Световые ориентиры, пожары, огни осветительных бомб создавали впечатляющую картину. Зарево было видно за многие десятки километров, воздух сотрясался взрывами бомб, а в небе не смолкал гул самолетов. Все это, безусловно, поднимало настроение и боевой дух воинов наземных войск, которым на рассвете предстояло идти в наступление. В течение ночи летчики совершили 379 самолето-вылетов, сбросили 200 тонн бомб.

Непрерывные бомбежки изнуряли и деморализовывали врага. Он потерял много техники и живой силы.

За 40 минут до перехода пехоты в атаку в авиационную подготовку включились дневные бомбардировщики и штурмовики. Авиаподготовка перешла затем в авиационную поддержку. Ровно в семь часов утра три девятки По-2 нанесли удар по вражеским штабам, расположенным в населенных пунктах Экономический, Молдаванское, Нижне-Баканская. Их главной задачей было нарушить управление войсками. Одновременно начали действовать штурмовики. Группы «илов» — по шесть-семь машин в каждой — накатывались на неприятельскую оборону волнами с временным интервалом в 10 минут. Основные удары наносились по боевым порядкам немецких войск, расположенных на восточной окраине Крымской.

Каждую группу штурмовиков сопровождала пара истребителей. Такое прикрытие было, конечно, недостаточным, и мы решили его усилить. Но сделали это несколько необычным путем: истребители стали барражировать над полем боя в готовности оказать помощь штурмовикам. Такая тактика оказалась более надежной. Ведь «илы» действовали в основном с малых высот, на которых условия для маневрирования весьма ограничены. Теперь же, держась выше штурмовиков, истребители за счет преимущества в высоте, быстро добивались его и в скорости. Это позволяло им всегда своевременно оказывать поддержку своим подопечным.

Готовясь к наступлению, мы предвидели, что истребительная авиация противника попытается сковать или даже сорвать действия наших бомбардировщиков и штурмовиков над полем боя. Поэтому за 15 минут до нанесения массированного удара решили уточнить воздушную обстановку. На разведку вылетела восьмерка «ястребков». Вскоре ведущий подтвердил наши предположения. Тогда мы подняли в воздух еще несколько довольно сильных групп истребителей. Своими дерзкими атаками они вынудили «мессершмиттов» покинуть воздушное пространство над полем боя.

В последующие часы мы планомерно наращивали количество истребителей. Поэтому противник не смог оказать должного противодействия нашим бомбардировщикам и штурмовикам.

В 7.40, когда пехота пошла в атаку, началась ее авиационная поддержка. Штурмовики по-прежнему разили врага с малых высот. Тактика же бомбардировщиков несколько изменилась. К полю боя они шли девятка за девяткой, с интервалом в десять минут. Головная и замыкающая группы прикрывались восьмерками истребителей, промежуточные — шестерками и четверками. Такое распределение сил прикрытия объяснялось тем, что противник старался в первую очередь атаковывать ведущих или замыкающих.

Боевая работа в период авиационной поддержки сосредоточивалась, в основном, на двух районах. Первый находился между восточной окраиной Крымской и сильно укрепленной железнодорожной насыпью; второй — южнее и юго-западнее станицы.

Массированный налет продолжался в течение трех часов. С семи и до десяти часов утра вражеские войска находились под непрерывным огневым воздействием.

Авиационное наступление было тесно увязано с артиллерийским. Орудия вели огонь как по целям, расположенным вблизи переднего края, так и по тем, которые находились в глубине обороны противника, но ударам с воздуха подвергались. Во время нахождения нашей авиации над полем боя артиллеристы особое внимание уделяли уничтожению и подавлению вражеских зенитных средств.

Эту задачу решали также специально созданные группы маневренных истребителей И-16 и И-153 («чайка»).

В первом ударе с воздуха (с 7.00 до 10.00) у нас участвовало 493 самолета: 144 бомбардировщика, 84 штурмовика, 265 истребителей. В дальнейшем, до конца дня, бомбардировочная и штурмовая авиация действовала, в основном, по заявкам наземного командования и по вызовам авиационных представителей, находившихся на КП общевойсковых соединений. Всего было совершено 929, а вместе с ночными — 1308 самолетовылетов.

Борьба за господство в воздухе с каждым днем возрастала. В поединках одновременно участвовало по 50—80 самолетов с каждой стороны. Успех сопутствовал советским летчикам.

Штурмовики и бомбардировщики тоже эффективно поддерживали наступление своих наземных войск. 3 мая 162 самолета 2-го бомбардировочного корпуса (командир — генерал-майор авиации В. А. Ушаков), летая группами с временным интервалом 10—15 минут, подавляли артиллерию

гитлеровцев на западной окраине Верхнего Адагума и западной окраины Неберджаевской. Они тем самым помогали успешному продвижению пехоты и танков, прорвавших оборону противника южнее Крымской. Одновременно штурмовики 2-го смешанного авиационного корпуса (командир — генерал-майор авиации И. Т. Еременко) обеспечили ввод в сражение танковой группы.

Как видим, боевая работа нашей бомбардировочной и штурмовой авиации в период наступления 56-й армии велась в тесном взаимодействии с сухопутными войсками. В течение четырех дней, когда осуществлялся прорыв вражеской обороны, было совершено 2243 самолето-вылетов.

При общей протяженности линии фронта, составлявшей 160 километров, полоса наступления ударной группировки в период боев за Крымскую равнялась всего 30 километрам. А на поддержку действующих здесь частей пришлось 90 процентов всех самолето-вылетов, совершенных 4-й воздушной армией. При этом надо иметь в виду, что полоса главного удара не превышала 10 километров. Такое массирование авиации, пожалуй, было впервые применено в 1943, переломном, году.

Но вернемся к обрисовке воздушной обстановки в ходе проведения операции. Главная тяжесть борьбы за господство в воздухе, как я уже говорил, легла на истребителей. В отдельные дни они проводили до 50 воздушных боев. С каждым днем поединки принимали все более ожесточенный и затяжной характер, а иногда они длились часами.

Самым напряженным для нас выдался первый день операции — 29 апреля. С учетом действий ночников мы совершили тогда 1308 вылетов, противник — всего 539. Летчики-истребители провели 50 воздушных боев, в ходе которых уничтожили 74 самолета противника. Цифры, прямо скажем, рекордные по сравнению с результатами прежних, тоже довольно жарких поединков.

Потеря противником господства в воздухе намного снизила боевую активность его истребительной авиации, отрицательно сказалась на моральном состоянии германских летчиков. Наши радиостанции неоднократно перехватывали их панические доклады: «В районе Крымской наших бомбардировщиков бьют русские истребители. Присылайте помощь. Кругом русские истребители... Выполнять задание не можем, русские истребители преследуют нас всюду...»

Чем объяснить боевой успех наших истребителей?

Прежде всего, новым построением боевого порядка. Эшелонирование по высоте в два-три яруса стало, можно сказать, законом. Нижняя ударная группа, в состав которой входила половина или даже две трети сил, действовала против бомбардировщиков, патрулируя на наиболее вероятных маршрутах и высотах их полетов. Примерно на 500—1000 метров выше нее находилась группа прикрытия. Она вела борьбу с истребителями сопровождения. Взаимодействие между группами осуществлялось зрительно, по радио и с помощью наземных радиостанций. Это давало летчикам возможность без промедления приходить на помощь друг другу.

Боевой порядок групп верхнего и нижнего ярусов состоял из пар, также эшелонированных по высоте. Такое построение позволяло истреби-

телям широко применять вертикальный маневр, вести длительные бои с наращиванием сил, крепко держать инициативу в своих руках.

Большую роль в обеспечении четкого взаимодействия играли радиостанции наведения. Они помогали патрулирующим истребителям не только быстро находить противника, но и внезапно его атаковать

Память хранит немало примеров, показывающих значение радиосвязи при выполнении боевых задач в эшелонированных порядках. Приведу лишь некоторые из них.

29 апреля девятка истребителей Як-1, возглавляемая капитаном И. Батычко, барражировала на высоте 2500 метров над районом Крымской. С помощью наземной радиостанции летчики обнаружили две группы бомбардировщиков Ю-87 по 18 самолетов в каждой. Их прикрывала шестерка Ме-109.

Боевой порядок нашей девятки состоял из двух эшелонов. Вверху находилась группа прикрытия из четырех Як-1. Капитан Батычко был во главе ударной, насчитывавшей пять самолетов. Приняв решение атаковать, он приказал ведущему верхней четверки связать боем вражеских истребителей, а сам повел подчиненных на первую группу бомбардировщиков. С первого захода ему удалось сбить флагмана. Строй гитлеровцев сразу же нарушился. Поспешно сбрасывая бомбы на свои войска, они начали разворачиваться на запад.

Как раз в это время к району боя подошла вторая группа вражеских бомбардировщиков. Ее летчики тоже не выдержали и пошли на разворот, освобождаясь от бомбового груза. Но им не удалось уйти. Пять неприятельских самолетов Ю-87 были сбиты. Шестерку истребителей, прикрывавшую свои наземные войска, станция наведения нацелила на группу вражеских самолетов, состоявшую из четырех Ю-87 и четырех Ме-109. Капитан А. И. Покрышкин, возглавлявший ударное звено, приказал ведущему прикрывающей пары старшему лейтенанту Г. Речкалову связать боем «мессеров», а сам атаковал «юнкерсов». Покрышкин и Речкалов сбили тогда по две машины, а остальные неприятельские самолеты поспешно удалились.

В тот же день девятка Як-1 под командованием капитана Г. Лапшина прикрывала войска в районе Крымской. Получив предупреждение с радиостанции наведения, летчики обнаружили 12 бомбардировщиков Ю-88, шедших плотным строем под прикрытием 12 Ме-109.

Боевой порядок наших истребителей состоял из двух групп. Ударную пятерку возглавлял Лапшин, прикрывающую четверку — старший лейтенант Кривяков. Они атаковали фашистов внезапно со стороны солнца: Лапшин и его товарищи — «юнкерсов», Кривяков с ведомыми — «мессершмиттов».

В результате первой атаки были сбиты два Ю-88 и один Ме-109 Бомбардировщики рассеялись, не достигнув цели. Обратив их в бегство, ударная группа пришла на помощь прикрывающей. В бою, разыгравшемся с новой силой, фашисты потеряли еще два Ме-109, после чего повернули на запад. Наши возвратились на аэродром без потерь.

3 мая пятерка истребителей 298-го полка, возглавляемая майором В. Г. Семенишиным, прикрывала войска в районе Крымской. Через пять

минут после начала патрулирования группа вступила в бой с подошедшей шестеркой Ме-109.

В ходе поединка истребители противника пытались оттянуть летчиков на занимаемую ими территорию, чтобы расчистить дорогу для своих бомбардировщиков. Семенишин быстро разгадал их замысел и приказал летчикам своей группы за границы района прикрытия не выходить. Вскоре с запада действительно показались 12 бомбардировщиков Ю-87. Семенишин и еще два летчика, дравшиеся с «мессерами» наверху, к сожалению, не могли атаковать «юнкерсов». Тогда инициативу проявил старший лейтенант В. М. Дрыгин, оказавшийся ниже своих товарищей. Оценив обстановку, он вместе с ведомым старшим сержантом В. А. Александровым бросился навстречу «юнкерсам».

Смелой лобовой атакой советские летчики нарушили боевой порядок бомбардировщиков противника. Беспорядочно сбросив бомбы, те повернули на свою территорию. Настигнув одного из них, Дрыгин подбил его. «Юнкерс» приземлился в расположении наших войск, экипаж его сдался в плен.

Продолжая преследование, Дрыгин атаковал второго бомбардировщика. Тот загорелся и, объятый пламенем, врезался в землю. Третьего «юнкерса» сбил напарник Дрыгина старший сержант В. А. Александров.

Увидев, что пара старшего лейтенанта Дрыгина перехватила бомбардировщиков и успешно атакует их, тройка майора Семенишина стала сражаться с еще большим упорством. Важно было не дать ни одному вражескому истребителю возможности выйти из боя и помешать паре Дрыгина.

В течение 30 минут В. Г. Семенишин, Д. А. Бочаров и Н. И. Лобанов вели неравный поединок с шестеркой Ме-109. В результате Семенишин сбил два вражеских самолета.

Разогнав бомбардировщиков, пара Дрыгина поспешила на помощь тройке Семенишина, все еще дравшейся с «мессершмиттами». В этот момент истребители противника получили подкрепление. На Дрыгина и его ведомого навалилась четверка Ме-109. Советские летчики дрались отважно, но вскоре самолет ведомого был подожжен. Старший лейтенант сумел, однако, перетянуть через линию фронта и выброситься с парашютом. Он благополучно приземлился неподалеку от наблюдательного пункта 4-й воздушной армии.

Мне довелось быть очевидцем этого жаркого боя. За ним наблюдал и командующий ВВС Красной Армии маршал авиации А. А. Новиков, принимавший непосредственное участие в руководстве действиями авиации фронта.

Дрыгина сразу же вызвали на наблюдательный пункт. Маршал авиации А. А. Новиков сердечно поздравил отважного летчика с победой и тут же наградил его орденом Александра Невского. В тот же день в авиачасти была разослана телеграмма командующего ВВС. Обращаясь к летчикам, он писал:

«...Сегодня с утра вы действовали хорошо. Уверен в ваших силах и победе. Помните: кто дерзок в бою, тот всегда побеждает».

Потом в полки поступил приказ. В нем говорилось о героическом подвиге летчиков группы майора В. Семенишина, одержавших большую победу в бою с численно превосходящим противником. Этим же приказом маршал авиации А. А. Новиков присвоил В. М. Дрыгину воинское звание «капитан», утвердил награждение его орденом Александра Невского, рекомендовал представить к наградам остальных летчиков группы.

Вершинин К. А. Четвертая воздушная. М., 1975. С. 235—244.

О. ЯМЩИКОВА

ДРУЖБА

Моя первая встреча с Раей осталась в памяти навсегда. Наша совместная дружба была полна тепла и любви. Рая окружала меня такой материнской, трогательной заботой, что и сейчас я вспоминаю ее отношение ко мне с благодарностью и грустью.

Было мне лет двенадцать, училась я в школе имени Красина в городе Кирове. В один из последних дней учебы перед летними каникулами во время большой перемены мы играли в «сыщики-разбойники». В большом зале меня окружили «сыщики». Они неслись ко мне с двух противоположных коридоров. Оставался единственный путь к бегству — открытое окно. Я прыгнула — и от боли потеряла сознание.

Когда я открыла глаза, передо мной стояла девочка с чемоданом.

Я не могла встать и тихо плакала. Успокаивая меня, девочка ловко ощупывала мои ноги.

— Ты счастливая, хорошо отделалась. Разве можно так прыгать?

— Ты кто? — спросила я.

— Я Рая Беляева, приехала в Киров поступать в кожевенный техникум.

Когда спустя некоторое время меня посадили на подводу, чтобы отвезти домой, я сказала Рае:

— Бери свой чемодан и поедем к нам, а то мне попадет от мамы.

Так произошла наша первая встреча.

Прошло шесть лет. Я уже работала инструктором-летчиком Ленинградского аэроклуба. Шестнадцатый трамвай возил меня от дома до завода «Электросила». Тут неподалеку было поле, где я учила летать молодых рабочих завода.

Раннее утро. Я дремлю в вагоне. Чувствую, кто-то ласково щекочет мне лицо, начинает тормошить. Открываю глаза.

— Рая! Откуда?

— С работы. Я мастер кожевенного завода. Ты мне очень нужна. Хочу учиться летать.

Мы побежали с ней на аэродром, и никакими силами ее нельзя было увести оттуда. Рая стала учлетом аэроклуба. Все свободное время она проводила у самолета.

— Учи меня скорее всему, что умеешь, — просила она.

До чего она была ловкая и сильная! Делать умела буквально все. Мыла и скребла машины, таскала бидоны и бочки. Летала, как бог, без устали и когда только можно. Глаза — серые, большущие — всегда сияли радостью. Смеялась, да так заразительно!

— До чего же хорошо в воздухе! Ура!.. — кричала она, выпрыгивая из самолета после приземления.

По дому делать мне ничего не давала. Покупала продукты, готовила, стирала и шила. Когда я задерживалась на работе, помогала мне оформлять летные книжки учлетов. Все свободное от работы на кожевенном заводе время она проводила на аэродроме.

— Люблю летать. Умру без полетов! — говорила она.

Я инструктор-летчик, мне необходима «важность», хотя за плечами всего восемнадцать лет; я должна быть сдержанной, но в душе разделяла порывистость Раи, ее горячность, любовь к авиации. И в моей жизни самое главное — это летать! Когда я училась на «аврушке», очень многих учлетов отчисляли. Если и меня отчислят, думала я, умру от тоски по полетам.

Мы с Раей прыгали с парашютами, делая одинаковую затяжку и одновременно открывая парашюты.

— Ты мой самый лучший друг, а я твой ангел-хранитель! — кричала она в воздухе.

Человека, любящего свою профессию больше, чем она, я не встречала. Утром она «возила» группу учлетов. Летала прекрасно сама и мастерски передавала свое искусство другим. Вечером проводила прыжки. Она была неутомима. Я ни разу не видела ее усталой.

— Рая, — сказала я ей однажды, — я не буду брать новую группу учлетов. Обучаю уже одиннадцатую группу, а что я сама знаю? Сейчас приходят учиться люди почти с высшим образованием, из институтов, а я на пальцах объясняю, почему самолет летает. Недавно один спросил: «А вы знаете, товарищ инструктор, как рассчитывается крыло на прочность?»

— Ну и что же ты?

— Я сказала, что в прочности своего самолета не сомневаюсь.

— А я показала бы ему такой пилотаж, что он после этого вообще забыл бы о прочности.

Через несколько дней утром встречаю у самолета Раю.

— Ты зачем здесь? Почему не отдыхаешь? Твоя же группа закончила программу.

— Все уже решено с начальством, Лелечка. Сегодня ты знакомишь меня со своими учениками. Одну твою группу буду возить я.

— А я что же?

— А ты будешь возить вторую, а в оставшееся время готовиться в академию.

— Рая, милая, у тебя и так большая загрузка!

— Разве это загрузка?! Вечером прыгаю, а утром скучаю. А мне надо летать все время, беспрерывно. Неужели ты не понимаешь этого?

И она действительно беспрерывно летала и прыгала. Еще до войны Рая налетала больше тысячи часов, сделала более ста прыжков с парашютом, подготовила сотни парашютистов и инструкторов парашютного дела. Когда Рая работала в Тушине, она была бессменной участницей авиационных парадов в лучшей женской пилотажной пятерке. Я следила за ее успехами по газетам. Ее письма заражали меня бодростью и энергией.

«Лелька, — писала она, — дадим стране десять тысяч летчиков! Я инструктор-летчик и инструктор-парашютист, и я учу летать! Мои мечты сбылись. И это дает мне такое счастье в жизни!.. Пришли мне карточку дочки или лучше дочку пришли погостить».

Когда началась Великая Отечественная война, Рая добровольно пошла на фронт и была зачислена в истребительный полк.

«Что же ты окопалась в Сибири? — писала она мне летом 1942 года. — Тут такие идут бои, все твои курсанты воюют, на каждом аэродроме их встречаю. Ты ведь уже окончила академию? Приезжай скорее, летчики так нужны здесь!»

Но на все просьбы отпустить на фронт мне отвечали: «Специалисты и в тылу нужны. Неужели женщин отсылать на фронт, а мужчин вызывать сюда? Хватит того, что ваш муж воюет, а у вас дочка маленькая».

— Делайте, что вам приказывают, — говорил мой начальник. — Я вот тоже сижу здесь, а у меня жена на фронте. Вот так. Идите и работайте.

С помощью Марины Расковой друзья все же вытянули меня на фронт. Когда осенью 1942 года я приехала в 586-й истребительный полк, Раи там уже не было. Она с девушками своей эскадрильи воевала на Волге. Как мне не хватало ее именно в то тяжелое время, когда я получила извещение о гибели мужа...

Но вскоре мы вновь встретились с Раей. По заданию командования я прилетела к ним на аэродром. Как мы обрадовались встрече! Она сразу же захлопотала около меня:

— Ты такая худющая! Я тебя откормлю за несколько дней. Как ты долетела? Сейчас очень опасно в воздухе. Надо быть настороже и не зевать. И надо так натренировать шею, чтобы голова могла вертеться на триста шестьдесят градусов. Чувствуешь ли ты машину и мотор настолько, чтобы совсем не смотреть на приборы?

На минуту Рая умолкла и, обняв меня за плечи, вновь заговорила:

— Нельзя так переживать! Мы все равно победим. Немцы здесь, на Волге, обломали себе зубы. Ты бы посмотрела, какие они нахальные были в воздухе летом и какие смирные сейчас! Они любят драться, когда их десять, а нас пара, а когда нас столько же, они уходят, не принимая боя. Завтра я тебе их покажу...

Такая сила и уверенность чувствовалась в ее словах и движениях, что я действительно начала «оттаивать». Утром по первой же тревоге я вылетела с Раей ее ведомой. Наша группа шла к Волге. Я с интересом смотрела на незнакомые мне места и излучины реки. Вскоре вошли в плотные слои облаков.

Из облачности я вышла одна. «Куда делась группа? — думала я. — И противника нигде не видно...» Я прошла еще раз над Волгой и вернулась на аэродром. Раи на аэродроме не было. Узнав, что я не вернулась, она заправилась и улетела меня искать.

Хорошо помню, что было потом, когда прилетела Рая. Я бросилась к ней. Она стояла у крыла самолета и нервными движениями скручивала и раскручивала краги. Я никогда не видела ее такой злой.

— Вы полны благодушия и спокойствия, — неожиданно на «вы» резко заговорила она. — Вы потеряли в бою товарищей, потеряли своего ведущего. Вы занимались созерцанием местности, а не выполнением боевой задачи. Если бы это был не ваш первый вылет, вас надо было бы судить.

Я вся похолодела, слушая ее. «И это называется друг детства! — подумала я. — Дружим столько лет, я так рвалась к ней, думала найти в ней поддержку и сочувствие, думала, что она меня поймет...»

— Вы забыли, что летаете не над Ташкентом и что от ваших действий зависит жизнь ваших товарищей, — продолжала Рая. — Вы окончили военную академию для того, чтобы вас сразу же сбил паршивый фриц?

Она долго бранила меня, но потом, увидев выражение моего лица, смягчилась:

— Завтра мы полетим еще раз! И если ты хоть на минуту потеряешь мой хвост, с тобой здесь больше никто летать не будет...

Я не пошла спать к ней в землянку — была обижена до глубины души. Но свои ошибки я понимала.

«Действительно, растяпа! — ругала я себя. — Вылетела, как на прогулку. И попало мне за дело!»

Я устроилась на КП, но Рая пришла за мной:

— Пойдешь ко мне в землянку, я иду дежурить!

Шли молча. Мне было стыдно за себя.

На следующий день я ждала полета, как страшного суда. «Ни за что на свете не потеряю этот «хвост», — думала я. Несколько раз я все проверила в самолете, но не было даже команды садиться в машины.

Уже собрались обедать, когда дали команду вылетать.

Вылетели парой и мы с Раей. Ничего больше не существовало для меня — ни земли, ни неба! Кроме этого зеленого «хвоста», я ничего не видела. Не отстать ни на секунду! Ввверх-вниз, глубокие виражи, перевороты, боевые развороты. Меня то с огромной силой вдавливает в сиденье, то отрывает от него, и голова моя упирается в фонарь кабины. Я не отрываю взгляда от ведущего и точно повторяю все его маневры. Наконец самолет выравнивается. С радостью и облегчением выполняю команду «идти домой».

На аэродроме приземляемся крыло в крыло. Разбор полета тут же у самолетов. Впечатлений много. Все наперебой рассказывают, как они зашли в атаку, сколько времени длился бой, какие крылья и кресты у противника.

Я удивлена и растерянно спрашиваю:

— А что, разве действительно были немцы?

Раздался дружный хохот. Лучше бы мне молчать, тогда никто не узнал бы, что я ничего не видела, кроме «хвоста» своего ведущего.

Рая не смеется, она подходит, обнимает меня и оборачивается к насмешникам:

— Ничего тут смешного нет. И вы не сразу стали асами. Будет и она противника видеть, зато меня ни на секунду не потеряла!

Да, на всю жизнь запомнился мне урок Раи. Научилась сама, потом учила других никогда не терять ведущего в бою. Сколько раз это спасало меня от смерти! И сколько печальных примеров видела я, когда молодые летчики не придерживались этого строгого правила! Как необходима и справедлива была суровость Раи!

В начале 1943 года наш полк получил боевую задачу: прикрывать от бомбардировочных налетов противника железнодорожные узлы Воронеж, Отрожки, Лиски, Касторное и мосты через реки Дон и Воронеж.

Трудное это было время. Вылетать по тревоге приходилось по нескольку раз в день; каждую ночь фашистские бомбардировщики рвались к станциям и мостам. Не подпустить ни одного бомбардировщика и разведчика к охраняемым объектам! Рая с присущей ей энергией, заражающей всех, не давала никому унывать. Я никогда не видела ее спящей. Ложусь — она все еще на аэродроме, просыпаюсь — ее уже нет.

— Рая, когда же ты спишь? — не раз спрашивала я ее.

— А я дремлю, как появится свободная минутка.

Но этих «свободных минуток» было мало.

Как-то начальник полевых авиамастерских, мой товарищ по учебе в Военно-воздушной академии, обратился ко мне с просьбой облетать самолеты-истребители после капитального ремонта. Я охотно согласилась, хотя и без того валилась с ног от усталости.

— Где это ты пропадаешь? — спросила меня Рая.

— На стоянке полевых мастерских.

— Что ты там делаешь?

— Осматриваю и облетываю самолеты после ремонта.

— А что же на них надо делать в воздухе?

— Надо выполнить пилотаж, «обжать» до максимальной скорости, проверить выход из штопора. Все это надо оценить и записать. И если все нормально, самолет готов для передачи в часть.

— Вот это да! — сказала Рая мечтательно. — Мне бы такую работу!

Дело в том, что каждый раз, возвращаясь с боевого задания, Рая у

самой земли делала пилотаж: крутила «бочки», петли, проходила в перевернутом полете.

«По походке видно, наш комэск летит», — говорили летчицы из ее эскадрильи.

Ее ругали, наказывали, и под конец командир полка запретил ей вообще пилотаж над аэродромом. Исключение могло быть только при маневре в воздушном бою с противником да при полетах на проверку техники пилотирования. Рая покорилась, но ей все время хотелось покуролесить в воздухе.

— Леленька, дорогая, тебе нельзя этим заниматься, — лукаво заговорила Рая. — У тебя такая загрузка: и дежурства, и вылеты, и с молодыми много приходится заниматься. Ты посмотри, на кого ты похожа! Ты должна доверить это дело мне. Лелечка, ведь это же пилотаж, ты же понимаешь, как я скучаю!

— Ты меня не уговаривай, там нужно иметь образованного инженера, — ответила я резко, чтобы не склониться на ее просьбу.

Когда вечером я пришла в полевые мастерские, то узнала, что Рая уже облетывает самолет.

— Она сказала, что вы больны, и заключила договор на облет самолетов на весь месяц, — сказали мне рабочие, выходя из вагонов, где была расположена мастерская. — Да вот, смотрите, как пилотирует.

Я узнала ее почерк. На высоте трехсот-пятисот метров Рая «крутила» весь каскад любимых ею пилотажных фигур. Вот замедленная тройная «бочка», вот петля с «бантиком» — с «бочкой» в верхней части петли; перевернутый полет; двойной переворот.

...Фронт уходил дальше, к Курску. На нашем участке стало тише. Как-то на заре меня разбудила Рая:

— Леля, я принесла тебе теплого молока. Выпей и спи до семи часов. Дневальный тебя разбудит. А я на дежурство!

Не открывая глаз, я выпила молоко и снова зарылась в подушку.

Рая подоткнула со всех сторон одеяло и вышла.

Проснулась я без четверти семь. В расстегнутой гимнастерке, с засученными рукавами вышла на улицу умыться. В умывальнике было пусто.

— Все выхлестала дежурная эскадрилья, — сказала дневальная. — Сейчас полью вам из кружки. Только недавно четверка вылетела по тревоге.

— Кто их повел?

— Беляева.

Я посмотрела в небо. Сплошная облачность. Тихо, ни малейшего ветерка. Вдруг послышался нарастающий гул мотора, и из облаков на большой скорости вывалился самолет. Летчик, видимо, пытался вывести самолет газом и рулями, но его все больше затягивало в пикирование. Между двух бараков, километрах в двух от аэродрома, где был госпиталь, самолет упал и загорелся. Мы прибежали на место падения. Передо мной была яма,

в ней горели остатки самолета. Стоявшие вокруг люди забрасывали пламя землей.

— Кто? — спросила я.

— Беляева.

Все поплыло перед глазами, волна гнева и возмущения охватила меня. Я не могла представить Раю неживой.

— Что вы делаете? Откапывайте ее быстрее! Откапывайте!.. — закричала я.

Все стояли в замешательстве и смотрели на меня как на помешанную. Потеряв самообладание, я вытащила из кобуры пистолет:

— Откапывайте, я приказываю!

Кто-то подошел ко мне сзади.

— Комэск, этого делать нельзя, надо сначала землей погасить огонь, а то снаряды будут рваться. Здесь же двор госпиталя, люди. А Беляевой этим не поможешь!

Но я не слушала.

— Откапывайте! — кричала я, бегая вокруг ямы и грозя пистолетом, готовая прыгнуть в яму и разбросать горящие обломки руками, чтобы спасти мою Раю.

— Отобрать пистолет и увести. Уговаривать ее сейчас бесполезно: она от горя ничего не понимает, — отдал распоряжение подошедший командир полка.

Очнулась я в кабине полуторки. Молча вышла из машины, подошла к яме, опустилась на колени и стояла так, пока не стемнело. Потом меня увезли.

Я лежала в комнате одна, и мне казалось, что уже больше никогда не смогу ни летать, ни ходить. Федя погиб. Раи больше нет. Зачем же я живу? Зачем? Я больше не могу и не хочу страдать и смотреть на страдания других. Мысли путались. Сколько времени прошло, не помню. Из этого состояния меня вывела майор Тихомирова, заместитель командира полка по политчасти.

— В чем дело? Почему ты лежишь? Эскадрилья полетела на сопровождение, а ты что делаешь? Валяешься в постели! Встань сейчас же! Застегни ворот. Надень ремень. Нельзя так распускать себя. Пойдем вызывать мужа Раи на похороны.

Я молча подчинилась. Мы пошли на пункт связи.

— Разговаривать с мужем Раи будешь ты. Сразу не сообщай, что Рая погибла, а скажи, что она ранена, находится в тяжелом состоянии и чтобы он прилетел обязательно сегодня. Он кто?

— Ночной летчик-истребитель.

Когда мы дозвонились, я спокойным, ровным голосом сказала:

— Женя, прилетай сейчас же. Рая в тяжелом состоянии. Аэродром на левом берегу реки Воронеж.

— Вылетаю, — коротко ответил он, ничего не спрашивая.

Тихомирова усадила меня на скамейку и крепко обняла.

Я уткнулась ей в колени и заплакала.

— Вот так-то лучше... — тихо сказала она, гладя меня по голове.

К вечеру прилетел Женя. Я ждала его на аэродроме.

— Где она?

Глаза его смотрели пытливо и с болью, как будто просили не говорить все сразу.

Я повела его к месту падения самолета. Раи там уже не было.

— Не поверю, пока не увижу ее, — сказал он.

Сторож развернул перед нами парашют. Женя вздрогнул. Хотел что-то сказать, но пошатнулся и упал, потеряв сознание.

Я стояла и перебирала седые косы Раи, моего верного друга, боевого товарища, отдавшего жизнь за Родину. Когда она успела поседеть?.. Я не плакала. Сердце мое вновь окаменело.

На похоронах было много цветов. Галя Бурдина и Ира Олькова пилотировали над похоронной процессией. Рабочие мастерских воздвигли над ее могилой памятник...

Мы получили приказ перебазироваться на другой аэродром. Нас ждала боевая работа. Но Раи с нами уже не было.

В моем сердце она жива и сейчас. Когда я писала эти строки, мне казалось, что я снова прошла с ней долголетний путь нашей дружбы.

* * *

После выхода в свет первого издания этой книги я стала получать много писем. Особенно меня взволновало и обрадовало письмо из Клуба юных туристов-следопытов города Кирова, где прошло мое детство и где началась дружба с Раей. Между нами завязалась переписка.

Письма из Кирова говорят о замечательных делах наших пионеров и дополняют мой короткий рассказ о Рае. Вот некоторые выдержки из них:

«...Что касается розыска родных Раисы Васильевны, то мы уже обсудили этот вопрос. Конечно, нам, возможно, потребуется порядочно времени на это дело, но как только мы найдем кого-либо из них; мы сразу же напишем Вам».

«...В городе Зуевке Кировской области проживает родная сестра Раисы Васильевны — Беляева Клавдия Васильевна — заслуженная учительница, награжденная орденом «Знак Почета», работает преподавателем в 38-й железнодорожной школе. Сегодня мы направляем ей письмо и потом сами съездим туда».

«...У нас во Дворце пионеров будет открыт музей пионерской славы города и области, и мы очень рады, что один из стендов музея будет посвящен Раисе Васильевне».

«...О наших замечательных земляках должны знать все, а не только большая армия пионерии нашего города. И не только знать, но и брать

пример, брать все лучшее, все хорошее от наших старших товарищей и, главное, как считаем мы, это горячо, не жалея жизни, любить свою замечательную Родину, и дружить, дружить крепко, по-настоящему, так, как дружили вы с Раей.

Пишем Вам, что мы узнали о замечательной рабочей семье Раисы Васильевны.

Отец — Василий Ильич — железнодорожник.

Мать — Вера Васильевна — растила детей, все они учились в железнодорожной школе № 38.

Когда началась война, старшая сестра Анна и младший брат Анатолий, которому не было девятнадцати лет, ушли добровольно на фронт и погибли, защищая город Ленина.

Брат Николай еще до войны служил в армии и погиб в годы войны. Другой брат, Петр, как и Рая, был летчик-истребитель и пал смертью храбрых. Лишившись почти всех своих детей, мать Раи тяжело заболела и умерла.

Да, мы поняли, почувствовали, что такое война и как много горя принесла она людям».

«...Ждем ответа из Воронежа. Мы написали туда насчет Раиной могилы, в каком она порядке сейчас, и попросили прислать фото и возложить от нас цветы.

Мы постановили — одному из отрядов нашего города, в котором у нас больше всего следопытов, присвоить имя Раи. Конечно, мы пока не знаем, есть ли отряд ее имени в школе, где она училась (об этом мы запросили Клавдию Васильевну), но такой отряд там должен быть обязательно, и если его нет, постараемся, чтобы был...»

В небе фронтовом. 2-е изд. М., 1971. С. 341—353.

Э. ВИНОГРАДСКАЯ

ЛОПАТИНСКИЕ БЕРЕЗКИ

«Мама! Я не погибну. Я не могу погибнуть, ибо твои сыновья бессмертны, как наша Родина, наш великий народ».

Из письма Бориса Лопатина.

Самым большим авторитетом в семье была мать. Она никогда не отчитывала сыновей. Собирала всех четверых и обсуждала с ними, правильно ли поступил Борис или Саша. Она была спокойная и мудрая. А они — горячие, неуемные. Могли до полуночи спорить друг с другом. А мать слушала, поправляла.

Может быть, эти домашние «собрания» и вспоминались Борису, когда он писал братьям с фронта: «Вернемся с войны, устроим семейную конференцию. Пусть каждый доложит, что сделал для разгрома врага!»

Приехав на побывку, Борис взял четыре папиросы и написал на них: Петру, Аркадию, Борису, Александру. Предполагалось раскурить эти папиросы во время «конференции». Но она не состоялась.

Когда закончилась война, домой вернулись трое: Александр, Аркадий и Петр. Мать положила на стол папиросы, которые приготовил Борис. Братья взглянули на них, вздохнули и, не сговариваясь, достали из карманов свои портсигары...

А четыре папиросы хранятся сейчас в музее Бориса Лопатина при первом харьковском интернате.

Как же возник этот музей? В честь двадцатилетия освобождения Харькова от фашистских захватчиков по представлению общественности лучшим школам города присваивались имена героев-освободителей. Школа-интернат № 1 получила имя Бориса Лопатина. Было известно, что он летчик, гвардии капитан, Герой Советского Союза. А еще? Какой он был? Как воевал?

Сперва узнали, что родом он из Куменского района Кировской области. И полетели запросы в районный и областной военкоматы, в краеведческий музей, к односельчанам Бориса. Потом стали прибывать ответные письма. Сейчас в музее хранится свыше 700 документов и реликвий, повествующих о боевом пути героя. Здесь его письма к матери. Курсантские тетради. Контрольные работы с размашистыми красными «пятерками». Записные книжки с разборами полетов. И снова «пятерки», поставленные инструктором. А рядом, рукой самого Бориса, «четверки» и даже «тройки». Он оценивал себя строже...

Война застала Лопатина летчиком-инструктором Таганрогской военной авиашколы. Наконец он добился, чтобы послали на фронт. В боевом полку быстро вошел в строй, стал зрелым летчиком. «Его не страшат ни плохие метеоусловия, ни зенитно-пулеметный огонь противника, ни усталость — ничто», — отзывается о нем командир 667-го штурмового авиаполка майор Рымшин. А в статье «Оборонительный круг ильюшиных» он же рассказывает о тактическом приеме воздушного боя, разработанном Лопатиным.

В наградных листах летчика есть такие записи: достоин правительственной награды — ордена Красной Звезды. Ордена Красного Знамени. Представляется к третьему награждению орденом Красного Знамени... Да, отважно, не щадя жизни, дрался с врагом Лопатин. Сквозь огонь пробиваясь к цели, не раз попадал в переплет. Но благодаря спокойствию, мужеству и отличной технике пилотирования всегда приводил самолет на свой аэродром. Только 27 апреля 1943 года случилось иначе.

В тот день штурмовики наносили удар по вражескому аэродрому. Десять экипажей «ильюшиных», возглавляемых Лопатиным, блестяще выполнили задание, уничтожив 17 и повредив 19 самолетов противника. Но при выходе из атаки в штурмовик ведущего угодил снаряд. Машина загорелась и со снижением пошла к земле. А некоторое время спустя Александра Семеновна Лопатина получила похоронную на сына.

Нет, он не погиб! Его рукой написаны вот эти строки: «Дорогие мои, любимые отец, мать, сестры и племяш! Нахожусь в настоящий момент в

тылу врага в районе Харькова. Был подбит зениткой во время штурмовки аэродрома, занятого врагом. Если придется погибнуть, погибну за Родину честно, как коммунист. Плена не будет. В случае моей гибели это письмо после освобождения пришлет советская патриотка, спасшая мне жизнь, моя вторая сестра — Настя Дрокина. Ее адрес: с. Русские Тишки, Липецкого района, Харьковской области...» Письмо это Анастасия Савельевна Дроки на-Мясоедова прислала матери Бориса в 1945 году.

И вот брат летчика майор в отставке Аркадий Лопатин вместе с педагогами интерната поехали в Русские Тишки. У первого же старожила спросили, не помнит ли он, кто из сельчан во время войны спасал советского летчика.

— Так это ж Настя! — ответил тот сразу. И указал на дальнюю избу у самого леса.

Когда подъехали ближе, заметили пожилую женщину, собиравшую терн. Это была Анастасия Дрокина. Узнав, что прибыл брат Бориса Лопатина, она припала лбом к жесткому борту его шинели и заплакала. Потом, едва совладав с собой, пригласила в дом. С карточки, что была на столе, смотрели знакомые глаза летчика. Как же закончился для него последний боевой полет?

...В тот миг, когда захлебнулся мотор, Борис развернул машину от вражеского аэродрома. Самолет тянуло к земле, с каждой секундой падала высота. Внизу был лес. Чуть подальше — заросшая кустарником поляна, через нее, наискосок, овраг. Неподходящее место для посадки! Но иного выбора не было. На штурмовике, объятом пламенем, вот-вот могли взорваться баки.

Не выпуская шасси, Лопатин посадил машину на фюзеляж. И потом, едва самолет остановился, кинулся к кабине стрелка-радиста. Вытащил раненого друга, взвалил его на плечи, и, только отошел немного, раздался взрыв.

Долго оставаться в лесу было невозможно. Стрелку-радисту требовалась помощь врача. Поздней ночью Борис вышел из лесу. Большое разбросанное село смутно чернело под горой. А здесь, на опушке леса, пустынно. Лишь две одинокие хаты приютились в ложбине между оврагами. Борис осторожно подошел к крайней. Прислушался. Постучал в окно..

«Мы с мамой не спали, — рассказывает Анастасия Савельевна. — Неделю назад фашисты поймали моего брата, офицера, попавшего в окружение. Мучили его в хате, на наших глазах. Потом расстреляли. Горе свалило маму, она никак не могла прийти в себя, все опасалась, что вот-вот вновь ворвутся гитлеровцы. И когда постучали в окно, заметалась, зашептала:

— Настя, это за тобой! Спасайся!

А я говорю:

— Может, кто из наших?

Днем возле самолета крутились полицаи, искали летчиков, но вскоре бросили. Видно, решили, что те погибли при взрыве. Мне же подумалось. «А вдруг...» Теперь же, когда открыла дверь, сразу поняла, что это наш

летчик. Был он русый, крепкий, небольшой ростом, но ладный такой. Комбинезон обгорелый, в клочьях. Спросил:

— Можно к вам?

— А почему же нельзя? — говорю. — Заходите.

Дала ему поесть, достала одежду брата. Он переоделся, потом рассказал о радисте. Решили подождать до утра, а там попытаться доставить его в больницу.

До рассвета мы с Борисом спрятали его вещи, ордена, документы. И он ушел в лес. Через несколько дней вернулся. Печальный, лица на нем нет. Оказалось, в его отсутствие стрелка-радиста подобрали крестьяне. Вскоре по селу разнесся слух, что в тишковской больнице лежит раненый летчик. Что с ним было дальше, не знаю.

Борис то прятался у нас, то уходил в лес. Каждый раз мы уславливались, где встретиться. Если можно было выходить, я оставляла на дереве белую тряпку, если нельзя — красную. Однажды Борис попросил у меня топор и шапку. «Только не кепку, а ушанку, чтобы на ней можно было спать. Хочу, — говорит, — срубить себе избушку в лесу». Ну, я, понятно, догадалась, что он шутит, но ни о чем не спросила. Вернулся он через несколько дней без топора, без ушанки. «Срубил избушку?» Он махнул рукой: «Где там, еле ноги унес». Я поняла, что он пытался перейти линию фронта. Таких попыток было немало. Только перейти к своим все не удавалось. И Борис здесь мстил врагу, как мог. Позже нам стало известно, что это он летчик-партизан, уничтожил офицера-эсэсовца в Ольховом яру, он же подорвал на дамбе немецкую автомашину с боеприпасами.

В село нагрянули эсэсовцы. Остановились в соседней хате. А Борис как раз должен был прийти. Я взяла бутылку с молоком, хлеб, картошку и поспешила в лес, навстречу ему. Выхожу из яра, замечаю, что за мной — два гитлеровца. Я бросила кузовок с едой, а сама давай собирать хворост. Немцы схватили меня, потащили в штаб, стали допрашивать. Ну, все-таки обошлось, отпустили. На другой день снова пошла в лес. Вижу, моего кузовка нет, а бутылка валяется, только молоко выпито. Принесла домой, смотрю, пробка другая, свернута из бумаги. Мой племянник Федя развернул ее и говорит:

— Это записка от Бориса. Он будет ждать тебя на третьей просеке.

Я оделась и пошла...

— Страшно вам было, Анастасия Савельевна? Если б узнали, что укрываете летчика...

Она задумалась, ответила негромко:

— Когда убивали брата, было страшнее. А с Борисом... Я про это не думала. Наш ведь человек, вот и прятали. На то война...

Фронт подходил все ближе к Русским Тишкам. И как только в лесу появились первые советские разведчики, Борис ушел вместе с ними. Дальнейшая судьба выясняется из этих строк: «Тяжело переживали в полку утрату лучшего воздушного бойца. Все попытки разыскать его оказались безуспешными. На самолетах появились надписи: «Отомстим за Бориса Лопатина». И вот как-то солнечным весенним днем на аэродроме приземлился самолет.

Из кабины вышел стройный, молодой офицер, голубоглазый, светловолосый. Знакомые черты лица стали резче. Смотрим, и не верится: Борис! Теперь он снова в строю и беспощадно мстит фашистским извергам за свои страдания и страдания нашей матери-Родины». Так писал парторг подразделения Журавлев родным Бориса Лопатина, рассказывая о возвращении летчика в полк.

Его машину подбивали пять раз. Но не было случая, чтобы он оставил самолет. О его мужестве ходили легенды. А сам он был предельно скромен, этот прославленный летчик, совершивший 300 боевых вылетов, сбивший два фашистских «мессершмитта». Даже в письмах нет намека на свои боевые заслуги. Впрочем, нет, однажды пришлось написать об этом: слишком уж одолел его бесконечными просьбами племянник Колька. Борис так и начинает письмо: «Здравствуй, надоедливая душа!..»

В апреле 1944 года Борис пишет брату Аркадию: «Парю в небе Бессарабии и Румынии. Бью фашистскую мразь... Прошу писать, не лениться и готовиться к семейной пресс-конференции. Дело близится к развязке».

Только не суждено было ему дожить до светлого праздника победы. Через две недели он погиб в воздушном бою под Яссами, выполняя особое задание командующего фронтом. Ему шел двадцать четвертый год. 1 июля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии капитану Борису Васильевичу Лопатину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сейчас в семье Лопатиных растут три тезки летчика: Борис Аркадьевич, Борис Александрович и Борис Николаевич — сын того самого Кольки, «надоедливой души».

Есть возле школы молодой фруктовый сад. Деревья здесь разные — яблони, груши, сливы. И есть на интернатской усадьбе небольшой сквер, в котором почти сплошь березки: аллеи белокорых саженцев со смешными прутиками-ветками. И лишь кое-где примостились пушистые коротенькие елочки.

Сквер этот зовут лопатинским. Когда спрашиваешь, почему в нем только березки да елочки, отвечают: «Лопатин ведь был северянин, он любил березы и ели...»

— У нас теперь все лопатинское, — сказал мне старший воспитатель интерната, он же языковед, Иван Михайлович Середа. — Ребята без конца рисуют горящий самолет, встречу с Дрокиной, Лопатина-партизана. У преподавателей, от физика до математика, примеры сплошь из лопатинской жизни. У меня весь синтаксис по Лопатину.

К открытию музея все готовились, как к большому празднику. И вот, наконец, торжественные звуки горна, проход знаменосцев с огненно-алым знаменем. Аркадий Васильевич Лопатин перерезал ленточку. В музей шагнули первые экскурсанты.

Вечером в интернате были именины. За длинным столом сидели офицеры-фронтовики, орденоносцы Аркадий и Александр Лопатины, Анастасия Савельевна Дрокина-Мясоедова, бывший военный летчик, ныне директор интерната Михаил Макарович Косец, педагоги. А в центре просторного зала 29 смущенных и сияющих именинников с памятными

бантиками на груди После ужина ребята стали готовиться ко сну, а мы вернулись в музей.

Вдруг дверь тихонько отворилась, вошла нестройная группа младшеклассников и замерла возле первого стенда. Им только наставительно сказали: «Ничего не трогайте руками», — и продолжали свой, взрослый разговор. А они стояли по двое, по трое и, не отрывая глаз, смотрели на шлем, планшет, карту боевых полетов.

И, глядя на этих серьезных, раскрасневшихся малышей, пришедших перед сном к боевым реликвиям летчика-героя, я поняла главное. Здесь, в этой школе, не только музей Лопатина. Здесь его дом. Дом, из которого навсегда ушел близкий человек, но где его всегда будут любить, помнить. И равняться на него.

Герои и подвиги. Кн. 3. М., 1965. С. 108—114.

В. УХОВ

В НЕБЕ НАД САНДОМИРОМ

Исполнилось 50 лет Висло-Одерской операции. Она началась в Польше на Висле, а закончилась в Германии на реке Нейсе — притоке Одера. Проводилась она одновременно 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами. Мне, тогда молодому летчику-штурмовику, довелось участвовать в этой операции в составе 2-й Воздушной армии под командованием С. А. Красовского.

Наша 5-я Гвардейская дивизия поддерживала войска правого фланга фронта. Наступление началось со знаменитого в то время Сандомирского плацдарма, который был захвачен нашими войсками в августе 1944 года при завершении львовской операции. Пять месяцев наша дивизия помогала наземным войскам удерживать этот плацдарм. Бои на этом плацдарме вошли незабываемыми эпизодами, победами и тяжелыми потерями в биографию нашего 95-го гвардейского полка и мою тоже.

Наступление 1-го Украинского фронта, которым командовал наш земляк Маршал Конев, началось 12 января 1945 года, а планировалось оно на 20 января. Но наше Верховное командование, идя навстречу просьбам союзников, и, в частности, Черчилля, ускорило наступление, чтобы облегчить положение союзнических войск под Арденнами, где они в то время терпели поражение от немецко-фашистских войск. Нам же это обошлось намного дороже, чем могло быть. Дело в том, что наступление планировалось на период хорошей погоды, чтобы полнее использовать нашу авиацию для поддержки войск в условиях господства в воздухе, которое в то время уже прочно было завоевано. В день же наступления погода была пасмурная, при низкой облачности, что очень ограничивало возможности нашей авиации, особенно бомбардировщиков. Поэтому вся тяжесть легла на нас, штурмовиков, ибо самолет ИЛ-2, имея бронированный корпус, был менее уязвим на низких высотах.

В условиях хорошей погоды бомбометание планировалось производить с пикирования, поэтому все бомбы были снаряжены

взрывателями мгновенного действия, а бросать их пришлось с пологого планирования на высоте 100—150 метров. В результате некоторые наши самолеты были поражены осколками своих бомб. По этой причине на моих глазах погиб мой друг Вася Лодянов.

Невзирая на трудности, наступление развивалось успешно. Уже 14 января был взят крупный город Кельцы. Однако немцы, используя погодные условия и малую активность нашей авиации, мощным танковым ударом с севера 15 января выбили наши войска из этого города. 16 января прояснилось, и наша разведка донесла, что к г. Кельцы с севера движется колонна немецких танков. Около 14 часов наша эскадрилья вылетела двумя группами по 6 самолетов с задачей уничтожить танки севернее г. Кельцы.

Я летел в первой группе, которую вел командир эскадрильи майор Н. И. Дектярь. Мы нашли эти танки и, двигаясь вдоль дороги с севера на юг, нанесли удары по двум колоннам специальными противотанковыми бомбами. Около 10 танков загорелось, на дороге образовался затор. При подходе к г. Кельцы была обнаружена еще одна группа танков, которая производила заправку горючим. Мы атаковали их пушечным и пулеметным огнем. Цистерна взорвалась, и несколько танков запылали.

При выходе из атаки я заметил, что летящий впереди справа самолет Бориса Кремнева вдруг перевернулся, у него оторвалось правое крыло, и он взорвался при ударе о землю. В тот же момент я увидел вспышку на одном из холмов, окружавших город, и почувствовал удар в передней части самолета. Кабина наполнилась горячими парами антифриза и дыма, мотор загорелся. Оказалось, это стреляли бронебойными снарядами танки, расположенные на холмах.

Не видя ничего впереди сквозь запотевшие стекла и дым, я смотрел через левую форточку, стараясь удержать теряющий скорость самолет, и видел только мелькающие из-под крыла верхушки хвойных деревьев. Наконец самолет ударился о землю, развернулся на 180 градусов и затих. При ударе я получил серьезные травмы, а предупрежденный мною стрелок Иван Смолев принял соответствующие меры и не пострадал. Упали мы, как оказалось, примерно в двухстах метрах от немцев, у подножья холма, на позиции наших противотанковых орудий.

Вот таким образом я попал в расположение наших наземных войск и впервые увидел войну не с воздуха, а с земли. По нам стали стрелять из крупнокалиберного пулемета и минометов, наши артиллеристы помогли нам добраться до дороги, а затем и до полевого госпиталя, где мне оказали первую помощь.

Вот тут я впервые увидел самую, наверное, неприятную сторону войны. Вокруг большой палатки, где разместилась операционная, лежали прямо на снегу в двадцатиградусный мороз человек 150—200 тяжелораненых. Кругом раздавались стоны и крики, рядом с живыми лежали уже умершие.

Все увиденное мною в этом госпитале стало, пожалуй, самым сильным моим впечатлением за два года жизни на войне.

И вот что еще произвело на меня неизгладимое впечатление. Когда мы со стрелком ехали на попутных машинах по плацдарму к городу Сандомиру, то видели, что все леса буквально забиты нашими войсками и

военной техникой. Это были резервы фронта, предназначенные для развития успеха и выполнения последующих задач фронта. Мы испытали огромное чувство гордости за нашу страну, благодарность нашему тылу, создавшему всю эту технику, и обрели уверенность в скорой и окончательной победе над фашизмом.

Переночевав в Сандомире, мы на другой день добрались до штаба корпуса, где узнали, что находимся в списках погибших. Оказалось, что наше падение в горящем самолете выглядело столь эффектно, что никто не мог представить нас после этого живыми. К вечеру следующего дня нас на самолете ПО-2 привезли на наш аэродром, где мне довелось своими глазами увидеть похоронку на себя. Хорошо, что ее не успели отправить.

Вечером же состоялась радостная встреча с однополчанами, а на другой день меня на самолете отвезли в госпиталь, где я лечился целый месяц, после чего снова вернулся в строй и закончил войну боями за взятие Берлина и освобождение Праги 8 мая 1945 года.

Д. ОНОХИН

МЫ НА ОДЕРЕ

Снявшись из-под Штеттина, мы двинулись по правому берегу Одера вверх по течению. На пути встретилось много деревень, но две из них — Одер-Гебра и Нидер-Гебра, расположенные рядом, запомнились мне больше других.

Жителей в них не было. Мы зашли в один из пустующих домов и расположились на ночлег. Время было позднее, наступали сумерки. Я поднял голову, осматривая потолок, и заметил исправные электролампочки.

— А ну, Макар Иванович, включи-ка свет на полную! — в шутку сказал я своему товарищу.

— Да ты что? Какой свет на войне?! — с удивлением ответил Волокитин, но все же поднялся со стула и нажал на кнопку выключателя. И в тот же миг, неожиданно для всех, ярко вспыхнула электролампочка!

Рано утром, выйдя на деревенскую улицу, мы увидели, что на конце деревни, у крайнего дома, на столбе горела лампочка. И тут все разъяснилось. К нам из-за крайнего дома подошли два старика немца. Они рассказали, что хозяин электростанции сбежал при приближении русских и наказал им взорвать все машины. Пусть ничего русским не достанется. А старики, они как раз работали на электростанции, решили, что свет нужен русским, и пустили станцию. В конце один добавил:

— А хозяин — пусть и след его остынет.

Вот ведь какие дела иногда случались...

В местечке Кенигсберг (так называлась деревня) с высокого берега был хорошо виден разлившийся Одер. Дамба на восточном берегу предохраняла от затопления пойменную часть земель. Но теперь она в некоторых местах была разбита, и вода затопила пойму. Над водой виднелись кое-где крыши домов.

Короткая передышка, и мы получили приказ форсировать Одер в районе канала Хохен-Хинов, находившегося в руках немцев (здесь была крупная база по ремонту судов).

В батальонах закипела работа: плоты, лодки готовили на трех маленьких лесных озерах. Бревна по четыре-пять штук соединяли шпонами вместе. Получался легкий плот. Из досок сшивали лодки, а затем каждый боец учился быстро подтягивать средства переправы к реке, спускать их на воду. Бойцы объединялись в расчеты по пять-семь человек. У каждого расчета был станковый или ручной пулемет. Расчеты объединялись в группу переправы. С каждой группой находился командир роты с рацией.

Здесь же, на озерах, сосредоточились и основные силы, готовящиеся к переправе. На дамбе же находилось только боевое охранение, наблюдательные пункты, огневые точки минометов и полковой артиллерии. Тут же были сосредоточены станковые пулеметы для ведения огня по зоне противника.

После тренировочных занятий командир дивизии отдал приказ форсировать реку. Ночью на исходные рубежи вышли два стрелковых батальона. Заняли огневые позиции и артиллеристы, которые провели тщательное наблюдение за противником и выявили его огневые точки.

Надо сказать, что задача предстояла сложная и ответственная: ведь ширина Одера в месте форсирования была два-три километра. Чтобы исключить риск, вначале было решено произвести разведку. Семнадцатого апреля 1945 года перед рассветом бойцы перетащили через дамбу четыре лодки, которые сразу же направились на другой берег...

Вначале все шло гладко. Но пройдя одну треть пути, лодки стали садиться на мель, и бойцы то и дело вынуждены были прыгать в ледяную воду, чтобы столкнуть лодку с мели. Противник открыл интенсивный огонь из пулеметов и орудий. Разведчикам было приказано повернуть обратно.

Командир дивизии генерал Владимиров, находившийся в это время на дамбе на наблюдательном пункте 1971-го стрелкового полка, временно отменил форсирование. Но не пришлось нам форсировать Одер и в дальнейшем: в этот день было получено сообщение, что наш левый сосед, удачно использовав плавающие танки, форсировал Одер. К утру следующего дня на месте прорыва был наведен понтонный мост. Все части направлялись туда. Когда мы подъехали, мост был уже разбит авиацией противника. Армейские саперы быстро восстановили его, а химики поставили дымовую завесу. Шли мы по этому мосту в дыму. Дышать было трудно, но немцы уже бросали бомбы мимо...

Войска нашего соединения, перешедшие Одер, завязали бои на левом берегу в районе канала Хохен-Хинов. К концу дня сопротивление противника было сломлено и началось преследование его вдоль правого берега канала. Дома стояли здесь разбитые, но нас поразило то, что местное население оставалось на местах. Наверное, сыграло свою роль обращение Советского правительства к немецкому населению, которое призывало немецких граждан оставаться на своих местах и гарантировало безопасность.

К вечеру второго дня мы полностью овладели каналом Хохен-Хинов, длина которого была около тридцати километров. Солдаты немецких

подразделений бросали оружие и разбегались, переодеваясь в гражданскую форму.

Дивизия продолжала развивать наступление в глубь Германии и без особых усилий взяла города Ной-Рупен и Альт-Рупен. В первый мы вошли ночью, а вторым овладели на следующий день. Города не были разрушены, население оставалось на местах. Я заглянул в один из домов и от неожиданности ахнул: в обширной палате было человек семьдесят раненых немецких солдат. Немцы были так ошеломлены моим появлением, что, вытянув шеи, изумленно, молча смотрели на советского солдата. Я вышел, и когда минут через десять вернулся с товарищами, половина фашистов уже разбежалась...

В эту ночь, проведенную в Ной-Рупине, я долго не мог уснуть. Я думал о том, что гитлеровцы дрожат в своем логове не меньше, чем когда-то в оккупированных районах нашей страны. Тогда они были далеко от своей родины и считали, что Германия никогда не будет полем боя и в случае беды они всегда могут укрыться у себя дома. Теперь же страх перед возмездием вытеснил у них все другие чувства, и они не знали покоя. Хотя армия у фашистов была еще сильна, но они уже не верили в свои силы. Мечты о победе над Россией давно не тешили гитлеровских вояк. Бывшие союзники немцев отворачивались от них: давно разорвали союз с Германией Финляндия, Венгрия, вышвырнули фашистов румыны и болгары. Фашистская Германия осталась в одиночестве, изолированная, всеми презираемая, униженная. А Советская Армия, о которой фашисты кричали, что она разбита, пришла на Одер.

Онохин Д. Ф. От Вятки до Эльбы: Зап. воен. корреспондента. Горький, 1975. С. 209—213.

Л. РЕШЕТНИКОВ

В АПРЕЛЕ СОРОК ПЯТОГО

В Альпах крутых притомились солдаты.
Спят у дороги,
Колдует луна.
Диски — в подсумках, в карманах —
гранаты;
Много прошли, а живуча война.

Спит, распростершись широко на сене,
Старый служака, ровесник полку.
Спит, к подбородку притиснув колени,
Воин-подросток — ладонь под щеку.

А между ними,
Под елью на склоне,
В капельных блестках холодной росы,
Девушка спит. На пилотке зеленой
Блещет звезда над короной косы...

Ах, дорогие, родные вы люди,
Сколько вам встретилось бед на пути!
Сколько вас убыло, сколько убудет,
Сколько еще под огнем вам идти!

Альпы высокие, горы чужие,
Родина-мать из-за вас не видна!
Спит батальон. Но не спят часовые.
Смотрит на землю большая луна.

Тлеет рассвет, словно угли под пеплом.
Ветер вздохнул и раздул угольки.
Утро, начавшись, еще не окрепло,
Но заблестели во мраке штыки...

Что же, усилия наши — недаром,
Сбили подковки не зря с каблуков,
Вижу — встает над земным полушарьем
Солнце, сверкая на гранях штыков.

Апрель 1945 — май 1955.

Вспок Славы. Т. 10. Освобождение Европы. М., 1986. С. 537.

Б. ПОЛЕВОЙ

КЛЕЩИ

Однажды, рассказывая мне, как наши войска взяли засевшего в городе Калинине противника в клещи, Конев обронил фразу:

— Мы оставили ему единственный выход из города — в направлении на запад. Мы заставили его уйти, можно сказать, вытащили его из города.

— А почему оставили выход? — спросил я. — Зачем нужно было выпускать противника из города?

— Если бы выхода не было и ему некуда было уйти, он дрался бы за каждую улицу, за каждый дом, и ничего от города не осталось бы. Ясно я выразился? Уличные бои дают все преимущества обороняющимся, а в наступлении легче бить врага в полевых условиях, так сказать, наступая ему на пятки, не давая ему остановиться, задержаться.

Признаюсь, что мне, тогда еще недостаточно опытному военному журналисту, эта мысль показалась спорной. Потом я имел возможность наблюдать операции 1-го и 2-го Украинского фронтов и убедился, что, создавая для неприятеля такие ситуации, Конев тем самым очень умело бережет живую силу и по возможности сохраняет города от неизбежного разрушения в затяжных уличных боях.

Сколько было на войне случаев, когда большие, даже огромные массы войск, ввязавшись в длительные уличные бои, теряли свой боевой

порыв и надолго застревали на месте, так как им приходилось «вылущивать» маленькие гарнизоны, засевшие в домах и превращавшие любой подвал кирпичного здания в стойкий и живучий дот. И эта борьба наносила атакующим серьезные потери.

Коневу удалось избежать затяжных уличных боев в битвах за Харьков, за Полтаву, за Кировоград и, наконец, особенно эффективно за Краков. В Кракове располагался большой немецкий гарнизон. Каждая из средневековых построек могла представить собой мощное укрепление. Да к тому же в центре города, на холме, господствующем над окрестностью, была каменная крепость Вавель, стены которой вряд ли мог взять и тяжелый снаряд. Этот красавец город, древняя столица Польши, бывшая резиденция польских королей, каждая улица которого — уникальный архитектурный памятник, сохранен именно потому, что брали его в результате быстрого полуохвата. Угроза окружения парализовала решимость вражеского гарнизона, и он начал поспешно отступать в юго-западном направлении, где еще оставался свободным выход из города.

Очень результативным этот метод оказался и в операции по захвату огромного индустриального района Верхней Силезии, который Гитлер в своих приказах именовал «вторым Руром Германии» и обороне которого он придавал исключительное значение. Однажды в дни наступления в Верхней Силезии мне в необычных условиях удалось поговорить на эту тему с командующим танковой армией, тогда еще генералом, Павлом Семеновичем Рыбалко — одним из выдающихся танковых военачальников Великой Отечественной войны.

Я догнал его на подступах к первому из городов Силезского бассейна. Передовая танковая бригада как раз развернулась, штурмуя укрепления, воздвигнутые вокруг города. Наблюдательный пункт командарма находился на пологом холме, господствующем над окрестностями. Город, пригород и примыкавшие к нему огороды можно было видеть с холма невооруженным глазом. Сам же наблюдательный пункт представлял собой группу из двух танков и нескольких бронетранспортеров; возле них стоял раскладной алюминиевый столик и такой же стул, на котором в темном комбинезоне и сидел командарм, отличавшийся от своих танкистов разве что высокой папахой.

Подошел к нему. Показал телеграфный приказ моего начальства из газеты «Правда» генерала Галактионова — взять у генерала Рыбалко интервью о новой наступательной операции его армии. Генерал прочел телеграмму и нетерпеливо повернулся ко мне.

— Ну, задавайте ваши вопросы скорее. — При этом он смотрел не на меня, а на поле, где горели два его танка. — Медицина, где, к черту, медицина? Медицину на поле... Чем я занят? Начинаю атаку Силезского района... Точнее, охват. Еще точнее, обходной маневр. Полагаю, полного окружения бассейна не будет, оставим, вероятно, горловину. Для чего? Для ухода противника. Нет-нет, вы не ослышались, для ухода противника. Звучит это, может быть, несколько странно, но командование фронтом, право, задумало операцию именно так. Что осталось бы от красавца Кракова, если бы немец не мог уйти в приготовленную для него брешь? Камни. Только камни. Вы ведь Краков видели после освобождения — почти целехонек. А Силезия — это сгусток промышленных городов. Шахты,

бетонные корпуса заводов, стены в метр толщиной. И так сплошь, на десятки километров. Гляньте на карту. Да что карта, вон он, город, смотрите. Перед нами. Для спасения Силезского бассейна командующий приказал мне его не окружать, а охватывать и неожиданно повернул мою армию на Ратибор. Это чертовски трудно было — сделать такой маневр. Но видите, сделали.

Командарм помолчал. Отдал несколько отрывистых приказов.

— Вы убеждены, что Силезский бассейн будет взят быстро и малой кровью? Вы в это верите?

— Что такое «верю — не верю»? Не военный разговор. Приказано взять — возьмем. Ясно, что маршал затеял тут в оперативном смысле очень интересный маневр. А раз задумал — доведет до конца. Всегда так бывало. Ну, желаю здравствовать. Кланяйтесь Москве.

Операция по взятию Силезского бассейна, как теперь уже широко известно из военной истории, была осуществлена быстро, даже быстрее намеченных планом сроков, и весь этот сгусток заводов, фабрик, шахт остался почти целым, он взят был ценою минимальных потерь в людях и технике.

Так оправдывала себя тактика охватов, клещей, широко применявшаяся командованием на всем протяжении от Днепра до Одера.

Полевой Б. Н. Полководец: Биогр. повесть. М., 1976. С. 92—94.

И. КОНЕВ

СОРОК ПЯТЫЙ

9 мая

Прежде чем говорить о событиях этого дня, скажу несколько слов о Пражском восстании. Сейчас, через двадцать с лишним лет после войны, события, связанные с этим героическим восстанием, широко известны; они описаны в различных статьях и специальных книгах.

У восстания были свои особенности и противоречия; в нем участвовали различные социальные силы. Восстание усугубило и без того критическое положение немецких войск в Чехословакии. Ведя с восставшими кровавую борьбу, фашистские власти и немецкое командование в то же время маневрировали, искали выгодных для себя обходных путей. Чтобы выиграть время, шли на переговоры, а на последнем этапе соглашались даже на разоружение своих войск с условием, чтобы их пропустили через Прагу вооруженными и разоружили только за ее пределами.

Среди руководителей Пражского восстания были люди, по-разному относившиеся к этим предложениям. И трудно сказать, чем бы все это кончилось, может быть, еще одним жестоким кровопролитием, которое учинили якобы готовые разоружаться, но пока еще вооруженные фашистские войска.

Сейчас гадать об этом не приходится, потому что весь этот сложный узел был разрублен нашими танкистами, ворвавшимися в три часа утра 9 мая на улицы Праги. К этому моменту в различных районах Праги еще продолжались кровавые столкновения между участниками восстания и эсэсовцами. И в то время, как на одних улицах наших танкистов встречало торжествующее пражское население, на других, особенно окраинных, танковые экипажи вынуждены были с ходу вступать в бой и выбивать из Праги сопротивлявшихся фашистов.

Когда я бываю на Ольшанском кладбище в Праге, где покоится прах наших солдат и офицеров, погибших в дни Пражской операции, я с горестным чувством читаю на надгробьях украшенных цветами могил дату «9 мая». В сущности, война уже кончилась, а эти люди погибли здесь, на пражских окраинах, когда вся наша страна уже праздновала победу, погибли в последних схватках с врагами, бесстрашно доводя до конца начатое дело.

Я не стану анализировать ход Пражского восстания во всех его сложных перипетиях. Скажу лишь о том, что было в нем самым главным, — всенародный взрыв негодования против фашистских захватчиков, стремление взять в руки оружие, любой ценой помочь скорейшей победе над фашизмом, не считаясь при этом ни с опасностью, ни с жертвами. В этом — героическая суть восстания.

И тогда, двадцать лет назад, мы, издалека прорываясь к Праге, чтобы спасти ее от фашистов, чувствовали это и стремительно двигались на помощь восставшим пражанам. Ведь по собственному опыту мы достаточно хорошо знали, на какие кровавые злодеяния способны фашисты всюду, где сила оказывается на их стороне.

У нас была острая тревога за Прагу, острое желание как можно скорее прийти на помощь своим братьям, прежде чем фашисты, использовав преимущество в силах, успеют расправиться с ними. Это чувство было у нас всеобщим. Оно владело и мной, командующим фронтом, и рядовыми танкистами из армий Рыбалко и Лелюшенко, которым, чтобы утром ворваться в Прагу, пришлось совершить в ночь на 9 мая неимоверный по темпам восьмидесятикилометровый бросок. К Праге стремились, и каждый из нас сделал все, что было в человеческих возможностях. Но ради исторической справедливости хочу перечислить части, первыми достигшие Праги, в той последовательности, в какой это происходило.

Первыми ворвались в город с северо-запада танки 10-го гвардейского уральского добровольческого корпуса (командир генерал-лейтенант Е. Е. Белов) армии Д. Д. Лелюшенко. Почти сразу же вслед за ними с севера в Прагу вступили танкисты 9-го мехкорпуса (командир генерал-лейтенант И. П. Сухов) армии П. С. Рыбалко. А всего через несколько часов на пражских окраинах уже появились передовые части 13-й и 3-й гвардейской общевойсковых армий. Войска 5-й гвардейской армии своими главными силами ликвидировали группировку врага северо-восточнее Праги, и ее передовой отряд тоже вышел на северную окраину Праги. К десяти утра Прага была полностью занята и очищена от противника войсками 1-го Украинского фронта.

А в тринадцать часов навстречу нам вышли войска 2-го Украинского фронта. Это были головные части 6-й танковой армии генерала

А. Г. Кравченко. Встретились они в тридцати пяти километрах юго-восточнее Праги с частями 4-й гвардейской танковой армии Лелюшенко.

Подвижная группа 4-го Украинского фронта, стремительно преследуя отходящего врага, к восемнадцати часам 9 мая также достигла Праги своими основными силами.

Кольцо вокруг отказавшейся сложить оружие чехословацкой группировки гитлеровцев было замкнуто. В этом очередном и теперь уже последнем гигантском котле оказалось более полумиллиона солдат и офицеров из дезорганизованных и потерявших управление войск группы армий Шернера. Теперь им не оставалось ничего другого, как сдаться, хотя отдельные стычки с фашистами, не желавшими складывать оружие, продолжались в разных местах еще почти неделю.

Кстати сказать, в течение этой недели был схвачен нами и изменник Родины Власов. Случилось это в сорока километрах юго-восточнее Пльзеня. Войсками 25-го отдельного танкового корпуса генерала Фоминых была пленена власовская дивизия генерала Буйниченко. Когда танкисты стали разоружать ее, то выяснилось, что в одной из легковых машин сидит закутанный в два одеяла Власов. Обнаружить предателя помог его собственный шофер. Танкисты вместе с этим шофером вытащили прятавшегося Власова из-под одеял, погрузили на танк и тут же отправили прямо в штаб 13-й армии. Жалкий конец, вполне закономерно венчающий всю карьеру этого отщепенца!

Из штаба 13-й армии Власова доставили ко мне на командный пункт. Я распорядился, не теряя времени, отправить его сразу в Москву. Решительными действиями, которые потребовались для бескровного и быстрого пленения Власовской дивизии, непосредственно руководил командир 162-й танковой бригады полковник И. П. Мищенко. А самого Власова захватил командир мотострелкового батальона этой бригады капитан М. И. Якушев...

...Возвращаюсь к рассказу о дне 9 мая.

О том, что танкисты Лелюшенко и Рыбалко в Праге, я узнал вскоре после того, как они вступили туда. Мы получили почти одновременно коротенькие донесения на этот счет и от начальника оперативного отдела штаба Рыбалко и от Маландина из 13-й армии. Но вдруг, как назло, проводная связь со штабами армий, освобождавших Прагу, прервалась. В течение многих часов связисты, как ни бились, не могли соединиться ни с армией Лелюшенко, с которой до этого держали очень хорошую связь, ни с армией Рыбалко, ни с армией Гордова. С 13-й армией, с Маландиным, связь была, но зато сам он никак не мог связаться со своими передовыми частями.

Все это беспокоило меня, хотя я и был уверен в благоприятном развитии дальнейших событий и уже имел первые данные об освобождении Праги. Однако одних предварительных данных было недостаточно для того, чтобы докладывать в Ставку.

После того, как связь прервалась, можно было, конечно, попытаться запросить штабы по радио открытым текстом, но этого не хотелось делать. Да и довольно солидное расстояние плюс горы не гарантировали успеха.

Тогда я направил самолет из эскадрильи связи штаба фронта. Рас-

считал по времени. Во всяком случае, через два часа он должен вернуться. Но прошло три часа, а самолета нет. Пришлось звонить в 13-ю армию и брать в оборот Маландина. Тот ответил, что послал в Прагу машину с несколькими офицерами, но докладов от них еще нет. Я приказал ему продублировать эту попытку, направить офицеров связи в Прагу на самолетах.

Время шло, а самолеты не возвращались, и новых донесений по-прежнему не было. Я послал еще одного офицера из оперативного управления штаба фронта на самолете связи и одновременно приказал Красовскому поднять группу боевых самолетов и поручить летчикам с малых высот выяснить обстановку в Праге. После их возвращения мы узнали, что в городе никаких боевых действий уже не наблюдается, а на улицах толпы народу.

Что Прага освобождена, было ясно, но ни одного вразумительного доклада ни от одного из командующих армиями так и не было.

Как выяснилось потом, причиной тому было ликование пражан. На улицах шли сплошные демонстрации. При появлении советского офицера его немедленно брали в дружеский полон, начинали обнимать, целовать, качать. Один за другим попали все мои офицеры связи в окружение — поцелуи, угощения, цветы...

Потом в этих же дружеских объятьях один за другим оказались и старшие начальники — и Лелюшенко, и Рыбалко, и подъехавший вслед за ними Гордов. Никому из них не удавалось выбраться из Праги на свои командные пункты, к своим узлам связи и подробно доложить обстановку.

Ко мне поступали время от времени сообщения по радио, но все они были, я бы сказал, уж чересчур краткими: «Прага взята», «Прага взята», «Прага взята»... А мне необходимо было доложить Верховному Главнокомандующему не только то, что Прага взята, но и при каких обстоятельствах взята, какое сопротивление было встречено и где. Есть или уже нет организованного противника, а если есть, то в каком направлении он отходит.

Словом, день освобождения Праги был для меня очень беспокойным. Пропадали офицеры связи, пропадали командиры бригад и корпусов — все пропадали! Вот что значит и до чего доводит народное ликование!

Впоследствии меня не раз, в особенности по случаю торжественных годовщин, спрашивали, каким был для меня последний день войны, какими были мои переживания в связи с последней операцией войны. Как видите, вопрос не такой уж простой!

Из-за торжественной встречи наших войск в Праге, которая вызвала перебои в связи, я фактически задержал на несколько часов обнародование приказа Верховного Главнокомандующего об освобождении Праги. Я нажимал на своих подчиненных, требовал подробных донесений, а в это время из Москвы беспрерывные звонки: «Послушайте, ведь сегодня должен быть окончательный салют в честь полной победы! Где же ваше донесение? Где вы там? Что у вас там? Уже давно подписана всеобщая капитуляция, а от вас еще ничего нет».

Начальник Генерального штаба по крайней мере раз десять звонил мне, требуя окончательных донесений, а я и сам не имел их и все оттягивал и оттягивал срок доклада. И только получив наконец удовлетворяющие меня

сведения, уточнив их, составил свое донесение. В нем указывалось, что в девять часов утра Прага была полностью освобождена и очищена от противника. Хотя, повторяю, первые наши танки вошли туда в три часа ночи...

Конев И. С. Сорок пятый. М., 1970. С. 260—265.

О. ЛЮБОВИКОВ

НАДЕЖНО

Расшатаны бревна наката.
Снаряды терзают угор.
«Как вятские служат ребята?» —
Подбросил вопрос военкор.
И Конев, припомнив, возможно,
Как насмерть стояли полки:
«Надежно, — ответил, — надежно
Воюют мои земляки».
В победном году сорок пятом
О сем написал военкор
Не в пику рязанским ребятам,
Сибирским парням не в укор.
Не лучше других и не хуже
В окрестностях Вятки-реки
Надежно Отечеству служат
И ныне его земляки.
Привычно, коль в марте метельно,
Тревожно, как август угрюм.
Не просто живется Лодейно.
Печально дряхлеет Уржум.
Но, помня былую отвагу,
Сегодня на тропках крутых
Не сбиться, во-первых бы, с шагу,
Не впасть в болтовню, во-вторых.
И самую главную должность —
Зовется она — Человек —
Надежно, надежно, надежно
Исполнить в отпущенный век.

Любовиков О. М. Остриё: Кн. поэзии. Киров, 1994. С. 57.

В. СУББОТИН

СЕРОЕ ЗДАНИЕ

Когда наступил рассвет, все, кто был в доме Гиммлера, подошли к окнам, надеясь увидеть рейхстаг. Но ничего не увидели: мешало какое-то здание.

Неустроев тоже глядел из-за подоконника. (Окно в подвале было высоко). Он видел немногое. Справа — деревья парка, еще голые, темные. Тянет апрельской влагой, прошлогодним прелым листом. Слева виден ров. Еще не совсем рассеялся туман. С крыши капает... Неустроев увидел и это четырехугольное невысокое здание, также прикрытое деревьями. Здание ему показалось не очень большим. Правда, над ним купол и башни по бокам, но ничего особенного оно собою не представляет.

Бойцы, столпившиеся тут же, были озадачены. Там, где ждали увидеть рейхстаг, никакого рейхстага не было.

Но другой комбат — Давыдов — сказал, что из подвала плохо видно, и повел командиров наверх. Осмотреться. Оттуда им яснее будет, как действовать дальше.

Они поднялись повыше на два этажа и стояли, прячась за косяк. От Шпрее еще наползал туман. Насквозь промокший парк был пуст. И было тихо. И тут увидели, то, чего раньше не могли рассмотреть, — увидели, что площадь вся изрыта траншеями... Увидели бронеколпаки на углах, танки. В глубине парка — самоходки. Афишная тумба. Еще какое-то сооружение, похожее на трансформаторную будку, вероятно, укрепленное. Кроме рва, впереди был еще и канал, заполненный водой. Да и это здание с башнями отсюда, с высоты, выглядело внушительнее, не то, что из подвала, когда первый этаж был скрыт...

Прибежал связной. Неустроева вызывали. Комдив Шатилов запрашивал, почему он не наступает.

«Товарищ «семьдесят семь»! Мешает серое здание».

«Постой, постой... Какое здание?»

«Прямо перед нами! Буду обходить справа».

Неустроев, лежавший у телефона в углу подвала, и комдив у себя на НП, в Моабите, оба склонились над картой...

Пришел командир полка. Зинченко. Он разместил свой штаб за рекой — рядом со швейцарским посольством.

«Что тебе мешает? Давай карту». Они вымеряли и прикидывали. Мост Мольтке... Шпрее... Дом Гиммлера...

«Неустроев! Да это — рейхстаг».

А ему и в голову не приходило, что это четырехугольное серое здание, этот дом перед окнами (до него так близко!) и есть тот рейхстаг, к которому они стремятся. А ему казалось, что до рейхстага еще надо идти да идти.

Над ребристым его куполом была площадка, и на ней — шпиль. Перед фасадом — густые, готовые вот-вот распуститься деревья — не обломанные и не обожженные...

Но видели это лишь немногие, и лишь этим ранним утром. Через час началась артподготовка, по рейхстагу ударили «катюши» и орудия — дальние и прямой наводки, и он мгновенно стал таким, каким у нас его знают по снимкам, появившимся после войны.

НЕМНОГИЕ ЗНАЮТ...

Немногие знают: после того как мы водрузили знамя на рейхстаге, бои в рейхстаге шли еще два дня и две ночи.

Полторы тысячи немцев, уже в дни штурма Берлина переброшенные сюда с Балтики, засели в подвалах рейхстага. Они забрасывали нас фаустами. Этого сильного реактивного оружия в подвалах у них было много. Но когда стало ясно, что вернуть рейхстаг им не удастся, они подожгли его. А может, он и сам загорелся от тех же фаустпатронов.

Он горел так, как горит всякий дом, а гореть в рейхстаге было чему — горела мебель, краска стен, вспучивался и полыхал паркет; дым, а потом пламя показалось из окон, из пробоин. Горстка людей — около трехсот бойцов, лишь немногим больше! — сражалась в горящем здании.

Но не только в этом был драматизм положения.

Утром первого мая — на тысяча четыреста десятый день войны — сводка Совинформбюро сообщила, что нашими войсками в центре Берлина взято здание германского рейхстага и водружено Знамя Победы. Об этом же было сказано Сталиным в его первомайском приказе.

В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке служили молебны. В эфире — стоило включить рацию — слышался колокольный звон... А в это время в горящем здании рейхстага, в тесном коридоре, прижатые огнем к стене, рукавами закрывая глаза, стояли наши бойцы.

Комбату было передано, что он может вывести людей. «Выйдите из рейхстага, займите круговую оборону, а как только здание прогорит, станете брать его снова».

Но выходить уже было некуда. Собравшиеся в одной узкой комнате, задыхавшиеся от дыма бойцы, натянув противогазы — у немногих они оказались, — лежали на полу. Пламя уже врывалось сюда.

И что-то с треском рухнуло. Из провала в стене повалил желтоватый дым. Но это была, как они увидели, не новая опасность, это было спасение...

И через этот неожиданный, вдруг открывшийся пролом бойцы перебрались в соседнее, уже выгоревшее помещение.

Немцы не смогли добиться своего. А знамя не сгорело, все так же оставалось над рейхстагом, оно лишь слегка закоптилось.

Когда огонь начал понемногу стихать, все выходы из подвалов были опять блокированы...

Наступило утро второго мая.

С ФЛАГОМ

Знамя победы на куполе водружено Егоровым и Кантарией.

Но и другие были флажки и знамена. И я хочу, хотя я тогда еще писал об этом, рассказать еще о двух смельчаках, — но уже не из батальона Неустроева, где действовали разведчики Кантария и Егоров, а из батальона Василия Давыдова — о флаге, который они несли и который укрепили на рейхстаге.

Они остались вдвоем, огонь отсек остальных. Прикрытые невысоким

берегом канала, они заползли под мост. До рейхстага было недалеко — отсюда им видны были массивные колонны и ступени парадного входа, — но ближе не подступиться. Завернутое в темную бумагу (сорвали светомаскировку с окна) красное знамя было спрятано под фуфайкой на груди Кошкарбаева. Головы нельзя было поднять. Немцы били с верхних этажей рейхстага, расстреливали наших солдат, укрывающихся в ровиках и за глыбами вывернутого асфальта. Снаряды рвали камни площади, пули чертили булыжник. За спиной горели дома. Маленький Булатов, немного испуганный, совсем еще мальчик — гимнастерка сидела на нем мешковато и была чуть длинна, пилоточка тоже была ему велика, — вертелся где-то под мышкой у Кошкарбаева.

— Что будем делать? — спрашивал Булатов, доверчиво ему заглядывая в глаза.

(Кошкарбаев — командир взвода. Рахимжан Кошкарбаев, лейтенант. Булатов — солдат взвода. Кошкарбаев — казах, Булатов — русский, вятич).

И Кошкарбаев сказал:

— Знаешь, если нам удастся, поставим наше знамя хотя бы на ступеньке рейхстага...

Они говорили «знамя», хотя у них в руках был просто «штурмовой» флаг, который, как и флаг, водруженный Кантарией — Егоровым, был пока простым полотнищем, куском плотной грубоватой материи.

Они решили подписать полотнище. Смоченным химическим карандашом вывели наспех свои имена, а ниже «674» — номер своего полка и еще номер — подразделения.

Ближе к вечеру, когда стало темнеть и удалось организовать новую атаку, к выдвинувшейся вперед группе Сьянова присоединились роты двух других батальонов (первая атака, возглавленная Пятницким, как говорилось уже, не была успешной, и группа эта погибла). Кошкарбаев с Булатовым выскочили из своего укрытия и кинулись к подъезду... Вот стена и слепые, заложенные кирпичами окна. Тут, у подъезда, к ним присоединились другие...

Булатов и Кошкарбаев прикрепили свой флаг сначала к средней колонне, а когда была очищена левая часть здания, они высунули свой флаг из окна второго этажа.

...Знамя их потом поставили на крыше, но оно стояло не над куполом, как знамя, водруженное Егоровым и Кантарией, а над карнизом, возле одной из башен.

Субботин В. Е. Как кончаются войны. М., 1968.
С. 79—83, 93—94.

В. СУББОТИН

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,

На верху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?
Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

Субботин В. Е. Избр. произведения. Т. 1. М., 1990. С. 47.

В. СМИРНОВ

СО ЗНАМЕНЕМ. БЕЗ ЗВЕЗДЫ

Когда в Берлине над дымящимся рейхстагом Георгий Константинович Жуков увидел трепещущее на ветру красное полотнище, у него, человека крепких нервов, по собственным признаниям, на глазах навернулись слезы, а к горлу подступил комок. Это был миг, не до конца еще осознанной победы, миг, ради которого четыре года шли под пули, в огонь и дым наши солдаты, ради которого, превозмогая лишения и горе, жила страна. Знамя над рейхстагом — это было, конечно, больше, чем просто знамя, и больше, чем победная точка в изнурительной войне. Это был своеобразный торжественный гимн стране, свалившей со своих плеч и с плеч других порабощенных народов чудовищного врага.

Официально признано, что знамя Победы в ночь с 1 мая 1945 года установили сержанты Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Но есть тысячи документов, свидетельствующих, что задолго до Егорова и Кантарии десятки смельчаков установили в рейхстаге — кто на колоннах, кто из окон — свои флаги и знамена.

Смолкли пушки, но до сих пор не смолкают споры — историки выясняют, чей флаг был первым. Называют десятки фамилий, и их с годами становится все больше, но спор, судя по всему, так и останется неразрешенным: очень уж противоречивы воспоминания очевидцев, противоречивы и документы. Но бесспорно в них то, что среди первых знаменосцев был наш земляк, двадцатилетний паренек из Слободского — рядовой 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии Григорий Булатов.

Дивизионная газета «Воин Родины» 3 мая 1945 года вышла с аншлагом: **«Родина с огромным уважением произносит имена героев. Советские богатыри, лучшие сыновья народа. Об их выдающемся подвиге напишут книги, сложат песни. Над цитаделью гитлеризма они водрузили знамя Победы.**

Запомним имена храбрецов: лейтенант Рахимжан Кошкарбаев, красноармеец Григорий Булатов.

Плечом к плечу вместе с ними сражались другие славные воины Провоторов, Лысенко, Орешко, Пачковский, Бреховецкий, Сорокин.

Родина никогда не забудет их подвига! Слава героям!»

Как видим, среди самых первых нет ни Егорова, ни Кантарии, а

знамя, установленное Кошкарбаевым и Булатовым, названо знаменем победы. И в общем-то не случайно.

...Шел 1410-й день войны. Берлинская операция близилась к логическому завершению. Взят «дом Гиммлера», а нескончаемая орудийная канонада близ Бранденбургских ворот над Королевской площадью, упирающейся в рейхстаг, говорила о том, что и главному бастиону фашизма сопротивляться осталось недолго. Каких-то триста-четыреста метров отделяли группу бойцов из полка разведки от этого серого, превращенного в крепость здания, и, казалось, — протяни руку: вот она, победа!

Но это только казалось. Целых семь часов, вжимаясь в брусчатку, ползком под шквальным огнем подбирались Булатов с Кошкарбаевым к рейхстагу. Колени сбиты, руки исцарапаны, гимнастерки взмокли. Они ползли, прячась за телами убитых, от воронки к брустверу, от бруствера к искореженному снарядами танку, от танка к покосившейся трансформаторной будке, от будки к рву с водой, от рва с водой к железному мосту... И все это, не поднимая головы, не ориентируясь, откуда идет пальба.

В книге «Штурм» Р. Кошкарбаев потом, в восьмидесятые годы, напишет: «Стрельба то утихала, возобновлялась с новой силой. Казалось, это будет продолжаться вечность. Внезапно огонь с обеих сторон ослаб. Только, не умолкая, тарахтели пулеметы, им вторили автоматы. Приподняв голову, я увидел, рейхстаг заволокло то ли дымом, то ли поднятой пылью, а, может, это был туман?

Главное, плохая видимость была как нельзя кстати. Дальше медлить нет смысла. Надо рискнуть! Но не ползком уже, а бегом!

— Пора, Гриша, вперед!

Мы вложили в этот рывок все силы. Впереди метра на два летел Булатов. Вокруг брызнули пули. В ушах свистел ветер, а, может, то был и не ветер? Брусчатка Королевской площади неожиданно кончилась. Под подошвами сапог застучали мраморные ступени входа...»

Штурмовой флаг с надписью «674-й СП, Булатов, Кошкарбаев», сделанной химическим карандашом, смельчаки водрузили не сразу: окна рейхстага изнутри были или заложены кирпичом или завалены мешками с песком, в здании шла стрельба, и не так-то легко было сориентироваться. Увидев пробоину на втором этаже, где была кирпичная кладка, Григорий по-кошачьи ловко вскарабкался на плечи Рахимжана и, прижав древко обломками кирпичей, выставил флаг над главным входом рейхстага.

Произошло это, по воспоминаниям автора книги «Штурм», в 18 часов 30 минут 30 апреля 1945 года.

...Бой в рейхстаге продолжался еще долго, и новые флаги вспыхивали в изрешеченном пулями здании. И все это, без сомнения, были флаги победы.

Рассказ о подвиге земляка мог бы и должен быть полнее, но, к величайшему сожалению, Григорий Булатов в 1973 году добровольно ушел из жизни, унеся с собой, как утверждают люди, хорошо его знавшие, и некоторую тайну, связанную с водружением стяга. Рассказывают, что после войны Г. Булатова приглашал к себе И. В. Сталин (или кто-то из его

ближайшего окружения). Было сказано: «Вы совершили выдающийся подвиг. Но сейчас от вас требуется еще один. Не надо утверждать, что вы были первым. Мы найдем возможность, как отблагодарить вас за это»

Не сложилась мирная жизнь у Григория, и обещанной благодарности, судя по всему, он так и не получил, как не получил должного и за тот, первый, подвиг. Нет, не пророк был автор аншлага в дивизионной газете, не пророк!

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

ОПРАВДАЕМ КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Лейтенанта Неупокоева, лихо расписавшегося на колонне рейхстага, разыскивали долго. Проверка картотек, списков и личных дел показала, что в штурме Берлина участвовало два лейтенанта с такой фамилией. Я помню эту фамилию под стихами во фронтовой газете.

Автограф оставил, как выяснилось, Геннадий Яковлевич Неупокоев, кировчанин. Я искал его в Кировской области — говорили, что он директор школы в деревне Иж, но оказалось, что его перевели в другой район. Там мне тоже не удалось найти Неупокоева — и лишь потом я узнал, что он живет в Татарии, на станции Агрыз, работает в школе-интернате. Геннадий Неупокоев после войны заочно закончил педагогический институт, учительство — его призвание и увлечение. А на войну он ушел юношей, и первое ранение получил на Дону, а второе — под Ригой. Мы с Неупокоевым — собратья: он был в окопах редактором и членом редколлегий «Боевых листков», писал статьи, заметки, ну и, конечно, стихи. Когда дивизию за успешную ликвидацию бобруйской группировки противника наградили орденом Красного Знамени, Геннадий Яковлевич сочинил стихи, они и были напечатаны во фронтовой газете:

...Оправдаем Красное знамя,

Что вручает нам народ!

Называлось это стихотворение «Клятва». «Оправдаем», пусть неумело, но искренне выражало мысли и чувства воинов. Когда бывшему командиру взвода противотанковых ружей Геннадию Неупокоеву задали вопрос: «Что было на войне для него трудней всего?», он с хитрой улыбкой ответил: «Что трудней всего — не знаю, а хлопотливей всего оказалось в бою сфотографироваться для партбилета!»

В этом бою, уже с партбилетом в кармане, был лейтенант снова ранен...

Краснознаменная дивизия подошла к центру Берлина во втором эшелоне и была двинута дальше — на Эльбу.

Все же Геннадий Неупокоев успел заскочить в рейхстаг и отметиться.

Долматовский Е. А. Автографы Победы. 2-е изд. М., 1975. С. 80—81

В. ЧИРКОВ

ПОД ПРАГОЙ

1 мая 1945 года в деревне Гоштице-Геролтице под Прагой погиб разведчик Николай Шаклеин, уроженец ст. Просница Кирово-Чепецкого района. Там ему воздвигнут памятник.

Другая, не наша столица
Сегодня в молчанье скорбит...
Под Прагой в деревне Гоштице
Наш просницкий парень лежит.
Когда навалилась лавиной
Жестокая, злая война,
Тебе, как достойному сыну,
Вручила оружье страна.
Родные, наплакавшись вволю,
Тебя проводили на бой.
И мамино тихое: «Коля,
Сыночек, вернися живой».
С нелегкой военной судьбою,
Погибший, но словно живой,
Ты мраморным вышел из боя
И принят в Гоштице, как свой.
Нет доли прекрасней и горше.
Война пролегла, как межа...
Под Прагой, под Краковом в Польше
Российские парни лежат.
Сжимается сердце от боли,
И слышу я в скорби немой
Извечное мамино: «Коля,
Сыночек, вернися домой».

Встречи: Произведения киров. писателей. Киров, 1980. С. 213—214.

В. БАШКОВ, А. ЖДАНОВ

РЯДОМ С ФЕДОРОМ ПОЛЕТАЕВЫМ

О жизни и подвиге Героя Советского Союза и Национального Героя Италии рассказывает документальная повесть — «Солдат Федор Полетаев». Вместе с ним бежал из плена, бил фашистов на земле Италии уроженец Верхошижемского района Кировской области Николай Гаврилович Кочкин.

* * *

Горы. Горы...

Высоко и вольно вздымаются в лазурное небо их снеговые шапки. Горы начинались за быстрой, говорливой речкой, бегущей неподалеку от небольшого каменного сарайчика, где теперь томились Полетаев, Кочкин и Петухов.

На работу и назад, в расположение части, их сопровождали конвоиры Шнитнер и Йозеф. Первый был чешским немцем, а второй родился в Вене. В отличие от концлагерей, порядки здесь были не такие строгие. Питание пленные получали из солдатского котла. За кусок хлеба приходилось выполнять всевозможные работы: даром фашисты не кормили. Рабочая команда собирала и вывозила мусор, чистила конюшни. Но больше всего приходилось копать, долбить неподатливую каменистую почву. Среди пленных пронесся слух, что фашисты готовят стартовые площадки для какого-то нового сверхмощного секретного оружия...

Очень скоро друзья заметили, что ближе к полудню Йозеф, Шнитнер и другие охранники, спасаясь от палящего зноя, имеют обыкновение прятаться в тени акаций. Плотно пообедав, они позволяют себе даже вздремнуть, лишь изредка поглядывая на пленных. До гор было не так уж близко, и на ровном без единого деревца и кустика месте почти невозможно незаметно добраться до реки.

Мысли о новом побеге не покидали Федора. Как близка была свобода и как жестоко судьба посмеялась над ними!..

Однажды Петухов решил проверить бдительность конвоиров во время «мертвого часа». Громкий удар обломка кирпича, с силой брошенного им в каменную изгородь, отделявшую дорогу от зеленых шпалер виноградника, не произвел на гитлеровцев никакого впечатления. Полетаев выразительно поглядел на Кочкина и Петухова. Именно после этого случая они твердо решили: если бежать, то лучше всего днем. Охранники явно принимают их за смиренных рабочих лошадей.

Но как быть, если начнется погоня? В таком случае, даже перебравшись через реку, они не сумеют далеко уйти. Было бы хоть какое-нибудь оружие!..

Помощь пришла неожиданно.

Хозяин сарая Марио и его жена Мария, местные крестьяне, упросили добродушно настроенных охранников разрешить им подкармливать отощавших русских. Не знали Шнитнер и Йозеф, что Марио давно связан с партизанами и что не просто ради стаканчика вина так часто заходит он в сельскую остерию к тетушке Мерло.

Как-то вечером, когда смертельно уставшие друзья лежали на куче заготовленных для скота каштановых листьев, снаружи раздался знакомый голос Марио:

— Господин офицер, разрешите угостить ваших рабочих кукурузной похлебкой?

— Гут, Марио. Только поживее. Шнеллер! — ответил Шнитнер, явно польщенный тем, что итальянец назвал его офицером. — Что-то ты зачастил к этим русским, а?

— Да жалко нам их, господин офицер. Поглядите — кожа да кости! У самих сын где-то сгинул на фронте. Может, убили, может, в плену, — голос крестьянина дрогнул. — А вдруг и наш Энрико мается в неволе. Пусть же добрые люди и матерь божья помогут ему...

Скрипнула дверь, и в сарай вошел Марио с глиняной миской в руках.

— Буон джорно, русси![1] — громко сказал он, энергичными жестами подзывая Федора.

Когда тот подошел, морщинистое горбоносое лицо итальянца осветилось улыбкой.

— Салют, компаньо. Вива л'Унионе Совьетика! Вива Моска, Ленин, Сталин![2]

Марио прислушался, потом осторожно выглянул за дверь. Вернувшись в сарай, снова наклонился к Полетаеву. Путая итальянские и русские слова, что-то горячо зашептал ему на ухо, с беспокойством поглядывая на полуоткрытую дверь.

Когда Марио ушел, Федор радостно улыбнулся озадаченным друзьям и крепко обнял их за плечи. Спросил у Петухова:

— Это ты, Николай, говорил, что Италия — родина фашизма?

— А что, разве я не прав?

— Прав, Коля, совершенно прав. Но Италия — это не только фашисты. Простой трудовой народ, настоящие итальянцы борются с фашизмом так же яростно и непримиримо, как и советские люди. Понимаешь?

Петухов и Кочкин, пораженные происшедшей в Федоре переменой, молча слушали его. А тот, предложив друзьям отойти подальше, в глубь сарая, прерывающимся от волнения голосом сказал:

— Слушайте, тезки, внимательно. Этот Марио связан с коммунистическим подпольем... Рядом с нами, в горах, действуют партизаны! Они готовы помочь нам, слышите, ребята?!

— Ура! — восторженным шепотом ответили оба Николая, и не успел Федор опомниться, как оказался на куче листьев.

— Тише вы, сумасшедшие! — ласково глядя на друзей, продолжал он. — Вы же не дослушали... Марио сказал, что это мы здорово придумали — бежать средь бела дня. Направление надо держать на монастырь, что стоит на горе. Там нас будут ждать два проводника, переодетые в цивильную одежду.

— А если немцы спохватятся? — озабоченно спросил Кочкин, дрожа словно в ознобе.

— Не волнуйся, Николай Гаврилович, — Федор хитро прищурился. Он помолчал, словно испытывая терпение друзей, потом встал, поднял лежавший на земле камень, сжал его в тяжелом кулаке. — Партизаны передадут с Марио гранаты. А с этим гостинцем нам сам черт не страшен!

---

[1] Добрый день, русские!

[2] Привет, товарищ. Да здравствует Советский Союз! Да здравствуют Москва, Ленин, Сталин!

Две долгие недели Марио не подавал о себе никаких вестей. Прошел июнь, наступил пыльный, знойный июль.

С утра до позднего вечера, покуда не садилось солнце, они рыли землю, таскали щебенку, замешивали раствор. В долине между скалами немцы построили гигантское бетонное кольцо. Зачем? Что в тех тяжелых длинных ящиках со скрещенными костями и черепами на боках, которые они сгружали с машин? Неужели они, советские люди, станут соучастниками — пусть невольными — фашистов, готовящих очередное кровавое преступление?!

Федор видел, как помрачнели лица друзей. По ночам сквозь чуткий сон ему слышались за стеной тревожные шорохи, чудилось, что кто-то зовет его. Шурша листьями, он вставал, с громко бьющимся сердцем подходил к окну, забранному железной решеткой... Нет, это часовые тихо переговаривались между собой да ветер шелестел в густой кроне платана.

В такие минуты Федором овладевало отчаяние: неужели вновь придется распрощаться с мечтой о свободе? Нет, если старик не появится через три дня, они попытаются бежать, чего бы это ни стоило!

Федор всячески старался скрыть от друзей свое волнение, но слишком хорошо они уже изучили характеры друг друга. Петухов и Кочкин с беспокойством вглядывались в его осунувшееся лицо, замечали тревожный блеск карих глаз, темные круги под ними — следы бессонных ночей, проведенных наедине с невеселыми думами.

Утром 6 июля Кочкин проснулся от неясного ощущения тревоги. Еще не открыв глаза, он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Послышались осторожные, крадущиеся шаги. Тихо скрипнула дверь.

Кочкин рывком поднялся с листьев. В сарае, кроме них, никого не было. Солнце мирно светило сквозь оконную решетку.

— Что случилось? — удивился Петухов. — Плохой сон приснился?

— Мне они каждую ночь снятся, — раздраженно ответил Кочкин. — Только что кто-то стоял вот здесь... Такое чувство, словно был на мушке.

— Это наверняка Йозеф, — сказал Федор. — Охранник в последнее время проявляет к нам повышенный интерес.

— Ему понравилась та бутылка вина, которой нас угостил Марио, — невесело пошутил Петухов и передразнил Йозефа: — «Ты эст добры зольдат, Федья!»

— Нет, Коля, не принимай Йозефа за простачка. Что он сказал, вылакав ту бутылку? Притворился пьяным и выболтал про партизан, которые «орднунг штёрен» — нарушают порядок. А потом добавил:

— Шнапс гут, абер аллес шлехт! Вино хорошее, но все остальное плохо. Русские армии геен шнель форвэртс! Русские армии быстро идут вперед!

— Вот именно. И ты думаешь, он не заметил, как у тебя рот до ушей растянулся? — Федор прислушался и заговорил тише: — Хорошо, допустим, он добрее других. И все-таки он враг. Враг! Так неужели враги не научили тебя скрывать свои чувства, мысли — все?! Йозеф всячески старается

подчеркнуть, что он австриец, а не немец. Австриец, значит, мол, не фашист. Он, видимо, понимает, что Гитлеру скоро конец. Зачем ему портить с нами отношения? Если партизаны близко, они вполне могут напасть на охрану рабочей команды. А кто тогда замолвит словечко за Йозефа?

— Мы, что ли? Вот уж дудки! — взорвался Кочкин. Лицо его исказила ярость. — Я вашего Йозефа первого запихаю в ту помойную яму, которую он заставил меня чистить!

— Это не он, а пан Шнитнер.

— Не вижу разницы! Все они, сволочи, кроме свалки, ничего не заслужили. А вы оба рехнулись. Сначала вообразили, будто Марио нам поможет, а он как сквозь землю провалился. Теперь Йозефа чуть ли не в друзья записали. Как же, держи карман шире... Нечего на кого-то надеяться. Надо самим о себе побеспокоиться, самим! Я или убегу, или повешусь, как Ступин. К черту все, к черту!

Сгорбленный, со всклокоченными седыми волосами, Николай Гаврилович показался в эту минуту Федору дряхлым стариком. А ведь он старше его всего на четыре года! Не стесняясь слез, Кочкин отрешенно прошел в угол сарая. Колени его, словно от непомерной тяжести, подломились, и Николай Гаврилович обессиленно опустился на землю.

За дверями послышались тяжелые шаги. Федор побледнел, сделал Кочкину предостерегающий знак, но тот остался безучастным.

Скрипнули ржавые петли, и на пороге сарая появилась долговязая фигура Йозефа. Добродушное, усыпанное веснушками лицо охранника улыбалось.

— Зачем шумель? Плёхо морген шумель. Морген хохоталь, абенд — грустиль. Яволь? — Он погрозил Кочкину толстым коротким пальцем. — Альзо, ауфштеен унд арбайтен[1]. Шнель! Быстро!

Йозеф по-прежнему улыбался, но его голубые глаза настороженно перебегали с одного лица на другое. Что-то в поведении русских ему сегодня не нравилось!

Целый день вместе с другими пленными — французами и хорватами — они рыли огромную яму для будущего склада боеприпасов. Нестерпимо жгло солнце. Чем ближе к вечеру, тем быстрее уходили силы. Вдобавок ко всему, на дне ямы появилась вода. Лопаты с налипшими комьями глины казались свинцовыми.

В лагерь возвращались грязные, промокшие, в подавленном настроении. Едва вошли в сарай, как за окном послышался знакомый певучий голос.

— Марио! — радостно воскликнул Петухов и бросился к двери.

В сопровождении Йозефа на пороге появился приветливо улыбавшийся крестьянин. Как обычно, он принес корзину каштановых листьев для скота, которые припасал на зиму в горах. Сверху стояла глиняная миска с вареной фасолью и лежала лепешка поленты.

---

[1] Итак, вставать и работать!

Йозеф, помогая себе жестами, сказал:

— Эссен, Федья унд цвай Колья. Ку-шай-тэ.

Федор протянул руку к поленте, но, глянув на Марио, заметил его предостерегающий знак. Ничем не выдав волнения, Полетаев отложил лепешку в сторону. Все трое быстро заработали ложками. Охранник с любопытством наблюдал, с какой жадностью русские набросились на еду Миска быстро пустела.

— Кле-еб, Федья! — указал Йозеф на нетронутую лепешку. — Кушайтэ клеб. Гут полента, зер гут!

Охранник большим пальцем показал, какая хорошая, вкусная лепешка.

— Нет. Йозеф, — сказал Федор, кладя ложку. — Мы уже сыты. А поленту оставим про запас. Потом съедим. Как говорится, у бога дней много.

— Вас хайст «просапас», Федья? — не отставал охранник.

— Объясни ему, Коля, — едва сдерживаясь, сказал Федор Петухову. — У тебя лучше получится.

Николай с трудом, но сумел объяснить Йозефу непонятное выражение.

— О, ферштанден! — засмеялся охранник. — «Просапас». Дас хайст ауф форрат!

Уходя с Йозефом, Марио в дверях вдруг быстро обернулся и едва заметно кивнул головой.

Жестом Полетаев приказал Петухову: «Стань у двери!» Потом торопливо разломал лепешку на несколько кусков и в одном обнаружил трубочку плотно свернутой бумаги. Развернув ее дрожавшими пальцами, Федор прочел: «Завтра в полдень. Ориентир — старый монастырь на вершине горы. Пароль: «Мадонна Литта». Отзыв: «Проходите, святые люди!» В корзине с листьями».

Федор поднял на замерших друзей сияющий взгляд:

— Коля! Николай Гаврилович! Завтра в полдень! Читайте!

Прочитав записку, Петухов бросился в угол сарая, где стояла принесенная Марио корзина. На самом дне ее лежали завернутые в тряпицу девять итальянских гранат «балилла». Их ребристые рубашки тускло блеснули в свете закатного солнца, бросившего сквозь крохотное окошко свой прощальный луч...

Приближался полдень.

Знойное марево повисло над долиной. Высоко в горах на фоне ярко-голубого неба, словно мираж, вырисовывался серовато-белый силуэт монастыря.

Лениво протопал к кухне маленький коренастый пан Шнитнер. Вскоре он, осторожно ступая, двинулся обратно с несколькими котелками супа в руках и буханкой хлеба под мышкой.

В час дня из проходной военной части мимо сморенного жарой

часового вышла странная процессия. Два человека, медленно шагавшие впереди, несли совковую лопату и пустой ящик из-под консервов, третий, держа в руках, словно винтовку, какую-то палку, шел сзади. Со стороны могло показаться — конвоир ведет двух пленных из рабочих команды. Только, выйдя из проходной, они не повернули налево, как обычно, а двинулись прямо к реке.

Отойдя от столбов с колючей проволокой метров на двести, тот, что нес ящик, хотел бросить свою ношу.

— Нести! — процедил сквозь зубы «конвоир».

Это был Федор. Мысли, перегоняя одна другую, лихорадочно проносились у него в голове. Пока все идет хорошо. Еще немного — и они на свободе! Но каждую секунду сзади может раздаться грозное «Хальт!» или просто стегануть автоматная очередь, и тогда... Нет, голыми руками их теперь не взять! У них гранаты, девять гранат!.. Пусть не все, но кто-нибудь из них вырвется в горы. Если их обнаружат до того, как они спустятся к реке, он прикроет товарищей.

Федор видел, как напряглись фигуры друзей. Последним, неимоверным усилием воли они сдерживали себя, чтобы не побежать.

Вот и берег.

Отбросив ненужную теперь маскировку, все трое бросились в реку. Она обожгла беглецов студеной водой высокогорных ручьев и таявших ледников. Спотыкаясь, скользя на камнях, они жадно хватали пригоршнями чистую, искрившуюся, холодную воду. Воду свободы!

— Быстрее на тот берег!

Впереди, за небольшой поляной, начинались густые заросли орешника и дикой розы. Если незамеченными доберутся туда — они в безопасности.

Но в тот миг, когда группа стала пересекать поляну, сзади раздался выстрел. Затем, разбудив горное эхо, прогрохотала автоматная очередь. Оглянувшись, Полетаев увидел, как от проходной к реке бежит с десяток гитлеровцев.

Первым ослабел Кочкин. Судорожно хватая широко открытым ртом воздух, он все больше и больше отставал и из последних сил карабкался в гору. Пули, как рассерженные осы, жужжали в орешнике, срезая ветви, сочно цокали о камни. Все ближе и ближе крики погони, треск автоматов.

Федор понял: без боя им не уйти. Пока есть в запасе драгоценные секунды, надо приготовиться достойно встретить врагов, ошеломить их яростным отпором, отбить желание продолжать преследование. А если... что ж, каждый последнюю гранату оставит для себя...

— За камни! — крикнул он. — Приготовить гранаты!

Первым из кустов выскочил Йозеф. Мокрый по пояс, он был в расстегнутом мундире, без пилотки. Всегда добродушное, плутоватое лицо охранника было искажено бешенством. Автомат, захлебываясь, дергался в его руках. Сзади, ломая орешник, обдираясь о шипы дикой розы, показались Шнитнер и еще трое преследователей. Они были так близко, что

промахнуться беглецы не могли. Три раздавшихся почти одновременно взрыва разметали гитлеровцев.

Слева по склону, обходя оборонявшихся, показались еще четверо фашистов. Струя свинца ударила в камень, за которым укрывался Петухов. Что-то гортанно крича, зеленые фигуры бросились вперед, но гранаты Кочкина и Полетаева швырнули их, окровавленных, на камни.

Постепенно автоматная стрельба стала отдаляться. Пули еще нет-нет да и срезали ветку или с воем рикошетили от скал, но напуганные враги уже отступали к реке. Может быть, они подумали, что на помощь русским пришли партизаны?

Федор, все еще не веря удаче, крепко сжимал в руке гранату — третью, и последнюю. Он пристально оглядел склон горы и, повернувшись, поспешил за друзьями.

К монастырю они добрались через час и, обессиленные, упали на прохладную траву.

Из-за деревьев, росших у монастырской стены, вышел человек с монашескими четками в руках. Он был в черной сутане и широкополой шляпе. Живые карие глаза внимательно ощупали пришельцев. Видимо, у него не осталось сомнений, что это именно те, кого он ожидает. Однако инструкция требовала дождаться пароля. Кругом в горах полно провокаторов и осведомителей фашио[1].

Федор давно заметил «монаха», и когда тот, с отрешенным видом перебирая четки, проходил мимо, словно погруженный в беседу с богом, тихо произнес:

— Эй, камарада!.. Мадонна Литта!

«Монах» резко остановился. Лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Проходите, святые люди! — по-русски отозвался он и бросился к беглецам, крепко пожал всем троим руки, потом, повернувшись к кустам, сделал какой-то знак.

Из-за деревьев показался еще один партизан, державший для маскировки раскрытый требник с молитвами.

— Идемте, — позвал первый «монах». — Здесь неподалеку есть родник.

С жадностью напившись воды, беглецы получили от проводников по куску кукурузной лепешки и ломтю овечьего сыра. Еду запили глотком вина.

Федор то и дело обеспокоенно поглядывал вниз, откуда они недавно пришли. Заметив его волнение, партизан с требником что-то быстро сказал по-итальянски, несколько раз повторив «браво, руссо!».

— Он говорит, что вы держались молодцами, — перевел его товарищ. — Тедески[2] теперь не скоро очухаются. Это был настоящий бой! Он думал, что вы не выберетесь из него живыми... Ну как, отдохнули маленько? Теперь идемте быстрее. Тедески могут вернуться с собаками. Пью престо![3]

---

[1] Местные организации фашистской партии.

[2] Немцы.

[3] Скорее!

«Мы чертовски устали от этого сумасшедшего бега и от пережитого. Кровь с рук и лица, разодранных колючими шипами роз, сочилась не переставая, — вспоминал впоследствии о побеге из плена Н. Н. Петухов. — Я и Кочкин то и дело спотыкались и падали. Федор же был тверд. Физическая сила и сила духа казались в нем неисчерпаемыми. Он помогал нам подниматься, брал за руки и тащил вперед. Это же делали наши проводники...»

...Углубившись в горы на несколько километров, Титто и Боро — так звали итальянцев, — ведя остальных за собой, начали спускаться в долину.

— Компаньи, вы в безопасности! — сказал Титто и протянул руку вверх. — Мадонна-делла-Гуардиа теперь далеко от нас, а эта долина — под контролем партизан. Не бойтесь, здесь всюду свои!

— Спасибо, спасибо, друзья! — взволнованно повторял Федор, пожимая партизанам руки.

Титто и Боро с улыбкой, но без удивления наблюдали, как русские, не в силах больше сдерживать радость, со слезами бросились в объятия друг другу. Ведь в их отряде было уже много советских людей, вырвавшихся из лап фашистов, и пьянящее вино свободы действовало на них точно так же, как и на этих троих храбрецов, проложивших себе путь в горы с помощью оружия.

Башков В. П., Жданов А. В. Солдат Федор Полетаев. М., 1974. С. 159—169.

М. АРДАШЕВ

ФРАНТИРЁР КОЗЛОВ

На столе лежала пачка документов, написанных на трех языках: испанском, французском и русском.

— Вас интересуют эти бумаги? Их история? Ну, что ж, попробую рассказать. Только извините — для начала я закурю.

Виктор Иванович смущенно улыбнулся. Но тут же согнал улыбку с лица, словно бы считая ее сейчас неуместной. Он сунул в рот папиросу и торопливо чиркнул спичкой. Спичка сломалась — головка ее с шипением улетела на подоконник. Виктор Иванович достал вторую спичку и снова чиркнул. Прикурив, он затянулся глубоко и надолго, а потом с шумом выдохнул сизое облако дыма, сразу заполнившее добрую половину комнаты. И не понять было, что это: слишком сильная затяжка или скрытый тяжелый вздох, невольно выхваченный из-под самого сердца воспоминаниями давно пережитых дней. А может, и то и другое вместе.

— Вы знаете, что говорят французские учителя своим ученикам на уроках географии? — неожиданно обратился ко мне Виктор Иванович и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Они говорят, что Франция — это цветущий сад Европы, что Франция — это благословенный рай. Но мне после того рая никакой ад не страшен...

Виктор Иванович зажег третью спичку и стал прикуривать еще не

потухшую папиросу. Его длинные крепкие пальцы, про обладателей каких обычно говорят: «У него пальцы музыканта», чуть заметно дрожали. Красивому смугловатому лицу с крутым настоем румянца придавали особую привлекательность живые темно-карие глаза. Он выглядел довольно свежо, даже молодо, хотя ему было уже за пятьдесят. Всякий, кому не знакома история его жизни, мог бы без колебаний сказать: «Вот человек, которого не коснулись никакие невзгоды, никакие житейские бури!» До чего же легко впасть в ошибку, если судить о человеке лишь по его внешнему виду!

— Осенью сорок третьего года, — продолжал Виктор Иванович, тыкая в пепельницу скомканным окурком, — судьба, как говорят в таких случаях, забросила меня на юг Франции, на побережье Средиземного моря. Вы, наверное, видали, как перевозят по железной дороге скот. Так вот, нас привезли туда в таких же наглухо закрытых вагонах. Оборванные, грязные, истощенные от постоянного недоедания и болезней, мы и в самом деле больше походили, пожалуй, на каких-то странных заморенных зверей или скотов, чем на людей. А жизнь любого из нас была для наших охранников дешевле скотской, дешевле собачьей. Чуть что не так — не так ступил, не так повернулся — автомат с плеча, хлоп — и нет человеа. Пристрелят да еще и зубы скалят, потешаются.

Виктор Иванович взял из пачки новую папиросу, задумался.

— Тяжело все это вспоминать, — признался он, вздохнув. — Попали мы в «цветущий сад Европы» за попытку к бегству. Об этом я позднее расскажу. Обстановку на фронтах того времени, надеюсь, вам не надо объяснять, сами знаете. Немцы несли в России большие потери в живой силе. Чтобы восполнить их, гитлеровское командование перебрасывало на Восточный фронт воинские части с берегов Лионского залива, где они строили оборонительные укрепления. Предполагалось, что именно здесь, на юге Франции, англичане и американцы высадят десанты, чтобы открыть второй фронт. Снятых со строительства укреплений своих солдат гитлеровцы заменяли советскими военнопленными. Нас заставляли рыть траншеи, готовить участки для минных полей, возводить железобетонные бункеры для огневых точек... Мы, естественно, выполняли только черновую работу, а всем заправляли немецкие военные специалисты.

До этого — и дома, и в армии — мне не раз приходилось брать в руки лом и лопату. Я знал, как с ними обращаться, и знал, что нет ничего тяжелее, чем копать сырую глину. Для этого надо иметь в руках силенку, и она у меня, скажу не хвастаясь, была. Но серый французский известняк даже не чета сырой глине. Он похож на отошедшую после морозов грязь: к лопате льнет, а вглубь не пускает, обламывается мелкими кусками. День-деньской долбишь, долбишь эту противную халву — все руки в кровь собьешь, а сзади только и слышишь: «Шнеллер! Шнеллер!» Это значит: «Быстрее! Быстрее!» Поверите ли, я даже тосковал тогда по нашей красной глине.

На завтрак и ужин, если их можно так назвать, нам выдавали эрзац-кофе и по кусочку сырого хлеба наполовину с опилками, на обед — жидкий брюквенный суп-баланду. Мы никогда, ни одного дня, не были сытыми. Мы постоянно испытывали сосущий под ложечкой голод. Ну и дохли, конечно, в том «раю» словно прихваченные осенним холодом мухи.

Рука Виктора Ивановича потянулась к лежащей на столе пачке папирос.

— Но бывали и светлые дни. Это когда кого-нибудь из нас посылали в Безье: то за цементом, то за проволокой, то за другим чем. Кто попадал в поездку, почти всегда сам приезжал сытым и товарищам привозил. Простые французы делились с нами последним куском. Как-то раз и мне выпало счастье поехать в город. Сопровождал нас, пятерых, один немецкий солдат. Улучив момент, пока он оформлял какие-то бумаги, мы с Иваном Корнеевым заскочили в ближайший магазин. За такие отлучки, между прочим, не очень строго взыскивали. Убежать мы не могли — куда ни ткнись, везде их гарнизоны и патрули. Нас же за версту видать было — в то время мы ходили в каких-то реставрированных обносках военного образца. А так они взымали с нас дань — из того, что давали нам французы, отбирали табак, сигареты, вино, если оно доставалось кому-нибудь от щедрых виноградарей. Французского языка ни Корнеев, ни я не знали и ошиблись. Магазин оказался ювелирным.

— Вот тебе на! Не туда попали! — разочаровался Иван.

— Да, здесь нам ничего не отломится, — заметил я, окинув взглядом сверкающие браслеты и кольца.

За прилавком стояли двое: худощавый черноватый южанин и под стать ему симпатичная женщина. Черные волосы вот такой пышной шапкой. Оба с любопытством смотрели на нас. В магазине больше никого не было. Корнеев сразу же повернулся и вышел. Следом за ним направился к выходу и я. И вдруг мужской голос остановил меня:

— Вы — русский? — услышал я брошенный мне вдогонку вопрос на моем родном языке.

— Да! — остановился я.

— А как оказались в Безье?

Я коротко объяснил, что по соседству с магазином во дворе — немецкий склад, и мы приехали получать с этого склада груз.

Мужчина, обменявшись взглядом с женщиной, вышел из-за прилавка и взял меня за рукав.

— Идемте. У нас найдется для вас кое-что.

Женщина осталась в магазине. Мы прошли во внутреннюю дверь и по темным запутанным коридорчикам и лесенкам поднялись на четвертый этаж в маленькую, убого обставленную ветхую каморку. «Неказисто живет торговец золотыми изделиями, — подумал я. — Что он за человек? Бывший грузинский князь или бакинский нефтепромышленник, удравший сюда после революции? Зачем он затащил меня в эту дыру?»

Незнакомец подвинул мне стул и опять стал допытываться, кто я такой да как попал во Францию. По-русски он говорил хорошо, правда, с некоторым южным акцентом. Но не зря пословица говорит: кто обжегся на молоке, тот и на воду дует. Я отвечал ему осторожно, стараясь не обмолвиться лишним словом.

На стене висела большая карта Европы, на которой приколотая

булавками красная нитка обозначала линию фронта. Во время разговора я украдкой взглядывал на нее — хотелось запомнить, где проходит фронт, чтобы рассказать ребятам. Хозяин, заметив это, вдруг поднялся и вышел. Мне показалось, что он сделал это для того, чтобы я мог рассмотреть карту без всякого стеснения и опаски. Я тут же этим воспользовался. Через несколько минут он вернулся в сопровождении старушки с подносом в руках. Мне предложили поесть. И здесь впервые за многие месяцы я утолил свой голод.

Мне нельзя было отлучаться надолго. Я сердечно поблагодарил хозяев за гостеприимство и сказал, что дольше оставаться у них не могу, что мне пора идти, а то могут быть и для меня и для них неприятности. Они дали мне сверток с продуктами, сигарет. Петляя по тому же темному лабиринту, мы вышли в магазин. Прощаясь, продавец сувениров крепко пожал мою руку и пригласил меня обязательно заходить к нему, когда я снова приеду в Безье.

Эта встреча обрадовала меня... и обеспокоила. Я почувствовал в новом знакомом что-то близкое, располагающее к нему. В то же время меня одолевали сомнения: «А может он не такой, каким показался. Может, ловко играет в добряка, сочувствующего советским людям, а на самом деле заманивает меня в какую-нибудь ловушку?» Я восстановил в памяти весь наш разговор и, убедившись, что вроде ничего лишнего не сказал, успокоился.

Мы по-прежнему долбили известняк, подстегиваемые окриками: «Шнеллер! Шнеллер!» Но сейчас земля казалась мне мягче, податливее. В короткие минуты отдыха я все чаще засматривался на дальние холмы и горы с террасами виноградников и густыми зарослями маки. Маки́ — это вечнозеленые кустарники, давшие имя французским партизанам. Маки́-кустарники укрывали маки́-участников движения Сопротивления Франции от врагов, спасали от преследования, давали возможность устраивать засады и подкарауливать оккупантов на горных дорогах. Из этих кустарников партизаны, возглавляемые таинственным и храбрым Мануэлем, совершали дерзкие налеты на раскиданные по побережью немецкие гарнизоны. Слухи об этих вылазках доходили и до нас. «Хорошо бы уйти в маки́! Стукнуть ломом по башке вон того очкастого ефрейтора, что ходит поодаль и — в горы! А дальше что? Французского языка я не знаю — как найти маки́? Может, владелец ювелирного магазина знает?» — думал я, глядя на далекие горы.

Через неделю или две — сейчас уже не помню — меня вторично послали в Безье. Едва я вошел в магазин, — а не зайти я, сами понимаете, не мог, — как хозяин тотчас же закрыл дверь на ключ. Мы опять поднялись в ту же каморку. Он подвел меня к карте и очень подробно обрисовал положение на фронтах. Выводов он никаких не делал, но из его объяснений не трудно было понять, что фашистская Германия катится к неминуемому краху. Тут я не постеснялся и прямо спросил его:

— А на чьей стороне вы, и кто вы?

— Я — француз, — ответил он кратко.

— Это ваш магазин?

— Да. А вы кто? — спросил он в свою очередь - Кем были в армии?

«Сказать или не сказать?» И я решился открыться первым, сказать ему то, чего никому не говорил за все пребывание в плену.

— Я — бывший политрук и комиссар батареи Козлов. На фронт нас ушло семь братьев. Шестеро по ту сторону, а я один — по эту. Так случилось!

— Что вы сейчас делаете на побережье?

Я подвел его к окну и показал на соседний двор, где мои товарищи грузили на машину колючую проволоку.

— Я не хочу больше этого делать!.. Не могу! Помогите мне уйти в мак!

Хозяин внимательно посмотрел на меня и подал мне небольшой кулек.

— Извините, что маловато, — сказал он, — с продуктами у нас туго, но для вас всегда найдем. Заходите! А с мак я не имею связи, но кое-что постараюсь разузнать... У друзей. Что узнаю, сообщу вам в следующий раз.

На этом мы дружески попрощались. В душе я унес уверенность, что он связан с партизанами и не признается в этом либо потому, что не доверяет мне, либо не хочет ничего предпринимать, не посоветовавшись с товарищами.

С большим нетерпением я ждал новой встречи с ним.

— Ну, как? — спросил я сразу же, как только мы вновь оказались вдвоем в его каморке.

— Мои друзья хотели бы знать, при каких... обстоятельствах вы попали в плен? Извините, но вы, надеюсь, понимаете, почему их это интересует.

Его прямой вопрос требовал от меня такой же прямоты, полной откровенности.

Виктор Иванович умолк, и в пачке стало еще на одну папиросу меньше. Затянувшись, он продолжал:

— И я рассказал ему все, как было.

На моей родине, а родился я в Котельничском районе Кировской области, — сообщил я тогда французу, — издавна существовал дикий обычай: мазать дегтем ворота дома, в котором живет обесчестившая себя девушка. Из-за этого обычая часто умывались слезами и ни в чем не повинные девушки. Но что сделаешь? Ворота в дегте, худая молва разнеслась по окрестным деревням, а там иди, объясняй каждому, мол, это по ревности, мол, я не виноватая. Так вот и у меня помимо моей воли тоже оказались два темных пятна, и не на воротах, а на душе!

В марте сорок второго года после окончания Ленинградского военно-политического училища в звании младшего политрука я прибыл на Волховский фронт, на должность заместителя командира батареи 76-миллиметровых пушек. Начатое нашими войсками наступление на Любань захлебнулось. Обстановка на левом берегу Волхова, где мы удерживали небольшой плацдарм, сложилась исключительно тяжелая. Распутица, грязь. Подвоза боеприпасов и продовольствия почти никакого. К концу мая вторая ударная армия оказалась в окружении. Прирезали всех коней и съели. Есть

больше было нечего. От голода опухли. На чем держались — на одном патриотизме.

Мы, может быть, тогда пробились бы к своим, если бы не трусость и не предательство генерала Власова. Этот мерзавец с черной душой добровольно сдался немцам и отдал приказ сдаваться нам. Когда слух о его измене дошел до подразделений, невозможно представить, что творилось. Начался полный разброд. Никто никого не слушает, никто никому не подчиняется. Никогда не забуду, как рыдал наш командир батареи.

Решили пробиваться к своим. Брели по лесам несколько дней. Я еще до этого заболел дизентерией. Она довела меня до того, что я еле ноги таскал. А тут окончательно выбился из сил. Сяду и без посторонней помощи встать не могу. Ну, напоролись мы на немцев. Внезапно. Лицом к лицу. Обороняться у нас было нечем — патронташи давно были пустые. Да и какая тут, откровенно сказать, оборона, если один без поддержки другого стоять на ногах не мог. Так я, комиссар, призывавший бойцов драться до последнего вздоха и сам не щадивший себя в бою, оказался в плену. И не просто стал пленным, а вроде как бы власовцем. Что тогда творилось в моей душе — не выразишь никакими словами! Но плетью обуха не перешибешь.

После пленения доставили меня на станцию Новинка Ленинградской области, где дислоцировалась восьмая рота 666-го карательного батальона. Сформирована она была из наших пленных для охраны железной дороги от налетов партизан. Кого тут только не было! И те, кто сдался вслед за Власовым по своей воле, и кто перебежал через линию фронта еще раньше, и кто, притаившись до поры до времени, дожидался прихода немцев, и кто наподобие меня попал как кур во щи. На командных должностях в роте, само собой понятно, были немцы.

Отряды этой роты ездили по окрестным деревням, забирали колхозный скот, хлеб, измывались над крестьянами, чинили расправу над советскими патриотами.

Я находился в группе из семнадцати человек, которая обслуживала эту роту. Ни в каких карательных операциях мы не участвовали, а выполняли различную хозяйственную работу: ухаживали за конями, пилили для кухни дрова, носили воду.

Как-то повар — немец — заставил меня присмотреть за котлом. До службы в армии я окончил Горьковский техникум общественного питания и в кулинарии понимал толк. А сварить котел супу не так уж мудрено. «Гут, гут!» — попробовав суп, удовлетворенно произнес повар. А на второй день я уже был приставлен к нему в помощники.

Работая на кухне, я стал присматриваться к людям и заводить знакомства. Мало-помалу нас сколотилась группа из десяти-двенадцати человек. Это были Сергей Стукалов, Андрей Елин, Иван Субботин, Виктор Ананьин, Виктор Лысанов, Петр Лосев и другие. Познакомился я также с жителем Новинки Иваном Канашенковым, через его детишек. Они иногда прибегали ко мне на кухню, и я тайком от повара подкармливал их супом. Вскоре у нас с Канашенковым установились дружеские отношения. Он рассказывал мне, что знал о партизанах, а я делился этим с товарищами.

А наши партизаны действовали вовсю. Осенью возле станции

Новинка, буквально под носом у карателей, они взорвали два километра железнодорожного пути. Движение поездов было приостановлено на неделю.

Потихоньку я начал прощупывать настроение товарищей, заговаривал о побеге.

Вечером двадцать восьмого сентября сорок третьего года — этот день крепко врезался мне в память — мы собрались на квартире у местной учительницы Елизаветы, по национальности полячки, с которой некоторые из нас были знакомы и которой я передавал иногда с кухни консервы. Пришли все, кроме Виктора Ананьина. Оказалось, что его угнали на какую-то работу в соседнюю деревню. А у него были карта и компас, добытые у немцев. Что делать? Бежать так или отложить? Учительница нервничает: вот-вот должен заявиться квартирант-немец. Договорились собраться на следующий день вечером.

А на следующий день все изменилось. Один из нашей группы — Анатолий Матиевич — сказал о замышляемом побеге своему товарищу. А тот — своему. Слух дошел до немцев. В полдень роту и группу ее обеспечения построили, у кого было оружие — отобрали и всех отправили на станцию Оредежь разгружать железнодорожный состав.

— Виктор, дело неладно, — говорит мне Елин.

А я и без него вижу, что неладно. Смотрю, выдергивают немцы из нашей группы одного за другим, уводят и запирают в подвал бывшего Дома культуры. Я хоть и вида не подаю, а на душе у меня кошки скребут.

Вечером загнали нас на ночлег в тот же Дом культуры, на третий этаж. У дверей выставили охрану. Лежу я на полу — лихорадит меня. А вдруг, думаю, да выколотят немцы из кого-нибудь, кого бросили в подвал, что им нужно, узнают организаторов побега...

Слышу, открылась дверь. Вошли двое: фельдфебель и фашистский прихвостень из пленных Алтанец Георгий. Карманными фонариками светят в лица спящим. Кто лежит книзу лицом, пинками заставляют перевертываться. Зажмурил я глаза, притворился спящим. Шаги все ближе, ближе. «Хир!» — значит: «Здесь!» — говорит Алтанец фельдфебелю про меня. И тут же — сильный пинок в бок.

— Поднимайсь!

Встал.

Подтолкнули к выходу.

Иду по двору, ночь такая светлая, лунная. Неужели, думаю, это последняя... Мысленно прощаюсь с женой, с детишками. Узнают ли они когда-нибудь, что их отец не был подлецом и погиб от вражьей пули, не покривив душой, с незапятнанной совестью. Нет, наверное, не узнают. Обидно стало до слез.

В комнате, куда привели меня, за столом — три гестаповца.

— Ваши карты раскрыты! — сказал один из них, едва я перешагнул порог. — Вчера ночью вы хотели бежать к бандитам! Кто еще есть в вашей группе? Говори, ну!

Всю свою волю скрутил я в тугой узел, улыбнулся и спокойно ответил:

— Куда же я побегу без ног по лесам, по болотам. Они вон знают, — показываю на фельдфебеля и Алтанца, — еще недели нет, как я бросил костыли.

И это была правда. В Новинке я переболел тифом, после которого у меня получилось осложнение на ноги. И хотя в последнее время чувствовал себя здоровым, но костыли не бросал, создавал видимость, что еще не совсем поправился.

Немцы о чем-то поговорили меж собой. Потом тот, который допрашивал, вышел из-за стола, приблизился ко мне.

— О, я вижу тебе весело!

Сильный удар рукояткой пистолета по голове.

Перед глазами у меня закружился рой разноцветных мотыльков. На ногах я удержался. Приказали стать в угол, лицом к стене, а в комнату ввели еще кого-то.

Слышу команду:

— Повернись!

Поворачиваюсь и вижу перед собой Лосева. Спрашивают меня:

— Знаешь его?

— Знаю.

Показывают Лосеву на меня:

— С ним хотел бежать?

— Нет! — отвечает твердо Лосев. — У нас о побеге даже разговоров никаких не бывало.

— Гут! Ты не говоришь — другой скажет.

Лосева увели. Мне снова приказали стать лицом к стенке. Приводят Ивана Субботина. Повторяется та же сцена. Очная ставка ничего им не дала.

В подвале мы томились больше двух недель. О чем только за это время я не передумал, каждому часу, каждой минуте своей жизни выверку сделал. Пасмурным днем в середине октября вывели нас всех на площадь. Приехали эсэсовцы, командир батальона обер-лейтенант фон Людерс. Отделившись от свиты, он приблизился к нам и начал говорить по-русски.

— Я пришел делайт здесь маленький операция. Когда есть больной, приходит хирург. Ви есть больной. Ви есть не наши друзья. Я буду делайт операция сам.

Из его ломаной речи мы поняли, что в других ротах батальона были побеги и попытки к бегству. Один взвод, почти одновременно с замышляемым нами побегом, полностью ушел к партизанам. Офицера-немца они убили.

«Так вот почему, — догадался я, — гестаповцы так упорно пытались выявить в роте зачинщиков».

Людерс дал знак, и из дверей подвала показались в сопровождении конвоя Сергей Стукалов, Иван Субботин, Анатолий Матиевич. Они шли со скрученными сзади руками. Одежда на Субботине висела клочьями. На теле, казалось, не было живого места. Их остановили в середине полукольца, перед нами.

— Они есть бандиты! — показал на них перчаткой обер-лейтенант и добавил, что каждого из нас ждет такая же участь, если мы вздумаем бежать из батальона.

После этого наших товарищей увели под мост через реку Оредежь и расстреляли. Нас загнали в вагоны и увезли на запад. Так я очутился во Франции.

Вот что я рассказал тогда французу.

— Теперь вы знаете обо мне все! — заявил я ему в заключенье. — И я прошу вас дать мне убежище или немедленно переправить к маки́. В лагерь я не поеду!

Француз вскочил и стал нервно ходить взад-вперед по комнате. Он так и кипел весь, едва сдерживая себя. Мой «ультиматум», очевидно, сильно задел его за живое.

— Вы — человек военный, — сказал он мне строго, — и должны понимать, что такое приказ. А приказ такой: вам остаться в батальоне, вести пропаганду среди русских солдат, информировать их о положении на фронтах и постепенно сколачивать вокруг себя надежное ядро. Это пока все!

— Чей приказ? — спросил я.

— Местной организации Резистанс.

— Резистанс? Первый раз слышу. Что это такое?

— В электричестве — активное сопротивление. В жизни — еще более активное и стойкое сопротивление французских патриотов гитлеровцам. Резистанс объединяет и франтирёров и маки́.

Откровенно признаться, я тогда не разбирался, какая между ними разница, и сказал об этом французу.

— Очень незначительная, — разъяснил он мне. — И те и другие ведут борьбу за освобождение Франции от оккупантов. Цель, как видите, одна, но средства разные. Маки́, или по-вашему, партизаны, скрываются в лесах и горах, откуда делают на немецкие подразделения внезапные налеты. Франтирёры внешне ведут обычный образ жизни: спят дома в своих кроватях, работают, гуляют по улицам, сидят в кафе, но тайно состоят в боевых организациях и действуют по их заданиям. Мои друзья предлагают вам стать франтирёром. Как, согласны?

— А какая будет моя задача?

— Кроме того, что я уже сказал, постарайтесь разузнать, где и какие возводятся на побережье оборонительные сооружения. Желательно иметь их подробную характеристику.

Так я стал франтирёром. У меня появилась цель в жизни, и не какая-нибудь отвлеченная, а конкретная. Наконец-то мне удалось нащупать контакты, которые я так долго искал. Если до этого я фактически долбил

землю за черпак брюквенной похлебки и с жадностью съедал эту баланду, чтобы опять долбить землю, то теперь мог мечтать, и стремления начинали становиться явью.

Каждый мой взмах ломом — это помощь врагу, это, если хотите, удар по своим. Раскаленным углем, ни на минуту не затухая, горела в груди ненависть, жгла душу, не находя выхода. И от этого и без того тяжелая жизнь становилась еще тяжелее. А теперь все пошло по-иному. Теперь я знал, что нужен Резистанс, нужен незнакомым мне людям, которые борются за освобождение своей страны от фашистов, а это значит и за освобождение моей Родины. И на душе стало немного веселее.

В то время Франция жила ожиданиями второго фронта. Даже высказывались предположения о месте высадки десанта. Одним из наиболее вероятных мест упоминался юг страны. Здесь, якобы, союзники намереваются перебросить мост из Африки в Европу. Слухи об этом проникали и к нам. Да, между прочим, мы и сами кое о чем догадывались. Не зря же немцы создали из советских военнопленных строительные команды и привезли нас за тридевять земель строить укрепления. Поэтому понятно, какое важное поручение дал мне хозяин ювелирного магазина.

В батальоне были у меня надежные друзья. К тому времени я крепко сдружился с Константином Хлебниковым, Александром Ивановым, Василием Паршиным, Иваном Монаховым. Всякий раз они с нетерпением ждали меня из Безье, зная, что я привезу самые последние, самые свежие сведения о событиях на фронтах. Через них я и начал собирать необходимые данные о строительстве оборонительных сооружений. Мне думается, они понимали, что интересуюсь этим я неспроста, но ни о чем не спрашивали, а я до поры до времени решил не говорить.

Сведения накапливались постепенно. Мы собирали их не день и не два. Все, что рассказывали мне друзья, я должен был держать в уме. Записей, конечно, никаких не вел. Запоминать приходилось многое — и виды оружия, и количество стволов, и калибры, и толщину стен укрытий.

В мае сорок четвертого года, по-моему, где-то уже в конце, мне снова выпало ехать в Безье. На этот раз мы встретились с хозяином ювелирного магазина, как старые знакомые. Каким-то путем, я уж не знаю каким, но очень быстро, он пригласил к себе в комнатушку еще одного такого же чернявого южанина. Тот принес карту побережья — небольшой участок — как раз, где мы работали. Мы расстелили ее на столе и принялись наносить линию укреплений. Я рассказывал, где установлены полевые, зенитные и береговые батареи, сколько их, где оборудованы минометные и пулеметные гнезда, натянуты заграждения, подготовлены командные блиндажи. Хозяин переводил с русского на французский, а тот, третий, делал пометки на карте.

— А как русские относятся к немцам? — спросил меня под конец встречи хозяин.

Я ответил, что по-разному. И это было действительно так: у нас в батальоне были и такие, что добровольно сдались в плен, по своей охоте служили немцам. Мне посоветовали исподволь готовить надежных людей к активному сопротивлению, а при удобной ситуации в будущем — и к восстанию. Но предупредили: при малейшей опасности немедленно уходить из батальона.

— В случае чего приходи ко мне, я тебя переправлю в надежное место, — пообещал француз.

Но обстоятельства сложились так, что мне не пришлось воспользоваться его услугами. Мои посещения ювелирного магазина не остались незамеченными и, видимо, вызвали подозрения. Друзья в батальоне предупредили о надвигающейся опасности. Я не стал ждать, пока меня начнут допрашивать под пытками. Как в Новинке. Пятого июля ночью вместе с Константином Хлебниковым и Александром Шестаковым ушли в горы. Мы сбежали, когда наша команда в пешем порядке передислоцировалась в другой населенный пункт. Несколько суток мы плутали в отрогах Альп, прятались в виноградниках и кукурузе. Потом попали на какую-то ферму. Хозяин ее, пожилой француз по имени Аман, узнав, что мы русские, принял нас очень гостеприимно, предложил поесть, принес вина. С большим трудом нам удалось объяснить, что мы хотели бы пристать к партизанам. «Маки́, маки́», — говорили мы ему. Аман привел молодого парня. Мы ему повторили нашу просьбу. Они о чем-то поговорили, парень ушел и принес мне одежду: брюки, блузу, берет. Брюки и блуза были голубого и темно-зеленого сукна. Оказалось, что это цвета маки́. На блузе виднелись следы засохшей крови. По всей вероятности, блуза была снята с раненого или убитого француза, может быть, даже с сына этого старого виноградаря.

На второй день мы уже были, как потом выяснилось, в одном из отрядов одиннадцатой партизанской бригады, которой руководил прославленный Мануэль Люкас. В отряде было полное смешение языков. Тут были и испанские антифашисты, и французы, и русские. Получив автомат и патроны, я, наконец, вновь обрел возможность драться с врагами с оружием в руках.

К тому времени в Нормандии высадились союзники. Там и французские части были. Немцам пришлось поспешно перебрасывать туда свои войска с южного побережья, но под ударами партизан эта перегруппировка иногда превращалась в беспорядочное бегство. Наши внезапные и стремительные налеты наводили на немцев страх.

Однажды наша бригада, преследуя немецкую часть, прижала ее к реке Роне. Мосты через Рону мы предусмотрительно взорвали, и немцы не могли переправиться с ходу. Завязалась ожесточенная перестрелка. Но продолжалась она недолго. Потеряв несколько десятков убытыми и ранеными и убедившись, что из этой ловушки им нет выхода, немцы сложили оружие.

Вам, может быть, покажется несколько странным мое состояние в то время. Но я ликовал, я был, что называется, на седьмом небе! Подумать только: я, вчера еще сам немецкий военнопленный, брал немцев в плен. Да неужели это правда! Неужели это наяву, а не во сне!

Вторая крупная схватка произошла в конце августа с отступающей колонной немецких войск и власовцев. У населенного пункта Юзес, на повороте дороги, мы устроили засаду. Огонь по колонне открыли внезапно. Некоторые солдаты сдались сразу, без сопротивления — бросили на шоссе оружие и подняли руки. Но офицеры, эсэсовцы и власовцы укрылись в ложбине, виноградниках, и стали отстреливаться. Отступать им было некуда,

они оказались в мешке. Когда перестрелка немного утихла, командир приказал мне обратиться к окруженным на русском языке с предложением сдаваться. Я приподнялся и крикнул:

— Русские, бросайте оружие, переходите на нашу сторону!

В ответ раздались выстрелы. Не помню, как я бросился в канаву. Мы открыли по ложбине кинжальный огонь из пулеметов, забросали ее гранатами. Виноградники огласились паническими криками и стонами раненых. Через несколько минут остатки разбитой колонны прекратили сопротивление. Удивительное это было зрелище: серое отполированное автомобильными шинами шоссе, и на нем, словно на ленте конвейера, лежат поперек, отливая на солнце вороненой сталью, автоматы, пулеметы, пистолеты...

Вскоре наша бригада разделилась на две группы: французы отправились на формировку, чтобы присоединиться к своим регулярным войскам, испанцы решили сгруппироваться в одно соединение, намереваясь пересечь франко-испанскую границу и выступить против генерала Франко.

Мы присоединились к партизанскому отряду Отария Ишхнели, находившемуся в районе Тулузы. Этот отряд был преобразован в батальон, а затем перерос в полк. Меня назначили комиссаром этого полка. Партизаны под командованием Ишхнели (тоже бывший военнопленный офицер, по национальности — грузин) освободили от немцев первый на юге Франции крупный город Кастр.

По дороге в Тулузу я заскочил в Безье. С волнением вошел в ювелирный магазин навестить друга-француза. В магазине никого не застал, и золотые изделия куда-то подевались все. Тревожно стало на душе: неужели схватили? Расправились? Бегом на четвертый этаж. Дома — одна старушка.

— Виктор! — окликает меня женский голос.

Оглядываюсь и вижу жену владельца магазина. Она кидается мне на шею, как родному брату. Стаскивает с меня бурку, усаживает за стол. А вот и сам хозяин, приехал откуда-то весь запыленный. Он крепко стискивает мою руку и спрашивает:

— Живы-здоровы? Хорошо! Откуда сейчас?

— Из одиннадцатой испанской бригады Люкаса Мануэля, — отрапортовал я и добавил: — Дрался рука об руку с партизанами Люкаса, а вот самого его и в глаза не видал, не пришлось.

— Не горюйте, еще не все потеряно, — хлопнул меня француз по плечу. — Люкас перед вами!

От удивления я даже рот раскрыл. А он продолжал как ни в чем не бывало:

— Благодарю вас за помощь. Ваши сведения оказались очень ценными и очень нам пригодились. Я направил их в штаб движения Сопротивления департамента Гаронны.

Я гостил у Люкаса сутки. Нашим разговорам, казалось, не будет конца. Я рассказал ему об уходе в горы, о боевых действиях отряда. Он мне — о себе. До войны Люкас учился в Москве, поэтому сравнительно свободно владел русским языком. В дни фашистского мятежа в Испании

сражался в рядах республиканцев, после падения Барселоны оказался во Франции. Но и здесь, за пределами Родины, он продолжал вместе со своими друзьями-соотечественниками драться против старого врага — фашизма. А когда я ему заметил, что с его стороны, как руководителя бригады, было рискованно приглашать меня к себе на квартиру да притом еще не раз, он отделался шуткой: это-де было сделано только для меня, в виде исключения.

Мы расстались друзьями.

Позже, весной сорок пятого, по просьбе наших репатриационных органов он написал обо мне вот этот отзыв.

Виктор Иванович подвинул лист бумаги, на котором убористым шрифтом было напечатано:

«Товарищ!

Получив запрос подробно познакомить с антифашистской деятельностью советского гражданина Виктора Козлова, бывшего военнопленного немцев, я с удовольствием даю Вам подробное описание для Вашего ознакомления.

Действительно, Козлов имел связь со мной с января 1944 г. здесь, в Безье, и с этого времени начал работать под началом Коммунистической партии Испании, в Безье представителем которой являюсь я. Он организованно работал против немцев в районе средиземноморского побережья Агд-Сет. С первых дней наших собеседований (я знаю немного русский язык) я констатировал у Козлова стремление к борьбе против завоевателя его страны и Франции. В каждом слове чувствуется смертельная ненависть против гитлеровцев. Эти чувства нас сближают, объединяют нашу дружбу и скрепляют наши отношения.

С разрешения моей партии я даю ему политические инструкции для создания духа борьбы и боевого окружения между его советскими товарищами, чтобы они могли в настоящий момент (в согласии с Резистанс и мятежным движением во Франции) сделаться хозяевами их сектора и ликвидировать немцев, которые будут оказывать сопротивление.

Козлов имел связь только лишь со мной и у меня, но его работа проходила под контролем коммунистической испанской партии в Безье.

От марта месяца 1944 г. он меня просил настойчиво перевести его в маки́, но наша партия считала, что его работа в строительном подразделении будет более полезна маки́, но, если его положение станет нестерпимо, чтобы он пришел ко мне, и я его направлю в маки́. Козлов остался у немцев, подчинился партийной дисциплине.

В мае месяце, в присутствии другого испанского товарища, с топографической картой побережья Агд-Сет на столе, Козлов нам указал места концентрации немцев, количество их составов, военного материала, калибр орудий и все детали, которые интересовали Резистанс.

В июле месяце немцы открыли его деятельность. Он должен был бежать с двумя своими товарищами: Хлебниковым Константином и Шестаковым Александром. Во время побега они не смогли прийти в Безье, где, Козлов знал, они могли бы перейти в маки, и должны были взять направление на Монпелье-Ним.

Между тем, произошло немецкое отступление. И когда мы потеряли надежду их увидеть, он появился в сентябре месяце, и так как его работа была все время под управлением ком. испанской партии, я его сопроводил на мотоциклете в испанское маки́, работавшее в районе Клермон-л-Эро, потом перешедшее в Пиренеи (Кийан и позже в Баньер де Люшон).

Здесь он исполнял функции чисто партизанские и его военная деятельность в маки́ контролировалась только «группой испанских Гериллерос».

Это удостоверение сделано с согласия комитета зоны коммунистической партии и 7-го комитета района Испанского национального союза, в котором я представляю компартию.

Безье, 25 марта 1945 г. М. Люкас.

Правильность перевода удостоверяет Союз советских патриотов во Франции».

Внизу — печать Союза.

— Ну, а эти документы были написаны и награды вручены уже после победы.

Виктор Иванович показал отзыв французского полковника, выразившего ему за активное участие в Резистанс письменную благодарность, выписки из приказов, говорящие о том, что офицер Советской Армии Козлов В. И. «по приезде во Францию немедленно вошел в связь с французской Резистанс, участвовал в освобождении нескольких городов, особенно города Юз, где во главе своего отряда нанес врагу тяжелые потери», за что награжден Военным крестом с серебряной звездой, а также тремя другими крестами, а от советской военной миссии по репатриации — золотыми часами.

— Вот и вся история этих документов, — произнес Виктор Иванович. — Помогли ли они мне? К сожалению, нет. — Он горько усмехнулся. — После долгих лет разлуки с родными, после стольких мытарств, унижений, физических и моральных пыток в плену я рвался домой и был безмерно рад, когда наступил день нашей отправки на родину. Я ехал без всяких угрызений совести, так как ни в чем не был виноват. Я даже немного бравировал французскими наградами: смотрите, мол, и я не из робкого десятка. Но на Родине меня встретили так, как я и думушки не думал. Здесь все рассудили иначе и сорвали у меня с груди эти награды. Семь лет в период культа личности пробыл я в заключении. А спросите меня: за что — не скажу, не знаю. Я хотя и служил в армии, которую предал Власов, хотя и находился в группе обеспечения немецкого карательного батальона, но ведь ни власовцем, ни предателем, ни изменником, ни карателем ни одного дня, даже часа, не был. Да и зачем мне это говорить — только виновные оправдываются.

Награды и эти документы мне вручили вторично после полной реабилитации. Правда, на этот раз не во Франции, а здесь, в Омутнинске. Вручал наш военком.

Сейчас все это уже в прошлом. Все недоразумения рассеялись, и все стало на свои места. Работаю я по старой довоенной специальности — начальником общественного питания Омутнинского горторга.

Эх, повидать бы сейчас Люкаса! Пожать бы ему руку, поговорить о совместной работе в Резистанс. Если бы вы знали, какой это человек!

Прощаясь со мной, Козлов посмотрел на стол и воскликнул:

— Накурил-то сколько, батюшки!

На столе лежали пустая пачка «Беломора», обкусанные в волнении окурки и ломанные обгорелые спички.

Ардашев М. А. Дорога сквозь смерть. Киров, 1962. С. 3—20.

Е. ЖУЙКОВ

ШЛИ МАЛЬЧИШКИ НЕ ЗА СЛАВОЙ

Соловецкие юнги, наши мальчики русские,
Ваши плечи, по-детски худые и узкие,
Заслонили просторы родной вам России.
Будьте ж вечно героями!
Будьте ж вечно живыми!

Эти стихи поэт Л. Вахромеев написал в 1972 году в день открытия на Соловецких островах обелиска в память о юнгах, стоявших насмерть вместе с моряками на рубежах нашей Родины. На обелиске высечены слова:

«Воспитанникам Соловецкого учебного отряда Северного флота и школы юнг Военно-Морского флота, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

Стоял жаркий июль 1942 года. Внимание всех советских людей было приковано к сообщениям Совинформбюро о боях на правом берегу Дона. Именно там Красная Армия сдерживала противника, рвущегося к Сталинграду, к кавказской нефти.

В это время по Белому морю шел с заметным креном на правый борт, скрипя снастями, повидавший виды пароход, назывался он, правда, не по возрасту молодо «Краснофлотец».

Необычные пассажиры были на нем — в основном, вчерашние шестиклассники. Они плыли на Соловецкие острова, чтобы учиться в школе юнг и, получив специальность, заменить на боевых кораблях ушедших в морскую пехоту.

Стремясь попасть на фронт, в суровые годы войны быстро повзрослевшие мальчишки, осаждали военкоматы, райкомы комсомола, писали письма в ЦК ВЛКСМ, в политуправление армии и Военно-Морского флота. Они просили взять их на корабли юнгами, сынами полков, а некоторые просто самовольно пытались попасть на фронт. Учитывая затяжной характер войны и патриотический порыв молодежи, наркомат Военно-Морского флота и ЦК ВЛКСМ приняли решение о создании школы юнг. В приказе от 25 мая 1942 года, подписанном народным комиссаром Военно-Морского флота Н. Г. Кузнецовым, говорилось: «Школу укомплектовать комсомольцами и не комсомольцами в возрасте 15—16 лет, имеющими образование в

объеме 6—7 классов, исключительно добровольцами с дислокацией на Соловецких островах».

В июне 1942 года решение о наборе в школу юнг было принято и Кировским обкомом комсомола. Весть о создании школы юнг быстро облетела область. Невозможно было удовлетворить просьбу всех ребят, желающих попасть в эту школу. Правила приема предусматривали: родители или лица, их заменяющие, должны дать письменное согласие на поступление сына в школу.

Бывший юнга Владимир Соболев вспоминал, что на заявлении в райком комсомола о приеме подписи отца и матери он подделал и сообщил родителям об отправке в школу за один день до отъезда. Что тут было! Мать — в слезы, запрещение и угрозы, но Володя все вытерпел, поступил в школу юнг и после ее окончания защищал Родину с оружием в руках на Северном флоте. После демобилизации закончил среднюю школу, лесотехническую академию, работал председателем облплана, начальником Управления пищевой промышленности. На 56-м году жизни смерть вырвала его из наших рядов.

На перроне перед посадкой в вагон командир построил ребят, первых посланцев Кировской комсомолии. В потрепанных пиджачках, в измятых широких брюках, неловко потоптавшись, они кое-как выровняли шеренги. Командир посмотрел на строй и еще острее понял, что перед ним совсем еще дети: нетронутые бритвой лица, худенькие плечи. Следя за выражением устремленных на него доверчивых глаз этих «салажат», командир предупреждающе произнес: «Там, куда вы поедете, будет очень трудно. Суровая земля, камень, сильные морозы, ничего готового там нет — ни жилья, ни учебных классов. Ни-ч-ч-чего! Все придется строить своими руками. Каждому ли такие трудности будут по плечу? Кто колеблется, кто твердо не решил, пусть останется здесь и выйдет из строя».

Охотников покинуть строй не оказалось.

В Архангельске увидели войну. Фашистские самолеты бомбили город. Оглушительно гремели зенитные орудия, рвались бомбы. Крики людей, пожары. Особенно долго горели склады.

Прямо с поезда мальчишек бросили гасить огонь. Они целыми днями спасали ящики с оборудованием, продукты, обмундирование, материалы. Тушили один пожар, а немцы зажигали в другом месте, и огонь вспыхивал вновь. Наконец-то в городе справились с пожарами, и во флотском экипаже в Соломбале, где разместились юнги-новобранцы, жизнь постепенно налаживалась.

Среди первых юных добровольцев были: Владимир Суслопаров из Куменского района, Алексей Болдырев и Петр Рябов из Омутнинска, Василий Градобоев из Опаринского района, Евгений Ситчихин из Верхнекамского района, Анатолий Бехтерев со станции Лянгасово, Павел Козловских из Медянского района, Евгений Корзулин, Игорь Борисов, Поликарп Орлов, Василий Чураков из города Кирова и другие представители почти всех городов и районов области. Всего в первый набор пришло 1500 добровольцев со всех уголков страны.

Серьезным испытанием была медицинская комиссия, дотошные

врачи проверяли слух, зрение, измеряли рост. Тех, кто не дотянул до 150 сантиметров, не брали. Но не было преград для мальчишек, решивших связать свою судьбу с морем. Многие прибавляли себе годы. Уже в первый набор было зачислено шесть подростков, которым исполнилось всего по 14 лет.

Леонид Христолюбов, не прошедший врачебную комиссию, поступил по документам Сергея Королева. Целый год он учился под чужой фамилией. Леонид отлично окончил школу и был направлен на Черноморский флот матросом торпедного катера, но уже под своей фамилией.

Выдали морскую форму. Немало пришлось потрудиться, чтобы она не топорщилась, не свисала с худеньких плеч, а придавала подросткам бравый вид. У многих ребят на глазах навернулись слезы, когда они увидели на бескозырках вместо длинных лент, как у настоящих моряков, «девчоночный бантик». Валентин Пикуль, юнга первого набора, свою повесть о школе юнг так и назвал «Мальчики с бантиками».

Ребят теплоходами доставили на Соловецкие острова, многие из нас впервые увидели море. Разместилась школа на одном из островов, в местечке Саватьево, в 165 километрах от Полярного круга и 60 километрах от фронта, где сохранились небольшой дом настоятеля, монастырская гостиница, церквушка и каменная баня петровских времен. Юнги спали в казематах, обедали в трапезной, оборудованной под столовую, занимались в монашеских кельях.

На овеянном легендами Большом Соловецком острове на плечи подростков выпали далеко не ребячьи испытания. В условиях сурового севера, живя в палатках, умываясь снегом, питаясь под открытым небом, ребята строили школу, землянки для жилья, клуб, столовую, рыли котлованы, корчевали пни, валили и пилили лес, ворочали валуны, не имея техники, вручную, так как у будущей школы была одна машина-полуторка и лошадь. Привыкать к суровой флотской жизни нелегко. Иные из нас украдкой плакали под одеялом, когда одолевала тоска по дому, по маме, но днем в строю старались не уронить мужественное звание юнги. К концу сентября в тяжелых условиях Заполярья построили школу. Ребята с честью выдержали первую серьезную проверку.

Началась напряженная учеба по 10—12 часов в сутки, а над головами то и дело гудели немецкие самолеты. По ночам частые боевые тревоги. Фашисты бомбили Архангельск и Соловки. Юнги, принявшие присягу, как полноправные бойцы истребительного батальона, оборонявшего Соловецкий архипелаг, прочесывали леса, обезвреживали вражеских диверсантов, тушили пожары после бомбежек, с особой бдительностью несли охрану островных боевых объектов и упорно овладевали морскими и военными знаниями.

Внимательными и чуткими были воспитатели-учителя школы, пришедшие с фронтов и боевых кораблей. Много сил отдал организации учебы начальник школы, капитан 1 ранга Н. Ю. Аврамов, потомственный морской офицер, автор многих научных работ по морскому делу, кавалер целого ряда боевых орденов.

Душой «юнгашей», как зовут сейчас себя бывшие юнги, был делегат 10-го съезда комсомола, подводник, комиссар школы С. С. Шахов, ныне

капитан 1 ранга, возглавляющий Центральный совет ветеранов Соловецкой школы юнг ВМФ.

Шла война, часто приходили ребятам письма о гибели родных и знакомых, зверствах фашистов, юнги рвались на фронт.

И вот закончился напряженный учебный год, наступила пора отправки на боевые корабли флотов и флотилий. Состоялся митинг, на котором выпускники дали клятву Родине:

«Великая Советская держава! В день отправки нас на боевые корабли мы клянемся: умножать боевые традиции советских моряков, отдать силы, отдать жизнь, если потребуется, за свободу и независимость нашей Родины».

Эту клятву они сдержали. Многие выпускники школы уже в первых боях проявили высокое мужество и получили награды Родины. Среди них Иван Зорин, участвовавший в потоплении двух немецких подводных лодок. Юнга Владимир Моисеенко удостоен звания Героя Советского Союза. Легендарным стало имя Александра Ковалева. После окончания школы он служил мотористом на торпедном катере № 209 Северного флота, за участие во многих боевых операциях был награжден орденом Красной Звезды и медалью Ушакова. В мае 1944 года катер 209 торпедировал фашистский транспорт. В разгар боя осколком снаряда был пробит коллектор мотора, из пробоины под большим давлением забила струя кипящей воды, перемешенная с парами машинного масла. С минуты на минуту перегревшиеся моторы могли взорваться, и тогда катер, потерявший ход, стал бы мишенью для врага. Саша мгновенно принимает решение — грудью закрывает пробоину. От страшной боли мутится сознание. Моторы не взорвались. Катер благополучно вышел из зоны обстрела и вернулся на свою базу.

Командир дивизиона торпедных катеров капитан 3-го ранга Герой Советского Союза С. Г. Коршунович после боя в наградном листе писал: «Разорвавшимся снарядом в моторном отсеке Александр Ковалев был контужен, но несмотря на это, отчаянно боролся с водой, поступающей через пробоину в отсек, а когда снарядом был пробит коллектор мотора, юнга телом закрыл пробоину, из которой ключом била горячая вода и газы. Своим самоотверженным поступком юнга сохранил катеру ход и жизнь экипажу».

Саша Ковалев посмертно был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Славно воевали посланцы кировской комсомолии, а их за все три военных выпуска школы было более двухсот.

О своих боевых делах рассказывают эти люди скупо, сдержанно. Все делали свое ратное дело, это была чисто мужская работа и относились к ней соответственно. Непривычная, трудная, опасная — но делать ее надо было. А работать кировские мальчишки умели, все они еще перед школой юнг успели потрудиться — кто на поле, кто на заводе.

Среди нас сейчас живут выпускники Соловецкой школы: В. И. Суслопаров, В. И. Бадьин, В. А. Ходырев, В. Д. Лаптев, И. Б. Увицкий, В. Г. Кирилловых, В. А. Фоминых в городе Кирове, А. А. Бехтерев в поселке Лянгасово, Е. Ситчихин в Верхнекамском районе, П. А. Козловских в городе Кирово-Чепецке, В. К. Давыдов в городе Орлове, Е. Ф. Макаров и

В. С. Блажевич в поселке Мурыгино, Г. Д. Торчков в городе Уржуме, В. М. Сергеев в поселке Суна, П. Рябов в городе Омутнинске.

Война разбросала земляков по многим уголкам нашей страны. В. И. Наговицын работает в городе Братске — директором школы, И. П. Новокшонов — на Челябинском металлургическом заводе, А. Я. Мережин — в сельском хозяйстве Краснодарского края.

Многих уже нет, не дожив до «пенсиона», ушли из жизни В. А. Шабалин, В. Д. Чураков, Е. П. Корзулин, Г. П. Садырин, В. Н. Смирнов, Ю. А. Старостин, Б. В. Рылов, Г. П. Стариков, и этот скорбный список можно продолжать.

Те, кто есть, держатся друг за друга. Часто встречаются. Два года назад на Соловках я был участником встречи бывших юнг, посвященной 50-летию школы. Видел слезы на глазах поседевших ветеранов, видел, как искали они в лесу следы своих землянок, как ласково притрагивались руками к камням, выложенным ими вдоль ротных линеек.

Помню, как поразили меня бесхитростные стихи юнги Вадика Василевского, услышанные тогда впервые из уст постаревшего друга:

Мы первую любовь
узнали позже,
Чем первое ранение
в бою...

Нахлынуло в памяти давно пережитое, когда бродили среди сосен, знакомых валунов, фотографировались на фоне стен знаменитого Соловецкого монастыря.

Многое могут рассказать о своих боевых днях эти уже немолодые ветераны.

«Гремела канонада, то здесь, то там взметались столбы воды. Над морем плыли черные облака дыма — торпедные катера вели бой». Так о памятной операции писала газета «Краснофлотец» Северного флота, а участник ее Алексей Данилович Болдырев, уроженец г. Омутнинска рассказывал.

14 июля 1944 года воздушная разведка обнаружила вражеский конвой у Варангер-фиорда: шесть транспортов, сопровождаемых двумя эскадронными миноносцами, шестью сторожевыми кораблями, тремя тральщиками и шестью сторожевыми катерами — всего 23 единицы. Бригаде катеров было приказано нанести торпедный удар по каравану. Болдырев служил на катере № 238. В 10 часов 30 минут обнаружили караван.

— Атакую транспорт! — скомандовал командир, лейтенант Никитин. Катер летел на врага. Фашистские корабли открыли по нему ураганный огонь. Но командир, словно ничего не слышал, держал курс по прямой. А потом катер будто споткнулся, осколок снаряда пробил палубу, попал в моторный отсек, убил моториста, смертельно ранил радиста, были ранены командир отделения пулеметчиков, комендор и боцман. Тогда Болдырев стал управлять двумя моторами. Но вновь раздался взрыв. Моторный отсек наполнился дымом, который разъедал глаза, вызывал удушье, мучительную боль в висках, но юнга сумел обеспечить ход и скорость.

И вот транспорт противника совсем близко. Командир молниеносно произвел расчет. Осталось немного — пустить торпеды. Но когда катер оказался на дистанции торпедного залпа, снаряд с вражеского миноносца ударил в боевую рубку. Смертельно ранен торпедист, упал на палубу пулеметчик. Осколки снаряда продырявили кожух торпедного аппарата. К счастью, уцелел командир отделения торпедистов. Он стоял у аппарата и ждал команды. Вот рука командира вскинулась вверх и резко опустилась. Торпедные аппараты, громко ухнув, вытолкнули из труб торпеды. Секунды — словно вечность. Катер, отвернув, лег на борт. Смотреть на торпедированный вражеский корабль некогда. А он уже разломился пополам.

Корабли охранения обрушили на катер ливень огня. В такой обстановке вся надежда на мотористов. В моторном отсеке стоял непроглядный дым, перемешанный с парами бензина, но катер вернулся на родную базу. За эту операцию А. Д. Болдырев был награжден медалью Ушакова.

Владимир Иванович Суслопаров за боевые подвиги был награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и двумя медалями Ушакова. Сохранились его воспоминания об одной операции. Торпедный катер, на котором он служил боцманом, ставил мины у берегов Норвегии. Работали день и ночь, выполнили задание. Только вернулись — срочный выход на четырех катерах к острову Варде, там немцы сформировали конвой-эсминец и два сторожевика. Рыскали туда-сюда, нет немцев. Совсем уже собрались домой. Суслопаров по боевому расписанию находился у носовой пушки. Смотрит в море, аж глаза ломит. И вдруг — вроде корабли: «Слева 35, вижу силуэты!» Тут катера засекла береговая артиллерия и открыла шквальный огонь. Но было уже поздно. На быстром ходу вынырнули немцу под самый нос, с полутора кабельтовых залп торпедами. Эсминец сразу переломился. Сторожевые катера попытались уйти, но не тут-то было.

После возвращения на базу командир спрашивает: «Кто первым обнаружил противника?» — «Боцман юнга Суслопаров», — ответил помощник командира. А через несколько дней представили юного моряка к награждению медалью Ушакова.

Бывший юнга из г. Кирова Василий Дмитриевич Чураков — он ушел из жизни, не достигнув пенсионного возраста — служил в дивизионе торпедных катеров на Черном море. Катера высаживали десанты в Крыму, действовали и на морских путях отхода гитлеровцев из Севастополя. Всего соединение потопило около тридцати вражеских транспортных и боевых единиц.

После окончания войны Василий Дмитриевич служил в дивизионе тральщиков, который тралил висячие мины у Тамани, Новороссийска, Анапы, Керчи и в других районах Черного моря. Был случай, когда в районе Новороссийска катер подорвался на мине, шестеро из команды погибли. Одним словом, война для Чуракова продолжалась еще два года.

Выпускник школы Валентин Федорович Мельников служил на Тихоокеанском флоте. Кроме медали Нахимова, он удостоен еще восьми наград, в том числе и медали «За освобождение Кореи». В одном из боевых походов катерам надо было высадить десант у города Сесин, что на севере Кореи. Видимость была хорошая, и японцы засекли катера. К берегу идти

надо, а нельзя. Решили схитрить. Пошли мористее, мимо места высадки. Японцы успокоились. А потом — разворот и на всю катушку к берегу. Спохватились японцы, с мыса Колокольцева, с маяка — кинжальный огонь. Пришлось тут туго и рулевому, и тем, кто в машине. Не успевали команды выполнять. С волны на волну прыгали. Это и спасло. Почти без потерь высадили десант. Командир катера мичман Чиж орден Красной Звезды получил, а Мельников — медаль Ушакова.

За участие в боевых операциях на Черноморском флоте бывший юнга Василий Дементьевич Градобоев из Опаринского района награжден орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «Боевые заслуги». Много лет прошло с той военной поры. Василий Дементьевич водил паровозы и тепловозы по северным лесным магистралям, был начальником УЖД Опаринского леспромхоза. Завидя издали его широкие плечи, приметя развалистую походку моряка и трубку под усами, мальчишки в Опарино говорили друг другу: «Смотри — боцман идет». Жаль, что Василий Дементьевич уже не встретит с нами, живущими, 50 лет Победы.

Более двухсот кировчан, окончивших школу юнг в годы войны, принимали активное участие в боевых операциях на Северном, Балтийском, Черноморском, Тихоокеанском флотах, Дунайской, Амурской флотилиях, все они за ратные подвиги удостоены боевых правительственных наград.

Но война есть война. Юрий Булычев на Балтике прошел путь от Ленинграда до Восточной Пруссии. В неравном бою торпедный катер, на котором он был боцманом, фашисты подбили. Тело Юрия Булычева было обнаружено на берегу моря. Друзья опознали его по комсомольскому билету. Ю. Булычев похоронен в братской могиле в городе Клайпеда.

Памятники на Соловецких островах и в городе Архангельске напоминают потомкам о поколении мальчишек военного времени, которые вместе с отцами с оружием в руках отстаивали свободу и независимость нашей Родины.

После войны многие юнги стали руководителями предприятий, советскими и хозяйственными руководителями, начальниками участков, отделов, передовыми рабочими, а другие связали свою жизнь с морем и нашей Армией. Бывший юнга В. Соболев стал руководителем областной плановой комиссии, С. Богданов — директором завода, Ю. Князев — художником, Г. Стариков — полковник, руководитель крупной ракетной войсковой части, И. Увицкий — руководитель отдела КБ «Север», В. Чураков — руководитель ОТК завода, В. Наговицын — директор школы.

Бывшие выпускники Соловецкой школы юнг принимают участие в героико-патриотической работе среди молодежи. Они — не редкие гости в школах, ПТУ, выступают перед молодежью и будущими воинами с воспоминаниями о своей боевой юности. И все мы — это большая дружная семья, встречаемся на слетах боевых друзей в Кирове и на Соловецких островах.

По решению ЦК ВЛКСМ первая встреча ветеранов Соловецкой школы юнг, участников Великой Отечественной войны состоялась в 1975 году, четвертая по счету встреча была на Соловках в 1992 году, ее приурочили к 50-летию школы. Почетными гостями на встречах были: адмирал флота И. Д. Сергеев, адмирал, бывший начальник Учебного отряда

Северного флота, при котором была открыта школа юнг, В. М. Гришаков, вице-адмирал дважды Герой Советского Союза А. О. Шабалин.

Непременными участниками наших встреч были бывшие юнги, а ныне вице-адмирал Герой Советского Союза В. К. Коробов, вице-адмирал Ю. А. Воронов, контр-адмиралы В. Г. Копытов и В. Н. Лукьянов, Герой Советского Союза космонавт Рождественский, писатель В. Пикуль, народный артист СССР, лауреат Государственной премии Б. Штоколов.

В настоящее время готовится новая встреча на Соловецких островах, посвященная 50-летию Победы.

Школа дала флоту более 4 тысяч высококвалифицированных специалистов, воспитанных в духе преданности народу, они в составе флотов и флотилий показали образцы героизма и мужества.

Впервые Родина узнала
О скромном подвиге юнцов:
Встал обелиском в Заполярье
Наш юнга — Саша Ковалев!
Вернулись мы домой не скоро,
Вернулись мы домой не все,
Но верность Родине и морю
Мы сохранили при себе.
И вот теперь уже седые,
Мы собираемся порой,
Чтоб вспомнить годы боевые
И дружбы нашей дорогой.

Эти стихи бывший юнга Ю. Зайцев посвятил седовласым юнгам на встрече в честь 50-летия школы юнг.

Н. ЖУРАВЛЕВА

ХРОНИКА ВТОРОГО ФРОНТА

Речь не о том втором фронте, который был открыт нашими союзниками — англичанами и американцами — в июне 1944 года. Речь о том втором фронте, который возник 22 июня 1941 года и проходил через заводские цеха и вятские поля. Голодая и недосыпая, превозмогая усталость и выбиваясь из сил, труженики тыла кормили и одевали армию, снабжали ее оружием и боеприпасами, ковали победу над врагом. Был подвиг на фронте и был подвиг рабочих, крестьян, без которого в мае сорок пятого к нам не пришла бы победа.

Кандидат исторических наук Н. Т. Журавлева (1933—1993 гг.) много лет посвятила глубокому исследованию трудового подвига кировчан в военные годы. На основании ее публикаций и подготовлена эта хроника.

1941 год

22—23 июня. На заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, учреждениях и вузах г. Кирова и области прошли митинги трудящихся, на которых кировчане выражали непреклонную волю отстоять социалистическую Родину, отдать все силы на разгром врага. На митингах выступали члены бюро обкома и Кировского горкома ВКП(б), секретари райкомов партии. На 40-тысячном митинге в г. Кирове с речью выступил первый секретарь областного и городского комитетов партии В. В. Лукьянов. Он призвал всех трудящихся в условиях начавшейся войны крепить трудовую дисциплину, зорко охранять социалистическую собственность, повышать производительность труда.

Киров. правда. 1941, 24 июня (№ 148). С. 1., Кировская парторганизация в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Киров, 1961. С. 22—23.

23 июня. В области началась мобилизация военнообязанных. Она проводилась в 14-й запасной стрелковый полк, 34-ю запасную стрелковую бригаду, 15-й запасной артиллерийский полк и другие части.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 33. Лл. 269, 271, 275, 305, 328; Оп. 8. Д. 21. Лл. 13, 50; Оп. 9. Д. 352. Л. 52.

28 —29 июня. За первую неделю войны в военкоматы области поступило 3244 заявления о добровольном вступлении в Красную Армию, из них 1115 от женщин. Свыше 2 тысяч заявлений было подано в райкомы комсомола. Значительное количество заявлений имелось в партийных комитетах.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 360. Лл. 5-135; Архив Кировского облвоенкомата. Арх. № 2. Д. 3. Т. 2. Лл. 50—470.

20 июля. В Кировскую область прибыли первые эвакуированные детские учреждения. К началу сентября область приняла 143 детских сада, 27 детских домов, 61 школу-интернат из Ленинграда и Ленинградской области с общим количеством детей 28093.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 229. Лл. 373, 375.

21 июля. Кировский обком ВЛКСМ провел мобилизацию комсомольцев в Красную Армию на должность заместителей политруков рот. Всего за годы войны обком ВЛКСМ провел 46 мобилизаций, по которым надели военные шинели 15,6 тыс. ком-

сомольцев и большое количество несоюзной молодежи. Наиболее массовыми были мобилизации в лыжные части, воздушно-десантные войска, войска связи и ПВО, тыловые части Балтийского флота и Волховского фронта. Всего за время войны ушли в Вооруженные Силы по всем мобилизациям — общегражданским, партийным и комсомольским — 55,3 тыс. комсомольцев области.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 34. Л. 104; Кировская парторганизация в годы Великой Отечественной войны. С. 352—353.

24 августа. Состоялся областной воскресник. По данным партийных комитетов, 564 тысячи его участников заработали и передали в Фонд обороны около 1,5 млн. рублей.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 54. Л. 51.

15 сентября. Был пущен в эксплуатацию первый цех эвакуированного в Киров из Ленинграда завода «Красный инструментальщик», в продукции которого — контрольно-измерительных инструментах — остро нуждалась оборонная промышленность.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 27. Л. 33.

17 сентября. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Постановление предусматривало ввести с 1 октября 1941 г. обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола в возрасте с 16 до 50 лет. 25 сентября 1941 г. соответствующее постановление приняло бюро Кировского обкома КПСС. За годы войны в области было проведено семь очередей всевобуча. За первые шесть очередей обучение прошли 107,8 тыс. человек. Кроме того, 75 тыс. было обучено военному делу по линии Осоавиахима. Организации РОКК подготовили 3700 медсестер, 6300 санружинниц и 1000 начальников санпостов.

КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 32; Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 18. Лл. 96, 97; Оп. 8. Д. 10. Л. 63; Оп. 10. Д. 39-а. Лл. 113, 114.

19 сентября. Комсомольско-молодежная конференция машиностроительного завода имени 1 Мая приняла обращение к молодежи г. Кирова: каждому юноше и девушке работать за двоих-троих и обучить не менее 2—3 учеников приемам высокопроизводитель-

ного труда; всем, не работающим у станков, овладеть одной из производственных профессий.

ГАКО. Ф. 2046. Оп. 1. Д. 9. Лл. 94, 96, 97

25 октября. В Киров прибыл первый эшелон с рабочими машиностроительного завода имени Куйбышева, эвакуированного из Коломны. Благодаря огромной заботе и помощи завод на новом месте был восстановлен и переоборудован для производства танков в кратчайшие сроки — уже в конце декабря 1941 г. начали работать его основные цехи. В 1942 г. он был одним из четырех заводов страны, награжденных за выпуск танков орденом Трудового Красного Знамени.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф 1290. Оп. 9. Д. 95. Л. 27; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг Т 2. М., 1961 С 511

28 октября. Бюро обкома ВКП(б) одобрило инициативу комсомольцев Слободской меховой фабрики «Белка» о создании фонда для строительства танковой колонны «Кировский комсомолец». К концу года на строительство этой колонны было собрано 1,5 млн. рублей. Всего за годы войны комсомольцы и молодежь области собрали средств на четыре танковых колонны, которые были построены и переданы фронту. Помимо этого, на пожертвования кировчан были построены колонны танков — имени С. М. Кирова, «Народный учитель», «Пионер» и др.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 18. Л. 84; Д. 13. Л. 36; Ф. 1682. Оп. 2. Д. 95. Л. 1.

10 ноября. Принято постановление ГКО, по которому машиностроительный завод имени 1 Мая передал свои производственные площади, специальное оборудование и часть рабочих эвакуированному заводу имени Куйбышева, а сам перебазировался на площадки ремонтно-механического завода, гаража автопарка и на станцию Лянгасово. В начале декабря первомайцы восстановили свои основные цехи и продолжали выпуск оборонной продукции.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 35. Л. 371.

Конец ноября. С Вятско-Полянского машиностроительного завода, развернутого на базе шпульно-катушечной фабрики, была направлена на фронт первая партия нового автоматического оружия — ППШ, крайне необходимого действующей армии. Автором нового, более совершенного автомата был талантливый конст-

руктор, коммунист Георгий Семенович Шпагин, удостоенный в годы войны званий Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии, трех орденов Ленина и ордена Суворова II степени. Пять миллионов автоматов образца Шпагина выпустили оружейники тыла в годы войны.

Киров. правда. 1978. 9 мая (№ 108) С 3

3 декабря. Бюро обкома ВКП(б) постановило организовать в г. Кирове для обслуживания населения, эвакуированного из Латвийской ССР, издание газеты на латышском языке. В годы войны в Кировской области находились ЦК Коммунистической партии Латвии и правительство Латвийской ССР. С 5 декабря 1941 г. начался выпуск газеты «Циня» («Борьба»), органа Центрального Комитета Компартии Латвии.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290.
Оп. 7. Д. 18. Л. 161

25 декабря. К этому времени в области было размещено 20 предприятий, эвакуированных из прифронтовых районов. В их числе — ленинградский завод «Красный инструментальщик», Ржевская и Вяземская текстильные фабрики и др. В связи с размещением эвакуированных предприятий было построено 125570 кв. м производственных площадей.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290.
Оп. 10. Д. 39-а. Л. 41.

30 декабря. На это число в области было собрано для фронта: полушубков 15103, меховых жилетов 4985, валенок 41649 пар, меховых рукавиц 17360 пар, варежек 60800 пар, носков шерстяных 29595 пар, шерстяных портянок 6794 пары, теплого белья 4438 пар, шапок-ушанок 31750 пар, ватных курток 4329, ватных шаровар 4303.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290.
Оп. 7. Д. 7. Лл. 7-9; Оп. 8. Д. 10. Л. 10.

1942 год

7 февраля. Бюро областного комитета партии одобрило инициативу К. С. Безносиковой — матери троих сыновей-фронтовиков из Омутнинского района, взявшей на воспитание детей, потерявших родителей, и обязало партийные комитеты области вовлечь широкие слои женщин в движение по патронированию детей. Патриотический почин К. С. Безносиковой получил широкую поддержку. Детей на воспитание брали также колхозы. В 1944 г. они

имели на содержании 137 интернатов, в которых воспитывалось 6 тыс. детей.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 10. Л. 144; Оп. 9. Д. 213. Л. 122.

20 февраля. Закончилось формирование 109-й отдельной стрелковой бригады. В этот день при вручении бригаде Красного знамени присутствовал заместитель Народного комиссара обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

ЦАМО СССР. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; Д. 8. Л. 1.

7 марта. «Правда» опубликовала обращение Центрального Комитета партии с призывом: «Ни одной женщины ни в городе, ни в деревне не должны быть вне общественно полезного труда». За годы войны женщины Кировской области освоили ряд сложных профессий и преобладали среди токарей (55,6 проц.), шлифовальщиков (77), составляли значительную часть слесарей (38,5). На 1 января 1945 г. они составляли 68,9 проц. среди занятых в промышленном производстве.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 62. Л. 6; Оп. 12. Д. 142. Л. 6.

Апрель. Участвуя в предмайском социалистическом соревновании, фрезеровщик машиностроительного завода имени Куйбышева Василий Лебедев выполнил за смену 10 норм. Продолжая поиск путей к новым достижениям, В. Лебедев добился выполнения 11 норм в смену. Тысячниками стали и его товарищи — токарь Лисин, сварщик Зеленков и многие другие. Вскоре тысячники появились и на других предприятиях.

ГАКО. Ф. 2046. Оп. 2. Д. 6. Лл. 57, 58; Полный ход (орган партбюро машстройзавода имени 1 Мая). 1942. 1 мая.

1 мая. К празднику трудящиеся области направили бойцам и командирам Балтийского флота эшелон подарков (31 вагон). Всего за годы войны кировчане послали на фронт 130 вагонов подарков.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 11. Лл. 85—87; Оп. 9. Д. 245. Л. 11; Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. 2. Горький, 1969. С. 344.

14 октября. Бюро обкома ВКП(б) одобрило инициативу колхозников Ломовской, Рыжаковской и Бусыгинской сельхозартелей Яранского района о постройке за счет средств колхозников эскадрильи боевых самолетов «Кировский колхозник» и обязало райко-

мы партии организовать работу по сбору средств на ее строительство. К концу 1942 года на строительство эскадрильи было собрано 52 млн. рублей, а в 1943 году 72 млн. рублей. За два года войны фронт получил от кировчан 400 самолетов, построенных на их личные средства.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 13. Л. 2а; Оп. 10. Д. 32-а. Л. 112.

8 ноября. Кирово-Чепецкая ТЭЦ дала первый ток промышленным предприятиям г. Кирова. Мощность электростанций области за годы войны выросла в 3,5 раза, протяженность электросетей — более чем в 2 раза.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 83. Л. 87; Оп. 8. Д. 295. Л. 19.

9 декабря. Учитывая просьбы колхозников, бюро областного комитета партии приняло постановление, разрешающее в добровольном порядке вносить в хлебный фонд Красной Армии хлеб из личных запасов. К началу следующего года трудящиеся области внесли в этот фонд 75 тыс. пудов хлеба.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 13. Л. 228; Киров. правда, 1975, 26 марта (№ 71). С. 3.

17 декабря. К этому времени в школы ФЗО Кировской области было призвано около 8 тыс. человек. За время войны через систему фабрично-заводского обучения в области было подготовлено 50 тысяч квалифицированных рабочих.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 333. Л. 62; ГАКО. Ф. 3051. Оп. 2. Д. 9. Лл. 2, 3.

Декабрь. В результате создания военной экономики, объем валовой продукции области по сравнению с 1940 годом увеличился более чем в 2 раза.

ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 306. Л. 9.

1943 год

18 февраля. Областное радиовещание сообщило об успехах кировских машиностроителей: за образцовую работу в январе 1943 года заводу имени 1 Мая было присуждено переходящее Красное знамя ГКО. Коллектив завода стал победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий НКПС СССР.

ГАКО. Ф. 2046. Оп. 2. Д. 35. Л. 144; Д. 38. Л. 97.

23 февраля. На Омутнинский металлургический завод прибыли 92 подводы с хлебом, мясом, картофелем из личных запасов омутнинских колхозников. Колхозники Немского, Лебяжского, Кировского и других районов отправили рабочим более 20 тыс. пудов продуктов питания.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 247. Л. 10; ГАКО. Ф. 2046. Оп. 2. Д. 36. Л. 110.

5 апреля. В области начался декадник помощи семьям военнослужащих, в ходе которого были обследованы материально-бытовые условия 212400 семей, оказана помощь деньгами 31379 семьям на сумму 697193 рублей, хлебом — 8128 семьям в размере 7442 цент., молоком и другими продуктами — 20547 семьям; подвезены дрова 3511 семьям, выдано кормов для скота 9540 семьям; предоставлены квартиры 284 семьям; открыты 52 столовые, к которым прикреплено 2834 человека из семей военнослужащих. Продано одежды и обуви 15500 семьям, организованы горячие завтраки в школах для 21997 детей. Дополнительно открыто 473 дошкольных детских учреждения, в которых устроено 6720 детей из семей военнослужащих. Выделены земельные участки под огороды 5176 семьям. Во всех районах созданы фонды помощи семьям военнослужащих.

Архив Кировского облвоенкомата. Арх. № 16. Д. 6. Т. 1. Л. 195; Т. 2. Лл. 73, 81.

6 апреля. Отправлен героическому Сталинграду первый эшелон — 42 вагона с подарками коллективов кировских заводов (электрооборудование, инструменты, стройматериалы). С эшелоном выехал в Сталинград первый восстановительный отряд — 656 молодых строителей.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 3. Л. 44.

27 июля. К этому времени на восстановление г. Сталинграда было направлено из г. Кирова и Кировской области свыше тысячи молодых строителей, несколько эшелонов со станками, инструментами, стальным прокатом, чугунным литьем, товарами широкого потребления, 150 вагонов стройматериалов, 15 тыс. кубометров строительного леса, оборудование для телефонной станции, школы ФЗО, двух детсадов, семнадцати школьных кабинетов и пр. Для помощи сельским районам Сталинградской области послано 3 тыс. плугов, 209 сеялок и много другого сельхозинвентаря, а также 440 лошадей, полторы тысячи коров,

более тысячи свиней, 3700 овец, 2856 цент. семян зерновых культур, 2209 цент. картофеля. В фонд помощи Сталинграду собрано 3,5 млн. рублей. Помощь сталинградцам продолжалась и в последующие годы.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 3. Л. 44; Оп. 9. Д. 243. Лл. 58, 59, 117—120.

31 августа. Обком ВКП(б) получил письмо командира 5-й Орловской стрелковой дивизии Героя Советского Союза полковника П. Т. Михалицына. Он сообщал, что дивизия с честью пронесла знамя, врученное ей трудящимися Кировской области, через все бои на Курской дуге, освободила сотни населенных пунктов, уничтожила десятки «тигров» и «фердинандов», тысячи фашистских солдат и офицеров, первой ворвалась в Орел и освободила его.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 243. Л. 176.

1 ноября. К этому времени из Кировской области было отправлено в освобожденный Донбасс 59 вагонов материалов, оборудования, различных товаров на сумму 1 млн. 945 тыс. 822 рубля. Шестьсот молодых энтузиастов уехали восстанавливать разрушенные шахты.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 8. Д. 3. Лл. 103, 104; Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. II. С. 335.

6 ноября. Кировский шинный завод, построенный в годы войны, дал первую партию продукции.

Киров. правда. 1975. 26 марта (№ 71). С. 3.

1944 год

17 февраля. Комсомольско-молодежная бригада А. Сорокажердьевой на Белохолуницком машиностроительном заводе досрочно выполнила план I квартала. В течение всего 1944 года бригада держала переходящее Красное знамя лучшей бригады завода, а в III и IV кварталах завоевала третье место в соревновании комсомольско-молодежных бригад Наркомата тяжелого машиностроения.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 2144. Оп. 17. Д. 5. Л. 20.

7 августа. В целях объединения литературных сил области и воспитания новых кадров литераторов, бюро обкома ВКП(б) при-

няло постановление об издании в г. Кирове литературно-художественного альманаха «Кировская новь». Всего за 1945—1954 годы вышло 9 выпусков альманаха.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 20. Л.10.

10 сентября. Начался фронтовой месячник по досрочной сдаче хлеба государству колхозами области.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 21. Л. 2.

Октябрь. Железнодорожники Кировского отделения Горьковской железной дороги завоевали в социалистическом соревновании переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. В 1944 году этот коллектив 8 раз завоевывал Красное знамя Горьковской железной дороги.

Партархив Кировского обкома КПСС. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 37. Л. 31.

1945 год

19 января. Газета «Гудок» сообщила о почине составителя поездов станции Киров М. Ф. Катаева, сократившего время формирования составов вдвое против нормы в тяжелых условиях зимы. В 1944 году оборот вагонов в Кировском отделении Горьковской железной дороги возрос по сравнению с 1941 годом на 32 проц. Опыт М. Ф. Катаева был распространен по всем железным дорогам страны. К 15 марта 1945 г. его использовали более 100 комплексных бригад на различных станциях железных дорог СССР.

ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Д. 303. Л. 83; Г. А. Куманев. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1963. С. 225, 243.

9 мая. Трудящиеся г. Кирова и Кировской области с большим воодушевлением встретили сообщение о подписании акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Праздником Победы. На Театральной площади г. Кирова состоялся митинг, на который собралось 50 тыс. трудящихся. С речью выступил секретарь обкома ВКП(б) В. В. Лукьянов. Митинги, посвященные победоносному завершению Великой Отечественной войны, состоялись и в других городах и районных центрах.

Трудящиеся Кировской области внесли большой вклад в завоевание Победы. На фронтах Отечественной войны участвовали в боях сотни тысяч кировчан. Предприятия области дали фронту большое количество танков и самоходных орудий, снарядов, автоматов, минометов, свыше 13 млн. пар кожаной обуви, 700 тыс. полушубков, большое количество другого обмундирования и снаряжения. За годы войны объем промышленной продукции вырос более чем в три раза. Колхозы и совхозы области дали государству 1,9 млн. тонн зерна, 4,4 млн. тонн картофеля, 306,5 тыс. тонн молока, 91,2 тыс. тонн мяса и много других продуктов.

Киров. правда. 1945. 10 мая (№ 85). С. 3; Очерки истории Кировской организации КПСС. Ч. II. С. 343; Кировская парторганизация в годы Великой Отечественной войны. С. 281.

19 июля. Трудящиеся г. Кирова с подарками и цветами встречали на вокзале первый эшелон с демобилизованными воинами Красной Армии. Был проведен митинг, на котором выступили представители партийных органов и демобилизованные воины.

Киров. правда. 1945. 20 июля (№ 41). С. 1

1 августа. В областном драматическом театре состоялась встреча трудящихся г. Кирова с воинами-победителями.

Архив Кировского облвоенкомата. Арх. № 46. Д. 5. Т. 1. Л. 150.

9 августа. В газете «Кировская правда» опубликованы материалы, свидетельствующие об единодушном одобрении трудящимися г. Кирова и Кировской области решения Советского правительства считать СССР в состоянии войны с Японией.

2 сентября. В г. Кирове и районных центрах, на предприятиях и в колхозах области состоялись многолюдные митинги в связи с капитуляцией милитаристской Японии и окончанием второй мировой войны.

Киров. правда. 1945. 3 сент. (№ 174). С. 2. Верной дорогой: Хроника истории Кировской организации КПСС 1883—1983. Киров. 1983. С. 214—238.

М. ЧЕБЫШЕВА

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Драматург Исаак Соломонович Шур (1913—1976) на фронте был артиллеристом, командиром батареи

1

Мне эти письма не дают покоя,
Ведь достоверней документов нет,
Чем строки, что писались перед боем —
В них боль и гнев, страдание и свет.
Свидетели живые, очевидцы,
Молчавшие так много лет подряд...

Давай прочтем отдельные страницы
Из Книги Жизни. Пусть заговорят!

29 августа 1943 года.

« В одной маленькой разрушенной дотла деревушке я подошел к мальчику лет семи. Он копал маленькой лопаткой могилку. Мать угнали немцы. Перед тем она спрятала в огороде детей — его и светловолосую четырехлетнюю девочку. Девчурка заболела и умерла... Я приношу ему хлеб, сало и две конфетки. Он прячет все это в кармане, а потом достает одну конфетку, всовывает в маленькую мертвую ручку, закутывает в одеяльце крохотное худенькое тельце и продолжает копать. Я хочу помочь ему. «Не надо, дядя, я сам...» ...В этот день я мог бы писать письма, но это было свыше моих сил...»

Смотри, комбат, запоминай! Пусть силы
Даст ненависть, а гнев питает боль.
Мальчонка, роющий сестре могилу,
Пока ты жив, останется с тобой.

Страшней, чем бомбы, пули, мины, смерти,
Пожарищ горький дым и черный снег,
Когда глядит устало семилетний,
Но бесконечно старый человек.

Ты понял: нету ничего на свете
Страшней, чем дети в горький час войны.
И в кудри черные минуты эти
Вплелись, как нити первой седины.

Комбат не письма пишет — протоколы,
Чтобы увидели и я, и вы
Детей, расстрелянных в саду у школы,
И трупами заваленные рвы,

Хлеба в огне, под танками. И печи
Среди золы на месте деревень.
И вот такие горестные встречи.
И этот страшный день. И каждый день!

2

Землянка. Ночь. Коптилка. Как обычно
Письмо домой он пишет в поздний час.
И равнодушно, буднично, привычно
Глядит война из-за его плеча.

Как жестко тени вылепили скулы,
Запавшие глаза и прядь на лбу...
Он пишет. Не в письмо я заглянула
В тот год. В его военную судьбу.

Здесь свист метели бешеной не слышен,
А наверху такая круговерть...
Трещит печурка. Тихо люди дышат.
В ночи кого-то караулит смерть.

Комбат, комбат... На памятнике снимок
Тех давних лет. Я молча постою.
Прости, комбат, но мне необходимо
Рассказывать про молодость твою.

20 декабря 1943 года.

«...Тяжело писать, но надо. Не могу подробно, нет ни времени, ни сил. Саша Бузановский убит... Предельно тяжело. Но ничего не сделаешь. Остается одно: метче и гуще класть снаряды».

Убили друга. Где взять столько силы?!
Четвертый день метет, метет вьюга.
Четвертый день уже его могилу
Ровняют с полем белые снега.

Но кажется комбату, что по следу
Своих орудий, в непроглядной мгле,
Идут друзья. Он знает: до Победы
Они не успокоятся в земле.

Они идут. Бесшумны автоматы,
Но бьют, как у живых, наверняка.
Сражаются убитые солдаты,
Оставшиеся в списках на века.

И боль, и гордость в Память переплавив,
Им Вечные огни зажжет страна,

Весь мрамор и гранит отдаст их славе
И золотом напишет имена!

5 августа 1943 года.

«...Смерть Шаповалова, 21-летнего парнишки, потрясла меня, я очень любил его. Прекрасное молодое лицо, ясная, жизнерадостная, бесконечно светлая улыбка стоят передо мной... Часто он приходил ко мне и рассказывал о своей жизни. Орудие он любил, работал прекрасно. Такого наводчика больше не найти... и такого парня... Вот так и живу: воюю, смотрю, узнаю людей и теряю их».

10—12 марта 1944 года.

«...Убило у меня прекрасного мальчика — ст. разведчика Кривошеева Степу... Это был удивительно скромный, честный и смелый разведчик. Тяжело терять людей».

Я много месяцев твержу на память
Его друзей погибших имена.
Комбат, ты знаешь, что бы было с нами
И с ними, если б не пришла война?

Я против истины грешу не слишком,
Считая, что погиб на той войне
Мой суженый, совсем еще мальчишка,
Мой суженый, не встретившийся мне.

Кто он, какой — гадаю я все чаще.
И, может быть, написано о нем:
«Какой был мальчик — верный, настоящий,
Испытанный железом и огнем».

Как странно: мальчик и — солдат бывалый...
Еще о нем: «улыбчив и открыт».
Когда убит, я из письма узнала.
И даже знаю, где и с кем зарыт...

Придумываю, верить начинаю.
А может, это вовсе не о нем,
И был другой, а кто — я не узнаю,
Испытанный железом и огнем?

Ищу его повсюду — в письмах, в книжках,
Я знаю, что погиб на той войне
Мой суженый, совсем еще мальчишка,
Солдат, который думал обо мне.

3

3 января 1944 года.

«...В памяти встают Серки. Один дом целый... У сгоревшего дома

чей-то тихий голос. Я останавливаюсь. Мужской, монотонный от горя и боли голос: «Дочь... дочь моя...» Рядом девочка: «Дуньку у него сожгли. Я через окно выскочила с маткой. Матку убили, а в меня не попали. Еще Лидка убежала. Остальные сгорели, а то постреляли, кто из окон бежал».

...В избе старик и три женщины. Одна качает пустую люльку и тупо, бессмысленно смотрит перед собой. Надтреснуто тянет колыбельную. «Что с ней?» — «Сынка на штык взял да в тот дом бросил». Я смотрю на трубу от печи и головешки сгоревшего дома через окно... «Большой был?» — «Годик минул».

Точнее только кадры кинохроник.
Но болью запекаются слова.
Так пусть же память их не похоронит,
Я, может быть, для этого жива.

Я с ним иду по фронтовым дорогам,
Глотаю вместе с ним пожаров гарь.
Я с ним сейчас. А если очень строго —
Серки. Сорок четвертый год. Январь.

Я вижу, как усталые солдаты
В который раз за страшную войну
Глядят сурово, горько, виновато
На разоренную врагом страну.

Им низко кланяются те, кто живы.
Шепча: «Спаси вас господи, сынки».
Старухи крестят мелко, торопливо
Солдат, машины, пушки и штыки.

Я вижу, как он стискивает зубы:
Безмерно горе и нельзя помочь.
На закопченные печные трубы
Ложится тихим белым снегом ночь.

Душа от горя и смертей устала...
Враги за все расплатятся сполна!
Но за такое будет самой малой
Любая непомерная цена.

Смотри, комбат, запоминай! На Шпрее
Мы детям за отцов не станем мстить,
Но никогда не сможем, не посмеем
И ни забыть войны, и ни простить.

Снег. Только полукруг луны и звезды.
На небе с запада огонь и кровь.

Комбат глотает раскаленный воздух,
Жжет душу ненависть и жжет любовь

3 января 1944 года

«...Запад в огне. Я смотрю на отблески пожарищ и, наводя фонарик на карту, шепчу: «Ивановка, Грачевка, Драгуны...» Запад горит. Запад в огне.. Это отступают немцы по красному от крови снегу, и над ними нависло красное небо. Красное не от пожарищ сел и деревень — нет, красное от крови нашего народа. Мы идем вперед на зарево пожарищ. »

Из шумных городов, из дальних странствий,
От синих звезд, где нам еще бывать,
Поклонимся простой избе крестьянской,
Что изначально всем живущим — мать.

Она любовно посреди раздолья
Сотворена с венца и до конька
Ее рубили пахнущие полем
Мастеровые руки мужика.

Коснись стены — и дерево ответит,
Вздохни в ночи — оно вздохнет в ответ
В избе добрее вырастают дети,
С ее порога шире белый свет.

...Горели избы, и земля стонала
Как о живых. Такого не простить.
И ворогов она запоминала
В лицо, чтоб за убийство отмстить.

И плакали на черных пепелищах
Не о жилье: «...еще отец рубил..
Теперь родимой меточки не сыщешь,
Такую память ворог загубил!»

Но жизнью на пожарищах клялись мы,
Что память не убить, мы ей сильны.
Поклонимся простым крестьянским избам,
Сгоревшим заживо в огне войны!
Поклонимся...

4

10—12 марта 1944 года.

«...Что у меня на сегодня? Бои, бои, бои... И статья Эренбурга. Прекрасная статья! Блестящая!»:

«...Мы не разлюбили серпа во имя меча. Мы научились воевать,

чтобы уничтожить носителей войны, но мы не стали от этого ни завоевателями, ни профессионалами... Когда мы думаем о необходимости уничтожить фашизм, нами руководит не фанатизм, а душевная чистота и тревога за судьбы следующего поколения».

Эренбург. 21 февраля 1944 года.

Уверена, что был он комиссаром
По главной сути. И сомнений нет —
Его бойцы любили. Ведь недаром
Вдове комбата пишут столько лет.

А раз любили — верили. Помножив
Слова на залп, удваивали счет.
Он знал, что Эренбург сработать может
В бою за целый боевой расчет
28 марта 1944 года.

31 марта 1944 года.

«...С моего НП видно далеко. Вот ст Тригорская. Вот Пушкинские Горы. Вот Пушкинский заповедник. В стереотрубу видно Михайловское Вот Пушкинский домик с выбитыми стеклами. Пушкинский заповедник уже крепко порублен. Дорогие нам места... Страшно подумать о том, что перед уходом немец пожжет все эти деревни, как пожег те, что сейчас за нашей спиной.

..Закопавшись в землю, живут 4 семьи — старики и паренек 12 лет С какой надеждой смотрят на меня, на нас. Оборона проходит по реке. На том берегу целенькие деревни, еще живые, хотя разреженные рощи. Я вздрагиваю от слов 73-летней старухи:

— Сынок, а нельзя ли как-нибудь обойти эти места да окружить их? сожгут ведь...

— Что сожгут?

— Да домик-то Пушкина, Михайловское, Пушкинские Горы... Я, бывало, в девках еще, иду из монастыря, да на могилку-то его, Пушкина, да там помолюсь еще богу...

Я долго слушаю рассказы о домике няни, о Пушкинском доме.. Старая женщина в землянке, построенной на месте сожженной деревни, думает... о Пушкине!»

Остались только трубы в чистом поле —
В округе ни деревни, ни села.
Здесь, в центре Ленинградского подполья,
Каратели спалили все дотла.

Спалили. Но леса, поля, проселки
Для фрицев были гиблые места.
Совсем не зря эсэсовские волки
Шарахались от каждого куста.

Тупой кулак тевтонский, гонор прусский
Народ не устрашили, не смогли
Поработить такой исконно русской,
Такой исконно пушкинской земли.

Там, за рекой, еще пока что целы
Михайловское, старый дом и сад.
Не дать поджечь их своре оголтелой
Тебе на долю выпало, комбат.

Смотри, комбат, запоминай! Ребята
Готовы в рукопашную идти.
Чтоб ни своим снарядом, ни гранатой
Его земле вреда не нанести.

Но знали: фрица выбьют только пушки
И торопили наступленья час.
И голос старческий: «Ведь это Пушкин...»
Звучал не как мольба, а как приказ.

На картах молча цели отмечали
И молча яростно махорку жгли.
Они перед народом отвечали
За каждый метр **Его** святой земли.

Я синий том снимаю с книжной полки
(Так к Пушкину не шла я никогда!).
Обложка поцарапана... осколки?! —
Выходит, долетели и сюда...

Он так любил «желтеющие нивы,
Прохладу лип и кленов шумный кров».
Сюда, в «леса, в пустыни молчаливы»,
Фашистский зверь принес огонь и кровь.

Над Пушкиным! расколота прикладом
Священная могильная плита.
Убийцам и семью кругами ада
Не искупить вины за те места,

Где каждый куст обласкан и взлелеян
За то, что рос на пушкинской земле.
Пускай поет над Рейном Лорелея,
А не рыдает в пепле и золе.

Германии великие могилы
Не осквернять пришли мы — охранять.
Но права не забыть о том, что было,
У нашего народа не отнять!

5

23 апреля 1944 года.

«...Душа у меня истосковалась по хорошей книге. Мне попала в руки книга Горбатова «Непокоренные». Это — лучшее, что я видел за годы войны... Какая прекрасная книга! Как она нужна! Но она не для отдыха, она не дает отдыхать. Прочитаешь ее — клянешь распутицу, мелкие неудачи, хочется двигаться вперед, чтобы немец не успел повесить еще одну Настю, расстрелять еще одного доктора, найти и убить еще одну «девочку в сундуке».

5 декабря 1944 года.

«Ночь. Все тот же подвал, все так же горит лампа из гильзы сорокопятки. Все спят... Мне не спится. Хочется поговорить с тобой, родная... Война, разрывы. За 200 м немец, и, по данным разведки, намерения у него — взять нашу высотку и залезть в этот подвал. А я вспоминаю:

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Забыл дальше. Многое забыл... И в голову невольно лезут другие строки:

Что-то очень большое и страшное,
На штыках принесенное временем,
Не дает нам увидеть вчерашнее
Нашим гневным, сегодняшним зрением.

Или:

Слишком многих еще не докличется
Увидавшее кровь поколение...»
Я с чувством сопричастности читаю,
Пожалуй, все стихи военных лет.
Пусть кто-нибудь огрехи в них считает,
А для меня несовершенных нет.

И даже те, чей век — в «дивизионке»,
А то и вовсе в «боевом листке»,
Написанные где-нибудь в воронке,
В окопе, в чаще леса на пеньке.

В концлагере, на вымерзшей до звона
Стене барака — высохшей рукой...
В них дух высокий и непокоренный
За каждой сердцем писанной строкой:
«Молюсь и ночью, и денницей:
Всевышний, землю пожалей
И всекарающей десницей
Адольфа Гитлера убей!

Приди к страдающим и сирым,
Приди и укроти войну.
Всевышний, будь со мною, с миром...
Не будешь с нами — прокляну.
Молюсь, но в сердце нет молитвы.
Коцитный пепел. Неба клок.
А в сердце гнев и жажда битвы.
И проклят Гитлер, проклят бог!»

Заксенхаузен. Карантинный барак.
Написано в изголовье над нарами.

«Сквозь фронт, сквозь тысячи смертей,
Сквозь Дантов ад концлагерей,
Сквозь море крови, море слез
Я образ Родины пронес.
Как путеводная звезда,
Сиял он предо мной всегда»

Из стихов, ходивших по концлагерям

Германии и Австрии.
Такой народ вовек не канет в Лету,
Надеждою земли он был рожден.
В огне войны оставшийся поэтом,
Он никогда не будет побежден!

6

8 декабря 1944 года.

«...Несколько дней назад я сидел в подвале разрушенного дома в 200 метрах от немцев. Собралось человек 25 пехотинцев, артиллеристов, танкистов. Я читал бойцам Чехова. Да, да, Чехова. Вначале «Медведь», потом «Предложение». Я думал на этом кончить, но голосов 20 подняли такой шум, что я опять открыл книгу. И начал читать... «Чайку». «Чайка» на передовой... ты не представляешь, как слушали... Снарядом побило связь. И вот два плачущих голоса взмолились: «Подождите читать, пожалуйста, мы быстро...» Через некоторое время они прибежали, тяжело дыша, потные и мокрые: «Связь есть? Хорошо! Дальше не читали?» При полной тишине дочитал пьесу. У слушателей глаза полны слез. Из темного угла раздается голос: «Если бы про нас так писали...»

Зачем читал он Чехова в землянке
Усталым и измученным бойцам?
Затем, чтобы не «мазали» по танкам,
А в мирной жизни — и по подлецам.

Он им читал затем, чтобы мальчишки,
Прошедшие в шинелях полземли,
Узнали лучшие на свете книжки,
Которые до фронта не прочли.

Затем, чтоб орудийные расчеты
В войне за справедливость, в трудный час,

Работали уверенно и четко
И знали· Чехов с нами И — за нас

10 марта 1945 года

«Пожалуй, самые тяжелые бои — это бои на уничтожение. Но ничего Мы их все-таки тут уничтожим. Я читаю солдатам Чехова и Горького, Лондона и Джерома, и О'Генри — многое Все, что хорошо, они любят»

7

15 апреля 1944 года

«Радует то, что у меня в батарее все больше награжденных Это — моя гордость! Много хороших ребят Мучительно больно то, что то одного, то другого вырывает из жизни кусок металла»

24 сентября 1944 года.

«...Васе Курову позавчера осколком оторвало правую руку. Ах, какой это жизнерадостный, красивый, умнейший парень! В нем великолепно соединились смелость, воля, решительность и необыкновенная нежность. Он любил забираться ко мне в блиндаж или в ровик, или под куст и говорить о жизни, любви, счастье».

Любовь не предусмотрена уставом.
Но сколько в письмах бережной любви!
Придут к солдатам ордена и слава,
А он о каждом думал: доживи..

Чтоб уцелели в огненной купели
И не ожесточились от смертей,
И песни довоенные допели,
И новые сложили — для детей.

Чтобы дружили крепко, как на фронте,
И спорили с судьбой глаза в глаза,
И помнили всегда, что драться «против»
Всегда предполагает драться «за».

Чтоб знали твердо: ничего дороже,
Чем Родина и честь, на свете нет.
Я верю: те, кто до победы дожил,
В мир унесли его уроков свет.

Он по сердцам расходится кругами
И светит внукам, правнукам солдат.
Тридцатилетний, с белыми висками,
Стоит за ними фронтовой комбат.

24 января 1944 года.

«Чувствую, что гибель Саши потрясла вас очень сильно и вызвала еще большее беспокойство обо мне... Не нужно. Будем верить в лучшее. А

если и случится... пусть сознание честности и верности долгу и Родине со стороны вашего сына даст вам силы...»

17 июня 1944 года.

«Орша наша! Пусть в огне, пусть в развалинах, но наша! Немцы бегут с дикой стремительностью. Они даже не успевают жечь деревни, взорвать все мосты, дороги. Артиллерия не успевает за пехотой, пехота не успевает за немцами... Впереди Борисов, Минск. Мы не заставим эти города долго ждать нас».

4 июля 1944 года.

«Я верю, что не за горами тот день, когда я разверну свои старые боевые орудия для величайшего в мире салюта в честь Победы».

8

10 мая 1945 года.

«Поздравляю с Днем Победы! Итак, война кончена! Когда-нибудь я расскажу вам всем о сказочной ночи фронтового салюта в честь Победы. Салюта ракетами, трассирующими снарядами, прожекторами... черные фронтовые дороги зажглись тысячами фар движущихся в темноте машин. Великие минуты! Бессонная ночь счастья! Ласковый, радостный рассвет и митинг в проблесках утра...»

Радуются, не понимают, что война
только начинается...
Джон Кеннон, американский посол
в СССР в День Победы.

Когда я слышу слово «культура»,
я хватаюсь за пистолет.
Геринг

Не зря мне это вспомнилось. Немного
Еще прошло послевоенных лет,
А мир объят неслыханной тревогой:
Они схватились не за пистолет...

И призраки грядущей преисподней
Стоят у изголовья всей земли.
Вставай, комбат! Ты нужен здесь, сегодня,
Чтобы они планету не сожгли.

Припав к земле, я слышу, как синхронно,
Выталкивая яростно свинец,
Стучат без перебоев миллионы
До срока похороненных сердец.

Погибшие во всех прошедших войнах,
Во имя жизни смертью смерть поправ,
Пока на белом свете неспокойно,
Тревожно дышат через стебли трав.

Глядящие сурово из гранита,
Они, чтоб больше не бывать войне,
Готовы вновь подняться на защиту
Земли Людей с живыми наравне.

Вставайте все, из всех времен! Мы с вами
Не делимся на мертвых и живых.
А чтобы волю укрепила память,
Прочтем страницы писем фронтовых.

9

Давно ищу свое за каждой строчкой,
Я эти письма знаю наизусть.
Кем я была ему? Наверно, дочкой.
А может быть, сестрой — как назовусь.

Я горько вспоминаю день вчерашний,
Слова, что так страшны от простоты:
«Ты знаешь, если честно, мне не страшно,
Я столько раз со смертью был на «ты».

Жить хочется безмерно, окаянно...
Но я солдат. А жизнь всегда война.
И все мы умираем слишком рано.
Как жаль, что без меня придет весна...»

Спасатель по рожденью и по крови,
Он честен был жестоко, до конца,
Железно тверд в решениях и в слове,
За сотню метров чуял подлеца.

Он не прощал ни трусости, ни лести.
В его законах, строгих и простых,
Незыблем был священный кодекс чести
И Родина — святое из святых.

Есть в этой непростой людской породе
Особенность — смотреть судьбе в глаза.
Всей жизнью он учил, что драться «против»
Всегда предполагает драться «за».

У памятника стоя, я не верю...
Скорее в дом, где смерть — всего лишь тень,
Где ежечасно помнят о потере,
Но ждут его, как раньше, каждый день.

И для меня есть тайный миг, в который
Я замираю, сидя в уголке,

И жду, уже не слыша разговоров,
Когда же повернется ключ в замке,

Когда войдет, негромко скажет что-то
(Неважно — что), закурит не спеша...
Я атеистка. Но клянусь охотно:
Из дома не ушла его душа.

У памятника стоя, я не верю...
Скорее в дом, где смерть — всего лишь тень,
Где он живет. И открывает двери
Своим ключом. Привычно. Каждый день.

10

Комбат, комбат... Спасибо за причастность
К моей судьбе, за свет твоей души.
Я помню, на вопрос, а что есть счастье,
Ты улыбнулся: «Счастье — это жить».

Мне помогают старых писем строки,
Как ты учил, смотреть судьбе в глаза.
Жить трудно по твоим законам строгим,
Но жить иначе — стыдно и нельзя.

Чебышева М. П. Астафьевы ветры: Стихи. Горький, 1987. С. 75—93.

И. КУЗЯКИН

КУЗЯКИНЫ

И. С. Кузякин был призван в ряды Красной Армии в 1940 году. Служил на Дальнем Востоке в авиации. Участвовал в войне с Германией и Японией. Награжден орденом и медалями. После демобилизации вернулся на родину, работал в городе Кирове на заводе имени Лепсе. В настоящее время на пенсии, председатель совета ветеранов войны ЖЭК-1.

Эх, где-то мой товарищ —
Не поет, не ухает...
Он на западе в окопах
Из пулемета бухает.

Первым ушел на фронт из нашей деревни мой двоюродный брат Александр Ионович Кузякин. Его судьба была нелегкой.

1 мая 1941 года он женился на привлекательной учительнице Александре Сбоевой. Ей тогда было 20 лет. Они сошлись по любви самой настоящей. День свадьбы отметили в Ильинской школе. Тут они и дали клятву: любить друг друга всю жизнь. А она, жизнь, виделась долгой.

Александр работал в колхозе. Весной на лошадке пахал землю. Работу делал на совесть, как подсказывала крестьянская душа. Но был разочарован в заработках: трудодень-то пустой. И после сева, 25 мая, уехал в город Киров. Поступил на работу учеником на завод. Жил на квартире у одной старушки.

После окончания учебного года к нему приехала жена Александра. Вот здесь их и настигла страшная весть: война!

8 июля, задыхаясь, прибежал сосед по квартире и передал Саше повестку: «Срочно явиться в военкомат с вещами для отправки на фронт». По растерянности Александр даже не взял расчет на заводе.

В военкомате спешили с отправкой. Через два часа он был уже подстрижен. Плач, рыдания, напутствия родителей и жен. Кто-то за окнами в темпе марша исполнял на гармошке песню «Как родная меня мать провожала».

Потом вокзал. В два часа дня состав ушел на запад.

Через 50 лет Александра Афанасьевна вспоминает тот день, как кошмар. Не помнит, как пришла на квартиру. Через три дня она уехала в деревню Кузякины к свекру Иону Никифоровичу и свекрови Екатерине Маркеловне.

— Шура, что с тобой? — испуганно спросила при встрече свекровь.— На тебе лица нет.

— Сашу на фронт проводила... Нет у меня больше Саши!

От этих слов у Екатерины Маркеловны подкосились ноги. «Уехал... Не простился», — только и сказала.

Сначала Александр воевал в Белоруссии. Был артиллеристом. С боями отступили до Калинина. Здесь была настоящая мясорубка, и здесь в жестоких боях сложил свою голову Александр. Похоронен он 11 сентября 1942 года у деревни Ушаково.

В 1990 году Александре Афанасьевне Сбоевой исполнилось 70 лет, из них 37 отдала школе. Многие бывшие ученики пишут ей, благодарят, бывает, навещают. Это для нее большая награда. Значит, жизнь прожита не напрасно. Сейчас Александра Афанасьевна живет в деревне Рига Свечинского района.

* * *

В том же 1941-м ушел на фронт брат Александра — Павел. Он, видимо, родился под счастливой звездой. Всю войну прошел. Вернулся домой инвалидом — был ранен в голову. Говорил, что не раз ходил в рукопашные бои и всегда побеждал. Он был сильным, коренастым. Павел Кузякин награжден орденами и медалями. Судьба пощадила его.

Ушел он из жизни в июле 1984 года.

* * *

Егор Дмитриевич Кузякин был взят на фронт в июле 1941 года. Провожали его всей семьей до военкомата. Первые два километра преодо-

лели пешком. Матрена, жена Егора, шла с дочкой Галей пяти лет. В телеге сидела мать Ефросинья Сергеевна. Брат Николай играл на гармошке. В его памяти осталась частушка, спетая на прощание Егором:

Дороженька торней, торней,
Иду последний раз по ней.
Не увидишь больше, милочка,
Походочки моей.

Все замолчали. Тут Егор поднял на руки дочку Галю. Поцеловав ее, сказал: «Расти на радость людям да слушайся маму».

Расставание было невыносимо грустным. Мать поцеловала Егора. Потом наклонила его голову, перекрестила: «Сохрани тебя, сынок, господь Бог от всякого зла».

После этого Егор с Мотей сели в телегу и отправились в дальнюю дорогу — в Свечу.

Из военкомата жена отвезла его в Котельнич. Здесь Егор расстался со своей дорогой Мотей навсегда.

Сначала он воевал на Южном фронте, служил в хозяйственном взводе поваром. Кто-то может подумать, что он устроился, как у Христа за пазухой. Но и повару на войне опасностей и трудностей хватало. Брюхо солдата не мешок, его в запас не накормишь. Кухню на передовую приходилось возить на машине, на лошади, а то и на себе тащить. В 1944 году Егор был ранен. После лечения в госпитале закончил курсы, стал танкистом, водителем танка и сгорел в своей машине.

* * *

Братьев Серафима Сергеевича с 1922 года рождения и Арсентия Сергеевича, он родился в двадцать четвертом году, взяли на фронт в одно время. Говорили, что их мать — Елена Ефимовна — на проводах сыновей горько плакала. Видимо, ее сердечко предчувствовало, что она своих сыновей последний раз видит. Служили братья в одной части. А примерно через год родители получили две похоронки, в которых было сказано, что Серафим Сергеевич и Арсентий Сергеевич Кузякины пали смертью храбрых в бою за Родину.

И еще расскажу о трагической судьбе Алексея Карповича Кузякина, его год рождения — 1925-й. Вместе с ним ехал на фронт его дружок из деревни Риги — Николай Шалагинов. Под Москвой эшелон попал под бомбежку, и, как потом рассказывал Шалагинов, Алексей Карпович погиб.

Сегодня нет на земле нашей родной деревни — Кузякины. Но на том самом месте, где она стояла, я установил памятный знак и бронзовую доску с именами всех погибших однодеревенцев. И каждый год, в Ильин день, собираются здесь оставшиеся в живых и поминают всех, кто ушел из жизни, кто погиб на войне.

Киров. правда. 1991. 21 июня (№ 124). С. 3.

Б. ПОРФИРЬЕВ

ЧЕМПИОН ВОЛИ

Аплодируют всякому рекорду. И чем чаще раз от раза спортсмен его улучшает, тем сильнее овации. Вот почему, когда я, как будто в августе 1951 года, впервые увидел на помосте одного из московских дворцов спорта Юрия Дуганова, меня не удивила та неистовость, с которой зал приветствовал его очередной рекорд.

Я аплодировал вместе со всеми, но не только и не столько новому рекорду, сколько той воле этого выдающегося спортсмена, которая помогла ему вернуться в спорт.

Для стороннего зрителя была обычная картина: человек, сотканный из мускулов, поправил ремень, перепоясывающий трико, принял стойку и, не обращая внимания на публику, прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться перед штурмом мирового рекорда. В зале сразу наступила тишина. Руки атлета легли на гриф, примерились к нему, и тотчас же вздулись и перекатились клубки мышц под побледневшей кожей. Штанга оторвалась от помоста. Вот она на груди. Атлет замер, прижав напряженные локти к корпусу: ждал сигнала судьи.

Хлопок — и штанга пошла вверх. Руки выпрямлены до предела над головой, мышцы до того рельефны, что по ним можно изучать анатомию, выгнулся тонкий хребет, четко обрисовав каждый позвонок. Даже неискушенному зрителю видно, с каким трудом атлет удерживает равновесие под напором гигантской тяжести.

— Есть! — наконец говорит судья.

В общем, все, как в стихах Константина Ваншенкина:

Встал, вес жестокий покорив,
Раз это нужно дозарезу.
И, выгибаясь, охнул гриф
Под страшной тяжестью железа.
— Держать! —
А в зале тишина.
И слышно мне, как в крайней муке
Вибрирует его спина
И эти вскинутые руки.

Торжественную тишину, очевидно, первым нарушил я. И тут же мои хлопки потонули в неистовой овации.

Мой случайный сосед с недоумением оглядывал беснующийся зал и, наверное, думал: что из того, что Юрий Дуганов побил мировой рекорд? Ведь в тяжелой атлетике множество весовых категорий, а в каждой из них — и жим, и рывок, и толчок... В общем, рекордов не оберешься. Так почему же беснуется зал?

Этому зрителю и невдомек, что несколько лет назад врачи приговорили Юрия Дуганова к увечью. В боях под Ленинградом он был тяжело контужен, очень долго пролежал в госпитале, после чего на него обрушилось

новое несчастье: вечером, в канун отмены затемнения в Ленинграде, его сшиб автомобиль.

Снова госпитальная койка. Перебитые кости ног срастаются медленно. Домой Юрий вернулся на костылях. Горькими словами напутствовали его врачи:

— Со спортом для вас покончено навсегда.

Смириться с этим приговором? Ни за что! И Дуганов, волоча перебитую ногу, ковылял на костылях в спортзал, садился на табурет и начинал поднимать штангу. Она была совсем не тяжела, но через несколько лет ему было легче взять вес, близкий к рекорду, чем сейчас, в пустом промерзшем зале, какие-то 20 килограммов. Стояли морозы, и гриф прикипал к ладоням. Юрий выжимал штангу и снова опускал ее на колени. Сначала это удавалось сделать два-три раза, потом — больше.

Так он восстановил свои силы, отбросил костыли, а затем стал чемпионом СССР по штанге и, удерживая это звание три года, побил несколько мировых рекордов.

Второй раз я увидел Юрия Дуганова уже в Кирове, в показательных выступлениях перед земляками на стадионе «Динамо». Он был в блеске всех своих золотых медалей, как его и запечатлел на снимке мой друг Леонид Шишкин. Эта фотография у меня до сих пор хранится. Писать о Дуганове, правда, я не стал, так как меня опередил московский спортивный журналист, известный в прошлом конькобежец Алексей Пискарев, который опубликовал очерк о выдающемся штангисте в журнале «Физкультура и спорт».

Порфирьев Б. А. Путевка в мужество. Киров, 1981. С. 29—31.

С. МЕЗЕНЦЕВ

ФРОНТОВЫМИ ДОРОГАМИ

Кировский художник Сергей Николаевич Мезенцев прошагал фронтовыми дорогами, как поется в одной из песен, пол-Европы. А в конце Великой Отечественной оказался с однополчанами на Востоке, чтобы вместе со всеми поставить последнюю точку в войне. И вышло так, что эта встреча с японскими самураями произошла во второй раз. Ибо еще в 1939 году получил здесь солдат боевое крещение на реке Халкин-Гол. Об испытаниях, выпавших на его долю, и повествует художник в своем рассказе «Фронтовыми дорогами».

Было раннее летнее утро. Через открытое окно комнаты проникала прохлада. Тишиной и покоем наполнялись стены ветхого деревянного дома на речке Хлыновке. Легкий ветерок за окном нежно шевелил траву и листья шиповника. Алые цветы в его кустах холодным румянцем загорались от первых лучей солнца. Я писал флоксы. Мне хотелось передать их необыкновенную свежесть и аромат... И был уже близок к завершению, как вдруг по радио — «Война!..» Флоксы сразу же стали уплывать куда-то и меркнуть. Вероломный и коварный враг напал на нас, и где-то уже льется кровь...

В полдень по улице Ленина к вокзалу двигалась колонна. И вдруг зазвучала песня. Пел сильный, молодой голос:

Брось сердиться, Маша,
Ласково взгляни:
Жизнь прекрасна наша,
Солнечные дни...

Люди на тротуарах останавливались и замирали. В толпе я заметил девушку в легкой голубой косынке с большим букетом луговых ромашек. Она стояла, словно завороженная. И вдруг, очнувшись, широким взмахом бросила цветы в колонну. Запевала поймал несколько ромашек, прижал к губам и, грустно улыбнувшись, бросил их назад девушке. Взгляды их встретились, а ромашки рассыпались по мостовой. Он снова запел, еще сильнее. Я видел, как изумленные люди вокруг улыбались и плакали...

Скоро, как набат, зазвучала по радио другая, суровая, песня: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Наша мать проводила на фронт одного за другим четверых сыновей. И я был первым. Бедная мама, она тогда не могла знать, что трое ее сыновей назад не вернутся.

В конце августа 1941 года вместе со сверстниками я уехал на фронт.

На каком-то прифронтовом разъезде на Смоленщине мы быстро выгрузились в ночь. Где-то совсем рядом были немцы. К утру благополучно прибыли в свою часть, что стояла в лесу под Ельней. Здесь, в 106-й стрелковой дивизии, и началось наше фронтовое закаливание. Я скоро понял, что победа над врагом куется не только в сражениях. Мне никогда не забыть, как среди молодых, стройных сосен чернела только что выкопанная яма. Мы стояли в плотном строю. К яме подвели двух бойцов со связанными за спиной руками. Приговор военного трибунала был краток: они прострелили себе руки, чтобы не воевать, за это объявляются изменниками Родины и караются высшей мерой...

Яму тут же засыпали, заровняли и завалили сухими корявыми сучьями. Трудно сказать, что выросло потом на этой рыхлой земле — чертополох или ромашки... Но ясно было одно: родные и близкие никогда не найдут их страшной могилы.

Затем перед строем вручили награды отличившимся в боях. С речью выступил майор, он горячо говорил о долге перед Родиной, над которой нависла смертельная опасность, что это война Отечественная, решающая судьбу России и всех народов нашей Родины, и у нас не может быть жалости к тем, кто пытается членовредительством уползти от испытаний и встает на путь измены Родине.

— В этот грозный час смертельной борьбы с фашизмом мы славим наших героев, подвиги которых навсегда останутся в истории нашей Родины! Враг будет разбит, товарищи! Победа будет за нами! — так он закончил свою короткую, но сильную речь.

В том строю каждый из нас думал свою трудную думу: как сложится твоя судьба? Если придется, кем ты умрешь — героем или трусом? Каким словом вспомнят тебя, каким назовут именем? В эти минуты для нас не

было ни солнца, ни неба. Нас давила к земле страшная тяжесть. Мы понимали, какая огромная ответственность лежала на каждом из нас. Так конкретно началось мое преодоление жалости к себе, так в суровой действительности формировалось понятие о гражданском долге.

Скоро меня взяли как художника в дивизионную газету. Помню, как мы с корреспондентом выезжали на передовые позиции дивизии, вооружившись огнестрельным оружием и гранатами. Но пробыл я в дивизии недолго и не успел сделать для газеты что-либо серьезное...

События под Ельней развивались быстро. Немцы рвались к Москве. Отступая, мы пытались занять оборону.

Отчетливо помню, как по сжатому ржаному полю под прикрытием минометного огня фашисты шли на нас в психическую атаку. Вдруг передо мной что-то вспыхнуло. Ударило нестерпимо яркое голубое пламя, полыхнуло в лицо. Земля закачалась.., и я уже мысленно попрощался с жизнью.

Очнулся в грузовой машине, полной раненых. Машину качало и подбрасывало на ухабах. Моя голова и левый глаз туго забинтованы. Повязка насквозь промокла. Во рту клокотало густое и клейкое. Я захлебывался. Собрав последние силы, выплевывал спекшуюся кровь. Шинель моя намокла и стала бурой и липкой. Крови потерял я много, но, когда пришел в себя, тоскливой обреченности уже не было.

До полевого госпиталя везли двое суток. Нас обстреливали немецкие самолеты. Выбиваясь из сил, медицинские сестры вытаскивали нас из машин и прятали в какие-нибудь укрытия или кюветы. Было жарко. Повязка быстро высыхала, и голову сжимало, как тисками.

Помню, что где-то у березовой рощи по сигналу «Воздух!» наши машины были опять остановлены. Мы вывалились из кузова, кто как мог. Я попытался на своих нетвердых ногах дойти до березы. Дошел и, обхватив ее ствол руками, потерял сознание. К машине меня привела сестра, которая и помогла мне разомкнуть крепко сцепленные вокруг дерева пальцы. Через много лет этот эпизод стал сюжетом для моей картины «Березовый сок».

Нас привезли в полевой госпиталь, находящийся, как оказалось, на легендарном Бородинском поле, где в 1812 году героически бились наши русские люди с французами. Был вечер. Разместили нас в бывшем овощехранилище. Тускло горели керосиновые лампы. По обеим сторонам вдоль узкого прохода на соломе лежали раненые. Их было много. Раздавались глухие стоны. Одни лежали молча, неподвижно; другие, с трудом облокотившись, просили пить... И только один был не такой, как все: с перевязанной левой рукой он бегал вдоль прохода по грохотавшим доскам и навязчиво рассказывал подробности своего ранения. Слушали его с тяжелым молчанием. Я смотрел на качающуюся долговязую тень, и у меня зародилось подозрение: почему-то невольно вспомнились те двое в лесу под Ельней.

Вскоре меня отправили на обработку. Пожилая женщина-врач большими ножницами разрезала засохший кровяной панцирь, осмотрела рану, сделала укол и сказала мне: «У левого глаза дырка в один квадратный сантиметр. Твое счастье, если глаз будет видеть...»

На другой день меня отправили в тыловой госпиталь. Сначала в

Иваново, затем — в Новосибирск. Осколок мины вошел глубоко в голову. Нужна была срочная операция.

Оперировали меня в специальной клинике. То, что увидел здесь, буквально потрясло. Многие бойцы, еще недавно красивые парни, были с совершенно изуродованными лицами. Их заботливо лечили, делали им все возможное, но... Я смотрел на этих ребят — моих одногодков и до боли сжимал зубы, к горлу подкатывал комок — какое страшное несчастье несет людям война...

Лечение мое закончилось, и меня направили в формировавшийся 652-й артиллерийский полк. После госпитального тепла и уюта я вновь оказался в солдатской казарме. Спали на нарах по десять человек, хлебали из железного таза жидкую уху и внимательно приглядывались друг к другу. Хотелось узнать, кто откуда родом, кем был на гражданке, кого оставил дома.

Выковать хорошего солдата — дело непростое. Необходимо подчинить его волю жесткому приказу командира. Без дисциплины нет армии. Но каждому новобранцу дисциплина дается ценой огромной внутренней борьбы.

Был такой случай. В нашем взводе служил один боец из Новосибирска. Звали его Наум, фамилию, к сожалению, не помню. Уж больно он рассеянным был. Случалось, иногда на привалах забывал даже свою винтовку. Попадало ему здорово, и видно было, что он из-за этого сильно переживал. Я решил как-то ему помочь. Когда он заступил дневальным по батарее, я посоветовал ему после отбоя, ночью, хорошенько вымыть пол в казарме, чтобы утром все увидели приятную чистоту и похвалили его. Науму понравилась эта идея, и он охотно согласился. Тогда я обратился к командиру батареи и попросил на утренней поверке объявить Науму благодарность.

Я был агитатором батареи и с чувством исполненного долга заснул. Утром, вскочив по сигналу «подъем», сразу обнаружил, что пол такой же грязный, каким был вечером. У второго дневального я узнал, что Наум заснул на своем посту, и проверяющий — дежурный по части посадил его на гауптвахту. Если бы бойцы батареи знали о нашей договоренности, то подняли бы на смех и меня.

В начале лета 1942 года наш артиллерийский полк 235-й стрелковой дивизии прибывал на Северо-Западный фронт. Мы двигались к месту назначения форсированным маршем.

В походе я натирал ноги, иногда подступала страшная усталость и смертельно хотелось спать. Спать, где угодно — в кювете, на дороге, под лафетом пушки... На привалах, особенно на рассвете, я наблюдал, как от усталости врастают в землю люди и кони, повозки и орудия. Этот неподвижный силуэт вызывал впечатление высеченной из гранита скульптуры походной колонны, которой надо пройти тяжелый путь мужества и испытаний. Но зарисовать не хватало сил, а впечатления остались навсегда.

Наша ненависть к немцам нарастала от страшных картин пожарищ и убитых при бомбежке детей, стариков и женщин. И вот наконец-то мы прибыли на линию фронта, к деревне Вайно под Кулотино. Она мне запомнилась на всю жизнь. Деревни-то, собственно, уже не было. О ней

напоминали лишь печные трубы, разбитые снарядами засыхающие деревья да одинокая крыша сарая..

Немцы совершали на нас огневые налеты — рвались артиллерийские снаряды, с визгом падали мины. С ужасным воем неслись на нас пикирующие бомбардировщики. Было такое чувство, словно каждая бомба падает на тебя. Ее нарастающий свист вдавливал нас в землю, в жилах застывала кровь... И все-таки, преодолевая страх, я пытался запомнить формы вздыбленной земли. А вдруг когда-нибудь еще придется рисовать?.

Наступательные операции 732-го, 801-го и 806-го стрелковых полков, которые мы поддерживали артиллерийским огнем, не смогли решить главную задачу — выбить фашистов с Кулотинского плацдарма. Обстановка обострялась. Немцы разбомбили единственную грунтовую дорогу, которая шла через болото и связывала нас с тылом. Не стало продовольствия. Убитая лошадь, как ни прискорбно в этом сознаваться, была нашим счастьем. Помню, где-то нашли концентраты пшенной каши. Повар наварил ее целый котел. Но это жидкое варево было скорее похоже не на кашу, а на расползшееся мыло. Преодолевая отвращение, глотали ее не разжевывая. Потом каждого рвало, выворачивая все внутренности.

Начались осенние дожди. Ночи стали холодными. В окопах скапливалась вода. Мы стали строить блиндажи, землянки, бани. Ожесточенно парились, жарили белье на раскаленной каменке. А фашисты продолжали обстреливать и бомбить нашу оборону.

На войне нельзя предвидеть свою судьбу, у каждого она складывается своя, единственная. Был такой случай. Наш командир взвода, недавно окончивший военное училище лейтенант (к сожалению, не запомнил его фамилию) производил впечатление человека интеллигентного и удивительно скромного. Теперь я думаю, что создан он был для очень мирной, гуманной деятельности. И вот случилось непоправимое: во время сильного артиллерийского налета прямым попаданием в блиндаж лейтенант был убит. А мы, в открытых окопах, остались живы. Таковы на войне солдатские судьбы.

После этого трагического случая я стал зарисовывать разбитую деревню Вайно, землянку, своих товарищей и могилы погибших. И еще... стал писать стихи. Стихотворение «С победой я вернусь» было напечатано в красноармейской газете «За честь Родины» в мае 1942 года. Приведу из него лишь последние четыре строчки.

...Но я вернусь! И сердце захлестнется,
Когда обветренный, с винтовкой на ремне
Приду. И наша мать-Россия улыбнется,
И ты с крылечка бросишься ко мне.

Конечно, эти стихи не совсем совершенны, но написаны они от чистого сердца и были понятны всем. Я знаю, что многие солдаты и командиры вырезали их из газеты и посылали домой.

Нигде так не проверяется человек, как на войне, перед лицом смерти. Все, что я увидел и пережил, привело меня к решению вступить в партию. В сентябре 1942 года я подал заявление парторгу полка — старшему лейтенанту Червоненко.

Меня принимали в партию в землянке на переднем крае артполка. Председатель партийной комиссии 235-й стрелковой дивизии — земляк, кировчанин майор Ф. В. Костылев первым поздравил меня с этим событием и пожал руку.

Доводилось слышать рассуждения, что на войне, когда жизнь может оборваться каждую секунду, стоит ли заниматься такой «безделицей», как рисование. Зачем, мол, на это тратить свои душевные и физические силы. Но я был убежден: каждый запечатленный штрих суровых военных будней, как казалось мне, мог быть полезным для будущего поколения, и я в минуты отдыха между боями зарисовывал все, что мог.

Первый свой рисунок на фронте я сделал чернилами и пером на случайно попавшей под руку бумаге. Зарисовал землянку нашего артдивизиона. Было интересное совпадение: из ее крыши-наката, словно стволы пушек, торчали два бревна. Мне памятна эта землянка еще и потому, что здесь, под Кулотино, мы пережили немало трудных испытаний и именно в этой землянке меня принимали в партию.

В январе 1943 года меня откомандировали на армейские курсы младших лейтенантов. Жили в землянках в глухом лесу, осваивали военную науку. Зарисовками там заниматься было некогда. Оттуда нас перебросили в Воронежскую область, а затем в октябре 1943 года в Харькове надели нам погоны младших лейтенантов и выпустили в части 53-й армии — испытывать свое военное счастье и судьбу в качестве командиров. Меня направили в резерв политотдела армии.

Преодолевая вязкую распутицу и бездорожье, мы двигались по Украине. Местные жители помогали на руках переносить снаряды и боеприпасы.

Двигаясь на запад через Полтаву, Кременчуг, Каменку, Смелу и другие населенные пункты, я видел немало женщин-матерей и вдов, измученных пережитым, с полными слез глазами. Верно говорят, что женщины психологически более ответственны за жизнь, чем мужчины. Поэтому они и страдают больше. А сколько пришлось увидеть украинских детей-хлопчиков, которые непередаваемо радовались нашему хлебу, плакали от куска сахара, по незнанию принимая его за камень...

Однажды возле небольшой украинской хаты я увидел немецкую пушку. Этот контраст мощной военной техники, теперь поверженной и молчаливой, рядом с беззащитной хатой впечатлял, и думалось, что это немецкое орудие могло одним выстрелом разнести в пух и прах этот мирный очаг вместе с его обитателями. Но теперь орудие — «труп». Я назвал рисунок «Отвоевалась».

И нельзя было остановить любопытство детей к разбитой военной технике. Их привлекали сверкающие медные гильзы от снарядов, целые снаряды и гранаты, которые, случалось, рвались в их руках. Но по-настоящему присмотреть за детьми было некому: их матери и бабушки жили главной заботой — чем накормить детей. И наши солдаты не жалели своего пайка для переживших немецкую оккупацию женщин и детей. От этих встреч сохранилось несколько рисунков.

В одном селе встретил я человека, который не был полицаем, но

старался угождать немцам. Небритый, с узкими хитрыми глазами, с ухмылкой в бороде. Я долго уговаривал его попозировать мне. Уговорил с трудом. И на рисунке запечатлелся образ угодника. И эта встреча, и зарисованный типаж послужили для меня толчком для создания картины «Допрос».

Рассказы людей, переживших оккупацию и зверства немцев, свидетельствовали: женщина-мать могла мужественно выдержать допрос фашистов, а мужик, призванный, обязанный защищать женщин и детей, случалось, угождал и юлил перед фашистами. Героизму женщин-матерей в Отечественной войне и посвящена картина, которую я написал сразу после возвращения с фронта.

Хочу сказать, что эта тема не оставляла меня и потом.

Матери в огромных муках рожают детей, чтобы радоваться их жизни. Всенародное горе — война — это прежде всего горе матерей.

Вот она провожает на войну последнего своего сына, последнюю свою надежду и знает, что, может быть, видит его в последний раз, потому что в кармане лежат уже похоронки о гибели старших сыновей и их отца. Ей горько и трудно. А в сторонке стоит девушка с опущенным платочком в руке. Она замерла — прервались их любовь и ласковые встречи. В глубине картины — военный с белой повязкой на голове спокойно ждет конца прощания, чтобы поставить юношу в ряды новобранцев. Строгий пейзаж подчеркивает напряженность переживаний. В картине «В суровые годы», которую я написал после войны, мне хотелось раскрыть страницу трагического противоречия между личным чувством и гражданским долгом. Это пронзительное преодоление самих себя переживали миллионы наших матерей.

Один из героев моих военных картин — Герой Советского Союза Чепур. В армейских газетах его называли мастером штыковых атак. Он рассказывал, как дважды участвовал в штыковом бою. И не получил при этом ни единой царапины. Говорил, что во время штыковой атаки была только одна яростная мысль: если ты не убьешь фашиста, он убьет тебя.

По ту сторону Днепра, в большом украинском селе ниже Кременчуга, мне рассказали о подвиге сержанта, форсировавшего Днепр со своим отделением.

Под покровом ночи бойцы переплывали реку на резиновом понтоне под артиллерийским и минометным огнем противника. Сержант был ранен в руку. Подплывая к противоположному берегу, превозмогая боль, первым выскочил на мелководье и, ухватившись здоровой рукой за трос, подтягивал понтон и отдавал четкие команды отделению. Его бойцы с ходу вступили в бой и с незначительными потерями выполнили поставленную задачу — закрепились на этом участке плацдарма.

В эскизах, набросках я тут же стал искать композиционное решение, как лучше изобразить этот эпизод-подвиг. После нескольких вариантов наиболее удачный, на мой взгляд, я показал политработникам, и они посоветовали послать этот рисунок в журнал «Огонек». Я отослал его вместе с двумя другими рисунками без всякой надежды на публикацию.

Однажды майор политотдела нашей армии С. И. Веремей развернул передо мной мартовский номер «Огонька» за 1944 год, и я увидел свой

рисунок. А потом я получил из «Огонька» открытку, в которой сообщалось, что готовится к печати еще один рисунок. Был ли он напечатан, я так и не знаю. Скорее всего, не был.

Встречался я и с другими героями Днепра. Среди них Герой Советского Союза Лебедь. Он был прост и скромен, но, по всему видно, человек мужественный и волевой.

Некоторое время мы стояли в небольшом украинском городке Шпола. Лили дожди, и была непролазная грязь. Там я сделал ряд рисунков: «Через Шполу», «Шпола в марте 1944 года», «На ремонте», «Семинар парторгов» и ряд других. Тогда же я там сделал выставку своих фронтовых зарисовок и храню тетрадочку с теплыми отзывами своих фронтовых товарищей: майора С. И. Веремея, Героя Советского Союза Чепура, сержанта Горобченко и многих других.

Сейчас многих интересует природа подвига наших солдат и офицеров, то, как создавались их патриотический подъем и уверенность в окончательной победе над фашизмом. Убежден, что не последнюю роль в этом сыграли наше искусство, литература, журналистика. Это было бескровное, но такое сильное оружие, которое заряжало бойцов всех огромной энергией и нравственной силой.

Помню, какое незабываемое и сильное действие на нас производили, к примеру, поэтические публикации К. Симонова от суровых стихов «Убей его» до лирических «Жди меня...», проникновенные статьи И. Эренбурга «Верность проверяется огнем. Сгорает на огне солома и закаляется на огне сталь», сокрушающая ирония А. Толстого, который писал: «Стратегия Гитлера — это клочок сена, привязанный на палке перед мордой осла: немец ревет от жадности и тянется за пищей. И так, полагал Гитлер, будет завоеван мир». Такое же вдохновляющее воздействие производили стихи Алексея Суркова «Землянка», поэма А. Твардовского «Василий Теркин», произведения многих других авторов.

Концерты, которые случались иногда в перерывах между боями, наполняли бойцов светлым чувством к своей Родине и ненавистью к врагам. Русский солдат может мужественно переносить боль от ран и не сдержать слез от музыки и песни, потому что еще в глубинах истории в русском народе заложены добрые чувства. Не случайно Державин сказал о русском народе: «По мышцам ты — неутомимый, по духу ты — непобедимый. По сердцу прост, по чувству добр, ты в счастье тих, в несчастье бодр...»

В мае 1944 года я получил назначение на должность командира взвода управления 271-го инженерно-саперного батальона 54-й инженерно-саперной бригады, которая вела бои под Яссами. В районе намеченного прорыва немецкой обороны ночью нам было поручено разминировать проходы. На рассвете после сильной артподготовки вслед за пехотой мы двинулись в зону прорыва и увидели разбитую вражескую технику, разорванную колючую проволоку, окопы и трупы фашистов. Особенно запомнился полузасыпанный окоп, в котором лежал молодой гитлеровец, откинув назад голову. Мелкая пыль застилала его лицо. Беспорядочно падали редкие фашистские снаряды: враг отступал, огрызаясь, а наши войска все шли и шли на запад. Именно тогда я подсмотрел у войны сюжет, который лег в основу рисунка «Взорванный дот».

В Молдавии, кроме того, удалось сделать несколько зарисовок: «Штаб батальона. Молдавия», «Призванный молдаванин», «На реке Серет — саперы», «В саперной роте», «Партсобрание саперного батальона», «Ротная кухня», «Армейское совещание парторгов», «Пленные румынские солдаты на привале» (они были рады, что для них война кончилась), ряд других рисунков. Но рисовал я только карандашом и пером. Других материалов (масляных красок, акварели, пастели и даже цветных карандашей) не было. Да и времени для работы ими с натуры не хватило бы, ведь меня никто не освобождал от военных обязанностей.

Долго я хранил рисунки в сумке противогаза. Со временем они сильно потерлись, теряя изображение, и потому, спустя годы, я решил воспроизвести кое-какие из них не карандашом, а контрастным фломастером. Так, рисунки «Взорванный дот», «Ротная кухня», «Переправа через Днепр» и другие обрели вторую жизнь.

На одном из привалов я зарисовал старшину Куликова. Это был лихой разведчик, не раз бывавший в тылу у немцев и награжденный многими орденами и медалями. Мы с ним подружились. Я заслужил его уважение тем, что вместе с ним спокойно прошел зону, которая простреливалась пулеметным огнем противника.

Хорошо сохранились в памяти эпизоды нашего движения по Румынии. Двигались мы быстро — в основном на автомашинах. В кузовах мест не хватало, садились на кабины, на крылья передних колес и даже на капоты, упираясь в фары. Всех захватил дух наступления. Шоферы жали на всю катушку. Моторы ревели, возбуждая азарт. Лица у всех веселые, озорные, глаза блестят, как у мальчишек.

Но вот дорога сузилась. Въехали, как в лес, в большое кукурузное поле. Движение колонны замедлилось, и вдруг впереди застрочили автоматы. Нас обстреляли. Мы прочесали кукурузу и обнаружили двух немецких солдат. Это были совсем еще юнцы. Их холодные глаза сверкали фанатичной ненавистью.

Потом мы увидали румынских помещиков. Один в ужасе мчался куда-то на пароконной бричке. Он был так толст, что едва помещался в ней. Он походил на тех буржуев, каких изображал в своих окнах РОСТа В. Маяковский.

Из скотных дворов поместий один за другим робко выходили истощенные, плохо одетые босые люди — мужчины и женщины. Это были батраки. Они жили вместе со скотом и спали на голой соломе. Но когда мы увидели комнату их хозяина (светлую, большую, обставленную застекленными шкафами, в которых лежали окорока и копчености, фрукты и другие различные яства, стояли бутылки с различными винами), нас поразил и возмутил этот контраст. Мы не прикоснулись к этой еде. Мы отдали все работникам. Они были так робки и забиты, что сами вряд ли решились бы что-нибудь взять в помещичьем доме.

Затем была Венгрия. Зарисовки, которые делал там, воскрешают в памяти многие эпизоды. Например, этот. В одной из деревень мы беседовали с крестьянами, не зная их языка, жестами и мимикой. Основной тягловой силой в сельском хозяйстве Венгрии в ту пору были волы. Так вот, когда мы разговаривали, они стояли, запряженные в большую телегу, на дворе.

Их огромные рога нас тогда очень поразили. Разве можно такое не зарисовать?

Или: у молодого леса в одной из венгерских деревень похоронили мы своего друга — солдата Подгорных. Был он сапером. Подорвался. После похорон увидели у его могилы запорошенный снегом крестик, поставленный рядом с нашим скромным обелиском — дань благодарных венгров советскому бойцу.

Попадались на нашем фронтовом пути и роскошные замки. Побывав в одном из них, солдаты моего взвода шутили: «Какая красивая тюрьма!»

Чем дальше мы двигались, чем больше видели незнакомых пейзажей, богатых замков и особняков, тем глубже и теплее наплывали воспоминания о Родине.

Родина! Великое слово. По какой бы земле мы ни шли, мы всегда жили мечтой о Родине, тянулись к ней. Мне лично бесконечно дороги моя родная вятская земля, речка Хлыновка и река Вятка, душистые пихты и наши русские березы, глубоко и проникновенно воспетые в поэзии и прозе.

Но бесконечные фронтовые будни не давали надолго отключаться от реальности нашего бытия. Мы шли на запад и верили, что не за горами тот день, когда весь мир узнает о нашей победе.

Этот день застал нас в Чехословакии, возле города Брно. Помню митинг по этому поводу, который состоялся 9 Мая в небольшом клубе. Было много цветов, чехи забросали цветами всю сцену. Говорили взволнованные речи и по-русски, и по-чешски, были слезы радости. Потом все пустились в пляс: и молодые, и старые. И все пели.

Прилив неописуемой радости за нашу Победу возбуждал надежду на скорое возвращение домой. И действительно, через несколько дней мы погрузились в эшелон и двинулись в путь. Возвращались домой через Германию

Когда подъехали к Дрездену, его руины вызвали какое-то двойное чувство: ужаса (во что превращен город!) и справедливости (а сколько наших городов стали такими же руинами!)

Выйдя на перрон вокзала, я зарисовал этот разрушенный город удивительной архитектуры и памятников, в развалинах которого погибли тысячи человек. Но в ответе за это только фашизм!

Война для меня в те майские дни, как и для тысяч других солдат, не закончилась. Как и в 1939 году, мне снова пришлось участвовать в боях с японской армией.

Мы двигались по тем же пустынным степям Монголии, перешли реку Халхин-Гол и форсировали пустыню Гоби, горы Большого Хингана. Были крутые подъемы и спуски, пропасти. С последнего горного хребта Хингана мы увидели ровное плато Северного Китая, однообразные земляные фанзы, окруженные, как кольцом, земляным валом. В этих жилищах китайцев, кроме циновок из соломы, абсолютно ничего не было. Люди ходили только в набедренных повязках. А дети — совсем обнаженные. Вокруг селений росли огромная кукуруза, чумиза и другие сельскохозяйст-

венные культуры. Но все это забирали японцы. Наши бойцы были поражены: вот это действительно бедность!..

На участке фронта, где мы действовали, японцы почти не оказывали сопротивления — уходили, оставляя отравленные продукты. Дошли мы до города Линь-Дунь, где и было объявлено о капитуляции Японии. Вернулись в Монгольскую Народную Республику в город Чойбалсан.

Через некоторое время командованием инженерно-саперной бригады была назначена группа, которой приказали выехать в Большой Хинган и сделать топографическую съемку пути движения нашей армии через эти горы, а мне поручалось зарисовать ландшафты. Работа была опасной: в безлюдных горах Хингана действовали диверсанты и бандиты. Во время работы нас охраняли вооруженные автоматами бойцы. Нас предупредили, что враги действуют коварно и дерзко. И действительно, когда мы подъезжали к Хингану, нам встретилась машина, в которой везли зверски убитого в горах советского офицера.

Задание мы выполнили и благополучно вернулись в бригаду.

Приказом по 53-й армии 15 ноября 1945 года за большую творческую работу, способствующую повышению наступательного порыва бойцов, группе художников, литераторов, фотографов была объявлена благодарность с вручением ценных подарков. В числе награжденных были известный поэт Юрий Левитанский, майор Сергей Веремей, сержант Николай Целиков и Юрий Горобченко и другие товарищи. Военный совет армии устроил нам праздничный прием, где и вручил нам эти подарки.

Анализируя пережитое, я нередко ловлю себя на мысли, что моим кислородом, как вторым дыханием в трудные минуты войны, была мечта стать художником. Эта мечта питала моральные и нравственные силы, питала нетерпимость к врагу и любовь к Отечеству.

И вот более 50 лет я занимаюсь любимым делом. Герои моих сегодняшних картин — люди мирные: хлеборобы, инженеры, студенты... Это прекрасно. Но память о минувшей войне — это мой гражданский долг перед павшими товарищами, перед будущим поколением.

Киров. правда. 1991. 12 мая (№ 94). С. 2; 21 мая (№ 100). С. 3.

А. РЕВА

ТРЕХ ВОЙН ВЕТЕРАН

«Новоселов Ф. С. 1899 г. рождения, землепашец, подлежит зачислению в Красную армию.

15 января 1920 г.»

(Выписка из учетной карточки)

На неловкий вопрос про награды
Ветеран попытался шутить:
«Есть, конечно, медаль «За отвагу»,

Орденов не успел отхватить».
И культю протянул: «Так случилось,
В правой, значит, винтовка была,
А по левой железом хватило,
Опрокинуло, все и дела!
И прощай, боевая пехота!
В сорок третьем вернулся домой
И запрягся с лошадкой в работу.
Летом все ничего, а зимой...»
«Он, бывало, — хозяйка сказала, -
Из делянки когда приходил, -
«Лучше б голову мне оторвало,
А не руку!» — в сердцах говорил.
Льдом и снегом возьмется одежа,
В дверь шагнет и повалится с ног.
Погляжу: ну, насквозь промороженн,
Как под снегом оставшийся сноп...»
Усмехнулся: «Всем лиха хватило!
Жизнь в ту пору была не бела.
Всем досталось — и фронту, и тылу.
Всем победа наградой была.

«МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ...»

Памяти выпускника школы № 22, курсанта Высшего военно-морского инженерного училища Евгения Лучинина, погибшего 17 сентября 1941 г.

Не постояли за ценой...
Отдали двадцать миллионов
Солдат, и каждый был родной
Земле, войною опаленной.
И каждый — лишь для счастья рос,
Из детской вырастал одежды,
И каждый нам навстречу нес
Цветок своей большой надежды.
Не постояли за ценой,
Не отдались врагу на милость...
Но сколько же в стране родной
Родных цветов не распустилось!..

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Светлой памяти П. К. Ревы.

Он писал нам письмо на подъеме
Сил и верил в счастливый исход:
«Мы на запад захватчиков гоним,
От ворот им даем поворот!
За обиды заплатим сторицей,
Брат, за нами по карте следи,

Город, названный именем птицы,
Стал от нас далеко позади!»
И штрихами, почти без усилья,
Благо гладкой бумага была,
Начертал распростертые крылья,
Воспарившего в небо орла...
Май. Опять зеленеют деревья.
Я спрошу: где ты, старший сержант,
Третьекурсник-студент Павел Рева,
Обронил своей жизни талант?
Не узнаю я всей подноготной,
Лишь представлю, как в дымной пыли,
На окоп твой, расчет минометный
Ненавистные «тигры» ползли.
Как утюжили брустверы жестко,
Сталью лязгали их башмаки...
Так для нас ты живешь в отголосках
Славы огненной Курской дуги.
Не исчез ты из жизни бесследно
И войною оплакан без слез.
В нашу память и нашу победу
Брат мой горькою строчкою врос.

АВТОБИОГРАФИЯ КОНСТРУКТОРА ПИСТОЛЕТА-ПУЛЕМЕТА ШПАГИНА (ППШ) Г. С. ШПАГИНА

декабрь 1944 г*.

Я, гражданин Шпагин Георгий Семенович, родился в семье крестьянина-середняка Семена Венедиктовича Шпагина [в] деревне Клюшниково Ковровского уезда Владимирской губернии 21 апреля 1897 года. Окончил 3-летнюю начальную школу в деревне Клюшниково. Из-за материальной необеспеченности с раннего возраста пошел на работу по найму. В 1910 году отец отдал меня мальчиком в город Рыльск Курской губернии. В 1911 году от непосильного труда я от хозяина ушел и поступил на сезонные работы на стекольный завод Вознесенка Судогодского уезда. В 1916 году был призван досрочно в царскую армию. Служил в 14-м Гренадерском Грузинском полку в оружейной мастерской младшим оружейником (Западный фронт). В 1918 году демобилизован из армии, занимался сельским хозяйством. В ноябре 1918 года был призван в ряды Красной Армии (8 стрелковый полк, город Владимир), где был назначен полковым оружейным мастером. В 1919 году был отпущен из рядов Красной Армии по болезни. В 1920 году

* Документ датирован по содержанию.

поступил на завод № 2 [г. Владимир], где работал до 1931 года слесарем, с 1931 года по 1941 — конструктором, разработал ряд конструкций, принятых на вооружение Красной Армии. В 1941 году был переведен на завод № 367[1], где и работаю по настоящее время. За всю работу по разработке вооружения награжден двумя орденами Ленина, орденом Суворова II степени, орденом Красной Звезды, присвоено звание лауреата Сталинской премии. Из моих родственников репрессированных нет. Двоюродный брат мой Женя репрессирован органами НКВД.

Шпагин

ЦДНИ КО. Ф. 563. Оп. 4. Д. 305. Л. 3. Подлинник.

[1] Завод № 367 был эвакуирован из подмосковья в п. Вятские Поляны Кировской области в ноябре 1941 года (Вятскополянский машиностроительный завод «Молот»). За годы войны выпустил 2 000 000 ППШ, 350 000 сигнальных пистолетов СПШ. Г. С. Шпагин, работая на заводе в Вятских Полянах, разработал пистолет-пулемет ППШ-2, осветительный пистолет ОПШ. В 1945 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Умер 6 февраля 1952 г., похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

В. СМИРНОВ

ПРОСЕКА ПОДВИГА

Судьба отмерила ему короткий срок — 21 год. Мальчишкой был, им и остался на всю жизнь. Но возраст не в годах, возраст — в поступках.

Прапорщик Александр Жарков погиб в мирное время, когда и опасность-то Родине никая не угрожала. Великая Отечественная осталась далеко позади, до Афганистана еще было целых два года, о каких-то переворотах и путчах тогда, в 1977-м, и подумать было трудно. Тем не менее его подвиг отмечен боевым орденом — Красной Звезды, а в Указе Президиума Верховного Совета СССР так и написано: «за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга».

...Разговоры о страшных таежных пожарах, охвативших чуть ли не весь Приморский край, обрастали невероятными подробностями и по-настоящему беспокоили жителей. Однако местная пресса, получавшая четкие установки не будоражить общественное мнение, не сеять панику в народе, утверждала: оснований для беспокойства нет, а с «отдельными фактами возгораний лесных массивов» успешно справляются профессиональные пожарные.

На деле все было сложнее. Приморские леса окутала плотная завеса дыма, а кое-где ситуация грозила выйти из-под контроля. Из штаба, сформированного крайисполкомом в зоне пожаров, вести шли также безрадостные — огонь разгорается, поглощая все новые участки тайги, состоящей в основном из ценнейших пород деревьев — даурской лиственницы, аянской ели, кедров. Особенно трудное положение, телеграфировали, складывается

близ города Тернея. И тогда после некоторых колебаний на помощь пожарникам решено было бросить воинские подразделения Тихоокеанского флота.

О телефонограмме командующего Флотом прапорщик Жарков узнал в числе первых. Он ни на минуту не сомневался, что умные головы, которым поручают готовить команду для отправки в тайгу, обязательно вспомнят и его, инструктора политотдела, и обязательно включат в состав спецподразделения (как можно обойти стороной партийно-политическую работу, о важности которой так много велось разговоров на самых высоких уровнях?). Но он ошибся. В списках его фамилии не было. Решив, что это либо нелепое недоразумение, либо чье-то недомыслие, Жарков направился прямо к командиру полка полковнику Постнову. И был настроен решительно, доказывая, что не может и не имеет морального права оставаться в казарме, когда другие выполняют ответственное задание.

— Я ведь уважать себя перестану, товарищ полковник, если не поеду со всеми, или просто вынужден буду вам написать рапорт о переводе на другую должность, — сказал Саша.

И Постнов признал: прав ведь прапорщик-то.

...Палаточный лагерь, разбитый на берегу речушки Максимовки, пробудился рано — в 5.30, когда еще было темно. Сразу после завтрака предстоял первый выход в район, обозначенный на карте как «зона огня». За ориентир была взята гора Курортная, одна из вершин огромного Сихотэ-Алиньского хребта. От лагеря до нее, если по прямой, было недалеко, несколько километров. Правда, километры в тайге, опутавшей склоны гор, в подсчет, как правило, берутся лишь условно, потому как определение «непроходимая» не выдумано литераторами или журналистами, а идет от лесников, геологов, охотников — людей тайги, на собственной шкуре испытавших эту непроходимость.

Накануне к зоне огня сквозь чащобу сделала вылазку оперативная группа. Информация, с которой она вернулась, обнадеживала: огонь идет преимущественно низом, то есть горит, а местами тлеет надпочвенный слой, чадят прогнившие пеньки, корни деревьев, слежавшийся годами таежный хлам.

С вечера продумали и тактику тушения. Подразделение разбивается на несколько групп, которые под руководством офицеров и пожарных-профессионалов прокладывают по земле так называемую полосу безопасности — именно она в итоге должна встать на пути огня.

Солнце уже поднималось из-за сопок, обрамляя их красной бахромой, когда двести сорок воинов, выслушав последние напутствия и указания командиров, взвалили на плечи рюкзаки с теплыми вещами, продовольствием, взрывчаткой и другим необходимым снаряжением и, вытянувшись в цепочку, вышли из лагеря под совершенно неуставную команду командира спецподразделения майора Гордона: «С Богом!»

— Вот и проводи тут партийно-политическую работу, — пошутил Жарков, прихвативший на случай портфель с газетами, купленными в Тернее. — Знал бы, Библию лучше взял! Впрочем, если Бог есть, пусть и вправду нам поможет!

И Бог им, похоже, помогал: погода стояла тихая, безветренная — именна та, что и была нужна. Ведь не зря же опытные пожарные больше, чем огня, опасались именно ветра. Они отлично знали коварство таежных «низовых» пожаров, которые при штиле усыпляли бдительность. Ветер в один миг мог поднять огонь в кроны деревьев, в считанные секунды изменить его направление, и тогда — держись!

Шли долго и трудно. Тайга колючими ветками хватала матросов за рюкзаки, хлесталась оголенными прутьями, а многослойная перина из слежавшихся за годы листьев, хвои, сухой травы и прочего таежного мусора, словно болото, ходила ходуном под тяжестью кирзовых сапог.

Поднявшись с двумя короткими привалами по пологому склону, матросы вышли наконец к линии огня. Линия огня — это, конечно, сказано громко, потому что не было видно ни самой линии, ни огня, а на десятки километров, огибая сопки и растворяя в себе зеленые макушки деревьев, тянулась сплошная пелена едкого, пахучего дыма.

Разбив для оперативного руководства небольшой базовый лагерь на площадке, с которой открывалась панорама пожара, сложив груз и установив рацию, связались с палаточным городком. Сквозь треск помех услышали голос майора Гордона:

— Приступайте. Желаю успеха. И советую поспешить — у нас здесь, похоже, начинает усиливаться ветерок.

Эти слова многие пропустили мимо ушей. Потому что у них, на горе Курортной, и на самом деле было, как на курорте: вовсю сверкало солнышко, и ничто не предвещало сюрпризов.

Застрекотали, словно кузнечики, бензопилы, застучали, перекликаясь, топоры. Тайга наполнилась незнакомым ей производственным шумом лесосек, в который то и дело вплетались звонкие голоса команд, передаваемых по цепочке. Скоро многим пришлось скинуть с себя бушлаты.

Но жарко становилось не только от работы. Матросы чувствовали, как стремительно густеет дымное облако, как не на шутку раскаляется воздух.

Прошел час, и ответственный за связь с палаточным лагерем ветеран Советской Армии капитан Пашков доложил по рации, что все идет своим чередом, что поперек склона четко обозначилась просека и что через часок-другой матросы смогут спокойно пообедать.

— Молодцы! — прохрипел в ответ голос майора Гордона. — Но еще раз прошу быть поосторожней. У нас, кажется, ветер разгулялся всерьез.

...То, что произошло дальше, не поддается никакой логике. Первым опасность заметил прапорщик Жарков. Поднимаясь по просеке от одной группы матросов к другой (а работали в основном мальчишки, не прослужившие еще и полгода), он услыхал за спиной какой-то непонятный нарастающий гул — такой, какой бывает на аэродромах, когда мощные лайнеры, отрываясь от взлетной полосы, взмывают в небо. Оглянувшись, он с ужасом увидел у подножия сопки неизвестно откуда вырвавшийся огненный смерч, стремительно поднимающийся к вершине. Но отчетливо видно это было только сверху. А догадывались ли об опасности те, кто

работал внизу? Не получив ответа от самого себя, Жарков бросился к подножию сопки, навстречу огню.

А тот, круша все живое на своем пути, обогнул Курортную и, подгоняемый воздушными порывами, словно по ступенькам, взбирался к ее вершине с трех сторон.

Страшно представить, что бы было с батальоном, если б не видавшие виды пожарники. Мигом оценив обстановку, они прикинули, что единственный путь спасения — выход к ручью, бурлящему в расщелине сопок и обозначенному на карте как ключ Усталый. Сорвавшись с просеки, матросы, путаясь в кустах, запинаясь о пни и кочки, падая от удушья, бежали сюда, даже и не предполагая, что счет в споре жизни и смерти идет уже на секунды.

Смерч пронесся над их головами со скоростью экспресса, моментально согрев в ручье ледяную воду и оставив после себя смрад, частокол тлеющих деревьев, сыплющих со своих обожженных вершин черные хлопья и сажу.

Минута-другая, и все стихло: огненный вал, не достигнув даже вершины сопки, остановился и, словно сделав свое дело, так же неожиданно исчез, как и появился. Позже пожарники скажут, что это был эффект ветровой воронки — своеобразный сквозняк между хребтами гор, который нельзя спрогнозировать заранее.

Когда все стихло, и матросы, счастливые, что легко отделались, возвращались шумно к месту работы, поступила команда построиться.

Сделали перекличку. Не хватало четверых: дежуривших у рации капитана Пашкова и прапорщика Мокрушина, а также работавших на просеке прапорщика Жаркова и матроса Крохалева.

Пашков и Мокрушин вскоре вышли. На их плохоузнаваемых лицах еще были маски, запечатлевшие ужас. Они уцелели чудом, успев выскочить на уже остывающее пепелище.

— Итак, Пашков и Мокрушин живы, — сказал облегченно командир батальона Егоров. — А где еще двое? Кто видел последним прапорщика Жаркова и рядового Крохалева?

— За Жаркова можете не волноваться, — сказал кто-то из офицеров. — Он парень бывалый, вятский. Крохалев — другое дело: молодой, мог растеряться.

Еще раз построив взвод, капитан Егоров обратился к строю:

— Товарищи, кто из вас может что-то сказать о Жаркове и Крохалеве? Кто работал с ними рядом?

Из строя вышли трое.

— Матрос Бурханов, — представился первый. — Я видел Жаркова за несколько секунд до того, как все началось. Он бежал по просеке вниз. Я понял, что что-то случилось. Когда он подбежал ко мне, крикнул: «Сейчас же жми к ручью и как можно быстрее». Я все понял и побежал. А он стал спускаться ниже. Там работали еще трое.

— Одним из них был как раз я, матрос Козлов, — продолжал

второй. — Мне Жарков сказал то же самое и, не останавливаясь, убежал дальше.

— Мне он тоже велел срочно уходить, — сказал матрос Токарев. — И спросил, есть ли на просеке еще кто-нибудь. Я сказал, что недалеко есть матрос. Кажется, Крохалев. Я убежал, а Жарков стал кричать ему...

Что произошло дальше, осталось тайной. Но все надеялись на лучшее. Решили, кричать — сначала робко, словно боялись спугнуть воцарившуюся вдруг тревожную тишину, потом громче, еще громче, а в ответ слышалось лишь раскатистое эхо.

И тут все увидели человека. Он шел в драном, черном бушлате, тяжело переставляя в золе ноги. Это был Крохалев. Его появление прибавило надежд на то, что Саша жив.

— Когда он подбежал ко мне и сказал: «Давай быстрее за мной!, — я не сразу понял, что к чему. Был жуткий шум, ничего не было видно. Он дернул меня за рукав, и я побежал. Мне казалось, я бегу за ним и слышу его горячее дыхание. Вскоре я понял, что бегу один и куда-то не туда. Я очень перепугался. Огонь настигал меня, но, к счастью, я вспомнил про ручей, куда ходил пить, благодаря ему и Жаркову я остался жив, — рассказывал, придя немного в себя, Крохалев.

Прошел час. В криках матросы сорвали голос, но Жаркова не было. Решили прочесать лес — вернее то, что от него осталось.

...Нашли Сашу Жаркова в тридцати шагах от того места, где когда-то работал Крохалев. Рядом с ним лежала расплавленная от жары фляжка...

В Яранске, где жил Саша Жарков, в краеведческом музее среди писем, фотографий и других документов хранится характеристика на Александра. Она неофициальная, и тем точнее и честнее. Написали ее его сослуживцы — курсанты взвода комсомольских работников Кронштадтской школы мичманов и прапорщиков (каждому тогда, в дни учебы, предложили написать по одной строчке в эту характеристику). Что подметили однокашники в Саше?

«Надежный товарищ, не подведет. Может поделиться последним»

На редкость пророческой оказалась эта строка в характеристике. Он поделился с молодыми матросами, попавшими, как и он, в беду, самым последним и самым ценным — жизнью.

Судьба отмерила ему короткий срок — 21 год. Мальчишкой был, им и остался на всю жизнь. Но возраст не в годах, возраст — в поступках.

Ю. БУРЫЛИН

ЗВЕЗДЫ НЕ ГАСНУТ

Александр Яковлевич Опарин родился 28 февраля 1948 года в деревне Прохорята Верхошижемского района. В 1966 году окончил среднюю школу в Нововятске, работал токарем на Нововятском механическом заводе.

В 1967 году поступил в военное училище. Окончил его в 1970 году

Прошел путь от командира взвода до заместителя командира батальона по политчасти.

В 1980 году продолжил службу в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. В 1981 году награжден орденом Красной Звезды. Был назначен заместителем командира полка по политической части. За подвиг, совершенный при выполнении интернационального долга, майору А. Я. Опарину Указом Президиума Верховного Совета СССР посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Имя Героя носят улица и школа № 2 г. Нововятска.

* * *

Звезды из окопа почему-то всегда кажутся ближе.

Александр накрывается плащ-накидкой с головой и поудобней устраивается в сыром и узком окопе. Но сон не идет. И вовсе не оттого, что холодно и неуютно. Что-то непонятное творится в душе. И радостно, и грустно, и тревожно. И... чуть-чуть неуютно пока ей, душе, под армейской формой.

«Но ведь сама, сама рвалась туда, — думает Александр. — Мистика какая-то. Надо все это выкинуть из головы». На память приходят строчки из сочиненного за ужином Борькой Роговым стихотворения: «Пора оставить души для поэтов, коль пару яловых нам выдают сапог». «Рогов определенно прав», — убеждает себя Александр и переворачивается на другой бок.

— Да успокоишься ты наконец? — не выдерживает сосед по окопу и лучший друг Николай Волков.

— Все, уже успокоился, спи.

— С тобой заснешь.. Вертишься, как уж на сковородке.

— А ты их что, жарил?

— Кого?

— Ужей.

...Оба давятся от смеха. Тут уж не до сна. Впрочем, когда еще поговорить друзьям, как не в такую вот тихую звездную ночь.

— Саш, а ты дом часто вспоминаешь?

— Часто. Но, знаешь, без грусти. Потому что всегда вспоминаю что-нибудь веселое.

— А я грущу иногда. Мать жалко. Я один у нее. Переживает очень.

— Моя тоже.

Мама, мама... Александр, как сейчас, видит слезы на ее глазах.

— Зачем ты в военные-то идешь, сынок?

— Надо, мама. Так решил.

— А вдруг война опять. Убьют ведь.

Мамы все одинаковы. Да и мы в чем-то похожи друг на друга в двадцать лет. Кто в такие годы всерьез думает о смерти?!

— Не волнуйся, не убьют, — говорит Александр, обнимая мать. —

Все будет хорошо. И войны не будет. Но для этого нужны смелые и сильные люди с погонами на плечах. Таким я и хочу стать, мама.

* * *

Южное солнце выбелило волосы, густым загаром покрыло лицо. На груди — орден Красной Звезды, а за плечами — немалый боевой опыт. Но Опарин такой же, как прежде, — проверяющий себя на излом. Если нужна помощь декханам, замполит спешит к ним, а если бой, то он первым поднимается навстречу пулям. Не по приказу — по зову сердца.

«Ты не сержант, и не тебе водить отделение в бой», — выговаривали Опарину. Он улыбался и всякий раз отвечал: «А это я вместо беседы...» И было непонятно: шутит он или говорит всерьез.

Но если уж замполит выступал, то слово его всегда находило отзвук в сердцах слушателей.

— Вы прибыли служить на землю дружественного Афганистана, — говорил замполит молодым воинам. — Зачем мы здесь? Затем, чтобы помочь людям этой страны жить так же счастливо, как живем мы. Вы, дети Страны Советов, родившиеся через двадцать лет после войны, воочию увидите, что такое война. И, я верю, поймете, что выполняете здесь не только интернациональный долг, но и долг человеческий. Будет трудно, будет опасно. Но ведь на наших плечах погоны. А в груди бьется сердце советского человека. Значит, мы выстоим, поможем афганским друзьям победить...

Александр чувствовал, как проникают его слова в солдатские сердца. Он верил, что в решающую минуту воины поднимутся за ним в атаку. По зову долга. По зову сердца.

— Со взводом пойду я, — твердо сказал Опарин.

— Не твои масштабы. Ты замполит полка, — пытался отговорить своего заместителя командир.

Александр нахмурился, покачал головой:

— Как ты не поймешь меня. Полк ли, взвод — разве в этом суть? Люди должны видеть: я, их замполит, иду впереди. Вот главное право замполита.

...Вертолет держит курс на юг.

Квадрат 92—90 на рабочей карте замполита обведен красным карандашом. Задача взвода — выйти в указанный район, захватить площадку приземления и удержать ее до высадки основных сил.

Вертолет шел низко, и Александр «читал» местность без напряжения: заросли кустарника, грунтовая дорога, река. Всматриваясь в местность, Опарин подумал: «Нелегко придется. Очень нелегко. Я поступил правильно, что пошел со взводом Миронова». Высадились благополучно и, не мешкая, двинулись вперед. Маршрут лежал по узким, крутым тропам через перевал. Решение командира взвода было связано с риском, но Опарин одобрил его. Во-первых, выбран кратчайший путь. А во-вторых, такой ход душманы не ожидают. Они наверняка не оставили без внимания появление вертолетов в своем тылу. Чем дальше уйдет взвод из квадрата высадки, тем скрытнее

будет характер действий советских воинов, тем больше будет шансов незаметнее прибыть в указанный район, занять господствующую над местностью высотку

Площадку приземления душманы держали под контролем. Небольшие дозоры, охранявшие подступы к ней, особой тревоги не вызывали, а вот высотка была крепким орешком.

— Надо искать подходы, — решил командир взвода.

Опарин кивнул и, напутственно хлопнув Миронова по плечу, сказал:

— Ни пуха, Андрей...

Это была первая боевая задача лейтенанта Миронова. Но он не сумел выполнить ее до конца. Пуля снайпера попала ему прямо в висок.

Воины взвода с тревогой и надеждой смотрели на замполита.

Оценивая ситуацию, Опарин вновь и вновь убеждался: у него в руках единственный козырь — решительность и внезапность. Использовать его надо с максимальной эффективностью.

Приникнув к биноклю, Александр особенно внимательно обследовал наиболее крутой северный склон. Здесь густой кустарник ближе всего подступал к высоте.

«Если, используя его, подойти вплотную к высоте, то тридцать-сорок шагов — и мы попадем в «мертвую» зону, — рассуждал замполит, не отрывая бинокля от глаз. — Тридцать-сорок... Хорошим рывком такое расстояние можно покрыть секунд за десять. А оттуда, из «мертвой» зоны, еще рывок — и гранатами огонь!»

Опарин оторвался от бинокля. По его сосредоточенному виду сержанты Константин Евстигнеев и Виктор Белый сразу поняли замполит принял решение

Так и было Но смутное чувство тревоги не давало Александру покоя Сумеют ли они выиграть у душманов десять секунд? Сумеют ли на короткий срок отвлечь внимание бандитов от северного склона, где сейчас замерли, готовые к решительному броску, подчиненные сержанта Белого?

Бой вспыхнул внезапно, безжалостно разорвав полуденную тишину очередями автоматных и хлопками гранотометных выстрелов. Душманы ответили огнем через восемь секунд. Александр высчитал точно

«Восемь секунд. Хватило ли их?» — этот вопрос не давал Опарину покоя Однако изменить что-либо было уже невозможно

Бой грохотал. Но в грохоте Александр отчетливо различил взрывы гранат Словно невидимой волной бросило его вперед, к вершине, еще недавно казавшейся такой недоступной...

Высота была взята. Люди целы. Но замполита и его подчиненных ждало новое испытание.

— Товарищ майор! — протянул наушники радист. — Вас вызывают

— «Ока», я — «Волга». Ситуация осложнилась. Нужна высота в квадрате 42—60. Как воздух нужна. Ты к ней ближе всех, Опарин. Действуй!

На войне замполиты нередко становились командирами. Александр знал об этом. Но вести людей в бой, бросить их в огонь схватки не призывным словом, а словом приказа ему доводилось впервые. Повелевать жизнями других намного труднее, чем первым подняться в атаку самому

Дорога петляла, круто забирая вверх. Двигались медленно, тяжело. Взвод нуждался в отдыхе. Но времени было в обрез, надо торопиться.

Мысленно «перечитывая» карту, замполит то и дело натыкался на труднодоступный участок, прикрывающий один из подходов к высоте. Здесь, пожалуй, ключ к победе. Произвели разведку, Александр утвердился в решении атаковать на участке, где душманы к серьезному сопротивлению не готовы.

Замполит поднял воинов в атаку. Небольшой заслон душманов был сбит одним ударом, взвод оказался на высоте.

Легкость, с которой бандиты уступили, тревожила Опарина. И, как выяснилось вскоре, тревога была обоснованной. Несколько сот бандитов предприняли штурм высоты. Вновь завязался ожесточенный бой. Взвод оказался в окружении.

После получасового поединка положение создалось критическое: боеприпасы были на исходе, силы иссякали, а обещанное подкрепление было остановлено на дальних подступах к высоте.

И тогда полетели в эфир знакомые молодым лишь по фильмам о войне слова:

«Я — «Ока». Вызываю огонь на себя»...

Звено вертолетов появилось над высотой в тот момент, когда казалось, что обороняющиеся вот-вот не выдержат очередного натиска. Залпы снарядов вздыбили землю.

Майор Опарин вышел из огневой круговерти живым. Вывел людей. Он сделал все, что мог.

* * *

«Звезды из окопа почему-то всегда кажутся ближе». — Александр улыбнулся своим мыслям. Когда-то он уже думал об этом. Давно это было. Память бережно перебирала пережитое, пробиваясь к ставшему уже таким далеким шестьдесят седьмому...

«Первое учение. Ночь. Сырой окоп и согревающий душу разговор с Колей Волковым. Пятнадцать лет... Неужели пятнадцать?»

— Не спится, товарищ майор?

Опарин обернулся. Из караульной палатки высовывалась голова рядового Зайцева.

— Да, не спится. А сам-то что?

— Да я бодрствующая смена. Вот курнуть хотел.

— Ну хотел, так вылезай.

Солдат задымил сигаретой.

Опарин поинтересовался:

— Давно куришь?

— С восьмого класса. Дурак был, перед девчонками бахвалился. Ну а потом привык. Домой приеду — брошу.

— Теперь уже скоро. Считай, через месяц дома будешь. Соскучился, наверно?

— Соскучился, конечно. Только знаете, я судьбе благодарен, что в Афганистан попал. Каких людей здесь встретил! А главное — сам человеком стал. Честное слово. Понял, что я могу. Ну какая у меня в прежней, гражданской жизни главная трудность была? Двойку по алгебре не получить? Смешно. А здесь... Здесь, собственно, и понял, зачем на свет появился.

Зайцев задумался, а потом робко поинтересовался:

— А скажите, товарищ майор, вам когда-нибудь страшно было?

— Страшно? — переспросил Опарин. — Не верю я, что есть люди, которым не бывает страшно. Особенно, когда знаешь, что тебе грозит смерть. Но есть такое, что пострашнее смерти: не оправдать звание коммуниста, не оправдать доверие людей.

— Вам, товарищ майор, люди верят. — Зайцев от волнения даже поднялся. — Ведь вы нас в атаку водили.

— Сядь, сядь, — улыбнулся Опарин. — Чего вскочил?.. А за слова твои спасибо...

Сергей уходить не торопился.

— Смотрите, товарищ майор, — тронул он Опарина за руку, — вон звезда погасла.

— Нет, — покачал головой Александр, — звезды не гаснут. Просто иной раз мы перестаем их замечать. Но их обязательно видит кто-то другой...

* * *

Ему хватало тревог. Таков уж удел замполита. И все же он стремился к новым. Потому что не могло беспокойное, горячее сердце остыть. Не мог майор Александр Опарин, проснувшись однажды утром, сказать: «Устал. Все хлопоты — на другие плечи».

Он был обычным человеком, с обычными человеческими слабостями. Но профессию выбрал такую, в которой нельзя поддаваться слабостям.

В любом деле без профессионализма мало чего добьешься.

В военном же особенно. Очень непросто — стать профессионалом. К этому идут через сто потов, через мозоли и ссадины, и не только на руках. Идут альпинистским путем, а не гладкой дорогой экскурсантов. Все это очень важно понять и прочувствовать, чтобы зримо представить себе характер майора Опарина — профессионала высшей категории. Характер-твердыню. Характер-пламя.

Говоря об Александре Опарине, нельзя не сказать о самом глубоком его чувстве — чувстве любви к Родине. Здесь истоки и его успехов в службе, здесь и истоки совершенного подвига.

Когда там, на далекой афганской земле, ему пришлось столкнуться лицом к лицу со смертью, им владели многие чувства. Но особенно остро

осознавал, что за ним наблюдают десятки глаз его подчиненных, для которых Родина сейчас — это он, замполит, с его мыслями и поступками.

...Когда Опарину стало известно, что подразделениям предстоит оказать помощь афганским частям в уничтожении крупной банды, он, ни минуты не колеблясь, решил, что должен быть на самом трудном участке.

Опарин возглавил группу, которая высаживалась в районе дислокации банды. Задача: принять на себя удар душманов, отвлечь их главные силы.

...Вертолет завис в метре от земли. Борттехник распахнул дверцу, и воины один за другим покинули машину.

Спрыгнув, Опарин споткнулся, наскочил на Зайцева.

— Не ушиблись, товарищ майор? — улыбнулся солдат.

Александр взглянул на Сергея и почувствовал, как защемило сердце: сегодня утром командир полка подписал приказ об увольнении Зайцева в запас.

«Узнает ли солдат об этом?» — мелькнула мысль. Но Опарин тут же отогнал ее.

— Вперед! Время торопит! Вперед!

За мостом дорога круто уходила вправо. Над ней нависала поросшая кустарником скала.

«Здесь жди засады», — оценивая местность, подумал Опарин.

Разведку обстреляли душманы. Ясно было, что сидят они крепко и без боя через мост не пропустят.

Опарин приказал гранатометчикам прикрыть группу огнем. Он хотел с ходу, броском проскочить мост и овладеть выгодным рубежом. Но бандиты неожиданно ударили с тыла. Группа оказалась прижатой к скалам.

Обстановка сложилась критическая. Бандиты, похоже, навалились всеми силами, следовательно, с тыла удара не ждут.

«Надо выстоять, продержаться — и мы выполним задачу», — билась беспокойная мысль.

Продержаться... Как, если враг превосходит числом почти вчетверо?

Воины прятались кто в расщелинах, кто за камнями, но огонь вести не прекращали. И автомат Александра перегрелся от беспрерывной работы.

Кончились патроны. Александр отсоединил магазин, в этот момент вражеская очередь прошила плечо. Перевязать было некому, да и некогда. Александр увидел, как несколько душманов подбираются к нему. Превозмогая боль, вставил новый рожок и дал по бандитам короткую очередь.

Бой продолжался сорок минут. Душманы так увлеклись, что оставили без прикрытия мост. Александр сразу увидел возможность вырваться из засады. Он крикнул лежавшему рядом за валуном Зайцеву:

— Передай по цепи: по моей команде — броском вперед, через мост!

Бандиты явно не ожидали, что наши воины оставят укрытие и рванутся к мосту. Однако именно так и случилось. Захватив господствую-

щую высоту, воины ударили по врагу, заставили его залечь. Но в разгар поединка вражеская пуля вновь настигла замполита. Теперь он был ранен в грудь.

И все же из боя Опарин не вышел.

Душманы ожесточенно рвались вперед. У защитников высоты кончались боеприпасы. Но никто из воинов не дрогнул. Пример замполита придавал силы.

Третья рана оказалась смертельной. Опарин упал, но сознание не сразу покинуло его. Последнее, что услышал, было звонкое «Ура!», раздавшееся в горах...

* * *

Бюст Героя стоит в музее училища. Здесь всегда живые цветы.

— Майор Опарин! — с этих слов каждый раз начинает вечернюю поверку старшина роты.

И каждый раз звучит над курсантским строем:

— Майор Опарин погиб смертью храбрых при выполнении интернационального долга.

Память... Она как свет самой яркой звезды. А звезды не гаснут

Герои Советского Союза — кировчане. Кн. 4. Киров, 1988. С. 105—113.

А. ЛЫСКОВ

ОРУЖЕЙНИК ВЕКА

Калашников Михаил Тимофеевич (р. 1919), советский конструктор, доктор технических наук (1971), полковник (1969), дважды Герой Социалистического Труда (1958, 1976). Член КПСС с 1953.

Создал автоматы АК и АКМ, автоматические пулеметы РПК, ПК, ПКТ и др. Депутат Верховного Совета СССР. Ленинская премия (1964).

(Энциклопедический словарь, 1988).

А Сталинскую (Государственную) премию первой степени он получил в тридцать лет, в 1949 году, в разгар «холодной» войны, когда наша страна поднималась из пепла и уже ожидала новых ударов, на сей раз от бывших союзников.

Он создал оружие, недосягаемое для западных мастаков.

Каждый российский мужчина начинает знакомиться с ним с 18 лет — после Присяги, трогая трепетной рукой его пока холодный ствол, теплое дерево цевья, ощущая упругость ремня. С этого дня автомат Калашникова становится на годы службы личным оружием, надежным другом.

Сколько же миллионов парней всех национальностей, сколько поколений побывало под его защитным крылом, когда в 1947 году Советская Армия приняла на вооружение АК-47!

Дорогой, войной опаленной,
Я шел сквозь пургу и дожди,
Как друга, тебя, вороненый,
Всегда прижимая к груди

А. Шишкин.

Много раз приезжал в Кировскую область из соседнего Ижевска, где трудится, известный всему свету конструктор. Ни с одним другим краем нет такой дружбы у Калашникова, как с нашим. Он любит бывать у солдат, хочет знать, как ведет себя автомат в разных условиях, и вносит в доведенную до абсолюта вещь новые неожиданные изменения.

Как-то во время стрельб на южной границе, где служили и кировчане, он попросил пограничников подсыпать для верности в патронник песку — должен бы все равно работать. И точно: не подвел. «Так за что же, Михаил Тимофеевич, нам объявляют наряды вне очереди, когда автомат не почистим? Он и так стреляет», — удивились те. «А вы его любите, ухаживайте, как за девушкой, тогда он будет еще надежнее», — отвечает во время таких встреч Калашников.

Сегодня его АК оснащен уже и оптическим прицелом, и прибором ночного видения.

Впервые я познакомился с этим человеком-легендой не в лучшее для русской истории и патриотизма время — весной 1990 года, когда над армией и государством вовсю экспериментировали, и зловещие трещины разбегались по всему Советскому Союзу. Лживые поборники свободы и такие же пацифисты осмеивали уже сам знаменитый автомат лишь потому, что он сработан у нас, а не на Западе

Но скромный творец оставался горячим патриотом Родины. Он ведь вышел из ее глубин, сам творил ее историю и дорожил ею

С началом Великой Отечественной не шибко грамотного уроженца алтайского сельца, где и велосипед-то считался редкостью, призвали в танковую часть

И вот первое его желание — уберечь экипаж от опасностей при ведении огня изнутри, если придется отстреливаться из личного оружия нового образца. Ведь амбразуры в танке приспособлены еще под старое — слишком узки Предложил удачное решение

Но главное, что удивляло и саднило душу· как же так — у немецких погромщиков-оккупантов в руках автоматы Притиснут их к животам и палят по любому подозрительному кустику или забору, где, возможно, затаился русский солдат, у которого мосинская винтовка из прошлого века, да и та нередко на троих. Вот откуда столько жертв нес наш народ!

И решил Калашников, оказавшись вскоре по ранению в Алма-Ате, изготовить для красноармейцев тоже надежный пистолет-пулемет. Первый образец по его горячей просьбе собрали из разных деталей в обычном паровозном депо. А когда направился с этим багажом и чертежами в военкомат узнать, как дальше поступить со своим детищем, «подозрительного» раненого сержанта арестовали, разоружили, и неизвестно, чем бы все закончилось, да, как говорят, выручил случай.

Вспоминая об этом, конструктор и сейчас не обижается: такое было время — военное, хотя и дальше путь самоучки оказался тернистым. Но необычный талант подмечали неравнодушные люди — от будущего маршала Жукова до простого рабочего-оружейника. И помогали.

В первом состязании конструкторской мысли образец оружия безвестного сержанта комиссия признала удачным, он победил генеральский — маститого уже тогда Дегтярева. «Его и мой, потаскав по песку, начали испытывать в стрельбе. Дегтяревский, который по праву авторитетного автора экзаменовался вначале, сразу заело. А когда решили взяться за мой, с первого выстрела с него слетел весь песок, а магазин освободился от патронов без задержек».

В оружии, говорит Калашников, ценятся прежде всего его простота и надежность. Если привязываешься только к собственной идее, как дама к собачке, — успеха не жди.

В свое время кировчане по доброй мысли участника Великой Отечественной войны А. В. Власихина организовали два клуба друзей М. Т. Калашникова, и к 30-летию создания им АК провели соревнования на приз конструктора по стрельбе и знанию его оружия. Лучшие из воинов внутренних войск и курсантов военного авиатехнического училища получили из рук Михаила Тимофеевича автоматы, отмеченные памятной серебряной пластинкой. Вскоре такие состязания стали традиционными не только для Кирова, но и для других мест страны и перешагнули ее границы.

Не раз в гости к Калашникову, в его конструкторское бюро наведывались ребята из кировской средней школы № 58, в которой Михаила Тимофеевича считали своим наставником и другом и знали все — от первоклассника до уборщицы. Школа, единственная в стране, получила от него дар — именной автомат, а к громким техническим и государственным титулам самого конструктора в Кирове прибавились простые и теплые — почетного солдата, почетного курсанта.

Оружие ижевского конструктора, постоянно совершенствуясь на своей основе, и по сей день в моде у военных самых разных стран — теперь почти в 60. А в Мозамбике, кажется, и в герб вписалось.

Американская винтовка М-16, знаменитая по войне во Вьетнаме, часто капризничала в руках агрессоров из-за «трудных природных условий», и каждый из них охотился за калашниковским автоматом и трофейными патронами к нему, чтобы выжить. В этом Михаилу Тимофеевичу признавались сами ветераны той «грязной» войны, когда он дважды посещал Соединенные Штаты по приглашению конструктора М-16 Юджина Стоунера и издателей и автора книги о русском оружейнике XX века.

А как выискивали АК сионисты и службы западных разведок во время израильско-египетского конфликта и корейской войны в 50-х годах!

Еще несколько лет назад никто не мог предположить, что непобедимое оружие конструкции Калашникова, которое собирают рабочие в Ижевске и у нас на Вятскополянском машиностроительном заводе, однажды громко «заговорит» в мирное время на территории Советского Союза в социальных и национальных междоусобицах на Кавказе, в Средней Азии, Молдавии. Что попадет оно в руки армады убийц, грабителей, контрабан-

дистов, по-хозяйски орудующих на границах России. Что им будет решаться судьба Дома Советов в Москве.

Больно видеть и сознавать такое любому честному человеку, невыносимо — конструктору. Но когда-то заговорит людской разум и замолкнет убойный автоматный огонь, сегодня то и дело не разбирающий, кто прав и кто виноват.

В. СМИРНОВ

«КОГДА СТРАНА ПРИКАЖЕТ СТАТЬ ГЕРОЕМ...»

Героями, как и солдатами, не рождаются. Их незаметно пестует жизнь, сызмальства вкрапливая в душу и сердце любовь к Отечеству. Без этой любви, конечно же, были бы невозможны победы над врагом, и потому, говоря о солдатах Великой Отечественной — от рядового до маршала — нужно признать, что все они по большому счету были героями: боями и сражениями, кровью и ранами, болью утрат и радостью побед были наполнены фронтовые дни и ночи, которые требовали от каждого солдата, от каждого, кто оставался в тылу, подвига.

Но есть в ратной истории страны отдельные главы, куда внесены имена более 12,7 тысячи человек, удостоенных званий Герой Советского Союза и Герой Российской Федерации.

В Положении о звании Герой Советского Союза, утвержденном Постановлением ЦИК СССР от 29 июля 1936 года, говорилось, что оно является высшей степенью отличия и присваивается за личные или коллективные заслуги, связанные с совершением героического подвига. Право его присвоения предоставлялось ЦИК СССР, а позже, с декабря 1936 года, — Президиуму Верховного Совета СССР. Герою Советского Союза вручались орден Ленина, знак особого отличия — медаль «Золотая Звезда» (до 16 октября 1936 года она называлась «Герой Советского Союза») и Грамота Президиума Верховного Совета СССР.

В списке Героев — имена более двухсот кировчан, а уроженец Подосиновского района Маршал Советского Союза, прославленный полководец Великой Отечественной И. С. Конев и уроженец Оричевского района летчик-космонавт СССР В. П. Савиных высшей награды Родины удостоены дважды.

Еще до начала Великой Отечественной медалью «Золотая Звезда» были награждены командир стрелкового полка Николай Грухин (посмертно), комиссары танковых батальонов Павел Скопин и Александр Суворов (посмертно), отличившиеся в боях на дальневосточной реке Халхин-Гол. Первый был родом из д. Грухи Кирово-Чепецкого района (сейчас — в черте г. Кирова), второй из Вятки, а третий — из поселка Пинюг Подосиновского района.

Во время войны с белофиннами звание Героя получили командиры разведроты Петр Михалицын из Котельничского района и Семен Березин (Орловский район), военный комиссар скоростного бомбардировочного

авиаполка Александр Костылев из пос. Песковка Омутнинского района и командир стрелкового взвода Петр Распопин (Советский район).

Эти имена первых Героев-земляков кировчанам были известны в общем-то давно. Имя еще одного Героя советско-финской кампании — Василия Клюкина, уроженца Кирово-Чепецкого района, мы узнали только в 1987 году. Василий был шофером. Служил в 116-м артиллерийском полку резерва главного командования 13-й армии. Отличился земляк на Карельском перешейке в боях за переправу на реке Тайполен-Иоки... 6 декабря 1939 года создалась «пробка» в колонне автомашин, снабжающих огневую позицию боеприпасами: заглох двигатель у машины, идущей первой. Противник, обнаружив прекрасную мишень, начал яростно обстреливать колонну. Василий Клюкин был с техникой на «ты». Он первым пришел на помощь водителю головной машины, довольно быстро нашел неисправность, сам сел за ее руль. Под жесточайшим огнем он вывел всю колонну в безопасное место.

И потом несколько дней подряд его автомобиль, лавируя под обстрелом и бомбежками, доставлял на передовую снаряды, а с передовой вывозил раненых.

Звезду Героя Василию Клюкину вручал «всесоюзный староста» М. И. Калинин, который отметил, что представления к награде на водителя поступили в Президиум Верховного Совета из трех мест: из родного артполка, из пехотного полка, который водители обеспечивали боеприпасами, и из полевого госпиталя.

В 1941—1945 годах В. С. Клюкин служил в системе НКВД. Жил в Краснодаре. В 1987 году умер.

Среди Героев-земляков немало известных военачальников: командующий Ленинградским фронтом Маршал Советского Союза Леонид Говоров (Советский район), бывший министр обороны Маршал Советского Союза Сергей Соколов (Котельнич), командующий 1-й ударной, а затем 4-й гвардейской армией генерал-полковник Никанор Захватаев (Малмыжский район), командующий 4-й воздушной армией генерал-полковник авиации, а позднее — главный Маршал авиации Константин Вершинин (Санчурский район), командир 109-го стрелкового корпуса 21-й армии генерал-лейтенант Иван Алферов (Лузский район), командир 27-й стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии генерал-майор Виктор Глебов (г. Вятка), командир 12-й гвардейской стрелковой дивизии 61-й армии гвардии полковник, а позднее генерал-лейтенант Дмитрий Мальков (Советский район), командир партизанской бригады имени А. Невского Дмитрий Гуляев (Яранск) и другие.

Сыны вятской земли были участниками практически всех крупных сражений Великой Отечественной и воевали достойно на земле, в воздухе и на море. Но отдельной строкой в биографии подвига наших земляков стоит река Днепр: каждый четвертый кировчанин, удостоенный звания Героя, свой подвиг совершил на днепровских кручах.

Достаточно обратиться к серии книг «Герои Советского Союза — кировчане», выпущенных Волго-Вятским книжным издательством в 1973, 1978, 1985 и 1988 годах, чтобы убедиться, какими бесстрашными бойцами были вятские Герои Днепра: автоматчик Василий Сысолятин из Арбажского района и командир отдельного истребительного противотанкового дивизи-

она Иван Титлин из Юрьянского района, сапер Алексей Быков из Советского района и санинструктор Степан Репин — из Пижанского, стрелок Борис Банников из Богородского района и орудийный номер Аркадий Гребнев из Оричевского...

В конце 80-х кировские журналисты и краеведы узнали несколько новых имен земляков, отличившихся на Днепре. Один из них — командир роты 836-го стрелкового полка 240-й стрелковой дивизии 38-й армии лейтенант Михаил Любов, уроженец деревни Ложкинцы Богородского района. В наградном листе на присвоение звания Героя М. Ф. Любову говорится: «4.10.43 благодаря правильной организации наступления Любов со своей ротой штурмом овладел высотой западнее села Лютеж. Здесь ротой отражено 3 контратаки, истреблено до 150 вражеских солдат и офицеров и захвачены трофеи: две 75-миллиметровые пушки, снарядов к ним 200 штук, пулеметов — 2 и 150 гранат».

Плацдарм, захваченный бойцами Любова, вскоре был расширен подоспевшими подразделениями и позволил нашим войскам сконцентрировать силы для освобождения столицы Украины — Киева. 13 ноября 1943 года М. Ф. Любову было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны герой жил на украинской земле, в г. Артемовске. В 1986 году умер.

Не знали раньше кировчане и о подвиге другого земляка, шабалинца Михаила Баранова. Как свидетельствуют документы, стрелок 239-го стрелкового полка 75-й гвардейской стрелковой дивизии 61-й армии гвардии младший сержант Баранов отличился при форсировании Днепра в районе села Мысы Черниговской области. Он вплавь добрался до правого берега реки, в числе первых ворвался во вражеские траншеи и вступил в бой. Фашисты окружили группу смельчаков, предлагая сдаться в плен, но пять бойцов во главе с Барановым держались стойко, отбивая атаку за атакой. Как только подоспело подкрепление, пехотинцы сами перешли в атаку. Однако осколком гранаты командир был тяжело ранен. В госпитале ему сделали четыре операции, пришлось ампутировать руку и, конечно, отправить домой. Дом Михаила в то время был в Тюменской области. Там и жил он до последних дней своей жизни.

К сожалению, за рамками упомянутых сборников «Герои Советского Союза — кировчане» остались и подвиги некоторых вятских днепровцев.

...Стрелок 955-го стрелкового полка 309-й стрелковой дивизии 40-й армии рядовой Николай Мамаев, уроженец с. Большой Рой Уржумского района, в составе разведгруппы первым преодолел Днепр в районе с. Монастырек (сейчас село входит в состав поселка Ржище Киевской области). В бою за плацдарм уничтожил пулеметный расчет врага и более 20 фашистов. Когда тяжело ранили командира взвода, Мамаев принял командование на себя. В рукопашной схватке, как свидетельствуют документы, он лично уничтожил пять солдат и двух офицеров. Благодаря сноровке и мужеству рядового Мамаева в плен были взяты два «языка», которых под шквальным огнем удалось переправить через Днепр в боевые порядки наших войск. Сведения, полученные от «языков», позволили безошибочно скорректировать тактику дальнейшего наступления бойцов Красной Армии.

...Подобные подвиги при форсировании Днепра совершили заместитель командира батальона 479-го стрелкового полка 149-й стрелковой диви-

зии 65-й армии старший лейтенант Иван Золотарев, уроженец Советского района (в районе пос. Лоев Гомельской области), стрелок 529-го стрелкового полка 163-й стрелковой дивизии 38-й армии рядовой Иван Белопольский, уроженец Пижанского района (близ Киева), командир взвода автоматчиков 282-го гвардейского стрелкового полка 92-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии гвардии лейтенант Михаил Лаптев, уроженец Малмыжского района (в районе сел Дериевка и Куцеволовка Кировоградской области), а стрелок 212-го гвардейского стрелкового полка 75-й гвардейской стрелковой дивизии 60-й армии Павел Чернов, уроженец Советского района, переправившись через Днепр (с. Глебовка Киевской области), вместе с товарищами захватил пароход «Николаев» и пленил вражескую команду...

...Геройски организовывал в течение двух недель переправу наших войск через Днепр (в Черкасской области) начальник инженерных войск 3-й гвардейской танковой армии гвардии полковник Михаил Онучин, бывший воспитанник Кукарской учительской семинарии (позже — Советского педучилища). 5 октября 1943 года погиб, и звание Героя Советского Союза ему присвоено посмертно.

Конечно, не только «днепровцы» пополнили в последние годы список Героев-кировчан. Командир роты 1369-го стрелкового полка 417-й стрелковой дивизии 51-й армии лейтенант Анатолий Заболотский, уроженец. г. Малмыжа, отличился в Крыму. 7 мая 1944 года он в переломный момент боя сумел поднять бойцов в штыковую атаку. Он первым со своей ротой вышел на вершину Сапун-горы и водрузил на ней боевое знамя. В наградном листе также отмечается, что, заняв северные склоны высоты 172,7, вместе с бойцами уничтожил четыре расчета тяжелых пушек противника, прикрывавших подступы к Севастополю. Кстати, рота А. И. Заболотского, преследуя отступавшего противника, первой вступила на окраины города. Указом Президиума Верховного Совета от 24 марта 1945 года А. И. Заболотскому присвоено звание Героя Советского Союза. Перед войной и после войны наш земляк жил и работал в Ижевске. Умер в сентябре 1962 года.

И в списке Героев — уроженцев Кикнурского района — пополнение: гвардии лейтенант Михаил Соловьев. Он был парторгом батальона 177-го гвардейского стрелкового полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й ударной армии и отличился в боях за Берлин. 23 апреля 1945 года близ деревни Холлерсдорф в восьми километрах от пригорода Берлина — г. Лихтенберга батальон был прижат к земле огнем противника, и нужно было кому-то подняться в полный рост навстречу пулям, и повести бойцов в атаку. Это сделал Михаил Соловьев. Во время боя он был ранен, но оставить товарищей отказался. Когда его окружили гитлеровцы, Михаил отстреливался до тех пор, пока не кончились патроны. Оставалась последняя граната. Ею и подорвал он себя и несколько фашистов.

15 мая 1946 года Михаилу Соловьеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Во всех справочниках он значился сибиряком, уроженцем Новосибирской области, но дотошные краеведы докопались до истины и установили, что родина Михаила — село Улеш Кикнурского района Кировской области.

После распада СССР в 1991 году взамен звания Герой Советского Союза в России учреждено новое высшее звание отличия — Герой Российской Федерации. Оно присваивается Указом Президента страны, как правило, за подвиги, совершенные во славу России. К чести Президента, этой наградой отмечаются прежде всего подвиги россиян, недооцененные в годы Великой Отечественной войны.

Высокого звания Герой Российской Федерации первым из кировчан 1 октября 1993 года был удостоен бывший летчик, старший сержант Александр Никулин, уроженец поселка Фаленки. Он отличился в Прибалтике, в боях за Ригу.

6 мая 1994 года звание Героя Российской Федерации посмертно присвоено бойцу 947-го стрелкового полка 268-й стрелковой дивизии 67-й армии Леонтию Тупицину, уроженцу Оричевского района. 24 января 1944 года наш земляк повторил подвиг Александра Матросова, в критический момент боя у поселка Ульяновка под Ленинградом закрыв своим телом амбразуру вражеского дота.

...Конечно, еще далеко не все о войне сказано, не все имена погибших и пропавших без вести солдат вырваны из безвестности, и, конечно же, даже после смерти не всем фронтовикам воздано по заслугам. Истинных героев войны, всем понятно, было больше, чем значится сегодня в списках. В послевоенные годы руководители страны за давностью лет боялись создавать прецеденты и присваивать звания Героев Советского Союза за подвиги, совершенные во время войны. Делалось это в самых исключительных случаях и, как правило, к красным датам.

Среди тех, кто представлялся к званию Героя, но так и не получил его, известный снайпер из Кирово-Чепецка Николай Галушкин, истребивший 418 фрицев, летчик Александр Баранов из Свечинского района, совершивший во время битвы на Курской дуге огненный таран, рядовой Григорий Булатов, уроженец города Слободского, одним из первых ворвавшийся в рейхстаг и установивший на нем красное знамя, верхошижемец летчик Петр Кальсин, за блестящий подвиг которого приказывал представить к званию Героя сам командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал армии Р. Я. Малиновский...

Таких примеров сотни. Но верится, время все рассудит и расставит все по местам.

В. СИЗОВ

ВИТЯЗИ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ

«Советскому солдату посвящаю» — этими словами Маршал Советского Союза Г. К. Жуков открывает свою книгу «Воспоминания и размышления». В этих словах выражены — любовь и глубокое уважение к главному герою войны — СОЛДАТУ.

Ведь только солдат, находившийся непосредственно на поле боя, применял против врагов оружие, созданное тружениками тыла. Только он своими активными действиями, не щадя своей крови и самой жизни ковал

Победу. Только он, солдат, осуществлял замыслы полководцев и военачальников в этой суровой и жестокой четырехлетней битве.

...Все дальше и дальше уходит в историю тот день 22 июня 1941 года, когда оборвалось пение птиц в приграничных районах, когда утреннюю тишину западных границ нашей Родины разбудили взрывы бомб, грохот артиллерийской канонады и зловещий рев танковых моторов... Когда мирный, созидательный труд был вероломно прерван самой темной силой империализма — гитлеровской Германией.

Первый удар врага приняли на себя пограничники, в том числе и наши воины — кировчане.

...22 июня 1941 года, на Волыни, 4-я резервная погранзастава, которой командовал житель Лузского района ст. лейтенант Александр Чумовицкий, отбивая одну за другой атаки во много превосходящих сил противника, до восьми часов утра удерживала мост через Западный Буг.

Многие пограничники погибли в то первое воскресное утро, когда еще наша Родина не знала о начале войны. Это были первые герои...

...На рассвете 9 мая 1945 года советские танки пришли на помощь восставшей Праге. Круша и подавляя последние очаги сопротивления гитлеровцев, вел вперед свои «тридцатьчетверки» командир 2-й танковой роты, 14-й танковой бригады, гвардии старший лейтенант Сергей Васильевич Храмцов, уроженец Верхошижемского района, и в 9 часов утра столица Чехословакии город Прага была полностью очищена от захватчиков...

Обратите внимание, что между этими двумя эпизодами прошло 1418 дней и ночей тяжелых, ожесточенных боев на земле и в воздухе, на воде и под водой, на берегах рек и лесных дорогах, в болотах, горных перевалах и на улицах городов.

Советский солдат показал в этой войне свою отвагу и героизм, стойкость и преданность Родине. Свою готовность идти на любые испытания и жертвы, чтобы отстоять ее честь, свободу и независимость, чтобы сокрушить врага и избавить человечество от коричневой чумы.

Родина всегда отдавала должное своим героям. Достойно отмечала их мужество на полях сражений. Десятками миллионов боевых наград были отмечены участники Великой Отечественной войны. 11638 человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза, из них 203 — кировчане. А вот ордена «Славы» высшей 1-й степени удостоено всего 2644 воина.

Дело в том, что орден «Славы» — своеобразный знак доблести. Его не мог получить ни офицер (кроме мл. лейтенанта ВВС), ни генерал, ни адмирал, ни маршал. Но и солдату или сержанту тоже далеко не всякий успех в бою давал право на эту награду.

«Солдатской Славой» — так любовно называли на фронте этот орден. Им награждались красноармейцы и сержанты только за то, что:

— ворвавшись первым в расположение противника, личной храбростью содействовал успеху общего дела;

— в минуту опасности спас знамя своей части от захвата противником;

— в бою огнем противотанкового ружья вывел из строя не менее двух танков противника;

— презирая опасность, первым ворвался в дот или блиндаж противника и решительными действиями уничтожил его гарнизон;

— лично захватил в плен вражеского офицера;

— рискуя жизнью, спас в бою командира от угрожающей ему опасности;

— будучи ранен, после перевязки снова вернулся в строй;

— рискуя жизнью, под огнем противника оказывал помощь раненым в бою.

То есть только за личную отвагу, личный подвиг, личную храбрость, личное мужество и бесстрашие.

Родился этот орден более 50 лет назад, 8 ноября 1943 года. В год великого перелома, в те далекие и незабываемые дни, когда опаленная огнями пожарищ и политая кровью русская земля услышала победные залпы салютов и могучую поступь советских воинов-победителей. Он родился под грохот наступательных боев. Короче говоря, орден Славы — это символ величия тех, кто непосредственно, своими руками делал самую тяжелую, самую трудную работу — ковал Победу.

Прошло всего 7 дней со дня публикации Указа, когда личный состав 40-й Армии из маленькой корреспонденции в армейской газете «За Победу» узнал имя первого воина, удостоенного этой высокой солдатской награды. В ней говорилось, что «...15 ноября 1943 года группа немецких танков окружила село Ржищево (это в 80 километрах южнее Киева. **Прим. автора)** с целью уничтожить командный пункт 109-го стрелкового полка, 74-й стрелковой дивизии. Сержант Харин И. В. в жестоком бою, лично, из своего ПТР уничтожил три вражеских танка и 2 САУ (фердинанд), чем способствовал остановке наступающего противника».

За этот подвиг приказом Командующего войсками 40-й Армии № 145-н сержант Харин был награжден орденом Славы 3-й степени, а 28 декабря сержант Харин И. В. был вызван в штаб Армии и на Военном Совете, лично генерал-лейтенант Жмаченко Ф. Ф. любовно прикрепил к гимнастерке нашего земляка орден «Славы» III степени за порядковым номером 1.

Иван Васильевич Харин родился 18 ноября 1920 года в деревне Харинская, ныне Афанасьевского района Кировской области в большой крестьянской семье. В 1932 году, получив начальное образование в Аверинской сельской школе и чтобы как-то помочь родителям и семье, в 12 лет пошел работать в сельхозартель «Победитель» и стал подлинным хлеборобом. 1 сентября 1940 года молодого парня призвали в Красную Армию, а через несколько месяцев началась Великая Отечественная война, которая закончилась для Ивана Васильевича неожиданно 12 марта 1945 года, когда в очередном бою он был тяжело ранен и только после длительного лечения, 9 октября 1946 года был демобилизован. Соскучились руки хлебороба по мирному труду. Военную профессию бронебойщика сменил Иван Васильевич на тракториста. Много лет работал кавалер ордена

Славы № 1 в родном колхозе «Заветы Ленина», обрабатывал землю, где живет уже почти 75 лет.

Он по-прежнему трудолюбив, исключительно скромен и немногословен, сейчас на заслуженном отдыхе, но продолжает трудиться на приусадебном участке в родной деревне со своей супругой — Валентиной Васильевной, тоже участницей Великой Отечественной войны.

Среди тех, кто трижды удостоен награждению орденом Славы, есть 43 наших земляка, уроженца Кировской области, это:

— освободители польской земли, телефонист БОРЦОВ Анатолий Анисимович, ВЕДЕРНИКОВ Герман Иванович — артиллерист, сапер РУСИНОВ Петр Васильевич, наводчик орудия СМЫШЛЯЕВ Евгений Васильевич и другие;

— освободители Прибалтики — саперы БЕРЕСТНЕВ (ПРОЗОРОВ) Аркадий Тимофеевич, МУХИН Александр Максимович, ФИЛИМОНОВ Иван Васильевич, пехотинец РОСЛЯКОВ Александр Иванович;

— штурмовали Берлин — старшина БЕЛКИН Н. А., сержанты ГАГАРИНОВ А. М., ДУДИН Н. М., ЗОРИН П. М., КОРЧАГИН А. Д., ЛУГИНИН А. К., старшины МАСКИН П. И., МИНИКАЕВ Х., НАЙМУШИН И. М., ПАЛКИН Н. Г., МУРТОВ С. Г., сержанты ПЕРМИНОВ В. И., СМИРНОВ И. И., ТОЛСТОБРОВ Я. Е., ТРЕТЬЯКОВ Н. С., ЭСАУЛОВ А. М. и др.

Велик и неизмеримо труден был ратный путь этих славных витязей земли Вятской. Подвиги этих воинов, чья грудь украшена орденами солдатской доблести, вызывает восхищение и раскрывает величайший их патриотизм Родине. Например, гвардии старшина Павел Иванович Маскин дважды попадал в окружение, был захвачен немцами в плен, бежал, долго скитался в тылу врага, перешел линию фронта и, командуя вначале минометным расчетом, затем взводом автоматчиков, проявил себя доблестным воином, а после войны был участником Великого парада Победы.

Такие примеры можно приводить без конца. О каждом нашем земляке можно, да и нужно написать целую книгу.

В поздравительном письме полным кавалерам ордена Славы, после парада Победы, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «...Теперь вам предстоит сменить оружие войны на орудия труда. Желаю успехов на новой работе. Будьте и впредь в первых рядах нашего героического народа».

Кировчане с честью выполнили наказ маршала. Славу, добытую в боях, воины-кировчане, приумножили и в мирном труде.

Они самоотверженно работали на предприятиях, в колхозах и совхозах. За огромный вклад в дело восстановления народного хозяйства в послевоенный период, наши вятские витязи были отмечены высокими государственными наградами.

Так, А. А. Морозов награжден орденом Ленина, кавалеры Солдатской Славы Борцов А. А., Смышляев Е. В. и Филимонов И. В. удостоены орденами Трудового Красного Знамени, а уроженец Лузского района Николай Иванович Власихин заслужил даже две медали «За трудовое отличие».

Но и сейчас наши неугомонные труженики войны и труда, уже все,

находясь на заслуженном отдыхе, не сидят дома. Они постоянные гости в трудовых и молодежных коллективах, пропагандируют традиции тружеников минувшей суровой войны.

Ведь традиции — это не только история, не только реликвии прошлого. В тех традициях заложена огромная сила примера самоотверженного выполнения воинского долга людьми старшего поколения, в них заложена сила, зовущая к тому, чтобы героизм и мужество стали нормами поведения каждого человека.

Прошло 52 года, как был учрежден орден Славы. Но эти звезды солдат являются и будут являться вечным примером верности солдат своей Родины.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

С. Кокурина

1374 — состоялся поход новгородских ушкуйников на Волжскую Болгарию, входившую в состав Золотой орды. Собравшись в Великом Устюге, новгородцы на ушкуях спустились по Югу и Моломе в Вятку и по ней дошли до Камы. Выйдя на Волгу, они напали на главный город Болгарии Булгар и взяли его. Потом ушкуйники разделились на два отряда. Один вниз по Волге направился к Сараю, другой дошел до устья Ветлуги и отправился на Вятку, где и обосновался.

1391 — хан Тохтамыш направил войско во главе с царевичем Бектутом на Вятскую землю. Были разрушены город Вятка, русские, удмуртские и марийские поселения. В 1392 г. вятская рать совершила поход на подвластную Золотой орде Волжскую Болгарию, взяла города Жукотин и Кошан на Каме и разгромила их. Город Вятка был восстановлен Вятская земля стала втягиваться в борьбу с Золотой ордой

1471 — вятчане под командованием земского воеводы Кости Юрьева совершили по Вятке, Каме и Волге поход на столицу Золотой орды Сарай. Они ворвались в город, подвергли его разгрому, захватили военную добычу и вернулись на Вятку Хану пришлось отменить намеченный поход на Москву

1478 — хан Ибрагим, воспользовавшись отвлечением сил Ивана III на борьбу с Великим Новгородом, сделал попытку овладеть Вятской землей. Вятчане героически обороняли свои города Котельнич, Орлов и Хлынов, изгнали его из пределов своей земли. В ответ на налет на Вятку Иван III предпринял поход на Казанское ханство, в котором участвовали вятчане и устюжане. Ибрагим вынужден был заключить мир с Москвой.

1480 — хан Золотой орды Ахмат организовал генеральный поход на Москву. Окончился он полной катастрофой. Русское государство стало суверенным.

1542 — казанское войско совершило набег через Вятскую землю на Великий Устюг Но когда возвращалось с большой добычей,

вятчане в районе Котельнича напали на него и после тяжелого боя разгромили.

1545 — царь Иван IV начал войну с Казанским ханством. Вятчане входили в сторожевой полк князя Василия Серебряного, участвовали во всех боевых операциях. В 1552 г. Казанское ханство перестало существовать.

1554 — для покорения Астраханского ханства московское правительство двинуло вниз по Волге большое войско. В авангарде шел Вятский полк. Русские войска заняли Астрахань, хан бежал в турецкие земли. Но новый хан Дербыш-Али изменил Москве и тайно установил связи с крымским ханом и турецким султаном. В 1556 г. Иван IV отправил в Астрахань московских стрельцов, вятский полк и вятскую флотилию. Все Поволжье от Нижнего Новгорода до Каспийского моря вошло в состав Российского государства.

1558 — начало Ливонской войны. Россия воевала против Ливонского ордена, Польско-литовского государства, Швеции. Население и материальные ресурсы Вятской земли мобилизовывались правительством для этой длительной, тяжелой, но очень важной для России борьбы до 1583 г.

1581 — походом Ермака началось освоение Сибири Российским государством. По указанию правительства в военных операциях принимали участие вятчане. Борьба закончилась в 1598 г. полным разгромом сибирского хана Кучума.

1608 — польские паны выдвинули на русский престол самозванца Лжедмитрия II. Летом он с польскими войсками подступил к Москве и расположился лагерем в с. Тушино. Осада Москвы послужила сигналом к массовому восстанию русских, марийских, мордовских, чувашских народов Поволжья. В январе 1609 г. восстание перекинулось на Вятскую землю. Города посылали друг другу грамоты, призывавшие подниматься за Русь. В марте на Вятке было сформировано земское ополчение. Вятский полк принял участие во всех боевых операциях против тушинского лагеря, которые привели к его распаду, бегству Лжедмитрия II в Калугу и его гибели.

1610 — над Россией нависла грозная опасность, польские паны начали открытую интервенцию, они захватили Москву. Против России действовали и шведы, укрепившиеся в Новгороде. Весь запад, юг и центр государства были оккупированы захватчиками. Стали организовываться народные ополчения. Нижегородское ополчение под руководством К. Минина и Д. Пожарского в 1612 г добилось победы, освободило Москву от поляков и положило конец польско-шведской интервенции. В ополчении участвовал и вятский полк под командованием воеводы П. И. Мансурова и отряд боярина Морозова. Вятских ратных людей в ополчении

было достаточно много и они выполнили свой долг перед родиной.

1632 — началась Русско-Польская (Смоленская) война за возврат захваченных в годы польской интервенции Смоленской и Черниговской земель. В войне участвовали уржумцы, яранцы и санчурцы. Война закончилась в 1634 г., но не привела к успеху. Во время Русско-Польской войны 1654 — 1667 гг. из вятских людей было сформировано 4 полка по 500 человек в каждом. Они находились в Вильно и принимали участие в наступлении русских войск на Литовском театре войны.

1656 — Россия начала войны со Швецией. Полтавская битва 1709 г. окончилась разгромом и капитуляцией шведской армии. В руки русских попало большое количество пленных, значительная часть их была направлена на поселение в Вятскую землю. В 1710 г. первую партию пленных шведов привел в г. Хлынов Иван Свечин. В начале 1711 г. на Вятку прибыла вторая партия из Азова и Воронежа в количестве 1000 человек. Они были отправлены в Яранск и Кай-городок.

1695 — участниками Азовских походов против турок и Крымского ханства были вятчане. Они служили солдатами, копейщиками, рейтарами (тяжелая кавалерия). Походы продолжались и в 1696 г.

1722 — для решения каспийской проблемы — укрепления позиции России на берегах Каспийского моря был проведен Персидский поход. В 1723 г. Вятская провинция поставила в регулярную армию 245 рекрутов и доставила в Астрахань для продовольствия войск хлеб.

1735 — начались войны России с Турцией. Основные события Русско-Турецких войн: 1770 г. — разгром турецкого флота в Чесменском бою, 1783 г. — Крым присоединен к России, 1789 г. — разгром турецкой армии войсками А. В. Суворова при Рымнике, 1790 г. — штурм русскими войсками крепости Измайл, 1812 г. — по Бухарестскому миру к России отошли Бессарабия и ряд областей Закавказья. Неизменные участники войн с Турцией — вятчане.

1798 — Россия включилась в борьбу с Францией. Война шла на территории Италии, Швейцарии, Австрии, Пруссии, но потом войска Наполеона вторглись в Россию. Началась Отечественная война 1812 г. Вятчане внесли свой вклад в разгром наполеоновских полчищ. Летом началось формирование народного ополчения. Вятская губерния поставила 830 ополченцев, не считая рекрутов, находившихся на действительной службе. В 1812 г. в губернии было проведено 3 рекрутских набора. Не попавшие в ополчение стремились пойти на войну добровольцами. Кроме того губерния обеспечивала армию, ополченцев, партизан оружием, продовольствием, одеждой, обувью, транспортом. В 1813 г. начались заграничные походы русской армии. Вятское ополчение

Заседание партбюро 1069-го стрелкового полка 311-й дивизии в Новых Киришах. Сентябрь 1941 г. Фото Д. Онохина.

Минометный расчет сержанта Шишкина. Ведет огонь по врагу. Новые Кириши. Октябрь 1941 года. Фото Д. Онохина.

Подвиг танкистов П. Крестьянинова и В. Сивкова.
Картина неизвестного военного художника.

Герой Советского Союза Петр Крестьянинов, дер. Ральники Уржумского района.

Генерал армии Геннадий Иванович Обатуров.

Герой Советского Союза
Н. М. Мамаев.

Герой Советского Союза
Михаил Васильевич Онучин.

Герой Советского Союза
Михаил Федорович Любов.

Герой Советского Союза
Василий Степанович Клюкин.

Герой Советского Союза
Анатолий Иванович Заболотский.

Герой Советского Союза Иван
Павлович Белопольский.

Герой Советского Союза
Н. Ф. Грухин.

Повар столовой Омутнинского
металлургического завода
Аграфена Ситникова, усыновив-
шая ленинградского сироту
Юрия Ушибова (1942 г.).
Фото Л. Шишкина.

Выпускники Соловецкой школы юнг (слева направо): Иван Михайлович Ящук, Евгений Севастьянович Жуйков, контрадмирал Василий Григорьевич Копытов. Снимок сделан на месте, где находилась их землянка в 1942-1943 годах. Снимок 1985 года.

Сбор теплых вещей для фронта в Молотовском районе Кировской области. Слева направо: приемщик Панагушин, колхозницы К. В. Девятых (сельхозартель «Трудовик»), Е. В. Бушмакина (колхоз им. 1-й Пятилетки), М. П. Бушмакина (колхоз им. Куйбышева).

Токарь-передовик завода «Кировский металлист» Нонна Митягина. 1942 г. Фото Л. Шишкина.

Тракторист Николай Зубарев и плугарь Аркаша Жолобов (Оричевская МТС) в 1943 году первыми в районе закончили весновспашку. Фото Л. Шишкина.

Руководитель фронтовой бригады Зинаида Сергеева обучает подростка Э. Головина, пришедшего учеником на завод «Физприбор» (1943 г.). Фото Л. Шишкина.

Леонид Николаевич Рахманов.

Маршал Советского Союза
Иван Степанович Конев.

Маршал Советского Союза, командующий Ленинградским фронтом
Леонид Александрович Говоров.

Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин.

Маршал Советского Союза
Сергей Леонидович Соколов.

Фронтовая комсомольская бригада Астия Мерзлова с Коломенского танкового завода им. Куйбышева (слева направо): Павел Мальков, Михаил Хрямин, Астий Мерзлов. Фото Л. Шишкина.

Борис Александрович Порфирьев.

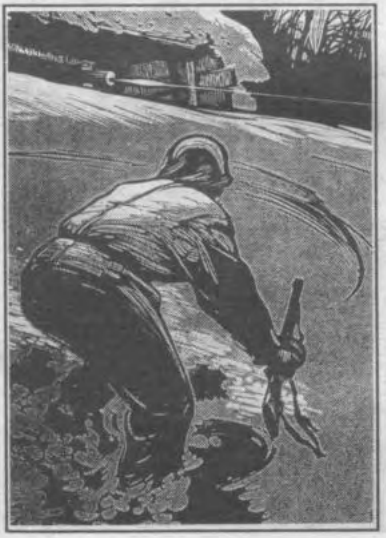
Михаил Александрович Ардашев.

Овидий Михайлович Любовиков.

Василий Ефимович Субботин.

Прославленный конструктор-оружейник, создатель автомата М. Т. Калашников.
Фото С. Безденежных.

Подвиг Я. Н. Падерина. Репродукция с гравюры А. М. Колчанова.



Подготовка к форсированию реки Одера. (1945 г.). Фото Д. Онохина.

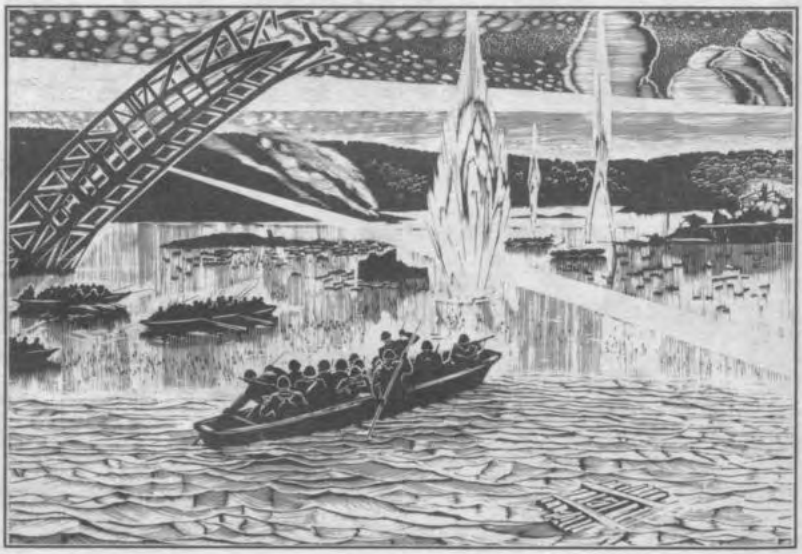
«Снова на восток». Шествие пленных немцев. Фото Д. Онохина.

Через Шполу. Рисунок С. Н. Мезенцева.

Березовый сок. Репродукция с картины С. Н. Мезенцева.

Вот она, Пруссия! 1945 г. Этюд А. А. Потехина.

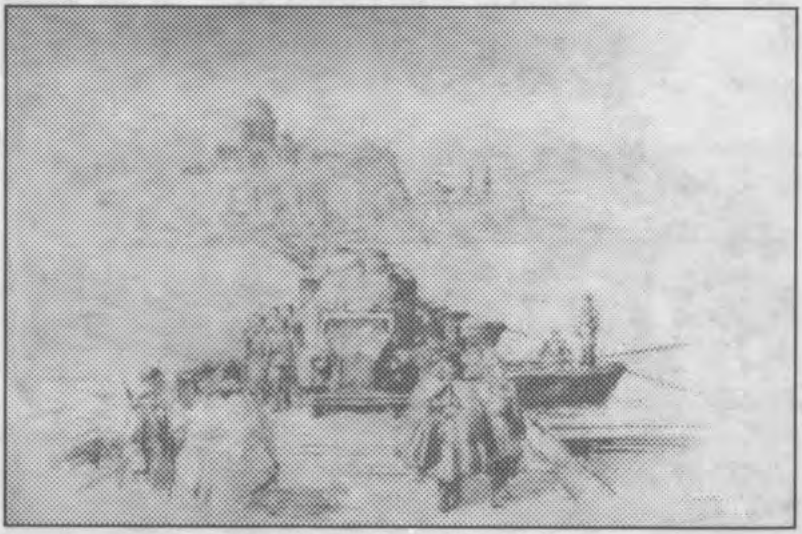
Ночная переправа. Гравюра А. М. Колчанова.



Навечно в памяти. Гравюра А. М. Колчанова.
Рейхстаг взят. Май 1945 г.

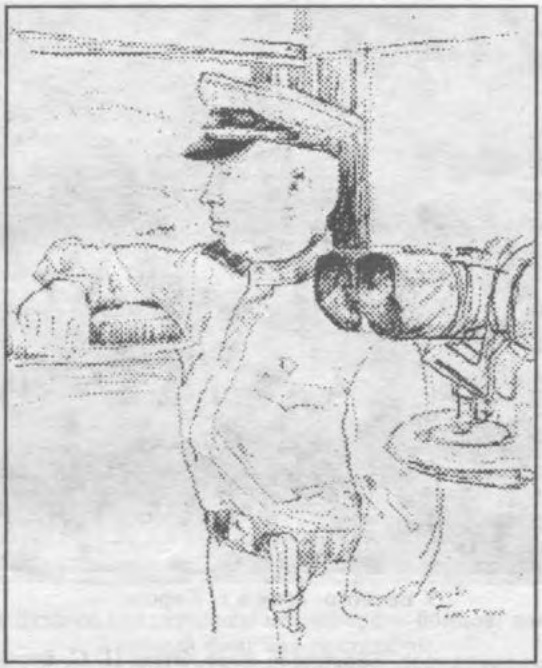
Григорий Булатов (на переднем плане) среди бойцов, водрузивших первый флаг над рейхстагом.

Переправа через Дунай г. Эстергом. 1945 г.
Рисунок А. Е. Люстрицкого.



У Вечного огня в г. Кирове.

Старшина командоров, Баренцево море. Этюд П. С. Вершигорова.



Застава имени земляка Виталия Козлова.
Рисунок П. С. Вершигорова.

Александр Жарков.

Герой Советского Союза Александр Яковлевич Опарин, погибший в Афганистане.

приняло участие в сражении под Дрезденом, это была первая крепость, сдавшаяся русским. К концу войны с наполеоновской Францией вятские ополченцы находились под Гамбургом, пройдя с боями от Вятки до Северного моря. В боях за город Гамбург принимала участие вятчанка Н. А. Дурова.

1853 — вятчане выступили против Турции, Франции, Англии на защиту русской земли. Ненависть к захватчикам особенно проявилась в героической обороне Севастополя. В Вятской губернии в народное ополчение зачислили 19602 человека, которые были организованы в 18 дружин. Начальником был назначен генерал П. А. Ланской. Формирование ополчения закончилось в 1855 г., выступили в поход. Но Крымская война подходила к концу и ополчение было остановлено и распущено по домам.

1877 — началась Русско-Турецкая война, которая способствовала освобождению народов Балканского полуострова от османского ига. Первым губернатором освобожденной Софии был Почетный гражданин Вятки П. В. Алабин. В 1857 — 1866 гг. он принимал активное участие в общественной и культурной жизни Вятской губернии.

1904 — Япония начала войну с Россией за господство в Северо-Восточном Китае и Корее. Памятные события войны: Оборона Порт-Артура в 1904 г. и Цусимское сражение в 1905 г. Один из героев Цусимы — вятский богатырь, борец, моряк, полный кавалер Георгиевского креста В. Ф. Бабушкин.

1914 — 15 июля началась Первая мировая война, в которую было вовлечено 38 государств. Германия объявила войну России 19 июля. Число призванных в армию только в сельских местностях Вятской губернии составило 308,5 тыс. человек. По количеству мобилизованных губерния занимала четвертое место в России. Война, принесшая бедствия и страдания народу, резко обострила классовые противоречия. Установление Советской власти в России и ноябрьская революция в Германии 1918 г. ускорили окончание войны.

1918 — в России развернулась Гражданская война и началась иностранная военная интервенция. В этой борьбе Вятская губерния занимала значительное место. Ее территорию пересекала железнодорожная магистраль. Кроме того, она располагала запасами продовольствия. Летом и в первой половине осени главным фронтом был Восточный. В конце 1918 — начале 1919 гг. Вятский край вновь оказался в центре событий. Был создан Вятско-Слободской укрепленный район во главе с В. К. Блюхером. Когда фронт отодвинулся от границ губернии, вятчане продолжали участвовать в борьбе. Было проведено несколько мобилизаций на Южный и Западный фронты. Вятчане снабжали армии оружием, боеприпасами, снаряжением и обмундированием, продовольствием.

1938 — в августе Япония попыталась захватить часть российской территории в районе озера Хасан. В мае 1939 г. японские войска начали военные действия в районе реки Халхин-Гол против Монголии, имеющей союзный договор с СССР, но были разгромлены. Первыми кировчанами, получившими звание Героя Советского Союза (посмертно) стали Н. Ф. Грухин, командир мотострелкового полка, А. И. Суворов, комиссар танкового батальона.

1939 — началась война на Карельском перешейке. В боях с финнами отличились командир лыжного батальона С. П. Березин, комиссар полка скоростных бомбардировщиков А. Н. Костылев, лейтенант (позднее генерал-майор) П. Т. Михалицын. За мужество и отвагу кировчанам было присвоено звание Героя Советского Союза. Мирный договор был подписан в марте 1940 г;

— 1 сентября Германия вторглась в Польшу. Великобритания и Франция 3 сентября объявили Германии войну. Началась вторая мировая война. В нее было вовлечено 78 государств.

1941 — 22 июня немецко-фашистские войска вторглись в пределы нашей Родины. Началась Великая Отечественная война. В числе других частей первый удар фашистов приняла 125-я стрелковая дивизия, сформированная в сентябре 1939 г. из призывников-кировчан. После Финской кампании, в июне 1940 г. дивизия была переброшена на границу с Восточной Пруссией. Здесь она и вступила в бой у пограничного г. Траураге;

— 22 — 23 июня в городах и селах, поселках и городах края прошли митинги и собрания. Они демонстрировали любовь к Родине, ненависть к захватчикам. Началась мобилизация военнообязанных. Были сформированы 311-я, 355-я стрелковые дивизии и др. воинские подразделения. В августе 311-я дивизия вступила в бой на Ленинградском фронте;

— 5 июля в области стало создаваться народное ополчение. Специальные комиссии комплектовали отряды, в которые входили мужчины от 18 до 50 лет. Отряды народного ополчения стали важным резервом пополнения армии;

— «Все для фронта, все для победы!» — главная идея перестройки народного хозяйства на военный лад. Каждое предприятие приступило к выпуску оборонной продукции. Через два-три месяца начался выпуск вооружения;

— в июле—ноябре из прифронтовых районов в глубь страны было эвакуировано свыше 10 миллионов человек. Для многих Вятский край стал родным домом. К весне 1942 г. количество эвакуированных в область достигло 227 тыс.;

— в Киров прибыло правительство Латвии во главе с В. Лацисом. Оно проводило работу по формированию латышской дивизии из эвакуированных сюда жителей Прибалтики;

— было организовано военное обучение допризывников и военнообязанных запаса. Военное дело было введено в школах, училищах, техникумах и вузах;

- в спецподразделениях обучалось свыше 6000 девушек. Они

готовились стать телефонистками, телеграфистками, радистками, регулировщицами. Большинство из них было отправлено на фронт;

— активизировали свою деятельность организации Красного Креста. Было подготовлено более 16 тыс. медицинских сестер;

— исключительное внимание уделялось военно-лыжной подготовке. За зиму всеобуч подготовил тысячи стрелков, пулеметчиков, сотни минометчиков, снайперов, истребителей танков;

— 30 сентября — 2 октября фашисты начали операцию «Тайфун» — наступление на Москву. Высокий патриотизм, стойкость и героизм показали в боях под Москвой воины-кировчане. На Можайскую линию фронта с Дальнего Востока была переброшена 82-я мотострелковая дивизия. Она была сформирована в 1938—1939 гг. на территории Кировской и Пермской областей, принимала участие в боях на р. Халхин-Гол и прославила себя. После Монголии дивизию пополнили 1200 кировчан, в основном учителя и студенты пединститута. В октябре 1941 г. дивизия осуществила Дороховскую операцию, нанесла крупное поражение фашистам;

— 14 октября войска противника ворвались в Калинин (Тверь). Создалась угроза охвата Москвы с севера. Был создан Калининский фронт под командованием И. С. Конева. В составе этого фронта заняла оборону 243-я дивизия, рядовой и сержантский состав ее был из кировчан. Вместе с другими частями армии она остановила продвижение немцев;

— в конце ноября начали свой боевой путь под Москвой кировские лыжные батальоны. Они были включены в состав I-й ударной армии, где начальником штаба был уроженец Малмыжского района Н. Д. Захватаев;

— 5—6 декабря началось контрнаступление войск Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов. На Калининском фронте действовала 355-я стрелковая дивизия. В ночь на 26 декабря она перешла в наступление в районе д. Рябиниха. 27 декабря совершил великий подвиг наш земляк Я. Н. Падерин — закрыл своим телом амбразуру вражеского пулемета. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

1942 — 21 января 3-я гвардейская (бывшая кировская 82-я) мотострелковая дивизия сражалась на священном для каждого русского Бородинском поле. Только в ночном штурме было уничтожено более 150 вражеских солдат и офицеров, взято 76 пленных, захвачено 8 орудий, 2 самоходные пушки, 11 пулеметов и 9 машин с боеприпасами. Воевала на Бородинском поле и 46-я отдельная стрелковая бригада, сформированная в Удмуртии в основном из кировчан и пермяков. Только из Львовского пехотного училища, размещавшегося в годы войны в Кирове, в нее было направлено 900 человек;

— в мае в состав 38-й армии, которая стояла под Харьковом, была включена 114-я танковая бригада, сформированная в г. Кирове. Шли ожесточенные бои;

— 12 июля был создан Сталинградский фронт. 38-я армия вошла в состав нового фронта. На базе этой армии была создана I-я танковая армия, куда была включена 131-я стрелковая дивизия, прошедшая переформирование в г. Кирове. Началось самое грандиозное в истории второй мировой войны сражение — Сталинградская битва. В боях за Сталинград показали образцы героизма многие наши земляки. Их имена высечены на мраморе обелисков, поставленных в Волгограде;

— в июле развернулась битва за Кавказ. В составе полков было немало кировчан. Многие остались навсегда в вечных льдах его вершин. Основной удар врага на Марухском перевале принял 810-й стрелковый полк, командиром которого был уроженец Яранска В. А. Смирнов. Один из легендарных участников боев на Марухском леднике — наш земляк ст. лейтенант М. А. Окунев.

1943 — в январе—марте началось массовое изгнание оккупантов с нашей земли. В прорыве блокады Ленинграда участвовал 262-й истребительный противотанковый артиллерийский полк, сформированный в г. Кирове, командиром его был кировчанин майор Пашин. В наступлении участвовали 125-я и 311-я кировские дивизии. Боевые действия вели и другие части, где было много кировчан. 25 января был освобожден Воронеж, в феврале Курск. Путь противнику на Харьков закрыла 25-я гвардейская дивизия 40-й армии, 2 марта 25 гвардейцев под командованием кировчанина П. Н. Широнина у с. Тарановки пять суток отбивали все атаки врага и уничтожили 11 танков, 6 бронетранспортеров и большую группу немецких солдат и офицеров. В живых из них осталось пятеро, в т. ч. П. Н. Широнин. Всем гвардейцам было присвоено звание Героя Советского Союза;

— в августе в боях за Орел особенно отличилась 5-я стрелковая дивизия под командованием уроженца Котельничского района Героя Советского Союза П. Т. Михалицына;

— форсирование Днепра началось одновременно на многих участках. Все рода войск действовали в тесном взаимодействии. В боях за Днепр беспредельное мужество проявили многие кировчане, свыше 30 из них удостоены звания Героя Советского Союза;

1944 — в январе крупнейшие военные события развернулись под Ленинградом и Новгородом. В период наступления Ленинградским фронтом командовал наш земляк генерал (позднее Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза) Л. А. Говоров. В феврале наши войска вступили на землю Эстонии. В освобождении Латвии участвовала 311-я дивизия. Участвовали кировчане и в освобождении Литвы;

— в феврале была разгромлена Корсунь-Шевченковская группировка немцев. Руководил операцией наш земляк маршал И. С. Конев (позднее дважды Герой Советского Союза). Освободив значительную часть Молдавии, войска вступили в Румынию;

— в мае И. С. Конев был назначен командующим войсками 1-го Украинского фронта, которые развивали наступление в западном

направлении. 6-й механизированный корпус, созданный на базе кировской 3-й гвардейской мотострелковой дивизии, начал бои за освобождение Польши;

— 243-я стрелковая дивизия, состоящая из кировчан, вместе с др. частями 3-го Украинского фронта нанесла удары по врагу на юге страны, форсировала Южный Буг и вошла в Николаев. При взятии города отличился отряд десантников. В составе десанта был наш земляк, матрос В. Ходырев, погиб смертью храбрых. Всему составу отряда было присвоено звание Героя Советского Союза;

— многие кировчане в борьбе за Украину и Крым совершили выдающиеся подвиги. 18 июля у д. Машув Волынской области бывший студент Кировского пединститута командир эскадрильи Г. А. Хохлов повторил подвиг Н. Гастелло, направив горящий самолет на зенитки противника;

— форсировав Днепр, от Пинска до Бреста прошла с боями, освобождая белорусские города и села, 12-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Д. К. Малькова, уроженца Советского района. На территории Белоруссии вступила в сражения против фашистов 1-я польская пехотная дивизия. Ее отдельные подразделения формировались в Кировской области из эвакуированных поляков. С начала оккупации Белоруссии на ее земле развернулась народная война. Среди партизан и подпольщиков было немало кировчан. Только в 1942 г. из молодежи области было сформировано пять отрядов народных мстителей. Кировчане-партизаны сражались на территории Ленинградской, Псковской, Калининской областях. Народная война шла на территории Прибалтики, Украины;

— 61-я стрелковая бригада морской пехоты, сформированная в 1941 г. в Кировской области, сражалась на Карельском фронте. Слава о боевых действиях моряков гремела по всему фронту. В октябре 1944 г. бригада перенесла боевые действия на землю Норвегии;

— в годы второй мировой войны на оккупированной гитлеровцами территории Норвегии, Греции, Италии, Франции и др. стран оказались сотни кировчан. Находясь вдали от Родины, они вносили свой вклад в победу над фашизмом, участвуя в движении Сопротивления.

1945 — 12 января войска 1-го Украинского фронта начали освобождение стран Восточной и Юго-Восточной Европы от фашистского ига. Через день перешли в наступление войска 1-го Белорусского фронта. В великом походе по странам Европы участвовал ряд кировских дивизий; 5, 12, 80, 125, 208, 243, 311 и др. Вела бои за освобождение пяти государств — Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии — 40-я гвардейская стрелковая дивизия. От Сталинграда до Вены, 4500 километров — таков путь этого воинского соединения;

— в составе войск, разящих врага на территории Германии, было немало частей и соединений, формировавшихся в Кировской

области. Эти части участвовали и в Берлинской операции, окружали Берлин. Бои по уничтожению окруженной 300-тысячной группировки врага были крайне напряженными;

— 2 мая гарнизон Берлина капитулировал. Один из первых водрузил Знамя победы над рейхстагом наш земляк, слобожанин Григорий Булатов. Фашистская Германия признала себя побежденной. 8 мая был подписан акт о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил;

— но союзник гитлеровской Германии — Япония продолжала борьбу против США, Англии и Китая на Дальнем Востоке и Тихом океане. В соответствии с союзническими обязательствами 8 августа Советский Союз объявил войну Японии. 9 августа наши Вооруженные Силы перешли в наступление. Боевые действия велись на территории Северо-Восточного Китая (Манчжурии), где с 1931 г. была японская квантунская армия;

— на Дальний Восток были переброшены некоторые наши войска с запада. В их числе и 243-я кировская дивизия. За 37 дней она прошла форсированным маршем 1200 километров, отличилась при форсировании Большого Хингана, внесла значительный вклад в дело победы;

- в тяжелых условиях горно-таежной местности вела наступление на японские укрепления 63-я стрелковая дивизия. Многие воины-кировчане участвовали в войне против Японии в составе других частей и соединений;

— 2 сентября Япония безоговорочно капитулировала. Вторая мировая война окончилась;

— тысячи кировчан сражались против фашистских захватчиков во имя свободы и независимости Родины. Многие из них пали в боях. В память о погибших в областном и районных центрах, в городах и селах поставлены мемориальные доски, обелиски, памятники Славы. В 1974 г. открыт Дворец-мемориал юных, воздвигнутый в честь воинов-кировчан. В 1976 г. из печати вышла книга «Кировчане в Великой Отечественной войне» (составитель В. И. Клюкин). Большой авторский коллектив создал своеобразный памятник погибшим и живым героям, тем, кто спас Отчизну от вражеского нашествия. В марте 1994 г. были изданы первые два тома из семнадцати «Книги памяти», книги вечной скорби, реквием погибшим в боях патриотам. Закончится выпуск к 50-летию великой Победы в мае 1995 г.

1989 15 февраля завершен вывод советских войск из Афганистана. Многие кировчане проходили там военную службу, участвовали в боевых операциях, многие погибли. Одному из них — майору А. Я. Опарину, посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

С. Кокурина

Абульгози — хан Бухары в XVIII в. — 38

Авдеев — участник Великой Отечественной войны, солдат 311 стрелковой дивизии — 204

Аврамов Н. Ю. — капитан I ранга, начальник школы юнг в Великую Отечественную войну — 346

Алабин Петр Владимирович (1824-1896) — писатель, общественный деятель. Участник Крымской и Русско-Турецкой войн. В 1857-1866 гг. работал в Вятке. Автор мемуаров «Походные записки в войну 1853, 1855-1856 гг.» (1861), «Четыре войны. Походные записки (1849; 1853; 1855-56; 1877-78)» (1888-1892) — 68, 69, 73,83, 417

Алафузо — начальник штаба 3-й армии Восточного фронта в мае 1919 г. — 158

Александр I (1777—1825) — российский император с 1801 г. — 46,52

Александр Невский (1220—1263) — князь новгородский, великий князь владимирский — 93, 290, 291, 406

Александр Федорович — князь Ярославский в XV в. — 13

Александров В. А. — ст. сержант авиации в Великую Отечественную войну — 290

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал от инфантерии, командующий Северо-Западным фронтом в 1914—1915 гг. — 122, 123

Алферов Иван Прокопьевич (1898—1979) — генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Мысовской Лузского района Кировской области — 406

Ананьева Вера Александровна — радистка, партизанка Великой Отечественной войны. Родилась и училась в г. Кирове — 231—236

Ананьин Виктор — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену — 335, 336

Анисимов — участник обороны Брестской крепости в Великую Отечественную войну — 178

Антонович М. — автор очерка о А. Камневой «Воспитание воли» в газете «Рабочая Пенза» (1938) — 264

Анфал Никитин — двинский боярин, воевода, служил в Вятке в нач. XV в. — 15

Аполлос (Беляев) — епископ Вятский и Слободской в 1866—1885 гг. — 92

Ардашев Михаил Александрович (1919—1983) — писатель, журналист. Участник Великой Отечественной войны. Автор сборников рассказов «Дорога сквозь смерть» (1962), «Фронт без окопов» (1966), «Рассказы о пограничниках» (1979, 1989), составитель сборников «Звезды Славы» (1970), «Герои Советского Союза — кировчане» (1973, 1978, 1985) — 236, 330, 344

Артемьев — партизан Великой Отечественной войны — 257, 259

Асыка — князь вогульский в XV в. — 13

Афанасьев Пармен — пушкарь из г. Слободского, участвовал в Земском соборе 1613 г. — 25

Ахмат (Ахмед) — хан Большой Орды. Неудачный поход его на Москву привел к окончательному освобождению Руси от татаро-монгольского ига. Умер в 1481 г. — 10—12, 14, 414

Бабкин — участвовал в борьбе со Степановским мятежом в Уржуме в 1918 г. — 154

Бабушкин Василий Федорович (1878-1924) — матрос, борец, полный кавалер Георгиевского Креста, участник Русско-Японской войны 1904-1905 гг. Родился в д. Заструга (около Сосновки) Вятско-Полянского района Кировской области — 113—118, 149, 417

Бавыкин Алексей Алексеевич — мещанин г. Яранска Вятской губернии, участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. —119

Бадьин В. И. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в г. Кирове — 347

Баевский Георгий — военный летчик, участник Великой Отечественной войны — 213—215

Байрам-Али-хан — мервский правитель (территория совр. Туркмении) — 39

Баловень — атаман казацкий, повешен в 1614 г. в Москве — 22

Банников Борис Федорович (1923-1943) — стрелок, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Таранки Богородского района Кировской области — 407

Бараев — участник обороны Брестской крепости в Великую Отечественную войну — 182

Баранов Александр Селиверстрович (1920-1943) — летчик, повторивший подвиг Гастелло в Великую Отечественную войну. Родился в д. Кодочижно Свечинского района Кировской области — 409

Баранов Михаил Павлович (1904-1985) — стрелок, мл. сержант, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Гудки Шабалинского района Кировской области — 407

Барбашин — майор, командир танкового полка в Великую Отечественную войну — 284

Бартольд Василий Владимирович (1869—1930) — востоковед, академик — 38,39

Батычко И. — капитан авиации, участник Великой Отечественной войны — 289

Башаров — участник обороны Брестской крепости в Великую Отечественную войну, погиб в 1941 г. — 179, 181

Башков В. П. — автор книги «Солдат Федор Полетаев» (1974) — 322, 330

Безбородко Александр Андреевич (1747—1799) — святлейший князь, государственный деятель, дипломат, руководитель российской внешней политики — 37

Безденежных С. — фотограф — ил.

Безносикова Клавдия Савиновна — мать троих сыновей-фронтовиков из Песковки Омутнинского района, взяла на воспитание детей, потерявших родителей — 355

Бекенский Василий Васильевич — врач Вятского лазарета Красного Креста в г. Сретенске в 1904 г. — 107

Бектут — царевич, сын Тохтамыша, хана Золотой Орды, совершил поход на Вятскую землю в 1391 г. — 414

Белкин Николай Андреевич (р. 1916) — старшина, полный кавалер ордена Славы, участник войны на Карельском перешейке и Великой Отечественной. Родился в д. Большой Газек Кильмезского района Кировской области — 412

Белов Е. Е. — генерал-лейтенант, командир уральского добровольческого корпуса в Великую Отечественную войну — 319

Белокуров Сергей Алексеевич (1862—1918) — историк, археограф — 17, 20

Белопольский Иван Павлович (1909—1984) — Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Мамлан Пижанского района Кировской области — 408

Белый Виктор — сержант, участник боев в Афганистане — 398

Беляева Клавдия Васильевна — заслуженный учитель Российской Федерации, преподаватель школы г. Кирова — 298

Беляева Раиса Васильевна (1912—1943) — ст. лейтенант, командир эскадрильи истребительного полка в Великую Отечественную войну. Училась в г. Кирове — 291—299

Бендерский — майор, командир Вятского батальона внутренней стражи в 1860 г. — 87

Бервухин Борис — сарапульский губернский секретарь в 1809 г. — 26

Березин Семен Петрович (1902—1967) — командир разведроты, Герой Советского Союза, участник боев на Карельском перешейке и Великой

Отечественной войны. Родился в д. Березины Орловского района Кировской области — 405, 418

Березина Александра Дмитриевна — участник обороны Москвы в 1941 г. Родилась в Яранском районе Кировской области — 196

Берестнев-Прозоров Аркадий Тимофеевич (р. 1919) — сапер, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Берестни Кикнурского района Кировской области — 412

Бескоровайный Андрей Иванович — автор книг о Великой Отечественной войне — 173

Бессонов — титулярный советник, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в народное ополчение в Вятке — 49

Бехтерев Анатолий — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет на ст. Лянгасово (г. Киров) — 345, 347

Биркин Иван — стряпчий в Нижнем Новгороде в 1611 г. — 19

Бирюзов Сергей Семенович (1904-1964) — Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 348

Блажевич В. С. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в п. Мурыгино Кировской области — 348

Блюхер Василий Константинович (1890—1983) — Маршал Советского Союза, начальник гарнизона и обороны Вятско-Слободского района в 1919 г. — 157, 158, 417

Бобылев В. В. — член Союза кинематографистов — 146

Богданов С. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 350

Богомолов — летчик, бомбивший Берлин в 1941 г. — 193

Болдырев Алексей Данилович — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота. Родился в Омутнинском районе Кировской области — 345, 348, 349

Болтушкин А. П. — ст. сержант, участник Великой Отечественной войны — 246, 247

Бондаренко Василий Константинович (р. 1916) — научный сотрудник архивного отдела УНКВД Кировской области в 1940—1943 гг. — 47, 51

Борис Годунов (ок. 1552-1605) — русский царь — 17

Борисов Василий Алексеевич — партизан-подпольщик из отряда Д. Медведева в Великую Отечественную войну — 277

Борисов Игорь участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота. Родился в г. Кирове — 345

Борцов Анатолий Анисимович (р. 1923) — телефонист, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Борцовы Свечинского района — 412

Бочаров Д. А. — летчик, участник Великой Отечественной войны — 290

Бочаров — участник обороны Брестской крепости в Великую Отечественную войну — 178

Брадке фон Федор Иванович — вятский губернатор (гражданский) в 1808—1816 гг. — 25, 54

Бражнин (Пейсин) Илья Яковлевич (1898—1982), ленинградский писатель, прозаик, военный корреспондент в Великую Отечественную войну — 173

Брайченко Александр — пограничник, участник Великой Отечественной войны — 185

Бронников — доктор медицины, участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. Родился в Вятской губернии — 100

Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал от кавалерии, Верховный главнокомандующий в Первую мировую войну — 143, 144, 148

Брызгалов — старшина Волипельгинского волостного правления Малмыжского уезда в 1879 г. — ил.

Бугаенко Михаил — партизан-подпольщик из отряда Д. Медведева в Великую Отечественную войну — 270

Буденный Семен Михайлович (1883—1973) — Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза, герой гражданской войны — 143

Буевских Александра — сестра милосердия Красного Креста, участник войны на Балканах 1876 г. — 91

Бузановский Александр — участник Великой Отечественной войны, погиб — 363

Бузилов Т. А. — директор Сарапульского краеведческого музея — 145

Буксгевден Федор Федорович (Фридрих-Вильгельм) (1750—1811) — граф, генерал от инфантерии, участник войн с Францией — 62

Булатов Григорий Петрович — солдат, участник штурма Берлина в 1945 г., один из первых водрузил знамя над рейхстагом. Родился в Слободском районе Кировской области — 318, 319, 320, 321, 409, 422

Булыгин — генерал-майор, командующий Казанским ополчением в 1812 г. — 49

Булычев Тихон Филиппович (1847—1929) — вятский купец, судовладелец, потомственный Почетный гражданин Вятки — 101

Булычев Юрий — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 350

Бурханов — матрос спецподразделения в Приморье, где служил А. Жарков в 1977 г. — 394

Бурый — полковой казначей в Отечественной войне 1812 г. — 58, 59

Бурылин Юрий Викторович (р. 1954) — офицер, военный журналист, живет в Москве — 395

Бушков Василий Феофанович — помощник военкома Теребиловского волисполкома Уржумского уезда в 1918 г. — 153, 155

Бушмакина Е. В. — колхозница из колхоза им. 1-й Пятилетки Молотовского (Нолинского) района Кировской области в Великую Отечественную войну

Бушмакина М. П. — колхозница из колхоза им. Куйбышева Молотовского (Нолинского) района Кировской области в Великую Отечественную войну

Быков Алексей Васильевич (р. 1915) — сапер, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Быковщина Советского района Кировской области — 407

Быковский Валерий Федорович (р. 1934) — летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза — 144

Бялик — ленинградец в 1941 г. — 171

Вагин — гренадер в армии А. В. Суворова из Вятской губернии — ил.

Ванеев Степан — крестьянин, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в народное ополчение в Вятской губернии — 48

Ваншенкин Константин Яковлевич (р. 1925) — поэт — 377

Васев О. К. — полковой комиссар 311-й стрелковой дивизии в Великую Отечественную войну — 205

Васенев Николай Федорович (1906—1977) — писатель, журналист — 247, 249, 257

Васенина Валентина Петровна — участник обороны Москвы в 1941 г. Родилась в Санчурском районе Кировской области — 196

Василевский Александр Михайлович (1895—1977) — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, начальник Генерального штаба — 226

Василевский В. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 348

Василий II Темный (1415—1462) — великий князь московский — 16

Василий IV Шуйский (1552—1612) — русский царь, умер в польском плену — 17, 20, 22

Василий Косой (? — 1448) — удельный князь звенигородский — 16

Васильев Василий Павлович (1818—1900) — китаевед, академик — 40

Васнецов Александр Михайлович (1861—1927) — педагог, просветитель, брат известных художников А. и В. Васнецовых. Составитель сборника «Песни Северо-Восточной России» (1894) — 66, 67

Вахромеев Л. — написал стихи о юнгах Северного флота — 344

Вашлаева Прасковья Филипповна — помогала партизанам Ровно в Великую Отечественную войну — 276

Ведерников Герман Иванович (1919—1945) — полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Верхний конец Лебяжского района Кировской области — 412

Величкин — оргсекретарь Ленинградского отделения СП в 1939 г. — 171

Веремей Сергей И. — майор, участник Великой Отечественной войны — 384, 385, 388

Верещагин Александр Степанович (1835—1908) — историк, редактор «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» в 1905-1908 гг., автор многих исторических работ о древней Вятке — 12

Верещагин Василий Васильевич (1842-1904) — русский живописец, погиб в Порт-Артуре в Русско-Японскую войну — ил.

Вернигоренко И. Г. — ст. сержант, участник Великой Отечественной войны — 246, 247

Вершигоров Петр Саввович (р. 1925) — заслуженный художник Российской Федерации, участник Великой Отечественной войны — ил.

Вершинин Константин Андреевич (1900—1973) — Главный маршал авиации, Герой Советского Союза, участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Родился в д. Боркино Санчурского района Кировской области — 6, 284, 291, 406

Веселов — партизан Великой Отечественной войны — 260

Весельчаков Борис — фронтовой поэт, участник Великой Отечественной войны — 249

Виноградская Э. — автор статьи о Герое Советского Союза Б. В. Лопатине «Лопатинские березки» в кн. «Герои и подвиги» (1965) — 299

Винокуров — летчик, бомбивший Берлин в 1941 г. — 193

Винтер — майор, секретарь гитлеровского генерала Г. Геля, убит в 1943 г. — 267

Винценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818) — барон, генерал, русский и австрийский военный деятель — 52

Вихарев Андрей Дмитриевич (1892—1918) — военком Нолинского уезда в Гражданскую войну. Погиб во время Степановского мятежа — 160, 161, 162

Вияков С. Т. — полковник 311-й стрелковой дивизии, участник Великой Отечественной войны —205

Владимир II Мономах (1053—1125) — великий князь киевский — 30

Владимиров — генерал, командир 311-й стрелковой дивизии в Великую Отечественную войну — 307

Власенко А. И. — комбат, участник Сталинградской битвы в Великую Отечественную войну — 221

Власихин Анатолий Васильевич — участник Великой Отечественной войны, кировчанин — 404

Власихин Николай Иванович — участник Великой Отечественной войны. Родился в Лузском районе Кировской области — 412

Власов А. А. — генерал-лейтенант, в Великую Отечественную войну действовал на стороне фашистской Германии — 313, 335

Волков Григорий Михайлович — партизан, командир роты из отряда Д. Медведева в Великую Отечественную войну — 276

Волков Николай — участник боев в Афганистане — 396, 399

Воробьев Денис Филимонович (р. 1852), участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. Родился в д. Антонково Уржумского уезда — 94, 95

Воронов Ю. А. — вице-адмирал, участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 351

Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, государственный и военный деятель — 356

Воспитанный — зам. командира крейсера «Киров» по политчасти в Великую Отечественную войну — 227

Врангель Петр Николаевич (1878—1928) — барон, генерал-лейтенант, участник Гражданской войны — 143, 165

Вьершов Сафаней — герой романа А. А. Филева «Живое — живым» — 159, 160, 162

Гаврилов — майор, участник обороны Брестской крепости в Великую Отечественную войну

Гагарин Юрий Алексеевич (1934—1968) — летчик-космонавт, Герой Советского Союза, первый совершил полет в космос — 144

Гагаринов А. М. — сержант, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны — 412

Галкин Алексей — семинарист, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в народное ополчение в Вятке — 48

Галушкин Николай Иванович (р. 1922) — снайпер, участник Великой Отечественной войны, кировчанин — 249—257, 409

Гастелло Николай Францевич (1907—1941) — летчик, капитан, Герой Советского Союза, погиб в 1941 г., направив свой подбитый самолет в скопление танков противника — 421

Гафуров Бободжан Гафурович (1908-1977) — востоковед, историк, академик, государственный деятель Таджикистана — 38, 39

Гвоздев — писарь Волипельгинского волостного правления Малмыжского уезда в 1879 г. — ил.

Геббельс Иозеф (1897—1945) — один из гл. немецко-фашистских преступников, идеолог расизма, насилия и захватнических войн — 172

Гель Ганс — генерал гитлеровской армии, убит в 1943 г. — 267

Геринг Герман (1893—1946) — один из гл. немецко-фашистских военных преступников — 372

Герман Юрий Павлович (1910—1967) — прозаик, драматург, киносценарист — 171, 172

Гермоген (ок. 1530—1612) — русский патриарх, призывал к всенародному восстанию против польских интервентов — 18, 19

Гиммлер Генрих (1900—1954) — один из гл. немецко-фашистских военных преступников — 315, 316

Гитлер (Шикльгрубер) Адольф (1889—1945) — гл. немецко-фашистский военный преступник — 240, 267, 310, 326, 369, 370, 385

Глазков Михаил — коллежский регистратор, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в народное ополчение в Вятке — 48

Глебов Виктор Сергеевич (1906—1985) — генерал-майор, Герой Советского Союза, участвовал в боях у о. Хасан, в Великую Отечественную войну командовал дивизией. Родился в Вятской губернии — 406

Глинка Сергей Николаевич (1775—1847) — писатель — 49

Глушко С. — участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. — 107

Глушков Слава — выпускник школы № 22 г. Кирова, участник Великой Отечественной войны — 233

Гнускин Н. И. — секретарь Сарапульского горкома КПСС в 1976 г. — 145

Говоров Леонид Александрович (1897—1955) — Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, в Великую Отечественную войну командовал войсками Ленинградского фронта. Родился в д. Бутырки Советского района Кировской области — 6, 281, 282, 406, 420

Головин Семен Васильевич — воевода, был послан в Вятку в нач. XVII в. — 21

Головин Э. — ученик-подросток на заводе «Физприбор» в г. Кирове в 1943 г.

Голохвастов Дмитрий — воевода, был послан из Казани на Вятку в нач. XVII в. — 21

Голубева Валентина Михайловна — разведчик, участник Великой Отечественной войны, погибла в 1942 г. — 216—218

Гольский — коммерсант, владелец аптеки в г. Ровно в Великую Отечественную войну — 261, 263, 266, 268, 269

Горбатов Борис Леонтьевич (1908—1954) — писатель — 369

Горбунова Анфиса Алексеевна — разведчик, участник Великой Отечественной войны, погибла в 1942 г. Родилась в Яранском уезде Вятской губернии — 216—218

Гордов Василий Николаевич (1896—1951) — генерал-полковник, Герой Советского Союза, командующий армией в Великую Отечественную войну

Гордон — майор, командир спецподразделения в Приморье, где служил А. Жарков в 1977 г. — 392, 393

Горева Ольга Степановна — участник обороны Москвы в 1941 г Родилась в Яранском районе Кировской области — 196

Горобченко Юрий — сержант, участник Великой Отечественной войны — 385, 388

Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861) — князь, генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1815 гг. —53

Горчаков Сергей Димтриевич — князь, вятский губернатор в 1906—1909 гг. — 118, 119

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович)(1868—1936) — писатель, общественный деятель — 371

Градобоев Василий Дементьевич — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота. Родился в Опаринском районе Кировской области — 345, 350

Гребнев Анатолий Григорьевич (р. 1941) — поэт. Родился в с. Чистополье Котельничского района Кировской области — 197, 407

Гребенев Аркадий Филиппович (1924—1943) — артиллерист-зенитчик, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Лобошане Оричевского района Кировской области — ил.

Гребовский — летчик, бомбивший Берлин в 1941 г. — 193

Гречко Андрей Антонович (1903—1976) — генерал-лейтенант, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, министр обороны СССР, командующий армией в Великую Отечественную войну — 285

Григоренко — командир отряда партизан в Великую Отечественную войну — 259

Григорьев В. В. — автор кн. «Россия и Азия» (1876) — 14

Гризодубова Валентина Степановна (р. 1910) — летчик, полковник, Герой Советского Союза — 264

Гришаков В. М. — адмирал флота, участник Великой Отечественной войны — 351

Грухин Николай Федорович (1902—1939) — командир мотострелкового полка, Герой Советского Союза, участвовал в боях в районе р. Халхин-Гол. Родился в д. Грухи Кирово-Чепецкого района Кировской области — 405, 418

Гулевич С. А. — автор статьи о формировании государственных ополчений (1910) — 54

Гулин В. Н. — зам. политрука погранзаставы на Западном Буге в Великую Отечественную войну — 185

Гуляев Дмитрий Тимофеевич (1915—1943) — командир партизанской бригады, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в г. Яранске Кировской области — 406

Гусев Виктор Михайлович (1909—1944) — поэт, драматург — 191, 192

Гущин Игнат — крестьянин, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение. Родился в Нолинском уезде — 48

Даву Луи Никола (1770—1823) — маршал Франции, герцог, князь, участник наполеоновских войн — 51

Давыдов Василий — комбат, участник штурма рейхстага в 1945 г. в его батальоне служил Г. П. Булатов — 317

Давыдов В. К. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в г. Орлове Кировской области — 347

Дама — маршал, командир корпуса в 1813 г. — 53

Данилов Степан — стольник в нач. XVIII в. — 28

Даниял-бий (Даниел) — правитель Бухарского ханства в 1758—1785 гг. — 32, 38, 39

Даргель — генерал гитлеровской армии, зам. Коха, убит в 1943 г. — 267

Дарошев Лев — канцелярист, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение. Родился в г. Уржуме Вятской губернии — 48

Двинянинов Павел Ильич — дворянин, волонтер-доброволец, участник войны в Сербии в 1876 г. — 91

Двоеглазов Василий Васильевич — участник Гражданской войны

Девятов Николай Константинович — участник Первой мировой войны. Родился в д. Медовый Ключ Малмыжского уезда Вятской губернии — 149, 150

Девятов Николай Николаевич — сын Н. К. Девятова, живет в г. Сосновка Кировской области — 149

Девятых К. В. — колхозница сельхозартели «Трудовик» Нолинского района Кировской области

Дегтярев Василий Алексеевич (1879—1949) — конструктор, Герой Труда, создал ряд образцов пулеметов — 404

Дектярева Елизавета Николаевна — участник обороны Москвы в 1941 г. Родилась в Яранском районе Кировской области — 196

Дектярь Н. И. — майор, командир эскадрильи в Великую Отечественную войну — 305

Демгольц — помещик Сарапульского уезда Вятской губернии, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 49

Дементьев П. — автор статьи «Вятский лазарет Красного Креста» (1904) в г. Сретенске в Русско-Японскую войну — 106

Демченко Николай Григорьевич — комиссар полка партизанского соединения «За Родину» в Великую Отечественную войну — 235

Дербыш-Али — хан Астраханского ханства при Иване IV — 415

Державин Гаврила Романович (1743-1816) — поэт —385

Детков Игорь Викторович (р. 1957) — историк, ст. научный сотрудник Кировского объединенного историко-архитектурного и литературного музея — 52

Джером Джером Клапка (1859—1927) — английский писатель — 371

Дионисий (ок. 1570—1633) — архимандрит Троицко-Сергиевой лавры. В 1611—1612 гг. призывал к восстанию против интервентов — 19

Дищканец — адъютант М. И. Кутузова, участник Отечественной войны 1812 г. — 62

Дмитриевых Александр Александрович (р.1904) — депутат Верховного

Совета РСФСР по Котельничскому избирательному округу в Великую Отечественную войну — 228

Добринский Павел Михайлович — вятский губернатор в 1816—1825 гг. — 65, 66

Добровольский Иван — ст. землемер Вятской межевой конторы в 1809 г. — 26

Довнич Карп Степанович — пулеметчик погранзаставы на Западном Буге в Великую Отечественную войну — 184

Долгушева Екатерина Константиновна — участник обороны Москвы в 1941 г. — 196

Долматовский Евгений Аронович (р. 1915) — поэт-прозаик, кинодраматург, участник Великой Отечественной войны — 321

Дрокина (Мясоедова) Анастасия Савельевна — в Великую Отечественную войну в Харьковской области спасала Героя Советского Союза, летчика Б. В. Лопатина — 301

Дрыгин — летчик, ст. лейтенант авиации, участник Великой Отечественной войны — 290, 291

Дряблов Ефим Титович — крестьянин, участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Родился в д. Акбатырево Малмыжского района Кировской области — 112. 113

Дрягин Михаил Петрович — дворянин, волонтер-доброволец, участник войны в Сербии в 1876 г. — 91

Дубравов А. Д. — зам. политрука погранзаставы на Западном Буге в Великую Отечественную войну — 186

Дуганов Юрий — спортсмен, штангист, участник Великой Отечественной войны — 377, 378

Дудин Николай Михайлович (р. 1925) — сержант, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Большие Дудинцы Кировской области — 412

Дунаев Иван Никитич — чиновник, штабс-капитан, участник Отечественной войны 1812 г. — 66

Дунаевский Исаак Осипович (1900—1955) — композитор, народный артист России — 226

Дуркин Михаил Степанович — участник Великой Отечественной войны, солдат 311-й стрелковой дивизии, кировчанин — 205

Дуров Андрей Васильевич — коллежский советник, городничий г. Сарапула — 26, 55

Дурова Надежда Андреевна (Александров) (1783—1866) — первая женщина-офицер в русской армии, ординарец М. И. Кутузова, вятчанка —5, 51, 55, 56, 64, 142, 144, 145, 148, 417

Дутов Александр Ильич (1879—1921) — генерал-лейтенант, участник Гражданской войны — 157, 158

Душкин — зам. Уржумского уездного военного комиссара в 1918 г. — 153

Дьконов Леонид Владимирович (1908—1995) — писатель, поэт, фольклорист. Родился в Вятке — 67

Евстигнеев Константин — участник боев в Афганистане — 398

Егоров — командир батальона спецподразделения в Приморье, где служил А. Жарков в 1977 г. — 394

Егоров Михаил Алексеевич (1923—1975) — разведчик, сержант, Герой Советского Союза, участник штурма Берлина в 1945 г., водрузил знамя над рейхстагом — 317, 318, 319

Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — российская императрица — 38, 147

Екатерина Павловна (1788—1819) — великая княгиня, сестра Александра I. В Вятской губернии имела удельных крестьян, в 1812 г. из них был сформирован батальон — 52, 54

Елин Андрей — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену — 335, 336

Еременко И. Т. — генерал-майор авиации, участник Великой Отечественной войны — 288

Ермак Тимофеевич (? — 1585) — казачий атаман. Около 1581 г. начал освоение Сибири — 165, 415

Ермаченков В. В. — генерал авиации, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза — 284

Ермолаев — партизан Великой Отечественной войны — 257, 258, 259

Еськов П. Г. — вятский земский исправник, участник Отечественной войны 1812 г. — 65, 66

Ефрем — митрополит казанский в 1611 г. — 18

Ефремов Сергей — секретарь Вятской духовной консистории, отец Ф. С. Ефремова — 31, 37

Ефремов Филипп Сергеевич (1750 — ок. 1811) — солдат, писатель, путешественник. Родился в г. Вятке — 31, 37—41

Жарков Александр Викторович — прапорщик, погиб при тушении пожара в Приморье в 1977 г. Родился в Яранске — 391—395

Жданов А. В. — автор кн. «Солдат Федор Полетаев» (1974) — 322, 330

Жданов Владимир — выпускник школы № 22 г. Кирова, участник Великой Отечественной войны — 233

Жданов В. И. — генерал, командир корпуса в Великую Отечественную войну — 246

Жданов Егор — участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. Родился в Вятке — 99

Жолобов Аркадий — плугарь Оричевской МТС в 1943 г. — ил.

Жуйков Евгений Севастьянович (р. 1928) — председатель Кировского городского Совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил. Участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 344

Жуков Георгий Константинович (1896—1974) — Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, в Великую Отечественную войну был зам. Верховного Главнокомандующего — 226, 319, 409, 412

Журавлева Нина Тимофеевна (1933—1993) — историк — 351

Заболотский Анатолий Иванович (1911—1962) — лейтенант, Герой Советского Союза, командир роты в Великую Отечественную войну. Родился в Малмыжском районе Кировской области — 408

Заводчиков Владимир Павлович (1904—1969) — ленинградский поэт, участник Великой Отечественной войны — 173

Загаинов Андрей — крестьянин, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Зайцев Василий Александрович (1910—1961) — летчик, полковник, дважды Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 215

Зайцев Сергей — участник боев в Афганистане — 399—401

Зайцев Ю. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 351

Занин — ст. лейтенант, участник обороны Москвы в 1941 г. — 195, 197

Заруцкий Иван Мартынович (?—1614) — донской атаман, боярин Лжедмитрия II — 18, 20, 21, 22

Захватаев Никанор Дмитриевич (1898—1963) — генерал-полковник, Герой Советского Союза, командующий армией в Великую Отечественную войну. Родился в д. Гари Малмыжского района Кировской области — 406, 419

Зеленин Алексей — дьяк Воскресенской церкви г. Хлынова в нач. XVIII в. — 29

Зеленков — сварщик машиностроительного завода им. Куйбышева в г. Кирове в Великую Отечественную войну — 356

Зимин С. Г. — старшина, участник Великой Отечественной войны — 247

Золотарев Иван Федорович (р. 1922) — стрелок, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Волчата Советского района Кировской области — 408

Зонов Иван — священник с. Кстинино Вятской губернии, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Зонов Иван Григорьевич — участник Великой Отечественной войны, ст. сержант 311-й стрелковой дивизии — 205

Зорин Иван — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 347

Зорин Павел Миронович (р. 1913) — сержант, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Зорино Кирово-Чепецкого района Кировской области — 412

Зоткин В. М. — автор повести «У Волги» (19), участник Великой Отечественной войны — 220

Зубарев Николай — тракторист Оричевской МТС в 1943 г. — ил.

Зубарев Семен Филиппович — участник Великой Отечественной войны. Родился в Верхошижемском районе Кировской области — 202

Зусманович — командир 1-го Полтавского кавалерийского полка в Уржумском районе в 1918 г. — 154

Зыков — участник Великой Отечественной войны, разведчик 311-й стрелковой дивизии — 204

Зырин Иван — мещанин г. Котельнича, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Ибн-Баттута (1304—1377) — арабский путешественник, описавший город Сарай — столицу Золотой Орды — 14

Ибрагим — казанский хан в конце XV в. — 414

Иван III Васильевич (1440—1505) — великий князь московский — 16, 415

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) — великий князь «всея Руси» — 14, 414

Игнатей — поп г. Вятки в нач. XVII в. — 20

Иловайский В. Д. — генерал-майор, командир отряда, участвовавшего в заграничных походах 1813—1814 гг. — 52, 53

Ильген-фон — генерал СС, командующий фашистскими карательными войсками на Украине в Великую Отечественную войну — 267

Ильин Н. — инженер-подполковник, участник Великой Отечественной войны — 213

Иона — архимандрит вятский в начале XVII в. — 20, 25

Исполатов Алексей Михайлович — участник Великой Отечественной войны, кировчанин — 178

Исполатов Николай Михайлович — участник обороны Брестской крепости в Великую Отечественную войну, кировчанин — 177

Истомин Владимир Иванович (1809—1855) — контр-адмирал, участник обороны Севастополя в Крымскую войну — 71

Исупов Василий Иванович — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146, 147

Ишхнели Отария — командир партизанского полка в районе Тулузы во Вторую мировую войну — 341

Казимир — король польский, князь литовский в XV в. — 10, 14

Кайсаров — генерал-майор, командир отряда, участвовавшего в заграничных походах 1813—1815 гг. — 53

Калашников Михаил Тимофеевич (р. 1919) — конструктор, создатель автоматов и пулеметов, полковник, дважды Герой Труда, участник Великой Отечественной войны — 402—405

Калинин Александр Андреевич (1910—1962) — разведчик, снайпер, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Калиновская Шабалинского района Кировской области — 204, 205

Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — государственный деятель, Герой Труда — 406

Калмыков — участник Великой Отечественной войны, ст. батальонный комиссар 311-й стрелковой дивизии — 205

Кальсин Петр Терентьевич — летчик, лейтенант, участник Великой Отечественной войны. Родился в Верхошижемском районе Кировской области — 213—215, 409

Камнева Антонина Никаноровна — партизанка-подпольщица, лейтенант медицинской службы, участник Великой Отечественной войны. Родилась в Вятских Полянах — 260— 278

Капашенков Иван — житель станции Новинка Ленинградской области в Великую Отечественную войну — 335

Кантария Мелитон Варламович (р. 1920) — разведчик, мл. сержант, Герой Советского Союза, участник штурма Берлина в 1945 г., водрузил вместе с М. Егоровым знамя над рейхстагом — 317, 318, 319

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — историк, писатель — 8

Карнилович — штаб-лекарь, участник Отечественной войны 1812 г. — 57, 58

Кассихина Лидия Петровна (р. 1918) — партизанка Великой Отечественной войны. Родилась в Вятке, училась в пединституте, ушла добровольцем на фронт — 230, 231

Катаев М. Ф. — составитель поездов станции Киров в Великую Отечественную войну — 360

Катаев Семен — комендор крейсера «Варяг», участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Родился в с. Шестаково Слободского уезда Вятской губернии — 102, 103

Кедров М. С. — командующий Северным фронтом в 1918 г. — 157

Кежун Бронислав Адольфович (р. 1914) — ленинградский поэт, переводчик, сатирик, в Великую Отечественную войну был военным корреспондентом — 173

Кеннон Джон — американский посол в СССР в 1945 г. — 372

Кибардин Никита — служитель духовного ведомства, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Кирилловых В. Г. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в г. Кирове — 347

Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886—1934) — государственный деятель, участник Гражданской войны. Родился в г. Уржуме Вятской губернии — 227, 254

Клабуков Александр Иванович — ст. лейтенант, начальник штаба на Крымском фронте в Великую Отечественную войну. Родился в г. Вятке — 236—243

Клабуков И.- секретарь Котельничского райкома ВКП(б) Кировской области в 1943 г. — 229

Кленовицкая Александра Васильевна — сестра милосердия, участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Родилась в Яранске, работала в земской больнице в Вятке — 109, 110

Клингенберг Михаил Карлович — вятский губернатор в 1859—1863 гг. — 85, 86, 87

Клишканов Григорий Андреевич — врач партизанского отряда Д. Медведева в Великую Отечественную войну — 276

Клюкин Василий Иванович (1930—1991) — историк, доктор исторических наук, профессор — 422

Клюкин Василий Степанович (1907—1987) — шофер, участник боев на Карельском перешейке, Герой Советского Союза. Родился в Кирово-Чепецком районе Кировской области — 406

Кнут — генерал гитлеровской армии, зам. Коха, убит в 1943 г. — 267

Князев Ю. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 350

Ковалев Александр — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, погиб в 1944 г. — 347, 351

Ковалев Н. — участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. — 106

Коваленков Александр Александрович — писатель, военный журналист в Великую Отечественную войну — 173

Козлов Дмитрий Тимофеевич (1896—1967) — генерал-лейтенант, командующий Крымским фронтом в Великую Отечественную войну — 237

Козлов Виктор Иванович — политрук, комиссар батареи в Великую Отечественную войну. Родился в Котельничском районе, после войны жил в г. Омутнинске Кировской области — 330—344

Козлов Петр Ефимович (р. 1923) — историк, участник Великой Отечественной войны — 218—226

Козлов — матрос спецподразделения в Приморье, где служил А. Жарков в 1977 г. — 394

Козловских Павел А. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота. Родился в Медянском районе, живет в г. Кирово-Чепецке — 345, 347

Козьмин — караульный солдат в нач. XVIII в. — 29

Кокорин Анатолий Владимирович (р. 1908) — график, народный художник России — ил.

Кокурина Светлана Петровна (р. 1936) — историк, библиограф — 414

Колотилова Дина — партизанка-подпольщица из группы А. Камневой в Великую Отечественную войну — 260, 265

Колотов Афанасий Васильевич — участник Великой Отечественной войны, сержант 311-й стрелковой дивизии — 205

Колпаков Игнат Наумович — кавалерийский фельдфебель, участник Первой мировой войны. Родился в Котельничском уезде Вятской губернии — 148

Колчанов Аркадий Михайлович (р. 1925) — народный художник России, участник Великой Отечественной войны — ил.

Конев Иван Степанович (1897—1973) — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Родился в д. Лодейно Никольского уезда (ныне Подосиновского района Кировской области) — 6, 7, 304, 309—315, 405, 419, 420

Коновалов Иван — матрос, погиб в Крымскую войну при обороне г. Севастополя. Родился в д. Мокрецовская Вятского уезда Вятской губернии — 82

Коновницын Петр Петрович (1764—1822) — граф, генерал от инфантерии, военный министр. В Отечественную войну 1812 г. командовал дивизией, состоял в штабе М. И. Кутузова — 62, 63

Константинов — фотолетописец Первой мировой войны, погиб в 1915 г. Жил в с. Макарье (около г. Вятки) — ил.

Конышев Иван Николаевич — унтер-офицер, участник Первой мировой и Великой Отечественной войн. Погиб в 1943 г. Родился в д. Малая Юньга Куменского района Кировской области —148

Копиченко Николай Васильевич (1838—1893) — действительный член Вятского губернского статистического комитета — 91, 92

Копытов Василий Григорьевич — контрадмирал, участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 351

Корзулин Евгений — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, кировчанин — 348

Корнеев Иван — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену во Франции — 332

Коробов Вадим Константинович (р. 1927) — вице-адмирал, Герой Советского Союза, юнга Северного флота — 351

Коротких Алексей Васильевич — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146

Коротких И. В. (1904—1968) — мл. советник юстиции, автор списка участников Первой мировой войны — жителей д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146

Коротких Иван Федорович — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146

Коротких Яков Васильевич — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146, 147

Коротков Георгий Иванович (р. 1894) — поручик, участник Первой мировой войны. Окончил Вятское реальное училище, служил в запасном батальоне в Вятке — 131, 132

Корсун — участник Великой Отечественной войны, служил на погранзаставе на Западном Буге — 183

Корчагин Андрей Дмитриевич (р. 1912) — сержант, полный кавалер ордена Славы, участник штурма Берлина в 1945 г. Родился в д. Баимово Санчурского района Кировской области — 412

Коршунович С. Г. — Герой Советского Союза, командир дивизионных торпедных катеров в Великую Отечественную войну — 347

Косарев Алексей — городской голова г. Слободского в 1812 г. — 26, 46

Костелянец Борис Осипович (р. 1912) — ленинградский литературовед, критик — 173

Костомаров Николай Иванович (1817-1885) — историк, писатель — 21

Костров Ермил Иванович (1755-1796) — поэт, переводчик XVIII в. Родился в с. Синеглинье (Синегорье) Слободского уезда Вятской губернии — 42, 44

Костылев Александр Николаевич (р. 1908) — военный комиссар авиаполка во время боев на Карельском перешейке, Герой Советского Союза. Родился в п. Песковка Омутнинского района Кировской области — 406, 418

Костылев Ф. В. — майор, участник Великой Отечественной войны, кировчанин — 383

Костя Юрьев — вятский воевода в XV в. — 8—16, 414

Котельников Григорий Анисимович (р. 1925) — доктор биологических наук, профессор. Родился в Котельничском районе Кировской области — 147

Котельников Иван Фадеевич — участник Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. Родился в поч. Казанский Малмыжского уезда — 96, 97

Кох Э. — генерал гитлеровской армии, рейхскомиссар Украины — 267

Кочергин Н. М. — художник — ил.

Кочкин Николай Гаврилович (1905—1945) — во время Второй мировой войны сражался в Италии вместе с Героем Советского Союза Ф. Полетаевым. Родился в Верхошижемском районе Кировской области — 322—330

Кошкарбаев Рахимжан — лейтенант, командир взвода, участник штурма Берлина в 1945 г., одним из первых водрузил знамя над рейхстагом вместе с Г. Булатовым — 318, 319, 320

Кравченко Андрей Григорьевич (1899—1963) — генерал-полковник танковых войск, дважды Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 313

Краев Андрей Евгеньевич (р. 1954) — фотограф — ил.

Красовский Степан Акимович (р. 1897) — маршал авиации, Герой Советского Союза, профессор, командующий 2-й воздушной армией в Великую Отечественную войну — 304, 314

Кремнев Борис — летчик, погиб в Великую Отечественную войну — 305

Крестьянинов Петр Константинович (1925—1944) — радист танка, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в с. Ральники Малмыжского района Кировской области — 282—284

Кривошеев Степан — участник Великой Отечественной войны, погиб в 1944 г. — 364

Кривяков — ст. лейтенант авиации, участник Великой Отечественной войны — 289

Кротов Георгий Петрович — фельдфебель, участник Первой мировой войны. Родился в д. Зотовская Глазовского уезда Вятской губернии — 148, 149

Крохалев — матрос спецподразделения в Приморье, где служил А. Жарков в 1977 г. — 394, 395

Кудрин Василий — мещанин г. Котельнича, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Кудрин Павел — крестьянин, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение. Родился в Нолинском уезде Вятской губернии — 48

Кудрин Степан — герой романа А. А. Филева «Живое — живым» — 161

Кузнецов Алексей Александрович (1905—1950) — генерал-лейтенант, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) в Великую Отечественную войну — 171

Кузнецов Николай Иванович (1911—1944) — разведчик, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 267, 275, 277

Кузнецов Николай Германович (1902—1974) — вице-адмирал, Герой Советского Союза, в Великую Отечественную войну народный комиссар Военно-Морского флота и командующий ВМФ — 344

Кузяевский — флигель-адъютант, полковник, участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. — 95

Кузякин Александр Ионович — участник Великой Отечественной войны, погиб в 1942 г. Родился в д. Кузякины Кировской области — 374, 375

Кузякин Алексей Карпович — участник Великой Отечественной войны, погиб. Родился в д. Кузякины Кировской области — 376

Кузякин Арсентий Сергеевич — участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Кузякины Кировской области — 376

Кузякин Егор Дмитриевич — танкист, участник Великой Отечественной войны, погиб. Родился в д. Кузякины Кировской области — 375, 376

Кузякин И. С. — участник Великой Отечественной войны, войны с Японией в 1945 г.; служил в авиации, кировчанин — 374

Кузякин Павел Ионыч (?—1984) — участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Кузякины Кировской области — 375

Кузякин Серафим Сергеевич — участник Великой Отечественной войны, погиб. Родился в д. Кузякины Кировской области — 376

Кулебякин — сарапульский уездный судья в 1809 г. — 26

Куликов — старшина, разведчик, участник Великой Отечественной войны — 386

Куликова — мл. сержант, участник обороны Москвы в 1941 г. — 197

Ултышев Федот Евсеевич — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146

Куракин — герой романа А. А. Филева «Живое — живым» — 160

Куракин Александр Борисович (1752-1818) — князь, дипломат, вице-канцлер, президент коллегии иностранных дел России — 25

Курбатов Василий Николаевич (р. 1885) — ст. унтер-офицер, участник Первой мировой войны. Родился в с. Калинино Малмыжского уезда Вятской губернии — 149

Курбатов Григорий Федорович — ст. лейтенант, командир роты, участник Великой Отечественной войны. Родился в г. Горьком — 279, 280

Курбатов Петр — участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение добровольцев в Сарапуле Вятской губернии —49

Курбский Семен Федорович — русский князь XV в. — 13

Курдюмова Васса Григорьевна — участник обороны Москвы в 1941 г. Родилась в Санчурском районе Кировской области — 196

Курепин Ю. Г. — исследователь из г. Екатеринбурга — 149

Куров Василий — участник Великой Отечественной войны — 371

Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) — генерал от инфантерии, военный министр, возглавлял русскую армию в 1904 г. в Манчжурии — 109

Куртиев И. В. (1795-1896) — протоиерей Слободского Преображенского собора — 54, 77

Куршаков Степан — мещанин г. Котельнича, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Кутузов Михаил Илларионович (1745-1813) — светлейший князь Смоленский, русский полководец, генерал-фельдмаршал — 6, 55, 56, 62, 63

Куусинен Отто Вильгельмович (1881—1964) — глава правительства Финляндии — 172

Кучум (?-ок. 1598) — хан Сибирского ханства, воевал с Ермаком — 415

Левейкин Иван Павлович (1921—1986) — летчик, командир эскадрильи, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 215

Лавренев Борис Андреевич (1891—1959) — писатель, в Великую Отечественную войну был в г. Кирове — 172

Ланской Петр Петрович (1799—1877) — генерал-адъютант, начальник Вятского народного ополчения — 77, 84, 85, 417

Лаптев Анатолий Дмитриевич — учитель истории п. Аркуль Кировской области, сын «цусимца» Д. Р. Лаптева — 110

Лаптев В. Д. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в г. Кирове — 347

Лаптев Дмитрий Родионович (1877—1945) — участник Русско-Японской войны 1904-1905 гг. Родился в д. Лаптевы Орловского уезда — 110,111

Лаптев Михаил Яковлевич (1918-1943) — командир взвода автоматчиков, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Старая Коса Малмыжского района — 408

Лапшин Г. — капитан авиации, участник Великой Отечественной войны — 289

Лацис Вилис (1904—1966) — народный писатель Латвии. В Великую Отечественную войну был в г. Кирове — 418

Лебедев — партизан Великой Отечественной войны — 259

Лебедев Василий — фрезеровщик машиностроительного завода им. Куйбышева в г. Кирове в Великую Отечественную войну — 356

Лебедь Григорий Ефимович (р. 1911) — Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 385

Левитанский Юрий Давыдович (р. 1922) — поэт, переводчик — 388

Левитин Михаил Ефремович (р. 1905) — драматург, писатель, в Великую Отечественную войну был военным корреспондентом — 173, 174

Левских — капитан, участник Крымской войны, вятчанин — 85

Левченко Михаил Михайлович — пулеметчик погранзаставы на Западном Буге в Великую Отечественную войну — 184

Лежнин Федор Степанович — прапорщик, участник Первой мировой войны, вятчанин — 150

Лелюшенко Дмитрий Данилович (р. 1901) — генерал армии, дважды Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 312, 313, 314

Лескиев — участник боев на Карельском перешейке — 167, 168

Лжедмитрий II (»Тушинский вор») — самозванец, выдавал себя за «царя» Лжедмитрия I, убит в 1610 г. — 17—19, 415

Ливенцов А. З. — мл. лейтенант погранзаставы на Западном Буге в Великую Отечественную войну — 183, 185

Лимонов Илья Дмитриевич (р. 1924) — командир пулеметного взвода, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Чуваши Кирово-Чепецкого района Кировской области — 278—281

Лимонов Яков — участник Крымской войны, защитник Севастополя, вятчанин — 82

Лисавец Мария — партизанка-подпольщица из группы А. Камневой в Великую Отечественную войну — 266

Лисин — токарь машиностроительного завода им. Куйбышева в г. Кирове в Великую Отечественную войну — 356

Литштейн — подполковник, участник Заграничных походов 1813—1815 гг. — 52

Лихачева Елена Васильевна — сестра милосердия Вятского лазарета Красного Креста в г. Сретенске в Русско-Японскую войну в 1904—1905 гг. — 106, 107, 108

Лобанов Н. И. — летчик, участник Великой Отечественной войны — 290

Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824—1896) — князь, государственный деятель, дипломат — 90

Лобачева Анна Ивановна — партизанка-подпольщица из отряда Д. Медведева в Великую Отечественную войну — 276

Лобовиков Алексей — вятский семинарист, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Лобовиков Сергей Александрович (1870—1941) — фотохудожник. Родился в с. Белая Глазовского уезда Вятской губернии, работал в г. Вятка — ил.

Логинов Иван Прокопьевич — участник Первой мировой войны. Родился в д. Верхняя Малмыжского уезда Вятской губернии — 150

Лодянов Василий — летчик, участник Великой Отечественной войны, погиб — 305

Лондон Джек (Джон Гриффит) (1876—1916) — американский писатель — 371

Лоншаков Евстафий Архипович — унтер-офицер, участник обороны Севастополя в Крымскую войну. Родился в Малмыжском уезде Вятской губернии — 84

Лоншаков Панфил Дмитриевич — участник обороны Севастополя в Крымскую войну. Родился в Малмыжском уезде — 84

Лопатин Александр Васильевич (1918—1992) — участник Великой Отечественной войны, брат Героя Советского Союза Б. В. Лопатина — 300, 303

Лопатин Аркадий Васильевич (1916—1988) — майор, участник Великой Отечественной войны, брат Героя Советского Союза Б. В. Лопатина — 300, 301, 303

Лопатин Борис Васильевич (1920—1944) — летчик, капитан авиации, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в с. Верхосунье Сунского района, затем жил в Куменах Кировской области — 299, 304

Лопатин Петр Васильевич (р. 1919) — майор, участник Великой Отечественной войны, брат Героя Советского Союза Б. В. Лопатина — 300

Лопатин — поручик, участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг., вятчанин — 100

Лосев Петр — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену — 335, 337

Лубнин Лев Михайлович (1911—1993) — **писатель, журналист,** участник Великой Отечественной войны — 278, 281

Лугинин Анатолий Константинович — сержант, полный кавалер ордена Славы, участник штурма Берлина в 1945 г. Родился в д. Вторые Щенники Свечинского района Кировской области — 412

Лузиков Александр — автор стихов, посвященных Вятскому ополчению 1855 г. — 74

Лукьянов Владимир Васильевич (1901—1958) — первый секретарь Кировского обкома ВКП(б) в Великую Отечественную войну — 226, 227, 352, 360

Лукьянов В. Н. — контр-адмирал, участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 351

Лучинин Даниил — профессор г. Воронежа, в Великую Отечественную войну ушел в ополчение, вятчанин — 174

Лучинин Евгений — выпускник школы № 22 г. Кирова, участник Великой Отечественной войны, погиб в 1941 г. — 389

Лысанов Виктор — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену — 335

Лысков Альберт Андреевич (р. 1934) — журналист — 402

Любимов Степан Карпович — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146

Любов Михаил Федорович (1913—1986) — лейтенант, командир роты, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Ложкинцы Богородского района Кировской области — 407

Любовиков Овидий Михайлович (1924—1995) — поэт, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны — 88, 233, 315

Людерс-фон — обер-лейтенант, командир эсэсовского батальона в Великую Отечественную войну — 337, 338

Люкас Мануэль — командир XI испанской партизанской бригады во Вторую мировую войну — 340—344

Люстрицкий Александр Евгеньевич (1910—1974) — художник, участник Великой Отечественной войны — ил.

Лялин Евгений — рабочий Кирсинского завода, Кировской области, в 1969 г. ушел служить в Широнинский взвод — 249

Макаров Е. Ф. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в п. Мурыгино Кировской области — 347

Максимов — сержант, участник обороны Брестской крепости в 1941 г. — 179, 180

Максимов Алексей- унтер-офицер, участник Крымской войны, вятчанин — 78, 79

Максютов Ир-Назар-бай — бухарский посол, побывал в Петербурге в 1774, 1779 гг. — 38

Маландин Герман Константинович (1894—1961) — генерал армии, военачальник, участник Гражданской и Великой Отечественной войны, кировчанин — 313, 314

Малиновский Родион Яковлевич (1898—1967) — Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, генерал армии, командующий фронтами в Великую Отечественную войну — 215, 284, 409

Мальков Дмитрий Кузьмич (р. 1904) — генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Лаврухино Советского района — 406, 421

Мальков Павел — рабочий Коломенского танкового завода им. Куйбышева в г. Кирове в Великую Отечественную войну — ил.

Мальцева Н. И. — дочь И. П. Логинова, участника Первой мировой войны — 150

Мамаев Николай Матвеевич (р. 1924) — разведчик, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Второй выселок Уржумского района Кировской области — 407

Манаков Григорий — старшина. Родился в Малмыжском уезде Вятской губернии — 84

Мансуров Петр Иванович — воевода, возглавлявший правительственные войска во время польской интервенции нач. XVII в. — 22, 415

Марисов В. К. — первый секретарь Удмуртского обкома КПСС в 1976 г. — 145

Маркевич Анатолий Львович — врач Вятского Лазарета Красного Креста в Сретенске в Русско-Японскую войну 1904—1905 гг. — 106

Марков С. О. — сержант погранзаставы на Западном Буге в Великую Отечественную войну — 184

Маскин Павел Иванович (р. 1921) — полный кавалер ордена Славы, участник штурма Берлина в 1945 г. Родился в с. Старый Бурец Малмыжского района Кировской области — 412

Матиевич Анатолий — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену, погиб — 336, 338

Матросов — летчик, бомбивший Берлин в 1941 г. — 193

Мачехин Ф. И. — начальник Уржумской городской милиции в 1918 г. — 153

Машков Николай — командир взвода разведчиков партизанского отряда Д. Медведева в Великую Отечественную войну — 271—273

Машковцев — купец г. Вятки в 1809 г. — 26

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — поэт — 386

Медведев Александр Александрович — командующий Вятским районом в 1918 г. — 155, 156

Медведев Дмитрий Николаевич (1898—1954) — полковник, Герой Советского Союза, командир партизанских отрядов в Великую Отечественную войну — 260, 261, 266, 267, 271, 275

Меженинов Сергей Александрович (1890—1937) — военачальник, комкор, командующий 3-ей армией Восточного фронта в 1919 г. — 157, 158

Мезенцев Захар Николаевич — участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Родился в д. Кукушка Советского района Кировской области — 111, 112

Мезенцев Сергей Николаевич (р. 1914) — заслуженный художник Российской Федерации, участник Великой Отечественной войны и войны с Японией в 1945 г. — 378

Мельдер С. И. — начальник Винницкого военно-пехотного училища, участник Сталинградской битвы — 224

Мельников Валентин Федорович — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 350

Меньшина Мария Гавриловна — участник обороны Москвы в 1941 г. Родилась в Санчурском районе Кировской области — 196

Мережин А. Я. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 348, 349

Мерзлов Астий — бригадир Коломенского танкового завода им. Куйбышева в г. Кирове в Великую Отечественную войну — ил.

Мархлевич — генерал-лейтенант, командующий войсками в Выборге в 1855 г. — 86

Микрюков Павел Андреевич — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146, 147

Микрюков Федор Степанович — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — граф, генерал от инфантерии, военный губернатор Петербурга, участник Отечественной войны 1812 г. — 63

Мильчаков Алексей Иванович (1900—1966) — поэт, участник Гражданской и Великой Отечественной войн — 164—166, 206

Минин Козьма Захарович (?—1616) — народный герой, организатор национально-освободительной борьбы русского народа в 1611—1612 гг. — 5, 17, 19, 22—26, 415

Миинкаев Хазий (р. 1918) — старшина, полный кавалер ордена Славы, штурмовал Берлин в 1945 г. Родился в д. Сосмак Вятско-Полянского района — 412

Минчаков Н. — автор статьи «Комендор с «Варяга» (1964) — 102

Мирбах Вильгельм (1871—1918) — граф, дипломат, в 1918 г. — германский посол в Москве — 152

Миронов Андрей — командир взвода, участник боев в Афганистане — 398

Митягина Нонна — токарь завода «Кировский металлист» в Великую Отечественную войну — ил.

Михаил Федорович (1596—1645) — русский царь, первый из рода Романовых — 18, 20

Михайлов И. — статский советник, помощник Вятского губернского инспектора, лекарь, участник обороны Севастополя в 1855 г. — 76

Михалицын Петр Тихонович (1904—1961) — генерал-майор, Герой Советского Союза, участник боев на Карельском перешейке и Великой Отечественной войны. Родился в д. Пигленки Котельничского района Кировской области — 167, 227—229, 359, 405, 418, 420

Мищенко И. П. — полковник, командир танковой бригады в Великую Отечественную войну — 313

Мищенко С. — участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. — 107

Мнишек Марина (ок. 1588—ок. 1614) — политическая авантюристка, дочь польского магната, одного из организаторов интервенции против России в нач. XVII в. — 18, 21

Моисеенко Владимир Григорьевич (1926—1973) — Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота —

Мокрушин — прапорщик спецподразделения в Приморье, где служил А. Жарков в 1977 г. — 394

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — государственный и политический деятель, нарком, министр иностранных дел СССР в Великую Отечественную войну. Детские и юношеские годы прошли в Нолинске — 172, 230

Морало Прошка — герой романа А. А. Филева «Живое — живым» — 159, 160, 162

Морозов — боярин из ополчения Минина и Пожарского — 23, 415

Морозов А. А. — участник Великой Отечественной войны — 412

Морозов В. П. — боярин, казанский воевода в нач. XVII в. — 22

Мосеев Родион — нижегородец в 1611 г. — 18, 19

Москотиньев Сергей — государственный служащий при Романовых в нач. XVII в. — 20, 21

Мурад-шах — правитель Самарканда в 1785—1800 гг., сын Даниялбия — 39

Мурзаев Э. — редактор кн.: Ефремов Ф. С. «Девятилетнее странствование» (1952) — 41

Мурин Семен — герой романа А. А. Филева «Живое — живым» — 161

Муртов С. Г. — старшина, полный кавалер ордена Славы, участник штурма Берлина в 1945 г. — 412

Мухаммед — хан Золотой Орды в сер. XV в. — 14

Мухаммед-Рахим (?—1758) — правитель и эмир Бухарского ханства — 38

Мухин Александр Максимович — сапер, полный кавалер ордена Славы. Родился в д. Ташкем Уржумского района — 412

Мышкины — семейство вятчан в XV в. — 13

Мышкин А. И. — служил в Уржуме в 1918 г. — 154

Наговицын В. И. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, кировчанин — 348, 350

Назаренко — подпольщик в Великую Отечественную войну — 276

Наймушин И. М. — старшина, полный кавалер ордена Славы, участник штурма Берлина в 1945 г. — 412

Наполеон I (Бонапарт) (1769—1821) — французский император — 45, 47, 50, 54, 69, 416

Напольских Тимофей Захарович — участник обороны Севастополя в 1854—1855 гг. Родился в Малмыжском уезде Вятской губернии — 83

Насекин — майор, полицеймейстер армии в 1857 г. — 66

Наумов Николай — генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 49

Нахимов Павел Степанович (1802—1855) — русский флотоводец, адмирал, погиб в Крымскую войну — 71, 72, 77, 349

Небогатов — контр-адмирал в Русско-Японскую войну 1904—1905 гг. — 115, 118

Небогатиковы — купцы г. Нолинска, герои романа А. А. Филева «Живое — живым» — 160

Невоструев С. Н. — дворянский заседатель Вятского земского суда в 1815 г. — 64

Нейзель Владимир Константинович — подполковник, участник Русско-Японской 1904—1905 гг. и Первой мировой войн. Родился в Вятской губернии — 151

Нелюбин Иван Илларионович — крестьянин Орловского уезда Вятской губернии, волонтер, участник войны в Сербии в 1876 г. — 91

Неплюев М. Г. — майор погранзаставы на Западном Буге в Великую Отечественную войну — 183

Нестор (Анисимов Николай Александрович (р. 1884) — митрополит Харбинский и Манчьжурский, экзарх московской патриархии по Восточной Азии, участник Первой мировой войны. Родился в г. Вятке — 151

Неупокоев Геннадий Яковлевич — участник штурма рейхстага, кировчанин — 321

Неустроев — участник штурма рейхстага — 316, 317

Нечипуренко С. В. — старшина, участник Великой Отечественной войны — 246

Никандр — вятский епископ в 1914 г. — 122

Никитин — лейтенант, командир катера в Великую Отечественную войну — 348

Николаев Андриян Григорьевич (р. 1929) — летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации — 144

Николаева-Терешкова Валентина Владимировна (р. 1937) — летчик-космонавт, первая в мире женщина-космонавт, Герой Советского Союза — 144

Николай II (1868—1918) — последний российский император — 108

Никулин Александр Семенович — штурман, Герой Российской Федерации, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Ситники Фаленского района — 409

Новиков Александр Александрович (1900—1976) — гл. маршал авиации, дважды Герой Советского Союза, профессор, командующий Воздушными Вооруженными Силами ряда фронтов в Великую Отечественную войну — 290

Новиков-Прибой (Новиков) Алексей Силыч (1877—1944) — писатель, участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. — 110, 111, 112, 113, 114, 118, 149

Новицкий В. Ф. — русский географ — 40

Новокшонов И. П. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота. Родился в Кировской области — 348

Новоселов Федор Степанович (р. 1899) — участник трех войн, кировчанин — 388

Обатуров Геннадий Иванович (р. 1915) — генерал армии. Родился в Нагорском районе Кировской области — 6, 7, 244—246

Обатуров Иван Федорович — участник Первой мировой войны, погиб, отец Г. И. Обатурова — 6, 244

Оболенский А. П. (1780—1855) — князь, флигель-адьютант, полковник, командир батальона Екатерины Павловны в 1812 г. — 52, 54

О'Генри (Уильям Сидни Портер) (1862—1910) — американский писатель — 371

Одегов Арсений Данилович — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146

Одегов Спиридон Данилович — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146

Одегов Яков Данилович (р. 1904) — участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 147

Одинцов — начальник Уржумского гарнизона в 1918 г. — 154

Одоевский Иван Никитич — князь, воевода, политический и военный деятель в нач. XVII в. — 21

Окаевский — прапорщик, кандидат прав, участник Первой мировой войны — 140

Окишев Степан Сергеевич (р. 1850) — участник Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. Родился в с. Селты Малмыжского уезда Вятской губернии — 94

Окулов — военфельдшер в Первую мировую войну — ил.

Окунев Михаил Александрович (1917—1943) — участник боевых действий на Марухском перевале в 1942 г., погиб. Родился в Уржумском районе Кировской области — 420

Ольшевский — прапорщик Вятского батальона в 1860 г. — 88

Онохин Даниил Федорович (р. 1914) — фотожурналист, участник Великой Отечественной войны — 186, 191, 306—308

Онучин стрелец нач. XVII в. — 21

Онучин Михаил Васильевич (1903—1943) — полковник, начальник инженерных войск, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Малое Онучино Вятской губернии — 408

Опарин Александр Яковлевич (1948—1982) — майор, Герой Советского Союза, участник боев в Афганистане, погиб. Родился в д. Прохорята Верхошижемского района, учился в Нововятске Кировской области — 395—402, 422

Орлов Поликарп — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, кировчанин — 345

Павел — протопоп Хлыновского собора в нач. XVII в. — 20, 25

Павлов Андрей — колежский регистратор, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Падерин — малмыжский уездный исправник в 1870 г. — 83

Падерин Яков Николаевич (1901—1941) — Герой Советского Союза, солдат Великой Отечественной войны. Родился в д. Падерино Слободского уезда Вятской губернии — 191, 192, 419

Пален — граф, генерал-лейтенант, участник заграничных походов 1813—1815 гг. — 53

Палицын Авраамий (?—1626) — келарь Троицко-Сергиевской лавры в 1608—1619 гг., писатель — 19

Палкин Константин Алексеевич (1893—1984) — юрист, участник Первой мировой войны. Родился в г. Вятка — 141, 142

Палкин Николай Григорьевич — старшина, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Ильинская Кировской области — 412

Пальчиков — стрелец нач. XVII в. — 21

Пальшина Антонина Тихоновна (Антон Пальшин) (1897—1992) — участник Первой мировой войны. Родилась в д. Шевырялово Сарапульского уезда Вятской губернии — 142—146

Панагушин — служащий в Великую Отечественную войну, кировчанин — ил.

Пантюхин Ефим Федорович — участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. Родился в д. Унвая Малмыжского уезда — 97, 98

Парбуков В. П. — мл. лейтенант погранзаставы на Западном Буге в Великую Отечественную войну — 183

Патковская Валерия Вильгельмовна — разведчик Великой Отечественной войны, погибла в 1942 г. — 216—218

Пахомов Роман (Ратман) — нижегородец в 1611 г. — 18, 19

Пахомов — участник боев на Карельском перешейке — 167

Пашин — майор, участник Великой Отечественной войны, кировчанин — 420

Пашков — капитан спецподразделения в Приморье, где служил А. Жарков в 1977 г. — 393, 394

Пенкин Степан — крестьянин, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Перминов В. И. — сержант, полный кавалер ордена Славы, участник штурма Берлина в 1945 г. — 412

Пермяков Никита Александрович — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146, 147

Пермяков Яков Меркурьевич — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского района Вятской губернии — 146, 147

Перов Александр Гаврилович — командир батальона 29-й дивизии в Гражданскую войну — ил.

Перуанский Владимир Иванович — штабс-капитан, участник Первой мировой войны, вятчанин — 126—129

Пестов Фома Данилович — командир полка, участник Великой Отечественной войны — 189, 190

Петр I Великий (1672—1725) — русский царь, первый российский император — 28, 30, 41, 74

Петров — партизан Великой Отечественной войны — 260

Петухов Николай — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену, сражался в Италии вместе с Н. Г. Кочкиным — 323—330

Пикуль Валентин Саввич (1928—1990) — писатель, участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 346, 351

Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — анатом, хирург, участник обороны Севастополя 1854-1855 гг., Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. — 72, 73

Пирогов Николай — участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг.

Пискарев Алексей — московский спортивный журналист — 378

Писигин Карп — крестьянин, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Платонов Василий Владимирович — автор кн. «Они первыми приняли удар» (1969) — 183, 186

Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, академик, председатель Археографической комиссии — 22

Платунов Николай — слобожанин, пожертвовал на памятник Минину и Пожарскому — 26

Пленков Василий Георгиевич (1897—1979) — журналист, краевед, участник Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной войн, занимался выдающимися уроженцами Вятского края — 110

Плещеев Герасим Дмитриевич — с марта 1711 г. стольник г. Хлынова назначен вятским воеводою —30

Подгорных — участник Великой Отечественной войны, погиб в Венгрии — 387

Подъямпольский — участник Отечественной войны 1812 г. — 57, 61

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642) — князь, боярин, полководец, народный герой, организатор национально-освободительной борьбы русского народа в 1611—1612 гг. — 5, 17, 19, 23—26, 415

Поздеев Иван — вятский дьяк в нач. XVII в. — 21

Полевой (Кампов) Борис Николаевич (1908—1981) — писатель, общественный деятель, Герой Труда, участник Великой Отечественной войны — 309, 311

Полетаев Федор Андреевич (»Поэтан») (1909—1945) — Герой Советского Союза, Национальный Герой Италии, сражался в итальянском партизанском движении, погиб в бою — 322—330

Попков Виталий Иванович (р. 1922) — генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 213

Попов Иван — вятский семинарист, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Попов Иван Васильевич (1894—1952) — председатель Вятского губернского Чрезвычайного Военно-революционного штаба в 1918 г. — 152

Попов Илья Иванович — комиссар партизанского отряда в Великую Отечественную войну — 235

Попович Павел Романович (р. 1930) — летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор авиации — 144

Порфирьев Борис Александрович (1919—1990) — писатель, участник Великой Отечественной войны — 206, 213, 377, 378

Постнов — полковник, командир полка Приморье, где служил А. Жарков в 1977 г. — 392

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — генерал-фельдмаршал, государственный и военный деятель конца XVIII в. — 27

Потехин Алексей Александрович (1912—1981) — художник, участник Великой Отечественной войны

Потехин Савва Калистратович — генерал-майор танковых войск в Великую Отечественную войну — 243, 244

Поцелуев Николай Михайлович — партизан-подпольщик Великой Отечественной войны — 273, 275, 276

Поцелуева Александра Михайловна — сестра партизана Н. М. Поцелуева — 275, 276

Придатко Георгий Сидорович — участник Великой Отечественной войны, погиб в 1943 г., муж А. Пальшиной — 143

Приходько Николай — партизан Великой Отечественной войны —275

Провоторова Ксапа — медсестра, участница Великой Отечественной войны — 188

Прозорова Клавдия Николаевна — участник обороны Москвы в 1941 г. Родилась в Санчурском районе Кировской области — 196

Прокофий — новгородский воевода в 1375 г. — 14

Прохоров — участник обороны Брестской крепости в Великую Отечественную войну — 179

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — предводитель Крестьянской войны 1743—1775 гг., хорунжий, донской казак — 37, 38

Пугачев Николай — малмыжский мещанин в конце XIX в. — 99

Пугвин Костя Яковлевич — вятский воевода в конце XV в. — 13

Пугвин Яков — вятский земский воевода в середине XV в. — 13

Пукемова Фаина Ивановна — участница обороны Москвы в 1941 г Родилась в Санчурском районе Кировской области —196

Путилко (Путило Рязанцев) — посадский человек на Вятке в XVII в. — 20, 25

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт, писатель — 56, 367, 368

Пшеничников — летчик, бомбивший Берлин в 1941 г. — 193

Пьянков — герой романа А. А. Филева «Живое живым» — 160

Распопин Петр Федорович (1915-1941) — командир стрелкового взвода, Герой Советского Союза, участник боев на Карельском перешейке и Великой Отечественной войны. Родился в Советском районе — 406

Рахманов Леонид Николаевич (1908-1988) — прозаик, кинодраматург, участник боев на Карельском перешейке, Великой Отечественной войны. Родился в г. Котельниче Кировской области — 171, 173

Рева Александр Васильевич (р. 1932) — поэт, краевед — 108, 388

Рева Павел Константинович — участник Великой Отечественной войны, погиб в 1943 г. — 389

Редькин (Редкин) Марк — фотокорреспондент в Великую Отечественную войну — 171, 172

Репин Григорий Петрович — унтер-офицер, участник обороны Севастополя в 1854—1855 гг. Родился в Малмыжском уезде Вятской губернии — 84

Репин Степан Спиридонович (1906-1982) — санинструктор, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Мокрецы Пижанского района Кировской области — 406

Решетников Александр — участник боев на Карельском перешейке, убит в 1939 г. Учился в г. Уржуме Кировской области — 168—170

Решетников Леонид (1920—1990) — поэт, участник Великой Отечественной войны. Родился в Уржумском районе Кировской области — 308, 309

Решетникова Елена — участник боев на Карельском перешейке. Училась в г. Уржуме Кировской области — 168—171

Рихарт — коллежский асессор, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Рогов Борис — участник боев в Афганистане — 396

Рождественский Валерий Ильич (р. 1939) — летчик-космонавт, Герой Советского Союза, полковник-инженер — 351

Рожественский Зиновий Петрович (1848—1909) — вице-адмирал, генерал-адъютант, участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. и Русско-Японской 1904—1905 гг. — 112, 118, 119

Росляков Александр Иванович (р. 1916) — сапер, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны. Жил в г. Слободском Кировской области — 412

Рубо Франц Алексеевич (1856—1928) — русский живописец, создатель панорам «Оборона Севастополя» и «Бородинская битва» — ил.

Рубцов — летчик, бомбивший Берлин в 1941 г. — 193

Рудановский — консул России в Сингапуре во время Русско-Японской войны 1904—1905 гг. — 115

Рудвицкий — летчик, бомбивший Берлин в 1941 г. — 193

Руднев Всеволод Федорович (1855—1913) — контр-адмирал, командир крейсера «Варяг» в Русско-Японскую войну 1904—1905 гг. — 102

Рукавишников — подпоручик, участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг., вятчанин — 100

Румянцев А. В. — вятский полицмейстер в 1915 г. — 120

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796) — граф, полководец, генерал-фельдмаршал — 27

Русинов Петр Васильевич — сапер, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Большой Кугунур Тужинского района Кировской области — 412

Русинов — участник Великой Отечественной войны, пулеметчик 311-й стрелковой дивизии — 204

Рыбалко Павел Семенович (1894—1948) — маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 310, 312, 313, 314

Рылов Б. В. — участник Отечественной войны, юнга Северного флота — 348

Рябов Иван — священник Ижевского завода Вятской губернии — 132

Рябов Николай Иванович — военный летчик, прапорщик, участник Первой мировой войны, погиб в 1916 г., сын И. Рябова — 132, 133

Рябов Петр — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в г. Омутнинске Кировской области — 345, 348

Рязанцев Федор — вятчанин в нач. XVII в. — 21

Савиных Виктор Петрович (р. 1940) — летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза, Почетный гражданин города Кирова. Родился в д. Березкины Оричевского района Кировской области — 405

Саджая Тарас — разведчик, участник Великой Отечественной войны, друг Н. Галушкина — 254, 255, 257

Садырин Борис Васильевич (р. 1932) — общественный деятель, краевед — 231

Садырин Г. П. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 348

Салтыков Иван Петрович — граф в 1782 г. — 36

Салтыков Николай Иванович — председатель Государственного Совета и Комитета министров России в 1812 г. — 45

Самойлов Николай Иванович — партизан-подпольщик Великой Отечественной войны — 266

Сарычев Илья — канцелярист уржумский, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское ополчение — 48

Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959) — поэт, прозаик, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны — 281

Сбоева Александра Афанасьевна — учительница Кировской области — 374

Свербеева (Голицына) Мария Николаевна — княгиня, вдова лейтенанта Свербеева, погибшего в Русско-Японскую войну 1904—1905 гг. — 118, 119

Свечин Иван — капитан, в 1710 привел в г. Хлынов пленных шведов — 28, 416

Северихин Алексей Иванович — участник Гражданской войны, погиб на Восточном фронте — ил.

Седельников И. С. — руководитель сарапульских коммунистов, погиб в 1918 г. — 143

Сейфуллин Абдулвакит — участник Отечественной войны 1812 г Вступил добровольцем в Вятское народное ополчение в г. Сарапуле — 49

Семенишин В. Г. — майор авиации, участник Великой Отечественной войны — 289, 290, 291

Семенищев Петр — матрос Морского полка на Балтике в Первую мировую войну, вятчанин — 150

Семенов Николай Николаевич — вятский губернатор в 1851—1857 гг. — 66, 82, 84

Семенов П. М. — секретарь Верхошижемского райкома ВКП(б) в 1941 г. — 202

Семибратов Владимир Константинович (р. 1959) — этнограф, журналист, редактор газеты «Вятский епархиальный вестник» — 147

Сен-Сир — граф, маршал французской армии в 1813 г. — 50, 51

Сергеев Валентин Дмитриевич (р. 1940) — историк. Родился в г. Вятке — 151

Сергеев В. М. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в п. Суна Кировской области — 348

Сергеев И. Д. — адмирал флота, участник Великой Отечественной войны — 350

Сергеев Иван Михайлович — редактор военной газеты в Мурманске — 174

Сергеева Зинаида — руководитель бригады завода «Физприбор» в г Кирове в Великую Отечественную войну — ил.

Серебрянский — сержант, участник Великой Отечественной войны — 279

Серебряный Василий — князь, участник войны с Казанским ханством при Иване IV — 415

Серкин Петр Макарович — участник обороны Севастополя в 1854-1855 гг Родился в Малмыжском уезде Вятской губернии — 83

Сиверс — граф, участник Отечественной войны 1812 г. — 59

Сивков Вадим Александрович (1925—1944) — командир танка, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, погиб вместе с П. Крестьяниновым — 282—284

Сигизмунд III (1566—1632) — король Речи Посполитой, король Швеции. Один из организаторов интервенции в Русское государство в нач. XVII в. — 20, 23, 24

Сизов Виктор Дмитриевич (р. 1926) — подполковник, участник Великой Отечественной войны, краевед — 148, 409

Сизов Михаил — мл. лейтенант, участник боев на Карельском перешейке — 168

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979) — писатель, общественный деятель, Герой Труда, участник Великой Отечественной войны — 234, 385

Симонова Елена Степановна — разведчик, участник Великой Отечественной войны, погибла в 1942 г. — 106

Симонова — сестра милосердия Вятского лазарета Красного Креста в г Сретенске в Русско-Японскую войну — 106

Синцов Ларион — крестьянин, участник Отечественной войны 1812 г Вступил в Вятское народное ополчение —48

Сиротин Вячеслав — выпускник школы № 22 г. Кирова, участник Великой Отечественной войны — 48, 232, 233

Ситников Василий Фаддеевич (1892—1949) — участник Первой мировой войны, дед писателя В. Ситникова — 135

Ситников Владимир Арсентьевич (р. 1930) — писатель, журналист — 135, 138

Ситникова Агрофена — повар столовой Омутнинского металлургического завода Кировской области, усыновившая ребенка в 1942 г — ил,

Ситчихин Евгений — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в Верхнекамском районе Кировской области — 345, 347

Скопин Павел Алексеевич (1902—1967) — комиссар танкового батальона, Герой Советского Союза, участник боев в районе р. Халхин-Гол, в Великую Отечественную войну — начальник военно-политического училища. Родился в г. Вятке — 405

Скоряков Александр Иванович (р. 1926) — писатель, журналист, художник, участник войны с Японией. Живет в Вятских Полянах Кировской области — 260, 278

Скотинцев Е. С. — участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг , вятчанин — 106

Скрипко Николай Семенович (р. 1902) — маршал авиации в Великую Отечественную войну — 284

Сластников Т. — крестьянин, участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг., вятчанин — 106

Слонимский Михаил Леонидович (1897—1972) — писатель — 171

Смирнов А. П. — участник Великой Отечественной войны, житель г Котельнича Кировской области. Вступил добровольцем в народное ополчение в 1941 г. — 176

Смирнов Василий Васильевич (р. 1951) — журналист, редактор газеты «Вятский край», автор материалов о Великой Отечественной войне — 319 391, 405

Смирнов В. А. — участник боев на Марухском перевале в 1942 г — 420

Смирнов В. Н. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 348

Смирнов И. И. — сержант, полный кавалер ордена Славы, участник штурма Берлина в 1945 г. — 412

Смирнов Иринарх Григорьевич — уржумский городничий в 1846—1860 гг. — 64, 65

Смолин Петр Алексеевич — мещанин г. Слободского Вятской губернии в 1812 г — 46, 48

Смолин — российский министр в Лондоне в конце XVIII в. — 36

Смотрина Александра Федоровна — участник обороны Москвы в 1941 г Родилась в Яранском районе Кировской области — 196

Смышляев Евгений Васильевич — наводчик орудия, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны — 412

Соболев В. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 350

Соболев Владимир — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, кировчанин — 345

Соболев Игорь Владимирович (р. 1926) — писатель, драматург — 218

Соин Василий Федорович (р. 1893) — унтер-офицер, участник Первой мировой войны, вятчанин — 130, 131

Соколов Сергей Леонидович (р. 1911) — Маршал Советского Союза, министр обороны, участник Великой Отечественной войны. Родился в Котельничском уезде Вятской губернии — 406

Солимчук Ольга Петровна — партизан Великой Отечественной войны — 276

Соловьев Михаил Васильевич (1918—1945) — лейтенант, Герой Советского Союза, погиб в боях за Берлин. Родился в Кикнурском районе Кировской области — 408

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — историк, академик — 22, 23

Солодянкин Андрей Гаврилович — унтер-офицер, участник обороны Севастополя в 1854—1855 гг. Родился в Малмыжском уезде Вятской губернии — 84

Солоухин — капитан, командир крейсера «Киров» в Великую Отечественную войну — 226, 227

Сормах (Сорокин-Махалов) Николай Гурьянович (1894—1945) — участник Первой мировой и Гражданской войн, комендант т. Уржума. Родился в Уржумском уезде Вятской губернии — 153, 154, 155

Сорокажердьева А. — бригадир Белохолуницкого машиностроительного завода Кировской области в Великую Отечественную войну — 359

Спасская Лидия Николаевна (1856—1928) — вятский историк — 17, 28

Стакельберг — капитан, пленный швед в Вятке в нач. XVIII в. — 29

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953) — Маршал Советского Союза, Генералиссимус Советского Союза, один из руководителей Советского государства — 22, 195, 202, 205, 224, 226—229, 317, 320, 324

Стариков Г. П. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 348, 350

Старостин Ю. А. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 348

Степанов Николай — участник Великой Отечественной войны — 278—280

Степанов — руководитель московского продовольственного отряда, поднявшего мятеж в Вятской губернии в 1918 г. — 153, 159

Стесин — лейтенант, участник Великой Отечественной войны — 189

Стехов Сергей Трофимович — комиссар партизанского отряда Д. Медведева в Великую Отечественную войну — 274, 275, 277

Сторожев Дмитрий — унтер-офицер, участник Крымской войны. Родился в Яранском уезде Вятской губернии — 86

Стоунер Юджин — американский конструктор, автор книги о М. Калашникове — 404

Страхов Иван — старшина воинской типографии в г Мурманске в Великую Отечественную войну — 173

Стретинская Анна — сестра милосердия Красного Креста, участница войны на Балканах в 1876 г. — 91

Стриженко — участник Великой Отечественной войны — 221, 222

Струков — генерал, командир полка в Русско-Турецкую войну в 1877—1878 гг. — 98

Струтинский Николай — шофер Н. И. Кузнецова в Ровно в Великую Отечественную войну — 276, 277

Стукалов Сергей — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену, погиб — 335, 338

Субботин Василий Ефимович (р. 1921) — поэт, прозаик — 315, 318, 319

Субботин Иван — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену, погиб — 335, 337, 338

Суворов Александр Васильевич (1729—1800) — граф Рымникский и Италийский, полководец, Генералиссимус — 42—44, 416

Суворов Александр Иванович (1908—1939) — комиссар танкового батальона, Герой Советского Союза, участник боев в районе р. Халхин-Гол, погиб. Родился в п. Пинюг Кировской области — 405, 418

Суворов Капитон — вятский губернский секретарь, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в народное ополчение в г. Елабуге Вятской губернии — 49

Сурков Алексей Александрович (р. 1899—1983) — поэт, общественный деятель, Герой Труда — 385

Суслопаров Владимир Иванович — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в г. Кирове — 345, 347, 349

Сухов И. П. — командир танкового мехкорпуса в Великую Отечественную войну — 145, 312

Сухомилин — начальник штаба армии Брусилова, генерал-майор в Первую мировую войну — 145

Сушков Петр — вятский семинарист, участник Отечественной войны 1812 г Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Сырнев А. П. — подпоручик, участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг , воспитанник Вятской гимназии — 99

Сысолятин Василий Андреевич (1925—1969) — автоматчик, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны Родился в д. Малая Ворона Арбажского района Кировской области — 406

Твардовский Александр Трифонович (1910—1971) — поэт, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны — 385

Тверитин Александр — протоиерей Свято Серафимовского собора г Вятки, полковой священник в Первую мировую войну — 150, 151

Терещенко А. Р. — мл. лейтенант, командир пулеметного взвода,

участник обороны Брестской крепости в Великую Отечественную войну, погиб — 178, 182

Терещенко Пантелей Карпович — партизан-подпольщик Великой Отечественной войны — 276

Тимашев Александр Егорьч (1881—1993) — министр внутренних дел России в 1868—1878 гг. — 100

Тимковский А. — правитель канцелярии Российско-Американской кампании в 1859 г — 86

Тимм Василий Федорович (Георг Вильгельм) (1820—1895) — русский и латышский график и живописец — 71

Тимур (Тамерлан) (1336—1405) — средне-азиатский деятель, полководец — 14, 93

Титлин Иван Павлович (1909—1992) — командир противотанкового дивизиона, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в Юрьянском районе Кировской области — 407

Титов — генерал дивизии в 1813 г. — 50

Титов Герман Степанович (р. 1935) — летчик-космонавт, Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации — 144

Токарев — матрос спецподразделения в Приморье, где служил А. Жарков в 1977 г — 395

Толстобров Яков Еремеевич (р. 1905) — сержант, Герой Советского Союза, участник штурма Берлина в 1945 г. Родился в д. Зубари Котельничского района Кировской области — 412

Толстой Алексей Николаевич (1882—1945) — писатель, академик — 385

Толстой Петр Александрович (1761—1844) — граф, генерал-лейтенант, командующий 3-им ополченческим округом в 1812 г., дипломат — 47, 50, 51

Торчков Г. Д. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в Уржуме Кировской области — 348

Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — граф, инженер-генерал, участник обороны Севастополя в 1854—1855 гг. — 71, 72

Тохтамыш (?-1406) — хан Золотой Орды — 414

Траханиотов — воевода г. Хлынова в нач. XVIII в. — 28—30

Треняг Ус — атаман в нач. XVII в. — 21

Третьяков Калина — участник Вятского народного ополчения в нач. XVII в. — 22

Третьяков Н. С. — сержант, полный кавалер ордена Славы, участник штурма Берлина в 1945 г — 412

Трифонов Валентин Андреевич (1888—1938) — участник Гражданской войны — 158

Тройницкий Николай Александрович — вятский губернатор в 1876—1882 гг 90, 91, 92, 96, 98, 100

Троценко Яков Иванович — полковник, командир мехбригады в Великую Отечественную войну — 243, 244

Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (?—1625) — князь, барон, воевода, один из руководителей земского ополчения в 1611—1612 гг. — 22, 24

Туев Иван Яковлевич — участник Русско-Японской войны 1904-1905 гг. — ил.

Тупицын Леонтий Яковлевич (1895—1944) — Герой Российской Федерации, повторил подвиг А. Матросова. Родился в д. Агаповцы Оричевского района Кировской области — 409

Тюфяков И. Е. — участник Первой мировой войны, унтер-офицер Родился в Котельничском уезде Вятской губернии — ил.

Уваров — штабс-капитан, участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг., вятчанин — 100

Увицкий И. Б. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в г. Кирове — 347, 350

Углицкий Алексей — казачий сотник в 1754 г. — 37

Уланов Александр Дмитриевич — партизан Великой Отечественной войны — 275

Усольцев Николай — канцелярист из Уржума, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Устинов И. Д. — писарь, участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг., погиб. Родился в д. Шабарята Уржумского уезда Вятской губернии — 118, 119

Устинов — фотокорреспондент в Великую Отечественную войну — 190, 191

Устюгов Анатолий Михайлович (р. 1921) — писатель, участник Великой Отечественной войны — 197, 201

Уськова Татьяна Федоровна — врач партизанского отряда Д. Медведева в Великую Отечественную войну — 276

Уткин Козьма Егорович — участник Крымской войны, мещанин г Елабуги Вятской губернии — 80

Уткин Николай Иванович (1780—1863) — русский гравер — ил.

Утомаев А. — контр-адмирал Российско-Американской кампании в 1859 г — 86

Утробина Мария Алексеевна — сестра милосердия Вятского лазарета Красного Креста в г Сретинске в Русско-Японскую войну 1904—1905 гг — 106

Ухов Владислав Афанасьевич — летчик, участник Великой Отечественной войны — 304

Ухтомский Михаил Федорович — князь, вятский воевода XVII в 17, 22

Ушаков Федор Федорович (1744—1817) — адмирал, флотоводец, один из создателей Черноморского флота — 347, 349, 350

Ушибов Юрий — ленинградец, эвакуированный в Кировскую область в 1942 г — ил.

Фаворский Дмитрий Васильевич — вятский архивариус — 26

Фаворский — выпускник школы № 22 г. Кирова, участник Великой Отечественной войны — 233

Федоров — участник обороны Брестской крепости в Великую Отечественную войну — 179

Феофилактов Александр — вятский семинарист, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Филев Аркадий Александрович (1915—1976) — писатель — 159, 162

Филимонов Иван Васильевич — сапер, полный кавалер ордена Славы, участник Великой Отечественной войны — 412

Филиппов — слободской уездный стряпчий в 1809 г. — 26

Фокин — титулярный советник, участник Отечественной войны 1812 г Вступил в Вятское народное ополчение — 49

Фоминых В. А. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в г. Кирове — 347

Фролов Григорий Григорьевич — участник Гражданской войны, муж А. Пальшиной — 143

Функ — генерал гитлеровской армии, убит в 1943 г. — 267

Халютин — коллежский регистратор, участник Отечественной войны 1812 г Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Харин Иван Васильевич (р. 1920) — сержант, участник Великой Отечественной войны. Родился в Афанасьевском районе Кировской области — 411

Харламов Н. И. — полковник, участник Великой Отечественной войны — 252

Хлебников Константин — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену во Франции — 339, 340, 342

Ходкевич Ян Кароль (1560-1621) — гетман литовский, полководец, командовал войсками Речи Посполитой при интервенции в России — 24

Ходырев В. А. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота, живет в г. Кирове — 347

Ходырев Валентин Васильевич (1923—1944) — матрос, десантник, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в Кировской области, позднее семья переехала в Крымскую область — 421

Хозя Денис — участник Вятского народного ополчения в нач. XVII в. — 22

Хохлов Геннадий Александрович — студент пединститута, командир эскадрильи, участник Великой Отечественной войны, в 1944 г. повторил подвиг Гастелло — 421

Храмцов Сергей Васильевич (1921-1986) — командир танковой роты, Герой Советского Союза. Родился в д. Буравцы Верхошижемского района Кировской области — 410

Храпов — летчик, бомбивший Берлин в 1941 г. —193

Христолюбов Леонид — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 346

Храмин Михаил — рабочий Коломенского танкового завода им. Куйбышева в г. Кирове в Великую Отечественную войну — ил.

Худякова Анна Николаевна — участник обороны Москвы в 1941 г. Родилась в Санчурском районе Кировской области — 196

Цап — участник Великой Отечественной войны, артиллерист 311-й стрелковой дивизии — 204

Целиков Николай — сержант, участник Великой Отечественной войны — 388

Цесарский Альберт Вениаминович — врач партизанского отряда Д. Медведева в Великую Отечественную войну — 271, 274

Циммерман — генерал-лейтенант, участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. — 95

Цудный А. — участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. — 107

Цыбульник Захар Игнатьевич — участник Русско-Японской войны 1904—1905 гг. — 111

Чашников Зиновий Езакиевич — участник Первой мировой войны. Родился в д. Коротки Нолинского уезда Вятской губернии — 146, 147

Чебышева Маргарита Петровна (р. 1932) — поэт — 362

Чемоданов Степан Иванович (р. 1909) — генерал-майор, летчик, командир дивизии в Великую Отечественную войну и войну с Японией. Родился в Уржумском уезде — 192, 193, 195

Чепур Никита Дмитриевич (1906—1982) — Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 384, 385

Червоненко — ст. лейтенант, участник Великой Отечественной войны — 382

Черевков — полковой командир из Сарапула, пожертвовал на памятник Минину и Пожарскому — 26

Чернов Павлин Михайлович (1925—1943) — стрелок, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Марданы Советского района Кировской области — 408

Черношкур Иван — пулеметчик погранзаставы на Западном Буге в Великую Отечественную войну — 184

Чернышев Семен — вятский семинарист, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в Вятское народное ополчение — 48

Чернявская Евдокия Карповна (Иосиф Глущенко) — участник Первой мировой войны — 144

Чернявский Андрей Гаврилович — начальник Вятской губернии в 1914 г — 121, 122

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965) — премьер-министр Великобритании — 172, 304

Чехов Антон Павлович (1860—1904) — писатель — 370, 371

Чечель Александр Николаевич — подполковник, командир Слободской дружины в 1855 г. — 77

Чирков Василий — инженер, член литературного клуба «Поиск» г Кирово-Чепецка Кировской области — 322

Чистяков Н. Д — малмыжский уездный исправник в 1879 г. — 96

Чумандрин Михаил Федорович (1905—1940) — писатель, комиссар дивизии во время боев на Карельском перешейке, погиб — 171

Чумовицкий Александр Кондратьевич — ст. лейтенант, пограничник Великой Отечественной войны, погиб в 1941 г. Родился в д. Чумовица Лузского района Кировской области — 183—186, 410

Чураков Василий Дмитриевич — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 348, 349, 350

Шабалин Александр Осипович (1914—1982) — вице-адмирал флота, дважды Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны —351

Шабалин В. А. — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — 348

Шаклеин Николай — разведчик, участник Великой Отечественной войны, погиб. Родился на ст. Просница Кирово-Чепецкого района Кировской области — 322

Шалагина Анна Кирилловна — участник обороны Москвы в 1941 г Родилась в Салобелякском (Яранском) районе Кировской области — 196

Шалагинов Николай — участник Великой Отечественной войны. Родился в д. Рига Свечинского района — 376

Шампаров Алексей Родионович — участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. Родился в Малмыжском уезде Вятской губернии — 97, 98

Шаповалов — участник Великой Отечественной войны, погиб в 1943 г. — 364

Шарварок Г. И. — партизан Великой Отечественной войны — 235

Шатунов Иван Аникиевич — участник Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. Родился в Малмыжском уезде Вятской губернии — 98, 99

Шафонский — ст. сержант, участник обороны Москвы в 1941 г. — 197

Шахов С. С. — подводник, комиссар Соловецкой школы юнг в Великую Отечественную войну — **346**

Шварц — участник Отечественной войны 1812 г. — 59

Шепелев — слободской городничий в 1809 г. — 26

Шестаков — полковник Генерального штаба, участник Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг., вятчанин — 99

Шестаков Александр — участник Великой Отечественной войны, был в немецком плену во Франции — 340, 342

Широнин Петр Николаевич (1909—1968) — командир взвода, участ-

ник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. Родился в г. Кирсе Кировской области — 246, 247,420

Широнин Сергей Петрович — сын П. Широнина — 249

Шишкин Иван — вятский семинарист, участник Отечественной войны 1812 г. Вступил в народное ополчение — 48

Шишкин Иван Александрович (1905-1991) — писатель, драматург, актер — 8, 12

Шишкин Леонид Александрович (1910-1965) — фотожурналист, фотохудожник — 378

Шишкин Федор — участник Крымской войны, вятчанин — 82

Шишкин Юрий Александрович (р. 1925) — фотожурналист — ил.

Шишкин — сержант, участник Великой Отечественной войны — ил.

Шкодин Петр — связной П. Широнина, участник Великой Отечественной войны — 247

Шлеин — участник Отечественной войны 1812 г. — 63

Шорин Василий Иванович (1870—1938) — военачальник, командующий II Армией Восточного фронта в Гражданскую войну — ил.

Шорохов Аркадий Федорович (р. 1924) — полковник, участник Великой Отечественной войны. Родился в Подосиновском районе Кировской области — 257, 260

Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906—1975) — композитор, профессор, народный артист СССР, Герой Труда — 173

Шпагин Георгий Семенович (1897—1952) — конструктор, Герой Труда, в Великую Отечественную войну работал на Вятско-Полянском машиностроительном заводе Кировской области — 355, 390, 391

Штакельберг — полковник, участник Отечественной войны 1812 г. — 59, 60, 61

Штейн — ленинградский писатель в Великую Отечественную войну — 172

Штин Михайло Анисиферович — крестьянин, участник Вятского народного ополчения в Крымскую войну — 85

Штоколов Борис Тимофеевич (р. 1930) — певец, народный артист СССР, участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота —351

Шубин — подпоручик, участник Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг., вятчанин — 100

Шулятев Ераст (р. 1852) — участник Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. Родился в Глазовском уезде Вятской губернии — 94

Шумилов Михаил Степанович (1895—1975) — военачальник, генерал-полковник, Герой Советского Союза, командующий армией в Сталинградской битве — 226

Шумов — участник Гражданской войны — 164

Шур Исаак Соломонович (1913—1976) — драматург, участник Великой Отечественной войны — 362—374

Шушунин Борис — выпускник школы № 22 г. Кирова, участник Великой Отечественной войны — 233

Эммаусский Анатолий Васильевич (1898—1987) — историк, профессор — 22, 25

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — писатель, военный корреспондент в Великую Отечественную войну — 366, 385

Эсаулов А. М. — сержант, полный кавалер ордена Славы, участвовал в штурме Берлина в 1945 г. — 412

Юдин Василий — дьяк нач. XVII в. — 21

Юрий Дмитриевич (1374—1434) — князь звенигородский и Галича Костромского — 13

Юрьев Василий Полиенович (1851—ок. 1920) — вятский историк, преподаватель — 30

Ягунов — командарм 444-й и полковник на Крымском фронте в Великую Отечественную войну —237

Якимов Владимир Ильич (1884—1915) — участник Первой мировой войны. Родился в г. Вятке — 124

Якуби — арабский историк, географ — 38

Якупов Назым Мухаметзянович (р. 1928) — доктор исторических наук, профессор, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны — 243, 246

Якушев М. И. — командир мотострелкового батальона танковой бригады в Великую Отечественную войну — 313

Якушкин Иван Дмитриевич (1793-1857) — декабрист, капитан, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1815 гг. — 47

Ямщикова Ольга Николаевна (1914-1982) — летчик-испытатель, инженер-полковник, участник Великой Отечественной войны. Родилась в г. Кирове — 291—299

Ящук Иван Михайлович — участник Великой Отечественной войны, юнга Северного флота — ил.

СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИМ!

С чувством сердечной признательности называем имена руководителей предприятий, администраций городов и районов, которые внесли свой вклад в финансирование третьего тома энциклопедии земли Вятской «Ратные подвиги».

Администрация города Кирова, городское управление культуры, мэр Евгений Анатольевич КЛЕВАЧКИН, начальник управления культуры Луиза Борисовна ВОЛОХОВА.

Отделение пенсионного фонда России по Кировской области. Управляющий Владимир Михайлович НИКИТИН.

Федерация профсоюзных организаций Кировской области. Председатель Олег Иванович ВЫДРИН.

Кировский Банк Сбербанка Российской Федерации. Председатель Петр Иванович ЮФЕРЕВ.

Администрация Омутнинского района. Глава администрации Александр Иванович ШИШАНОВ.

Акционерное общество «Восток». Генеральный директор Владимир Аркадьевич ВАЛОВ (пос. Восточный Омутнинского района).

Администрация Фаленского района. Глава администрации Геннадий Александрович РУССКИХ.

Акционерный банк «Кировсоцбанк». Председатель правления Валентина Дмитриевна ЕНТАЛЬЦЕВА, заместитель Анна Дмитриевна ГОРЕЛОВА.

Акционерное общество «Кировский молочный комбинат». Директор Василий Куприянович СУРАЕВ.

Акционерное общество «Вятка-ЦУМ». Директор Константин Николаевич ДОЛГОПОЛОВ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Г. И. ОБАТУРОВ. Ратоборцы земли Вятской 5

I. ПОХОД ВЯТЧАН НА САРАЙ 1471 8

Взяша град Царев Сарай. 8

И. ШИШКИН. Хлыновцы. 8

А. ВЕРЕЩАГИН. Воевода Костя Юрьев (XV) в. 12

II. ПОЛЬСКАЯ И ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В НАЧАЛЕ XVII В. 17

Л. СПАССКАЯ. В смутные годы. 17

А. ЭММАУССКИЙ. Участие вятчан в борьбе с польской интервенцией в начале XVII века. 22

Пожертвование на сооружение памятника Минину и князю Пожарскому в Нижнем Новгороде. 25

III. УЧАСТИЕ ВЯТЧАН В ВОЙНАХ XVIII В. 27

Л. СПАССКАЯ. Вятский край во время Великой Северной войны. 28

Ф. ЕФРЕМОВ. Описание самого странствия и отчасти жизни путешествователя. 31

Е. КОСТРОВ. Ода его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому. 42

IV. ВОЙНЫ РОССИИ С НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИЕЙ В НАЧАЛЕ XIX В. 45

Высочайший рескрипт на имя председателя Государственного Совета и Комитета Министров Н. И. Салтыкова о защите Отечества в связи с нападением на Россию наполеоновской армии. 45

Прошение слободского мещанина П. А. Смолина... 46

В. БОНДАРЕНКО. Формирование Вятского народного ополчения. . . .47

И. ДЕТКОВ. Батальон Великой княгини. 52

Из сведений об Отечественной войне 1812 г. — о пленных, прибывших в Вятскую губернию. 54

Донесение Вятского губернатора Ф. И. Фон-Брадке Главнокомандующему русской армией фельдмаршалу М. И. Кутузову о находящемся на лечении в г. Сарапуле поручике Александрове. 55

Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным. 56

Н. ДУРОВА. Кавалерист-девица. 56

Рапорт дворянского заседателя Вятского земского суда С. Н. Невоструева в губернское правление о получении царского указа об окончании войны с Францией. 64

Сведения об участнике Отечественной войны 1812 г. И. Г. Смирнове. . .64

Прошение участника Отечественной войны 1812 г. вятского земского исправника П. Г. Еськова губернатору П. М. Добринскому об отпуске. 65

Из ведомости о проживающих в г. Вятке чиновниках, уволенных со службы и имеющих награды. 66

Уж вы, горы... 66

V. КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853—1856 68

П. АЛАБИН. Походные записки. 69

6 декабря 1855 года при приготовлении знамен Государственного ополчения Вятской губернии. 73

Воспоминания из последних дней осады Севастополя одного из жителей Вятки. 74

Из дневниковых записей протоиерея И. В. Куртиева о Крымской войне. .77

Из свидетельства об отставке рядового Тарутинского пехотного полка К. Е. Уткина — об участии в Крымской войне 1853 — 1856 гг. 80

Из списков нижних чинов, раненых при защите Севастополя... 82

Рапорт вятского земского суда вятскому губернатору Н. Н. Семенову о семействе погибшего при обороне Севастополя матроса И. Коновалова. 82

Сведения об участниках защиты Севастополя в 1854—1855 гг., проживающих в Малорожкинской вол. Малмыжского уезда. 83

Записка генерал-адъютанта П. П. Ланского вятскому губернатору Н. Н. Семенову о порядке передачи икон в дружины ополчения. . . .84

Письмо Главного правления Российско-Американской компании вятскому губернатору М. К. Клингенбергу... 85

Из прошения отставного унтер-офицера 7-го запасного батальона Костромского егерского полка Д. И. Сторожева вятскому губернатору М. К. Клингенбергу о выдаче денежного пособия — об участии Д. И. Сторожева в Крымской войне. 86

Ведомость о числе бронзовых медалей в память войны 1853 — 1856 гг... 87

О. ЛЮБОВИКОВ. О фамилии. 88

Информация газеты «Вятские губернские ведомости» о числе участников Крымской войны, проживающих в Вятской губернии. 89

VI. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 90

Донесение вятского губернатора Н. А. Тройницкого управляющему МВД А. Б. Лобанову-Ростовскому о сборе пожертвований обществом попечения о раненых и больных воинах и об отправке на Балканы сестер милосердия. 90

Рапорт и. д. вятского губернатора Н. А. Тройницкого управляющему МВД А. Б. Лобанову-Ростовскому об отъезде из Вятки в Сербию трех добровольцев. 91

Из донесения и. д. вятского губернатора Н. А. Тройницкого управляющему МВД А. Б. Лобанову-Ростовскому о желании мастеровых ижевского завода отправиться на Балканы добровольцами. 92

Речь к воинам перед напутственным молебствием, сказанная Его Преосвященством, Преосвященнейшим Аполлосом Епископом Вятским и Слободским 24-го мая в Кафедральном соборе. 92

Из послужных списков нижних чинов — об участии в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг. 94

Из сообщения председателя местного управления общества попечения о раненых и больных воинах Н. А. Тройницкого в губернское земское собрание о предложении императрицы определить судьбу сестер милосердия вятского выдвижного лазарета и продолжить подготовку новых сестер. 96

Донесение волипельгинского волостного правления Малмыжскому уездному исправнику Н. Д. Чистякову о проживающем в волости участнике русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. 96

Из послужных списков нижних чинов — о прохождении службы и знаках отличия. 97

Прошение отставного рядового И. А. Шатунова вятскому губернатору Н. А. Тройницкому о назначении пенсии. 98

Пожалованы орденами. 99

Рекрутская песня. 100

Рапорт вятского губернатора Н. А. Тройницкого министру внутренних дел А. Е. Тимашеву об отправке военнопленных турок. 100

VII. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905 102

Н. МИНЧАКОВ. Комендор с «Варяга». 102

Письма солдата из действующей армии. 103

Наши солдатки. 104

Из писем солдат-вятичей на родину. 105

П. ДЕМЕНТЬЕВ. Вятский лазарет Красного Креста. 106

А. РЕВА. Сестра милосердия. 108

В. ПЛЕНКОВ. Вятские цусимцы. 110

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. Матрос Бабушкин в исторической роли. . . 114

Письмо вдовы лейтенанта Свербеева вятскому губернатору С. Д. Горчакову с просьбой сообщить сведения о семье уроженца Вятской губернии И. Д. Устинова, погибшего на броненосце «Суворов». 118

Из сообщения Главного управления Российского общества Красного Креста Вятскому губернатору С. Д. Горчакову о награждении мещанина г. Яранска А. А. Бавыкина медалью «За усердие». 119

VIII. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914—1918 120

Из сообщения вятского полицмейстера А. В. Румянцева в комитет по собиранию материалов к изданию летописи Вятской губернии в эпоху великой войны 1914 — 1915 гг. о событиях, происходивших в г. Вятке после получения манифеста об объявлении Германией войны. . . . 120

Письмо командующего Северо-Западным фронтом М. В. Алексеева вятскому губернатору А. Г. Черняевскому с благодарностью за подарки воинам. 122

Вести о войне. 123

В. И. ЯКИМОВ. 124

Из действующей армии. 124

Герои-вятчане. В. И. ПЕРУАНСКИЙ. 126

С передовых позиций. 129

Из воспоминаний ветерана Первой мировой войны В. Ф. СОИНА о службе на Западном фронте. 130

Герои-вятчане. Г. И. КОРОТКОВ. 131

Светлой памяти героя. 132

С передовых позиций (Из писем рядового вятича). 133

В. СИТНИКОВ. Побег из плена. 135

На французском фронте (из записок русского офицера). 139

Из воспоминаний ветерана юстиции К. А. Палкина о новогодней встрече русских и австрийских офицеров во время Первой мировой войны. . 141

«Кавалерист-девица» из ЧЕКа. 142

Статья в «Прикамской жизни» 7 февраля 1915 года. Приказ о награждении Антона Пальшина Георгиевским Крестом. 144

Список участников Первой мировой войны жителей д. Коротки Васильевской волости Нолинского уезда. 146

В. СЕМИБРАТОВ. Награждены «Георгием». 147

IX. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ 1918—1922 152

Телеграмма вятского губернского чрезвычайного военно-революционного штаба Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Вятской губернии о необходимости борьбы с контрреволюцией. 152

Из воспоминаний бывшего военного комиссара Теребиловского волисполкома Н. Г. Сорокина-Махалова о белогвардейском восстании Степанова на территории Уржумского уезда. 153

Приказ командира Вятского района А. А. Медведева о бесчинствах отрядов Красной Армии в Нагорской, Якшинской, Сулаевской, Рохинской волостях Вятского уезда Вятской губернии. 155

Приказ начальника гарнизона и обороны Вятско-Слободского района В. К. Блюхера об укреплении тыла. 156

Приказ командующего 3-й армией Восточного фронта С. А. Меженинова о награждении В. К. Блюхера орденом Красного Знамени. 157

А. ФИЛЕВ. Было в Нолинске. 159

Письмо ветерана 51-й Перекопской дивизии Шумова в редакцию газеты «Вятская правда» с воспоминаниями о боевых действиях дивизии в Вятской губернии. 162

А. МИЛЬЧАКОВ. Красноармейцы. 164

X. БОИ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939—1940 167

П. МИХАЛИЦЫН. В боях за Родину. 167

Е. РЕШЕТНИКОВА. На поле боя. 168

Л. РАХМАНОВ. 1939 — 1941. 171

XI. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1939—1945. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. 1941—1945. 176

Заявление жителя г. Котельнича А. П. Смирнова в райком ВЛКСМ с просьбой зачислить добровольцем в ряды народного ополчения для защиты Отечества. 176

Н. ИСПОЛАТОВ. В крепость пришла война. 177

В. ПЛАТОНОВ. Бессмертный гарнизон. 183

Д. ОНОХИН. От Вятки до Эльбы. 186

В. ГУСЕВ. Такой народ не будет побежден. 191

Из воспоминаний генерал-майора С. И. Чемоданова о боевом вылете советской авиации на Берлин. 192

Из отчета о работе Кировской областной комсомольской организации в период Великой Отечественной войны — письмо командира подразделения ст. лейтенанта Запина в обком ВЛКСМ об участии кировских комсомолок в обороне Москвы. 195

А. ГРЕБНЕВ. Круговорот. 197

А. УСТЮГОВ. Две недели в пятой роте. 197

Письмо солдата С. Ф. Зубарева секретарю Верхошижемского райкома ВКП(б) П. М. Семенову о первых победах на фронте и быте советских солдат. 202

Письмо с фронта кировчанам от бойцов и командиров 311-й стрелковой дивизии, сформированной в г. Кирове. 203
А. МИЛЬЧАКОВ. Наша ненависть. 206
Б. ПОРФИРЬЕВ. Костер на льду. 206
В. ПОПКОВ, Н. ИЛЬИН. Спасая командира. 213
Записка трех разведчиц из гестаповской тюрьмы города Пскова. . . . 216
П. КОЗЛОВ. На краешке земли. 218
Письмо командира крейсера «Киров» капитана 1-го ранга Солоухина и заместителя командира крейсера по политчасти Воспитанного секретарю Кировского обкома ВКП(б) В. В. Лукьянову с обращением к трудящимся Кировской области. 226
Обращение Котельничского райкома ВКП(б) к трудящимся района в связи с письмом Героя Советского Союза полковника П. Т. Михалицына. 227
Боевая характеристика на заместителя командира партизанской бригады им. Молотова по разведке Л. П. Кассихину. 230
Б. САДЫРИН. «Мамочка, ты поймешь меня». 231
М. АРДАШЕВ. Подземный гарнизон. 236
Н. ЯКУПОВ. Весну принесли на знаменах. 243
П. ШИРОНИН. Мы стояли насмерть! 246
Н. ВАСЕНЕВ. У села Тарановки. 247
Н. ВАСЕНЕВ. Снайпер. 249
А. ШОРОХОВ. Партизанскими тропами. 257
А. СКОРНЯКОВ. Особое задание. 260
Л. ЛУБНИН. Баллада о первом плацдарме. 278
В. САЯНОВ. На Пулковских высотах. 281
Письмо командира танка В. А. СИВКОВА и радиста П. К. КРЕСТЬЯНИНОВА. 282
К. ВЕРШИНИН. Хозяева неба. 284
О. ЯМЩИКОВА. Дружба. 291
Э. ВИНОГРАДСКАЯ. Лопатинские березки. 299
В. УХОВ. В небе над Сандомиром. 304
Д. ОНОХИН. Мы на Одере. 306
Л. РЕШЕТНИКОВ. В апреле сорок пятого. 308
Б. ПОЛЕВОЙ. Клещи. 309
И. КОНЕВ. Сорок пятый. 311
О. ЛЮБОВИКОВ. Надежно. 315
В. СУББОТИН. Серое здание. 315
В. СУББОТИН. Бранденбургские ворота. 318
В. СМИРНОВ. Со знаменем. Без звезды. 319
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ. Оправдаем Красное Знамя. 321

В. ЧИРКОВ. Под Прагой. 322
В. БАШКОВ, А. ЖДАНОВ. Рядом с Федором Полетаевым. 322
М. АРДАШЕВ. Франтирер Козлов. 330
Е. ЖУЙКОВ. Шли мальчишки не за славой. 344
Н. ЖУРАВЛЕВА. Хроника второго фронта. 351
М. ЧЕБЫШЕВА. Фронтовые письма. 362
И. КУЗЯКИН. Кузякины. 374
Б. ПОРФИРЬЕВ. Чемпион воли. 377
С. МЕЗЕНЦЕВ. Фронтовыми дорогами. 378
А. РЕВА. Трех войн ветеран. 388
«Мы за ценой не постоим». 389
Последнее письмо 389
Автобиография конструктора пистолета-пулемета Шпагина (ППШ) Г. С. ШПАГИНА. 390
В. СМИРНОВ. Просека подвига. 391
Ю. БУРЫЛИН. Звезды не гаснут. 395
А. ЛЫСКОВ. Оружейник века. 402
В. СМИРНОВ. Когда страна прикажет стать героем... 405
В. СИЗОВ. Витязи земли Вятской. 409
С. КОКУРИНА. ХРОНИКА СОБЫТИЙ. 414
С. КОКУРИНА. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ. 423
СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИМ! 469

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, 1284
Государственный архив Кировской области (ГАКО)

ф. 170 — Вятская губернская ученая архивная комиссия
ф. 582 — Канцелярия вятского губернатора
ф. 583 — Вятское губернское правление
ф. 616 — Вятская губернская земская управа
ф. 638 — Вятское местное управление Российского общества Красного Креста
ф. 716 — Малмыжское уездное полицейское управление
ф. 741 — Полицейский пристав 1-го стана Малмыжского уезда
ф. 871 — Малмыжское уездное по воинской повинности присутствие
ф. Р-2599 — Коллекция документов личного происхождения

Центр документации новейшей истории Кировской области (ЦДНИ КО)

ф. 1 — Вятский губернский комитет ВКП(б)
ф.45 — Истпарт (отдел по собиранию, научной обработке, изданию материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции при Вятском губкоме ВКП(б)
ф. 563 — Вятскополянский райком КПСС
ф. 1290 — Кировский областной комитет КПСС
ф. 1682 — Кировский областной комитет ВЛКСМ
ф. 1688 — Котельничский райком КПСС
ф. 2198 — Верхошижемский райком КПСС
ф. 4112 — Фонд Центра документации новейшей истории Кировской области

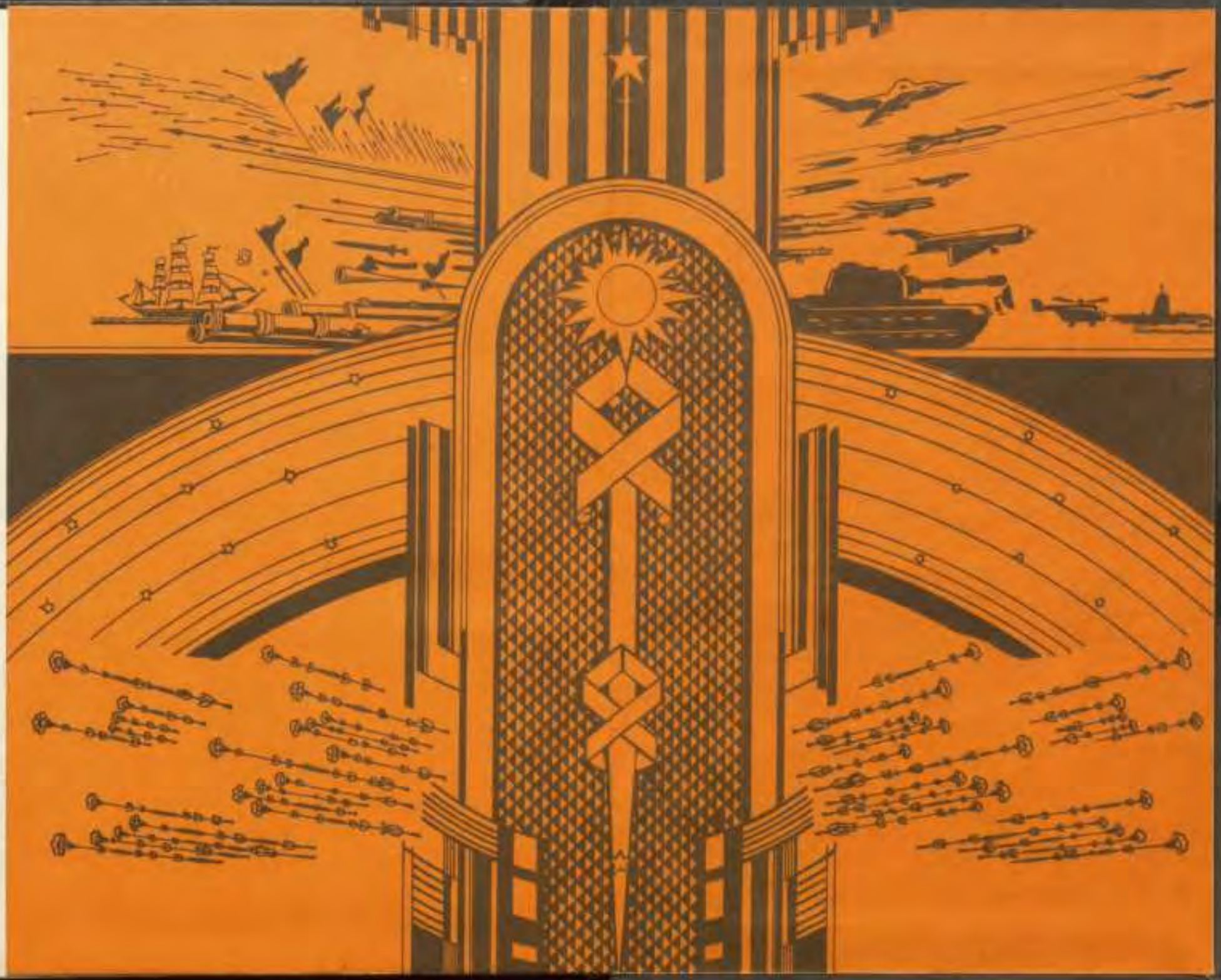
Источники подготовлены к публикации в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990 г.). Все документы снабжены заголовками, имеются также сведения о их разновидности, авторе, адресате и дате составления. Источники, составленные до 1 февраля 1918 г., датированы по старому стилю, после — по новому стилю. Тексты документов переданы по действующим правилам орфографии с сохранением стилистических особенностей оригинала. Части текстов и даты, установленные архивистами, заключены в квадратные скобки или оговорены в подстрочных примечаниях. Опущенные части текста документов обозначены отточиями. В конце каждого источника дана ссылка на его местонахождение в архиве.

* * *

Копии с фото из фондов Кировского объединенного историко-архитектурного и литературного музея (выполнены **А. Смертиным**), из фондов ГАКО, из личных фондов **Ю. А. Шишкина, Д. Ф. Онохина**, из Кировского художественного музея им. братьев Васнецовых (репродукции выполнены **А. Краевым**).

Ответственный за выпуск В. Ситников
Технический редактор Н. Перевозникова
Корректоры Т. Крючкова, Г. Шутова

9000 р.

Сдано в набор 1.03.95. Подписано к печати 10.04.95.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс». Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 26,88. Тираж 20 000 экз. Заказ 430.

Государственное издательско-полиграфическое предприятие «Вятка».
610044, г. Киров, ул. Московская, 122.